

ŽMOGUS KALBOS ERDVĖJE

4

Mokslinių straipsnių rinkinys

Kaunas 2005

ŽMOGUS KALBOS ERDVĖJE Nr. 4

MOKSLINIŲ STRAIPSNIŲ TĘSTINIS LEIDINIS

Leidžia Vilniaus universiteto
Kauno humanitarinio fakulteto
Užsienio kalbų katedra

THE PROCEEDING EDITION OF SCIENTIFIC ARTICLES

Published by Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanites
Department of Foreign Language

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Издает кафедра иностранных языков
Каунасского гуманитарного факультета
Вильнюсского университета

Redakcijos adresas:

Žurnalas „Žmogus kalbos erdvėje“

VU KHF

Muitinės g. 8

Kaunas LT-44280

Tel.: 8-37-42 24 77

El. paštas: valentina.naumova@vukhf.lt

Redagavo:

Ala Diomidova (rusų kalba)

Žana Lečickaja (rusų kalba)

Dovilė Vengalienė (anglų kalba)

Tatjana Bardolim (vokiečių kalba)

ISBN 9986-19-798-8

Recenzentai:

Prof. Heinz Miklas (Vienos universitetas, Austrija)
Prof. Eugene Mažeika (Pietų Dakotos universitetas, JAV)
Prof. Jurij Kleiner (Sankt-Peterburgo universitetas, Rusija)
Prof. Irina Külmoja (Tartu universitetas, Estija)
Prof. Kazimež Liucinski (Šventojo kryžiaus akademija Kelce, Lenkija)
Prof. Olegas Poliakovas (Vilniaus universitetas, Lietuva)
Prof. Eleonora Lassan (Vilniaus universitetas, Lietuva)

Konferencijos rėmėjas

Lietuvos valstybinis mokslo ir studijų fondas

PRATARMĖ

Prieš jus naujas jau periodinio mokslinių straipsnių rinkinio numeris „Žmogus kalbos erdvėje“, kurio puslapiai skirti aktualių lingvistikos, literatūrologijos, didaktikos problemų aptarimui. Viena iš rinkinio užduočių – pristatyti šiuolaikinės filologijos tyrimų problematiką, supažindinti skaitytoją su naujausiomis jų tendencijomis Lietuvoje, Latvijoje, Rusijoje, Baltarusijoje, Lenkijoje.

Rinkinyje pateikta tarptautinės mokslinės konferencijos „Žmogus kalbos erdvėje“, organizuotos Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto Užsienio kalbų katedros 2005 metų gegužės 7-8 dienomis, rinktinė medžiaga.

PREFACE

This is a new edition of a periodical collection of scientific articles “Man in the space of language” which contains considerations of topical problems in linguistics, literature and didactics. One of the objectives of the collection is to present the problems in the research of modern philology, to familiarize the reader with the latest trends in the research in Lithuania, Latvia, Russia, Belorussia and Poland.

The collection contains the compilation of articles for the scientific conference “Man in the space of language”.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед Вами новый номер ставшего периодическим сборника научных статей «Человек в пространстве языка», страницы которого предназначены для обсуждения актуальных проблем лингвистики, литературоведения, дидактики. Одна из задач сборника – представить панораму современной филологии и тем самым помочь читателю ознакомиться с новейшими исследованиями филологов Литвы, Латвии, России, Беларуси, Польши.

Традиционно в сборнике представлены избранные материалы международной научной конференции «Человек в пространстве языка», организованной кафедрой иностранных языков Каунасского гуманитарного факультета Вильнюсского университета 7-8 мая 2005 года.

TURINYS
CONTENTS
СОДЕРЖАНИЕ

SISTEMINIAI LINGVISTINIAI TYRINĖJIMAI: TEORIJA IR PRAKTIKA
SYSTEMATIC AND LINGUISTIC RESEARCHES: THEORY AND PRACTISE
СИСТЕМНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Наталья Авина (<i>Вильнюсский педагогический университет, Литва</i>). К вопросу о лексической интерференции (на материале языка русских в Литве)	8
Algirdas Aušra (<i>VŠĮ Baltijos visuomeninis informacinių technologijų ir švietimo centras, Lietuva</i>). Mokslinė elektroninė biblioteka kaip efektyvios komunikacijos priemonė.....	16
Елена Бесценная (<i>Академия полиции Латвии</i>). Новое в русской юридической терминологии	23
Jurgita Cvilkaitė (<i>Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva</i>). Leksinės ertmės: anglų kalbos „A Pet“ ir jo lietuviškų atitikmenų analizė	34
Renata Endzelytė (<i>Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva</i>). Pakruojo rajono vietų vardai	47
Kazimieras Garšva (<i>Lietuvių kalbos institutas, Lietuva</i>). Pervalko-Azierkų lietuvių šnektos	54
Genovaitė Kačiuškienė (<i>Šiaulių universitetas, Lietuva</i>). Sodybų statinių pavadinimai šiaurės panevėžiškių tarmėje: anketinis tyrimas	60
Lidija Kaukėnienė (<i>Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva</i>). Dabartinės lietuvių bendrinės kalbos ilgujų balsių trukmė	65
Жанна Лечицкая (<i>Каунасский гуманитарный факультет Вильнюсского университета, Литва</i>). Ономазиологическая структура лексического значения слова	72
Елена Маринова (<i>Нижегородский государственный университет, Россия</i>). Особенности пополнения русской лексики на рубеже XX-XXI веков: заимствование словообразовательных гнезд	78
Silvija Papaurėlytė-Klovienė (<i>Šiaulių universitetas, Lietuva</i>). Konceptualusis liūdesio modelis lietuvių ir rusų kalbų pasaulėvaizdžiuose	85
Laima Poshkoriute (<i>Shiauliu University, Lithuania</i>). Abstract Meanings of the English Phrasal Verbs with the Postverb “up” and their Equivalents in Lithuanian	94
Danguole Satkauskaitė (<i>Universität Vilnius, Litauen</i>). Das Sachlagwort und neologismus ANTITERRORKRIEG. Seine Bedeutung, Schreibweise und gebrauch	104
Jūratė Svičiulienė (<i>Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas</i>). Filosofinė žodžio prasmė	113
Альбина Шабанина (<i>Кемеровский государственный университет, Россия</i>). Проблемы структурирования гнезд однокоренных слов, содержащих грамматические омонимы	118
Надежда Шевелева (<i>Шяуляйский университет, Литва</i>). Условия формирования языковой личности	126
Ингуна Тейлане (<i>Даугавпилсский университет, Латвия</i>). Варианты глагола в текстах ницгальского говора	132
Dovile Vengaliene (<i>Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania</i>) The Functions of Irony in Headlines	139

LITERATŪRINIO DISKURSO ANALIZĖ
ANALYSIS OF LITERARY TEXTS
АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСА

Gabija Bankauskienė-Sereikienė (<i>Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas</i>). Erdvės ir laiko Balio Sruogos poezijoje	144
Ольга Глебова (<i>Академия Яна Длугосзкого, Польша</i>). Альтернативная перспективация как стратегия репрезентации в идеологическом романе «Ручей Керит» Дж. Мура	153
Loreta Kamichaityte (<i>Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania</i>) The Christian Body as a Space in George Herbert's Collection of Poems the Temple.....	161
Vilma Linkevichiute (<i>Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania</i>). Norman Fairclough's Critical Discourse Analysis in Newspaper Articles.....	168
Олеся Любезная (<i>ГТМТ, Беларусь</i>). Особенности нарратива в романе Томаса Пинчона «V»	177
Бакытжан Майтанов (<i>Казахстанский национальный университет Аль-Фараби</i>). Концепция личности в литературе модернизма и постмодернизма.....	183
Alfonsas Motuzas (<i>Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva</i>). Vilniaus Trijų kryžių kalno kultas: kaimynų ar vietos tradicija?	188
Elina Naujokaitienė (<i>Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva</i>). Herodiada-Salomėja Stephane Mallarmė kūriboje	194
Галина Нефагина (<i>Белорусский государственный университет</i>). Игра образами «окно», «стена», «зеркало» и концепция пространства времени в творчестве В. Казакова	201
Анна Палий (<i>Омский государственный педагогический университет, Россия</i>). «Аббатство Нортэнгр» Дж. Остин: роман воспитания или пародия на готический роман?	208
Олег Перов (<i>Вильнюсский университет, Литва</i>) Мотив ЧЕРТЫ и принцип раздвоения сознания в рассказе Л. Толстого «Записки сумасшедшего»	215
Alina Romanovska (<i>Universitāt Daugavpils, Lettland</i>). Realisation der Konzeption des Menschen von F. Nietzsche in der Prosa von A. Austrinch	223
Оксана Скачкова (<i>Самарский государственный педагогический университет, Россия</i>). Мотив двойничества в романах А. Ф. Вельтмана 1830-х годов	233
Татьяна Сурганова (<i>Московский государственный университет им. М. Ломоносова, Россия</i>). К проблеме топологии евангельской аллюзии в художественном тексте.....	240
Skirmantė Šarkauskienė (<i>Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas</i>). Draminiai elementai Motiejaus Kazimiero Sarbievijaus panegirikose	250
Алуа Темирболат (<i>Казахстанский национальный университет Аль-Фараби</i>). Проблема человека в современной прозе Казахстана	256
Loreta Ulvydiene (<i>Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania</i>). Water Imagery in J. Updike's Rabbit Novels	262

DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS GENERAL PROBLEMS OF DIDACTICS ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИДАКТИКИ

Anna Artamonova (<i>University of Latvia</i>). The Development of Students' Emotional Competence in their Foreign Language Study at Tertiary Level.....	269
Татьяна Бардолим (<i>Каунасский гуманитарный факультет Вильнюсского университета, Литва</i>). Значение грамматики при чтении и понимании деловой лексики для студентов, изучающих экономику, маркетинг и современные системы управления.....	279
Algis Braun (<i>Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania</i>). The Effects of Bilingualism on Child Language Acquisition	286

Юрий Храмов (<i>Рижская классическая гимназия, Латвия</i>). Филологическое исследование как вид учебно-познавательной деятельности в рижской классической гимназии: проблемы и пути их решения	295
Виктория Кузина (<i>Рижская академия педагогики и управления образованием, Латвия</i>). О новом в преподавании языков в Латвии.....	300
Jelena Kipure (<i>Universität Daugavpils, Lettland</i>). Pszchologisch-pädagogische Grundlagen der Intergrativen Textarbeit im Universitären Fremdsprachenunterricht	306
Эгидиус Мажинтас (<i>Вильнюсский педагогический университет, Литва</i>). Реализация социально-технологической культуры в педагогической работе учителя...	315
Egijus Mazhintas (<i>Vilnius Pedagogical University, Lithuania</i>). Social Pedagogical Semantic Spectra of Latin Texts of Lithuanian School Theater.....	320
Юрий Машонин (<i>Академия полиции Латвии</i>). Интерактивный метод преподавания криминалистики	324
Ingera Tomme (<i>Police university of Latvia</i>). Sac Learner Profile as a Means for Developing Students Study Skills in Constructivist Learning Environment	336
Янина Зинченко (<i>Белорусский государственный университет</i>). Обучение политической коммуникации на иностранном языке: основные подходы в рамках преподавания иностранного языка для специальных целей в классическом вузе	343

SISTEMINIAI LINGVISTINIAI TYRINĖJIMAI: TEORIJA IR PRAKTIKA
SYSTEMATIC AND LINGUISTIC RESEARCHES: THEORY AND PRACTISE
СИСТЕМНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Наталья Авина

Вильнюсский педагогический университет, Литва

Эл. почта: natalja@takas.lt

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА РУССКИХ В ЛИТВЕ)

В качестве проявления лексической интерференции рассматриваются лексические заимствования в языке русских Литвы, обусловленные влиянием литовского языка. Материалом исследования, охватывающего период 1991 – 2005 гг., является язык средств массовой информации, живая разговорная речь. В статье определяются принципы классификации инноваций, их тематические группы, цели заимствования. Данный материал подтверждает типичность процессов лексической интерференции в ситуации языкового контактирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексическая интерференция, заимствование, инновация, эквивалентная лексика, безэквивалентная лексика.

Несмотря на то, что явление языковой интерференции давно привлекает внимание исследователей, до сих пор в определении интерференции, как и ряда других понятий теории языковых контактов, отсутствует однозначность. Явление интерференции сложное и многоаспектное. Оно может быть охарактеризовано с разных позиций; в связи с этим выделяются разнообразные виды интерференции. В частности, в соответствии с проявлением на различных языковых уровнях различается интерференция фонетическая, лексическая, грамматическая. Проницаемость разных подсистем языка различна, но, как известно, наиболее подверженной изменениям оказывается лексика.

В данной работе рассматриваются заимствования как проявление лексической интерференции. Объектом исследования является язык русских Литвы, подвергающийся влиянию литовского языка. В последние десятилетия в связи с происшедшими в Республике общественно-политическими преобразованиями, а также изменением статусов языков, влияние литовского языка на русский существенно активизировалось. Материалом исследования, охватывающего период 1991 – 2005 гг., является язык средств массовой информации, живая разговорная речь русских в Литве.

Из всех языковых уровней лексика более всего отражает меняющийся мир. Известно, что разные тематические пласты лексики неодинаково поддаются иноязычным воздействиям. Наиболее устойчивые элементы – названия частей тела, явлений природы, термины родства – т.е. слова, которые традиционно относятся к основному словарному фонду. Наименее же устойчивы, как правило, слова, относящиеся к лексическим пластам, наиболее характерным для тех коммуникативных сфер, в которых чаще возникает необходимость билингвизма и лексика языка-донора так или иначе занимает ведущее положение (8). В эпоху исторических и социальных потрясений процессы языкового развития ускоряются. «Для заимствования слов достаточно минимального контакта между языками, – отмечает У. Вайнрайх. – При массовом двуязычии лексическое влияние одного языка на другой может достигать огромных размеров» (3, 24). Многим реалиям не удастся найти эквивалентных выражений, их приходится описывать или истолковывать, а в ряде случаев заимствовать названия из другого языка. Лексические инновации

возникают там, где коммуникативная потребность говорящих не обеспечивается наличными языковыми ресурсами, где ощущается «лексический дефицит», а средства для компенсации этой недостаточности чаще всего поставляет язык инонационального окружения.

Явлениями лексической интерференции обычно считаются все вызванные межъязыковыми связями изменения в составе лексического инвентаря, а также в функциях и употреблении лексико-семантических единиц, в их смысловой структуре. Существует несколько классификаций типов лексической интерференции, в основе которых лежат классификации У. Вайнрайха (2), Э. Хаугена (14). Одна из распространенных в современном языкознании классификаций – следующая.

1. Заимствование («перенесение») лексических единиц. Это наиболее простой и отчетливый вид взаимодействия языков, который заключается в том, что один язык перенимает из другого готовые материальные единицы – слова, морфемы (с теми или иными изменениями, обусловленными спецификой заимствующего языка) – и их семантику (полностью или частично в соответствии с условиями заимствования); происходит фонематическое копирование иноязычного слова. Согласно данной теории трансфера, слово, перенесенное из одного языка в другой, подвергается адаптации на всех языковых уровнях. Результаты языкового воздействия можно представить в виде шкалы – от полной интеграции до полного несовпадения языковых элементов.

2. Калькирование, при котором заимствуется лишь структурная схема модели, наполняющаяся собственными морфемами. Согласно теории структурного моделирования, это: а) заимствования по аналогии с иноязычными образцами; б) скрытые, или переводные заимствования посредством приблизительного копирования иноязычных образцов. К лексической интерференции могут относиться также синтаксические кальки – отождествление лексической валентности лексических единиц разных языков.

3. Семантическое заимствование, при котором в одном из языков определенные слова изменяют свое значение под влиянием контакта с другим языком. При копировании плана выражения допускается перенесение иноязычных значений. Иногда явление семантического заимствования отождествляется с калькированием.

В данной работе, как было отмечено выше, останавливаемся лишь на понятии заимствования.

Вопросы, связанные с типологией иноязычных слов, в современной русистике разработаны недостаточно: наблюдается как неоднозначность подхода к построению классификаций заимствований, нередко основанных на разных принципах и критериях, так и несовершенство самих классификаций.

Традиционная классификация иноязычной лексики строится по принципу ее освоенности – неосвоенности в языке (10):

1) заимствованные слова – полностью освоенные языком заимствования; они образуют следующие лексико-морфологические группы: а) слова, структурно совпадающие с иноязычными образцами; б) слова, морфологически оформленные аффиксами заимствующего языка; в) слова с замещением части иноязычного образца русским элементом;

2) интернационализмы – слова, образованные в основном из греческих и латинских элементов и широко распространенные в различных языках;

3) экзотические слова – это иноязычные наименования вещей и понятий, свойственных природе, жизни и культуре других стран и народов;

4) иноязычные вкрапления – это слова и обороты, представляющие собой своеобразные клише, идиоматические выражения, обычно передаваемые графическими и фонетическими средствами языка.

Наряду с этим, под влиянием иноязычных слов (их словообразовательной или смысловой структуры) могут создаваться кальки.

В качестве примера приведем еще одну попытку классификации – по признаку наличия / отсутствия у неологизма эквивалента в системе заимствующего языка (11). Данный критерий представляется значимым потому, что от этого во многом зависит судьба новых иноязычных слов (отказ от них или полное освоение). В связи с этим при рассмотрении иноязычных неологизмов (это неологизмы, которые являются результатом внешнего заимствования) и их адаптации в современном русском языке выделяется лексика безэквивалентная и эквивалентная. Между тем, в силу экстралингвистических и лингвистических факторов границы между различными типами иноязычной лексики оказываются подвижными.

Итак, типология иноязычных слов остается актуальной. В различных исследованиях понятия, относящиеся к сфере заимствования – варваризм, экзотизм, вкрапление, проникновение и др. – часто не дифференцируются. Это наблюдается, например, в современных исследованиях по языку русской эмиграции. Используются следующие термины: иноязычные слова и выражения (7), заимствования (6), заимствования, вкрапления (12), варваризмы (5) и др. Дифференциация подобных явлений реально оказывается сложной. Ср., например, следующее справедливое рассуждение по этому поводу: «С одной стороны, неоднократная письменная фиксация на протяжении десятилетий в русскоязычной эмигрантской прессе дает основания считать такие слова, как например, *лайсенс*, *бедрум*, именно заимствованными словами, а не иноязычными вкраплениями или иностранными словами. Помимо частотности в эмигрантской прессе следует отметить и процессы словообразования и словоизменения, в которые включаются указанные заимствованные слова, а также то, что их значения понятны даже тем эмигрантам, которые слабо владеют английским языком. С другой стороны, далеко не все эмигранты пользуются подобными словами и словоформами в речи, и более того, часть представителей русскоязычной эмиграции считает их недопустимыми, портящими русский язык» (4, 99).

Понимая всю сложность данной проблемы, мы не ставим задачи дифференциации подобных явлений и обозначаем их общим понятием «инновации», не отказываясь при этом от существующих терминов. Придерживаемся распространенного определения лингвистического термина «инновация», например: «новое, более позднее явление в языке» (1, 393).

С целью анализа рассматриваемых инноваций их общая классификация в нашей работе строится на принципе наличия / отсутствия эквивалентов у иноязычного слова. Выделяя данный принцип классификации в качестве существенного, Л. П. Крысин пишет: «Семантическая самостоятельность, отсутствие дублетных синонимических отношений с исконными словами языка (это характерно для «непереведенных» слов) – важнейший признак заимствованного слова. Он предопределяет функциональную активность слова, регулярность его употребления в речи. Семантически полноценное иноязычное слово необходимо как средство общения, в то время как слово, дублирующее значение другой лексической единицы, легко вытесняется из употребления» (10, 41). Это основание классификации, связанное с коммуникативной целесообразностью заимствованного слова, степенью его распространенности в языке, нам также представляется весьма существенным.

Инновации, не имеющие эквивалентов в русском языке. Безэквивалентная лексика – это слова, которые не имеют точных аналогов в иной культуре и ином языке. Такие слова непереводимы; их значение передается описательно или с помощью пояснений. В русском языке в Литве, естественно, типичны и устойчивы литовские наименования, отражающие ономастикон – географические названия, имена людей, названия учреждений и т.д.: *На конференции присутствовали ...представители вильнюсских школ, носящих славные имена знаменитых людей своего времени: гимназий им. А. Венуолиса, С. Нерис, средних школ им. М. Добужинского, Миндаугаса, С. Дауканто* (ЛК, № 6, 2005). Широко распространены экзотизмы, связанные с реалиями

быта, этнографическими и национально-культурными особенностями, например: *klumpės* «деревянные башмаки»; *Žolinės* «католический праздник, у православных – праздник Успения Богородицы»; *kugelis, žemaičiu, vėdarai, skilandis* «национальные кушанья» и др.: *Отзвуки проходящего на этой неделе 32-го международного фольклорного фестиваля «Звенят, звенят канкляй» заполнили Сярейкишкский парк, дворы и улицы Старого города столицы* (Эк.Н., № 22, 2004) – *kanklės* «литовский музыкальный инструмент»; *Затем в Бернардинском костеле прозвучат сугартинес, после чего во дворе Технической библиотеки состоится короткое выступление гостей из Голландии* (Эк. Н. № 22, 2004) – *sutartinė* «многоголосая хоровая литовская народная песня»; «ТВЗ» добилось, чтобы *Йонинес* сделали выходным днем, – спасибо ему (Эк. Н., № 52, 2004) – «праздник Ивана Купалы». Такие заимствования из литовского языка не являются новыми для русского языка в Литве.

Безэквивалентная лексика существенно активизируется в последние годы в связи с происходящими социально-политическими изменениями. С реорганизацией общественных институтов, административно-территориального деления, государственных структур и служб появляются новые номенклатурные обозначения:

– общественно-политических реалий: *Сенюнас Шнипишкес задумал навести хотя бы минимальный порядок в этом самом запущенном районе столицы* (ЛР, № 1, 1999) – *seniūnas* «староста»; *Совет ветеранов Второй мировой войны Сянамесче сянюниш Вильнюса* (Эх.Л., № 254, 1998) (*seniūnija* – перевод затруднителен; возможно, «округ, в котором ведет дела староста»); *Пока на призыв либералов к объединению откликнулась только партия таутининков* (ЛК, № 19, 2000) (*Lietuvių tautininkų sąjunga* – «Союз таутининков Литвы»); *Он в «Kelių policija» работает* (дословный перевод – «дорожная полиция», а раньше – «автоинспекция»);

– экономических реалий, например, произошло изменение номенклатуры денежных знаков – *лит, цент*.

Заметим, что наряду с инновациями для обозначения новых реалий в русском языке также используются:

– перевод литовских названий, кстати, не всегда удачный, что вызывает справедливые замечания лингвистов: «Среди узаконенных, но, к сожалению, небезупречных русских новообразований в Литве можно отметить, в частности: *страны Балтии* (балтийские, прибалтийские); *Министерство охраны края* (край – «страна, государство»; так именуется не учреждение краеведов или сторонников охраны окружающей среды, а оборонное ведомство Литвы)» (13, 133);

– лексические ресурсы русского языка, что характерно также на рубеже веков для русского языка метрополии: лексические историзмы в основном используются для заполнения возникающих референциальных лакун в целях нейтральной номинации. В языке русских Литвы ряд историзмов, обозначающих современные реалии жизни Литвы, используется более активно по сравнению с языком метрополии: *seimas* «сейм», *policijos nuovada* «полицейский участок», *areštinė* «арестантская», *miesto valdyba* «городская управа»: *Городская управа столицы собирается выделить на развитие города более 87 млн. литов* (Обз., № 12, 2002) и др.

Сфера функционирования подобных инноваций широка – средства массовой информации, непринужденная устная речь (разговорная, просторечие).

Инновации, имеющие эквиваленты в русском языке. Распространены следующие тематические группы инноваций:

– названия, связанные с общественно-политическими и экономическими изменениями: *Сходи в савивальдибе* (*savivaldybė* «самоуправление»); *Пашалпу тебе дали* (*pašalpa* «пособие денежное») (РР);

особо следует выделить ряд распространенных литовских аббревиатур, обычно используемых вместо соответствующих русских: *Немало забот вызывает система социальной помощи, с трудом сводимый бюджет «СОДРЫ»* (Эх.Л., май, 1999) (*Sodra* –

socialinis draudimas «социальное страхование»); *Советуют специалисты Литовского Сберегательного банка (ЛТБ)* (Обз., № 49, 98) (ЛТВ “*Lietuvos Taupomasis Bankas*”); ПВМ (лит. РVM – *pridėtinės vertės mokestis* «налог на добавочную стоимость» и др. ;

– бытовые названия: *Фотели новые купили* (PP) – лит. *fotelis* (также пол. *fotel*) «кресл» (PP);

– агентивы, часто обозначающие лиц по профессии: *Этот ключ валютой еще не вернула* (*valytoja* «уборщица»); *Были уже у нотариуса, уладили* (*notaras* «нотариус»); *Антстолис все уже подписал* (*antstolis* «судебный пристав») (PP);

– специально-профессиональные слова, например, распространенная среди русских студентов лексика, связанная с процессом обучения: *Последняя паскайта поздно заканчивается* (*paskaita* «лекция»); *В скайтыклу пойдём?* (*skaitykla* «читальный зал»); *Искайту получил?* (*įskaita* «зачет»); *Это твой курсекас?* (*kursiokas* «однокурсник») (PP);

– отвлеченные понятия: *Цирк – это ризика* (*rizika* «риск»); *У тебя этат или пол-этата?* (*etatas* «штат») (PP) и др.

Сфера функционирования таких слов – преимущественно устная разговорная речь, реже – письменная: *Шальчининкская лесная уредия объявляет аукцион о продаже леса на корню* (ЛР, № 1, 1999) – *urėdija* «лесничество».

Мотивы включения инноваций. Включение инноваций в русский язык определяется разными коммуникативными ситуациями. Рассмотрим основные мотивы, принимая во внимание условность и относительность приведенной ниже классификации.

1. Необходимость обозначить новые предметы, понятия. Естественно, что социальные проблемы занимают важное место, и усвоение соответствующей лексики является жизненной необходимостью. Именно литовское слово более точно обозначает национально-специфическое понятие, помогает адресату быстро и однозначно осуществить референцию к этому объекту. Между словом русским и литовским могут быть прагматические различия, а замена таких наименований русскими приводит к значительной утрате коннотации или вызывает ненужную ассоциацию, например: *Senamiestis* «старая часть города» и производное *сянаместский* (а не *старогородский*); *Этот подарок получили через лабдару* (*labdara* «благотворительность», здесь: благотворительные фонды); *Шальчининкская апилинка* (*apylinkė* «округ»); *Я учусь в “Teises universitetas”* («Университет права») (PP).

Обычно также по-литовски называются продукты, которые не распространены в русском быту: *grūdėta varškė* «зернистый творог».

2. Иноязычное слово, по сравнению с собственными языковыми единицами, обладает большими экспрессивными возможностями. Экспрессивно-оценочные наименования, как правило, используются с отрицательной оценкой с целью иронизации, высмеивания, шутки. Стилистически отмеченные слова обращают внимание адресата и придают дискурсу особую выразительность. В этой функции широко распространены агентивы: *Знаю, что венпла она хорошая!* (*vėpla* «ротозей, разиня»); *Ну и керепла ты!* (*kerėpla* «неуклюжее существо»); в переносном употреблении в разговорной речи частотны слова *velnias* «черт», *asilas* «осел». Подобные вкрапления иногда фиксируются в газетах: *Другого америконаса в очередной раз прокатили на выборах* (ЛК, 2003) (*amerikonas* разг. «американец»).

Такие вкрапления особенно частотны в экспрессивной молодежной речи: *Какие планы? Есть плотас* (*plotas* «площадь, здесь – жилая»); *Скиле «Пеледа» вообще бомжатником стал* (*skylė* перен. «дыра»); *Полный бардак, бармениша отморозенная, тупа не прие ко* «ни при чем»); в сленге частотны экспрессивы со значением лица:

Нормальный *бахурас*, без приколов (*bachūras* «парен»); Витек класный *бичас* (*bičas* «приятель»)¹.

3. Привычка употреблять иноязычное слово. Это касается прежде всего профессиональной лексики. Ср. диалог на тему производственной практики в суде, где вся речевая деятельность происходила на литовском языке, и при пересказе оказывается трудным подбор соответствующих русских эквивалентов: А: *Как тебе практика?* Б: *Мне teismo sekretorė не нравится, лучше antstolis* («судебный секретарь», «судебный пристав»). А: *А что делает antstolis?* Б: *Как что делает? Veda* «ведет дела»). В русской речи студентов часто звучит слово *bendrabutis* «общежитие».

4. Потребность передачи литовской речи в ситуации, когда собеседник не нуждается в переводе, например, в виде цитирования: *А он мне говорит: «У вас два trūkumasa» я говорю: «Какой skurtum?»* (*trūkumas* «недостаток», *skirtumas* «разница») (РР).

5. Стремление к речевой экономии в связи с отсутствием однословного русского эквивалента: *Мой камбарекас на выходные уезжает (kambariokas* разг. «сосед по комнате» (обычно в речи студентов, проживающих в общежитии); *Какой у тебя vidurkis?* (*vidurkis* «средний балл»); *Ей struma лечить надо* (*struma* «щитовидная железа, зуб») (РР).

В ряде слов под влиянием литовского языка могут утрачиваться суффиксы: *Даны с нами работали (danas* «датчанин»); *Когда была программа норвегов, они где-то полтора часа пели (norvegas* «норвежец»); *Было слишком много коментаров (komentaras* «комментарий») (РР).

6. Значительное звуковое сходство слов в контактирующих языках, которое может приводить к их смешению: *В основном организацию финансирует Швеция (Švedija* «Швеция»). Процессы интерференции усиливаются в случае звукового сходства наименования данной реалии не в двух, а в ряде контактирующих языков: *Сверху ничего не идет? Мигла какая?* (лит. *migla* «туман», бел. диал. *мігла* «изморось»); *Это надо на алее жарить* (бел. алей, лит. *aliejus*, пол. *olej* «растительное масло»); *На первое сегодня капусту сварим, а завтра бураки* (лит. *kopūstai*, бел. *капуста* «щи»; лит. *burokas*, пол. *burak*, бел. *бурак*) (РР).

7. Зрительный образ слова может определять выбор заимствования, поскольку именно так обычно написано на вывесках, официальных бланках и т.п. Воспроизводится написанное, поэтому русские могут говорить: не *ярмарка*, а *mugė*; не *справка*, а *pažyma*; не *приглашение*, а *kvietimas*; не *заявление*, а *pareiškimas*; не *объявление*, а *skelbimas*, не *свидетельство*, а *liudijimas*; не *счет*, а *sąskaita*.

8. Влияние языковой ситуации, проявляющееся в частотности употребления слова (словосочетания): *надо caskaitu papildumu* (papildyti *sąskaitą* «пополнить счет»); *parašas* «подпись», *paskola* «кредит», *ištatymas* «закон»; *плыли на кялтасе (keltas* «паром»); русское слово «грудинка» нередко заменяется лит. *šoninė* или пол. *boczek*.

Рассмотренные мотивы включения инноваций в речи билингвов могут выступать во взаимодействии, комплексно. Например, и привычно для многих, и высокоупотребительно в бытовой ситуации слово *kumpis* (лит.) или *кумняк* (бел.), а не *окорок*; ср. также письменную фиксацию в газете: *Впрочем, к пиву в “Nakties paukštė” подаются и особые закуски, например, «Охотничья» – шедевр из грудинки, кумписа, огурчиков, лучка и хренка* (ЛК, № 6, 2005). Вряд ли в каждом отдельном случае можно определить конкретный мотив использования литуанизма, в частности, в устной непринужденной речи: *Берешь тачку или вяжумелис и пошел (vežimėlis* «тележка»).

¹ Данные примеры – из магистерской работы Антоновой О. «Некоторые особенности молодежного жаргона в Литве» (работа выполнена на кафедре русского языкознания Вильнюсского педагогического университета, 2000 г.).

Наш материал, касающийся языка русских в Литве, подтверждает типичность процессов лексической интерференции в ситуации языкового контактирования. Как показывают различные исследования русского языка в другом иноязычном окружении, мотивы и цели включения иноязычной лексики в русскую речь в основном схожи. К тому же перечень мотивов может быть продолжен, например: «создавать эффект привязки дискурса к точному (геонациональному) месту» (9, 9); выразить свою ориентацию на ценности данного общества и в то же время оставаться частью русскоязычного сообщества (15). Лексическая интерференция в разговорной речи русских может выполнять функцию показателя модуса «свой»: «информант, следящий, как правило, за тем, чтобы его речь соответствовала российской норме, сознательно может допускать интерференцию в семейном общении, в целях языковой игры и др. – это является подтверждением речевой стратегии солидарности. Внутренние и языковые усилия людей, живущих в новой стране, направлены как раз на то, чтобы чужое сделать своим, и этой» (12, 451). Инновации могут быть и языковой краской при изображении чужой жизни. К тому же такие употребления отражают языковую «лень» говорящего: он использует слово, которое слышит, вместо того, чтобы найти перевод. Главное же – «...во все периоды и во всех странах заимствуются слова, обозначающие важные ...социальные общественные институты, бытовые повседневные реалии» (6, 438). Заимствование обусловлено прежде всего коммуникативной целесообразностью.

Условные обозначения

ЛК – газета «Литовский курьер»
ЛР – газета «Летувос ритас»
Обз. – газета «Обзор»
Эх.Л. – газета «Эхо Литвы»
Эк.Н. – газета «Экспресс неделя»
РР – разговорная речь

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка. Составитель, гл. ред. КУЗНЕЦОВ, С. А. Санкт.-Петербург, 1998.
2. ВАЙНРАЙХ, У. Языковые контакты. Киев, 1979.
3. ВАЙНРАЙХ, У. Одноязычие и многоязычие. В *Зарубежная лингвистика*. III. Москва, 1999.
4. ВАСЯНИНА, Е. наброски к лингвистическому портрету русских американцев. В *Русский язык за рубежом*. № 2, 2001.
5. ГОЛУБЕВА-МОНАТКИНА, Н. Эмигрантская русская речь. В *Русский язык зарубежья*. Москва, 2001.
6. ГЛОВИНСКАЯ, М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции. В *Язык русского зарубежья*. Москва – Вена, 2001.
7. ЗЕМСКАЯ, Е. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты. В *Язык русского зарубежья*. Москва – Вена, 2001.
8. ЖУРАВЛЕВ, В. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. Москва, 1982.
9. КАРАУЛОВ, Ю. О русском языке зарубежья. В *Вопросы языкознания*. № 6, 1992.
10. КРЫСИН, Л. Иноязычные слова в современном русском языке. Москва, 1968.
11. МАРИНОВА, Е. Проблемы отечественной неологии. *Материалы к спецкурсу*. Нижний Новгород, 2003.
12. ОСИПОВА, М. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование. *Славянские языки в неславянском окружении*. Ред. НИКОЛАЕВА, Т. Москва, 2002.
13. СИНОЧКИНА, Б. Проблемы номинации: новое и старое в русском языке Литвы. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика*. Новая серия. III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Тарту, 2000.
14. ХАУГЕН, Э. Процесс заимствования. *Новое в лингвистике*. Вып. 6. Москва, 1972.
15. ANDREWS, D. Sociocultural Perspectives on Language Change in Diaspora: Soviet Immigrants in the United States. Amsterdam – Philadelphia, 1999.

Natalija Avina

Vilnius Pedagogical University, Lithuania

**ABOUT LEXICAL INTERFERENTION CONCERNING THE RUSSIAN LANGUAGE
IN LITHUANIA**

Summary

The article deals with tendencies of the regional distribution of the Russian language in Lithuania with regard to the influence of the Lithuanian language. The language contacts are analysed at lexical level in various spheres of the Russian language use. Borrowings in Russian language of Lithuania are conditioned by communicative purposefulness.

KEY WORDS: lexical interferential, borrowing, innovation, equivalent words, non-equivalent words.

Algirdas Aušra

VšĮ „Baltijos visuomeninis informacinių technologijų ir švietimo centras“, Lietuva

El. paštas: info@elibrary.lt

MOKSLINĖ ELEKTRONINĖ BIBLIOTEKA KAIP EFEKTYVIOS KOMUNIKACIJOS PRIEMONĖ

Šiandieninėje žinojimu pagrįstoje ekonomikoje žinojimas yra pagrindinė ilgalaikio, stabilaus tobulėjimo varomoji jėga ir pagrindinis konkurencinis faktorius. Tokiu atveju itin svarbus tampa žinių cirkuliacijos procesas ir komunikacija.

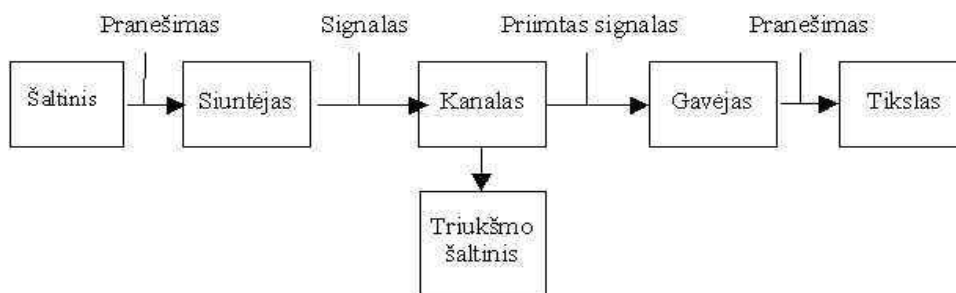
Galima teigti, kad vienas iš svarbiausių žinių gavimo, perdavimo ir bendravimo priemonių yra biblioteka ir joje sukaupti informaciniai resursai. Informacinėje visuomenėje iš esmės kinta bibliotekos vaidmuo ir funkcijos. Visą savo gyvavimo laikotarpį gyvavusi kaip kultūros, švietimo ir laisvalaikio centras biblioteka tampa informacijos ir komunikacijos priemone.

Šio pranešimo tikslas – žvelgiant per komunikacijos teorijų prizmę, pažvelgti į pasikeitusias bibliotekas ir jų atliekamas funkcijas informacinėje visuomenėje. Kadangi tradicinių bibliotekų raidos tąsa yra elektroninės bibliotekos, todėl joms skirsime didesnę dėmesį ir pabandysime įvertinti jas efektyvios komunikacijos kontekste.

RAKTINIAI ŽODŽIAI : informacija, komunikacija, bendravimo priemonė.

Komunikacija informacinėje visuomenėje

Kiekvienas asmuo, kuriantis žinias ar naują žinojimą, privalo suprasti komunikacijos proceso esmę. Pirmiausia, reikia pabrėžti, jog tikra ir efektyvi komunikacija apima abipusį apsikeitimą žiniomis. Kita vertus, daug informacinės visuomenės plėtros praktikų vis dar tiki linijiniu vienusiu komunikacijos modeliu, kurio pagrindiniai principai buvo suformuoti C.Shannon ir W.Weaver dar 1949 metais. Modelio pagrindas pavaizduotas 1 paveikslėlyje.

1 pav. C. Shannono ir W. Weaver komunikacijos schema

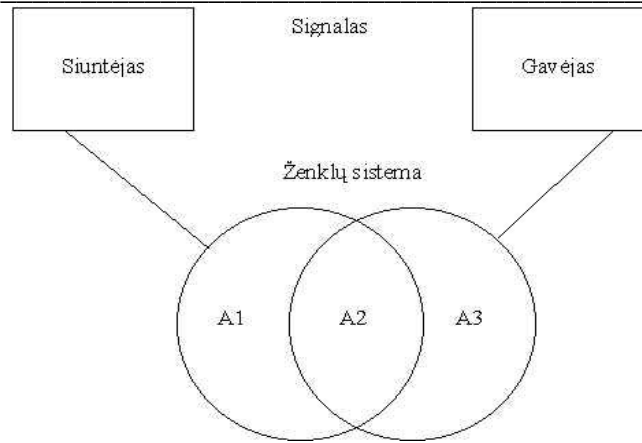
Siuntėjas yra aktyvus, gavėjas – pasyvus, o žinia pilnai suprantama. Informacijos siuntėjas ir gavėjas gali būti vadinami taip: autorius ir skaitytojas, kalbėtojas ir klausytojas, gamintojas ir vartotojas ir pan.

Dar vienas komunikacijos modelis buvo sukurtas dviejų autorių Meyer ir Eppler.

Šis komunikacijos metodas apima tam tikrą ženklų sistemą informacijos perdavimo procese. Mūsų pranešimo atveju ženklų sistema gali būti knygoje ir kituose informaciniuose resursuose ženklais (raidėmis, kalba) užkoduoti pranešimai. Tačiau ir toks komunikavimo būdas neapima grįžtamojo ryšio.

Efektyviausias komunikacijos modelis vis dėlto apima ir atgalinį ryšį tarp informacijos

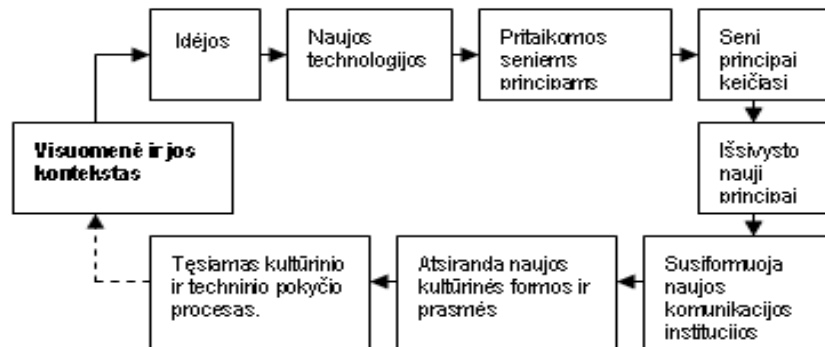

2 pav. Meyer-Eppler komunikacijos schema

siuntėjo ir gavėjo. Todėl C. Shannon ir W. Weaver schema papildoma atgalinio ryšio grandimi, kuri sujungia informacijos gavėją su siuntėju.

Kita vertus, reikia atsižvelgti į tai, jog šiandienos aplinkos pokytį ženkliai įtakojo naujosios informacinės ir komunikacijos technologijos. Tačiau kaip taikliai D. McQuailas dar savo knygoje apie masinę komunikaciją, vizualizavo: technologijos atsiranda iš visuomenės ir ją įtakoja priklausomai nuo jų pritaikymo formos. O pateikiamame jo modelyje galima pastebėti, kad technologijos tiesiogiai visuomenės neįtakoja, o tik per naujai sukuriamas "komunikacijos institucijas" (mass media, web, ...)

3 pav. D. McQuailo komunikacijos ir visuomenės kaitos modelis

Todėl siekiant efektyvios komunikacijos, reikia stebėti visuomenės signalus ir kiek įmanoma labiau mažinti pokyčio trintį. Geografinis pasaulis virsta virtualiu pasauliu be matavimų. Laikas ir erdvė pradeda prarasti prasmę, nes vyksta momentali komunikacija su žmonėmis iš bet kokios žemės vietos. Turime pasiruošti priimti globalius pokyčius tiek komunikacijos, tiek žinių gavimo ir perdavimo procese.

Bibliotekos vieta informacinėje visuomenėje

Informacinėje (kitaip – žinių) visuomenėje žinios yra kritinis sėkmės ir konkurencingumo faktorius. Informacinė visuomenė atveria naujas galimybes klestėjimui ir gyvenimo gerovei, leidžia piliečiams aktyviau dalyvauti visuomenės gyvenime, tačiau didėjantis atotrūkis tarp informaciją turinčiųjų ir neturinčiųjų gresia socialine įtampa ir visuomenės marginalizacija, todėl reikalinga strategija:

- demokratiniam visos paskelbtos informacijos prieinamumui sukurti;
- efektyviai komunikacijai užtikrinti;
- užtikrinti mokymosi visą gyvenimą galimybes;
- užtikrinti kompiuterinio ir informacinio raštingumo įgūdžių įgijimo galimybes;
- apsaugoti kultūrinį tapatumą sparčiai besikeičiančiame pasaulyje.

Bibliotekoms šis laikotarpis tapo radikalaus paskirties permastymo, funkcijų atnaujinimo ir savo nišos informacijos visuomenėje nustatymo laikotarpiu. Žinių visuomenėje iš esmės kinta bibliotekos vaidmuo ir funkcijos. Kintanti akademinė veikla, mokslo integracija, mokslo ir technologijų vystymasis, spartus informacijos ir komunikacijos technologijų vystymasis, didėjanti rinkos įtaka – yra pagrindinės priežastys, lemiančios tradicinių bibliotekų kaitą (4).

Bibliotekos palaiko demokratiją, mažina socialinę įtampą ir distanciją, atsirandančią tarp informaciją turinčių ir neturinčių (*information-rich and information-poor*), jos yra pigi priemonė gyventojams, kurie dėl amžiaus ar kitų priežasčių nedalyvauja formalaus mokymosi ir švietimo procesuose, išmokti naudotis Internetu ir turėti galimybę juo naudotis, bibliotekos padeda išsaugoti kultūrinę ir kalbinę įvairovę bendruomenėse ir regionuose (6).

Informacinėje visuomenėje bibliotekos uždaviniai išlieka tie patys: užtikrinti lygią ir laisvą prieigą prie kultūros, informacijos ir žinių rinkinių. Jos, kaip demokratinės institucijos, užtikrinančios piliečių teisę žinoti ir siekiančios sumažinti socialinį atskirtį bei atotrūkį, vaidmuo tampa itin svarbus. Pasikeitusioje ir tebekintančioje visuomenėje biblioteka yra demokratijos garantas, mokymosi ir švietimo ramstis, vietinis informacijos technologijų ir paslaugų centras ir kultūros įstaiga.

Vartotojai bibliotekose tikisi gauti ne tiek konkretų dokumentą, kiek atsakymus į jiems rūpimus klausimus, t. y. duomenis, faktus, žinias. Visame pasaulyje bibliotekos dabar komplektuoja ir išduoda daugiau informacinės, pažintinės, mokslinės ir mokymosi literatūros negu grožinės.

Elektroninės bibliotekos

Informacijos visuomenėje, kur daugelis procesų paremti technologijomis ir informacijos turiniu bei sąveika, kuriasi ir stiprėja virtualios bibliotekų struktūros.

Šiuolaikinės technologijos leido sukauptą žmonijos informaciją paversti į elektroninę formą ir kurti iš esmės naujų rūšių informacinius resursus. Šiandien akivaizdu, jog efektyviausiai žinių prieinamumo uždavinys išsprendžiamas kuriant naujas elektronines bibliotekas, kurios įgyvendina kokybiškai naują informacijos gamybos, saugojimo, organizavimo ir platinimo lygį.

Atsižvelgiant į pasaulinę praktiką, galime teigti, jog pritaikant naująsias technologijas ir sparčiai kintant tradicinėms bibliotekoms, informacinio aprūpinimo problemai spręsti kuriamos elektroninės bibliotekos ir jų tinklai. Žymiausias pasaulinės elektroninės bibliotekos yra šios:

- Elibrary.com;
- Eifl.net;
- Michigan eLibrary;
- Elibrary.ru, eLibrary.lt;
- EE Times – Worldwide Electronics Resource;
- Elibrary Hub;
- World Bank eLibrary;
- Carnegie Foundation eLibrary;
- NHS Education for Scotland...

Mokslinė elektroninė biblioteka eLIBRARY.LT

Mokslinė elektroninės biblioteka eLibrary.ru (ir eLibrary.lt) – tai projektas, kurio pirminis tikslas buvo būtinų mokslininkams užsienio žurnalų užsakymas. Mūsų nuomone, šios programos įgyvendinimas mūsų šalyje leis žymiai pagerinti Lietuvos specialistų informacinio aprūpinimo lygį.

Projektas sukurtas ir pradėtas įgyvendinti 1996 metais Rusijoje. Projekto įgyvendinimo grupė sukūrė specializuotą bibliotekų serverį su didele atminties apimtimi ir galimybe jos didėjimui, organizuotas priėjimas prie serverio ir užsakytų elektroninių žurnalų bei duomenų bazių indeksacija, Rusijos mokslininkams užtikrintas priėjimas prie bibliotekos resursų.

Tokio sprendimo privalumai akivaizdūs – juk kiekvienas spausdintas žurnalas užsakomas vienu egzemplioriumi ir yra saugomas vienoje bibliotekoje, o elektroniniai žurnalai pasiekiami visiems bibliotekos skaitytojams – programos dalyviams, bei daugeliui mokslinių organizacijų ir universitetų.

Per gana trumpą savo egzistavimo laiką ši biblioteka tapo viena didžiausių mokslinių elektroninių bibliotekų pasaulyje. eLibrary.ru (ir eLibrary.lt) vystymosi potencialas, nuolatinis techninių, technologinių ir organizacinių galimybių augimas, susiklosčiusi bibliotekos fondų formavimo tvarka leidžia traktuoti šį sėkmingą projektą kaip būsimosios mokslo ir švietimo aprūpinimo informaciniais resursais sistemos branduolį.

2002-2004 metais bibliotekos serveryje kartu su užsienio moksliniais žurnalais, kurios leidžia “Elsevier”, “Kluwer” ir “Springer” pasirodė leidyklų “Blackwell”, “Fizikos institutas”, “Emerald”, Didžios Britanijos Karališkoji chemikų bendruomenė, Kompanija “Ebsco”, RMA visuomeninių mokslų mokslinės informacijos institutas, kitų leidyklų žurnalai. Bendras pasiekiamų elektroninių žurnalų skaičius viršija 6100 ir yra iš daugiau nei 650 leidyklų. Bibliotekoje patalpinta daugiau nei 280 tūkst. žurnalų leidimų, o bendras pilnateksčių straipsnių skaičius gerokai viršija 8 milijonus.

Palyginus su Vakaruose žinomu sąrašu “Top 500”, kuris apima 500 įtakingiausių ir daugiausia cituojamų žurnalų, matome, kad daugelis jų įeina į mūsų sąrašą. Į sąrašą nepateko žurnalai, populiarūs Vakaruose, bet aptariantys labai praktiškas problemas ar, pavyzdžiui, praktinės medicinos klausimus. Mūsų užduotis – aprūpinti Lietuvos mokslininkus ir akademinę bendruomenę svarbiausiais leidiniais fundamentinių mokslų srityje – sėkmingai sprendžiama.

Bendra bibliotekos resursų apimtis viršija 1060 gigabaitų. Ir tai ne tik informacijos “sandėlys”. Bet kuris straipsnis iš bet kurios žurnalo vieningos paieškos sistemos dėka gali būti per kelias sekundes ištraukti iš šio informacijos vandenyno, nukopijuotas į vartotojo kompiuterį ar atspausdinta. Be to, jo vaizdas, teksto išdėstymas, iliustracijos yra tiksliai žurnale esančio straipsnio kopija.

Prieinamos ir žymios duomenų bazės – Amerikos mokslinės informacijos instituto, matematikos, medicinos ir biologijos duomenų bazės, Amerikos ir Kanados disertacijų duomenų bazė “ProQuest”, trumpų ataskaitų apie atliktus bei atliekamus mokslinius projektus, kuriuos remia RFTF, duomenų bazė.

Perspektyvos komunikacijos proceso kontekste

Darbinga visuomenės dalis atsinaujina maždaug 2 proc. per metus greičiu. Pagal įvertinimus žinių kiekis pasaulyje padvigubėja kas 10-15 metų (t.y. apie 7% kasmet). Profesinės žinios, įgytos prieš dešimt metų, šiuo metu gali būti beviltiškai pasenusios. Tai reiškia, kad nėra įmanoma išmokyti žmogų vieną kartą gyvenime visko, ko prireiks jo profesijoje, ir tikėtis, kad šito jam užteks likusį gyvenimą. Reikia pereiti prie "mokymosi visą gyvenimą".

Elektroninės bibliotekos sukūrimas, elektroninių periodinių leidinių, platinamų per WWW, leidyba yra interneto ir WWW komunikacijos dalis, padedanti įtvirtinti mokymosi visą gyvenimą principą. Interneto komunikacijos ir jos modelio suvokimas suteikia galimybę tobulinti komunikavimo būdus ir elektroninę biblioteką pritaikyti pagal interneto komunikacijos modelį.

Interneto komunikacija (Computer Mediated Communication, CMC) - tai keitimasis informacija globaliuose tinkluose, naudojančiuose TCP/IP protokolą ir kliento-serverio modelį, duomenų komunikacijai (Deceember, 1996). Kitaip tariant, interneto komunikacija padeda gauti ir perduoti informaciją.

Internetas apibrėžiamas kaip multifacetinis masinės komunikacijos tarpininkas. Todėl bendras komunikacijos modelis: siuntėjas-pranešimas-gavėjas gali būti taikomas ir interneto komunikacijos procesams.

Šiame komunikacijos procese elektroninės bibliotekos atveju dalyvauja profesionalūs komunikatoriai (mokslinių žurnalų leidėjai, publikacijų autoriai), kurių pranešimais gali būti naujienos, duomenų bazė, tekstai ir pan. Mokslinės elektroninės bibliotekos atveju pranešimai yra elektroniniai periodiniai leidiniai, kuriuos P. B. Boyce'as apibrėžė kaip hipertekstualų, pastovų informacijos šaltinį patikimai ir tiksliai informacijai iš leidėjo skaitytojui perduoti.

Elektroninės bibliotekos auditorijos pažinimas yra svarbiausias interneto komunikacijos klausimas. Auditorijos tyrimai rodo, kokia yra auditorija, kam turi būti skirti elektroniniai leidiniai, koks auditorijos priėjimas prie elektroninių leidinių, kokios priėjimo problemos, kokius vartotojų komunikacijos poreikius tenkina elektroniniai periodiniai leidiniai. Elektroninės bibliotekos auditorija yra nepastovi, fragmentiška.

Tačiau šiame komunikacijos procese aiškiai jaučiamas atgalinis ryšys, nes auditorijos gautas pranešimas yra suprantamas bei perduodamas arba kitam gavėjui, arba gražinamas siuntėjui kaip interpretacija, nuomonės išraiška, komentaras ar panašiai. Mokslinės žinios nėra tiesiog suprantamos, jos yra perduodamos vieno komunikatoriaus kitam. Taip susidaro tam tikra grandinė, kurios pagrindu ir susidaro žinojimu paremta visuomenė.

Interneto komunikacija yra asinchroniško tipo. Ji charakterizuojama kaip komunikacija daugelis – vienam, vienas – vienam, vienas – daugeliui. Šis komunikacijos būdas charakterizuojamas gavėjo poreikių tenkinimu, informacijos gavimu. Šiuo atveju elektroninė biblioteka atlieka savo pagrindinę funkciją, sprendama informacinio aprūpinimo problemą, bei užtikrina efektyvią komunikaciją tarp informacijos teikėjų ir gavėjų.

Remiantis daugelio autorių, analizuojančių interneto komunikaciją ir elektroninių bibliotekų vaidmenį informacinėje visuomenėje, galime teigti, jog nacionalinės bibliotekų politikos gairės turėtų būti šios:

- užtikrinti prieigą prie informacijos ir žinių laisvę, palaikant tinkamą pusiausvyrą tarp vartotojų ir gamintojų interesų;
- pagerinti piliečių prieigą prie informacijos išteklių galimybes, ieškant juridinių, techninių, ekonominių ir politinių klausimų, skatinančių prieigą prie informacijos per bibliotekas ar ją ribojančių, sprendimų;
- padėti bibliotekoms tenkinti piliečių poreikius: rekomenduojant ir finansuojant tinkamas infrastruktūras, aljansus ir mokymo tiek bibliotekų darbuotojams, tiek vartotojams programas; padėti piliečiams turėti naudos iš informacinės visuomenės, taip pat suteikiant galimybę per bibliotekas naudotis informacija tiems, kurie neturi savo įrangos ar pakankamai lėšų;
- įveikti sunkumus, su kuriais susiduria vartotojai kai kuriuose regionuose, susidarančius dėl techninės infrastruktūros raidos nevienodumų;
- suprasti informacijos komercializacijos pavojus ir juos įveikti;
- finansuoti naujas ir besiplečiančias bibliotekų paslaugas informacijos visuomenei, kartu užtikrinant prieigą prie tradicinių ir skaitmeninių išteklių.

Atsižvelgiant į šias gaires ir siekiant interneto komunikaciją paversti dar efektyvesne bei pateisinti informacijos gavėjų lūkesčius, Mokslinė elektroninė biblioteka eLIBRARY.LT taip pat tobulina savo veiklą. Vienas iš Mokslinės elektroninės bibliotekos uždavinių artimiausioje

I. SISTEMINIAI LINGVISTINIAI TYRINĖJIMAI: TEORIJA IR PRAKTIKA

ateityje – įtraukti naujus resursus į bibliotekos fondus, įskaitant ir Lietuvos mokslinius žurnalus. Mokslinės elektroninės bibliotekos tikslas:

- *Lietuviškų mokslinių, visuomenės informavimo, žiniasklaidos ir kitų resursų bazės sukūrimas* – taip bus užtikrinta prieiga prie informacijos.
- *Tapti informacijos paieškos sistema tarptautiniuose tinkluose* – tenkinami skaitytojų poreikiai.
- *Propaguoti ir skatinti mokslinių darbų ir mokslinių konferencijų resursų atsiradimą* – naujų žinių kūrimas.
- *Suteikti galimybę Lietuvos moksliniams darbams būti pastebėtiems ir išgirstiems tarptautiniu mastu* – sunkumų dėl nevienodos prieigos prie informacijos įveikimas.
- *Platinti žiniasklaidos resursus, propaguoti visuomenės pažangą* – įveikiami informacijos komercializacijos pavojai.

Išvados

Informacijos ir komunikacijos technologijų progreso įtakoje formuojasi naujo tipo visuomenės sankloda, vadinama informacijos, žinių ar pomoderniaja visuomene. Ir trečiajame tūkstantmetyje bibliotekoms tenka priimti tiek lokalius, tiek globalius iššūkius, tarp kurių vienas svarbiausių - bibliotekos vieta informacinėje visuomenėje. Radikalių visuomenės ir informacijos paslaugų sektoriaus permainų kontekste bibliotekos ieško naujo veiklos modelio, struktūros, įgalinančios patenkinti vartotojų poreikius, išnaudoti technologijas paslaugų kokybei užtikrinti. Ypač svarbu, jog bibliotekos tampa žinių visuomenės demokratiškumo, informacijos ir žinių gavimo bei sklaidimo laisvės ir prieinamumo garantais.

Elektroninių periodinių leidinių pranašumai prieš spausdintą periodiką bei sukurtos elektroninės bibliotekos sudaro sąlygas jiems tapti nepakeičiama efektyvios masinės komunikacijos priemone. Nusakytų plėtros gairių bei iškeltų tikslų įgyvendinimas padės sumažinti prarają tarp informaciją turinčių ir jos neturinčių asmenų. Tokiu būdu skatinamas mokymasis visą gyvenimą bei glaudesnis bendravimas tarp įvairių šalių, regionų mokslininkų, studentų, verslininkų ir kt.

Investicija į bibliotekas ir elektroninių bibliotekų kūrimą yra pelningiausia bei geriausia investicija į ateitį, kurią gali padaryti šiandienos politikai. Juk tik išore ir vidumi pasikeitusios bibliotekos gali tapti tikru tramplinu į naujo žinojimo visuomenę, efektyviai komunikuojančią, branginančią ir vertinančią žinias, kurios suteikia galimybę jas paversti geresne gyvenimo kokybe.

LITERATŪRA

1. ATKOČIŪNIENĖ, Z. Informacijos ištekliai. *Informatika*. Nr. 2(36), 2000.
2. BOYCE, P. B. Scholarly Journals in the Electronic World, *The Serials Librarian*, 36, 1/2, 1999.
3. DECEMBER, J. Units of Analysis for Internet Communication. *Journal of Computer - Mediated Communication*, 1, 4, 1996. <http://www.ascusc.org/jcmc/vol1/issue4/december.html>
4. DUOBINIENĖ, G.; KRETAVIČIENĖ, M.; ŠTREMĖIKIS, A.; TAUTKEVIČIENĖ, G. Akademinės bibliotekos kaita: informacijos greitkelio link. Lietuvos bibliotekininkų kongresas, 2004.
5. FISKE, J. Įvadas į komunikacijos studijas. Vilnius: Baltos lankos, 1998.
6. GLOSIENĖ, A. Biblioteka informacijos politikos kontekste. *Informacijos mokslai*. T. 15, 2000.
7. JANIŪNIENĖ, E. Biblioteka kaip žinių institucija. *Informacijos mokslai*. T. 17, 2001.
8. National and Global Initiatives on Libraries in the Information Society <http://www.cordis.lu/libraries/en/natpol.html>
9. PETUCHOVAITĖ, R. Tradicijos ir naujovių paininga: virtualios bibliotekos modelio link. *Informacijos mokslai*. T. 15, 2000.
10. ŠARLAUSKIENĖ, L. Elektroninių periodinių leidinių leidyba. *Informacijos mokslai*. T. 15, 2000.

Algirdas Aušra

The Baltic Centre of Public Information Technologies, Lithuania

SCIENTIFIC ELECTRONIC LIBRARY AS THE MEAN OF EFFECTIVE COMMUNICATION

Summary

It is the time, when the new type of society is developing. In the third millennium the libraries must meet a challenge in the local and global dimension. The most important challenge is to find its own place in the information society. Libraries are look for the new type of activity and structure, which is used for meeting requirements of readers. The most important thing is that libraries become the guarantor of the democracy in the knowledge society and the freedom of getting information and the new knowledge.

The advantages of electronic libraries let it be the effective mean of mass communication. The implementation of libraries' aims will help to reduce the abyss between information-rich and information-poor. It encourages the close cooperation among different countries, regions, scientists, students, businessmen etc.

The new type of libraries can become the real stepping-stone for the society of new knowledge. This society can communicate effectively, and it appreciates the knowledge, which let it recreate into the better quality of life.

KEY WORDS: the information, the communications, means of dialogue.

Елена Бесценная

Академия полиции Латвии, Рига

Эл. почта: sveshvalodu@polak.edu.lv

НОВОЕ В РУССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В докладе рассмотрены особенности современной русской юридической терминологии. Автор указывает, что интенсивное развитие русской юридической терминологии обусловлено процессами становления новой правовой системы Российской Федерации, правовой интеграции в мире и в Европе, активного развития современной юридической науки, формирования новых её отраслей, новых научных и учебных дисциплин. Особое внимание уделено образованию, заимствованию, эволюции и употреблению терминов. Новации в русской юридической терминологии анализируются в контексте оптимизации обучения юридической терминологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридический термин, современная русская юридическая терминология, терминология законодательства, терминология юридической науки; образование, заимствование, эволюция, употребление юридических терминов

Исследование и научное описание русской юридической терминологии, выявление специфических, традиционных, новационных явлений представляет не только теоретический интерес, но и имеет практическое значение для обучения юридической терминологии.

Современную русскую юридическую терминологию можно охарактеризовать как совокупность аутентичных терминов, применяемых в настоящее время в действующем законодательстве Российской Федерации, в правоприменительной практике, а также в современной российской юридической науке, независимо от источника (русского или иноязычного происхождения) и времени заимствования. Современную русскую юридическую терминологию можно рассматривать также как систему, включающую подсистемы – терминологии различных отраслей права и юридических дисциплин.

Новые явления в русской юридической терминологии во многом обусловлены **экстралингвистическими факторами**, объективными, динамичными процессами, охватывающими все сферы жизни – социально-экономическую, политическую, систему правового регулирования, сферу науки и образования. В их числе следует отметить следующие:

- становление новой правовой системы Российской Федерации, потребовавшее разработки новых правовых институтов, ранее российскому праву не известных;
- процессы правовой интеграции в мире и Европе, возрастание роли норм международного и европейского права в национальных правовых системах;
- активное развитие современной российской и зарубежной юридической науки, формирование новых её отраслей, новых научных и учебных дисциплин.

Данные факторы обуславливают новое, специфическое в современной русской юридической терминологии: её сложность, многообразие, интенсивное развитие – пополнение новыми терминами, в том числе заимствованными из зарубежного, международного, европейского права в результате восприятия обозначаемых ими правовых реалий (напр., *омбудсман*, *импичмент*). Однако было бы несправедливо сводить специфику современной русской юридической терминологии лишь к иноязычным заимствованиям последних десятилетий. Становление новой российской правовой системы, создание новых правовых норм, институтов органически связано с сохранением и возрождением прежних, оправдавших себя и способных эффективно действовать в новых условиях:

➤ сохраняется основное устоявшееся терминологическое ядро, включающее термины как исконно русского, так и иноязычного происхождения: *деяние, вменение, вид на жительство, государство, конституция, идентификация, очная ставка, явка с повинной, понятый, уголовная ответственность*;

➤ возрождаются с восстановлением в российском праве соответствующих институтов ранее вышедшие из употребления термины: *суд присяжных, присяжные заседатели, мировой судья, судебный пристав, диффамация*;

➤ новые термины для обозначения новых правовых реалий создаются средствами русского языка: *Уполномоченный по правам человека, отрешение от должности Президента РФ, причинение смерти по неосторожности, воспрепятствование осуществлению избирательных прав, деятельное раскаяние, убийство по найму; выдача лиц, обвиняемых в совершении преступления*.

Другим важнейшим фактором, определяющим развитие юридической терминологии, является **неоднородность юридической терминологии**. Юридическая терминология включает в себя *терминологию законодательства* – терминологию права как прикладной области знания и *терминологию юридической науки* – правоведения (юриспруденции).

Терминологию законодательства можно определить как совокупность терминов, содержащихся в действующих правовых актах российского законодательства. *Терминология юридической науки* – это термины, представленные в современной российской научной и учебной литературе. Эти две совокупности терминов тесно взаимосвязаны, но в то же время различаются своими характерными особенностями. В научной юридической литературе используется вся совокупность юридических терминов, в то время как существует немало терминов, вошедших в научный обиход, но не применяемых в российском законодательстве (например, *деликт, медиация, пробация, пенализация*).

Терминологии законодательства исследователями уделяется достаточно много внимания в связи с потребностью унификации, совершенствования и единообразного использования терминологии при подготовке законодательных текстов. Она достаточно хорошо изучена, отражена в словарях терминологии российского законодательства. В терминах, закреплённых в законодательстве, зафиксирован определённый синхронный срез состояния права, определённый этап развития теоретических представлений об обозначаемых ими понятиях. Терминологии законодательства присуща известная консервативность, стабильность, проявляющаяся в том, что язык правовых норм старается избегать новых малоизвестных слов, непривычная форма которых затрудняет соотнесённость с обозначаемыми реалиями, отдавая предпочтение словам исконно русского происхождения или полностью освоенным иноязычным словам, почти не осознаваемым как заимствования.

В то же время развитие теоретических представлений о понятиях в юридической науке продолжается. Терминология юридической науки, напротив, представляет собой открытую систему, воспринимающую новейшие иноязычные термины, терминологические неологизмы, индивидуально-авторские образования и производящую их апробацию, освоение и отбор.

Наконец, ещё одним важнейшим фактором, обуславливающим бытование и развитие юридической терминологии, является принадлежность юридического термина как к **знакам специального языка**, так и к **элементам системы языка**.

Исходя из данных теоретических предпосылок, мы ставим задачу выявить закономерности и новационные тенденции в употреблении определений *уголовный, криминальный, преступный* в составе юридических терминов. Выбор в качестве объекта изучения именно данного материала обусловлен его частотностью в юридических текстах.

Обращение в целях выявления и объяснения закономерностей употребления близких по значению слов *уголовный* – *криминальный* – *преступный* в юридическом языке к словарям общелитературной лексики малоэффективно: в них содержится некоторое указание на различие отдельных компонентов смысловой структуры данных слов, обуславливающее их различную лексическую сочетаемость, однако оно носит слишком обобщённый характер (например, *уголовный* – «о т н о с я щ и й с я к преступлениям»; *преступный* «с о д е р ж а щ и й в с е б е преступление, я в л я ю щ и й с я преступлением; с о в е р ш а ю щ и й преступления»); слово *криминальный* определяется как «у г о л о в н ы й , относящийся к преступлениям; п р е с т у п н ы й», что не позволяет определить специфику его употребления (1; 2; 3; 4). Точное определение сущности правовых понятий и обозначающих их терминов является задачей справочно-правовых изданий, однако даже новейшие изданные в России в 1995 – 2005 гг. юридические словари и энциклопедии при стремлении к максимальной полноте представления современной русской юридической терминологии фиксируют устоявшиеся, достаточно апробированные законодательной практикой и закрепившиеся в научном обиходе термины. Новые термины проходят длительный период становления, освоения и апробации в подсистеме терминологии юридической науки, поэтому изучение терминологии аутентичных научных юридических текстов представляет особый интерес для выявления закономерностей и перспектив употребления интересующих нас терминов. По этой же причине весь рассматриваемый материал, на котором основывается наше исследование, отобран как из современных российских юридических словарей и энциклопедий, так и из современной российской научной юридической литературы.

Для решения поставленной задачи обратимся к происхождению, употреблению, эволюции терминов и словосочетаний, включающих определения *уголовный*, *криминальный*, *преступный*.

Существенно отметить, что древнерусское по происхождению слово *уголовный*, тесно связанное с терминами древнерусского права, изначально закрепилось в русском языке именно в составе юридических терминов. Забегая вперёд, отметим, что это его особенность сохранилась до наших дней. Оставляя в стороне многие детали эволюции слова *уголовный*, подробно изложенные в статье Ю. Голика и С. Елисеева «Понятие и происхождение названия «Уголовное право» (5, 14 – 15), отметим лишь наиболее значимые для нас моменты:

➤ устойчивые словосочетания с прилагательным *уголовный* впервые появились в российском законодательстве в указе Екатерины II «учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г.: *уголовный суд*, *уголовные дела*, а также в «Уставе благочиния» 1782 г.: *уголовное преступление*, *уголовный преступник*;

➤ в Наказе комиссии о составлении проекта нового уложения (1767 г.) Екатерины II упоминается *криминальный суд* и *криминальные законы* (что объясняется влиянием французского языка оригинала Наказа), однако составители вышеупомянутых Учреждений и Устава сочли эти термины не вполне удачными и в тексте нормативно-правовых актов отдали предпочтение определению *уголовный* как более близкому древнерусскому юридическому языку, таким его терминам, как *голова* – «убитый», *головник* – «убийца», *головщина* – «убийство», *головничество* – «вознаграждение родственникам убитого», *головная татьба* – «воровство, сопровождавшееся убийством» (6; 7);

➤ на употребление определения *уголовный* оказала влияние и латинская юридическая терминология: латинские термины *crimina capitalia*, *poena capitalis* (от *caput* – голова, человек) были переведены на русский язык буквально – *уголовное преступление*, *уголовное наказание*;

➤ к концу XIX века определение *уголовный* стало входить в названия российских сводов законов о преступлениях и наказаниях (*уголовное уложение*, *уголовный закон*,

уголовный кодекс), а также было осознано российской правовой мыслью как обобщающее применительно к отрасли права и отрасли науки (*уголовное право*).

Таким образом, определение *уголовный* характеризует

- преступление как общественно опасное деяние;
- применение государственных мер наказания к лицам, совершившим такие деяния;
- приёмы и методы борьбы с преступными проявлениями.

Обращение к современным юридическим словарям позволяет установить если не закрытый, то достаточно ограниченный ряд юридических терминов, включающих слово *уголовный*: *уголовное дело*, ~ *суд*, ~ *ответственность*, ~ *наказание*, ~ *закон*, ~ *кодекс*, ~ *право*, *международное* ~ *право*, ~ *законодательство*, ~ *процесс*, ~ *судопроизводство*, ~ *розыск*, ~ *преследование*, ~ *противоправность*, ~ *политика*, ~ *юстиция*.

Данные термины сложились исторически, обозначают доктринальные, важнейшие для уголовно-правовой теории понятия, являются официальными терминами нормативных актов; они общепризнанны, их употребление как в терминологии современного российского законодательства, так и в терминологии юридической науки стабильно, поэтому нарушение структуры данных терминов – замена одного из компонентов словосочетания – ведёт к терминологической ошибке (**криминальное право*, **криминальный закон*, *уголовное лицо и под.).

Некоторые выражения, включающие слово *уголовный*, остаются за пределами вышеприведённого списка, так как

- либо не являются терминами с о в р е м е н н о й русской юридической терминологии, например, *уголовное преступление*, *уголовный преступник*, зафиксированные в законодательных актах XVIII века, в современных юридических словарях не отмечены;

- либо имеют более употребительный синоним, например, *криминалистический учёт* вместо *уголовная регистрация*;

- либо сохраняются как историзмы в названиях правовых актов (*Уголовное уложение* 1903 года), организаций (*Международная комиссия уголовной полиции*, *Международная организация уголовной полиции*, созданная в 1923 году и в настоящее время известная под более употребительным названием *Интерпол* от англ. *International police, Interpol*).

Обращение к текстам современной российской юридической литературы показывает практически полное отсутствие новых терминов, включающих слово *уголовный*, даже на уровне индивидуально-авторского, ocasionального употребления.

Как известно, юридический термин, будучи знаком специального языка и принадлежа определённой правовой системе, одновременно является и элементом системы языка, функционирование которого определяется языковыми закономерностями. Отметим некоторые особенности, связанные с употреблением слова *уголовный* как единицы лексического состава русского языка, имеющей свои деривационные, синтагматические, парадигматические связи:

- Абсолютная пассивность в деривационных процессах: словообразовательное гнездо включает лишь слова *уголовный* (в значении прилагательного и существительного), *уголовник*, *уголовница*, *уголовщина*, образования с первым компонентом *уголовно-* (например, *уголовно-правовое воздействие*, *уголовно-исполнительное право*, ~ *кодекс*, ~ *законодательство*, ~ *система*, *уголовно-процессуальное право*, ~ *кодекс*, ~ *закон*); в юридических текстах нами отмечено также *неуголовно-правовые меры принуждения*, наречие *уголовно* (*деяние уголовно наказуемое*). Новых дериватов не образуется. Словообразовательные возможности корня *голова* (в значении «убитый»), от которого образовано и прилагательное *уголовный*, исчерпаны созданием ряда юридических терминов древнерусского языка (*головная татьба*,

головник, головничество, головщина), вышедших из употребления и принадлежащих истории права и языка.

➤ Пассивность слова *уголовный* и его производных в нетерминологическом употреблении в общелитературном, разговорном языке, публицистике, просторечии. Такие слова, как *уголовник, уголовница, уголовный, уголовная* (в значении существительного: «уголовный преступник», «уголовная преступница»), *уголовица* вытесняются более современными *криминал, криминалитет, криминальный авторитет* и под. Слово *уголовный* в значении «повествующий о совершении таких преступлений, их расследовании и наказании виновных лиц» (3, 459), например, *уголовный роман, уголовная хроника* (сравним также подзаголовок к названию известного рассказа А. П. Чехова: «Шведская спичка. *Уголовный рассказ*») воспринимается как явно архаичное; в указанном значении встречаем *криминальный роман, криминальная хроника, криминальные новости, криминальная комедия, криминальный триллер, криминальная метафора* и мн. др.

➤ Полная пассивность слова *уголовный* в образовании свободных словосочетаний как в терминологическом, так и в нетерминологическом употреблении. (Последнее коррелирует с его закреплённостью в терминологической сфере, ориентированностью значения на характеристику преступления как общественно опасного деяния и наказания за его совершение). Новых словосочетаний со словом *уголовный* в современном русском языке не образуется. Более того, есть основания говорить о тенденции «разрушения» или вытеснения даже стабильных, общепринятых терминов. Так, Ю. Голик и С. Елисеев высказывают следующее опасение: «Поскольку в мире наблюдается тотальное нашествие английского языка да ещё в крайне обедненном американском варианте, то не исключено, что «уголовное право» может постепенно и незаметно превратиться в криминальное. Уже есть криминология, криминальная милиция. Хотя в большинстве случаев слово «криминальный» продолжает сохранять негативный оттенок, но это уже эмоции. Процесс пошёл.» (5,14). Процесс, действительно, пошёл, однако, на наш взгляд, таким терминам, как *уголовное право*, серьёзная опасность вряд ли угрожает; представляется, что следует говорить, скорее, не о замене стабильных, общепринятых уголовно-правовых терминов терминологическими неологизмами, а об активном образовании новых терминов и нетерминологических словосочетаний со словом *криминальный*.

Упомянутый термин *криминальная милиция* зафиксирован некоторыми современными словарями русской юридической терминологии. Это официальный термин современного российского законодательства (см. Закон РФ от 18.04.91. «О милиции», Постановление Правительства РФ от 7.12.2000 г. «О подразделениях криминальной милиции» и др. нормативные правовые акты). *Криминальная милиция* в РФ – это один из двух видов милиции (наряду с милицией общественной безопасности), основными задачами которого являются выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, по делам о которых производство предварительного следствия обязательно, организация и осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда и др. (8, 448). Таким образом, это отнюдь не «преступная милиция», как можно предположить, исходя из словарного толкования слова *криминальный* – «Уголовный, относящийся к преступлениям; преступный». Независимо от того, считаем ли мы данный термин удачным, усматриваем ли негативный оттенок в его значении, он узаконен. Термин *криминальная милиция* закреплён в действующем российском законодательстве, и это является критерием правомерности его употребления.

Отметим, что некоторые современные словари русской юридической терминологии вообще не фиксируют ни одного термина с компонентом *криминальный* [напр., (9; 10)], в других находим лишь термин *криминальная милиция*. В отличие от более академических, фундаментальных изданий учебное пособие «Криминология. Словарь» (11) включает термины *криминальная обстановка, криминальная психология,*

криминальная симптоматология (феноменология), «криминальный диатез», что объясняется позицией авторов словаря, стремившихся создать «оригинальное издание, которое восполняет образовавшуюся в обилии современной криминологической литературы нишу между учебниками, с одной стороны, и научно-популярными изданиями – с другой» (11, 3). По мнению авторов, «большинство включённых в словарь терминов имеет бесспорный, общезначимый характер, хотя ... их содержание раскрывается с учётом достижений криминологической науки как в России, так и за рубежом. Некоторые термины имеют «авторский» характер и показывают современные подходы к решению проблем анализа и предупреждения преступности в конце XX столетия» (11, 4). Существенно и то, что авторы адресовали словарь не только будущим юристам, но также философам, социологам, психологам, журналистам, для которых криминология может оказаться дисциплиной, содействующей формированию их профессионального сознания. Это побудило авторов включить в словарь, например, понятия и термины отраслей научного знания, возникающих на стыке наук, некоторые публицистически окрашенные выражения. Таким образом, совмещение общепринятого и новаторского подходов позволило авторам сделать шаг вперёд в создании словаря, отражающего многообразие и реальное бытование терминов одной из правовых наук – криминологии.

Обширный материал, необходимый для выявления тенденций создания и употребления терминов, предоставляют тексты современной российской научной юридической литературы. Основываясь на этом материале, рассмотрим факторы, влияющие на укрепление позиций слова *криминальный* в современной русской юридической терминологии:

➤ Происхождение слова *криминальный* (от латинского *crimen, criminis* – преступление, *criminalis* – преступный).

Отвергнутое законодателями XVIII века как чуждое древнерусской правовой терминологии (выбор, как помним, был сделан в пользу слова *уголовный*), слово *криминальный* в наши дни успешно прокладывает путь в современную русскую юридическую терминологию во многом именно благодаря принадлежности к так называемой интернациональной лексике (интернационализмам), международной терминологии (ср. соответствующие термины в английском, немецком, французском языках). Что касается английского языка, то помимо его общей мощной экспансии следует отметить непосредственное влияние английского языка при переводе англоязычных источников юридической информации на русский язык. Так, например, в русском переводе монографии Р. Блэкборна (12) встречаем *криминальное поведение, криминальная семья, криминальные родители, криминальная карьера, семейная криминальность, родительская криминальность* и мн. др.

В Латвии определённое влияние оказывает латышский язык, в котором русским *уголовный /криминальный* соответствует одно слово – *krimināls* (*уголовный закон – krimināl likums, уголовное законодательство – kriminālā likumdošana, уголовная /криминальная полиция – kriminālpolicija*), что приводит к ошибочному употреблению терминов (**криминальное право, *криминальная ответственность, *криминальное дело* и под.).

➤ Термины с корневым морфом *-криминал-* (*кримино-*) хорошо известны русской юридической терминологии, достаточно апробированы, характеризуются экспрессивной нейтральностью. О прочной позиции и жизнеспособности корня *-криминал-* (*кримино-*) свидетельствует активность словообразовательных процессов и обширное словообразовательное гнездо производных, образованных различными способами словообразования:

криминалист, криминалистика, криминалистический (~ *экспертиза, ~ тактика, ~ техника, ~ одорология, ~ баллистика* и мн. др.), *криминализировать, криминализация,*

декриминализация, криминалитет, посткриминальный (~ поведение), инкриминировать, инкриминирование;

криминолог, криминология, криминологический (~ прогноз, ~ ситуация, ~ профилактика и мн. др.), криминогенный (~ фактор, ~ обстановка, ~ ситуация, ~ личность, ~ семья), криминогенность, криминогенез, криминопенология, криминофамилистика.

Приведёнными терминами, зафиксированными юридическими словарями, деривационная активность корня –*криминал-* (*кримино-*) не ограничивается. Словообразовательное гнездо пополняется новыми словами; в юридических текстах нами отмечены:

криминал, *криминальное* (в значении существительного), *криминальность*, *предкриминальный*, (~ правонарушение, ~ проступок), *антикриминальный* (~ устойчивость сотрудников ОВД, ~ иммунитет), *контркриминальный* (~ применение оружия), *криминализованный* (~ круги общества), образования с компонентом *криминально-* (*криминально-деформированная картина мира*), краткое прилагательное *криминален* (*в наше время бедность менее криминальна, чем богатство*); *антикриминогенный* (~ глобализация), *криминообразующий* (*криминообразующие признаки поведения*), наречие *криминогенно* (*криминальная среда криминогенно влияет на людей*), *криминотеология*.

- Высокая активность слова *криминальный* в образовании свободных словосочетаний.

Одна из причин этого заключается в том, что слово *криминальный*, подчинённый компонент словосочетания, конкретизирующий реалию, названную главным компонентом словосочетания, не является словообразовательно мотивированным. В отличие от мотивированных прилагательных *уголовный* < *голова* (в знач. «убитый»), *преступный* < *преступить* (какие-либо границы, пределы, закон), *преступление*, совсем иное направление мотивации в паре *криминальный* > *криминал*: мотивирующим является прилагательное *криминальный*, а существительное *криминал* образовано способом нулевой суффиксации с отсечением финали *-н-* основы мотивирующего прилагательного (13, 225). Словообразовательно мотивированные прилагательные имеют общее словообразовательное значение словообразовательного типа: они обозначают признак, о т н о с я щ и й с я к тому, что названо мотивирующим словом (напр., *преступный* – «относящийся к преступлению»). Общее значение отношения конкретизируется контекстуально – в сочетаемости прилагательного с разными определяемыми существительными (напр., «содержащий в себе преступление, являющийся преступлением»: *преступное действие*, ~ *бездействие*, ~ *деяние*, ~ *деятельность*, ~ *посягательство*, ~ *небрежность*, ~ *неосторожность*; «совершивший, совершающий преступление»: *преступная группа*, ~ *организация*, ~ *группировка*, ~ *сообщество* и под.). Прилагательное *криминальный*, не будучи словообразовательно мотивированным, то есть связанным отношением мотивации с конкретной мотивирующей основой, не имеет словообразовательного значения, хотя бы и такого общего, как у относительных прилагательных. Однако его значение может носить ещё более широкий, абстрактный характер (особенно учитывая фактор происхождения корня – *криминал-* и его прочные позиции в современной юридической терминологии), что, собственно, и подтверждается словарными толкованиями: *криминальный* – «уголовный, относящийся к преступлениям; преступный». Это означает, что слово *криминальный* способно выступать в качестве конкретизирующего компонента в более широком круге словосочетаний, чем *уголовный* или *преступный*, при этом «претендуя» и на контексты, в которых должны или могли бы употребляться эти прилагательные. О тенденциях употребления *уголовный* / *криминальный* говорилось выше; что же касается конкуренции *криминальный* / *преступный*, здесь наблюдается сходная ситуация: в общепринятых, устоявшихся терминах – таких, как *преступное действие*, ~ *бездействие*, ~ *деяние*, ~

посягательство, ~ *деятельность*, ~ *группа*, ~ *организация*, зафиксированных в юридических словарях, замену компонента следует квалифицировать как терминологическую ошибку (* *криминальное деяние*, **криминальное бездействие* и т.п.). В ряде образований встречаются оба определения (напр., *криминальный / преступный мир*, ~ /~ *поведение*, ~ /~ *доходы*, ~ /~ *структуры*, ~ /~ *группировки* и др.). Однако в целом сочетаемость возможности слова *криминальный* по сравнению с *преступный* и *уголовный* намного шире.

Слово *криминальный* сочетается с самыми разнообразными определяемыми главными компонентами, называющими предметы, явления, процессы, признаки. Попробуем наметить некоторые из них, сознавая условность такого выделения:

«лицо, группа лиц»: *криминальная личность*, ~ *авторитет*, ~ *элемент*, ~ *лидер*, ~ *противник*, ~ *воспитатель*, ~ *группа*, ~ *родители*, ~ *семья*, ~ *круг*;

«общество, общественная среда, слой; союз»: *криминальная организация*, ~ *сообщество*, ~ *формирование*, ~ *силы*, ~ *структура*, ~ *корпорация*, ~ *среда*, ~ *мир*, «*криминальная власть*»;

«территория, пространство, сфера»: *криминальное пространство*, ~ *страна*, ~ *рынок оружия*;

«реалии, явления»: *криминальные реалии*, ~ *явления*, ~ *проявления*, ~ *отклонения*;

«действие, процесс, состояние»: *криминальное поведение*, ~ *влияние*, ~ *давление*, ~ *насилие*, ~ *угрозы*, ~ *применение оружия*, ~ *оборот оружия*, ~ *процессы*, ~ *кризис*, ~ *беспорядок*, ~ *ситуация*, ~ *обстановка*;

«деятельность»: *криминальная деятельность*, ~ *конкуренция*, ~ *практика*, ~ *терроризм*, ~ *автобизнес*;

«результат»: *криминальные последствия*, ~ *обогащение*, ~ *доходы*, ~ *гибель*;

«способ, инструмент»: *криминальный гипноз*, ~ *суггестия*, ~ *взрыв*;

«жизнь, стандарты, навыки, ценности»: *криминальная жизнь*, ~ *рост*, ~ *карьера*, ~ *воспитание*, ~ *педагогика*, ~ *обучение*, ~ *развитие*, ~ *образование*, ~ *развитие личности*, ~ *профессионализм*, ~ *профессиональные навыки*, ~ *умелость*, ~ *субкультура*, ~ *жаргон*, ~ *традиции*, ~ *стандарт жизни*, ~ *ценности*, ~ *установки*. Данные ряды словосочетаний являются открытыми и постоянно пополняются. Отметим также: *криминальные цели*, *криминальная мотивация*, *криминальные условия*, *криминальное прошлое*, *криминальная активность*, *криминальная направленность*, *криминальные аспекты деятельности*, *умение и навыки криминального свойства*, *поручения криминального толка* и мн. др.

Как видим, свободные нетерминологические словосочетания со словом *криминальный* широко используются авторами научных юридических текстов для обозначения самых различных реалий действительности, имеющих нередко достаточно опосредованное отношение к понятиям «преступление», «преступность». Среди множества зафиксированных в научных юридических текстах словосочетаний выделяется особая группа словосочетаний, представляющих интерес для терминообразования. Мы имеем в виду индивидуально-авторские образования с компонентом *криминальный*, специально созданные, сконструированные авторами для обозначения новых научных понятий, новых направлений, отраслей юридической науки, отражающих результаты междисциплинарных исследований.

Приведём ряд примеров.

Автор пособия «Уголовно-правовой режим средств самообороны. Спецкурс по криминальной армалогии» Д. А. Корецкий разработал комплексное междисциплинарное учение об оружии и его правовом режиме, которое предлагается назвать *криминальной армалогией*: от *arma* (латинск.) – оружие, *logos* (греч.) – учение (14, 21). Автор обосновывает необходимость нового научного направления, находящегося на «стыке» научных отраслей – криминалистики, криминологии, уголовного права, административного права. Д. А. Корецкий указывает, что авторство термина

криминальная *армалогия* принадлежит кандидату филологических наук доценту Л. М. Щетинину (14, 6).

В монографии «Криминальный взрыв: Возможности расследования» М. А. Михайлов ставит задачу «чёткого определения понятия, характеризующего род преступлений, в ходе которых подготавливаются или совершаются взрывы, используются либо фигурируют устройства и вещества, способные их вызвать, а также применяется угроза взрыва» (15, 7). В поисках термина, наиболее адекватно обозначающего новое понятие, автор отвергает как недостаточно точные и громоздкие употребляемые в литературе термины «*преступления, совершаемые с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ*», «*преступления, совершаемые путем взрыва*» и предлагает новый термин – *криминальный взрыв*. М. А. Михайлов мотивирует преимущества нового термина: «Его лаконичность, на наш взгляд, покрывает возможные недостатки. «Криминальный», значит незаконный, т.е. осуществлённый в целях нарушения закона или произошедший в ходе действий, его нарушающих» (15, 9).

Автор монографии «Криминальная экономика и насильственные преступления против собственности граждан» С. А. Солодовников отмечает, что понятие *криминальная экономика* «охватывает собой все преступные проявления экономического характера» (16, 10); *криминальная экономика* – это осуществление экономических отношений, объявленных уголовно наказуемыми. И в данном случае автор подчёркивает, что речь идёт о «смежном» научном познании: феномен экономической преступности криминология рассматривает с собственной точки зрения. Автор предлагает также создать учебную дисциплину «*Криминальная экономика*».

Подобных примеров можно привести немало. Так, как понятие *криминальная глобализация* предполагает рассмотрение процесса глобализации в криминологическом аспекте, выявление и криминологическую оценку её криминогенных факторов (17). *Криминальная гипносуггестия, криминальный гипноз* подразумевают криминологический и уголовно-правовой аспекты применения гипноза в противоправных целях (18). Под *криминальной безопасностью органов внутренних дел, криминальной безопасностью милиции* понимается собственная безопасность органов внутренних дел; как синонимичный автор употребляет термин *криминологическая безопасность ОВД*, подчёркивая необходимость полидисциплинарных исследований проблемы безопасности (19). Специалисты утверждают, что имеются основания ввести в оборот выражение «*криминальная власть*», характеризующее криминализацию государственной власти в России (20). Для обозначения одного из экзотических видов простого убийства (когда после лишения жизни потерпевшего фрагменты его тела употребляются убийцей в пищу) предложен термин «*криминальный каннибализм*» (21). Какие из этих терминов успешно пройдут апробацию и утвердятся в научном обиходе, а возможно, и в терминологии законодательства, какие останутся индивидуально-авторскими, окказиональными – покажет время. Описанный материал позволяет сделать вывод о более широких номинационных возможностях компонента *криминальный* по сравнению с *уголовный, преступный* для обозначения новых правовых реалий. Активному образованию новых терминов со словом *криминальный* способствует его более широкое и абстрактное значение: *криминальный* – это не только «имеющий отношение к преступлению», но и «характеризующий определяемую реалью как противоправную, незаконную, нелегальную», «характеризующий определяемую реалью в криминологическом, криминалистическом, уголовно-правовом, криминогенном аспектах». Такова одна из новационных тенденций в современной русской юридической терминологии.

Сформулируем некоторые выводы и рекомендации, направленные на совершенствование обучения юридической терминологии:

- Исследование *современной русской юридической терминосистемы*, выявление новационных процессов и обуславливающих их факторов способствует определению

информации, релевантной для семантизации юридического термина, правильного его употребления и перевода с одного юридического языка на другой.

• Обучение терминологии не должно ограничиваться овладением минимумом базисной общеюридической и отраслевой терминологии. Принимая во внимание сложность, динамичность и персистентность развития законодательства и современной юридической науки, определяющих формирование юридической терминологии, важно дать обучаемым представление о специфических особенностях юридической терминосистемы, о современных тенденциях терминообразования, сформировать у будущих специалистов навыки самостоятельной работы с юридической (профессиональной) терминологией.

• Для достижения указанной цели целесообразно шире использовать в учебном процессе аутентичные тексты.

ЛИТЕРАТУРА

1. КРЫСИН, Л. Толковый словарь иноязычных слов. Москва: Русский. язык, 1998.
2. Современный словарь иноязычных слов. 2-е изд., стер. Москва: Русский. язык, 1999.
3. Словарь русского языка в четырёх томах. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский. язык, 1983.
4. ОЖЕГОВ, С. Словарь русского языка. Под ред. ШВЕДОВОЙ, Н. 13-е изд., испр. Москва: Русский язык, 1981.
5. ГОЛИК, Ю.; ЕЛИСЕЕВ, С. Понятие и происхождение названия «Уголовное право». Уголовное право. №2, 2002.
6. ИСАЕВ, М. Толковый словарь древнерусских юридических терминов. Москва: Спарк, 2001.
7. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год). Москва, 1998.
8. ТИХОМИРОВА, Л.; ТИХОМИРОВ, М. Юридическая энциклопедия. Изд. 5-е, доп. и перераб. Москва, 2001.
9. Российская юридическая энциклопедия. Москва: Издательский Дом ИНФРА-М, 1999.
10. Юридический энциклопедический словарь. Под общ. ред. КРУТСКИХ, В. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2001.
11. Криминология: Словарь. Под общей ред. САЛЬНИКОВА, В. Изд. Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург: Лань, 1999.
12. БЛЭКБОРН, Р. Психология криминального поведения. Пер. с англ. книги: R. Blackburn. The Psychology of Criminal Conduct. Санкт-Петербург, 2004.
13. Русская грамматика. Под ред. ШВЕДОВОЙ, Н. Т. I Москва. Наука, 1980.
14. КОРЕЦКИЙ, Д. Уголовно-правовой режим средств самообороны. *Спецкурс по криминальной армалогии*. Москва: ИКЦ МарТ; Ростов-на-Дону: МарТ, 2002.
15. МИХАЙЛОВ, М. Криминальный взрыв: Возможности расследования. Москва: Юрлитинформ, 2004.
16. СОЛОДОВНИКОВ, С. Криминальная экономика и насильственные преступления против собственности граждан. *Монография*. Москва. ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
17. ЛУНЕЕВ, В. Криминальная глобализация. В *Государство и право*. № 10, 2004.
18. ШАРАПОВ, Р. Криминальная гипносуггестия: криминологические и уголовно-правовые аспекты. В *Государство и право*. № 11, 2004.
19. САФРОНОВ, А. Преступность в России и криминальная безопасность органов внутренних дел: *Монография*. Москва. ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
20. Преступность и власть. Обзор материалов конференции «Преступность и власть». *Журнал российского права*. № 5/6, 2000.
21. КОРОБЕЕВ, А. Простое убийство и сложности его квалификации. В *Уголовное право*. № 2, 2001.

Jelena Bescennaja

Polizeiakademie Lettlands, Riga

DAS NEUE IN DER RUSSISCHEN JURISTISCHEN TERMINOLOGIE

Zusammenfassung

Im Vortrag werden die Besonderheiten der gegenwärtigen russischen juristischen Terminologie betrachtet. Die Autorin weist darauf hin, dass intensive Entwicklung der russischen juristischen Terminologie durch die Prozesse der Gestaltung des neuen Rechtssystems der Russischen Föderation, der rechtlichen Integration in der Welt bzw. in Europa, die rasche Entwicklung der heutigen Rechtswissenschaft sowie die Entstehung deren neuen Teilgebiete, der neuen wissenschaftlichen und Studienrichtungen bedingt ist. Besondere Aufmerksamkeit ist auf die

I. SISTEMINIAI LINGVISTINIAI TYRINĖJIMAI: TEORIJA IR PRAKTIKA

Bildung, Entlehnung, Entwicklung und Anwendung der Fachwörter gerichtet. Die Neuerungen in der russischen juristischen Terminologie werden im Kontext der Optimierung des Unterrichtens von Rechtsterminologie analysiert.

SCHLÜSSELWÖRTER: Das juristische Fachwort, die gegenwärtige russische juristische Terminologie, Terminologie der Gesetzgebung, Terminologie der juristischen Wissenschaft; Bildung, Entlehnung, Entwicklung, Anwendung der juristischen Fachwörter.

Jurgita Cvilikaitė

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

El. paštas: jurgita_cvilikaite@fc.vdu.lt

LEKSINĖS ERTMĖS: ANGLŲ KALBOS “A PET” IR JO LIETUVIŠKŲ ATITIKMENŲ ANALIZĖ

Leksinės ertmės yra neatitikimas tarp sąvokos ir jos leksinės raiškos. Tai reiškiny, kai vienoje kalboje sąvoka yra leksikalizuota, t.y. įvardinta žodžiu, o kitoje kalboje pastovaus ir visuotinai žinomo pavadinimo neturi ir yra reiškiamas kaskart vis kitaip. Leksinė ertmė dažniausiai žymi sąvoką, kuri nėra žinoma ar svarbi tos kalbos vartotojams. Vertime neleksikalizuotoji sąvoka verčiama įvairiais kompensaciniais metodais.

Anglų kalbos daiktavardžio “a pet” reikšmė “namuose malonumui auginamas gyvūnas” neturi visuotinai priimto ir vartojamo lietuviško ekvivalento, todėl šioje vietoje lietuvių kalboje yra leksinė ertmė. Ši leksinė ertmė analizuojama dviem etapais. Pirma, aptariami aiškinamųjų anglų kalbos bei vertimo žodynų duomenys. Aiškinamųjų žodynų apibrėžimuose identifikuojami reikšmės komponentai, kurių pagalba sudaromas struktūriškas analizuojamos sąvokos vaizdinys. Šių komponentų palyginimas su vertimo žodynuose pateikiamų sisteminių atitikmenų reikšmių komponentais padeda suvokti dviejų kalbų leksikalizacijos procesų skirtības. Antrojo etapo metu analizuojami palyginamųjų tekstynų duomenys. Ieškoma kolokacijų ar kontekstinių partnerių, turinčių skiriamuosius reikšmės komponentus, apibrėžtus pirmojo etapo metu. Tokiu būdu aptinkami kiti aptiriamos sąvokos leksikalizacijos atvejai (tekstiniai vienažodžiai ir daugiažodžiai atitikmenys). Aptariant semantinius reikšmės komponentus išryškėja, kaip sąvoka yra įvardinta arba leksikalizuota kalboje, turinčioje leksinę ertmę (pvz., vienu platesnės ar siauresnės reikšmės žodžiu ar daugiažodžiu junginiu).

RAKTINIAI ŽODŽIAI: leksinė ertmė, leksikalizacija, reikšmės komponentas, sisteminis atitikmuo, tekstinis atitikmuo, kolokatas, kolokacija, kontekstinis partneris

1. Įvadas

Šiame straipsnyje pristatoma vieno anglų kalbos daiktavardžio “a pet” ir jo sisteminių bei tekstinių atitikmenų lietuvių kalboje atvejo analizė, pasitelkiant skirtingus duomenų šaltinius – žodynus ir tekstynus. Angliškasis “a pet” pristato šio straipsnio objektą – leksinę ertmę lietuvių kalboje.

Leksinių ertmių reiškiny aptiriamas įvairiose kalbotyros srityse - semantikoje, tradiciniame ir mašiniame vertime, literatūroje apie WordNet projektus. Leksinės ertmės nėra aptiriamos sistemingai, be to, neturi pastovaus pavadinimo. Layons’as (1977) šį reiškiny vadina “lexical gaps”, Arnold’as (1994) vartoja terminą “lexical holes”; o Baker (1997) problemą aptaria kartu su neekvivalentiškumo klausimais. Lietuvių lingvistinėje literatūroje leksinių ertmių reiškiny, turimomis žiniomis, nėra aiškiai apibrėžtas ar aprašytas. Dėl šios priežasties lietuvių kalboje nėra termino, kuris būtų angliškojo “lexical gaps” ekvivalentas, tad pasirinktas šio termino vertimas – leksinės ertmės.

Leksinės ertmės čia suprantamos kaip neatitikimas tarp sąvokos ir jos leksinės raiškos. Tai reiškiny, kai vienoje kalboje sąvoka yra leksikalizuota, t.y. įvardinta žodžiu, o kitoje kalboje pastovaus ir visuotinai žinomo pavadinimo neturi ir yra reiškiamas kaskart vis kitaip. Leksinė ertmė dažniausiai žymi sąvoką, kuri nėra žinoma ar nėra svarbi tos kalbos vartotojams. Taigi šis reiškiny gali būti aptiriamas ir kultūriniu aspektu. Vertime neleksikalizuotoji sąvoka verčiama įvairiais kompensaciniais (generalizacijos, konkretizacijos, aprašomojo vertimo) metodais.

Leksinės ertmės aptinkamos tik lyginant dvi kalbas ar vertimo metu. Vadinas, jų indentifikavimui būtina kalbų sąveika. Vertimo kryptis sudaro palankesnes sąlygas identifikuoti leksines ertmes vertimo kalboje. Nors vertimo problemos šiame straipsnyje neanalizuojamos,

tačiau pats lyginimas yra griežtai vienos krypties – anglų – lietuvių kalbos. Lyginimo aspektą lemia trys šiame tyrime naudojami metodai – žodynų apibrėžimų analizė, gimtosios kalbos introspekcija bei tekstynų lingvistikos metodas. Todėl palyginimas yra sisteminis, tuo pačiu ir kontekstinis.

Anglų kalbos daiktavardį “a pet” galima laikyti tipišku leksinių ertmių atveju lietuvių kalboje. Tai - daugiareikšmis daiktavardis¹, turintis lietuvių kalbos ekvivalentus visoms savo reikšmėms (*a person given usually unfairly favourable treatment, a favourite – numylėtinis, lepūnėlis; a person who is especially loved or loveable – mylimasis arba numylėtinis; an affectionate way of addressing someone, especially a woman or a child - brangusis, mielas*), išskyrus reikšmę “*an animal kept at home for pleasure*”. Dvikalbiuose žodynuose ši reikšmė nėra verčiama vienu žodžiu ir perteikiama įvairiais žodžių junginiais. Šiame straipsnyje tokie žodžių junginiai bus vadinami sisteminiais daugiažodžiais atitikmenimis.

Šio straipsnio tikslas – ištirti, kaip ši konkreti leksinė ertmė yra užpildyta lietuvių kalboje ir pažiūrėti, kuo šis užpildymas skiriasi dvikalbiuose žodynuose (sisteminiais atitikmenimis) ir tekstuose (tekstiniais atitikmenimis). Vieno atvejo analizė taip pat galėtų padėti detaliau apibūdinti leksinių ertmių sąvoką bei parengti tam tikrą metodologiją, pagal kurią šį reiškinį būtų galima analizuoti bei aprašyti.

Straipsnyje pristatomas tyrimas atliekamas dviem etapais. Pirmojo etapo metu apibūdinamas anglų kalbos daiktavardis “a pet”, po to ieškomi ir aptariami jo žodyniniai arba sisteminiai atitikmenys. Aiškinamųjų žodynų apibrėžimuose identifikuojami individualūs reikšmės komponentai, kurių pagalba sudaromas struktūriškas analizuojamos sąvokos vaizdinys. Šių komponentų palyginimas su vertimo žodynuose pateikiamų sisteminių atitikmenų reikšmių komponentais padeda suvokti dviejų kalbų leksikalizacijos procesų skirtības. Kad pamatytume, kokiais tekstiniais atitikmenimis leksikalizuojama sąvoka, pavadinta anglų kalbos daiktavardžiu “a pet”, antrajame etape aptariami duomenys iš palyginamųjų anglų ir lietuvių kalbų tekstynų. Apdorojami tekstynų duomenys (generuojami konkordansai, rūšiuojamos konkordanso eilutės, ieškoma kolokacijų bei tolimesnių kontekstinių partnerių). Tokiu būdu aptinkami kiti aptariamų sąvokos leksikalizacijos atvejai (tekstiniai vienažodžiai ir daugiažodžiai atitikmenys). Pats svarbiausias žingsnis šiame etape yra ieškomų žodžių tekстыne pasirinkimas. Palyginamųjų tekstynų atveju pasirinkimą lemia kelių metodų junginys – leksikografiniai duomenys, gimtosios kalbos intuicija ir komponentinė analizė, t.y., ieškoma žodžių ar jų kontekstinių partnerių, turinčių skiriamuosius reikšmės komponentus, kurie yra apibrėžiami pirmojo etapo metu. Aptariant semantinius reikšmės komponentus išryškėja, kaip sąvoka yra įvardinta arba leksikalizuota kalboje, turinčioje leksinę ertmę (pvz., vienu platesnės ar siauresnės reikšmės žodžiu ar daugiažodžiu junginiu).

2. Leksikografinių duomenų analizė

2.1. Daiktavardis “a pet” aiškinamuosiuose žodynuose

Šiame tyrime domina tik viena, animalistinė daiktavardžio “a pet” reikšmė. Tam, kad vėliau galėtume palyginti su jo lietuviškais atitikmenimis, svarbu aiškiai suvokti, kokia sąvoka yra užkoduota šiuo anglišku daiktavardžiu. Visi apibrėžimai, aiškinantys šią reikšmę, pateikiami žemiau:

- *an animal kept in the home as a companion*
- *a tame, fondled animal*
- *an animal or a bird kept as a companion and treated with care and affection*
- *a tame animal kept for companionship or amusement*
- *a domestic or tamed animal or bird kept for companionship or pleasure and treated with care and affection*
- *an animal that is tamed or domesticated and kept as a favorite or treated with affection*

¹ Šiame straipsnyje veiksmožodžio ir būdvardžio reikšmės nebus aptiriamos.

- *an animal which is kept in the home as a companion and treated affectionately*
- *a domesticated animal kept for pleasure rather than utility*
- *an animal such as a cat or a dog which you keep and care for at home*
- *animal, etc. kept as a companion, treated with care and affection, e.g. a cat of a dog*

Apibrėžimuose akivaizdūs keturi svarbūs reikšmės komponentai: *domestikacijos* (*tame, tamed, domestic, domesticated, at/in the home*), *afektyvūs* (*fondled, care, affection; affectionately*), *funkcinis* (*a companion, companionship, a favorite, amusement, pleasure*) bei logiškai natūralus *animalistinis* komponentas. Tad “*a pet*” yra prijaukintas gyvūnas, laikomas namuose kaip kompanionas, su kuriuo rūpestingai ir švelniai elgiamasi. Apibrėžimuose kartojami žodžiai “*a companion*”, “*companionship*”, “*a favorite*”, “*fondled*”, “*care*”, “*affection*”, “*pleasure*” bei “*amusement*” formuoja tik teigiamas konotacijas, sietinas su daiktavardžiu “*a pet*” bei juo užkoduota sąvoka. Be to, galima spėti, kad “*kept in the home*” reiškia gyvenantis su žmonėmis, nors šis faktas nėra aiškiai pateikiamas. Svarbiausias yra funkcinis reikšmės komponentas, atskiriantis “*a pet*” nuo kitų naminių gyvūnų, dažniausiai laikomų tik dėl tam tikros naudos, bet ne malonumui ar kompanijai palaikyti. Tad gyvenamoji vieta nėra svarbi, pvz., nors ponis negyvena name su žmonėmis, jis gali būti laikomas malonumui. Iš kitos pusės, nors triušiai gali gyventi žmonių namuose, tačiau kai kurie auginami tik dėl mėsos arba kailio. Todėl šis reikšmės ir pavadinimas domestikacijos komponentu, kurį galima laikyti prijaukinimo ir gyvenimo su žmonėmis ar namuose kombinacija.

Trumpai tariant, gyvūnai, vadinami anglišku daiktavardžiu “*a pet*” ir kiti naminiai gyvūnai arba gyvuliai yra prijaukinti naminiai gyvūnai, turintys skirtingas funkcijas. Nors iš žodynų apibrėžimų susidaro gana aiškus daiktavardžio “*a pet*” animalistinės reikšmės vaizdas, būtina tolimesnė tekstynų duomenų analizė, kuri pagrįstų ar paneigtų leksikografinius duomenis.

2.2. Daiktavardis “*a pet*” vertimo žodynuose

Daiktavardžio “*a pet*” atitikmenų ieškota visuose prieinamuose anglų-lietuvių kalbų žodynuose. Žodynuose kartojasi dviejų tipų žodynų straipsniai:

1. *mylimasis, lepūnėlis; mylimas gyvulėlis*

2. a. *kambarinis gyvulėlis; mėgstamas daiktas*

b. *mylimasis, numylėtinis; lepūnėlis*

c. *brangusis, mielas (kreipiantis)*

Trumpoji apibrėžimų versija - *mylimasis, lepūnėlis; mylimas gyvulėlis* – apima tris daiktavardžio “*a pet*” reikšmes: “*a loved person*”, “*a person given special attention*” ir “*a loved animal*”. Čia mus dominanti animalistinė “*a pet*” reikšmė verčiama daugiažodžiu atitikmeniu “*mylimas gyvulėlis*”. Bazinė deminutyvo “*gyvulėlis*” forma “*gyvulys*” reiškia “*naminį gyvūną, auginamą mėsai, pienui ir pan.*” (MLKŽ), “*naminį žinduolį – darbinį, mėsinį, vilninį, taip pat šunį ir katę*” ir gali turėti dar vieną reikšmę “*naudingas laukinis žinduolis*” (DLKŽ). Priesaga “*-ėlis*” nekeičia pradinės bazinės formos “*gyvulys*” reikšmės, tačiau prideda afektyvųjį komponentą. Deminutyvinė priesaga nepanaikina šio daiktavardžio funkcinio naudingumo komponento. Be to, pažymins “*mylimas*” neatlieka modifikuojančios funkcijos, bet tiesiog dubliuoja afektyvųjį reikšmės komponentą, jau esantį deminutyvinėje formoje. Todėl išvada, kad daugiažodis sisteminis atitikmuo “*mylimas gyvulėlis*” žymi tik anglišku “*a pet*” įvardintą sąvoką, būtų klaidinga, nes šis atitikmuo lygiai taip pat tinkamas ir įvairiems naminiams gyvūnams, kuriuos laikome dėl tam tikros naudos, tačiau vis vien juos mylime, pavadinti. Tad anglų kalbos daiktavardžio “*a pet*” ir lietuviško atitikmens “*mylimas gyvulėlis*” reikšmių apimtys skiriasi, nes pastarasis yra bendresnės reikšmės.

Antrasis žodyninių straipsnių tipas yra iškalbingesnis, nes čia aiškiai atskiriamos “*a pet*” reikšmės. Siūlomas mūsų analizuojamos “*a pet*” reikšmės sisteminis daugiažodis atitikmuo yra “*kambarinis gyvūnėlis*”. Iš dalies šis atitikmuo yra analogiškas aukščiau minėtam atitikmeniui

“*mylimas gyvulėlis*”, kadangi jo sudedamosios dalys yra pažymins (*kambarinis*) bei deminutyvinė forma (*gyvūnelis*). DLKŽ “*gyvūnas*” apibrėžtas kaip “*pats judantis, reaguojantis ir jaučiantis organizmas, mintantis gamtinėmis medžiagomis*”. MLKŽ rašoma, kad “*gyvūnas*” yra “*bet kuri gyva būtybė, išskyrus augalus*”. Todėl daiktavardis “*gyvūnas*” yra visų daiktavardžių, žyminčių įvairias gyvūnų rūšis, hiperonimas. Pažymins “*kambarinis*” ženkliai sumažina skaičių gyvūnų, kurie galėtų priklausyti šiai sričiai. Galiausiai, deminutyvinė forma papildo “*gyvūno*” reikšmę afektyviuoju komponentu. Iš kitos pusės, ponio, kurį angliškai būtų galima pavadinti “*a pet*”, “*kambariniu gyvūneliu*” nepavadinsime, nes jis negyvena kambaryje, namuose. Vadinasi, atitikmuo “*kambarinis gyvūnelis*” žymi siauresnę sąvoką nei anglų kalbos “*a pet*”.

Trečiasis “*a pet*” vertimo atitikmuo rastas Europos Sąjungos terminų tezaure “EUROVOC”. Čia jis verčiamas kaip “*naminis gyvulėlis*”. Kaip ir su ankstesniais atitikmenimis, ši frazė iš dalies atspindi “*a pet*” reikšmę. Pažymins “*naminis*” sustiprina domestikacijos komponentą. Nepaisant to, kaip minėta anksčiau, “*gyvulėlis*” žymi bet kurį naminių gyvūnų, o “*naminis gyvulėlis*” galėtų žymėti, pavyzdžiui, avį, arklį, tačiau ir šunį ar katę. Taigi šio sisteminio atitikmens reikšmė platesnė už “*a pet*”.

Tame pačiame tezaure terminas “*pet food*” verčiamas į “*naminių gyvūnėlių ėdalą*”. Šioje frazėje yra jau minėtas “*gyvūnelis*”. “*Naminis*” atitinka angliškojo “*a pet*” domestikacijos komponentą. Dėl šių priežasčių “*naminis gyvūnelis*” savo reikšme yra artimiausias “*a pet*”, nes turi visus reikšmės komponentus (afektyvųjį, domestikacijos ir funkcinį), tačiau dar reiktų patikrinti jo vartoseną tekstuose, kas ir bus padaryta vėlesniuose skyriuose.

2.3. Leksikografinių duomenų apibendrinimas

Apžvelgus leksikografinius duomenis peršasi išvada, kad leksinių ertmių reiškinys pasireiškia smulkesniame leksiniame lygmenyje nei leksema. Vienintelė “*a pet*” reikšmė, kuri perteikiama daugiažodžiais sisteminiiais atitikmenimis, yra susijusi su namuose laikomais gyvūnais. Vadinasi, galima teigti, kad leksinė ertmė pasirodo ne leksemų, bet jų reikšmių lygmeniu.

Įvairūs dvikalbiai žodynai pateikia keturis sisteminius daugiažodžius atitikmenis vienai daiktavardžio “*a pet*” reikšmei: “*mylimas gyvulėlis*”, “*kambarinis gyvūnelis*”, “*naminis gyvūnelis*” ir “*naminis gyvulėlis*”. Po šių atitikmenų analizės paaiškėjo, kad tiktai “*naminis gyvūnelis*” yra arčiausiai angliškojo “*a pet*”. Sprendžiant iš skirtingų žodynuose siūlomų atitikmenų, galima teigti, kad vieno ir sistemingai vartojamo ekvivalento šiai reikšmei lietuvių kalboje nėra, dėl to lietuvių kalboje šioje vietoje yra leksinė ertmė. Pasiremama savo gimtosios kalbos intuicija, be šių keturių daugiažodžių sisteminių atitikmenų, įvairiomis aplinkybėmis ar skirtinguose kontekstuose šią sąvoką perteikčiau ir kitais žodžiais: “*numylėtinis*” ir “*lepūnelis*” (kurie žodynuose buvo pateikti kaip kitos “*a pet*” reikšmės - *a favourite person* - ekvivalentai), “*augintinis*”, “*įnamis*”, “*padarėlis*”, “*naminis padarėlis*”, “*naminis gyvūnas*” ar net bendros reikšmės žodžiu “*gyvūnas*”. Kitame skyriuje aptarsiu tekstynų duomenis ir apžvelgsiu, kaip dar ši leksinė ertmė, atsiradusi dėl anglų kalbos “*a pet*”, yra leksikalizuojama tekstuose.

3. Tekstynų duomenų analizė

Iki šiol buvo analizuojami tik žodynų apibrėžimai. Akivaizdu, kad keletu apibrėžimų nepakanka, kad būtų padarytos tinkamos išvados apie daiktavardžio “*a pet*” reikšmę ar jos atitikmenis lietuvių kalboje. Didžiulis tekstų masyvas - tekstynas – suteikia galimybę pažvelgti į daugybę žodžio vartosenos kontekste pavyzdžių ir padaryti pagrįstas išvadas apie reikšmę. Dar daugiau, apdorojant tekstynų duomenis specialiais programiniais įrankiais, išryškėja tipiški tam tikros reikšmės vartosenos modeliai. Tad anglų kalbos leksemos “*pet*” vartoseną patikrinta

tekstyne. Šiam tikslui buvo panaudotas iš laikraščio “*The Times*”² tekstų sudarytas tekstynas. Tai santykinai didelis, apie 44 milijonų žodžių apimties, tekstynas.

Lietuvių kalbos atitikmenų vartoseną buvo tiriama lietuvių kalbos tekstyne, sudarytame iš didesnio Dabartinės lietuvių kalbos tekstyno³, kurio apimtis – daugiau nei 100 milijonų žodžių. Beveik 50 procentų šio tekstyno sudaro įvairūs publicistiniai tekstai (respublikiniai ir vietiniai laikraščiai, populiarioji ir specializuota periodika). Kompiuterinės lingvistikos centro darbuotojų (VDU) sukurta paieškai internete programa leidžia pasirinkti tekstus, kuriuose būtų ieškomas norimas žodis. Kadangi leksemos “pet” vartosenos duomenys buvo paimti iš publicistinių tekstų, tas pats buvo padaryta ir su jo lietuviškais atitikmenimis. Pasirinkus tik publicistinius tekstus, tekstynas sumažėjo iki maždaug 50 milijonų žodžių. Tokią analizę galima laikyti svaria, nes abu tekstynai yra sudaryti iš to paties žanro tekstų ir yra panašaus dydžio. Nors ir neparalelūs, tokie palyginamieji tekstynai yra be galo naudingi atliekant įvairius tyrimus. Palyginamieji tekstynai yra naudojami vertimo ekvivalentams aptikti, terminų ir kitų leksinių vienetų vartosenos ypatumams tirti bei kitiems tikslams (4, 14).

Šiame tyrime buvo lyginamos anglų kalbos daiktavardžio “*a pet*” bei jo daugiažodžių tekstinių atitikmenų (anglų ir lietuvių kalbų tekstynuose) vartoseną. Taip pat lietuviškajame tekstyne buvo pažvelgta į žodynuose pateikiamų sisteminių daugiažodžių atitikmenų vartoseną. Tekstynų duomenys buvo apdoroti programa WordSmith Tools.

3.1. Leksema “*pet*” anglų kalbos tekstyne

Tekstyne leksema “*pet*” (t.y., žodžio formos “*to pet*”, “*a pet*”, “*pet*”, “*pets*”, “*petted*” ir “*petting*”) rasta 1135 kartus, t.y. generuota tiek konkordanso eilučių. Visos konkordanso eilutės rankiniu būdu išrūšiuotos į veiksmažodžius (veiksmažodžio formos “*to pet*”, “*pet*”, “*pets*”, “*petted*” ir “*petting*” - 13 eilučių), daiktavardžius (formos “*pet*” ir “*pets*” - 1023 eilutės) ir būdvardžius (“*pet*” - 99 eilutės). Tada konkordanso eilutės su daiktavardžiu “*pet*” buvo padalintos į dvi dalis: atskirta animalistinė reikšmė (815 eilučių) nuo kitų (pvz., “*teacher’s pet*”, etc. – 208 eilutės). Iš eilučių skaičiaus galima spręsti, kad animalistinė daiktavardžio “*a pet*” reikšmė yra dominuojanti.

Tekstynų lingvistikoje leksema yra laikoma išplėstiniu reikšmės vienetu, apimančiu kolokaciją (žodžio ir jo kolokatų ryšys), koligaciją (žodžio ryšys su tam tikromis gramatinėmis kategorijomis), semantinę preferenciją (žodžio ir semantiškai susijusių žodžių grupės ryšys) ir diskurso prozodiją (žodžio emocinis, vertinamasis aspektas) (5, 64-66; 6, 76). “*A pet*” yra konkretus daiktavardis, kuris gali pasirodyti beveik bet kurioje sakinio vietoje ir neturi kokių nors ryškių koligacinių tendencijų. Dėl šios priežasties koligacija nebus smulkiau aptariama. Tačiau kolokaciniai modeliai yra ypatingai svarbūs, nes sudaro aiškesnę sąvokos, išdintos angliškuoju “*a pet*” vaizdą. Kolokacijos taipogi atskleidžia žodžio semantinę preferenciją bei diskurso prozodiją, kurios yra svarbios žodžio reikšmės dedamosios.

Programos WordSmith Tools pagalba 815 konkordanso eilučių su “*a pet*” animalistinėje reikšmėje pirmiausia buvo išrūšiuotos pagal pirmą ir antrą kolokatus (kurie yra suprantami techniškai, analizuojamo žodžio kaimynai) kairėje nuo analizuojamo žodžio, t.y. “*pet*”. Po išrūšiavimo atsiskleidė tokie kolokacijų modeliai (skaičiai reiškia pasikartojimo kartu su “*pet*” skaičių):

keep as pets/keep a pet/pets:8/10; family pet/s/family’s pet:15/2; domestic pet/s:13; have/had/having a pet/pets:8; exotic pet/s:7; household pets:4; pampered pet/pamper your pet:4/1; popular pet/s:4; children and pets:3; favourite pet/s:3; good pet/s/ good-natured pets:3/1; love the pets:3; buy a pet:2; children’s pets:2; furry pets:2; losing a pet:2; neutered males make the best pets:2; owning a pet:2; passports for pets:2; remedies for pets:2; scorpion, budgie, as a pet:2; to protect pets:2; unwanted pets:2.

² Kurio leido pasinaudoti Kompiuterinės lingvistikos centro (Vytauto Didžiojo universitetas) darbuotojai

³ Tekstyną galima rasti adresu <http://donelaitis.vdu.lt/>

Šiose kolokacijose “pet” paprastai atlieka objekto funkciją. Išrūšiuojant tas pačias eilutes pagal dešiniuosius kolokatus, “pet” pasirodo pažyminio funkcijoje (veiksniu funkciją šis daiktavardis atlieka gana retai) ir atsiskleidė šios kolokacijos:

pet food/s:48; pet owner/s:35; pet shop/s:22; pet insurance:20; pet dog:17; pet food/business:13; pet care:12; pet detective (Ace Ventura):7; pet superstore:6; pet pig/s:6; pet behaviour councillor/s:6; pet cat/s:5; pet rat/s:4; pet rabbit/s:4; pet insurer/s:4; pet insurance services:4; pets welcome:3; pet-friendly:3; pet trade:3; pet protect:3; pet ownership:3; pet leave:3; pet food manufacturer/s:3; pet collie:3; pet cemetery/ies:3; pet-world:2; pet-sitter/s:2; pets' life/lives:2; pets' corner:2; pet tricks:2; pet supply/ies:2; pet store/s:2; pet shop owners:2; pet show/s:2; pet collie:2; pet monkey:2; pet in Britain:2; pet health council:2; pet hamster/s:2; pet food market:2; pet fish:2; pet chihuahua/s:2; pet bird/s:2; national pet week:2; national pet register:2; exotic pet refuge:2.

Gautosios kolokacijos akivaizdžiau paaiškina sąvoką, leksikalizuotą anglišku daiktavardžiu “a pet”. Pirmiausia reiktų pabrėžti, kad šios kolokacijos patvirtina reikšmės komponentus, kurie buvo suformuluoti pagal žodinių apibrėžimų: *domestikacijos (keep a pet/keep as pets, family, domestic, household pets)*, afektyvųjį (*pampered, pamper, favourite, good, good-natured, love, losing a pet, protect, pet leave, pet cemeteries, pet sitters, national pet week*) ir funkcinį (*family, pet tricks, pet shows*). Nors funkcinis komponentas nėra stipriai leksikalizuotas, afektyvusis komponentas bei kitos kolokacijos, rodančios meilę, rūpestį bei kultūros požiūrį į “pets” (*pet food, pet food business, pet food manufacturer, pet shops, pet insurance services, pet insurer, pet leave, pet sitters ir t.t.*) kompensuoja jo trūkumą. Be to, randama daug atskirų “pets” vartosenos pavyzdžių. Remiantis tekstynų duomenimis, šuo yra pats populiariausias “pet” (rastas 17 eilučių, be to, dažnai minimos atskiros šunų veislės). Kiti namuose auginami gyvūnai yra katės, žiurkės, kiaulės, poniai, triušiai, žiurkėnai, skorpionas, kanarėlė ir beždžionė.

Tekstynų duomenys patvirtina išvadas, padarytas pagal leksikografinius šaltinius: anglų kalbos daiktavardis “a pet” žymi gyvūną, kuris laikomas savo malonumui ir su kuriuo rūpestingai ir meiliai elgiamasi. Tekstynų duomenys taip pat įrodo, kad šiuo daiktavardžiu pavadintas gyvūnas nebūtinai gyvena žmogaus namuose (pagalvokime apie ponius, triušius ar kiaules), bet yra prijaukinti, domestikuoti. Taigi kontekstiniai daiktavardžio “a pet” partneriai įrodo domestikacijos, afektyvųjį ir iš dalies funkcinį komponentus.

3.2. Lietuvių kalbos tekstiniai atitikmenys angliškajam “a pet”

Žodžių pasirinkimą, kurių vartosenos ypatumų buvo ieškoma tekстыne, nulėmė dvikalbiuose žodynuose pateikti atitikmenys bei gimtosios kalbos intuicija. Tad konkordansai buvo generuoti dešimčiai lietuvių kalbos daiktavardžių, kuriuos būtų galima išskirstyti į šias grupes:

1. bendros reikšmės žodžiai, t.y., daiktavardžiai, turintys animalistinį komponentą – “gyvūnas”; “gyvulys” ir “padaras”;
2. aukščiau išvardintų daiktavardžių deminutyvai, t.y., daiktavardžiai, turintys animalistinį ir afektyvųjį komponentus – “gyvūnelis”, “gyvulėlis” ir “padarėlis”;
3. su auginimu, maitinimu susiję daiktavardžiai, t.y., turintys afektyvųjį ir domestikacijos komponentus – “augintinis” ir “įnamis”;
4. daiktavardžiai, reiškiantys buvimą mylimu, favoritu, t.y., turintys afektyvųjį komponentą – “numylėtinis” ir “lepūnelis”.

Akivaizdu, kad nė vienas iš aukščiau išvardintų daiktavardžių turi nevisus keturis reikšmės komponentus, kuriuos turi anglų kalbos “a pet”. Kaip jau buvo rašyta, pagrindinė tekstynų lingvistikos nuostata yra išplėstinis reikšmės vienetas, t.y., žodžių junglumo bei kalbos fraziškumo principas. Dėl šios priežasties didelis dėmesys buvo skiriamas šių daiktavardžių kolokatams (greta einantiems žodžiams iš kairės ir dešinės) bei kitiems kontekstiniais

partneriams (žodžiams, esantiems toliau nuo analizuojamo žodžio). Tokie išplėstiniai reikšmės vienetai padėjo rasti dar daugiau “*a pet*” įvardintos sąvokos leksikalizacijos atvejų lietuvių kalboje. Kadangi analizė remiasi tektais, tokie leksikalizacijos atvejai bus vadinami tekstiniais atitikmenimis. Siekiant palengvinti darbą su tekstynų duomenimis, pirmiausia buvo atrinktos konkordanso eilutės, kuriose minėtieji daiktavardžiai kontekstiniais partneriais turi žodžius, pridedančius domestikacijos komponentą (pvz., namų, naminis). Tai užtikrino, kad rasti tekstiniai atitikmenys turi domestikacijos komponentą ir nežymi kitų gyvūnų.

3.2.1 “Gyvūnas”, “gyvulys” ir “padaras”

“Gyvūnas”, “gyvulys” ir “padaras” iš tiesų yra bendros reikšmės žodžiai, kurie tam tikromis aplinkybėmis gali būti vartojami sąvokai “*malonumui auginamas gyvūnas*” žymėti (tą patį būtų galima pasakyti apie anglų kalbos “*an animal*”). Tačiau analizuojant šių daiktavardžių konkordansus, į tokius generalizacijos atvejus nebuvo atsižvelgiama, nes tam reiktų tirti vertimo transformacijas ir prireiktų paralelių tekstynų. Kaip ir su leksema “*pet*”, konkordansus apdorojo programa WordSmith Tools. Konkordanso eilutės su šiais daiktavardžiais⁴ buvo rūšiuojamos analogiškai anglų kalbos “*a pet*” konkordansui (pagal kolokatus kairėje ir dešinėje). Buvo ieškoma potencialių atitikmenų, turinčių žodžius “*namų*”, “*namuose*”, “*naminis*”, “*kambarinis*”. Rezultatai pateikti Lentelėje Nr. 1.

Lentelė 1

Tekstiniai atitikmenys su daiktavardžiais “gyvūnas”, “gyvulys” ir “padaras”

	gyvūnas	gyvulys	padaras
Iš viso (konkordanso eilučių)	4074	2641	301
naminis	185	109	1
kambarinis	15	4	0
namuose auginamas	4	0	0
namuose laikomas	3	0	0
namų	2	0	0
namie auginamas	1	0	0
namuose gyvenantis	1	0	0
bute gyvenantis	1	0	0
bute laikomas	1	0	0

Matome, kad kolokacijų, kurios šiems daugiažodžiais tekstiniams atitikmenims prideda domestikacijos komponentą, yra netgi daugiau. Visos jos jungiasi su daiktavardžiu “gyvūnas”: “*namuose/namie auginamas gyvūnas*”, “*namuose laikomas gyvūnas*”, “*namų gyvūnas*”, “*bute gyvenantis gyvūnas*”, “*bute laikomas gyvūnas*”, “*namuose gyvenantis gyvūnas*”.

Dažniausias tekstinis daugiažodis atitikmuo “*naminis gyvūnas*“ atrodo ekvivalentiškas anglų kalbos “*a pet*”. Deja, šiuo atveju dažnumas nėra svarbiausias veiksnys. Perskaičius šį atitikmenį turinčias eilutes su išplėstu kontekstu (WordSmith Tools programa numato tokią galimybę), paaiškėjo, kad ne tik šunys, katės ir papūgos, bet ir kiaulės, vištos, antys, karvės ir kiti žemės ūkio gyvūnai yra identifikuojami šiuo žodžių junginiu. Tad šis tekstinis atitikmuo žymi platesnį sąvokinį lauką nei anglų kalbos “*a pet*”. “*Naminis gyvūnas*” turi kintantį funkcinį komponentą (malonumo arba naudos), kuris priklauso nuo konteksto, todėl šį atitikmenį galime vartoti bet kokiems naminiam gyvūnam žymėti.

“*Naminis gyvulys*”, panašiai kaip ir “*naminis gyvūnas*”, nors ir dažnai vartojamas, negali būti “*a pet*” ekvivalentas. Pirma, tik 7 konkordanso eilutės iš 109, turinčių junginį “*naminis gyvulys*” tiesiogiai siejasi su sąvoka, nusakyta anglų kalbos “*a pet*”. Kadangi elementas “*gyvulys*” reiškia “*naminį gyvūną, laikomą mėsai, pienui ir t.t.*”, antrasis komponentas

⁴ Tekste vartojamos antraštinės daiktavardžių formos, t.y., vardininkas, tačiau buvo analizuojami visi tekстыne rasti daiktavardžių linksniai.

“*naminis*”, remiantis kontekstu, nekeičia viso junginio reikšmės. Galima sakyti, kad šioje frazėje “*naminis*” neatlieka modifikuojančios funkcijos ir yra deleksikalizavęsis, netekęs savo pradinės reikšmės. “*Naminis gyvulys*” taip pat turi kitą funkcinę komponentą nei “*a pet*” – griežtai naudos komponentą.

“*Kambarinis gyvūnas*” ir “*kambarinis gyvulys*” iš dalies sutampa su daiktavardžio “*a pet*” reikšme. Tačiau domestikacijos komponentas, esantis šių tekstinių atitikmenų reikšmėse, yra ribotas. “*Kambarinis gyvūnas*” bei “*kambarinis gyvulys*” reiškia siauresnę sąvoką: iš tiesų, šių daiktavardžių referentai yra gyvūnai, auginami malonumui, bet griežtai tik bute ar name, ten pat, kur gyvena žmonės.

Bendriausios reikšmės daiktavardis “*padaras*” su kolokatu “*naminis*” tekstyne pasirodo tik kartą. Dėl tokio mažo dažnumo būtų neteisinga daryti kokią nors išvadą apie šį tekstinį daugiažodį atitikmenį “*naminis padaras*”.

Susumavus, rasti 12 tekstiniai daugiažodžiai atitikmenys, kuriuose yra daiktavardžiai “*gyvūnas*”, “*gyvulys*”, “*padaras*” bei jų kolokatai, reikšmei suteikiantys domestikacijos komponentą. Deja, atsiradęs domestikacijos komponentas nepakeičia funkcinę reikšmės komponentų. Be to, neaptikti jokie kiti kontekstiniai partneriai, kurie būtų nurodę ir pridėję šiems atitikmenims afektyvų reikšmės komponentą. Todėl šiame etape rasti tekstiniai daugiažodžiai atitikmenys skiriasi nuo angliškojo “*a pet*”. “*Kambarinis gyvūnas*” ir “*kambarinis gyvulys*” yra artimiausi angliškam atitikmeniui, tačiau žymi siauresnę sąvoką.

3.2.2. “*Gyvūnėlis*”, “*gyvulėlis*” ir “*padarėlis*”

“*Gyvūnėlis*”, “*gyvulėlis*” ir “*padarėlis*” yra ankstesniame skyriuje analizuotų daiktavardžių deminutyvinės formos. Tačiau pagrindinė šios formos pasirinkimo priežastis ta, kad vertimo atitikmenys, pateikti dvikalbiuose žodynuose turėjo deminutyvus “*gyvulėlis*” arba “*gyvūnėlis*”. Šie trys deminutyvai jau turi animalistinį ir afektyvų reikšmės komponentus. Antroje lentelėje pateikti jų kontekstiniai partneriai reikšmę papildė domestikacijos komponentu.

Lentelė 2

Tekstiniai atitikmenys su daiktavardžiais “*gyvūnėlis*”, “*gyvulėlis*” ir “*padarėlis*”

	gyvūnėlis	gyvulėlis	padarėlis
Iš viso (konkordanso eilučių)	321	255	102
<i>naminis</i>	36	13	0
<i>namų</i>	2	0	0
<i>kambarinis</i>	1	0	0
<i>namuose auginamas</i>	1	0	0
<i>namuose laikomas</i>	1	0	0

Iš lentelės matyti, kad išlieka tos pačios jungimosi su kolokatais bei dažnumo tendencijos (tačiau gerokai mažesniais skaičiais), pastebėtos analizuojant tekstinius atitikmenis su daiktavardžiais “*gyvūnas*”, “*gyvulys*” ir “*padaras*”. Praplėtus konkordanso eilučių su “*naminis gyvulėlis*” kontekstą paaiškėjo, kad šis atitikmuo žymi ir kiaules, kurios, sprendžiant iš konteksto, laikomos ne malonumui, o dėl naudos. Tad “*naminis gyvulėlis*” turi ir naudingumo funkcinę komponentą, dėl kurio galima spręsti, kad žymi platesnę sąvoką nei anglų kalbos “*a pet*”. Iš kitos pusės, “*padarėlis*”, nors ir nesijungia su domestikacija žyminčiais kolokatais, 17 eilučių vartojamas “*savo malonumui namuose auginamo gyvūno*” reikšme. Tą patį būtų galima pasakyti apie žodžius “*gyvulėlis*” ir “*gyvūnėlis*”, kurie dažnai vartojami vieni reikšme “*namuose auginamas gyvūnas malonumui*”.

Įdomu pažiūrėti, kiek kartų tekstyne pasirodo 2.2 skyriuje aptarti sisteminiai daugiažodžiai atitikmenys: *mylimas gyvulėlis* – 0; *kambarinis gyvūnėlis* – 1; *naminis gyvūnėlis* – 36; *naminis gyvulėlis* – 13. Tokie dažnumo rezultatai iš dalies patvirtina išvadas, kurios buvo padarytos žodynų apibrėžimų aptarimo pabaigoje. “*Mylimas gyvulėlis*” neatspindi sąvokos, žymimos anglišką “*a pet*”; nerastas šis sisteminis atitikmuo ir tekstyne. “*Kambarinis gyvūnėlis*”,

kuris tik iš dalies atitinka “*a pet*” reikšmę (t.y., gyvūnai, laikomi namo viduje, kambaryje), rastas tik kartą. “*Naminis gyvulėlis*”, remiantis žodynų apibrėžimais, gali būti vartojamas žymėti įvairius namuose auginamus gyvūnus – auginamus malonumui (angl., “*a pet*”) bei dėl naudos (įvairūs žemės ūkio gyvūnai). Artimiausias angliškajam “*a pet*” “*naminis gyvūnėlis*”, pasirodo, yra dažniausias tekstinis daugiažodis atitikmuo šioje atitikmenų grupėje. Nors šis leksinis vienetas turi mažai kolokatų, tačiau jie atitinka “*a pet*” kolokatus (pvz., *laikyti naminius gyvūnėlius – keep pets, mėgti naminius gyvūnėlius – love the pets*). Teigiama semantinė prozodija arba afektyvusis reikšmės komponentas sustiprinamas kitų kontekstinių partnerių – “*džiaugsmas*”, “*laimė*”, “*apsaugoti*”, “*grožio konkursas*”.

Taigi šiame etape rasti 6 tekstiniai daugiažodžiai ir 3 vienažodžiai anglų kalbos daiktavardžio “*a pet*” atitikmenys. Tiktai atitikmuo “*naminis gyvūnėlis*” visiškai atspindi “*a pet*” reikšmę, tuo tarpu kiti žymi platesnes (“*naminis gyvulėlis*”, “*gyvūnėlis*”, “*gyvulėlis*”, “*padarėlis*”) ar siauresnes (“*kambarinis gyvūnėlis*”) sąvokas.

3.2.3. “*Augintinis*” ir “*įnamis*”

Daiktavardį “*augintinis*” analizei pasirinkau dėl jo afektyviojo reikšmės komponento bei, galimas daiktas, domestikacijos ir animalistinio komponentų, kurių buvimą būtina pagrįsti daiktavardžio vartoseną tekstuose. Nors DLKŽ daiktavardį “*augintinis*” apibrėžia kaip “*paimtas auginti ar išaugintas svetimas vaikas*”, tikėjau, kad šis daiktavardis turi dar vieną reikšmę, siejamą su gyvūnais, auginamais namuose. Iš tekstyno gautos 623 konkordanso eilutės su šiuo daiktavardžiu. Šio konkordanso analizė buvo sudėtinga, nes po kairiųjų ir dešiniųjų kolokatų rūšiavimų nepasirodė jokie žymūs kolokacijų modeliai. Buvo nemažai junginių su funkciniais žodžiais (šiuo konkrečiu atveju, su savybiniais įvardžiais): “*mano augintinis*”, “*tavo augintinis*”, “*mūsų augintinis*” ir pan. Deja, tokie junginiai nenaudingi, nes iš jų nepaaiškėja, kokią sąvoką žymi daiktavardis. Rastos tik kelios svarbesnės kolokacijos:

keturkojis augintinis: 25 konkordanso eilutės, *šeimos augintinis*: 3, *zoologijos sodo augintinis*: 6; *globos namų augintinis*:2; *vaikų namų augintinis*:2; *prieglaudos augintinis*:3; *augintinis bute*:2, *augintinių ekskrementai*:2.

Siekiant rasti daugiau vertingų, tačiau tolimesnių kontekstinių partnerių, teko perskaityti visas konkordanso eilutes, pasirinkus išplėsto konteksto galimybę programoje. Tokiu būdu paaiškėjo, kad “*augintinis*” iš tiesų yra daugiareikšmis daiktavardis, žymintis ne tik įvaikintą vaiką (tai buvo vienintelė reikšmė, pateikta žodynuose), tačiau ir bet koki asmenį, besilaikantį mokytojo mokymo ar ideologijos (pvz., “*nepriklausomybės augintinis*”, “*KGB augintinis*”, “*Egzodo augintiniai*”). Svarbiausia, kad šis daiktavardis reiškia ir žmonių auginamus gyvūnus, pvz., “*Vienišas augintinis kaimynus “džiugina” ilgesingu staugimu*”; “*zoologijos sodo augintiniai*”. Remiantis dažnumo duomenimis, pastaroji reikšmė yra dažniausia - net 514 konkordanso eilučių iš 623.

Perskaitytas išplėstas konkordanso eilučių tekstas taip pat padėjo suvokti, kad “*augintinis*” nėra visiškai angliškojo “*a pet*” ekvivalentas, kaip buvo manoma tyrimo pradžioje. Kontekstas parodė, kad šiuo daiktavardžiu pavadinami šunys, katės, arkliai, liūtai, pelės, avys, balandžiai, driežai, gandrai, iguanos, kalakutai, kiaulės, jūros kiaulytės, ožkos, papūgos ir kiti gyvūnai. Galima daryti išvadą, kad šis daiktavardis žymi bet kuri gyvūną, kuri žmonės tam tikrą laiką tarpą augina, globoja ar laiko savo malonumui. Tai parodo kontekstiniai partneriai “*zoologijos sodo*”, “*veislyno*”, “*globoti*”. Toks gyvūnas yra laukinis ar prijaikintas ir gyvena, remiantis perkaitytomis konkordanso eilutėmis, bute, name, zoologijos sode, tvarte ir bet kurioje kitoje vietoje, kur žmogus gali juo pasirūpinti. Svarbus reikšmės komponentas – domestikacijos – šiame daiktavardyje yra kintantis ir priklauso nuo nekalbinio konteksto. Dėl šios priežasties anglų kalbos daiktavardis “*a pet*” tik iš dalies atitinka arba žymi siauresnę sąvoką nei lietuvių kalbos “*augintinis*”.

Daiktavardis “*įnamis*” taip pat buvo pasirinktas, remiantis gimtosios kalbos intuicija. “*įnamis*” turi dvi reikšmes: 1) *kas gyvena pas svetimus, kampininkas; nuomininkas*, 2) *gyvūnas ar paukštis, gyvenantis prie namų* (DLKŽ). Tekstyne šis daiktavardis rastas 205 kartus. Panašiai kaip “*augintinis*”, “*įnamis*” turi mažai kolokatų: *naujas įnamis*: 12 konkordanso eilučių, *keturkojis įnamis*: 2; *mokyklos įnamis*: 2. Tad visas konkordanso eilutes reikėjo skaityti išplėtus kontekstus. 74 konkordanso eilutėse šis daiktavardis vartojamas kaip žurnalo pavadinimas. Likusias eilutes galima suskirstyti į tris dalis: įnamiai – žmonės (59 eilutės), įnamiai - gyvūnai (51 eilutė) bei kiti pavartojimo atvejai (21 eilutė). “*įnamis*” pirmąją reikšmę žymi nuomininkus, įvaikintus vaikus, laikinai gyvenančius įnamius ar tiesiog gyventojus. Prie “kitų pavartojimo atvejų” priskirtos eilutės, iš kurių negalima suprasti, kuria reikšme “*įnamis*” yra pavartotas. Įdomu tai, kad tekstynas atskleidė naują daiktavardžio “*įnamis*” reikšmę, kuri nėra fiksuota žodynuose: įmonė, kuri nuomoja patalpas iš kitos įmonės. Be abejonės, ši reikšmė turėtų būti laikoma antrine ar perkeltine, nes siejasi su pirmąja reikšme. Be to, tai nebūtų vienintelis ir dažniausiai vartojamas žodis, pavadinantis patalpas besinuomojančią įmonę. Augalai tekstyne taip pat pavadinami įnamiais, o ši daiktavardžio reikšmė taip pat turėtų būti laikoma antrine.

Įnamis – gyvūnas vartojamas žymėti įvairius gyvūnus: kiaules, žiurkes, šernus, žalčius, sliekus, papūgas, tarakonus, šunis, kates, vėžlius, skruzdėles, gulbes, bites. Apibendrintai galima pasakyti, kad “*įnamis*” gyvūnus žymi trimis atvejais: 1) gyvūno, auginamo malonumui, 2) bet kurio gyvūno, kuriuo rūpinamasi (dažniausiai laikinai) ir 3) nepageidaujamų gyvūnų namuose (ironiškai kalbant apie skruzdėles, tarakonus, peles ar žiurkes). Dėl to domestikacijos komponentas šiame daiktavardyje yra silpnesnis, kadangi pelės ar tarakonai nėra pageidaujami namuose, o šernai ar žalčiai iš tiesų nėra prijaukinti. Kolokacija “*keturkojis įnamis*” bei anksčiau minėta “*keturkojis augintinis*” žymi kiek kitą sąvoką nei anglų kalbos “*a pet*”. Pirma, šie daugiažodžiai atitikmenys žymi tik keturkojus gyvūnus, antra ir svarbiausia, nėra aiškus funkcinis komponentas – gyvūnas gali būti laikomas kaip kompanionas arba todėl, kad jam reikia žmogaus pagalbos. Todėl šia reikšme “*įnamis*” yra sinonimiškas “*augintiniui*” ir yra platesnės reikšmės nei “*a pet*”.

Apibendrinant reikia pasakyti, kad daiktavardžiai “*augintinis*” ir “*įnamis*” turi afektyvųjį ir animalistinį reikšmės komponentus, tačiau funkcinis komponentas nėra aiškiai leksikalizuotas ir negali būti aptariamasis. Esminis skirtumas, skiriantis šiuos daiktavardžius nuo angliškojo “*a pet*”, yra domestikacijos komponente, kuris, “*augintinio*” ir “*įnamio*” atveju, yra kintantis.

3.2.4. “*Numylėtinis*” ir “*lepūnėlis*”

Paskutinė galimų tekstinių atitikmenų pora yra “*numylėtinis*” ir “*lepūnėlis*”. DLKŽ apibūdintas tik “*numylėtinis*” – mylimas žmogus.

Tekstyne “*numylėtinis*” pasirodo 558 kartus. Jo pagrindiniai kolokatai yra pirmieji žodžiai iš kairės. Visi jie yra kilmininko linksnyje esantys daiktavardžiai, kurie aiškiai apibrėžia, kokie numylėtiniai žymimi šiomis kolokacijomis:

publikos numylėtinis: 41; *vaikų numylėtinis*: 16; *moterų numylėtinis*: 14; *merginų numylėtinis*: 14; *tautos numylėtinis*: 15; *šėimos numylėtinis*: 13; *žmonių numylėtinis*: 13; *aistruolių numylėtinis*: 8; *likimo numylėtinis*: 7; *Dievo numylėtinis*: 5; *namų numylėtinis*: 5; *šeimininko numylėtinis*: 5; *amerikiečių numylėtinis*: 4; *paauglių numylėtinis*: 4; *pasaulio numylėtinis*: 4; *fortūnos numylėtinis*: 3; *Dzeuso numylėtinis*: 2; *fanų numylėtinis*: 2; *festivalio numylėtinis*: 2; *scenos numylėtinis*: 2; *sirgalių numylėtinis*: 2; *mokytojų numylėtinis*: 2.

Šios kolokacijos atskleidžia tris daiktavardžio reikšmes: 1) mėgiamas, mylimas žmogus; 2) žmogus, kuriam sekasi; 3) auginamas gyvūnėlis malonumui (kolokatas “*šeimininko*”, galbūt “*namų*” ir “*šėimos*”). Paskutinės reikšmės kolokatai atitinka anglų kalbos “*a pet*” kolokatus (plg. *pet owner/s*: 35, *household pets*: 4, *family pet/s/family’s pet*: 15/2). Deja, tai vieninteliai svarbesni kolokatai, todėl jų negalima laikyti svarbiais duomenimis. Perskaičius konkordanso eilutes su išplėstu kontekstu, paaiškėjo, kad “*numylėtinis*” taip pat žymi tiesiog mėgstamiausius

gyvūnus, pvz., mėgstamiausią gyvūną zoologijos sode. Šias dvi reikšmes “mėgstamiausias gyvūnas” ir “malonumui auginamas gyvūnas (“a pet”) sunku atskirti, nes su šiuo daiktavardžiu nesusidaro ryškių kolokacinių junginių, o šios dvi reikšmės yra labai artimos viena kitai. Be to, ne vien tradiciniai malonumui auginami gyvūnai – katės ir šunys – vadinami numylėtiniais. Gyvatė, arklys, ožys, gandras, panda, gaidys, karvė, meška ir kiti gyvūnai taip pat vadinami numylėtiniais. Tad šis daiktavardis savo animalistine reikšme nelygintinas su angliškuoju daiktavardžiu. Išskyrus kelis atvejus, kur daiktavardis žymi malonumui auginamus gyvūnus, jis labiau nusako mėgstamiausią žmogų/gyvūną ar favoritą.

“*Lepūnėlis*” yra retas žodis tekстыne – rastas tik 42 kartus. Daiktavardis turi mažai kolokatų: *mamos lepūnėlis*:4 ir *likimo lepūnėlis*:2. Tiktai keturis kartus daiktavardis žymi gyvūną. Be to, du iš keturių kartų “*lepūnėlis*” siejamas tiesiog su mėgstamiausiu gyvūnu. Taigi, nors “*lepūnėlis*” galėtų būti vartojamas kalbant apie malonumui auginamus gyvūnus (t.y., mylimus, lepinamus gyvūnus), jo negalima laikyti anglų kalbos “a pet” ekvivalentu.

Trumpai tariant, tekstynų duomenys patvirtina tik afektyvųjų daiktavardžių “*numylėtinis*” ir “*lepūnėlis*” reikšmės komponentą. Jei yra animalistinis komponentas (t.y., tais atvejais, kai daiktavardžiai tiesiogiai žymi gyvūnus), domestikacijos ir funkciniai komponentai nėra išreikšti. Dėl tokių reikšmių apimčių skirtumų tekstiniai atitikmenys “*numylėtinis*” ir “*lepūnėlis*” yra bendresnės reikšmės nei anglų kalbos “a pet”.

3.3. Tekstiniai atitikmenys: santrauka

Anglų kalbos “a pet” vartosena tekстыne patvirtina keturis reikšmės komponentus, kurie buvo suformuoti žodinių apibrėžimų pagrindu: animalistinį, domestikacijos, afektyvųjų ir funkcinį. Paaiškėjo, kad domestikacijos komponentas labiau sietinas su prijaukinimu negu su gyvenimu namuose.

Lietuvių kalbos tekstyno duomenys atskleidė visą eilę anglų kalbos “a pet” tekstinių atitikmenų. Aptarus jų reikšmių komponentus išaiškėjo, kad ši leksinė ertmė lietuvių kalboje paprastai užpildoma bendresnės reikšmės daugiažodžiais (pvz., “*naminis gyvūnas*”, “*naminis gyvūlys*”, etc.) bei vienažodžiais (“*gyvūnas*”, “*gyvūnėlis*”, “*gyvulėlis*”, “*padarėlis*”) atitikmenimis arba siauresnės reikšmės daugiažodžiais atitikmenimis (“*keturkojis augintis*”, “*kambarinis gyvūnas*” etc.). Vienintelis tekstinis daugiažodis atitikmuo “*naminis gyvūnėlis*” visiškai atspindi leksinę “a pet” reikšmę.

4. Išvados

4.1 Anglų kalbos “a pet” animalistinė reikšmė yra leksinė ertmė lietuvių kalboje. Pirma, šiai sąvokai nusakyti nėra visuotinai žinomo ir vartojamo vienažodžio termino. Žodynuose pateikiamų 4 skirtingų daugiažodžių atitikmenų reikšmės nepilnai atitinka šią anglų kalbos daiktavardžio reikšmę. Antra, lietuvių kalbos tekстыne rasti net 28 skirtingi tekstiniai vienažodžiai ir daugiažodžiai atitikmenys taip pat tik iš dalies atspindi daiktavardžio reikšmę. Atitikmenų įvairovė bei skirtingos reikšmių apimtys įrodo, kad “a pet” žymima sąvoka nėra leksikalizuota lietuvių kalboje.

4.2 Anglų-lietuvių kalbų žodynuose pateikiami keturi anglų kalbos daiktavardžio “a pet” sisteminiai daugiažodžiai atitikmenys: “*mylimas gyvulėlis*”, “*kambarinis gyvūnėlis*”, “*naminis gyvūnėlis*” ir “*naminis gyvulėlis*”. Remiantis leksikografiniais duomenimis bei gimtosios kalbos intuicija, prieita išvada, kad tiktai “*naminis gyvūnėlis*” yra artimiausias “a pet” reikšmei. “*Mylimas gyvulėlis*” ir “*naminis gyvulėlis*” yra platesnės, tuo tarpu “*kambarinis gyvūnėlis*” yra siauresnės reikšmės atitikmenys.

4.3 Lietuvių kalbos tekстыne rasti 28 tekstiniai atitikmenys. Tik vienas tekstinis atitikmuo – “*naminis gyvūnėlis*” (kuris taip pat buvo pateiktas vertimo žodynuose) – žymi panašią sąvoką kaip “a pet”. Deja, šis tekstinis atitikmuo yra retas, palyginti su anglų kalbos “a pet” dažnumu – 36:815 – turint omenyje tai, kad abu tekstynai yra panašaus dydžio ir to paties

I. SISTEMINIAI LINGVISTINIAI TYRINĖJIMAI: TEORIJA IR PRAKTIKA

pobūdžio. Likę 27 (t.y., atmetus “*naminį gyvūnėlį*”) tekstiniai atitikmenys galėtų būti suklasifikuoti į:

1. tekstinius vienažodžius atitikmenis, kurie yra platesnės reikšmės nei “*a pet*”:

- su nekintančiu animalistiniu komponentu ir kintamu funkcinio komponentu: *gyvūnas*,

- su nekintančiais animalistiniu ir afektyviuoju komponentais, bet kintančiu funkcinio komponentu: *gyvūnėlis*, *gyvulėlis* ir *padarėlis*,

- su nekintančiu afektyviuoju ir animalistiniu komponentais, bet kintančiu domestikacijos komponentu: *augintinis* ir *įnamis*,

- su nekintančiu afektyviuoju komponentu, bet kintančiu domestikacijos ir funkcinio komponentais: *numylėtinis* ir *lepūnėlis*.

2. tekstinius daugiažodžius atitikmenis:

- platesnės reikšmės: *naminis gyvūnas*, *naminis gyvulys*, *naminis padaras*, *naminis gyvulėlis*; t.y., su kintančiu funkcinio komponentu;

- siauresnės reikšmės: a) *kambarinis gyvūnas*, *kambarinis gyvulys*, *kambarinis gyvulėlis* (*gyvūnai*, *laikomi tik namie*); b) *keturkojis augintinis*, *keturkojis įnamis* (*tik keturkojai gyvūnai*).

3. kitus atsitiktinius daugiažodžius junginius, kurie dėl nedidelio dažnumo nebuvo aptarti: *namuose auginamas gyvūnas*, *namuose laikomas gyvūnas*, *namų gyvūnas*, *namie auginamas gyvūnas*, *namuose gyvenantis gyvūnas*, *bute gyvenantis gyvūnas*, *bute laikomas gyvūnas*, *namų gyvūnėlis*, *namuose auginamas gyvūnėlis*, *namuose laikomas gyvūnėlis*.

4.4. Sisteminiai daugiažodžiai atitikmenys, t.y., pateikti vertimo žodynuose, tekstyne nėra dažni: *kambarinis gyvūnėlis* – 1; *naminis gyvūnėlis* – 36; *naminis gyvulėlis* – 13 kartų. Be to, sisteminis atitikmuo “*mylimas gyvulėlis*” tekstyne visai nerastas.

LITERATŪRA

1. ARNOLD, D.J. et al. Machine Translation: an Introductory Guide. London: Blackwells-NCC, 1994.
2. BAKER, M. In other words. London and New York: Routledge, 1997.
3. LYONS, J. Semantics. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
4. MARCINKIEVIČIENĖ, R.. Palyginamieji tekstynai – šaltinis tarptautinių žodžių vartosenai tirti. Kalbotyra. Nr. 51 (3), Vilnius, 2002, p. 81-93.
5. SINCLAIR, J. The Search for Units of Meaning. Textus: 9, 1996, p. 75-106.
6. STUBBS, M.. Words and Phrases: Corpus Studies of Lexical Semantics. Oxford: Blackwell Publishers, 2001.

ŠALTINIAI

1. BARAVYKAS, V.; PIESARSKAS, B. Trumpas mokyklinis anglų-lietuvių ir lietuvių-anglų kalbų žodynas. Kaunas: Šviesa, 1966.
2. Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993.
3. Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2000.
4. Europos Sąjungos terminų žodynas “EUROVOC”. www.lrs.lt
5. HORNBY, A.S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English. Oxford: University Press, 1995.
6. Longman Dictionary of Contemporary English. *Ruski Jazik*. Moskva, 1992.
7. NORKAITIENĖ, M.; ŠEPETYTĖ, R.; ŠIMĖNAITĖ, Z. *Mokomasis lietuvių kalbos žodynas*. Vilnius: Baltos lankos, 2000.
8. PIESARSKAS, B. Didysis anglų-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius: Alma Littera, 1998.
9. PIESARSKAS, B. Didysis anglų-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius: Alma Littera, 2000.
10. PIESARSKAS, B. Dvitolmis anglų-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius: Alma, Littera, 2004.
11. PIESARSKAS, B.; SVECEVIČIUS, B. Anglų-lietuvių, lietuvių-anglų kalbų žodynas. Vilnius: Žodynas, 1994.
12. SVECEVIČIUS, B. Anglų-lietuvių kalbų žodynas. Kaunas: Aura, 1992.
13. SVECEVIČIUS, B. Anglų-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius: Žodynas, 1997.
14. SVECEVIČIUS, B. Anglų-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius: Žinytas, 1998.
15. SVECEVIČIUS, B. Anglų-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius: Žodynas, 2002.
16. The New International Webster’s Comprehensive Dictionary of the English Language. Naples: Trident Press International, 1996.
17. The New Oxford Dictionary of English.. Oxford: Oxford University Press, 2001.

18. The Oxford Paperback Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1994.
19. Webster's New Universal Unabridged Dictionary. Cleveland: Dorset and Bater, 1983.

Jurgita Cvilikaitė

Vytautas Magnus University, Lithuania

LEXICAL GAPS: ANALYSIS OF THE ENGLISH “A PET” AND ITS LITHUANIAN COUNTERPARTS

Summary

A lexical gap is understood as inadequacy between a concept and its lexical expression in at least two languages. It is a phenomenon when a concept in one language is lexicalised, i.e., is encoded by one word, while in the other language it does not have a stable and known name and is expressed in different ways. A lexical gap usually represents a concept that is foreign or not important to the speakers of a language. In translation the unlexicalized concept is translated with the help of various compensatory techniques.

The meaning of the English noun “*a pet*” - “an animal kept at home for pleasure” - represents a lexical gap in Lithuanian, as it does not have a stable and widely used equivalent. The analysis is carried out in two stages. The first stage involves analysis of lexicographic data. Identification of individual meaning components from dictionary definitions provides a structural picture of the concept, and comparison with the components inherent in its systemic counterparts provided in bilingual dictionaries helps to see different lexicalisation processes in two languages. During the second stage, analysis of comparable corpus data (looking for collocational patterns and further contextual partners) provides other lexicalisations (one-word or multi-word textual counterparts) for a concept in question. The discussion of semantic meaning components helps to see how a concept is lexicalised in a language having a lexical gap (e.g., one word or a multi-word expression with a more general or narrower meaning).

KEY WORDS: lexical gap, lexicalisation, meaning component, systemic counterpart, textual counterpart, collocates, collocation, contextual partner

Renata Endzelytė

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

El. paštas: r.endzelyte@hmf.vdu.lt

PAKRUOJO RAJONO VIETŲ VARDAI

Lietuvos vietų vardai palyginti mažai tyrinėti, o vietovardžių regioninė analizė dar tik pradedama. Pakruojo vietovardžių tyrimas – vienas pirmųjų tokio tipo darbų. Tikrinių žodžių darybinės analizės tikslas – nustatyti, koku būdu sudaryti ar sudaromi nauji vardai. Darybiškai analizuojant toponimus svarbu nustatyti, kaip susidarė vietos vardas, kaip jis siejasi su tais tikriniais ar bendriniais žodžiais, iš kurių yra kildinamas. Pakruojo rajono vietovardžiai chronologiškai nėra vienalyčiai, skirtingus jų sluoksnius lemia būtent vardų atsiradimo laikas. Vietos pavadinamos sąvokomis, kurios artimos ir svarbios žmogui, su kuriomis jis kasdien susiduria, kai kurie vardai sietini su tam tikrais istoriniais įvykiais ar laikotarpiais. Vardyno proporcijos pasiskirstė taip: pirminiai vardai sudaro 29,8%, priesagų vediniai – 27,9%, sudurtiniai vardai – 20,5%, sudėtiniai vardai – 15,7%, priešdėlių vediniai – 4,1%, galūnių vediniai – 2%. Vietų vardų darybai vartojami visi kalboje esantys žodžiai – ir tikriniai, ir bendriniai.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: vietovardžių regioninė analizė, darybinė analizė, tikriniai ir bendriniai žodžiai.

Lietuvos vietų vardai palyginti mažai tyrinėti, o vietovardžių regioninė analizė dar tik pradedama. Pakruojo vietovardžių tyrimas – vienas pirmųjų tokio tipo darbų¹. Čia aptariama 2353 vietų vardai (pasikartojantys vardai neskaičiuojami). Toponimai skirstomi į tris grupes: gyvenamųjų vietų vardus (662), vandenvardžius (477) bei žemėvardžius (1218). Pastarajai vietovardžių klasei priskiriami vardai gali būti analizuojami kaip atskirų subklasių vardai (agronimai², drimonimai, hodonimai, oronimai etc.), tačiau apskritai darybinei vardų analizei tai didesnės reikšmės neturi, juolab kad jų daryba labai panaši.

Tikrinių žodžių darybinės analizės tikslas – nustatyti, koku būdu sudaryti ar sudaromi nauji vardai. Darybiškai analizuojant toponimus svarbu nustatyti, kaip susidarė vietos vardas, kaip jis siejasi su tais tikriniais ar bendriniais žodžiais, iš kurių yra kildinamas. Toponimai, formaliai nesiskiriantys nuo pamatinių žodžių, buvo skiriami pirminiams, o turintys papildomų darybinių formantų – priešdėlį, priesagą ar galūnę, taip pat sudėtiniai ir sudurtiniai – antriniam vietų vardams³.

Pirminiai vardai sudaro 29,8% visų toponimų. Daugumą pirminių toponimų sudaro antroponiminės kilmės oikonimai, pasidaryti iš patroniminių asmenvardžių, pvz.: *Armonāičiai* k., Pkr : *Armonāitis* avd.; *Bagdonāičiai* k., Pkr : *Bagdonāitis* avd.; *But₁nai* k., Pkr : *But₁nas* avd.; *Sigut₁nai* k., Pkr : *Sigut₁nas* avd.; *Arimóniai* k., Pkr : *Arimónis* avd.; *Gailióniai* k., Pkr : *Gailiónis* avd.; *Vaineróniai* k., LnkV : *Vainerónis* avd.; *Nakrašičnai* k., LnkV : *Nakrašičnas* avd.; *Šarčnai* k., Pkr : *Šarčnas* avd.; *Vaitkčnai* k., Pkr : *Vaitkčnas* avd.; *Gedmíniai* k., Pkr; Pš : *Gedmínis* avd.; *Gedvašniai* pv., Pkr : *Gedvašnis* avd.; *Bu'čiai* k., Pkr : *Bu'čius* avd.; *Galka* k., LnkV : *Galkus* avd.; *Gaubia* k., LnkV; Pš : *Gaubýs* avd.; *Gérvė* b., Pš : *Gérvė* avd., dar plg. *gérvė*; *Pakalníškiai* k., LnkV; Pkr : *Pakalníškis* avd., dar plg. *pakalníškis* „pakalnėnas; pakalnės, slėnio gyventojas“; *P₁teris* l., LnkV : *P₁teris* avd.; *Ple'tas* vnk., LnkV : *Ple'tas* avd., dar plg. *ple'tas*; *Sidauga* k., Pkr : *Sidaugas* avd.; *Šiečiai* k., Pkr : *Šiečius* avd.

Nemažą dalį sudaro fiziografiniai toponimai, pvz.: *Brastâ* b., LnkV; Žml : *brastâ*; *Ganiavâ* sln., Pkr : *ganiavâ*; *Gvyatýnė* b., krm., Pkr; b., mš., LnkV; b., Žml; mš., Pš : *gvyatýnė*;

¹ Darybiškai išanalizuoti tik Telšių rajono toponimai I. Mickienės disertacijoje „Telšių rajono toponimų daryba“.

² Dėl terminų plačiau žr. Mickienė I. „Telšių rajono toponimų daryba“, p. 3-5.

³ Darybinei analizei panaudota A. Vanago sudaryta struktūrinė-gramatinė klasifikacija, žr. „Lietuvos TSR hidronimų daryba“, p.25.

Juodalksnynė b., Lgm; Pš : *juodalksnynė*; *Karklynė* b., pv., Pkr; l., Pš : *karklynė*; *Kelmynė* vnk., Lnk; l., plk., Pkr : *kelmynė*; *Kr̄mai* drv., Lnk; Pšvt : *kr̄mai*; *Pāduobiai* k., Lnk : *pāduobė*; *Paežeria* k., Pkr : *paežerės*, *paežerė*; *Pagiria* k., Lnk; Žml; *Pagirys* k., Lnk : *pagirys*; *Palā* up., Mūšos int., Pkr : *palā* „bala, pelkė, raistas“, *pālios*, *Pōlimas* gr., Lnk : *pōlimas*; *Pr̄4das* pv., db., Pkr : *pr̄4das*; *Sietuvā* pv., stv., Pkr : *sietuvā*; *Ūžbaliai* pv., Lnk : dgs. *ūžbalis*; *Ūžkapė* pv., Lgm; Pš : *ūžkapė*.

Apeliatyvai semantiškai labai įvairuoja. Darybos pamatu gali būti asmenų (*Angliadegys* pv., Lnk : *angliadegys*; *Močiūlė* gn., Pš : *močiūlė*; *Tremtiniai* k., Pš : dgs. *tremtinys*), augalų (*Gr̄4šė* db., Pkr ; *gr̄4šė* „kriaušė“; *Serbe'tas* upl., Žml : *serbe'tas*), gyvūnų (*Sākalas* mš., Pš : *sākalas*; *Vovero* l., Lnk : *vovero*), šalių (*Bulgārija* vnk., Lgm : *Bulgārija*; *Galīcija* k.d., Pkr : *Galīcija*; *Pe»sija* k.d., Pkr : *Pe»sija*; *Sībias* l., Pš : *Sībias*), pastatų (*Brāvoras* pv., Pš : *brāvoras*; *Krūogas* sdb., Lnk : *krūogas* „karčema“), kūno dalių (*Uodegā* l., Lnk; pv., : *uodegā*) pavadinimai, skaitvardžiai (*Šištosios* drv., Pkr : *šištosios*), buityje naudojami dalykai (*Kārtuvės* db., Lnk : *kārtuvės*; *Skambūtis* l., Pš; akm., Pš : *skambūtis*; *Spynā* pv., Lgm : *spynā*), būdvardžiai (*Brangiōji* mš., Lgm : *brangiōji*; *Īlgosios* l., Pkr : dgs. *ilgōji*; *Kreivāsis* kl., Lgm : *kreivāsis*), etc.

Priesagų vediniai sudaro 27,9% visų vietų vardų. Toponimų darybai vartota beveik 100 priesagų ir jų variantų, tačiau dauguma vietų vardų sudaryta su keliomis priesagomis:

-el-: *Rusl-iliai* k., vnk., Pkr : *Ruslia* k., Pkr; *Sal-ilė* sl., Lnk; kln., Pš : *salā*; *Siaur-ilės* drv., Pkr; *Siaur-iliai* drv., Lgm : *sia÷ras*, -ā; *Sien-ilė* tk., Lgm : *sīena*; *Skēr-iliai* k., Lnk : *Skēria* k., Lnk; *Smail-ilė* pv., Pkr : *sma÷las*, -i, dar plg. *Smailys* avd.; *Smilg-iliai* vnk., Lnk : *Smilgia* k., Lnk;

-ėl-: *Kundrot-oliai* k.d., Pkr : *Kundróčiai* k., Pkr; *Lašup-olis* up., Lgm : *Lāšupis* up.; *Liepyn-olis* kln., Žml : *liepynas*; *Lygum-olis* drv., Žml : *lygumā*; *Martyn-olis* vt., Pkr : *Martynas* avd.; *Pridotk-oliai* l., Lgm : *pridōtkas* „pridėtinis žemės plotas“; *Sietuv-olė* pv., Pkr : *sietuvā*; *Skynim-olis* drv., Pkr : *skynimas*; *Slyvyn-olis* sd., Lnk : *slyvynas*; *Šilad-olis* up., Kruojos int., Lgm : *Šiladis* up.;

-yn-: *Balčiūn-ynė* sdb., Lnk : *Balčiūnas* avd.; *Bezdal-ynė* sdb., Lnk : *bizdalas*, dar plg. *bizdas* „alyva“; *Blus-ynė* k., Lnk : *blusā*; *Brūver-ynė* ūk., Pšvt; Pkr : *Brūveris* avd.; *Kamš-ynė* drv., Pkr : *kamšā*; *Karos-ynė* b., Lnk : *Karōsas* avd., dar plg. *karōsas*; *Katin-ynė* drv., Pš : *Kātinas* avd., dar plg. *kātinas*; *Kybur-ynė* drv., Pš : *Kyburys* avd.; *Kin-ynė* b., Pš : *kīnis* „kiaulės guolis“; *Kupst-ynė* drv., Pkr : *Kūpstas* avd., dar plg. *kūpstas*;

-in-: *Gryb-inė* b., Lnk : *gr̄ibas*; *Jokūb-inė* b., drv., pv., krm., Pkr : *Jok̄4bas* avd.; *Kiel-inė* pv., Pkr : *kīelė*; *K̄dr-inė* pv., Lnk : *k̄dra*; *Lāp-inės* pv., Pkr : *lāpas*, *lāpė*; *Pakap-inė* drv., l., Pkr; Lgm : *pakap*; *Pakluon-inė* drv., Lgm : *paklūonė*; *Paliėkn-inės* l., Pkr : *palīėknė*; *Peil-inės* gn., Pkr : *pe÷lis*;

-išk-: *Dīmš-iškiai* k., vnk., *Dīmš-iškis* pv., mš., Pkr : *Dīmša* avd.; *Dovain-iškiai* k., vnk., Pkr : *Dovāñnis* avd.; *Dōvyd-iškiai* k., Lnk : *Dōvydas* avd.; *Gēdvil-iškis* drv., Lgm : *Gēdvilas* avd.; *Gírñ-iškis* drv., Pkr : *Gírñius* avd.; *Grīg-iškis* drv., Lgm : *Grīgas* avd.; *Jarūl-iškis* pv., Lnk : *Jarūlis* avd.

Su kitomis priesagomis bei jų variantais sudaryta po vieną kitą toponimą: *August-avas* k., Pkr : *Augūstas* avd.; *Beržyn-iukas* drv., Lgm : *beržōnas*; *Dil-ėnka* pv., Pkr : *Dilys* avd.; *Gaidž-iukai* drv., Pkr : *gaidys*, *Gaidys* avd.; *Juod-uvā* b., Pkr : *jūodas*, -ā; *Kaln-uōčiai* k., Lnk : *kālnas*; *Kaulin-ōčia* drv., Pkr : *Kāulinis* avd., dar plg. *kāulinis* „iš kaulo“; *Pam̄4š-nikai* k., Lnk : *Pam̄4šis* k., dar plg. *pam̄4šis*; *Ram-ōtė* up., Pkr : *ramūs*, -i; *Šed-uvā* krm., Pkr : *Šedys* avd.; *Til-ka* up., Lgm : *tylūs*, -i; *Traukt-ūvė* vt., Pš : *trāukti*; *Jakīm-uvka* k., Lnk : *Jakīmas* avd.

Priešdėlių vedinių yra tik 4,1%. Dauguma toponimų sudaryta su priešdėliu *pa-*: *Pa-ąžuolynė* drv., Lnk : *ąžuolynė*; *Pa-beržynė* drv., Pkr : *beržynė*; *Pā-dauguva* k., Pkr : *Dauguvā* up.; *Pā-dubysys* k., Pkr : *Dubōsa* up.; *Pā-yslikis* k., Lnk : *Ōslikis* up.; *Pa-m̄4šis* k., Pkr : *Mūšā* up., dar plg. *pam̄4šis* „vieta palei Mūšos upę“; *Pa-starklizdys* drv., Lnk : *sta»klizdis*; *Pa-šaltinė* pv., Lgm : *šaltinis*; *Pā-šermukšnis* l., Lgm : *šermukšnis*; *Pa-v, zgiai* k., Pkr : *V, zge* up.; *Pa-žydmiškis* b., Pš : **Žydmiškis*;

Su priešdėliais *ant-*, *be-*, *prie-*, *už-* sudaryta po keletą vedinių: *A¹t-kalniai* k., Lnkv : *kālnas*; *Be-šóniai* k., Pkr : *šónas*; *Prîe-dirvonės* drv., Lnkv : *dirvonas*; *Ûž-kruojis* gn., Lgm : *Kruojâ* up.; *Ûž-kuolingė* pv., *Ûž-kuolingis* mš., Pkr : *Kúolingai* k., Pkr; *Ûž-vėzge* drv., *Ûž-vėzgis* pv., Pkr : *V_zgė* up.;

Galūnių vediniai nėra labai aiškūs dėl to, kad ne visada galima galima atskirti, kur vedinys, o kur tarminė forma. Aiškesnių galūnių vedinių sudaryta su galūne *-ė*: *Aukšn-ė* drv., Lnkv : *auksnis*; *Dubūr-ė* b., gn., Lgm : *dūburas*; *Gyl-^o* db. Kruojoje, Lgm; db. Berštalyje, Žml : *gilūs*, *-í*; *Júod-ė* up., Šakynos int., Pkr : *júodas*, *-â*; *Lìgmin-ė* mš., Pkr : *Lìgminas* avd.; *Plón-ė* up., Lnkv : *plónas*, *-â*; *Pu»v-ė* b., Pš; b., drv., Pkr : *pu»vas*; *R^{3/4}d-ė* b., Pkr : *Rūdýs* avd., dar plg. *rūdâ*, *rūdas*, *-â*; *Sālv-ės* pv., Pkr : plg. *salv_{ti}* „greitai tekėti“; *Striūk-ės* b., Lnkv : *striūkas*, *-â*; *Súod-ė* up., Žml : plg. *súodžiai*, *súodas* „juodas“;

Produktyviausias toponimų darybos būdas – žodžių jungimas. Šiuo būdu sudaryta bemaž trečdalis vietų vardų (iš 36,2 % sudurtiniai toponimai sudaro 20,5%, o sudėtiniai – 15,7 %). Pirmuoju atveju vietovardį sudaro vienas žodis, o antruoju – du. Šnekamojoje kalboje šie darybos būdai dažnai maišomi, juolab, kad iš sudėtinio vardo visai nesunku padaryti sudurtinį ir atvirkščiai. Be to, vietovardžių dėmenų santykiai ir kilmė panašūs: pirmasis sudurtinio ar sudėtinio vardo dėmuo nurodo objekto priklausomybę (asmeniui, vietai), ko nors buvimą (augalų, gyvūnų, paukščių), ypatybę (dydį, formą, spalvą) ir t.t., todėl juo gali būti bet koks tikrinis ar bendrinis žodis (daiktavardis, būdvardis, kartais veiksmažodis). Antrasis dėmuo dažniausiai yra objekto bendrinis pavadinimas (*balâ*, *griovýs*, *pîeva*, *kālnas*, *kìlias*, *la÷kas*, *míškas* etc.): *Júod-upė* gr., Pš; up., Lgm : *júodas*, *-â*, *ùpė*; *Nauj-â-dvaris* vnk., Lnkv; k., Žml : *na÷jas*, *-â*, *dvâras*; *Na÷j-a-pamūšis* k., Pš : *na÷jas*, *-â*, *pam^{3/4}šis* (<*Mūšâ* up.); *Pasiūt-bala* b., Žml : *pasiūtęs*, *-usi*, *balâ*; *Píkt-akmenis* up., Lnkv : *píktas*, *-â*, *akmuo*; *Píkt-a-tiltis* l., Pš : *Píktýs* avd., dar plg. *píktas*, *-â*, *tíltas*; *Píkt-upis* b., Lnkv : *Píktýs* avd., dar plg. *píktas*, *-â*, *ùpis*; *Plík-dirvonis* drv., Lgm : *Plíkýs* avd., dar plg. *plíkas*, *-â*, *dirvonas*; *Raudón-bala* plk., Lnkv : *raudónas*, *-a*, *balâ*; *Sén-kruojis* db., up., Lgm : *sinas*, *-â*, *Kruojâ* up.; *Sén-mūšė* gr., Pš : *sinas*, *-â*, *Mūšâ* up.; *Bajōr-griovis* gr., Žml : *bajōras*, *griovýs*; *Baln-â-vietės* kln., Pš : *baunas*, *vietâ*; *Barsù-kalnis* drv., Lnkv : *barsùkas*, *kālnas*; *Daunór-kelis* kl., Lgm : *Daunóriai* k., Pkr, *kìlias*; *Eršk^ot-kalnis* kln., Lnkv : *eršk^otis*, *kālnas*; *Ïž-lizdžiai* l., Lgm : *ežýs*, *lízdas*; *Ga^odž-bala* b., Žml : *Gaidýs* avd., *gaidýs*, *balâ*; *Karv₃-dubris* dbr., Lnkv : *kārvė*, *duburýs*; *Kâtin-lieknis* b., Pš : *Kâtin_{as}* avd., *kâtin_{as}*, *liekn_{as}*; *Sóst-dvaris* dv. Pš, k., Pkr : *sóstas*, *dvâras*; *Vijuk-a-pievė* drv., Lnkv : *Vijukas* avd., *vijukas*, *pîeva*; *Vijuk-bala* b., Žml; Lgm : *Vijukas* avd., *vijukas*, *balâ*; *Žýd-laukis* l., Pkr : *žýdas*, *la÷kas*; *Žýd-pievė* pv., Pkr : *žýdas*, *pîeva*.

Sudėtinių vietovardžių dėmenų santykis gali būti dvejopas, todėl skiriamos dvi grupės: kilmininkiniai ir kvalifikaciniai. Dauguma toponimų yra kilmininkiniai (pirmasis dėmuo yra kokio nors žodžio kilmininkas, išskiriantis tą objektą iš kitų): *Beždžiōnės kalnìlis* kln., Žml : *beždžiōnė*, *kalnìlis*; *Birūtės aikštìlė* vt., Žml : *Birūtė* avd., *aikštìlė*; *Ga÷bo pîeva* pv., Pkr : *Ga÷bas* avd., *pîeva*; *Gegîedždvario balâ* gn., Pš : *Gegîedždvaris* k., *balâ*; *Gélij₃ kālnas* kln., Žml : dgs. *gėlė*, *kālnas*; *Gesvių la÷kas* drv., pv., Pkr : *Gesvi^o* k., *la÷kas*; *Gùdo balâ* drv., Žml : *Gùdas* avd., *gùdas*, *balâ*; *Ivâno sl^onis* sln., Pkr : *Ivânas* avd., *sl^onis*; *Pâšvitinio gêtas* pst., Pš : *gêtas*; *Perk₃nijos lankilė* pv., Pkr : *perk₃nija*, *lankilė*; *Petriūko kalnìlis* kln., Pkr : *Petriūkas* avd., *kalnìlis*; *Pinigj kalnìliai* drv., Lgm : dgs. *pínigas*, *kalnìlis*; *Pirtiùs balâ* b., Žml : *pirtís*, *balâ*.

Vietovardžiai, kurių pirmuoju dėmeniu eina būdvardis, yra kvalifikaciniai (jų abu dėmenys yra vardininco linksnio): *Didôsis míškas* mš., Pš : *didôsis*, *míškas*; *Didôsis sl^onis* krm., Pkr : *didôsis*, *sl^onis*; *Didžiôji aikšt^o* pv., Lnkv : *didžiôji*, *aikšt^o*; *Mažâsis sl^onis* b., Pkr : *mažâsis*, *sl^onis*; *Mažieji Klóvainiai* vnk., Pkr : dgs. *mažâsis*, *Klóvainiai* k.; *Mažieji Megučióniai* k., Lnkv : dgs. *mažâsis*, *Megučióniai* k.; *Raudonóji dūbija* vt., Lnkv : *raudonóji*, *dūbija*; *Senâsis viùskelis* kl., Žml : *senâsis*, *viùskelis*.

Palyginus Pakruojo ir Telšių rajonų toponimų darybinės analizės duomenis (žr. 1 lentelę) matyti, kad panašaus produktyvumo yra tik priešdėlių ir galūnių vediniai. Kitų darybos tipų produktyvumas gana ryškiai skiriasi, ypač sudurtinių ir sudėtinių vardų. Tiek pirminių

R. Endzelytė. PAKRUOJO VIETŲ VARDAI.

toponimų, tiek priesagų vedinių Pakruojo rajone sudaroma beveik po 10% daugiau nei Telšių rajone.

1 lentelė

Darybos tipas	Pakruojo r. toponimai	Telšių r. toponimai
Pirminiai	29,8%	17%
Priesaginiai	27,9%	14%
Priešdėliniai	4,1%	1,8%
Galūniniai	2%	2,2%
Sudurtiniai	20,5%	7%
Sudėtiniai	15,7%	57%

Hidronimų analizę galima palyginti ne tik su Telšių rajono, bet ir su visos Lietuvos⁴ upių ir ežerų vardų tyrimo rezultatais (žr. 2 lentelę). Pakruojo rajone, kaip ir visoje Lietuvoje, vandenvardžiai dažniausiai sudaromi priesaginiu būdu, o Telšių rajone – sudūrimo būdu. Tačiau abiejuose rajonuose produktyviausių darybos būdų toponimai sudaro maždaug po trečdalį visų vardų (apie 33%), o A. Vanago tyrimo duomenimis, visoje Lietuvoje produktyviausias hidronimų darybos būdas – priesaginis – sudaro daugiau nei 50% visų vandenvardžių.

2 lentelė

Darybos tipas	Pakruojo r. hidronimai	Telšių r. hidronimai	Lietuvos hidronimai
Pirminiai	18,3%	11,5%	10%
Priesaginiai	32,8%	29,1%	52,1%
Priešdėliniai	0,5%	2,6%	3,5%
Galūniniai	6,1%	15,7%	5,6%
Sudurtiniai	27,2%	33%	16,7%
Sudėtiniai	15%	8,1%	12,1%

Kalnų vardai – oronimai – taip pat išanalizuoti ne tik Pakruojo ir Telšių rajonuose, bet visoje Lietuvoje⁵. Analizės rezultatai gana panašūs (žr. 3 lentelę) – daugiausia vardų sudaryta sudūrimo ir sudėjimo būdu. Skirtumas tas, kad Telšių rajone daugiausia sudėtinių, o Pakruojo rajone, kaip visoje Lietuvoje – sudurtinių vardų. Pakruojo rajone nerasta aiškių galūnių vedinių, tačiau šis kalnų vardų darybos būdas nepopuliarus nei Telšių rajone, nei Lietuvoje.

3 lentelė

Darybos tipas	Pakruojo r. oronimai	Telšių r. oronimai	Lietuvos oronimai
Pirminiai	9,8%	8,4%	10,4%
Priesaginiai	15,2%	6,5%	13%
Priešdėliniai	1,8%	0,8%	2,6%
Galūniniai	–	1,8%	0,8%
Sudurtiniai	41,9%	16,7%	39%
Sudėtiniai	31,3%	65,8%	34,2%

Išvados:

1. Pakruojo rajono toponimų darybinė analizė rodo, jog nėra kurio nors vieno produktyviausio vietovardžių darybos būdo. Darybiškai išanalizavus 2353 vietų vardus pasirodė, kad daugiausia yra pirminių toponimų – 29,8%. Priesagų vediniai sudaro 27,9%, sudurtiniai vardai – 20,5%, sudėtiniai vardai – 15,7%. Neproduktyvūs yra priešdėlių (4,1%) ir galūnių (2%) vediniai. Tačiau skirtingų toponimų klasių proporcijos truputį kitokios:

⁴ Reminatis A. Vanago darbu „Lietuvos TSR hidronimų daryba“.

⁵ Žr. A. Vanagas „Структурно – словообразовательный анализ названий гор Литвы“.

I. SISTEMINIAI LINGVISTINIAI TYRINĖJIMAI: TEORIJA IR PRAKTIKA

- 1.1. Oikonimai sudaro 28,1% visų vardų; iš jų pirminių yra 50,7%, priesagų vedinių 31,26%, sudurtiniai vardų 8,6%, sudėtinių vardų 4,8%, priešdėlių vedinių 3,8%, o galūnių vedinių tik 0,75%;
  - 1.2. Hidronimai sudaro 20,3% toponimų; iš jų sudurtiniai – 34,8%, priesagų vedinių yra 24,3%, pirminių – 19,1%, sudėtinių – 15,1%, galūnių vediniai sudaro tik 4,2%, o priešdėlinių vediniai – 2,5%. Upių ir ežerų vardai sudaro 37,7%; iš jų priesagų vedinių yra 32,8%, sudurtinių vardų – 27,2%, pirminių – 18,3 %, sudėtinių vardų – 15%, galūnių vedinių – 6,1%, o priešdėlių vedinių vos 0,5%. Helonimai sudaro 62,3% vandenvardžių; iš jų sudurtinių vardų yra 39,4%, pirminių – 19,5%, priesagų vedinių – 19,2%, sudėtinių – 15,2%, priešdėlių vedinių – 3,7%, galūnių vedinių – 3%.
  - 1.3. Žemėvardžiai sudaro 51,7% rajono toponimų; iš jų priesagų vedinių yra 27,8%, pirminių vardų – 22,5%, sudėtinių vardų 21,8%, sudurtinių vardų – 21,3%, priešdėlių vedinių tėra 4,9%, o galūnių vedinių – tik 1,7%.
2. Produktiviausios priesagos yra *-išk-*, *-yn-*, *-el-*, *-ėl*. Dažnesni priešdėlių vediniai sudaromi su priešdėliu *pa-*. Daugiausia galūnių vedinių sudaryta su galūne *-ė*.
  3. Vietų vardų darybai vartojami visi kalboje esantys žodžiai – ir tikriniai, ir bendriniai. Tikriniai žodžiai – tai asmenų vardai (patroniminiai asmenvardžiai, senieji dvikamieniai ir vienkamieniai asmenvardžiai, krikščioniškieji vardai, jų trumpiniai, virtę pavardėmis apeliatyviniai asmenvardžiai), ir kiti vietovardžiai (hidronimai bei oikonimai), ir įvairios reikšmės bendriniai žodžiai (dažniausiai daiktavardžiai, pavadinantys augalus, paukščius ar gyvūnus bei fiziografiniai terminai, taip pat asmenų pavadinimai, etnonimai, buities rakandai. Sudėtinių ir sudurtinių vietovardžių pirmuoju dėmeniu paprastai eina asmenvardis ar kitas vietovardis (dažniausiai oikonimas ar hidronimas), o antrasis dėmuo yra objekto bendrinis pavadinimas (*balâ, pîeva, kîlias, mîškas* etc.); antruoju dėmeniu einantys būdvardžiai nusako kokias nors objekto ypatybes (*dîdelis, mâžas, platûs, gilûs, jûodas, raudónas* etc.).
  4. Būdinga gyvenamųjų vietų vardų darybos ypatybė – daugiskaitos galūnės (*pluralia tantum*). Tai ypač būdinga asmenvardinės kilmės oikonimams, nes rodo, kad gyvenamųjų vietų vardams padaryti buvo vartojama ne vieno asmens, o jų grupės (šeimos, gimimės) kaip vieneto įvardijimas.
  5. Pakruojo rajono vardyne pasitaiko ir nelietuviškos darybos toponimų. Dauguma tokių vardų yra agronimai, nes jie mažiausiai nutolę nuo bendrinių žodžių, jų darybinė reikšmė dar gana aiški. Šiuos vietovardžius galima skirti į dvi grupes: 1) žodžius su nelietuviškais formantais, pvz.: *Aleksij- evka I vnk.*, Lnk; *Aleksij- evka II vnk.*, Lnk; *Aleksijus avd.*; *Dil-énka pv.*, Pkr : *Dilýs avd.*; *Jakím-uvka k.*, Lnk; *Jakímas, Jokímas avd.*; *Sidabr-âvas plk.*, Lgm : *sidâbras*; 2) svetimus žodžius su lietuviškais formantais, pvz.: *Lesvínč-ija dr.*, Lnk; *Lesvînt-inė dr.*, Slč, plg. *lesvínčius* „eigulys“; *Magazín-ai dr.*, Žml, plg. *magazínas* „sandėlis“; *Pridôtk-ai l.*, Lgm; *Pridotk-olai l.*, Lgm, plg. *pridôtkas* „pridėtinis žemės plotas“; *Poguliânk-a drv.*, k., Lgm, plg. le. *pohulanka* „išgertuvės, linksmybės“; *Zapasn-â pv.*, Pkr.
  6. Pakruojo rajono vietovardžiai chronologiškai nėra vienalyčiai, skirtingus jų sluoksnius lemia būtent vardų atsiradimo laikas. Vietos pavadinamos sąvokomis, kurios artimos ir svarbios žmogui, su kuriomis jis kasdien susiduria, kai kurie vardai sietini su tam tikrais istoriniais įvykiais ar laikotarpiais. Tokiu būdu pastebimas vietovardžių nevienalaikiškumas: vieni jų yra labai seni, siekiantys keletą šimtų metų, pvz., *Palâ up.* : *palâ* „bala, pelkė, raistas“, *pâlios* „užakusių ežerų vietoje didelės pelkės, tyrumai“, *Sóst-dvaris dv.* : *sóstas, dvâras*; o kiti gerokai jaunesni, XIX-XX a. dariniai, pvz., *Pâšvitinio gêtas pst.* : *gêtas*; *Síbiras l.* : *Síbiras*; *Tremtíniai k.* : *tremtínia*☒.

Sutrupinimai

avd. – asmenvardis	l. – laukas	Lg – Lygumai
b. – bala	mš. – miškas	Lnkv – Linkuva
db. – duobė	plk. – pelkė	Pkr – Pakruojis

R. Endzelytė. PAKRUOJO VIETŲ VARDAI.

---

dbr. – duburys	pv. – pieva	Pš – Pašvitinys
drv. – dirva	sdb. – sodyba	Žml – Žeimelis
dv. – dvaras	stv. – sietuva	
ež. – ežeras	up. – upė, upelis	
gr. – griovys	vnk. – vienkiemis	
k. – kaimas	vt. – vietovė	
kl. – kelias		
kln. – kalnas		
krm. – krūmai		

LITERATŪRA

1. AMBRAZAS, S. *Daiktavardžių darybos raida*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2000.
2. BALČIKONIS, J. Rinkiniai raštai 1. Vilnius: Mokslas, 1978.
3. BILKIS, L. Lietuvių priesaginės darybos helonimai, Vilnius (*daktaro disertacija*), 1998.
4. BŪGA, K. Rinkiniai raštai 3. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1961.
5. ENDZELYTĖ, R. Linkuvos parapijos vietovardžiai (VDU magistro tezės). Kaunas, 1997.
6. GRINAVECKIENĖ, E. Mūšos upyno šnėkta. In *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1972. T. 13.
7. KARALIŪNAS, S. Etnonimo Gudai kilmė. *Darbai ir dienos*, 1999. 10 (19). P. 7-54.
8. KUZAVINIS, K.; SAVUKYNAS, B. Lietuvių vardų kilmės žodynas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1994.
9. Lietuvių kalbos žodynas 1-20. Vilnius, 1998.
10. Lietuvių pavardžių žodynas 1-2. Ats. red. A. Vanagas, Vilnius: Mokslas, 1985-1989.
11. Lietuvos TSR administracinio – teritorinio suskirstymo žinynas 2. Red. A. Vanagas, Vilnius: Mintis, 1976.
12. Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Red. GRINAVECKIENĖ, E. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1963.
13. Lietuvos TSR ŽŪM respublikinio žemėtvarkos projektavimo instituto vietovardžių ir gamtos apsaugos bei kultūros paminklų žiniaraštis. Kaunas, 1982.
14. MACIEJAUSKIENĖ, V. Lietuvių pavardžių susidarymas. Vilnius: Mokslas, 1991.
15. MACIEJAUSKIENĖ, V. Dėl lietuvių pavardžių vertinimo darybos požiūriu. Vilnius: Acta linguistica Lithuanica. 44. 2001.
16. MICKIENĖ, I. Telšių rajono toponimų daryba (*daktaro disertacija*). Kaunas, 2001.
17. RAZMUKAITĖ, M. Priesaginės darybos Lietuvos TSR gyvenamųjų vietų vardai iš hidronimų. In *Lietuvių kalbotyros klausimai*. 21, 1981.
18. RAZMUKAITĖ, M. Asmenvardiniai priesaginės darybos Lietuvos TSR oikonimai. Lietuvos TSR mokslų akademijos darbai. A serija 2(83), 1983.
19. RAZMUKAITĖ, M. Oikonimų, atsiradusių iš asmenvardžių su patroniminėmis priesagomis, paplitimas Lietuvoje. In *Lietuvių kalbotyros klausimai*. 32, 1993.
20. RAZMUKAITĖ, M. Priesaginiai oikonimai iš asmenvardžių ir apeliatyvinių asmenų pavadinimų. In *Lietuvių kalbotyros klausimai*. 41, 1999.
21. RAZMUKAITĖ, M. Lietuvos sudurtinių oikonimų darybos bruožai. Vilnius: Acta linguistica Lithuanica. 46. 2002.
22. SKARDŽIUS, P. Rinkiniai raštai 1. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996.
23. VANAGAS, A. Dėl upių vardų Dunojus ir Dnepras kilmės. In *Lietuvių kalbotyros klausimai*. 8. 1966.
24. VANAGAS, A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius: Mintis, 1970.
25. VANAGAS, A. Структурно – словообразовательный анализ названий гор Литвы. *Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai*. A serija. 3 (44), 1973.
26. VANAGAS, A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius: Mokslas, 1981.
27. VANAGAS, A. Lietuvių hidronimų semantika. In *Lietuvių kalbotyros klausimai*, T. 21, 1981.
28. VANAGAS, A. Mūsų vardai ir pavardės. Vilnius: Mokslas, 1982.
29. VANAGAS, A. Lietuvos miestų vardai. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996.

Renata Endzelytė

Vytautas Magnus University, Lithuania

TOPONYMS OF PAKRUOJIS DISTRICT

Summary

Regional analysis of Lithuania toponyms just begins. From this point are analysed only toponyms of Telšiai district. The article deals about the proper names of Pakruojis district. The derivational analysis is the starting point in the description of toponyms and it has the purpose to determine how are composed place names of Pakruojis district and which way they are related with the appellatives. Derivation of proper names is close to

I. SISTEMINIAI LINGVISTINIAI TYRINĖJIMAI: TEORIJA IR PRAKTIKA

---

derivation of common words but also has specific streaks. According to this all proper names (place-names, hydronyms, helonyms, oronyms, hodonyms, drymonyms, agronyms) are divided into primary and secondary names, in other words the secondary names have any formal token of derivation and primary names do not have. The usual mechanisms of derivation are observed (primary toponyms (29,8%), suffixsation (27,9%), compound toponyms (20,5%), composite toponyms (15,7%), prefixation (4,1%), affixation (2%). Most of place names are taken from antroponyms, geographical environment (*hills, mounts, lowlands, valleys fields, graves*), flora (*trees, plants*), fauna (*wild and domestic animals, birds, fishes*), corporal parts, particularities of the named object, exclusive tokens, names and surnames of owners, nationalities, mythic names and creatures.

KEY WORDS: regional analysis of toponyms, word formation, proper names and appellatives.

Kazimieras Garšva

Lietuvių kalbos institutas, Lietuva

El. paštas: k.garsva@takas.lt

PÉRVALKO-AZÍERKŲ LIETUVIŲ ŠNEKTOS

Diskutuojama dėl besikeičiančių fonetikos ir fonologijos elementų, būdingų ne visiems kalbinės bendruomenės nariams ar ne visų pastebimų. Audiciniai ir instrumentiniai eksperimentai labiausiai ginčytinų fonologijos problemų nepajėgė išspręsti. Dėl skirtingos fonetinės ir fonologinės reikšmės dvigarsių komponentų priegaidės galima interpretuoti kaip kirčius, o ilgųjų balsių ir ie, uo priegaidės - kaip tikrąsias priegaides.

Prozodemos sutampa su ilgesniais negu viena fonema linijiniais elementais (skiemeniu, žodžiu, fraze, sakiniu) ir negali būti atskirai nuo jų išartos. Kirčio schemas, fonologiškai skiriančias ar padedančias skirti žodžius ar jų formas, laikome kirčio prozodemomis.

RAKTAŽODŽIAI: prozodija, fonemos, prozodemos, kirtis, priegaidė

Šios šnektos yra išsimėčiusios Gudų girioje tarp Druskininkų ir Gařdino, Kabėlių ir Ščiūčino. Į šį plotą įeina Lietuvos Respublikos pietinio pasienio kaimai, kur daugiausia tebekalbama pietų aukštaičių tarme, o didesnė ploto dalis liko Baltarusijos Respublikoje ir yra smarkokai iš seniau suslavinta. Yra dvi specifiskesnės šio ploto ypatybės: 1) kaimai vienas nuo kito yra nutolę, kiek izoliuoti ir jų šnekta nežymiai gali skirtis; 2) šis aukštaičių pakraštys (kaip ir Kamojų-Leñtupio šnekta) liko mažiau ištirtas.

Švendubrės kaimas yra prie pat sienos, 6 km į pietus nuo Druskininkų (išleidus žodyną, šnekta geriau aprašyta). Kitapus sienos, dešiniajame Nemuno krante, yra Pervalkas, toliau – Ašiužią (Gožá), Grándičiai, Pariečė (kur lietuviškai kalbančių neliko). Azierkų kaimas buvo 17 km nuo Druskininkų į pietus, 11 km nuo Švendubrės. Į rytus Bėrštų apyl. Grigų k. liko kelios lietuviškai kalbančios šeimos, Jakubavičiuose, Kuliáučiuose, Savičiuose, Salótėje, Lūšniavoje (Glušniava) iki šiol buvo mišrių šeimų, dvikalbių žmonių. 1989 m. iškėlus Pagarendos kaimą (plėstas poligonas), 8 km į šiaurę nuo sienos Lietuvos Respublikos pusėje liko Musteikos kaimas (12 km į pietus nuo Marcinkonių, 7 km į rytus nuo Kabėlių.

Pasienyje senoji karta (ypač Ašāšnikuose, Šklėriuose ir kitur kalbėjo lietuviškai ir gudiškai („paprastai“). Dėl dvikalbystės nykstant lietuvių kalbos sistemos, atsirado dubletinės formos (net to paties žmogaus kalboje) ir kai kurios šnektų konsonantizmo, leksikos, vokalizmo ir kitos ypatybės.

Pėrvalkas (sakoma Pėrvalkas) bei gretimi pietiniai kaimai anksčiau priklausė Ratnyčios parapijai. Jų šnekta nuo kitapus sienos (Lietuvos Respublikos pusėje) esančių kaimų šnektos neturėtų iš esmės skirtis ir nesiskiria. Tam tikrus susidariusius skirtumus galėjo sąlygoti kelios aplinkybės: labai spartus atskirto ploto slavinimas, didesnė izoliacija, gal ir tam tikra lietuvių bendrinės kalbos ir tarmių įtaka.

Apie 1847metus Pėrvalke, Ažiužiojė, Pariečėje, Salótėje, Likočiuose (ofic. Lichačiuose), Dubravojė, Marāzose (Senovėje), Bėrštų valsčiaus Padvaviškių kaime ir daug kur kitur kalbėta lietuviškai. Gardino valsčiuje tada priskaičiuota 1513 lietuvių (Grinblat 1959, 529). Po 75 metų pietinio pakraščio kaimai (išskyrus Pėrvalką, Azierkus) perėjo prie „paprastosios“ kalbos, nors dar galėjo susišnekėti ir lietuviškai. 1959 m., iškėlus Azierkų kaimą, iš 66 šeimų po kelias atsikėlė ir į Pėrvalką, Pariečę, Ašiužią, Druskininkus, Gařdiną (po 16 – į Grándičius ir Černūchą, plg. 1, 40). 1985 m. J. Jurčikonis (ofic. Jurčenko) Pėrvalke jau sakė: „*c'a šitōs kalbōs pas mūs niēkas nekalba. Pa prostu. Šitōj kalbā niēkur neina*“.

Pėrvalko atstovų šnektose pastebėtas greičiausiai naujas fakultatyvinis balsių *e, é, o* dvibalsinimas, plg.: *nie* „ne“, *diel* „dėl“, *duktė / duktie* „duktė“, *tievas* „tėvas“, *tiev'ālei* „tėveliai“, *šnekiet* „šnekėti“, *mí nie* „mynė“, *nediel'u* ~ *nedėlią* (sl.) „savaitė“, *mažūtie* „mažutė“, *s'uñtie* „siuntė“, *gan'avúoja* ~ *ganiavója*, *nakvúoja* „nakvoja“, *kaladavúoja* ~ *kalėdavojo* (hib.

„kalėdojo“, *žm^o.n^{as}* „žmonės“. Ši ypatybė apima ir nesenus skolinius, plg. *múozgi* ~ mozgi (sl.).

Kirčiuoti balsiai *i*, *u* dažniausiai lieka trumpi, bet kartais fakultatyviai ilginami iki pusilgių: *vadzina* „vadina“, *sùkasi, ragì* ~ regi „matai“, *drùskininkai* „Druskininkai“, *žuvì.s* „žuvis“, *k'aušbì.n'ai* „kiaušiniai“, *visi* „visi“, *sanì* „seni“, *savi* „save“, *atsìguli, šašbì* „šeši“, *žuv'ù.* „žuvų“, *pirtì.s* „pirtis“.

Galiniame skiemenyje ilgieji balsiai *i*, *u*, *e*, *a* kartais trumpinami iki pusilgių. Ir kitose šnektose paplitęs reiškinys, kai (dažniausiai) žodžio gale šie balsiai patrupinami (plg. rytiečių „kirstinė“ priegaidę), bet čia gali būti trumpinama labai ryškiai: *arklì.s* „arklys“, *dvidešimù.* „dvidešimtų“, *g'alažù.* „geležių“, *kapin'ù.* „kapinių“, *žiemàs* „žiemės“, *malì.n'u.* „mėlynių“, *kri.žo* ~ kryžio „kryžiaus“.

Kirčiuoti balsiai *é* (ε), *a* galiniame, priešpaskutiniame ir trečiajame nuo galo skiemenyje gali būti trumpinami net iki trumpųjų: *abžu.res* „apžiūrės“, *ažarėlei* „ežerėliai“, *āžaraì / āžara* „ežero“, *àkmeni* „akmenį“, *kràštas* „kraštas“. Panašiai pasitaiko su dvigarsių tvirtagale priegaide: *g'arėi* „gerai“.

Kaip ir kitur, retkarčiais išlaikomas balsis *e*, plg. *ājo* „ėjo“ (bet *uškāl'bā.s* „užkalbės“, *rav'ā jau* „ravėjau“). Nekirčiuotuose skiemenyse balsių kiekybė, matyt, nustoja būti skiriamuoju požymiu ir jos opozicija fakultatyviai gali būti neutralizuojama, plg. *klausā*, „klausos“, *ní'ti.s* „nytys“, *gri'nā* ~ grynā „plika, nuoga“, bet ir *āja* „ėjo“, *išājo* „išėjo“, *trā'c'u* „trečia“.

Azierkuose buvo pastebėta, jog nekirčiuotuose skiemenyse balsio *e* variantai *e*, *æ*, *ə* suplakami į *e* (Čekmonas 1973). Pervalke nekirčiuotuose skiemenyse gali būti *e*, bet dažniau – *æ*: *nemn'kščo* ~ Nemnykščio „Nemuno“, *g'arėi* „gerai“, *n'agālima* „negalima“, *šv'andubr'ā'nai* „Švendubrėnai“, *k'atur'azd'ā šims* „keturiasdešimt“, *sudr'abėj* „sudrebėjo“, *v'ažbimū* „vežimu“ (dvisk.), *k'aul'avuog'u* „kiauliuogių“. Kirčiuotuose skiemenyse balsis *e* dažnai platintas ne tik prieš kietuosius priebalsius (*d'ā'ga* „dega“, *p'ā'rėjo* „perėjo“), bet ir prieš minkštuosius (*k'ālkis* „kelkis“).

Prieškirtinis *ie* gali būti ir redukuojamas, plg. *l'atù.viškei / litù.viškei* „lietuviškai“.

Retkarčiais ištariami ir dvigubi priebalsiai, plg. *iššukùoja*.

Pervalke dažnai dzūkuojama: *pirciñ* „pirtiñ“, *šalcinis* „šaltinis“, *pas'ú'c'* „pasiūti“, *dzidz'aus'as* „didžiausias“, *sodzino* „sodino“, *c'á* „čia“. Bet su priebalsiais *t'*, *d'* užrašyta ir išimčių: *baltin'aís*, *svetimì / svecimì*, *tikrá*, *dì'ėvas*, *dvi / dzvi*.

Kartais prieš *i* tariamas tarpinis priebalsis ir sunku nustatyti, kurio priebalsio atspalvio jame daugiau – *t* ar *c*. Šios ir kitos aukščiau išdėstytos ypatybės stebėtos tekstuose, Pervalke įrašytuose iš 7 žmonių, todėl negalima manyti, jog tai apsirikimas.

Pervalke kai kuriose pozicijose (kaip ir kitose apylinkėse) priebalsiai kietinti taip pat nenuosekliai.

Pagal Azierkų tekstus ten taip pat *c* prieš *ie*, *dz* prieš *i*, *i* ir ypač *s'* prieš *ie* kietinti mažiau: *cúiek* „kiek“ (bet *cjes'ógei* „tiesiogiai“, *šáudzi'cje* ~ šáudytie, *atlegdzinėja* (bet *dziŋgele's* „didelės“, *širdziš* „širdies“), *ais'ù* „eisiu“, *gi'v'ėn's'u* „gyvensiu“. Kitose pozicijose (*c* prieš *i*, *ie*, *s* prieš *e*, *ie*) kietinti dėsningai: *cik* „tik“, *traci* „tretis“, *sapcinì* „septyni“, *pacū* „pačia“, *sanei* „senei“ (dar plg. *azierkuosa* „Azierkuose“). Priebalsiai *r*, *š*, *ž* ir ten kietinti be išimčių: *trj.s* „trys“, *trijū* „trijų“, *noré'tau* „norėčiau“, *nùmirė* „numirė“, *rā'git* ~ regite „matote“, *dešì^s* □ dešimts „dešimt“, *šičiel* „šitie“, dgs. gal. *šitus* „šitės“, *àpmušė* „apmušė“, *paplé,šė* „paplėšė“, *šašis* „šešis“, *šiuometukas* „šiuometukas“, *ā'žaras* „ežeras“, *ažarañ* „į ežerą“, *nežino* „nežino“, *žin'ū* „žinių“, *žu'rì* „žiūri“ (2, 402).

Šiuo požiūriu visai kitokia buvo atsikėlusiujų į Naujuosius Giernykus (Ščiutinas) kalba. Jie buvo pradėję nenuosekliai kietinti tik priebalsį *r*, dar mažiau *š*, plg.: *nepriřiši*, *turė*, bet *gri'bu*, *gri'žo*, *g'ā'r'a*, *reik'a*, *šimtì*, *apuš'ū*. Su kietinamais *s'*, *c*, *dz* cituojamame tekste (2, 402–

¹ Neminint žodžio *pasilse'kite* „pasiilsėkite“, kurį po priebalsio *l* kietina daugelis rytų ir pietų aukštaičių, nekietinančių s.

403) iš viso nėra pavyzdžių: *pasėdēc'*, *ais'ù*, *paspraus'u*, *vaikščič'o'ja*, *dzidz'ùlis*, *dzidele' paspirdzi'c'* ~ *paspirdyti* „paramstyti“, *užeidzi'kit*, *ri'dziena*, *m'a'dz'u'*, *ró'dz'a* ~ *rodžia* „išrodo“. Nekietinti šie priebalsiai ir žodžio gale (*priķšč'* „pririšti“ ir panašiai).

a. Balsiai

Pietinių dzūkų šnektų balsių sistema yra panaši:

<i>i'</i>	<i>i'</i>	(ы)	<i>u'</i>	<i>i</i>	<i>ı</i>	(ы) <i>u</i>
(e')	<i>ε'</i>	<i>o'</i>				(ε) <i>ə</i>
<i>a'</i>	(e'')			<i>a</i>	(e)	

Fonemos *u'*, *u*, *ə* *ε'*, *a* turi supriešakėjusius variantus *ú'*, *ú*, *ə*, *e'*, *e* (*á*). Balsiai *i'*, *i* po depalatalizuotų priebalsių *l*, *r*, *š*, *ž*, *c*, *č*, *dz*, *dž* turi variantus *ы'*, *ı'*, *ы*, *ı*, pvz.: *vař.lı*, „varlė“, *k'aulı* „kiaule“, *ži'das* „žydas“, *p'a.rži'de'jə* „peržydėjo“, *ə'ži's* „ožys“, *ži's* „žys“, *dži,r'ina* „džyrina“, *dzidelis* „didelis“, *dzıdzulis* „didžiulis“, *širdzis* „širdis“, *šal'cıs* „šaltis“, *arı* „ari“, *ar.ši* „arši“, *maži* „maži“, *pacı* „pati“, *gardzi* „gardi“, *cıš* „štiš“. Balsis *ı* (Y) būna žodžio viduryje (kirčiuotas ir nekirčiuotas), galūnėje (uždaroje dažniau kirčiuotas, atviroje – dažniau nekirčiuotas tiek ilguosiuose, tiek trumpuosiuose balsiuose), viensikiemeniuose žodžiuose; *ı'*, *ı* galima sutapatinti su *ы'*, *ы*).

Po kietųjų (depalatalizuotų) priebalsių *l*, *r*, *s*, *š*, *ž*, *c*, *č*, *dz*, *m*, *v*, *b*, *p* būna ilgasis *ε'* (< *e'*): *lé'kc* „lėkti“, *ré'kc* „rėkti“, *sé'kla* „sėkla“, *kəšé* „košės“, *ré.žks* „rėžis“, *cķesés* ~ tiesės „dešinės (rankos)“, *čé'sas* (sl.) „laikas“, *dzé'čka* (sl.) „statinaitė“, *mé,šlas* „mėšlas“, *mé'šlal* „šiukšlės“, *vé'jas* „vėjas“, *bé'kc* „bėgti“, *pé'tn'i'č'a* (sl.) „penktadienis“.

Balsis *ε'* būna ne tik lygiai tose pačiose pozicijose kaip *o*, bet ir absoliutinėje žodžio pradžioje, plg. *ε'da* „ėda“, *ε'dzos* „ėdžios“, *ε'gl'us* „kadagys“, *ε' mē' / j' ε'mē'*, *ε'rukas* „ėriukas“, *ε'ži,s* „ežys“ (< *ežys*?). Būtent dėl šios ypatybės balsius *a'*, *a*, *ε*, (turintį ir trumpąjį variantą *ε*) tenka jau laikyti fonemomis (*e'*, *ā'*, *e*, *ā*, *e*, – variantais po minkštųjų, t.y. dar nesukietintų priebalsių), o *ы'*, *ы* (*ı'*, *ı*) lieka *i*, *i* variantais po sukietintų priebalsių. Prieš *e'* (> *ε* sukietėjo 4 priebalsiais daugiau negu prieš *i*, (> *ы'*) – *s*, *m*, *v*, *b*, *p* (plg. *bé'go* „bėgo“ – ir 1 priebalsiu (*dž*) mažiau. Bet šiaip afrikatos *č*, *dz*, *dž* būna tik skoliniuose ir garsažodžiuose. Dažniausiai juose pasitaiko ir trumpasis *ε* (dar plg. *krást'aerk' / krest'erk'* „krestelėk“), savuose (lietuviškuose) žodžiuose aptinkamas paprastai tik labai ribotoje pozicijoje – uždaroje galūnėje: vns. kilm. *sasarés* ~ seserės (seserės?) „sesers“, dgs. vard. *sa'sares* ~ seseres (seserės?) „seserys“.

Prieš balsį *e* kietėja mažiausia priebalsių – tik *l*, *r*, *s*, *š*, *ž* (labai retai – dar *d*, *t*, *p*, *m*, *n*²): *girdE,šu* „Girdešių“, *pušalas* „pušeles“, *ašarı's* „ešerys“, *trYsa* „trise“, *ažaras* „ežeras“.

Visose tarmėse balsis *e* po priebalsio *l* išlieka skoliniuose (*kl'abo,nas*, *kl'a'vas*, *lelija*), garsažodžiuose (*žleksı* „žlegsi“), buvusiuose junginiuose *~lja~ gil'as* „gilias“, *žal'a* „žalia“. Kaip vakarinėje panevėžiškių tarmės dalyje ir kai kur kitur, skolinių balsis *e* apie Kabelius tariamas *i* (čia – dėl slaviškos tarties): *tilipūnas* „telefonas“, *vitirıno'rus* „veterinaras“. Kaip Uodegėnuose, Zieteloje, Leipalingyje, žemaičių ir šiauliškių (3, 58), sakoma *vandin'o*, ~vandenio „vandens“ ir taip pat *a'kmini*, „akmenį“.

Balsiai *ε'*, *ū*, šnektose yra ne tokie įtempti kaip bendrinėje kalboje (atviresni), net šiek tiek dvibalsinami (greičiausiai dėl slaviškos artikuliacijos įtakos): *rag'ejom'es* ~ regėjomės „matėmės“, *t'ėvas* „tėvas“, *ga'n'ė* „ganė“, *b'obo's* „bobos“, *n'ok* ~ nog „nuo“, (*v*)^u *ožukas* „ožiukas“. Po priebalsių *r*, *ž*, *c*, *dž*, kurie prieš *ū*, būna tik kieti, balsis negali supriešakėti: *gr'o'v'au* „grioviau“, *žō'gas* „žiogas“, *acó'k* „atstok“, *dzó'v'au* „džioviau“. Kaip visose

² Profesorius Zigmantas Zinkevičius yra pastebėjęs, jog tai ne priebalsių kietinimas. Panašių pavyzdžių nurodėme net Breslaujos–Apsos, Uodegėnų ir kitose šnektose (*m³,nasis* „mėnesis“), net panevėžiškių tarmėje (*sma,geni,s* „smegenys“ ir panašiai).

aukštaičių tarmėse periferinis trumpasis ū pasitaiko tik skoliniuose (*armūnika, kal'ūšai, kūžnas* (sl.) „kiekvienas“, *Brūnius, Kūstas, L'ūne'*), jaustukuose (*ūt, vel'n'ūp* „velniop“), ištiktukuose (*šl'ūpc* „šliopt“).

Buvusius nosinius balsius *a, ę* atitinka pietų aukštaičių *u, i*, (*grīštas* „gražtas“, *gru žyno* „gražino“, *nugū'zdino* „nugašdino“, *u žuolėlis* „ažuolėlis“, *šventu*, „šventa“, *kī'sc* „kešti“, *apli'ši*, „apiplyšę“), o dvigarsiai *am, an, em, en* išlieka: *kamščinis* kamštinis „nevalyvas žmogus“, *slañ.kscys* „slenkstis“, *t'am.* „tempk“, *l'ancai* „lenkai“.

Buvęs trumpasis *a* pailgėja iki ilgojo absoliutinėje žodžio pradžioje (*ā šaka, ā ketės* „eketės“), *a* ir *e* – žodžio viduryje: *ba,sas, st'a,na* „stena“. Kaip ir kitose tarmėse *a, e* neilgėja žodžio gale, vienskiemeniuose žodžiuose, dviskiemenėse veiksmažodžių bendratyse, jų priešdėliuose, ištiktukuose, priesagoje *-elis, -ė*, kreipinių pirmajame skiemenyje ir panašiai: *pilká, pirk'*, *kat'ás* „kates“, *kás, m'ás* „mės, mės“, *lákč* „lakti“, *v'ásč* „vežti“, *n'apásrya* ~ nepasirita „nepaeina“, *n'ádave*, „nedavė“, *dukrálai* „dukrelei“, *kajáaly.* „kojelė“ (*o* prieš šią priesagą trumpas), *sásula* ~sesule ir panašiai.

Žodžio pradžioje šnektose dėsningai pridedamas *j* prieš *ie*, todėl šio dvigarsio variantas *ie* po minkštųjų priebalsių (*b', p', g', k', d', t', z, s', j, l', m', n'*) ir *ye*³ po sukietintų priebalsių (*r, š, ž, c, č, dž*) tariami lygiai tose pačiose kirčiuotose ir nekirčiuotose pozicijose žodžio viduryje, gale, vienskiemeniuose žodžiuose: *jievá, vagiė, aikiė* „eikie“, *akiės*. Senesnę variantą *ie* (kaip ir *uo*) fonema galima laikyti vien dėl to, kad prieš jį eina dvigubai daugiau priebalsių (12) negu prieš *ie* (6), taigi ir žodžių yra daugiau.

Žodžio pradžioje *v* prieš *uo, u, o* pridedamas kiek rečiau negu *j* prieš *ie*. Priebalsis *v* įterpiamas dviejų balsių sandūroje tarp priešdėlio ir šaknies, plg. *usivuoga,vo,* ~ užsiuogavo „užsidirbo uogaudamas“.

Nuo Punsko iki Kabelių, Azierkų (ir toliau) žodžio gale po *ie* ir *uo* pridedamas *j* (*i*): *jiėi* „jie“, *cy ēi* „tie“, *piemuōi* „piemuo“, *vanduōi* „vandu“. Antriniais dvigarsiais susidaro numetus galūnės balsį: *rymó' i* „rymojo“, *anó' i* „anoji“ ir panašiai.

Pokirtiniai, prieškirtiniai dvigarsiai *ie* (plg. *gali,nėcies* (Švendubrė), *šaudzi,cie* (Azierkai)), *uo* kartais gali būti vienbalsinami: *aikie / aik'a* „eik“, *aice* (Švendubrė) / *aicye / aica* „eiti“, *apE* (Kabeliai) / *ape* (Musteika) „apie“, *be'kcε*, „bėgti“ (Švendubrė), *vokačai* (Kabeliai) / *vokečai* (Musteika) „vokiečiai“; *grambūli,s* „grambuolys“, *kamūli,s* „kamuolys“, *ko'tol'aus'a* „kuo toliausia“, *oboli,s* „obuolys“, dar plg. *lec* (< lėti?) „lieti“. Dvigarsių *ie uo* vienbalsinimas (kaip ir kitų dvibalsių, plg. *ai'kšy,* / *akšy,* „eikš“), trumpų atitikmenų neturėjimas, galima komponentų kaita, aiški ne vieno garso artikuliacija yra pakankami argumentai (atsveriantys kontrargumentus), kodėl rytų ir pietų aukštaičių *ie, uo* netikslinga laikyti savarankiškoms fonemoms.

b. Priebalsiai

Šnektų 32 priebalsių sistema yra tokia:

<i>p</i>	<i>p'</i>	<i>t</i>	<i>t'</i>	<i>k</i>	<i>k'</i>
<i>b</i>	<i>b'</i>	<i>d</i>	<i>d'</i>	<i>g</i>	<i>g'</i>
		<i>s</i>	<i>s'</i>	<i>š</i>	
		<i>z</i>	<i>z'</i>	<i>ž</i>	
		<i>c</i>		<i>č</i>	
		<i>dz</i>		<i>dž</i>	
	<i>v</i> <i>v'</i>			<i>j</i>	
		<i>l</i>	<i>l'</i>		
		<i>r</i>			
	<i>m</i> <i>m'</i>	<i>n</i>	<i>n'</i>		

³ Literatūroje antrasis *e* komponentas žymimas *e*, nors gal tiksliau būtų žymėti kaip ir kitose aukštaičių šnektose *E*.

Pietų aukštaičiai *t'*, *d'* (ir *t'v' d'v'*) prieš senovinius *i*, (*i*, *ī*), *i*, *ie* verčia *c'*, *dz'* (*c'v'*, *dz'v'*), o *č*, *dž* – *c*, *dz*: *ž'o, cķ, s* „žiotys“, *trupuck*, „truputi“, *lieck* ~ *liekti* „lieka“, *cķesE* ~ tiesė „dešinė (ranka)“, *cviN.kc* „tvinkti“, *laidzi, c* ~ *laidyti* „melžti“, *juodzķ, tra'cu'dzien* „trečiadien“, *dzvi* „dvi“; dgs. vard. *niekoco, s* ~ niekočios „geldos“, *jaucu* „jaučiu“, *dzidzulis* „didžiulis“, *dzo, vi, tas* „džiovintas“, *so'dzus* „sodžius“.

Kaip visose tarmėse garsų junginys *ts* skiemenų sandūroje ir dzūkų tariamas *c*: *acisE, sc* „atsisėsti“, *pac* „pats“ ir panašiai.

Afrikatos netaromos prieš antrinės kilmės *i*, (<~*en*, *ę*): *ti'sc* ~ *tešti* „vilkti“, *ma'ti* „metę“, *raisti* „raiste“ (taigi dzūkavimas yra senesnis už *i*, *i* < *ε*, *Ė*; (3, 13–140).

Siekiant išlaikyti vieningą paradigmą vietoj *c*, *dz* visų dzūkuojančių tariami minkštieji *t'*, *d'* ~ *é* kamieno daiktavardžių daugiskaitos kilmininke (*bit'u*, „bičių“), vienaskaitos ir daugiskaitos kilmininke (*m'a'd'o* / *m'a'dzo*, „medžio“, *pavard'u*, / *pavardzu*, „pavardžių“, būtojo kartinio laiko veiksmazodžių vienaskaitos I asmenyje (*stat'au*, „stačiau“, *ved'au* „vedžiau“), veikiamosios rūšies moteriškosios giminės būtojo laiko dalyvių vienaskaitos vardininke (*mat'us* „mačiusi“, *sam.d'us* „samdžiusi“).

Visame dzūkuojančiųjų plote afrikatos *č*, *dž* „išlieka“ dėl asimiliacijos po priebalsių *š*, *ž*, kai samplaikos *šč*, *ždz* tariamos *šč*, *ždž*: *vaikščo, I* „vaikščiojo“, *brε'kšč* ~ *brėkšti* „aušti“, *iš činkla', l'o*, „iš tinklelio“, *iždžu'vi, s* „išdžiūves“, *išv'aždžine'jo*, „išveždinėjo“. Veikia ir tolimoji asimiliacija: *džkržas* „diržas“ iš *džiržu*, „iš Diržių“. Afrikatos *č*, *dž* gali būti ištariamose ir skoliniuose (*bažni'ča* / *bažni'ca* „bažnyčia“, *p'ačo*, / *p'aco* „pečiaus“), tikriniuose daiktavardžiuose (*Ra'tni'ča* „Ratnyčia“), iš bendrinės kalbos perimtuose žodžiuose (*dzviračo*, „dviračio“, *aču*, „ačiū“).

Priebalsių kietinimas – svarbiausia skiriamoji pietinių dzūkų konsonantizmo ir apskritai tarmės ypatybė.

Priebalsiai kietinami šiose pozicijose (prieš šiuos balsius):

- 1) *r*, *š*, *ž* (*c*, *č*), *dz*, *dž* – prieš *i*, *i*, *ε*, *e*, *e*, *ž*, *ž*, *ū*, *ā*, *ā* (visur)
- 2) *s*, *z* – *i*, *i*, *Æ*, *e*, *e* (prieš visus priešakinės eilės balsius)
- 3) *l* – *Ė*, *e*
- 4) *p*, *b*, *m*, *n*, *v* – *Ė*, kartais *e*
- 5) *t*, *d*, *k*, *g* – *Ė*, *e* (retai)

Pateikiame pavyzdžių iš Pervalco: *ku'rķna* ~ *kūrina* „kūrena“, *kreslu* / *kreslu* „krėslą“ (suolą), *ažarÆei* „ežerėliai“, *abžu, rÆs* „apžiūrės“, *p'a'rÆja* „perėjo“, *turÆjau* „turėjau“, *tra'cu'u* „trečią“, *raik'a* / *reik'a* „reikia“, *ragi* / *regi* „matai“, *grousmas* „griausmas“, *šķ.lta* „šilta“, *šašķ* „šeši“, *k'aušķ.n'a* „kiaušinio“, *plišķ's* „plyšys“, *n'a'se* „nešė“, *plÆšÆ* „plėšė“, *šašta'dieni* „šeštadienį“, *nežbynai* „nežinai“, *žu.rau* ~ *žiūriau* „žiūriu“, *ža'm'as* „žemės“, *žam'au* „žemiau“, *šaudu* „šiaudų“, *da'žÆm* „dažėme“, *gielažu*, „geležų“, *važuoji* „važiuoji“, *kri'žo* „kryžio“, *nakca* ~ *nakčia* „naktį“, *p'aču.ku* „pečiukų“, *m'a,dzbyš* „medis“, *ru,dzu*, „rūdžių“, *suodzu* „suodžių“, *m'adzo* „medžio“, *sodzaus* „sodžiaus“, *k'al'o'sa* „kelios“, *p'alanuosa* „pelenuose“, *sapc(t)inis* „septynis“, *p'alantai* „pelenai“, *duobe*, „duobė“, *sudr'abej(o)* „sudrebėjo“, *mali.n'u* „mėlynių“, *brauktuvÆ* „brauktuvė“, *ravÆjau* „ravėjau“, bet *rinko* „rinko“, *važinejo* „važinėjo“, *kaledavo* ~ *kalėdavo* „kalėdojo“, *pircis* „pirtis“, *pircin* „pirtin“, *tra'cu'u* „trečią“.

Pietų aukštaičių ploto pietiniame pakraštyje visose pozicijose nuosekliausiai kietinami pirmojo tipo priebalsiai *r*, *š*, *ž*, dažnai ir *c*, *č*, *dz*, *dž*: ne tik a) prieš priešakinės eilės balsius (tame tarpe įeinančius į visus dvigarsius), b) supriešakėjusius užpakalinės eilės balsius, bet ir c) minkštuosius priebalsius (3, 168–169): *apvarķnÆ, c* ~ *apvarinėti* „aparti“, *šķrdzķ*, „širdį“, *g'alažķnis* „geležinis“, *tur^keI* „turėjo“, *n'as^ke* „nešė“, *v'az^k* „vežė“, *šašķ* / *šašķ* „šeši“, *bažni, čel'e'n* „bažnytėlėn“, *akėcu*, „akėčių“, *niekoco'sa* ~ *niekočiose* „geldose“, *jaucas* ~ *jaučias* „jautis“, *gird'esu* „girdėsiu“, *šn'ak'ecÆ*, ~ *šnekėtie* „šnekėti“, *žv'ejo'c* „žvejoti“.

LITERATŪRA

1. ЧЕКМАН, В. Н. Деревня Озерки. Языки и люди. В *Польские говоры в СССР*. Т. 11. Минск, 1973, с. 40-72.
2. Lietuvių kalbos tarmės. Chrestomatija. Vilnius, 1970.
3. ZINKEVIČIUS, Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.

Kazimieras Garshva

Institute of Lithuanian Language, Lithuania

THE LITHUANIAN DIALECT OF PRIVALKI-OZIERKI

Summary

The Lithuanian dialect of Privalki-Ozierki exists in Bielorrussia between Druskininkai and Grodno, Kabeliai and Ščiučin. Ten vowels and 32 consonants are distinguished in the dialect.

The soft consonants t, d, c, dz before i-type vowels become c, dz. 19 consonants are hardened in three positions.

KEY WORDS: dialect, phonemes, variants of the phonemes, vowels, consonants

Genovaitė Kačiuškienė

Šiaulių universitetas, Lietuva

El. paštas: geno@splius.lt

SODYBŲ STATINIŲ PAVADINIMAI ŠIAURĖS PANEVĖŽIŠKIŲ TARMĖJE: ANKETINIS TYRIMAS

Sociolingvistinio pobūdžio straipsnyje, remiantis jaunosios tarmės atstovų kartos anketų duomenimis, aptariami sodybų statinių pavadinimai, vartojami vienoje iš rytų aukštaičių – šiaurės panevėžiškų – tarmėje. Tyrinėjimo pagrindu imama Lietuvių kalbos instituto parengta ir išleista kompaktinės plokštelės „Lietuvių tarmės. I dalis“ medžiaga.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: tarminė leksika, anketavimas, dialektologija.

Įvadinės pastabos. Sociolingvistiniai tarmių tyrimai Lietuvoje dar tik randasi. Tačiau vienokių ar kitokių šios srities pastebėjimų galima rasti beveik visų dialektologų darbuose, ypač jei juose būna aptariamos periferinės ar lietuviškų salelių tarmės (2, 20-38). Daugelyje darbų apsiribojama tik sociolingvistiniu tarmės situacijos apibrėžimu, kai, remiantis įvairiais kontaktais, bandomi aprašyti tarmėje egzistuojantys įvairūs kalbos reiškiniai. Yra darbų, kuriuose lietuvių tyrėjai dialektologai pateikia duomenų apie kai kurių tarminių ypatybių vartojimą keliose kartose (10, 30-115; 11). Iš pastarųjų metų sociolingvistinių (ar pusiau sociolingvistinių) tyrinėjimų galima paminėti R. Urnėžiūtės (16, 131-142) straipsnį, kuriame, remiantis kodų kaitos teorija, tiriama ir aprašoma Joniškio šnekta. Atskirai paminėtini S. Tumėno darbai (14, 238-242), kuriuose autorius bando išsiaiškinti Šilalės ir Skaudvilės mokyklų pradinių klasių mokinių ir mokytojų, kitų dalykų mokytojų, mokinių tėvų požiūrį į gimtąją tarmę ir jos vartojimą. Gana išsamius socialinius tarminio kalbėjimo koreliatus, remdamasi Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto studentų ir Ukmergės rajono Lyduokių apylinkės gyventojų atviro tipo anketomis, yra ištyrusi D. Aliūkaitė (žr. D. Aliūkaitės pranešimą, skaitytą Lietuvių kalbos instituto tarptautinėje konferencijoje “Kalbos istorija ir dialektologija: praeitis ir perspektyvos”, Vilnius, 2004 m. rugsėjo 20 – 21 d., ir jo pagrindu straipsnių rinkiniui parengtą straipsnį “Socialiniai tarminiai kalbėjimo koreliatai” (1). Keletą sociolingvistiniais tyrimais pagrįstų straipsnių yra paskelbusi L. Grumadienė (4, 132-149; 5, 190-198), N. Tuomienė (15, 196). Tačiau tokio pobūdžio darbų yra maža. Tai, anot D. Aliūkaitės, rodytų, jog socialiniai koreliatai ar sociolingvistinės kategorijos Lietuvoje nėra laikomos svarbiomis dialektų analizei. Toks dialektologijos atskyrimas nuo sociolingvistikos šiandieniniuose Vakarų Europos kalbininkų darbuose būtų tiesiog neįsivaizduojamas (17; 13).

Kompaktinę plokštelę „Lietuvių tarmės. I dalis“ (8), kurios pagrindas yra leidinys „Lietuvių kalbos atlasas. Leksika“ (7), 2002 metais išleido Lietuvių kalbos instituto leidykla (sudarytojai: Daiva Atkočaitytė, Asta Leskauskaitė, Danguolė Mikulėnienė, Kazimieras Morkūnas, Edmundas Trumpa, Aloyzas Vidugiris). Jos turinį sudaro daugiau kaip 120 pavadinimų žmogaus gyvenamosios aplinkos (kaimo bei sodybos) objektai. Visų objektų pavadinimų paplitimas iliustruojamas žemėlapiuose, paaiškinamas jų aprašuose.

Kompaktinės plokštelės struktūrą sudaro: *pratarmė, tarmės, turinys, rodyklė, pagalba*. *Pratarmėje* supažindinama su kompaktinės plokštelės sandara, akcentuojama tarmių ypatybių svarba kalbos mokslui. Skyrelyje „*Tarmės*“ gana išsamiai, su garsiniais pavyzdžiais, aptariamos tradicinė ir naujoji tarmių klasifikacijos ir pabrėžiama, jog kompaktinėje plokštelėje laikomasi naujosios tarmių klasifikacijos, kurios sudarytojai Aleksas Girdenis ir Zigmantas Zinkevičius (3, 139-147), principų. „*Turinyje*“ pateikiami grafiniai žmogaus gyvenamosios aplinkos ir pastatų vaizdai bei jų pavadinimai. Visi statiniai suskirstomi į dvi grupes: gyvenamosios vietos (kaimas, kiemas, būstas ir jo dalys: asla, stogas, priemenė) ir ūkinių pastatų (klėtis: prieklėtis, aruodas, užlos;

kluonas: grendymas, peludė, šalinė, jauja; pirtis: krosnis, plautas, priepirtis; tvartas, daržinė). Kiekvieną pavadinimą iliustruoja paplitimo žemėlapis ir garsiniai įvairių tarmių variantai. „Rodyklė“ yra skirta abėcėliniam pavadinimų sąvadui, paplitimui, linksniavimui, vartosenai (pateikiami sakiniai su žodžiu), etimologijai bei vaizdinei iliustracijai. „Pagalbos“ skyrelyje galima rasti detalų transkripcijos aprašą, sutranskribuotus statinių pavadinimus, abėcėlinį vietovių santrumpų sąrašą bei konsultacijas, ką daryti, jei dėl vienokių ar kitokių priežasčių kompiuteris neatlieka kompaktinėje plokštelėje numatytą funkciją.

Sodybų statiniai ir jų atitikmenys šiaurės panevėžiškių tarmėje. Šiaurės panevėžiškiai – viena iš rytų aukštaičių tarmių, iš kitų išsiskiria šiomis pagrindinėmis ypatybėmis: 1) *visuotiniu kirčio atitraukimu* (kirtis gali būti atitraukiamas ne tik iš trumpos ar ilgos cirkumfleksinės, bet ir iš akūtinės galūnės); 2) *intensyvia žodžio galo redukcija* (vietoj trumpųjų balsių ir ilgojo balsio *ī* vartojami murmamieji balsiai *ɐ, ɛ*, vietoj dvibalsių *ai, au, ei* – *ε, o, e*, žodžio galas trumpinamas net susidarant sunkiai ištariamoms priebalsių samplaikoms); 3) *trumpųjų balsių i, u, platinimu* (nekirčiuotame ir atitrauktinį kirtį turinčiame skiemenyje jų vietoje tariami *ę, ö, o*); 4) *nosinių balsių a, ą* bei *mišriųjų dvigarsių am, an, em, en siauriniimu* ir skirtingai nuo kitų rytų aukštaičių *vertimu o, ę* bei *om, on, ęm, ęn*; 5) *nekirčiuotų balsių ir dvibalsių ie, uo neutralizacija* (tam tikrose pozicijose vietoj visų nežemutinio pakilimo priešakinės eilės balsių ir *ie* gali atsirasti *ę/i*, vietoj atitinkamų užpakalinių ir *uo - o/u*); 6) *progresyvine priebalsių palatalizacija*; 7) *priebalsių (ypač l) depalatalizacija*; 8) *kai kuriomis morfologijos ar sintaksės ypatybėmis* (triskaitos vartojimu, savita vietininko raiška *tarp + kilmininkas*) ir kt..

Šiaurės panevėžiškių tarmėje vartojamiems 47 statinių pavadinimams pagrįsti kompaktinėje plokštelėje pateikiami 87 autentiški pavyzdžiai iš 16 šiaurės panevėžiškių tarmės ploto vietų: Daujėnų (Dj), Grūžių (Grž), Joniškėlio (Jnšk), Kriukų (Kri), Krinčino (Krč), Lygumų (Lg), Linkuvos (Lnkv), Pakruojo (Pkr), Pasvalio (Ps), Pašvitinio (Pš), Rozalimo (Rz), Saločių (Slč), Smilgių (Sml), Šeduvos (Šd), Vaškų (Všk), Žeimelio (Žml). Šalia sakinių nurodoma pateikimo vieta ir šaltinis (apie tai išsamiau žr. (6, 107-115).

Anketavimo medžiaga ir eiga. Turint prieš akis tikslą išsiaiškinti, kaip dabartinė jaunoji tarmės atstovų karta žino ir vartoja sodybų statinių pavadinimus, viename iš šiaurės panevėžiškių tarmės punktų – Vaškuose (Všk) – buvo atlikti 2 anketiniai tyrimai. Pirmojo iš jų tikslas buvo išsiaiškinti, ar sodybų statinių pavadinimus, kompaktinėje plokštelėje pateikiamus kaip autentiškus šiaurės panevėžiškių tarmės variantus, atpažįsta jaunoji šiaurės panevėžiškių karta – Vaškų vidurinės mokyklos dvyliktokai. Tam tikslui mokiniams buvo pateikta kompaktinės plokštelės medžiagos pagrindu sudaryta anketa Nr. 1, kur šalia neutralaus statinio ar jo dalies apibrėžimo buvo pateikti keli jo pavadinimų variantai (tarp jų - ir šiaurės panevėžiškių), vartojami įvairiose Lietuvos ploto vietose. Respondentams reikėjo atrasti ir pabraukti, jų nuomone, autentišką šiaurės panevėžiškių tarmės statinio pavadinimo variantą.

SODYBŲ STATINIAI

(ANKETA Nr. 1)

Koks Jūsų tarmėje vartojamas šio statinio ar jo dalies tarmiškas pavadinimas? Pabraukite jį arba įrašykite.

Valstiečių gyvenamoji ir darbo vieta : *sodžius, kaimas*

Aikštė prie gyvenamojo namo (paprastai tarp gyvenamojo namo, klėties ir tvarto): *atšlaimas, kiemas* **Žmogaus gyvenamasis namas, buveinė:** *troba, gryčia, namas, stuba, pirkia*

Gyvenamojo būsto plūktas molio grendymas: *asla, grendymas*

Viršutinė (dengiamoji) namo dalis, dangtis: *stogas, daňgtis, dōkas*

Gyvenamojo namo dalis prie lauko durų: *priemenė, priesienis, prieangis, priegonkis*.

Trobesys ar trobesio dalis grūdams, drabužiams, mėšai, buities daiktams, ūkio padargams laikyti ar šiaip kam pasidėti; miegoti: *klėtis, klėtė, svīrnas, špýkeris*

Vieta prieš klėties duris po nuleistu stogu arba prie klėties pristatyta kamaraitė: *prieklėtis, priėsvirnis, prýgrindas*

Klėtyje ar kur kitur nestorų rąstų ar lentų užtvaras (kartais didelė dėžė) grūdams pilti ar daržovėms laikyti: *aruodas, mēga*

Klėties lubos; lubos ant prieklėčio; vieta ant jų, aukštas: *užlos, užlios, užlės, užlai, lūbos, užulaidinis*

Trobesys javams laikyti ir kultti: *klūonas, klojimas, jáuja, daržinė*

Plūktinė kluono asla: *grėndymas, lāitas, aslā, klojimas, pādas*

Vieta kluono krašte ar šalia kluono pelams, grūdams, šiaudams ar šienui laikyti: *pelūdė, pelūdnykas, pūnia, aruodas*

Kluono dalis, kur kraunami javai, šienas: *šalinė, šalidė, gālas, strėkis, nampusė, riņkis*

Kūrenama kluono dalis, kur džiovinami linai arba javai; pastatas linams džiovinti ir minti: *jáuja, pakurā, dúoba, rejā, rijā*.

Namas ar namelis, skirtas maudytis: *pirtis, perėnė, banė, lāznė*

Iš akmenų sukrautas šildomasis pirties ugniakuras: *krósnis, krósnė, krūsnis, pėčius*

Platus pirties suolas, medinės pakopos pirtyje: *plautas, plautai, pālos, lāktos, lentýnos, suolāi, láiptai, lóva, ardāi, grėdos*

Pirties dalis nusirengti: *priėpirtis, priėpirtė, priemenė, prieangis, priesienis, prāvaras, namėlis, nameliōkas*

Ūkinis trobesys gyvuliams ir paukščiams laikyti: *tvārtas, stāldas, kūtė, kūtis, guřbas, pūniā, daņgtis, nāmas, kūginýs*

Ūkinis trobesys pašarui, javams ir kt. laikyti: *daržinė, stóginė*

Antroji anketa (Nr.2) buvo skirta kompaktinėje plokštelėje pateiktų statinių ar jų dalių pavadinimų, užfiksuotų autentiškuose to krašto atstovų tarminiuose pavyzdžiuose, reikšmei paaiškinti. Norėta sužinoti, kokius statinius ar jų dalis jaunoji šiaurės panevėžiškių karta dar žino ir kaip supranta bei moka paaiškinti jų leksinę reikšmę.

ŠIAURĖS PANEVĖŽIŠKIŲ TARMĖS STATINIŲ PAVADINIMAI

(ANKETA NR.2)

Paaiškinkite šiuos sodybų statinių ar jų dalių pavadinimus. Šalia parašykite, ar Jūs juos vartojate. Jei ne, parašykite, ką Jūs vartojate.

Aruodas-

Jauja-

Pirtis-

Plautas/ plautai-

Kiemas-

Stogas-

Asla, laitas-

Priemenė, priesienis-

Klėtis, klėtė-

Prieklėtis, prieklėtė, pryklėtis-

Užlos, užlės, užulaidinis-

Šalinė, prėslas-
Krosnis, pečius-
Priepirtis, priepirtė, priemenė, priemeniukas-
Peludė, pūnia, pūnis, peludnykas-
Daržinė, šieno daržinė, diendaržinė-
Gryčia-
Sodžius-
Klojimas-
Laitas, asla-
Kūtė, kūtis-

Anketas (pirma - pirmąją, po to, jas surinkus – antrąją) užpildė 11 jaunosios kartos vaškėčių (apie analogišką respondentų skaičių žr. (8, 1985-1989; 9, 97-120).

Anketų duomenų aptarimas. Peržiūrėjus anketas ir išanalizavus atsakymus, matyti, jog daugelio sodybų statinių ar jų dalių pavadinimų vaškėčiai mokiniai savo šnekamojoje bei rašomojoje kalboje nebevartoja, nežino ir nemoka paaiškinti ir šių žodžių reikšmių.

Pirmosios anketos atsakymai parodė, kad iš visų pateiktų objektų pavadinimų 100% pažįstami ir žinomi sodybų yra *kiemas* ir *pirtis*. Visi kiti pavadinimai buvo žinomi 92–8% respondentų. Ypač mažas atsakymų procentas buvo tų sodybos statinių ar gyvenamosios aplinkos pavadinimų, kurių jau tipiškose kaimo ar miestelio sodybose nebėra ir su kuriais tegalima susipažinti arba skaitant literatūrą, arba etnografinėse sodybose Rumšiškėse bei Kleboniškėse. Galimas daiktas, kad daugelis apklaustųjų vaškėčių niekada ir nesilankė minėtuose etnografiniuose buities muziejuose, nes pastaruoju metu domėjimasis senąja lietuvių buitimi – kaip ir kultūra - tiek mokytojų, tiek mokinių tėvų bei pačių mokinių yra gerokai prablėses.

Iš antrosios anketos rezultatų matyti, kad nė vienas apklaustasis jaunosios kartos šiaurės panevėžiškis vaškietis nežinojo statinio pavadinimo *peludė*. Tik 8% mokinių paaiškino žodžių *jauja*, *užlos*, *šalinė*, *plautas* reikšmes. 23% mokinių žinojo ir mokėjo paaiškinti žodžių *priepirtis*, *prieklėtis*, *asla*, *kluonas* reikšmes. 70-78% apklaustųjų buvo pažįstami statiniai *klėtis*, *priemenė*, *kaimas*. Visi apklaustieji jaunosios kartos atstovai dar žino ir vartoja šiuos sodybų ar jų aplinkos statinių pavadinimus: *gryčia*, *stogas*, *pečius*, *daržinė*, *kūtė* ir jau minėtus - *pirtis* ir *kiemas*.

Preliminarios tyrimo išvados. Remiantis preliminariais anketavimo duomenimis, galima daryti šias išvadas:

1) Kompaktinės plokštelės „Lietuvių tarmės. I dalis“ medžiaga yra labai vertinga ir naudinga visiems lietuvių ir kitų kalbų tarmių leksikos tyrinėtojams, tačiau gerai atspindi tik vyresniosios kartos (tarp jų ir šiaurės panevėžiškių) tarmių atstovų šnekamosios kalbos leksinę situaciją.

2) Jaunosios šiaurės panevėžiškių kartos (bent jau Vaškų apylinkės) atstovų žodynas yra gerokai skurdesnis už vyresniosios kartos šnekamosios kalbos žodyną. Daugelis jaunų vaškėčių jau nebežino ir nebevartoja jų aplinkoje nebeprisitaikančių statinių ar jų gyvenamosios aplinkos pavadinimų, pateiktų kompaktinėje plokštelėje „Lietuvių tarmės. I dalis“.

3) Jaunoji šiaurės panevėžiškių karta (manychiau, kad ir visa jaunoji lietuvių karta) savo šnekamojoje ir rašomoje kalboje aktyviai vartoja maždaug trečdalį kompaktinėje plokštelėje „Lietuvių tarmės. I dalis“ pateikiamų sodybų statinių ar jų gyvenamosios aplinkos pavadinimų. Į pasyvųjį žodyną ir užmarštį pirmiausia traukiasi tie sodybų statinių ir gyvenamosios aplinkos pavadinimai, kurių jau nebėra tiek tarybiniais metais, tiek ir dabar statomose sodybose. Daugelį šių statinių, kaip jau buvo minėta, galima pamatyti tik liaudies buities muziejuose, bet čia jie įvardijami ne tarmiškai, o lietuvių bendrinės kalbos žodžiais.

4) Jaunoji šiaurės panevėžiškių karta savo šnekamojoje kalboje sodybų statiniams pavadinti palyginti rečiau vartoja tarminius variantus. Minėtus objektus jaunosios kartos atstovai vadina jiems geriau iš literatūros kūrinių ir šaltinių žinomais lietuvių bendrinės kalbos atitikmenimis.

LITERATŪRA

1. ALIŪKAITĖ, D. Socialiniai tarminio kalbėjimo koreliatai. *Kalbos istorija ir dialektologija: praeitis ir perspektyvos*. Vilnius: Lietuvių kalbos instituto leidykla, 2004 (spausdinama).
2. GARŠVA, K. Kalbinės situacijos raiška pakraščių šnektose. *Kalbų ryšiai ir sąvokos*. LKI. Vilnius, 1989, p. 20-38.
3. GIRDENIS, A.; ZINKEVIČIUS, Z. Dėl lietuvių kalbos tarmių klasifikacijos. *Kalbotyra* 14. Vilnius, 1966, p. 139-147.
4. GRUMADIENĖ, L. Sociolingvistinis vilniečių lietuvių kalbos tyrimas: konsonantizmas ir akcentuacija. *Lietuvių kalbotyros klausimai* 27. Vilnius: Lietuvių kalbos instituto leidykla, 1988, p.132-149.
5. GRUMADIENĖ, L. Sociolingvistinis dabartinės šnekamosios lietuvių kalbos tyrimo aspektas. *Lietuvių kalbotyros klausimai* 34. Vilnius: Lietuvių kalbos instituto leidykla., 1996, p. 190-198.
6. KAČIUŠKIENĖ G. Sodybų statinių pavadinimai šiaurės panevėžiškių tarmėje (remiantis kompaktine plokštele „Lietuvių tarmės. I dalis). In *Vārds un tā pētīšanas aspekti* 8. Liepāja, 2004, p. 107-115.
7. Lietuvių kalbos atlasas. Leksika. Vilnius: Mokslas, 1977.
8. Lietuvių tarmės. I dalis. (Kompaktinė plokštelė), 2002.
9. ŁOBACZ, P. Classification of Polich Consonantal Phonemes on the Basis of a Subjective Similarity Test. *Speech Analysis and Synthesis* 5. 1981, p. 97-120.
10. MAŽIULIENĖ, I. Centrinės šiaurės žemaičių tarmės prozodija. *Kalbotyra* 45(1). Vilnius: Mokslas, 1996, p. 30-115.
11. MURINIENĖ, L. Akmenės šnektos fonologinė sistema: vokalizmas ir prozodija. *Dakt. dis.* Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2000.
12. PETERS, R.W. Dimensions of Perception for Consonants. *The J. of the Acoustical Soc. of America* 35. 1963, p. 1985-1989.
13. SIMON, J.-P. Consience linguistique et identité dans la vallée de la Claise (Touraine du Sud). Doc.: Université F. Rabelais – Tours.
14. TUMĖNAS, S. Mokytojų požiūrio į tarmes sociolingvistinė analizė. *Pedagogika* 69. VPU. Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2003, p. 238-242.
15. TUOMIENĖ, N. Ramaškonų šnektos daiktavardžio kaityba: sociolingvistinis tyrimas: *Dakt. dis.* LKI, VDU. Vilnius.
16. URNĖŽIŪTĖ, R. Kodų kaita joniškiškių šnekamojoje kalboje. *Kalbotyra* 47(1). Vilnius: Mokslas. 1998, p. 131-142.
17. WALTER, H. Enquête phonologique et variétés régionales du Français. *Le Linguiste*. P.U.F. Paris, 1982.

Genovaitė Kachiushkiene

Shiauliai University, Lithuania

MAN'S ENVIRONMENT AND NAMES OF BUILDINGS IN THE DIALECT OF THE NORTHERN REGION OF PANEVEŽYS (LITHUANIA): QUESTIONNAIRE RESEARCH

Summary

It presents some objects related to the dwelling-place or farmstead. The vocabulary for their designation comprises over 120 words. In the article is analyses 47 man's environment and names of buildings in the dialect of the Northern Region of Panevežys in the speech cadence generation. As some farmstead buildings have stopped existing and also because of the influence of the standard language, substandard names of farmstead buildings are becoming rare in (or even disappear from) the speech.

KEY WORDS: dialect lexicology, questionnaire research, dialectology.

Lidija Kaukėnienė

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

El. paštas: linux@xxx.lt

DABARTINĖS LIETUVIŲ BENDRINĖS KALBOS ILGŪJŲ BALSŲ TRUKMĖ

Straipsnyje analizuojama dabartinės lietuvių bendrinės kalbos triskiemenių žodžių kirčiuotų ir nekirčiuotų ilgųjų balsių trukmė.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: ilgieji balsiai, trukmė, kiekybė, kiekybinė redukcija.

Daugelio kalbų eksperimentiniai trukmės tyrimai rodo, kad ilgieji balsiai yra vidutiniškai du kartus ilgesni už trumpuosius (26, 42; 20, 51; 25, 68; 10, 36; 11, 70; 5, 22). Lietuvių kalbos tarmių ilgųjų ir trumpųjų balsių trukmės skirtumai pastebėti jau pirmuosiuose eksperimentinės fonetikos darbuose (17; 4).

Lietuvių kalbos balsių trukmė tyrinėta daugiausiai. Kad kirčiuoti ilgieji balsiai ilgesni už atitinkamus trumpuosius, jau seniai žinoma ir tuo neabejojama (žr. 23, 207-217; 18, 14-32; 3, 7-25; 15, 27-28, 30). V. Vaitkevičiūtės (24, 207-217) eksperimentai parodė, kad balsių ilgumas priklauso nuo kirčio ir priegaidės: kirčiuoti balsiai ilgesni už nekirčiuotus, tvirtapradžiai trumpesni už tvirtagalius. Iš jos tyrimų matyti, kad ilgieji balsiai 1,5-2 kartus ilgesni už trumpuosius. B. Svecevičius (18, 17) nustatė, kad ilgieji kirčiuoti balsiai esą 2,1-2,5 karto ilgesni už trumpuosius. A. Pakerys (14, 103) išmatavo ir statistiškai įvertino ilgųjų ir trumpųjų balsių trukmės santykius. Jo duomenys parodė, kad tvirtapradžiai balsiai vidutiniškai 1,7 karto, tvirtagaliai daugiau negu 2 kartus ilgesni už atitinkamus kirčiuotus trumpuosius. Pasak A. Pakerio (14, 94), lietuvių kalbai nebūdinga prieškirtnių kamieno balsių kiekybės redukcija, tačiau pastebi, kad kitose pozicijose gali būti ryškesnių kiekybinės redukcijos požymių. Apskritai kirčio vietos įtaka lietuvių kalbos balsių trukmei beveik netirta, o analizuojant kirčiuotų ir nekirčiuotų balsių kiekybės skirtumus, paprastai remtasi tik viena kuria nors nekirčiuota pozicija. Tik V. Vaitkevičiūtė užsimena (23, 207), kad nekirčiuotas balsis esąs tuo trumpesnis, kuo toliau eina nuo kirčiuoto skiemens. J. Urbelienės (22, 461) manymu, lietuvių kalbos ilgieji pokirtiniai balsiai esą net 50 % trumpesni už atitinkamus kirčiuotus. L. Anusienė (1, 19), tyrusi nekirčiuotus lietuvių kalbos rišliosios kalbos balsius, teigė, kad trumpieji pokirtiniai redukuojami 10 %, prieškirtniniai – 20 %; labiausiai trumpėja ilgieji balsiai: pirmieji prieškirtniniai – 50 %, antrieji – 40 %, o antrieji pokirtiniai – 40%. Tačiau nė viename minėtame darbe, išskyrus A. Pakerio, eksperimentiniai kiekybės duomenys nėra įvertinti statistiškai.

Kaip matyti, įvairių autorių tyrimų duomenys nėra vienodi. Skirtingus rezultatus galėjo lemti daug įvairių priežasčių: diktoriaus tarminė priklausomybė, tyrimo metodikos, medžiagos parinkimas ir pan. (24, 19-25).

Šio straipsnio tikslas išsiaiškinti, kokią kiekybinę redukciją patiria dabartinės lietuvių bendrinės kalbos nekirčiuoti ilgieji balsiai, nustatyti kirčiuotų ir nekirčiuotų balsių trukmės santykius.

Analizei pasirinkti lietuvių bendrinės kalbos triskiemeniai žodžiai¹. Kirčiuotų balsių trukmės vidurkiai skaičiuoti iš triskiemenių žodžių pirmojo skiemens.

Nekirčiuotų balsių trukmės reikšmėms gauti pasirinkti žodžiai, kad tiriamieji balsiai pirmajame ir antrajame prieškirtniniame bei pirmajame ir antrajame pokirtiniame skiemenyje.

Lietuvių kalbos žodžius su tiriamaisiais balsiais įskaitė aktorai Evaldas Leskauskas (g. 1976), gimęs ir gyvenęs Kaune; Dainius Svobonas (g. 1968), gimęs Vilniuje, ten mokėsis,

---

¹ Eksperimentiniais tyrimais įrodyta, kad rišliuose lietuvių bendrinės kalbos tekstuose triskiemeniai žodžiai (tiesa, ne lingvistiniai, o fonologiniai) vartojami dažniausiai (7, 36-48).

dvidešimt vienerių persikėlęs į Kauną ir čia gyvenęs jau trylika metų. Abu aktoriai dirba Akademiniam Kauno dramos teatre, kalba standartine lietuvių bendrine kalba. Žodžiai aktoriams buvo pateikti sumaišyti atsitiktine tvarka. Kiekvienas jų kartotas penkis kartus. Aktoriai turėjo skaityti įprastu šnekamosios kalbos tempu, ir kiek galima, neutralėse intonacijose, tarp žodžių darydami nedideles pauzes.

Tiriamųjų balsių vidutinė trukmė matuota programa PRAAT 4.0.11. Matavimų rezultatai apdoroti matematinės statistikos metodais. Rezultatų reikšmingumas tikrintas Studento kriterijumi. Statistinė analizė atlikta A. Girdenio sukurta programa „STUDENT“ (programavimo kalba TURBO-PASCAL, v. 7.0).

Rezultatai pateikti lentelėse, taip pat pavaizduoti grafiškai.

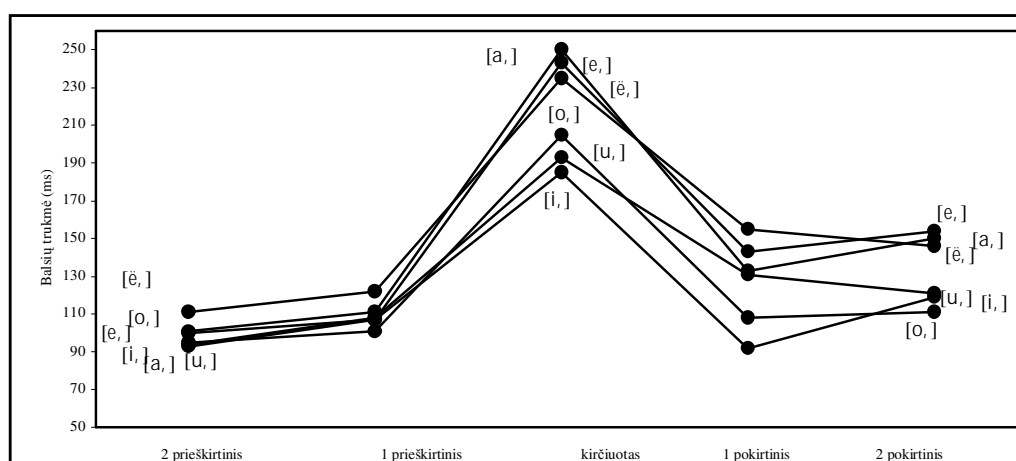
1 lentelė

Kirčiuotų ir nekirčiuotų ilgųjų balsių trukmė

Pozicija → → Balsiai ↓ ↓	Kirčiuoti	2 prieškirtiniai	1 prieškirtiniai	1 pokirtiniai	2 pokirtiniai
[iˈ]	185 ± 20	93 ± 23	107 ± 19	92 ± 15	119 ± 12
[eˈ]	243 ± 28	100 ± 15	107 ± 23	143 ± 31	154 ± 26
[ėˈ]	235 ± 21	111 ± 26	122 ± 26	155 ± 34	146 ± 17
[ɑˈ]	250 ± 31	101 ± 16	111 ± 11	133 ± 38	150 ± 26
[oˈ]	205 ± 21	95 ± 16	101 ± 25	108 ± 32	110 ± 15
[uˈ]	193 ± 47	94 ± 8	108 ± 24	131 ± 21	121 ± 28

Pagal gautus duomenis nubraižytas grafikas (žr. 1 pav.), iš kurio matyti, kad ilgieji nekirčiuoti balsiai labai trumpėja.

Iš kirčiuotų ilgųjų balsių išsiskiria [ɑˈ], [eˈ], [ėˈ]: jų kiekybė didžiausia (atitinkamai x = 250 ms, 243 ms ir 235 ms). Kirčiuotų balsių [ɑˈ] ir [eˈ] trukmė labai mažai tesiskiria. Kirčiuotų ir nekirčiuotų balsių trukmės skirtumai statistiškai reikšmingi. Statistinių patikimumą aiškiai parodė ir visiškai nesusikertantys pasikliaujamieji intervalai bei apskaičiuotos Studento kriterijaus reikšmės, visais atvejais žymiai didesnės už kritines ($P < 0,001$).

1 pav. Kirčiuotų ir nekirčiuotų ilgųjų balsių trukmė

Lietuvių kirčiuotų ir nekirčiuotų ilgųjų balsių kiekybės santykiai²

Pozicija → Balsiai ↓	2 Pr : K	1 Pr : K	1 Pk : K	2 Pk : K
[i·] : [i̇·]	1 : 1,9	1 : 1,7	1 : 2	1 : 1,5
[e·] : [ė·]	1 : 2,4	1 : 2,2	1 : 1,6	1 : 1,5
[ė·] : [ė̇·]	1 : 2,1	1 : 1,9	1 : 1,5	1 : 1,6
[ɑ·] : [ɑ̇·]	1 : 2,4	1 : 2,2	1 : 1,8	1 : 1,6
[o·] : [ȯ·]	1 : 2,1	1 : 2	1 : 1,9	1 : 1,8
[u·] : [u̇·]	1 : 2	1 : 1,7	1 : 1,4	1 : 1,5
Vidutinės reikšmės	1 : 2,2	1 : 2,1	1 : 1,7	1 : 1,6

Matome, kad priešingai negu buvo teigta iki šiol, nekirčiuotų ilgųjų variantų kiekybinė redukcija didelė. Laiką, per kurį ištariami nekirčiuoti variantai, pilyginus vienetai, apskaičiuotos santykinės trukmės reikšmės³. Labiausiai redukuojami prieškirtinių skiemenų balsiai (žr. 2 lent.). Šiose pozicijose nekirčiuoti variantai apie 2-2,4 karto trumpesni už atitinkamus kirčiuotus. Labiausiai sutrumpėja antrieji prieškirtiniai [ɑ·], [e·]. Su kirčiuotais ilgaisiais jie santykiauja maždaug taip: [ɑ·] : [ɑ̇·]⁴ = 1 : 2,4 (trukmės skirtumas net 149 ms); [e·] : [ė·] = 1 : 2,4 (skirtumas 143 ms). Labai smarkiai sutrumpėję ir kalbami pirmieji prieškirtiniai balsiai, jų santykis su kirčiuotu yra: [ɑ·] : [ɑ̇·] = 1 : 2,2 (skirtumas 139 ms) ir [e·] : [ė·] = 1 : 2,2 (skirtumas 136 ms). Aukštutiniai [i·], [u·] ir vidutiniai [ė·], [o·] nekirčiuotose pozicijose trumpėja kiek mažiau: 1,7-2 kartus.

Lietuvių kalbos ilgųjų balsių trumpėjimas (%)

Pozicija → Balsiai ↓	2 prieškirtinis	1 prieškirti- nis	1 pokirtinis	2 pokirtinis	Vidutiniškai
[i·]	50	43	51	36	45
[e·]	59	56	42	37	49
[ė·]	53	49	35	38	44
[ɑ·]	60	56	47	40	51
[o·]	54	51	48	47	50
[u·]	52	45	33	38	42
Vidutiniškai	55	50	42	39	

Pokirtinėse pozicijose kiekybinė redukcija kiek mažesnė: balsiai trumpėja 1,4-2 kartus. Iš kiekybės santykių matyti, kad kirčio įtaka didesnė užpakaliniams balsiams. Be to, pirmieji prieškirtiniai trumpesni už pirmuosius pokirtinius, o antrieji prieškirtiniai — už antruosius

² Lentelėje naudojami simboliai reiškia: K - kirčiuota pozicija; 1 Pr - pirmasis prieškirtinis variantas, 2 Pr - antrasis prieškirtinis variantas 1 Pk - pirmasis pokirtinis variantas, 2 Pk - antrasis pokirtinis variantas.

³ Kai kuriuose darbuose teigiama, kad lingvistinė prasme korektiškesni yra santykiniai duomenys, nes apdorojus medžiagą statistiškai ir išvedus duomenų vidurkius, iš dalies ar visiškai „ištirpsta“ nukrypimai nuo bendros tendencijos (žr. [Vaitkevičiūtė, 1995, 24] ir ten min. lit.).

⁴ Statmenas brūkšnelis virš ilgojo balsio rodo tik jo kirtį (neatsižvelgiant į priegaidę). Parašymą [ɑ̇·] reikia skaityti: „kirčiuotas ilgasis balsis“.

pokirtinius. Apskaičiavus bendrąjį vidurkį gauta, kad antrieji prieškirtiniai balsiai vidutiniškai sutrumpėja 2, 2 karto (arba 55%, žr. 3 lent.), pirmieji prieškirtiniai — 2,1 karto (arba 50%), pirmieji pokirtiniai — 1,7 karto (arba 42%) ir antrieji pokirtiniai — 1,6 karto (arba 39%). Ilgieji balsiai pokirtinėse pozicijose virsta pusilgiais, o prieškirtinėse — net dar trumpesniais garsais. Balsių trukmė ne visose pozicijose vienodai ryški: pokirtiniuose skiemenyse, išlaikančiuose skiemens centro kiekybę, ji ryškesnė, prieškirtiniuose skiemenyse, matyt, labiau linkusiuose trumpėti, blankesnė. Apskritai ilgųjų balsių trukmė kirčiuotoje pozicijoje žymiai ryškesnė negu nekirčiuotoje.

Pagal savaiminę trukmę kirčiuoti ilgieji balsiai išsidėsto tokia tvarka⁵: $[\alpha:] \geq [e:] > [\ddot{e}:] > [o:] > [u:] > [i:]$ (atitinkamai: 250 ms $\geq$ 243 ms $>$ 235 ms $>$ 205 ms $>$ 193 ms $>$ 185 ms). Ši balsių eilė rodo, kad balsių trukmės santykiai atitinka bendrą taisyklę: žemutinio pakilimo balsiai ilgiausi, vidutinio pakilimo — trumpesni, aukštutinio pakilimo — trumpiausi⁶. Daugelio kalbų eksperimentiniai tyrimai yra parodę, kad kiekvieno pakilimo garsui būdinga trukmė, mažėjanti didėjant pakilimui (žr. 12; 10; 15; 13; 19; 16). Taigi šis prozodinis dėsningumas yra universalija (žr. 14, 43). Atsižvelgus į A. Parkerio (14, 46, išn. 10) rekomendaciją, kad lygintina tik skirtingo pakilimo balsių kiekybė, gaunamos tokios eilės: kirčiuotų užpakalinių — $[\alpha:] > [o:] > [u:]$ ⁷ (atitinkamai: 250 ms $>$ 205 ms $>$ 193 ms), priešakinių: $[e:] > [\ddot{e}:] > [i:]$ (atitinkamai: 243 ms $>$ 235 ms $>$ 185 ms). Artikuliacijos požiūriu, gaunamos idealios eilės: ilgiausi yra žemutinio pakilimo, trumpiausi – aukštutiniai kirčiuoti balsiai. Toks lyginimas, A. Parkerio nuomone (14, 46, išn. 10), metodiškesnis, nes lyginami tos pačios pozicijos balsiai, t. y. vartojami po vienodo minkštumo priebalsių.

Nekirčiuoti ilgieji balsiai pagal savo trukmę išsidėsto kiek kitaip. Antruosius prieškirtinius pagal savaiminę trukmę galima surašyti tokia tvarka: $[\ddot{e}:] > [\alpha:] \geq [e:] > [o:] \geq [u:] \geq [i:]$ ⁸ (atitinkamai: 111 ms $>$ 101 ms $\geq$ 100 ms $>$ 95 ms $\geq$ 94 ms $\geq$ 93 ms), arba užpakaliniai — $[\alpha:] > [o:] \geq [u:]$, priešakiniai — $[\ddot{e}:] > [e:] > [i:]$ ⁹. Pirmieji prieškirtiniai išsidėsto taip: $[\ddot{e}:] > [\alpha:] > [u:] \geq [e:] \geq [i:] > [o:]$ (atitinkamai: 122 ms $>$ 111 ms $>$ 108 ms $\geq$ 107 ms $\geq$ 107 ms $>$ 101 ms), arba užpakaliniai — $[a:] > [u:] > [o:]$, priešakiniai — $[\ddot{e}:] > [e:] > [i:]$ ¹⁰.

A. Parkerio (14, 45, 1 lent.) nustatyti prieškirtinių ilgųjų balsių pasikliaujamieji intervalai taip pat beveik sutampa, o trukmės vidurkiai gana panašūs, užpakalinių $[\alpha:]$ ir $[o:]$ vidurkiai nedaug tesiskiria, o $[u:]$ — truputį trumpesnis (skaičiuota dviskiemenių balsių trukmė).

⁵ Balsiai išrikiuoti nuo turinčio didžiausią trukmę.

⁶ Ir kitų tyrimų rezultatai rodo (žr. 23, 216-217; 14, 43-48; 1, 5-13) panašias balsių trukmės tendencijas: žemutiniai balsiai — ilgiausi, vidutiniai — trumpesni, aukštutiniai — trumpiausi.

⁷ Plg. kirčiuotų balsių pasikliaujamuosius intervalus: užpakalinių — $[\alpha:]$ — 230 ÷ 270 ms, $[o:]$ — 192 ÷ 217 ms, $[u:]$ — 163 ÷ 224 ms; priešakinių — $[e:]$ — 225 ÷ 261 ms, $[\ddot{e}:]$ — 223 ÷ 247 ms, $[i:]$ — 171 ÷ 200 ms. Matyti, kad užpakalinių $[a:]$ ir $[o:]$ pasikliaujamieji intervalai nutolę, o $[o:]$ ir $[u:]$ susikerta. Priešakinių $[e:]$ ir $[\ddot{e}:]$ pasikliaujamieji intervalai persidengia, o $[i:]$ — gerokai nutolęs ir nuo vieno balsio, ir nuo kito. Vadinasi, manytina, tikrai patikimi esti tik žemutinių ir tos pačios eilės aukštutinių balsių trukmės skirtumai.

⁸ Simbolis „ $\geq$ “ žymi labai mažą arba iš viso neesantį savaiminės trukmės skirtumą. Pirmasis eilėse rašomas ilgesnis balsis. Jei trukmė tokia pat, atsižvelgiama į kokybę: pirmasis rašomas tas, kuris pagal pakilimo ryšį turėtų būti ilgesnis.

⁹ Plg. antrųjų prieškirtinių pasikliaujamuosius intervalus: užpakalinių balsių — $[a:]$ — 94 ÷ 107 ms, $[o:]$ — 87 ÷ 103 ms, $[u:]$ — 90 ÷ 97 ms. Priešakinių: $[\ddot{e}:]$ — 101 ÷ 120 ms, $[e:]$ — 96 ÷ 102 ms, $[i:]$ — 82 ÷ 105 ms. Iš užpakalinių balsių pasikliaujamųjų intervalų matyti, kad $[\alpha:]$ ir $[o:]$ intervalai susikerta, o $[o:]$ ir $[u:]$ liečiasi. Priešakinių $[\ddot{e}:]$ ir $[e:]$ vos liečiasi, o $[e:]$ ir $[i:]$ persidengia.

¹⁰ Pirmųjų prieškirtinių pasikliaujamieji intervalai tokie: užpakalinių balsių — $[\alpha:]$ — 99 ÷ 102 ms, $[u:]$ — 96 ÷ 120 ms, $[o:]$ — 90 ÷ 112 ms. Priešakinių — $[\ddot{e}:]$ — 112 ÷ 134 ms, $[e:]$ — 94 ÷ 120 ms, $[i:]$ — 98 ÷ 116 ms. Ir užpakalinių, ir priešakinių balsių pasikliaujamieji intervalai daugiau ar mažiau liečiasi arba net kertasi. Taigi kalbamųjų balsių trukmės skirtumai pagal pakilimą nėra dideli ir reikšmingi, nes skirtingos kokybės balsių pasikliaujamieji intervalai susikerta.

Pirmųjų pokirtinių eilė tokia: [ė·] > [e·] > [ɑ·] ≥ [u·] > [o·] > [i·] (155 ms > 143 ms > 133 ms ≥ 131 ms > 108 ms > 92 ms), užpakaliniai — [ɑ·] ≥ [u·] > [o·] ir priešakiniai — [ė·] > [e·] > [i·]¹¹. Antrieji pokirtiniai išsirikiuoja taip: [e·] > [ɑ·] > [ė·] > [u·] ≥ [i·] > [o·] (154 ms > 150 ms > 146 ms > 121 ms ≥ 119 ms > 110 ms), užpakaliniai: [ɑ·] > [u·] > [o·], priešakiniai: [e·] > [ė·] > [i·]¹². Beveik visose pozicijose balsis [ė,] išlaiko vietą eilėse — jis yra ilgiausias, tačiau kiti balsiai bendrose eilėse keičia savo vietas. Atskirai išrikiavus eilėmis užpakalinius ir priešakinius balsius, matyti, kad nekirčiuotų ilgųjų balsių eilės beveik atitinka universalųjį balsių trukmės ir pakilimo ryšį, tačiau nekirčiuotų skirtingos kokybės balsių trukmės skirtumai itin maži (ypač prieškirtnių balsių), todėl vargu ar metodiška juos bandyti surikiuoti į vieną eilę. Veikiausiai kirtis išryškina savaiminius prozodinius balsių požymius, bent jau trukmę. Kita vertus, kaip teigia A. Pakerys (14, 47), nekirčiuotų balsių trukmės skirtumai mažesni negu kirčiuotų, todėl, matyt, jie labiau pažeidžiami.

Atliktas eksperimentas gal ir nėra labai metodiškas (kritiką šiuo klausimu žr. 14, 94-95), nes balsių kiekybė matuota nevienodos garsinės sandaros žodžiuose. Kaip žinoma, balsių trukmė priklauso nuo įvairių veiksnių: skiemens sandaros ir vietos žodyje, aplinkinių priebalsių kokybės, akcentinės pozicijos ir t. t. (apie veiksnių visumą ir jų įtaką lietuvių kalbos balsių kiekybei (žr. 23, 207-208). Į juos neatsižvelgus kartais galima gauti net labai prieštaringų duomenų. Kita vertus, visiškai idealių minimaliųjų porų, tiriant skirtingų pozicijų balsių trukmę, vargu ar galima rasti. Be to, juk labai įvairuoja kiekvieno žmogaus kalbėjimo tempas, kitos individualios savybės. Manytina, kad šis kirčiuotų ir nekirčiuotų balsių trukmės lyginimas bent jau rodo pagrindines ilgųjų balsių kiekybinės redukcijos tendencijas. Tačiau jeigu atliktume spontaniškos šnekamosios kalbos balsių trukmės matavimus, matyt, trukmė dar labiau įvairuotų, nes balsių požymius labai lemia ir kalbėjimo tempas. Pavyzdžiui, yra nustatyta, kad vokiečių kalboje beveik nėra jokio skirtumo tarp nekirčiuotų ilgųjų ir trumpųjų balsių (žr. 21, 109). Greitoje kalboje garsai artikuliuojami labai neraiškiai (2, 150 tt.; 6, 145), todėl balsiai gali visiškai supanašėti (plg. 9, 921). Tačiau tai tik svarstymas, reikalaujantis įrodymo.

Svarbesnės ilgųjų balsių trukmės tyrimo išvados būtų tokios.

1. Lietuvių bendrinėje kalboje ilgieji balsiai kiekybiškai redukuojami, skirtingos kokybės balsių kiekybinė redukcija skirtinga.

2. Redukcija būdingesnė žemutiniams ir aukštutiniams balsiams. Didžiausią kiekybinę redukciją patiria žemutiniai [ɑ·], [e·]. Aukštutiniai [i·], [u·] ir vidutiniai [ė·], [o·] redukuojami kiek mažiau.

3. Kirčiuotų balsių trukmė susijusi su kokybe: kuo aukštesnio pakilimo balsis, tuo jo trukmė mažesnė. Nekirčiuotų ilgųjų balsių savaiminės trukmės eilės nelabai atspindi jų kokybę, nes skirtingos kokybės nekirčiuotų balsių trukmės intervalai kertasi.

4. Kirčiuotų ilgųjų balsių trukmės kontrastas didesnis, nekirčiuotose pozicijose balsių kiekybės kontrastas mažesnis.

5. Balsių kiekybę veikia kirtis ir pozicija žodyje kirčio atžvilgiu: labiausiai trumpėja ilgieji antrieji ir pirmieji prieškirtniniai variantai, pokirtinių alofonų kiekybinė redukcija mažesnė.

¹¹ Užpakalinių pirmųjų pokirtinių balsių pasikliaujamieji intervalai tokie: [ɑ·] — 116 ÷ 149 ms, [u·] — 121 ÷ 141 ms, [o·] — 92 ÷ 123 ms. Priešakinių: [ė·] — 141 ÷ 169 ms, [e·] — 128 ÷ 157 ms, [i·] — 85 ÷ 99 ms. Balsių [ɑ·] ir [u·] trukmės intervalai kertasi, o [o·] vos liečiasi su [u·], bet [o·] nutolęs nuo [ɑ·]. Balsių [ė·] ir [e·] trukmės intervalai liečiasi, tačiau [i·] intervalas smarkiai nutolęs ir nuo [ė·], ir nuo [e·].

¹² Užpakalinių antrųjų pokirtinių balsių pasikliaujamieji intervalai tokie: [ɑ·] — 138 ÷ 162 ms, [u·] — 105 ÷ 138 ms, [o·] — 103 ÷ 116 ms. Priešakinių: [e·] — 143 ÷ 165 ms, [ė·] — 139 ÷ 153 ms, [i·] — 113 ÷ 125 ms. Balsių [ɑ·] ir [u·] pasikliaujamieji trukmės intervalai vos liečiasi, o [u·] susieina su [o·] intervalu. Balsių [e·] ir [ė·] trukmės intervalai taip pat liečiasi, o [i·] nutolęs ir nuo vieno, ir nuo kito balsio.

6. Dideli kirčiuotų ir nekirčiuotų ilgųjų balsių trukmės santykiai rodo, kad ilgieji balsiai pokirtinėse pozicijose virsta pusilgiais, o prieškirtinėse — net šiek tiek trumpesniais negu pusilgiai balsiai garsais. Apskritai nekirčiuoti ilgųjų balsinių fonemų alofonai gerokai trumpesni už kirčiuotus ilguosius, bet ilgesni už nekirčiuotus trumpuosius. Pusilgiai balsiai yra ilgųjų balsių alofonai, nes tarp jų yra papildomosios distribucijos santykis: ilgieji balsiai vartojami kirčiuotose, o pusilgiai — nekirčiuotose pozicijose.

LITERATŪRA

1. ANUSIENĖ, L. Kirčiuotų ilgųjų balsių trukmė lietuvių bendrinės kalbos frazėse. *Kalbotyra*. T. 34 (1). Vilnius, 1983, p. 5-13.
2. БОНДАРКО, Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи.. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1981.
3. ДАМБРАУСКАЙТЕ-УРБЕЛЕНЕ, Я. Рентгенографическое исследование артикуляции литовских гласных. *Kalbotyra*. T. 15. Vilnius, 1967, p. 9-30.
4. EKBLOM, R. Quantität und Intonation im zentralen Hochlitauischen. Uppsala: Lundequistska Bokhandeln, 1925.
5. ГАЙДУЧИК, С. М. Квантитативные признаки немецких гласных. *Экспериментальная фонетика*. Минск, 1976.
6. ИВАНОВА-ЛУКЪЯНОВА, Г. Н. Культура устной речи: Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. Флинта. Москва: Наука, 2002.
7. KAROSIENĖ, V.; GIRDENIS, A. Bendrinės kalbos fonemų dažnumai. *Kalbotyra*. T. 42 (1). Vilnius, 1993, p. 28-38.
8. KAUKĖNIENĖ, L. Lietuvių bendrinės kalbos nekirčiuotų balsių kiekybė. *Acta Linguistica Lithuanica* T. 48. Vilnius, 2003, p. 35-47.
9. LADEFOGED, P. [Rev.]; LIEBERMAN, P. Speech Physiology and Acoustic Phonetic, *Language*. Vol. 54 (4). New York :Macmillan, 1977, p. 920-923.
10. LEHISTE, I. Suprasegmentals. Cambridge (Mass.). London: The M. I. T. Press, 1970.
11. LEHTONEN, J. Aspects of Quantity in Standard Finnish. Jyväskylä, 1970.
12. MALMBERG, B. Phonetics. New York: Dover Publications, 1963.
13. MOHR, B. Intrinsic variations in the speech signal. *Phonetika*. Vol. 23. Nr. 2, 1971, p. 65-93.
14. PAKERYS, A. Lietuvių bendrinės kalbos prozodija. Vilnius: Mokslas, 1982.
15. ПАКЕРИС, А.; ПЛАКУНОВА, Т.; УРБЕЛЕНЕ, Я. Относительная длительность гласных литовского языка. *Kalbos garsai ir intonacija*. T. 4, 1970, p. 30-53.
16. ROSNER, B. S.; PICKERING, J. B. Vowel Perception and Production. Oxford: Oxford University Press, 1994.
17. SCHMIDT-WARTENBERG, H. Zur Physiologie des litauischen. *Akzents. Indogermanische Forschungen*. Bd. 7. 1897, p. 211-223.
18. СВЕЦЕВИЧЮС, Б. И. Простые гласные (монофтонги) современного литературного языка: *Автореф. канд. дис.* Вильнюс: ВГУ, 1964.
19. ЩЕРБА, Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Ленинград: Наука, 1912 [= 1983].
20. ЩЕРБА, Л. В. Фонетика французского языка. Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1963.
21. ЩЕРБАКОВА, Л. В. Длительность как акустический параметр фразовых ударений в немецком языке. *Экспериментальная фонетика и прикладная лингвистика*. Минск, 1980.
22. УРБЕЛЕНЕ, Я. Долгие гласные современного литовского литературного языка. *Автореф. канд. дис.* Вильнюс: ВГУ, 1967.
23. VAITKEVIČIŪTĖ, V. Lietuvių kalbos balsių ir dvibalsių ilgumas, arba kiekybė. LKK. T. 3. 1960, p. 207-217.
24. VAITKEVIČIŪTĖ, V. Bendrinės lietuvių kalbos priegaidės. Vilnius: Enciklopedija, 1995.
25. WIK, K. Finnish and English Vowels. Turku, 1968.
26. ЗЛАТООУСТОВА, Л. В. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.

Lidija Kaukeniene

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

THE DURATION OF LONG VOWELS IN STANDARD LITHUANIAN

Summary

I. SISTEMINIAI LINGVISTINIAI TYRINĖJIMAI: TEORIJA IR PRAKTIKA

In this paper, using instrumental and statistic methods, the quantity of long vowels in Standard Lithuanian is being researched.

The results of the research show that the quantity of unstressed vowels in Lithuanian is not the same as the stressed ones. The findings show that the previous are reduced.

Among long vowels, the greatest quantitative reduction is undergone by the low [ɑ·] and [e·]. The high [i·], [u·] and the medium [ë·], [o·] are a bit less reduced.

The duration of stressed vowels is clearly related with their quality: the higher the rise, the shorter the duration. The self-contained duration sequences of long unstressed vowels do scarcely reflect their quality since the duration intervals of unstressed vowels of different quality intersect.

The quantity of the vowels is determined both by stress and by their position in a word with respect to stress: long second and first pre-accented variants exhibit greatest shortening. In these positions, unstressed variants are about 2-2.4 times shorter than the corresponding stressed ones. It should be pointed out that the quantitative reduction of post-accented allophones is less marked: the vowels get shorter 1.4-2 times.

Having calculated the average, it was found out that the second pre-accented long vowels get shortened for approximately 2.2 times (about 55%); the first pre-accented long vowels for 2.1 times (about 50%); the first post-accented long vowels for 1.7 times (about 42%); and the second post-accented long vowels for 1.6 times (about 39%).

High ratios between the durations of stressed and unstressed long vowels show that, in post-accented positions, long vowels acquire half-long quality, and, in pre-accented positions, they become a bit shorter than that. On the whole, unstressed allophones of long vowel phonemes are considerably shorter than those of long stressed vowels but longer than the allophones of short stressed vowels. Half-long vowels are the allophones of long vowels since there is complimentary distribution between them: long vowels are realised in stressed positions and half-long vowels in the unstressed ones.

The analysis of vowels of Standard Lithuanian has revealed that pure long vowels are articulated solely in stressed syllables. Actually, in unstressed syllables, they are reduced to half-long tense vowels [i. ie. e. a. o. uo. u.].

KEY WORDS: long vowels, duration, quantity, quantitative reduction.

Жанна Лечицкая

Каунасский гуманитарный факультет Вильнюсского университета, Литва

Эл. почта: zana.leciskaja@vukhf.lt

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

В статье представлены результаты анализа содержательного аспекта номинации, средств и способов объективации лексических значений прилагательных вкуса, совокупность семантических компонентов которых рассматриваются в качестве искомого поля номинации. Целью проведенного исследования было определение ономаσιологической структуры анализируемых прилагательных, выявление номинативно-релевантных и коммуникативно-релевантных сем. Анализ показал, что ономаσιологическая структура значений прилагательных вкуса находится в относительно свободном, динамическом отношении, в силу чего одно и то же прилагательное может быть использовано в новой для него функции наречения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ономаσιологическая структура, лексическое значение, номинативно-релевантные семы, коммуникативно-релевантные семы, прилагательные вкуса.

Описание языковых средств и способов номинации требует определенного подхода к структуре лексического значения — подхода с позиций ономаσιологических структур.

В. В. Виноградов писал: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей» (3, 18).

В статье при описании и исследовании ономаσιологической структуры прилагательных вкуса используются в качестве «посредствующих функциональных связей» две основные идеи, представленные как две семантические единицы: признак родовой или ближайшего ряда и признак видового отличия.

Таким образом, ономаσιологическая структура значения имеет следующее строение: **родовой признак** (признак ближайшего ряда) и **признак видового отличия**.

Следовательно, ономаσιологическая структура значения слова — это лексическое значение слова, осмысленное в аспекте номинации. Родовой признак или признак ближайшего ряда рассматривается как ономаσιологический базис, а признаки видового различия как ономаσιологические признаки, к которым относим и дифференциальные признаки, составляющие понятийную сферу лексических значений, и признаки, относящиеся к прагматическому аспекту.

Поход к значениям с точки зрения ономаσιологических структур требует обсуждения по крайней мере двух вопросов: во-первых, критериев, на основании которых выделяется родовой признак (ономаσιологический базис), во-вторых, значимости ономаσιологического базиса и ономаσιологических признаков по отношению к обозначению, то есть вопроса об их номинативной релевантности.

1. Как представляется, выделение в значениях слов — единиц номинации — ономаσιологического базиса и ономаσιологических признаков, так же, как и в процессе нахождения архисем, должно зависеть от уровня анализа. В качестве родového признака могут рассматриваться семантические признаки разной степени обобщенности. Так, например, в качестве родového признака можно рассматривать предельно веские понятийные классы — «предметность», и «признаковость» и тому подобное, а

категорийные разновидности частей речи считать признаками видового отличия. Или, например, значения существительных наименований лиц по профессии включает родовое понятие деятеля и признак видового отличия (ономасиологический признак) — отношение к предмету, средству труда и обстоятельствам, его сопровождающим, например, *аппаратчик* — «тот, кто выполняет профессиональные действия по обслуживанию аппарата» и тому подобное.

Если мы обратимся к анализируемым прилагательным, то семантическим признаком, объединяющим прилагательные вкуса, то есть родовым признаком, является «вкус». Однако, если сопоставим значения прилагательных *сладкий, горький, соленый, кислый*, с одной стороны, и прилагательные *сладковатый, сладенький, приторный, несладкий; горьковатый, прогорклый; солоноватый, соленький, пресный; кисловатый, кисленький, терпкий* — с другой стороны, то заметим, что для последних признаком ближайшего ряда будет не компонент «вкус», а находящиеся с ним родо-видовых отношениях компоненты: «сладкий», «горький», «соленый», «кислый».

Прилагательные **вкусный, лакомый, смачный** также можно рассматривать в контексте общей категории оценки и тогда ономасиологическим базисом будет «оценка». Однако данные прилагательные анализируются в рамках лексико-семантической микросистемы — прилагательных вкуса, и главным является объект оценки — «вкус», то есть основным признаком, объединяющим данные прилагательные с другими прилагательными вкуса, является семантический признак «вкус».

2. Многие лингвисты считают, что не все семантические компоненты значения языковых единиц равнозначны по отношению к номинативной функции. Вопрос о неравнозначности входящих в значение элементов находит свое решение в тех работах, в которых идеи компонентного анализа соединены с понятием пресуппозиции утверждаемого. Однако следует заметить, что понятие пресуппозиции не имеет однозначного определения в лингвистике. Чаще всего под этим термином понимается тот набор сведений, который предполагается заранее известным — «данное, исходный пункт» (1, 67). Так, например, Н. Д. Арутюнова указывает, что из четырех компонентов, образующих значение слова *холостяк*, только значение «не состоящий и не бывший в браке» относится к утверждаемому, а компоненты «человек», «мужского пола», «взрослый» образуют пресуппозицию употребления слова и определяют правильное отнесение имени к денотату (1, 67).

Таким образом, мысль о том, что семантические признаки могут занимать разное место в структуре значения в зависимости от того, выступают ли они как известные, или, напротив, как такие, которые составляют утверждаемое, то есть являются **НОМИНАТИВНО-РЕЛЕВАНТНЫМИ**, представляется совершенно справедливой и ее необходимо принять во внимание при анализе языковых единиц в аспекте номинации.

Такой подход согласуется и с теорией информации. Существует мнение, что информацию составляет не всякое знание, а только новое (7). Как правило, всякое семантическое образование, будь то значение слова или смысл предложения, текста, содержит новое знание только в контексте известного, через комбинацию которого это новое может быть выражено. Новое знание может содержаться и в новых отношениях, связях элементов, которые могут быть все известными. Если бы слово (предложение, текст) полностью представляло бы собой новое знание, то оно не было бы понятно, так как в нем не содержалось бы необходимой опоры для осмысления.

Таким образом, в ономасиологической структуре, представляющей собой совокупность признаков прямой номинации, выделяем семантические признаки, которые выступают как известное, и семантические признаки, которые составляют утверждаемое, то есть обладают номинативной релевантностью. Номинативно-релевантные семы, являясь отражением объективных свойств именуемого явления, играют основную роль в ономасиологической структуре значения языковых единиц. Семантические признаки, составляющие данное, известное, входят в значение языковой единицы, но занимают в

ней иное место, чем семантические компоненты утверждаемого (номинативно-релевантные семы). Данное явление отметил и А. А. Потебня. С присущей ему тонкостью наблюдений он писал: «Нетрудно вывести из разбора слов какого бы то ни было языка, что слово, собственно, выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один его признак» (5,114). Ср. также: «Язык постоянно остается посредником между познанным и вновь познаваемым» (5, 59).

От номинативно-релевантных сем следует отличать коммуникативно релевантные семы. При употреблении слова в высказывании могут возбуждаться, актуализироваться различные компоненты значения, то есть становиться коммуникативно релевантными.

Так, ономасиологическая структура прилагательного **сладкий** включает: ономасиологический базис: «вкус»; ономасиологические признаки: а) номинативно-релевантный признак («сладкий» + «иметь»); б) положительная оценка.

В речи возможна актуализация различных компонентов значения:

а) актуализируется, то есть становится коммуникативно релевантным, ономасиологический базис в словосочетании **сладкий вкус** (словом *вкус*);

б) актуализируется ономасиологический базис («вкус») и ономасиологический признак (положительная оценка) в словосочетании: **приятный сладкий вкус яблока** (соответственно словами: *вкус и приятный*).

В словосочетании **сладкое яблоко** компоненты ономасиологической структуры обозначены имплицитно и актуализованным, то есть коммуникативно-релевантным является номинативно-релевантный признак — («сладкий» + «иметь»).

3. В современном русском языке **сладкий вкус** обозначается цельнооформленным средством — прилагательным **сладкий**. Данная многозначная лексема предстает прежде всего в своем прямом лексическом значении как наиболее полно отражающем объем и содержание связанного с ним понятия.

Логико-семантические отношения, лежащие в основе прямого лексического значения прилагательного **сладкий**, включают следующие элементы: «эталонный предмет + признак + оценка».

Ономасиологическая структура прилагательного **сладкий** содержит следующие признаки прямой номинации:

- 1) родовой признак: «вкус»;
- 2) признаки видового отличия:
  - а) номинативно-релевантный признак («сладкий» + «иметь»);
  - б) положительная оценка.

Прямое значение прилагательного **сладкий** выражено нерасчлененно. Поверхностная морфологическая структура монолитна, прилагательное является немотивированным, непроизводным образованием.

Горький вкус обозначается также однословным наименованием — прилагательным **горький**.

Логико-семантические отношения, лежащие в основе семантики прилагательного **горький**, представляют собой следующую модель: «эталонный предмет + признак + интенсивность + оценка».

Ономасиологическая структура прямого значения многозначной лексемы **горький** включает следующие компоненты:

- 1) родовой признак: «вкус»;
- 2) признаки видового отличия:
  - а) номинативно-релевантный признак: («горький» + И >>) + «иметь»);
  - б) (И >> + О_{эс}).

Способ номинации: нерасчлененный, немотивированный.

Кислый вкус в современном русском языке обозначается производной единицей — прилагательным **кислый**.

Логико-семантические отношения, лежащие в основе прямого лексического значения многозначной лексики **кислый**, включают следующие члены: «эталонный предмет + признак + интенсивность».

Ономасиологическая структура значения **кислый** содержит следующие компоненты:

- 1) родовой признак: «вкус»;
- 2) признак видового отличия: номинативно-релевантный признак: («кислый» + И >) + «иметь».

Семантические компоненты не эксплицированы в поверхностной морфологической структуре прилагательного **кислый**, обозначены имплицитно, нерасчлененно. Прямое значение данного прилагательного обладает высокой степенью идеоматичности. Рассмотрим это подробнее.

Как известно, формантная (формирующая) и мотивирующая (отсылочная) части — это обязательные компоненты значения мотивированного слова, и поэтому можно утверждать, что смысловая структура производного определяется двумя величинами — выбранным источником деривации и преобразующей его в желаемом направлении формальной операцией. Однако во многих словах семантика производного слова не совпадает со словообразовательным значением. Так, отглагольное прилагательное **кислый**, мотивированное глаголом **киснуть**, имеет 4 значения:

1. *Имеющий своеобразный острый вкус, напоминающий вкус лимона, уксуса, клюквы.*
2. Только полная форма. *Закисший вследствие брожения, приготовленный путем квашения // Испорченный в результате брожения, прокисший.*
3. Переносное, разговорное. *Выражающий недовольство, неудовлетворенность, тоскливо-унылый.*
4. Только поная форма (хим.). *Содержащий кислоту (во втором значении)* (4, т.2, 51) .

Мотивирующий глагол **киснуть** обладает двумя значениями:

1. *Делаться кислым, портиться от брожения.*
2. Переносное, разговорное. *Проводить время в бездействии, скукая и ноя* (4, т.2, 51)

Отглагольные прилагательные с суффиксом –л- имеют значение «находящийся в состоянии, возникшем в результате процесса, названного мотивирующим словом» (6, 297). Как видим, значение мотивирующей части (1-е значение глагола **киснуть**) и значение словообразовательного форманта –л- входит во второе словарное значение прилагательного **кислый**. Первое же значение, которое в современном языке осознается как первое, основное, не детерминируется значениями формирующей и отсылочной частей производного прилагательного, что свидетельствует о высокой степени идеоматичности его семантики и о начавшемся процессе опрощения его морфемной структуры.

Таким образом, мотивирующий признак, основание номинации, положенный в основу создания звуковой оболочки прилагательного **кислый** и отмеченный в его поверхностной морфемной структуре, не отражен в значении данного прилагательного.

Отметим, что в литовском языке основное и производное значения прилагательного **rūgštus** (кислый) детерминируются значениями формирующей и отсылочной частей данного прилагательного, то есть основание номинации (мотивирующий признак) отражено в значениях данного прилагательного и эксплицировано в его внешней структуре. Ср.: **rūgštus** (кислый) — „1. *Turintys savyje rūgštis* (букв.: содержащий кислоту). 2. *Igijęs tam tikrą aštru skonį nuo rūgimo* (букв.: приобретший определенный острый вкус вследствие брожения (закисания)“ (8, 673).

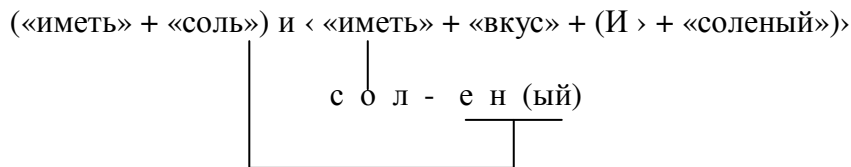
Соленый вкус в современном русском языке обозначается производной единицей номинации — прилагательным **соленый**. В основе прямого лексического значения

многозначной лексемы **соленый** лежат следующие логико-семантические отношения: «эталонный предмет + признак + интенсивность + сопутствующий признак».

Ономасиологическая структура значения прилагательного **соленый** включает следующие признаки первичной номинации:

- 1) родовой признак: «вкус»;
- 2) признаки видового отличия: номинативно-релевантный признак: («иметь» + «соль») + (И > + «соленый») + «иметь»).

Прилагательное **соленый** в рамках однословного наименования передает свое содержание расчлененным способом, так как некоторые компоненты эксплицитно выражены в поверхностной морфемной структуре. Для того, чтобы вывести корреляцию между поверхностной структурой производного и отдельными компонентами его значения, уточним словообразовательное значение данного прилагательного. Отглагольное прилагательное **соленый**, мотивированное отыменным глаголом **солить** («1. Класть во что-то соль для вкуса»), имеет словообразовательное значение: «подвергшийся действию, названному мотивирующим словом и содержащий результат этого действия» (6, 298). Корреляция между поверхностной морфемной структурой прилагательного **соленый** и семантическими компонентами значения данного прилагательного может быть изображена схематически: ¹

Таким образом, в поверхностной структуре прилагательного **соленый** эксплицирован мотивирующий признак обозначения — «эталонный предмет», вызывающий определенное (соленое) вкусовое ощущение. Остальные признаки: родовой признак: «вкус», другие признаки: «иметь», И >, «соленый» — обозначены имплицитно.

Для сравнения отметим, что в английском языке «эталонный предмет» также отмечен во внешней структуре прилагательного, ср. **salty** (соленый) — **salt** (соль). В литовском языке прилагательное **sūrus** (соленый) является непроизводным и все признаки прямой номинации обозначены имплицитно, ср.: **sūrus** (соленый), **druska** (соль).

Таким образом, подробно рассмотренные критерии на основании которых выделяется ономасиологический (родовой признак) и ономасиологические признаки дали возможность определить ономасиологическую структуру значения слова.

Предложенная процедура анализа позволила описать не только номинативные средства и способы языкового обозначения вкусовых ощущений прилагательными вкуса, но и уловить динамику образования системных и несистемных значимостей прилагательных вкуса, остающихся в пределах номинации вкусовых ощущений.

Приложение 1

Выражение частей словарных определений прилагательных вкуса с помощью сем

Сладкий	имеющий	приятный	вкус	подобный вкусу сахара, меда
	'иметь'	$O^{+1}_{эс}$	'вкус'	'сладкий'
	= 'иметь' + 'вкус' + 'сладкий' + $O^{+1}_{эс}$			

¹ В ломаные скобки заключены те части значения слова, которые не имеют прямого соответствия в морфологической структуре производного.

Горький	имеющий	резко	неприятный	едкий	особый вкус	подобный вкусу хины, полыни
	'иметь'	И >	О ⁻¹ _{эс}	И >>	'вкус'	'горький'
	= 'иметь' + 'вкус' + 'горький' + И >>					
Кислый	имеющий	острый	вкус	подобный вкусу лимона		
	'иметь'	И >	'вкус'	'кислый'		
	= 'иметь' + 'вкус' + 'кислый' + И >					
Соленый	содержащий	соль и	обладающий	острым	вкусом	свойственным соли
	'иметь'	'соль'	'иметь'	И >	'вкус'	'соленый'
	= ('иметь + соль') и ('иметь' + 'вкус' + 'соленый' + И >)					

Условные обозначения:

О⁺¹_{эс} — положительная оценка эмоционального состояния.

И > — высокая степень усиления признака.

И >> — очень высокая степень усиления признака

ЛИТЕРАТУРА

1. АРУТЮНОВА, Н. Д. Предложение и его смысл. В *Логико-семантические проблемы*. Москва, 1976.
2. ВИНОГРАДОВ, В.В. Основные типы лексических значений слова. В *Избранные труды: Лексикология и лексикография*. Москва: Наука, 1977.
3. ВИНОГРАДОВ, В.В. Русский язык. В *Грамматическое учение о слове*. Москва, 1986.
4. Словарь русского языка. Т. 1-3, Москва, 1981-1984. Т.1 (МАС-81); т. 2 (МАС-82); т. 3 (МАС-84).
5. ПОТЕБНЯ, А.А. Мысль и язык. В *Эстетика и поэтика*. Москва: Искусство, 1976.
6. Русская грамматика. Т. 1. Москва: Наука, 1982.
7. ЯКУШИН, Б.В. Слово, понятие, информация. Москва: Наука, 1989.
8. Dabartinis lietuvių kalbos žodynas. Vilnius: Mintis, 1972.

Zhana Lechitskaja

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

ONOMADIOLOGICAL STRUCTURE OF LEXICAL MEANINGS

Summary

The present article is an attempt to study the dictionary entries denoting „taste“. The semantic components forming the meaning of the adjectives are binary, gradual, frequentative oppositions as well as elementary components. The content of the meanings formed by the adjectives denoting „taste“ is characterized by the intensity of quality and emotive—evaluative charge.

KEY WORDS: onomasiological structure, lexical value, adjectives of taste, emotive—evaluative charge.

Елена Маринова

Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, Россия

Эл. почта: marinova@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОПОЛНЕНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI вв.: ЗАИМСТВОВАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЁЗД

Статья посвящена особенностям современного заимствования в русском языке. В частности, приводятся факты пополнения лексической и словообразовательной подсистем русского языка заимствованными словообразовательными гнёздами. На основе исследованного материала делается вывод о влиянии данной особенности современного заимствования на ассимиляцию иноязычной лексики в русском языке новейшего времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *заимствованное словообразовательное гнездо, исконное словообразовательное гнездо, адаптация иноязычного слова*

Масштабный характер современного заимствования, происходящего в русском языке на рубеже XX-XXI веков, даёт основания сравнивать данный процесс с аналогичным процессом, происходившем в Петровскую эпоху. В то же время заимствование в русском языке новейшего времени имеет ряд существенных особенностей, которые определяют, с одной стороны, его тотальный, с другой – динамический характер. Важнейшая особенность современного заимствования заключается в том, что языком-источником (языком-донором) является преимущественно один язык – американский английский, тогда как в Петровскую эпоху активное заимствование слов шло параллельно из нескольких европейских языков (голландского, немецкого, итальянского, английского и др.). К тому же лексическое заимствование в XVIII в. имело яркую национальную «окраску», в том смысле, что путём заимствования в тот период пополнялась лексика именно русского языка, что было обусловлено коренными изменениями в жизни страны, связанными с реформами Петра. Условно говоря, это было заимствование «в отдельно взятом» языке. В настоящее время процесс пополнения лексики за счёт иноязыковых средств имеет интернациональный характер – сильнейшее влияние всё того же американского английского претерпевают сейчас не только славянские, европейские языки, но и восточные языки, и даже такие традиционно «закрытые», как японский [подробнее об этом см., напр., (1, 15; 4, 86-92; 6, 109-113; 8, 386; 9; 10; 11, 116)].

Тотальность современного заимствования проявляется в том, что оно захватывает разные области человеческой деятельности, вплоть до бытовой сферы (слова *секонд-хэнд, караоке, джакузи, батут, пазл, скраб, йогурт* быстро прижились к русскому быту; сюда же относятся названия национальных блюд *фондю, пицца*, элементов одежды *бандана, боди*; названия развлечений, в том числе спортивных: *боулинг, дартс*). Как прямое, так и «скрытое» заимствование (калькирование) активизируются не только в литературном варианте национального языка (в стандарте), но и в субстандарт (прежде всего в компьютерном и молодёжном жаргонах). Единицы, заимствованные первоначально субстандартом и употреблявшиеся в некодифицированной речи, могут постепенно проникать и в литературный язык (такой путь прошли, например, бывшие жаргонизмы *лейбл, сингл, хит, ди-джей* и др.) - таким образом внешнее заимствование (заимствование из других языков) активно взаимодействует с процессом внутреннего заимствования.

Передвижения новых иноязычных слов заметны и в сфере литературного языка. Так, книжные с точки зрения стиля иноязычные лексемы расширяют сферу своего функционирования и проникают в разговорную речь (*роуминг, ксерокс, клон, дежавю, ноу-хау, вин(ы), файл* и др.). С периферии лексической системы к центру перемещаются бывшие экзотизмы – *бизнес, гастарбайтер, джип, доллар, импичмент, казино,*

киднеппинг, колледж, крупье, лобби, менеджер, пиццерия, продюсер, профи, тоник, трейлер.

Существенной особенностью современного лексического заимствования является и то, что оно проходит на фоне мощнейшего чужеземного влияния на другие языковые сферы - синтаксис, интонация, графика [подробнее об этом см.: (7, 42-46)]. В то же время данный процесс сам влияет на отдельные языковые уровни. Так, параллельно лексическому заимствованию идёт пополнение инвентаря морфем иноязычного происхождения (*супер-, -инг, -мейкер*). Происходит актуализация некоторых словообразовательных моделей, например сочетаний с так называемыми аналитическими прилагательными: *бизнес-букет, интернет-курсы, магик-шоу, тату-студия*, по аналогии с английскими образованиями (*дог-шоу, бизнес-ланч, топ-модель*).

Словообразовательная система языка пополняется новыми словообразовательными гнёздами (всего нами зафиксировано около 500 новых словообразовательных гнёзд, образованных **в русском языке** новейшего времени на базе иноязычных неологизмов), что свидетельствует не только об активизации процесса заимствования, но и об ускоренной адаптации новозаимствованных слов. См. некоторые из новых словообразовательных гнёзд (СГ):

ксерокс - ксерить, отксерить, ксернуть, ксероксный;
компьютер - компьютерный, компьютеризация, компьютеризировать, компьютеризованный, компьютерщик (разг.), компьютероман (оказ.), микрокомпьютер, суперкомпьютер;
пиар - пиарщик, пиаровский, пиармен, пиарология, пиаролог, пиарить, отпиарить, распиарить, пропиарить (плюс многочисленные образования типа пиар-проект);
хакер - хакерский, хакерство, антихакер, антихакерский, хакерофобия;
спонсор - спонсорский, спонсорша, спонсировать, спонсорство, проспонсировать, коспонсор, коспонсорство;
киллер - киллерский, киллерство, антикиллер, антикиллерский, суперкиллер, киллерша, телекиллер (оказ.), телекиллерство (оказ.), киллер-профи;
тюнинг - тюнингованный (автомобиль), тюнингер-любитель, тюнинговая (фирма), автотюнинг;
спам - спамщик, спаминг, антиспам, спамер, спамерский, антиспамерский, спам-оборона, спаможорка (оказ.).

Несмотря на то что вершина таких гнёзд представляет собой иноязычное, заимствованное слово, сами СГ состоят из исконных дериватов - дериватов, возникших на базе русского языка, поэтому можно считать данные СГ исконными. Частеречный состав исконных СГ, многие из которых характеризуются разветвлённостью, разнообразен. Как правило, они включают «звенья» следующих частей речи: относительное прилагательное, глагол, имя существительное (часто – со значением лица).

В то же время нельзя не отметить, что пополнение словообразовательной системы русского языка новыми СГ происходит не только за счёт порождения дериватов на русской почве, но и за счёт относительно нового (по нашим данным, ещё не описанного в специальной научной литературе) явления, которое можно назвать **заимствованием словообразовательных гнёзд**.

Дело в том, что в последнее время из чужого языка на русскую почву нередко проникают почти одновременно («одномоментно») пучки, ряды, пары слов, содержащих в языке-источнике один и тот же корень. Так, прототипы (этимоны) слов *никнейм* («сетевой псевдоним», от англ. nickname «прозвище»), *нейминг* («создание онимов как часть коммерческой деятельности», от англ. naming), *неймер* («специалист по неймингу», от англ. namer), *нейминг-программы* (от англ. naming-programme), употребляющихся в современной русской речи, в языке-источнике имеют общий корень (ср. name «имя»). Англицизмы *бизнес-класс, бизнес-ланч, бизнес-леди, бизнесвумен* и *менеджмент, менеджеризм, топ-менеджер, тур-менеджер, офис-менеджер, агент-менеджер, пресс-*

менеджер «составили» СГ более ранним заимствованиям - соответственно *бизнес*, *бизнесмен* и *менеджер*. См. также: *промоутер*, *промоушен*, *промоушен-тур*, *промоушен-компания*, *промоушен-бизнес*; *трейдер*, *трейдинг*, *брокер-трейдер*, *трейд-ин*, *Интернет-трейдинг*; *трекинг*, *трек*, *шорт-трек* и др. (всего нами зафиксировано около 100 подобных гнёзд).

Такие пары, ряды, цепочки, состоящие из иноязычных слов с генетически тождественным корнем, можно рассматривать как заимствованные словообразовательные гнёзда (ЗСГ). В отличие от исконных СГ, они включают преимущественно имена существительные (как самую частотную с точки зрения заимствования часть речи).

Пополнение словообразовательной системы русского языка ЗСГ - следствие отмеченной выше особенности современного заимствования, проявляющейся в том, что донором, «поставщиком» иноязычных лексем, как правило, выступает один язык. Поскольку заимствованные элементы оказываются востребованными в разных сферах (областях) человеческой деятельности – от бытовой сферы до научной, интеллектуальной, духовной, многочисленные иноязычные лексемы, поступающие из одного языка-источника, нередко связаны родственными отношениями.

При этом тождественный корень может объединять:

1) непроизводное в языке-источнике слово и его суффиксальный дериват ($\frown$ и $\frown+\wedge$):

гандикап («спортивные состязания, в которых более слабому сопернику предоставляется фора, напр., в виде уменьшения дистанции и т.п.», от англ. handicap) – *гандикапер* (о спортсмене, участнике гандикапа, от англ. handicaper);

джип («автомобиль повышенной проходимости, внедорожник или вседорожник», первоначально слово имело экзотическое значение: «американский военный автомобиль» [см.: (5)], от англ. jeep (G.P. – *джи-ти*) – сокращение сочетания general purpose, букв. «общее назначение») – *джипинг* (англицизм используется, напр., в сфере туризма как название одного из развлечений, от англ. jeeping);

пицца (от итал. pizza) - *пиццерия* (от итал. pizzicare);

тик («минимальное колебание курса ценных бумаг на бирже», от англ. tick) – *тикер* («электронная система, отображающая бегущей строкой на табло курсы последних биржевых сделок», от англ. ticker);

тост («подсушенный кусочек хлеба», от англ. toast) – *тостер* («электрическое устройство для приготовления тостов», от англ. toaster);

2) производные в языке-источнике слова, содержащие разные словообразовательные суффиксы ($\frown+\wedge$ и $\frown+\frown$):

андеррайтинг («оформление страховых рисков в страховой компании», от англ. underwriting) – *андеррайтер* («директор по андеррайтингу»);

дайвинг («подводное плавание с аквалангом», от англ. diving, ср. dive «нырять») - *дайвер* (о том, кто занимается дайвингом, от англ. diver);

3) непроизводное в языке-источнике слово и сложное, поликорневое слово ($\frown$ и $\frown+\frown$):

боди («вид женского белья, а также спортивная одежда для занятий шейпингом и т.п.», от англ. body), *боди-стринг* (от англ. body-string, ср. string «тесёмка, верёвка»), *боди-шорт* (от англ. body-short, ср. short «короткий»), *бодигард* («личный телохранитель», от англ. body-guard), *боди-арт* («вид современного искусства, художественная роспись человеческого тела», от англ. body-art), *бодибилдинг* («культуризм», от англ. body-building, букв. «построение тела»), *бодибилдер* («культурист», от англ. bodybuilder);

йога - *агни-йога*, *хатка-йога* (разновидности йоги; по происхождению данные слова - из санскрита, но русским языком заимствованы из европейских языков);

кейс («портфель, дипломат», от англ. case) - **атташе-кейс** («плоский кожаный чемоданчик для документов с кодовым замком, первоначально у дипломатических сотрудников», от англ. attache case), **брифкейс** («плоский кожаный чемоданчик для документов – у деловых людей», от англ. briefcase);

спарринг («тренировочный бой, технически интересный, быстрый», от англ. sparring) - **спарринг-партнёр** («партнёр в тренировочном бою», от англ. sparring partner).

Большинство ЗСГ являются многочисленными и содержат однокоренные слова с различной морфемной структурой. См, например:

бренд/брэнд («торговая марка», от англ. brand «тавро, клеймо, фабричная марка»), **брендинг** (от англ. branding), **ребрендинг** («пересмотр товаров, выпускаемых под одной торговой маркой», от англ. rebranding);

брокер («биржевой агент, посредник», от англ. broker), **брокераж** («вознаграждение брокера за услуги», от англ. brokerage), **брокер-трейдер**, **брокер-дилер**, **контрброкер**;

гриль (от франц. griller жарить), **гриль-бар**, **грилетта**;

дилер («специалист по операциям с ценными бумагами, биржевой посредник», от англ. dealer), **диллинг** («дилерская деятельность», от англ. dealing(s) «деловые отношения, коммерческие сделки, торговые связи»), **брокер-дилер**, **наркодилер** и **драг-дилер** («агент по нелегальной продаже наркотиков»);

имидж (от англ. image букв. «образ»), **имиджмент** («профессиональная политическая реклама», от англ. imagement), **имиджмейкер/имидж-мейкер** («специалист по созданию имиджа», от англ. imagemaker), **имиджмейкинг** («деятельность имиджмейкера», от англ. imagemaking), **имидж-трансфер** («методика переноса имиджа продукта на другие продукты», от англ. image-transfer);

киднап (от англ. kidnap - kid «ребёнок» + нар «украсть»), **киднеппер** («похититель людей, преимущественно детей»), **киднеппинг** («похищение людей, гл. обр. детей», от англ. kidnapping).

Со временем некоторые из иноязычных слов (в случае их актуализации) уже на русской почве «обрастают» производными, и ЗСГ пополняются новыми членами, например:

аудит («проверка бухгалтерской отчётности», от англ. audit «контроль, ревизия») – **аудитор** («независимый эксперт по проверке надёжности фирмы», от англ. auditor) + исконные дериваты (ИД): **аудиторский**, **аудирование**;

клип (от англ. clip «газетная вырезка, фрагмент фильма») – **видеоклип** (от англ. videoclip) – **клипрайтер** («специалист по составлению рекламных роликов», от англ. clipwriter) + ИД: **клиповый**, **клиповость**;

модем (от англ. modem) – **факс-модем** (от англ. fax-modem) +ИД: **модемный**;

пейджер (от англ. pager «абонентский приёмник системы поискового персонального вызова», ср. to page «вызывать») – **пейджинг** (от англ. paging «поисковый персональный вызов, передача сигнала такого вызова») + ИД: **пейджинговый**, **пейджерный**, **пейджеризация** (всей страны – окказ.), **пейджеровать** (окказ.);

рейтинг (от англ. rating) - **рейтинг-лист** («список, составленный в соответствии с рейтингом», от англ. rating list) +ИД: **рейтинговый**, **рейтингование**;

рэкет («вымогательство», от англ. racket) - **рэкетир** (от англ. racketeer; в словарной практике 60-ых гг. слово **рэкетир/рэкетёр/рэкетер** фиксировалось как экзотизм [см. об этом (3, 182)]) - **рэкетмен** (то же, что **рэкетир**, от англ. racketman) + ИД: **рэкетировать**, **рэкетирский**, **рэкетнуть**;

хайджекер («угонщик самолёта, воздушный пират», от англ. highjacker) - **хайджекинг** (от англ. highjacking) +ИД: **хайджекерский**, **хайджекерство**;

хит (от англ. hit) – **хит-парад** (слово-интернационализм, от англ. hit-parade) - **топ-хит** (от англ. top-hit) +ИД: **хитовый**;

чат («виртуальная беседа по Интернету, обмен сообщениями в сети в реальном времени», от англ. chat «беседа, болтовня») - **чат-румы** («электронные места встреч коммуникантов, разделяющих специфические интересы», от англ. chat room) +ИД: *чатиться, початиться, чатить, чатлане, чатикет* (по аналогии с *этикет, нетикет*), *чатовый*.

Особую группу среди ЗСГ занимают такие гнёзда, исходное звено которых в языке-источнике стилистически нейтрально, а в русском языке представляет собой **варваризм** (иноязычное слово, имеющее в языке-реципиенте эквивалент). Например, лексемы *билдинг* (здание), *бой* (мальчик), *гёрл* (девушка), *данс/дэнс* (танцы), *саунд* (звук), *фейс* (лицо), *френд* (друг) и т.п. употребляются в субстандартной, жаргонизированной речи и не входят в литературный язык, тогда как их прототипы в языке-источнике относятся к нейтральной общеупотребительной лексике: building, boy, girl, dance, sound, face, friend.

См. примеры ЗСГ, вершинами которых является варваризмы (жаргонизмы):

билдинг: *бодибилдинг, тимбилдинг* («построение команды», слово употребляется в сфере туризма, от англ. team-building – ср. жарг. *тим* «команда», напр., в тексте песни: *Ведь мы болеем за один и тот же тим*);

бой: *плейбой* (от англ. play-boy букв. «повеса, бездельник»), *бойфренд* («друг, приятель», от англ. boy-friend), *бойскаут* («член скаутской организации», от англ. boy-scout), *бой-группа* («музыкальная группа, состоящая только из юношей»);

гёрл/герла/гирла: *гёрлс* («группа девушек, выступающих на эстраде», от англ. girls), *гёрлфренд* («подружка молодого человека», от англ. girl-friend, ср. boy-friend), *гёрлскаут* («девочка или девушка – член скаутской организации», от англ. girl-scout), *колгёрл* («девушка по вызову», от англ. callgirl), *гёлсбэнд* («музыкальная группа, состоящая только из девушек»);

данс/дэнс: *дансинг* («танцевальный зал», первоначально подавалось в словарях с пометой «в зарубежных странах», т.е. «бывший» экзотизм, от англ. dancing), *дансинг-холл* («дансинг», от англ. dancing-hall), *данс-холл* («дансинг», от англ. dance-hall), *дансер/дэнсер* (танцор», от англ. dancer), *брейк-данс* («танец с резкими движениями, с элементами пантомимы и акробатики», от англ. break, break-dance);

саунд: *саундтрек* («звуковая дорожка к фильму», от англ. sound-track), *саундчек/саунд-чек* («репетиция, настройка инструментов перед концертом в помещении, где будет проходить концерт», от англ. sound-check);

фейс: *фейс-контроль, фейс-лифтинг, дефейсить*, (комп., от англ. deface «сменить внешний вид»), *дабл-фейс* (слово из терминологии моды), *интерфейс/фейс* (комп., «внешний облик программы»);

френд: *бойфренд, гёрлфренд*.

Иноязычные слова, составляющие подобные гнёзда, в большинстве своём находятся на периферии языка: либо это экзотизмы (*бойскаут, гёрлс, гёрлскаут*), либо профессионализмы, узкоспециальные термины (*саундчек, тимбилдинг, дабл-фейс, интерфейс*). В отличие от большинства ЗСГ, гнёзда с приведёнными выше словами не пополнились (по крайней мере, пока) исконными дериватами. Однако сам факт «вживания» в русский язык иноязычных слов, содержащих тот же корень, что и слова-варваризмы, свидетельствует о глубоком проникновении иноязыковых элементов в русский язык, в разные его варианты и стили.

Наблюдение над функционированием лексем, входящих в ЗСГ, показывает, что отношения между ними (словообразовательные, смысловые) могут соответствовать тем отношениям, которые существуют между прототипами данных лексем в языке источника. Но в некоторых случаях ЗСГ «распадаются»: слова, содержащие с генетической точки зрения один корень, в заимствующем языке могут расходиться в значении (не иметь общих сем) и восприниматься носителями языка-реципиента как разнокоренные. Ср., например: *билдинг* и *бодибилдинг*; *боди*, *бодибилдинг* и *боди-арт*; *дог-шоу* и *хот-дог*

(«горячая сосиска, вложенная в булочку», от англ. hot dog), *копирайт* («авторское право», от англ. copyright, ср. англ. to copy «воспроизводить, копировать») и *копирайтер* («создатель рекламных текстов», от англ. copywriter, в профес. жаргоне «текстовик») и др. (см., в частности, «гнёзда», вершинами которых являются варваризмы *бой, гёрл, фейс*).

Как влияет процесс, названный нами заимствованием словообразовательных гнёзд, на усвоение нового иноязычного слова? По-видимому, наличие в языке-реципиенте гнезда слов с тождественным генетическим корнем создаёт благоприятные условия для адаптации неологизма, содержащего тот же самый корень, поскольку новая единица оказывается для носителей языка мотивированной, связанной с другими, нередко уже освоенными единицами системы. Так, новозаимствованное слово *брендинг* обнаруживает следующие связи с единицами языка-реципиента: связь с «производящим» (*брендинг* от *бренд*), связь со словами, имеющими тот же аффикс (*брендинг, консалтинг, мониторинг*), связь со словами, имеющими ту же корневую часть (основу) *брендинг, брендовый, ребрендинг* (т.е. все три типа связи, три тира мотивированности слова, по Г. О. Винокуру), что создаёт условия для ускоренной адаптации данного слова, чья звуковая оболочка и смысловое содержание уже не воспринимаются носителями заимствующего языка как нечто чужое, чуждое.

Приведём примеры неологизмов, которые, на наш взгляд, имеют в русском языке благоприятную почву для ассимиляции, т.к. оказываются мотивированными единицами. См.:

имидж-трансфер - ср. *трансфер, имидж*;

копи-арт («течение в живописи – профессиональное копирование шедевров живописи», от англ. copy-art), *копирайтер* - ср. старые заимствования *копия, копировать, копир*;

мастер-класс, мастеринг, ремастеринг - ср. *мастер*;

паркинг («стоянка автомобилей»), *паркомат, аквапарк* – ср. *парковать, парк*;

пин-код/ПИНкод (от англ. сокращения PIN – Personal Identification Number + code) – ср. ранее заимствованные *код* и *шрих-код*;

планинг (вид ежедневника, записной книжки) – ср. *планировать, план*;

спичмейкер, спичрайтер - ср. *спич*;

тьюториал («консультация с тьютором»), *тьюторинг* - ср. *тьютор* (от англ. tutor, первоначально слово-экзотизм: «наставник, воспитатель (в Великобритании)», «научный руководитель», сейчас употребляется в нескольких значениях: «частный преподаватель», «преподаватель-консультант в системе дистанционного обучения», «преподаватель, проверяющий тесты и другие работы, в отличие от преподавателя-лектора, в системе заочного обучения», «психолог, ведущий занятие-практикум в группе», «методист»);

шлягермейкер - ср. *шлягер*.

Итак, поток новых слов, которые приходится стремительно осваивать носителям русского языка на рубеже XX-XXI вв., имеет три основных источника: 1) чужой язык; 2) различные варианты – социальные, профессиональные и т.п. – этноязыка и 3) сама система русского литературного языка. Несмотря на то что внешние заимствования составляют в русском языке новейшего времени значительный пласт новых слов, в неологической лексике преобладают всё же словообразовательные неологизмы. «Удельный вес» таких слов значительно превосходит «удельный вес» неологизмов всех других типов (семантических неологизмов, внешних и внутренних заимствований вместе взятых). Так, из 2200 новых лексем, зафиксированных нами на рубеже веков, 90% (!) – словообразовательные неологизмы. Этот факт свидетельствует о высокой «жизнеспособности» русского языка, о его активном, деятельностном, творческом характере.

ЛИТЕРАТУРА

1. БЕРКОВ, В.П. Из наблюдений над изменениями в современных европейских языках. *Современные языковые процессы*. Межвузовский сборник. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.
2. ЗАХАРЕНКО, Е.Н.; КОМАРОВА, Л.Н.; НЕЧАЕВА, И.В. Новый словарь иностранных слов. Москва., 2003.
3. ИППОЛИТОВА, Л.В. Словообразовательная адаптация заимствованной лексики и проблема заимствования морфем (на материале имён существительных): *Дисс... канд.фил.наук*. Москва., 2003.
4. КОНСТАНТИНОВА, Н.Л. Иноязычные заимствования и система языка (на материале англоязычной лексики в финансово-экономической терминологии немецкого языка. ФН, № 2, 1999.
5. КРЫСИН, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. Москва, 2000.
6. МАРИНОВА, Е.В. Лексическое заимствование на рубеже XX-XXI вв. (общая характеристика и сопутствующие процессы). В *Проблемы языковой картины мира на современном этапе*. Н. Новгород, 2004.
7. МАРИНОВА, Е.В. Неоправданные заимствования в языке СМИ. В *Язык СМИ: Материалы круглого стола*. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004.
8. РЫЖКОВА, И.В. Влияние сети Internet на молодёжный жаргон финского и русского языков. В *Язык и культура*. II Международная научная конференция. Москва, 2003.
9. САФОНОВА, Ю.А. Массмедиа on-line. «Среда» № 6-7 (12-13), 1999.
10. ЦЗЮАНЬ ЛИ. Новые заимствованные слова в современном китайском языке. В *Журналистика и культура русской речи*. Москва, 2003, № 1.
11. ЧЕКАЛИНА, Е.М. К проблеме языкового регулирования в современной Франции. *Современные языковые процессы*. Межвузовский сборник. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.

Jelena Marinova

Nijegorodsky university, Russia

THE FEATURES OF LEXICAL ADDITION IN RUSSIAN IN XXI CENTURY: THE BORROWING OF FAMILIES WORDS

Summary

The paper considers new loan-words in modern Russian speech. It contains linguistic descriptions of the most words active families of borrowed words. The author examines several types of families of borrowed words. In the paper the specific features of lexical borrowing in modern Russian are described.

KEY WORDS: borrowed families of words, vernacular families of words, adaptation of new loan-word.

Silvija Papaurėlytė-Klovienė
Šiaulių universitetas, Lietuva
El. paštas: silvinap@delfi.lt

KONCEPTUALUSIS LIŪDESIO MODELIS LIETUVIŲ IR RUSŲ KALBŲ PASAULĖVAIZDŽIUOSE

*Kalbos pasaulėvaizdis formuojasi kalbėtojams aktyviai pažįstant pasaulį, todėl skirtingų kalbų pasaulio interpretacijos skiriasi. Analizuojant kalbos faktus, galima ne tik aprašyti, bet ir sugretinti dviejų ir daugiau kalbų atstovų minčių pasaulį. Remiantis liūdesio (rus. *моща*) emocijas pavadinančių žodžių vartosenos analize ir laisvųjų asociacijų eksperimento duomenimis siekiama aptarti konceptualųjį liūdesio modelį lietuvių ir rusų kalbų pasaulėvaizdžiuose.*

RAKTINIAI ŽODŽIAI: asociacijų eksperimentas, kalbos pasaulėvaizdis, konceptas, konceptualioji analizė, konceptualioji metafora, konceptualusis modelis.

Kalba yra prieinamiausia ir paprasčiausia mentalinių reiškinių tyrimo medžiaga. Emocijų, intelekto, moralinių vertybių negalima taip, kaip augalų, gyvūnų, gamtos reiškinių, matyti, girdėti, liesti, uostyti. Tačiau apie tai kalbama, vadinasi, reiškiniai atskiriami vieni nuo kitų, nusakomos jų savybės.

Šio straipsnio tikslas – remiantis nepriklausomais šaltiniais apibūdinti konceptualųjį liūdesio (rus. *моща*) modelį lietuvių ir rusų kalbų pasaulėvaizdžiuose. Konceptualiuoju modeliu vadinama abstraktaus fenomeno ypatybių suvokimo visuma. Rašant straipsnį remtasi pavyzdžiais iš lietuvių ir rusų grožinės literatūros, Vytauto Didžiojo universiteto Kompiuterinės lingvistikos centre sudaryto tekstyno, Rusų kalbos kompiuterinio fondo bei 2001–2002 metais atlikto asociacijų eksperimento rezultatais.

Straipsnyje pritariama kognityvinės lingvistikos idėjoms: reikšmė laikoma mažiausiu koncepto aktualizacijos laipsniu. Konceptas yra mąstymo vienetas, visa informacija apie kažką, esanti žmonių, kalbančių kuria nors kalba, sąmonėje (pavyzdžiui, konceptas, reiškiamas žodžiu *neapykanta* lietuvių kalboje). Verbalizuojamas ne visas mąstymo turinys (13, 37, 147; 8, 91), vadinasi, konceptas apima ne vien tik tai, kas priklauso kalbai. Vis dėlto galima teigti, kad kalba yra būtent tai, kuo įmanoma atskleisti dalį mąstymo vienetų turinio. Konceptą nuo sąvokos skiria jo lingvokultūrinė specifika. Dar iki verbalizacijos koncertas yra nuspalvintas kalbos, tautos ir kultūros specifikos, nes priklauso asmenybei, kuri yra atitinkamos kultūrinės ir tautinės bendrijos narė. Straipsnyje pritariama nuomonei, kad konceptą kalboje išreiškia ne vienas, bet keli žodžiai, frazeologiniai junginiai, paprasti žodžių junginiai, struktūrinės ir pozicinės sakinių schemas, turinčios tipines propozicijas (sintaksiniai konceptai) (2, 39–40; 4, 14–21; 10, 8; 5, 68). Visos konceptą reprezentuojančios sinoniminės raiškos priemonės nurodo tikrovės fragmento skirstymo ypatybes: kiek smulkiai ta sfera yra atspindėta, kurie požymiai laikomi esminiais.

Koncepto turinio aprašymas yra ir kalbos pasaulėvaizdžio dalies aprašymas. Pasaulėvaizdis – žinių apie pasaulį sistema, išreiškianti žmogaus specifiką ir nusakanti jo santykį su pasauliu (3, 1). Kalbos pasaulėvaizdžiu vadinamas ne kažkoks besiskiriantis nuo tikrovės pasaulio vaizdas, bet ypatingas pasaulio „atpalvis“, priklausantis nuo nacionalinės reiškinių, daiktų, procesų vertės, kurią lemia tautai būdingos veiklos, gyvenimo būdo ir kultūros ypatybės (9, 66). Tai, kas yra kalboje, nėra veidrodis tikrovės atspindys. Įvairiomis kalbomis pateikiami pasaulio vaizdai iš dalies yra universalūs, iš dalies skiriasi. Skirtingomis kalbomis kalbantys žmonės pasaulį mato šiek tiek kitokį (1, 39). Kalbos pasaulėvaizdis vadinamas naiviuoju todėl, kad jis skiriasi nuo mokslinio pasaulėvaizdžio. „Mokslinis pasaulėvaizdis yra mokslinių žinių apie pasaulį visuma, sukaupta tam tikrų mokslų tam tikru visuomenės raidos etapu“ (7, 10–14). Kalbos pasaulėvaizdžio negalima vadinti primityviu, nes jame užfiksuotas sudėtingas ir įdomus pasaulio vaizdas. Naivusis vidinio pasaulio aprašymas – naivioji psichologija – apibendrina

daugelio kartų sukaupą introspekcijos patirtį. Lietuvių ir rusų kalbose konceptui, reprezentuojamam žodžiais *liūdesys* ir *мocka*, atstovauja panašus leksemų skaičius. Lietuvių kalbos pasaulėvaizdyje šis konceptas siejamas su žodžiais *liūdesys*, *depresija*, *gaudulys*, *gedulas*, *ilgesys*, *melancholija*, *nostalgija*, *nuobodulys*, *nusiminimas*, *sielvartas*, *širdgėla*; rusų kalbos pasaulėvaizdyje su žodžiais – *тocka*, *гope*, *гpycть*, *депpессия*, *кpучина*, *меланхолия*, *ностальгия*, *печаль*, *скoрбь*, *скука*, *тpаур*, *уныние*. Tyrimo objektu laikomi ir lietuvių kalbos bei rusų kalbos frazeologizmai, turintys su šio kontinuumo emocijomis siejamą reikšmę.

Informacija, susijusi su atitinkamais konceptais, gaunama remiantis konceptualiosios analizės metodu. Metodo esmę galima nusakyti taip: remiantis tekstais, žodynų definicijomis žiūrime, kaip abstrakčius reiškinius pavadinantis žodis „elgiasi“ tekste, kokius materialius objektus ar subjektus jis primena, koks santykis tarp jo ir sinoniminių raiškos priemonių. Abstrakčios reikšmės žodžiams šis metodas pats tinkamiausias, nes konceptualioji analizė formalizuoja tai, ką sufleruoja intuicija, kas egzistuoja kolektyvinėje sąmonėje ir išreiškiama kalba. Žodžių sudaromi junginiai ir asociacinis potencialas koreliuoja tarpusavyje, todėl konceptualiosios analizės rezultatus patikslina ir papildoma asociacijų eksperimentas (14, 20–41).

Pasak psichologų, visoms liūdesio emocijoms būdingas sunkumo jausmas – mes jaučiame sunkumą veide, krūtinėje, galūnėse, šis pojūtis išsilieja po kūną, lyg visi pasaulio sunkumai būtų suversti ant mūsų pečių. Aplink tamsu ir tuščia, gyvenimas atrodo netekęs savo spalvų ir šilumos, o mes nerandame žmogaus, su kuriuo galėtume pasidalyti šiais pojūčiais. Intensyvus *liūdesio* išgyvenimas sukelia žmogui skausmą. Tai yra psichinis fizinio skausmo ekvivalentas (6, 199–201).

Nusakant konceptualųjį *liūdesio* (rus. *мocka*) modelį lietuvių ir rusų kalbų pasaulėvaizdžiuose pasitelktas prototipinės situacijos scenarijus, kurį sudaro tokie elementai: emocinės būsenos priežastis, menamoji emocinės būsenos vieta, emocinės būsenos subjektas, emocinės būsenos raiška, emocinės būsenos padariniai. *Prototipinės situacijos scenarijus laikomas ir nepriklausomu gretinimo etalonu*.

Emocinių būsenų ypatybės siejamos su atitinkamomis konceptualiosiomis metaforomis. Metaforos esmė – santykis tarp dviejų sričių: ištakų srities ir tikslo srities. Perkeliant vienos srities žinias į kitą sritį remiamasi tik tomis konkreto objekto savybėmis, kurios žmogui yra pažįstamos iš jo fizinės patirties. Kitas metaforų šaltinis yra tautos kultūrinė patirtis. Konceptualiosios metaforos taip pat yra nepriklausomas gretinimo etalonas. Gretinamuoju aspektu įdomesnė kultūrinės patirties nulemta metaforos specifika, nors fizinę ir kultūrinę metaforos pagrindimą sunku atskirti. Vienos fizinės būsenos pasirinkimas iš daugelio galimų, nusakant kokią nors emocinę būseną, turi būti suderintas su bendru kultūriniu fonu.

Išanalizavus prototipinės situacijos scenarijaus lygmenį paaiškėjo, kad gretinamose kalbose emocinių būsenų pavadinimai labiausiai diferencijuoja šį semantinį lauką pagal emocijas sukeliančią priežastį. *Liūdesio* emocijų subjekto, buvimo vietos, raiškos ir padarinių nusakymas atlieka pagalbinę funkciją ir yra susijęs su priežastimi, kuri, remiantis kalbinės medžiagos analize, sukelia atitinkamu žodžiu pavadinamas emocines būsenas. Nors nemažos dalies žodžių, išreiškiančių *liūdesio* konceptą lietuvių ir rusų kalbose, negalima sieti tik su vieno intensyvumo emocijomis (tuo pačiu žodžiu gali būti pavadintos visai skirtingo reikšmingumo objektų praradimo arba stokos sukeltos emocinės būsenos), iš esmės emocinių būsenų diferenciacija yra aiški. Lietuvių ir rusų kalbos išsamiausiai kategorizuoja artimo žmogaus mirties, išsiskyrimo su juo, moralinių vertybių praradimo sukeltas emocines būsenas. Analizuojant pavyzdžius padaryta išvada, kad lietuvių kalbos pasaulėvaizdyje *liūdesio* emocijų priežastys nusakomos beveik visada. Rusų kalbos pasaulėvaizdyje užfiksuota, kad šio tipo emocijas gali sukelti sunkiai įvardijamų objektų stoka, neretai atrodo, jog emocinių būsenų priežastys apskritai neegzistuoja.

Remiantis emocinės būsenos buvimo vietos ir emocijų subjekto charakteristikomis galima daryti išvadą, kad *liūdesio* (rus. *мocka*) emocinės būsenos išsamiau kategorizuojamos rusų kalbos pasaulėvaizdyje. Šio tipo emocijų subjektas rusų kalbos pasaulėvaizdyje dažniausiai yra dalomas, t. y. jo poveikio jėga nukreipta į emocijų subjektą apskritai arba į jo *širdį* (rus.

cepòue), *siela* (rus. *душа*). Rusų kalboje padėties vertinimas ir stichiška reakcija į praradimą vienodai svarbūs, nes emocinės būsenos, kurias gali išgyventi tik žmonės bei emocinės būsenos, kurias išgyvena ir žmonės, ir gyvūnai, pasiskirsčiusios tolygiai. Be to, tyrimas parodė, kad rusų kalbos pasaulėvaizdyje *širdyje* ir *sieloje* esančių emocinių būsenų santykis beveik vienodas. Vadinasi, šioms emocinėms būsenoms vienodai priskiriamas ir stichiškumas, ir padėties įvertinimas.

Lietuvių kalbos pasaulėvaizdyje *liūdesio* emocinėms būsenoms priskiriamos šiek tiek kitokios ypatybės. Nors daugiausia jų lokalizuojama *širdyje* (tai stichiškumo požymis), tačiau išanalizavus emocinių būsenų subjekto ypatybes paaiškėjo, kad didžioji dalis *liūdesio* emocijų lietuvių kalbos pasaulėvaizdyje suvokiamos kaip antrinės, paveiktos kultūros – jas gali išgyventi tik žmonės. Vadinasi, šiuo atveju *liūdesio* emocijoms priskiriama mažiau stichiškumo nei tai daroma rusų kalbos pasaulėvaizdyje.

Somatiniais frazeologizmais verbalizuojama *liūdesio* (rus. *мочка*) emocijų raiška lietuvių ir rusų kalbose turi daugiau bendrumų nei skirtumų. Raiškos stichiškumas tiesiogiai susijęs su emocinių būsenų intensyvumu. Somatizmų pagrindą sudarančių kūno dalių pavadinimai gretinamose kalbose iki galo nesutampa.

Liūdesio (rus. *мочка*) emocijų būsenų padariniai neatsiejami nuo tas emocijas sukėlusios priežasties. Nors lietuvių ir rusų kalbų pasaulėvaizdžiuose nėra tendencijos diferencijuoti emocines būsenas pagal jų sukeltus padarinius, tačiau didesnių ir svarbesnių praradimų sukelta emocinė būseną siejama ir su dramatiškesniais padariniais.

Konceptualiųjų *liūdesio* metaforų inventorius lietuvių ir rusų kalbose beveik toks pat. Kai emocijos apibūdinamos išvelgiant analogiją su kokiu nors ekstralingvistinės tikrovės objektu, paprastai lietuvių ir rusų kalbų pasaulėvaizdžiuose remiamasi tais pačiais konkreto objekto bruožais. Konceptualizacijos skirtumų atsiranda dėl skirtingo tų pačių bruožų realizavimo.

Lietuvių ir rusų kalbų pasaulėvaizdžiams būdingos konceptualiosios *liūdesio* metaforos yra bazinės metaforos EMOCINĖ BŪSENA yra JĖGA variacijos. Jeigu žmogaus reakciją į kokią nors emociją lemia ir tai, kaip ta emocija suvokiama, verbalizuojamos jos ypatybės, tai galima daryti prielaidą, kad gretinamoms kalboms atstovaujančių kultūrų atstovai labai dažnai linkę leisti šio tipo emocijoms vystytis pačioms. Gretinamose kalbose *liūdesio* (rus. *мочка*) emocinės būsenos siejamos su tokiais subjektais ir objektais, kurių būsenos patyrėjas kontroliuoti negali arba gali tik iš dalies: skysčiu, ugnimi, stichine jėga, liga, asmeniu, priešu, valdovu, gyvūnu.

Liūdesio emocijų būsenų konceptualizavimas tiesiogiai susijęs su šias emocines būsenas sukeliančia priežastimi. Kuo svarbesnis ir brangesnis prarastas ar stokojamas dalykas, tuo patyrėjui nemalonesnis ir pavojingesnis yra tas tikrovės objektas, su kuriuo emocinė būseną siejama.

Lietuvių ir rusų kalboms bendra tai, kad dažniausiai *liūdesio* (rus. *мочка*) emocinės būsenos yra personifikuojamos. Išanalizavus konceptualiųjų metaforų realizavimo pavyzdžius dar kartą padaryta išvada, kad rusų kalbos pasaulėvaizdyje visoms *liūdesio* (rus. *мочка*) emocinėms būsenoms priskiriamas didesnis stichiškumas. Emocinė būseną siekia patyrėją paveikti jėga. Lietuvių kalbos pasaulėvaizdyje tokiu atveju pasitelkiamas personifikuotos emocinės būsenos intelektas. Jeigu *liūdesio* emocinė būseną pati nėra aktyvi, ji vis tiek kuo nors (pavyzdžiui, dydžiu) pranoksta patyrėją, kuriam belieka stebėtojo vaidmuo.

Aprašius emocijų būsenų suvokimą atskleidžiančias konceptualiąsias metaforas konstatuota, kad lietuvių ir rusų kalbų pasaulėvaizdžiuose *liūdesio* (rus. *мочка*) emocinės būsenos laikomos intensyviomis, sunkiomis ir pavojingomis. Subjektas nesugeba šių emocijų kontroliuoti iki galo. Dažniausiai *liūdesio* emocinės būsenos vertinamos neigiamai. Naiviosios psichologijos akcentuojamos *liūdesio* emocijų būsenų savybės atitinka tai, ką apie šio tipo emocines būsenas sako psichologai.

Tų pačių konceptualiųjų metaforų kalbinė raiška lietuvių ir rusų kalbose ne visada vienoda, todėl jau vien dėl šios priežasties galima daryti išvadą, kad konceptualusis *liūdesio* modelis nėra universalus.

Šios išvados padarytos išanalizavus lietuvių ir rusų kalbose *liūdesio* (rus. *мочка*) emocines būsenas pavadinančių ir nusakančių žodžių vartoseną

Norint patikrinti tyrimo rezultatų patikimumą reikia įsitikinti, ar toks *liūdesio* (rus. *мочка*) emocijų būsenų suvokimas iš tikrųjų būdingas lietuvių ir rusų kalbomis kalbantiems žmonėms, t. y. reikia ištirti psichinę realybę. Šiam tikslui įgyvendinti pasirinktas laisvųjų asociacijų eksperimentas. Asociacija yra ryšys tarp objektų ir reiškinių, pagrįstas subjektyvia patirtimi. Ši patirtis gali sutapti su visos kultūros, kuriai informantai priklauso, patirtimi, bet kiekvienu atveju yra ir labai asmeniška (13, 189).

Reakcijos į žodžius stimulus vadinamos asociatais, o visas kurio nors žodžio asociacijų rinkinys – asociacijų lauku. Tarp koncepto ir asociacijų lauko lygybės ženklą rašyti negalima, tačiau manoma, kad konceptas reprezentuoja asociacijų lauką (14, 39). Asociacijų laukas yra ta kalba kalbančios tautos sąmonės, motyvų bei vertinimų išraiškos fragmentas, su tikrovės objektu siejamo konceptualiojo modelio materialiai raiška. Tikrovės reiškiniai, kuriuos žmogus suvokia, atsispindi jo sąmonėje taip, kad atspindys užfiksuoja priežastinius, erdvinius bei laiko ryšius ir emocijas, kurias sukelia šių reiškinių suvokimas. Kurios nors kalbos asociacijų žodynas yra ta kalba kalbančio žmogaus sąmonės modelis (11, 6–7).

Skirtingų kalbų asociacinės normos gretinamos įvairiais aspektais. Asociacinių laukų analizė pateikia ir nemažai ekstralingvistinių žinių. Tai informacija apie visuomeninį gyvenimą, politiką, ekonomiką, nacionalinės savimonės elementus, vertinimo ir pirmenybės atidavimo kam nors nacionalumą (11, 190–219).

Laisvųjų asociacijų eksperimentu siekta nustatyti, kiek lietuvių ir rusų informantų pateiktos asociacijos vertinant *liūdesio* (rus. *мочка*) semantiniame lauke priklausančius žodžius stimulus atitinka tą informaciją, kurią pavyko gauti išanalizavus įvairiuose tekstuose verbalizuotą *liūdesio* (rus. *мочка*) koncepto dalį.

Asociacijų eksperimente dalyvavo 173 Šiaulių universiteto Socialinių mokslų, Technologijos ir Humanitarinio fakultetų studentai ir 178 Sankt Peterburgo valstybinio universiteto Filologijos fakulteto bei Rusijos valstybinio A. Gerceno pedagoginio universiteto įvairių fakultetų studentai. Apklaustųjų amžius – nuo 16 iki 29 metų. Informantams buvo pateikti šie žodžių stimulų sąrašai (lietuvių ir rusų auditorijoms):

Ilgesys, liūdna, nuobodu, širdgėla, liūdnas, nostalgija, nuobodus, nusiminimas, liūdesys, sielvartas, nuobodulys, sielvartauti.

Тоска, грустно, скучно, горе, горевать, печаль, грустный, ностальгия, грусть, скука, уныние.

Stimulų sąrašai sudaryti taip, kad į juos įeitų ne tik dažniausiai vartojami *liūdesio* (rus. *мочка*) emocines būsenas lietuvių ir rusų kalbose pavadinantys bei nusakantys žodžiai, bet ir būtų atstovaujama kuo daugiau kalbos dalių.

Planuojant asociacijų eksperimentą tikėtasi gauti papildomų duomenų apie lingvokultūrinę koncepto specifiką. Nacionalinis atspalvis būdingas visoms toms žinioms, kurios sudaro kalbėtojų pasaulėvaizdį: vardams, lozungams, aktualiai politinei informacijai, precedentiniams tekstams, metaforoms, frazeologijai etc. (11, 200). Ypatingas dėmesys skiriamas precedentiniams tekstams. Precedentiniais tekstais vadinami tokie tekstai, kurie yra žinomi ir svarbūs kurios nors kultūrinės bendrijos atstovams, atspindi jų pasaulio suvokimą, vertybines nuostatas, reiškinių tarpusavio ryšius (11, 197). Analizuojant asociacijų eksperimento rezultatus šių tekstų įvairovė ir gausa nusako lingvokultūrinę koncepto turinio dalį, gali būti laikoma daikto ar reiškinio vietos kalbos pasaulėvaizdyje ir žmonių sąmonėje rodikliu. Taip atspindimos žinios, kurios paprastai siejamos tik su konkrečia kalba kalbančiu ir tam tikrai kultūrai priklausančiu informantu.

Ieškant asociacijų eksperimento rezultatuose situacinio *liūdesio* (rus. *мочка*) koncepto pobūdžio atspindžių padaryta išvada, kad daugiausia reakcijų į stimulus gali būti siejamos su

emocinę būseną sukėlusia priežastimi – praradimu, stoka arba su to praradimo objektu. Pateiktos asociacijos visiškai atitinka tą koreliaciją tarp emocinių būsenų pavadinimų ir jas sukėlusią priežastį, kuri buvo apibrėžta remiantis vien vartojimo pavyzdžiais. Pavyzdžiui, lietuvių kalboje plačiausias semantikos ribas turi *liūdesys*. Informantų nurodomos šios emocinės būsenos priežastys pačios įvairiausios (skliaustuose nurodomas taip atsakusių žmonių skaičius): *mylimos krepšinio komandos pralaimėjimas; dėl neišlaikyto egzamino 1; nesėkmė 6; vienatvė 7; apėmė išvykus tėvams; apima išsiskirsčius mieliems svečiams; barnis; susipykimas su draugu; šiame pasauly tu niekam nereikalingas; kapinės; mirtis; tragedija 1. Sielvartas* siejamas su tokiomis priežastimis: *mylimo žmogaus praradimu; artimo žmogaus praradimu; mirtimi 5, netektimi 14, laidotuviemis; artimųjų nelaimė 3*, nors taip pavadintą emocinę būseną gali sukelti *neišlošta loterija; nepasisekęs kontrolinis darbas; nepataikytas metimas 1* arba suvokimas, kad *pasaulis toks neteisingas 1*.

Rusų kalbos pasaulėvaizdyje trys pagrindiniai šio tipo emocines būsenas pavadinantys žodžiai, remiantis eksperimento rezultatais, maždaug vienodai siejami su visomis *liūdesio* (rus. *тоска*) emocijų priežastimis. Pavyzdžiui, *тоска* – *большие душевные переживания; по кому; расставание 1; по родине 2, одиночество 8; нечего делать 1; грусть* – *ожидание результатов контрольной по химии 1; грустные воспоминания 5; обида 3; одиночество 8; к отдельному человеку; кого-то не хватает; по любимому; потеря; что-то, чего не вернуть 1; печаль* – *отсутствие денег 1; воспоминание 3; детство; по дому 1; одиночество 4; обида 1; вдовы; плохие новости; никак не изменить ситуацию; смерть; траур; утрата 1*.

Tokie asociacijų eksperimento rezultatai, kai daugiausia reakcijų į pateiktus žodžius stimulus yra susijusios su emocinę būseną sukėlusia priežastimi, patvirtina prielaidą, kad verbalizuojant emocinę gyvenimo sferą svarbiausia yra emocijų būsenų diferenciacija pagal jas sukėlusią priežastį.

Analizuojant asociacijų eksperimento rezultatus, kitos prototipinės emocijų situacijos scenarijaus dalys atspindėtos menkliau.

Informantai labai retai (ir beveik tik rusakalbių auditorija) kaip reakciją į pateiktą žodį nurodė menamą emocinės būsenos vietą: *sielvartas* – *širdis 1; грустно* – *печаль на душе 1; печаль* – *душа 1; тоска* – *душа; на душе 1*.

Emocinių būsenų subjektas nurodomas retai. Galima daryti prielaidą, kad tokių reakcijų maža todėl, kad informantas viską vertina pats, vadinasi, *liūdesio* emocinės būsenos subjektas turėtų būti ir taip aiškus. Jeigu subjekto ypatybės kaip nors ir patikslinamos, tada paprastai nurodoma, kad emocinės būsenos subjektas yra nedalomas, t. y. emocinė būseną apima visą patyrėją, o ne atskiras jo dalis (*sielą, širdį*): *sielvartas* – *mano mamą visada dėl ko nors užvaldo sielvartas 1; užvaldė tave 1; liūdesys* – *mane užvaldė liūdesys 3; kartais apima mane 5*. Rusų informantai linkę pateikti tokias reakcijas, kurios patikslina šių emocijų būsenų veikimo kryptį: *грусть* – *душа болит 1; печаль* – *возвышенное состояние духа; состояние души 1*. Tai patvirtina teiginį, kad rusų kalbos pasaulėvaizdyje beveik visų *liūdesio* (rus. *тоска*) emocijų būsenų subjektas yra dalomas.

Apie emocijų būsenų raišką informantai užsimena nedažnai. Paaiškėjo, kad didesnių praradimų sukeltos emocinės būsenos ir reiškiamos intensyviau: *sielvartas* – *rankas gražo; verčia linguoti 1; sielvartauti* – *nusirauti plaukus 1; горе* – *руки 1; горевать* – *выше нос; качать головою; руки с растопыренными пальцами 1; уныние* – *опустить руки 4*.

Informantai nemažai dėmesio skiria emocijų būsenų padariniams, t. y. nurodomi tie pokyčiai, kuriuos sukėlė išgyventa emocinė būseną. Abiejų gretinamų kalbų atstovai nediferencijuoja emocijų būsenų pagal jų sukeltus padarinius, tačiau nurodomi labai įvairūs *liūdesio* (rus. *тоска*) emocijų būsenų padariniai, plg. *liūdesys* – *ašaros 6; liūdna* – *ašaros 3; kad net kaukti norisi 1; sielvartas* – *ašaros 2; sielvartauti* – *verkti 2; ieškoti vietos, kur gali nusiraminti 1; ilgesys* – *vaikščiojimas pirmyn atgal 1; горе* – *слёзы 20; плачь 2, морщины; ничего не хочу; плакать 1; грусть* – *суицид; круговорот мыслей 1; печаль* – *оставь меня 1; всё проходит и это пройдет 1*.

Asociacijų eksperimento rezultatų analizė patvirtino tas išvadas, kurias padarytos išnagrinėjus prototipinės situacijos scenarijų. Remiantis nepriklausomu šaltiniu dar kartą įsitikinta, kad kalbos pasaulėvaizdyje skiriant vienas nuo kitų įvairiais žodžiais vadinamas emocijos būsenas svarbiausias kriterijus yra jas sukėlusios priežastys.

Dalis informantų pateiktų reakcijų į žodžius stimulus koreliuoja ir su remiantis vartosenos pavyzdžiais nusakytu *liūdesio* (rus. *тоска*) konceptualiųjų metaforų įvairove, pvz.:

LIŪDESYS yra TALPYKLA

Liūdesys – *maža erdvė; tuščia sieloje* 1; *nuobodulys* – *tuštuma* 2.

Горевать – *пустота* 2; *грусть* – *пустота* 1; *скука* – *пустота* 2; *скучно* – *пусто* 1; *уныние* – *пустота* 1.

LIŪDESYS yra KRYPTIS ŽEMYN

Горе – *глубокое* 1; *грусть* – *глубокая* 1; *уныние* – *в него лучше не впадать и других не вводит*; *не впадай в уныние* 1.

LIŪDESYS yra SKYSTIS

Liūdesys – *užplūstantis jausmas dėl bėdų* 1.

Горе – *горя море* 1; *уныние* – *серое море* 1.

LIŪDESYS yra STICHINĖ JĖGA

Ilgesys – *apima ilgesys* 1; *liūdesys* – *kartais apima mane* 5; *užvaldė liūdesys* 3; *nostalgija* – *jį užvaldė nostalgija; rūkas* 1; *nuobodulys* – *apima nieko neveikiant* 2; *sielvartas* – *užvaldė tave* 1.

Ностальгия – *туман* 1; *скука* – *туман* 1; *уныние* – *иногда находит* 2.

LIŪDESYS yra NAŠTA

Ilgesys – *slegiantis* 2, *širdį spaudžia* 1; *liūdesys* – *širdies sunkumas* 1; *širdgėla* – *sunku; ant širdies lyg akmuo; spaudžia širdį; širdis lyg užgulta* 1.

Грусть – *груз* 3; *тоска* – *тяжесть* 4.

LIŪDESYS yra LIGA

Sielvartas – *skausmas* 16; *sielos skausmas* 1; *širdgėla* – *širdies skausmas* 20; *skauda* 9.

Печаль – *боль* 2; *тоска* – *боль* 4.

LIŪDESYS yra GYVA BŪTYBĖ

Liūdesys – *aplanko* 5; *ateina* 1; *nostalgija* – *mane vargina*; *sielvartas* – *užklumpa netikėtai* 1.

LIŪDESYS yra ASMUO

Ilgesys – *kamuoja namų ilgesys* 2; *nuobodulys* – *mano draugas; ne tavo draugas* 1; *širdgėla* – *kankina* 1.

Скука – *замучала* 1.

LIŪDESYS yra GYVŪNAS

Sielvartas – *graužia širdį* 1; *širdgėla* – *graužia* 5; *gelia* 1.

Тоска – *тоска меня гложет* 1.

LIŪDESYS yra TAMSA

Liūdesys – *viskas juoda; naktį; vakaras; juoda* 1; *nusiminimas* – *vakaras; pražydo juodos gėlės tamsiame kambaryje* 1; *širdgėla* – *juoda spalva* 1.

Горе – *черный цвет; мрак; черный круг* 1; *грустно* – *темная комната; темнота* 2; *грусть* – *серость; темнота* 1; *печаль* – *все серое и печальное* 2; *скука* – *серый* 1; *скучно* – *серый цвет* 6; *темная комната* 2; *тоска* – *черный цвет* 1; *уныние* – *серо; полумрак* 1.

LIŪDESYS yra ŠVIESA

Грусть – *светлая* 3; *свет* 1; *ностальгия* – *свет* 1; *печаль* – *светлая* 8; *светлое чувство* 1.

Išanalizavus informantų reakcijas į pateiktus stimulus galima pateikti vos ne visų aptartų konceptualiųjų *liūdesio* metaforų pavyzdžių. Atitinkamo tipo reakcijų gausa iš dalies koreliuoja su vartojimo pavyzdžiais paremtu *liūdesio* emocijų būsenų konceptualizavimo aprašymu. Informantai lietuviai labai dažnai susieja *liūdesį* su stichinėmis jėgomis. Metafora LIŪDESYS yra STICHINĖ JĖGA buvo viena iš dažniausių analizuojant vartojimo pavyzdžius. Informantai

rusai dažniausiai emocienes būsenas sieja su tamsa, tačiau turimų pavyzdžių korpuse metafora LIŪDESYS yra TAMSA nėra pati produktyviausia.

Išanalizavus precedentinius tekstus, kitaip tariant, tas reakcijas į stimulus, kurios eksplikuoja informanto priklausymą atitinkamai kalbinei bendruomenei, padarytos kelios išvados. Svarbu tai, kad rusų auditorija pateikė gerokai daugiau ir įvairesnių tokio tipo reakcijų nei lietuviškai kalbantys informantai. Tai patvirtina daugelio mokslininkų teiginius, kad rusų kalbos pasaulėvaizdyje, vadinasi, ir apskritai visoje sąmonėje, emocijoms, jų raiškos būdams skiriamas ypatingas dėmesys.

Informantai lietuviai pateikė 4 kartus mažiau nei informantai rusai reakcijų, iš kurių būtų aišku, kurios tautinės bendrijos atstovas rašė. Dalį negausių tokio pobūdžio lietuviškai kalbančios auditorijos asociacijų galima laikyti motyvuotomis pasaulinės kultūros, pavyzdžiui: **liūdnas** – *Arlekino*; „Titaniko“ istorija 1; **liūdna** – *Man taip liū-ū-ū-dna (iš filmuko apie begemotą, kuris bijojo skiepu)*; *Man liūdna, Marabu* 1. Kultūros nulemtą koncepto dalį iliustruoja šios asociacijos: **liūdna** – „*Ko liūdi, berželi, ko liūdi?*“ 1; **širdgėla** – *Koks vakaras ilgas, kaip širdį man gelia* 1; **nostalgija** – *Maironis*; *ANTIS*; *Škėma*; „*O, kad sugrižčiau atgalios*“ 1; **liūdesys** – „*kas man iš tos laimės*“; „*Nes tikrai liūdesy sielos džiaugsmas*“ 1.

Rusiškai kalbančių informantų asociacijos daug įvairesnės: nuo liaudies kūrybos iki klasikų tekstų. Kai kurios reakcijos itin gausios: **Горе** – *ты мое луковое* 5; *Горе от ума*; *русские народные сказки со стариками и старушками* 1; **горевать** – *плач Ярославны* 2; **грустно** – *И скучно, и грустно, и некому руку подать* 12; *Мне грустно оттого, что весело тебе* 1; **грусть** – *Грусть, тоска меня снедает* (Пушкин) 1; **ностальгия** – „*Вишнёвый сад*“ Чехова; *стихотворения Фета* 1; **печаль** – *моя светла* 6; *песни группы «Кино»* 1; **скучно** – *И скучно, и грустно, и некому руку подать* 15; **тоска** – *зеленая* 24; *Моё грядущее иль пусто, иль темно* 1; **уныние** – *Унылая пора, очей очарованье...* 3. Kai kurie tekstai galėtų reprezentuoti lingvokultūrinę koncepto turinio dalį atitinkamo tipo žodynuose. **Liūdesio** (rus. **тоска**) emocijų pavadinimai asocijuojasi ir su žymių žmonių pavardėmis: **тоска** – *Мандельштам* 1; **грустно** – *Л. Андреев, С. Бодров и К⁰* 1; **ностальгия** – *М. Цветаева* 1.

Asociacijų eksperimento rezultatai atspindi tuos tikrovės objekto požymius, kurie kalbos vartotojui yra svarbūs, sudaro konceptualųjį abstraktaus fenomeno modelį, todėl turėtų būti užfiksuoti ir formuluojant aiškinamųjų žodynų definicijas. Aiškinant **liūdesio** (rus. **тоска**) emocijas pavadinančių žodžių reikšmes neužtenka apsiriboti vien sinonimais: būtina nurodyti tokiu žodžiu pavadintos emociinės būsenos priežastį, apibūdinti emocijos ypatybes nusakančias konceptualiasias metaforas. Tikėtina, kad šios rekomendacijos gali būti pritaikytos ne tik **liūdesį**, bet ir kitas emocienes būsenas pavadinančių žodžių reikšmių definicijoms.

Šio tyrimo rezultatai koreliuoja su Rusų kalbos asociacijų žodyne pateikiamais duomenimis (plg. 12). Informantų lietuvių reakcijų palyginti nėra su kuo, nes asociacijų eksperimentų, kuriuose būtų pateikti **liūdesio** emocienes būsenas pavadinantys žodžiai, atlikta nebuvo.

Asociacijų eksperimento, kuriame dalyvavusių informantų skaičius yra statistiškai patikimas, duomenys patvirtina **liūdesio** (rus. **тоска**) emocienes būsenas pavadinančių žodžių vartosenos analizės rezultatus. Nepriklausomų vienas nuo kito tyrimo būdų rezultatai sutampa, todėl galima teigti, kad pasirinktas konceptualiojo modelio analizės būdas yra produktyvus ir bent iš dalies atskleidžia konceptualiojo **liūdesio** (rus. **тоска**) modelio lietuvių ir rusų kalbų pasaulėvaizdžiuose panašumus ir skirtumus.

Lietuvių ir rusų kalbų pasaulėvaizdžiams bendra tai, kad šiose kalbose **liūdesio** emocijomis vadinami tie išgyvenimai, kurie kyla praradus svarbius objektus – asmenis, moralines vertybes, gyvūnus, daiktus ir t. t., taip pat išgyvenant pastarųjų stoka, niekada jų neturėjus. **Liūdesio** (rus. **тоска**) emociinės būsenos yra stiprios, sunkiai kontroliuojamos arba visiškai nepasiduoda subjekto kontrolei, todėl jis priverstas paklusti savo emocijoms. Šio tipo emociinės būsenos kenkia patyrėjui: keičia realybės suvokimą, sutrikdo įprastą veiklą, verčia imtis intensyvių, nukreiptų į save ir nelogiškų veiksmų, kelia pavojų sveikatai ar net gyvybei.

Dažniausiai *liūdesio* (rus. *мочка*) emocinės būsenos vertinamos neigiamai. Tai, ar išgyvenama emocija yra stipri, kiek ji gali būti kontroliuojama ir kokį pavojų kelia būsenos patyrėjui, priklauso nuo išgyvenimus sukėlusios priežasties. Lietuvių ir rusų kalbų pasaulėvaizdžiuose *liūdesio* (rus. *мочка*) emocijų priežasties pobūdį lemia ne tik praradimo (arba stokos) objektas, bet ir tikimybė, kad padėtis dar gali pasikeisti į gerąją pusę.

Liūdesio (rus. *мочка*) emocijų konceptualizavimo skirtumai lietuvių ir rusų kalbų pasaulėvaizdžiuose yra kokybiniai. Rusų kalbos pasaulėvaizdyje *liūdesio* emocijos, palyginti su lietuvių kalba, yra įvairesnės: remiantis detalioja jų klasifikacija pagal opoziciją tarp silpnų ir stiprių emocijų, poveikio jėgą ir t. t. atrodo, kad šios emocinės būsenos turi daugiau kokybinių variacijų. *Liūdesio* emocijų ypatybes vienodai lemia stichiška reakcija į įvykius ir padėties vertinimas. Abi gretinamas kalbas skiria ir emocijų būsenų bei jų priežasčių ryšys. Lietuvių kalbos pasaulėvaizdyje *liūdesio* emocinės būsenos priežastis beveik visada aiškiai nusakoma. Išanalizavus rusų kalbos pavyzdžius paaiškėjo, kad šio tipo emocijos gali būti siejamos su sunkiai įvardijamų objektų stoka, neretai atrodo, jog emocijų būsenų priežastys apskritai neegzistuoja. Lietuvių kalbos pasaulėvaizdyje *liūdesio* emocijos stipriau paveiktos kultūros, labiau priklauso nuo padėties vertinimo. Nors būtent rusų kalbos pasaulėvaizdyje aptariamoms emocinėms būsenoms dažniausiai priskiriamas ribinis intensyvumo ir pavojingumo laipsnis, nekontroliuojamas pobūdis, tačiau tik rusų kalboje, palyginti su lietuvių, šio tipo emocijos siejamos ir su teigiamai vertintiniais padariniais. Visoms kalboms būdinga tendencija neigiamai vertinamiems dalykams skirti daugiau dėmesio. Tačiau ne vien tik šis faktas lemia tai, kad rusų kalbos pasaulėvaizdyje pastarasis tikrovės fragmentas yra detaliau atspindėtas. Išsamesnį *liūdesio* (rus. *мочка*) emocijų būsenų kategorizavimą galima sieti su rusų kalbos emocingumu – kalbai būdingu polinkiu didelį dėmesį skirti emocijoms ir jų raiškai. Ypatinga ir aptariamo koncepto vieta rusų kalbos pasaulėvaizdyje. Šio reiškinio priežastys neatskiriamos nuo tautos mentaliteto ypatybių.

LITERATŪRA

1. АПРЕСЯН, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. *Вопросы языкознания* 1995 (1), с. 37–67.
2. БОЛДЫРЕВ, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2000.
3. БОСОВА, Л. М. Концептуальная картина мира как основа понимания смысла речевого произведения. *Ползуновский альманах*, 1999 (1) (<http://aomai.ab.ru/servlet/books?mode>).
4. БУЛЫГИНА, Т. В.; ШМЕЛЁВ, А. Д. Концепт долга в поле должествования. В *Логический анализ языка. Культурные концепты*. Ред. Н. Д. Арутюнова. Москва: Наука, 1991.
5. ВОРКАЧЁВ, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. *Филологические науки*, 2001 (1), с. 64–72.
6. ИЗАРД, К. Психология эмоций. Санкт Петербург: Издательский дом «Питер», 1999.
7. КОРНИЛОВ, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Москва: Издательство МГУ, 1999.
8. КУБРЯКОВА, Е. С.; ДЕМЬЯНКОВ, В. З., ПАНКРАЦ, Ю. Г.; ЛУЗИНА, Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Москва: Изд-во Филологического факультета МГУ, 1996.
9. МАСЛОВА, В. А. Лингвокультурология. Москва: Издательский центр «Академия», 2001.
10. ПОПОВА, З. Д.; СТЕРНИН, И. А. Понятие «концепт» в лингвистических учениях. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1999.
11. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I. КАРАУЛОВ, Ю. Н.; СОРОКИН, Ю. А.; ТАРАСОВ, Е. Ф.; УФИМЦЕВА, Н. В.; ЧЕРКАСОВА, Г. А. Москва: Российская АН. Институт русского языка, 1994.
12. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I. КАРАУЛОВ, Ю. Н.; СОРОКИН, Ю. А.; ТАРАСОВ, Е. Ф.; УФИМЦЕВА, Н. В.; ЧЕРКАСОВА, Г. А. Москва: Российская АН. Институт русского языка, 1996.
13. ФРУМКИНА, Р. М. Психолингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2001.

14. ЧЕРНЕЙКО, Л. О., ДОЛИНСКИЙ, Б. Г. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа. *Вестник Московского университета*. Серия 9. Филология 1996 (6), с. 20–41.

Silvija Papaurelyte-Kloviene
Shiauliai University, Lithuania

THE CONCEPTUAL PATTERN OF SADNESS IN THE WORLDVIEW OF THE LITHUANIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Summary

The aim of the present paper is to describe the conceptual pattern of **sadness** in the worldview of the Lithuanian and Russian languages on the basis of irrespective sources. In the present paper, the cognitive linguistic ideas are approved; the meaning is treated as the smallest degree of concept actualization. The concept is the element of thinking, i.e. the whole information about something, which exists in the consciousness of people speaking either language. The information which is connected with appropriate concepts is received by the method of conceptual analysis. The results of conceptual analysis are made precise and supplemented by the experiment of associations.

While describing word meanings that name emotions of **sadness** the scenario of prototypical situation was requested. This scenario is composed of the following elements: the reason of emotional state, the subject of emotional state, the expression of emotional state and the consequences of emotional state. Furthermore, the scenario of prototypical situation is considered as independent standard of comparison as well. Peculiarities of emotional states are related with appropriate conceptual metaphors.

After analyzing the level of prototypical situation, it turned out that in two compared languages the names of emotional states mostly differentiate this semantic concept according to the reason which causes emotions. After description of conceptual metaphors revealing the understanding of emotional states, it has been stated that in the worldview of the Lithuanian and Russian languages the emotional states of **sadness** are considered as intensive, difficult, and dangerous. The linguistic expression is not always the same in both languages.

In order to check the reliability of research results the free association experiment has been carried out. The data of association experiment, where the number of informants is statistically reliable, corroborate the results of three levels of **sadness** concept. In the worldview of the Lithuanian and Russian languages, the conceptual pattern of **sadness** is not universal.

KEY WORDS: the experiment of associations, language worldview, concept, conceptual analysis, conceptual metaphor, conceptual pattern.

Laima Pushkoriute

Shiauliai University, Lithuania

E-mail.: manguste@splius.lt

ABSTRACT MEANINGS OF THE ENGLISH PHRASAL VERBS WITH THE POSTVERB UP AND THEIR EQUIVALENTS IN LITHUANIAN

This article deals with the second element of the English combinations of the model grow up 'to become bigger in an upward direction'; fill up 'to become completely full', i.e. the postverb up, and its regular equivalents (prefix už-) in Lithuanian in terms of the abstract meanings imparted by these derivational means (aspectual characteristics). Typical of the English language is the derivation of verbs by adding postverbs to the bases (run → run up (stairs)). The Lithuanian language, however, has prefixes regarded as equivalent to the English postverbs (bėgti → užbėgti (laiptais)). In view of this, their retaining of the primary meaning of direction 'upwards' and development of a similar scope of abstract meanings let us evidently speak about the equivalence of the latter.

In the research comparative method has been employed to prove the equivalence of the postverb and prefix in terms of modes of action. Within this, the conclusions can be drawn that the semantic function of the derivational means concerned is to modify the lexical meanings of the verbs from the concrete locative to the abstract ones. This shift takes place when the postverb is added to the bases that do not denote movement in space. The data collected for the analysis might be useful for students conducting research in aspectology and for translators to avoid mistakes caused by the slight differences in the category of aspectuality in English and other ide (Indoeuropean) languages.

KEY WORDS: *phrasal verb, derivation, base word (base), derivational means, modes of action (MA), primary (direct) meaning, abstract (aspectual) meaning, semantic development.*

The postverb up is one of the two dozen or so particles which contribute to the phrasal verb pattern, apparent Old English (OE) examples of which being as far as the mid-twelfth century (1, 37).

The primary meaning of the postverb up is of spatial character 'upwards', as exemplified by the verbal combinations of the type *run up* (a flag), *pull up* (socks), *toss up* (about coins), *lift up* (head), *carry up* (a box up the stairs), etc.

However, the semantic development of the particle *up* from its literal directional sense 'upwards' to the meanings other than spatial (aspectual value of the postverb) is observed. Linguists assume that the latter development of the meanings of up could have been inherited by Old English from an earlier, prehistoric stage. Within this, the most obvious explanation of the process is the internal development which took place due to the influence of the base verbs, whereas the directional meaning of up combines with that of a goal. Therefore, the two meanings (one of which is implied in the semantics of the base and the other having a locative meaning of the postverb *up*) can occur synchronically. This could be illustrated by D. Denison's discussions on the subject:

The particle begins to lose its spatial sense and comes to be perceived as an Aktionsart marker of completion¹ or the like, while the simple verb retains its usual sense. A completive meaning could then develop alongside the spatial meaning in collocation with verbs that do not incorporate upward motion in their meaning but which are semantically compatible with it. For instance, drink up might change from drink (usual sense) + up (marker of direction) → to drink (usual sense) + up (marker of completion) (1, 48-49).

---

¹ The German term for modes of action.

In the plane of the semantic development discussed, a similar tendency can be observed with the prefix už- in Lithuanian, which is equivalent to the English postverb up in its primary meaning. The Lithuanian language, however, can present more varied prefixed metonymic units which express the action directed upwards, e.g.

climb → *climb up* (the stairs); *lipti* → *užlipti* (laiptais),
go → *go up* (the mountain); *kopti* → *užkopti* (į kalną).
užskubėti, užsirangyti, užbildinti, užbildėti, užraityti, etc.

An interesting pattern to be observed is the prefix *pa-*, which has not retained its meaning of direction 'upwards' though occurs in a big number of derivative units of the kind *šokti* → *pašokti* (mode of action), *kilti* → *pakilti* (grammatical opposition), *kelti* → *pakelti*, etc. "The Dictionary of Contemporary Lithuanian" indicates that the mentioned prefix *pa-* is the marker of the "diminutive aspect" in the Lithuanian language (Lith. "mažybės įvykio veikslas") as in *padirbėti, pabėgėti, panešėti, pašokėti*, etc. (2, 523). Consider the following sentences:

Kai paaugo jo jaunesnysis sūnelis Arvydukas, ir jį Gailiūnas išleido į žmones...(Vien., V, 33).

Gustavas paūgėjo, ir tėvas išvežė jį į Šiaulius, į gimnaziją (Lazd. P. I, 68).

In this respect, the latter prefixed verbs express a temporary action just like the verbs "*pakalbėti, patraukti, pašokti*", however, their grammatical structure being different. Still, the meaning defined in the dictionary is neither lexical (diminutive) nor grammatical (indicating the aspect). Even though the base words of the prefixed units possess the locative meanings (mainly the meaning "po kuo", "iš apačios" as in *Neištraukė danties tai ir padygo kitas apačioje* (2, 521); *Aš tau pamatus paknisiu ir šalčio privarysiu* (K.Bor. 98)), but the prefix *pa-* merely provokes associations of direction. Consequently, it cannot be included into the list of regular equivalents of the postverb *up*.

The analytic derivation of English verbs according to the model $V \rightarrow V_{up}$ has a number of common features with other ways of verbal derivation, especially prefixation in the Lithuanian language. The differences, however, are purely formal: prefixes are bound morphemes of the word, while the postverb is separated from the verb. A similar tendency of desemantization with the prefix už- can be observed in Lithuanian. Thus, regular translation of the sentences with the English V_{up} -s is possible by means of prefixed verbs with the adequate lexical meaning, as seen from the following examples:

burn → *burn up* 'to burst into flames again' (of wood); *degti* → *už(si)degti* (apie malkas),

sing → *sing up* 'to make music with the voice more loudly' (of a tune),
dainuoti → *uždainuoti* (garsiai melodiją).

One more common property is the material equivalence of a number of postverbs with prefixes, i.e. the ability to change both valency and lexical combinability of the verb. On the one hand, the combinability of prefixes with verbs differs from that of postverbs, but on the other, there are cases when both the derived verbs coincide or are very close in meaning. However, this feature cannot be illustrated with *up* as clearly as with the examples of the particle *out* (4, 17), cf:

The king reigned for fifty years. The king outrigned his father ('to rule longer than');
Herod → *to outherd* 'to be more cruel than Herod'.

Common origin from locative adverbs has determined equivalence of the primary meaning of the prefix už- in Lithuanian and the postverb up – the spatial meaning 'upwards' (e.g. *carry* → *carry up*, *nešti* → *užnešti* (aukšty)). Therefore, it is possible to state that they (postverb up and prefix už-) act as derivational means and, consequently, perform a derivative function, modifying the lexical meaning of the base verb. Consider the following on the subject concerned:

A common feature of postverbs and functionally equivalent to them prefixes of other Indo-European languages is their development into transferred meanings, the increasing number of verbal bases in conjunction with which both the prefixes and postverbs express the

temporal – quantitative characteristics of the action, the tendency towards desemantization (3, 17).

It would be expedient to exemplify by the continuum that the English Vup-s form, according to the degree the primary meaning is lost in the derivatives. Units, which have retained their meaning of direction to the greatest extent, take the starting position. An important point related to this class of derivatives is that their meaning is equal to the sum of the meanings of the components (the meaning of the base and the meaning of direction ‘upwards’), cf:

spring → *spring up* ‘to move quickly upwards’ as in *The boy sprang up out of the chair as soon as he heard the doorbell ring.*

shoot → *shoot up* ‘to fire a gun in an upward direction’ (e.g. *Is the chimney straight enough for you to shoot up?*).

In Lithuanian this pattern is more productive than in the English language as there exist a variety of synonymic verbs denoting the process of moving. These are the examples of the prefixed derivatives with the spatial meaning ‘upwards’, e.g. *užsiropšti, užsirangyti, užžirglioti, užgūrinti, užžirglioti, užsikeberioti, užrepečkoti, etc.*

Sometimes postverbs ‘clipped’ to the base verbs merely provoke certain special associations. Such units can be regarded as taking mediary position in the continuum of Vup-s observed. Consider the following:

be → *be up* ‘be raised; increased; rise’, e.g. *Production is up the quarter; He is high up in the civil service* (Lith. pakilo pareigose).

When the postverb is added to the base verbs, which do not have locative meanings, the meaning of direction is not encountered at all. In this case desemantization takes place, i.e. the postverb loses the meaning of direction and acquires new meanings, most typically related to the aspectual (aspect, modes of action). These combinations finish the continuum under analysis:

smoke → *smoke up* ‘to fill with smoke’; *Open the window, the committee have smoked the whole room up!* (Lith. rūkyti → prirūkyti),

burn → *burn up* ‘to destroy completely by fire’ (*All the wood has been burned up*) (Lith. deginti → sudeginti).

In the English Vup-s the postverb modifies the lexical meaning of the base verb and imparts some mode of action² to the meaning of the derivational unit (expression of the aspectual characteristics), e.g.:

buy ‘to get in return for money’ → *buy up* ‘to buy all supplies of something’ (completive MA);

type ‘to write with a typewriter’ → *type up* ‘to make last typewritten copy’ (completive MA), as in *Do I have to type the whole play? Yes, I want it typed up properly and neatly.*

A similar shift in meaning (Vdirection ‘upwards’ → Vup aspectual meanings) is observed with the prefix už- in Lithuanian. Yet, in the plane of the aspectual characteristics of the lexical meaning of verb the prefix serves as the explicit marker of the aspect in the Lithuanian language. This, however, cannot be applied to the other language under investigation, i.e. English, where the postverb does not change the aspect of the base. Within this, the postverb up and the prefix už- are incompatible (5, 18-20). These are example situations such as follows:

Jis rašė sakinius ant lentos (eigos veikslas) → *Jis užrašė sakinius ant lentos* (įvykio veikslas),

Mes dainavome dainą (eigos veikslas) → *Mes uždainavome dainą* (įvykio veikslas) (*We sang up a song*).

² Lithuanian term „veiksma reiškimo būdai“, Russian „способы действия“ and German „Aktionsart“. According to I. V. Maslov, the latter component of aspectuality can be described as having „certain general features of the lexical meaning of verbs, referring to the flow of action of these verbs in time (6, 12). The theory of MA is mainly worked out on the material of the Slavic languages, partly Russian.

It would be wrong to translate the prefixed derivative “*uždainavome*” by the English analytical unit “*sing up*” as the latter denotes not only the starting point of the action but its manner as well. Thus the context here is of paramount importance.

The aim of the comparative analysis, employed in the research, in the plane of the abstract meanings of the verb (aspectual characteristics of the lexical meaning of the verb is to find out whether the prefix už- in Lithuanian can also convey the meaning of a particular MA (mode of action).

The range of functions of the prefix už-, acting as the functional equivalent of the postverb up, can be exemplified by the following table with the signs employed, such as follows:

- “+” sign indicates that the function is conveyed,
- “(+)” symbol shows that the latter cases are very rare,
- “-“ sign demonstrates that the function cannot be conveyed.

Table 1

Semantic functions of the English postverb up and the prefix už- in Lithuanian

Semantic function	The English language Postverb up	The Lithuanian language Prefix už-
1. Retaining of the primary meaning of direction ‘upwards’	+	+
2. Expression of the aspectual characteristics (MA)		
a) Resultative	+	+
b) Completive	+	(+)
c) Distributive	+	-
d) Accumulative	(+)	-
e) Ingressive	+	+
f) Momentary	+	-
g) Stative	(+)	(+)

As the data of the presented table demonstrates both the prefix už- and the postverb up perform a similar range of functions, especially semantic. It is evident that the number of symbols that coincide in both graphs under discussion is greater than the number of signs showing the lack of the function performed. Both the derivational means retain their primary meanings of direction, however, when it comes to comparing the modes of action, imparted by them, mainly distributive MA, accumulative MA, and momentary MA, their equivalence is weaker. The cases when the stative MA is encountered into both languages compared (English and Lithuanian) are very rare and the examples are not very frequent and commonly met. Yet, the postverb and the prefix can impart similar modes of action to the bases like, resultative, ingressive, completive (in some cases).

In view of this, it is possible to speak about the equivalence of the postverb and the prefix. Thus, the second function illustrated in the table, which stands as a major support for this, will be considered in more detail.

a) RESULTATIVE MA

The derivatives of the resultative MA possess the abstract meaning of the achievement of the result, expressed by both the English postverb *up* and Lithuanian prefix *už-*, which, as a result, lose their primary meaning of direction ‘upwards’, e.g. :

end → *end up* (a story), *baigti* → *užbaigti* (pasakojimą);

sew → *sew up*₁ (about atear, a hole, etc.) → *sew up*₂ (about a contract, arrangement)

as illustrated with the sentences :

Can you sew up this tear in my coat?

The contract was all sewn up before it was even advertised.

The derivational units provided in the illustrative sentences can have regular translations in the Lithuanian language with the prefix *už-*, cf.:

Ar galėtum užsiūti šią skylę palte?

Sandėris buvo sėkmingai užbaigtas dar net nespėjus nieko pasiūlyti.

The last sentence presented illustrates that the derivative “*sew up*” used in its direct (*sew up*₁; Lith. užsiūti skylę) and metaphoric sense (*sew up*₂; Lith. (sėkmingai užbaigti sandėri) can be translated into Lithuanian with the prefixed equivalent.

In some cases, spatial associations can be provoked due to the lexical meaning of the base verb as in *build* → *build up* (a house), *statyti* → *pa.statyti* (nama); *grow* → *grow up* (about plants), *augti* → *užaugti* (cf. *paaugti*), etc. Still, the illustrative oppositions reveal the property of the derivational means under analysis (postverb *up* and prefix *už-*) to impart the resultative meaning to the bases (aspectual characteristics of the lexical meaning of verb).

In both languages analysed the derivatives produced by the prefix *už-* and the postverb can convey the same lexical meaning of the resultative MA:

plaster ‘to cover with plaster’ → *plaster up* ‘to cover with a thick kind of cement’, e.g. *The holes in the wall had been plastered up so that they didn’t show.*

Lith. *tinkuoti* → *užtinkuoti* (plyšį sienoje);

sew ‘to work with a needle and thread’ → *sew up* ‘to close(a space in cloth) with needle and thread (cf. *Can you sew up this tear in my coat?*)

Lith. *siūti* → *užsiūti* (skylę drabužyje);

muster ‘to call, collect or gather together’ → *muster up* ‘to gather together a group of (soldiers) as in the sentence *Where can we muster up more soldiers?*; Lith. *verbuoti* → *užverbuoti* (kareiviu).

Besides a regular equivalent prefix *už-* to the English postverb *up* there exist other prefixes in Lithuanian expressing a resultative MA. The resultative meaning, however, can be imparted by the postverb to the verbs with different lexical meanings in the English language. Compare the following chains of examples with the postverb *up* and prefixes *su-*, e.g.

peck ‘to get, make, strike with the beak’ → *peck up* ‘to lift (something) from the ground with its beak’ (cf. *The chickens will peck up all the grain that you throw on the ground for them*), Lith. *lesti* → *sulesti* (grūdus);

mash ‘beat or crush into a mash’ → *mash up* ‘to mix (potatoes) with milk and butter by beating them with a fork or other tool’ as in *Yes, you can help by mashing up the potatoes for me*; (Lith. *grūsti* → *su.grūsti* (bulves));

squash ‘to press flat’ → *squash up* ‘to mess (something) into a mass, usu. accidentally’:

The fruit has got all squashed up in the box, we can’t eat it (cf. *Vaisius dėžėje susitraiškė, tad jis jau nebevalgomas*).

Other prefixes like *iš-*, *ap-* also compete with *su-* in expressing the resultative MA. Consider the following derivational oppositions in both English and Lithuanian:

mop → *mop up* ‘to clean with a mop’ (a liquid); *valyti* → *išvalyti* (skystį);

spatter → *spatter up* ‘to spoil with drops(a wall); *taškyti* → *aptaškyti* (sieną).

As seen from the examples not only the prefixes discussed but also the postverb shows a tendency to produce derivatives with the terminative meaning, cf.:

She sews every day (V durative) → *She sewed up a torn sleeve* (Vup terminative);

Ji siuva kiekvieną dieną → *Ji užsiuvo suplyšusią rankovę*;

spatter → *spatter up* (a wall), *taškyti* → *aptaškyti* (sieną);

mop → *mop* (a floor), *valyti* → *išvalyti* (grindis).

The Lithuanian language presents prefixed combinations (i.e. verbal combinations with *už-*) marked by the meaning of ‘completion’ expressed by the base verb. These are derivatives of such kind *dusti* → *uždusti*; *drausti* → *uždrausti*; *baigti* → *užbaigti* (cf. *Taip jis užbaigė savo gyvenimo dienas*).

To the type it is also possible to attribute the following derivational units:
užaugti, užginti, užgyti, užfiksuoti, etc.

By concluding what was mentioned it is possible to admit that not only the postverb but also the prefix *už-*, acting as its regular equivalent, can express the terminative MA, sharing this property with other Lithuanian prefixes like *su-*, *iš-*, *ap-*, yet, the prefix *už-* being most frequent.

b) COMPLETIVE MA

As far as derivatives denoting completion (about an action) or exhaustion (e.g. of materials, substances, etc.) are concerned, it should be stated that the cases when the prefix *už-* imparts this meaning are very rare. In the languages under investigation : English and Lithuanian the derivational means (postverb *up* and its equivalent prefix *už-*) can convey the meaning of the completive MA in the case when the lexical meaning of the base and the derivative is the same. It can be exemplified by synonymic oppositions such as follows:

finish 'to bring or come to an end; complete' → *finish up* 'to finish completely', e.g. *I want all your children to finish up your dinners*; *baigti* → *užbaigti* (valgyti pietus);

end 'to finish, complete or stop' → *end up* 'to finish completely' (*I'm going to end up my story soon*);

Lith. *baigti* → *užbaigti* (pasakojimą) (*Tuoj užbaigsiu savo pasakojimą*).

In some cases the completive derivative in English "*end up*" differs from its base by the meaning of negative result (implied in the semantics by the postverb) with the corresponding prefixed equivalent in the Lithuanian language, as in the oppositions *end* → *end up* (in prison), *baigti* → *užbaigti* (dienas kalėjime).

Lithuanian is especially rich in the prefixed verbs expressing the destruction of something in respect to the manner denoted by the base. The prefix *už-* then tends to be most productive :

keverzoti → *užkeverzoti* (sakini), *terlinti* → *užterlinti* (piešini), e.g. *Žiūrėk, vaikišcias jau užterlino tavo piešinį!*, *teplioti* → *užteplioti* (užrašą), etc.

The Vup-s with the completive mode of action having no direct lexical equivalents in the Lithuanian language are quite numerous. Thus, for the expression of these other prefixes are employed. In Lithuanian these are the prefixed units with *iš-*, *nu-*, as illustrated with the derivational pairs:

buy 'to get in return for money' → *buy up* 'to buy all the supplies of (something) as illustrated by the sentence *Housewives, afraid of running short, have bought up all the sugar in the shops*; *pirkti* → *išpirkti* (cukrų);

clean 'to make clean' → *clean up* 'to clean thoroughly', e.g. *This room needs cleaning up*; *valyti* → *išvalyti* (kambarius) (cf. *Šitą kambarį reikia kruopščiai išvalyti*);

knit → *knit up* 'to complete by knitting' :

How long will it take you to knit up this pattern?; *megzti* → *numegzti* (cf. *Kada numegsi ši mezginį?*).

In conclusion, the prefix *už-* likewise the postverb *up* can impart a resultative MA to the bases which have a common lexical meaning as in *finish* → *finish up*, *baigti* → *užbaigti*. Nevertheless, in the cases when the lexical meanings do not coincide (usu. the lexis of language is a reflection of the nation concerned) the equivalence of the postverb *up* and prefix *už-* remains undenied.

c) DISTRIBUTIVE MA

The meaning of the distributive MA expresses the action gradually directed to several

objects or from several subjects with no locative meaning retained. Within this, the pure distributive Vup-s has been encountered, however, the semantic function of the equivalent prefix *už-* here is zero, e.g.:

box → *box up* ‘to put (something) in boxes’, e.g. *When Harry went to sea, his things were boxed up and put in the storeroom.*

Lith. *pakuoti* → *supakuoti* (daiktus);

bottle → *bottle up* ‘to put in bottles’ (cf. *Father is bottling up his home – made beer now*),

Lith. *pilstyti* → *išpilstyti* (alų į butelius);

turn → *turn up* ‘to separate (soil) by digging’ as in *The new farm machinery turns the soil up very thoroughly*; Lith. * *versti*³ → *išversti* (dirva).

As seen from the illustrative sentences the postverb can impart the distributive character to the bases the meaning of which already denotes distributive action (e.g. the semantics of the verb *box* implies that something must be put in boxes). Thus, the variations of the lexical meaning of the base verbs are restricted by the postverb, acting as derivational means. Nevertheless, the prefix *už-*, as a regular equivalent to the postverb *up*, cannot produce corresponding derivatives in the Lithuanian language. In this respect, other prefixes are employed.

The postverb *up* in English, when conveying the distributive meaning, in numerous cases appears as facultative. This can be exemplified by the derivatives with the same lexical meaning in both languages: English and Lithuanian (with prefix *pa-*), cf.:

chop ‘to cut into pieces’ → *chop up* ‘to cut (something) into smaller pieces’, e.g. a possible translation of the English sentence *Ask the man in the shop to chop the meat up for you* would be *Paprašyk, kad mėsininkas tau pakapotų mėsos*;

carve → *carve up* ‘to divide(something) into pieces with knife’; *pjaustyti* → *papjaustyti* (duonos), cf. :

Ask the elder brother to carve up the bread for you, will you?

Juk paprašysi, kad vyresnėlis tau papjaustytu duonos?

The distributive value of the Vup-s with no lexical equivalents in the Lithuanian language is also evident from the illustrative examples, mainly prefix *su-* :

chew → *chew up* ‘to bite into small pieces’ (about food) (*Children are always told to chew the meat up well*), cf. Lith. *kramtyti* → *sukramtyti*);

grind → *grind up* ‘to crush into small pieces or powder’; cf. *grūsti* → *sugrūsti*;

slice → *slice up* ‘to divide or cut in thin pieces’ as in *I have to slice up the meat ready to put it between bread* ; cf. *raikyti* → *suraikyti*.

As evident from the oppositions, the equivalence of the Vup-s in the Lithuanian language is merely formal as the prefix *už-* tends to impart a terminative character to the bases (i.e. a meaning of a limited action). Consequently, the semantic function to convey a distributive meaning can be performed only by the English postverb *up*.

d) ACCUMULATIVE MA

The derivatives of the accumulative MA are signaled by the meaning of the comprising of a group of objects or a single compound object. The English postverb *up*, employed in our comparative analysis, did not prove to be very frequent among the accumulative Vup-s, whereas the equivalent to it prefix *už-* cannot impart this mode of action at all. Still, derivational units with the accumulative *up* in English have been found to illustrate the semantic function developed by the postverb :

³ The translation of the latter derivational pair into Lithuanian can be made only with the help of certain descriptive phrases.

build → *build up* ‘to fill (a place) with buildings’, e.g. *The area has been built up since I lived here*; *statyti* → *užstatyti*⁴ (vietovė);

rake ‘to make smooth with a rake’ → *rake up* ‘to make a pile with a rake’ as in *We used to rake up the dried grass into piles for the cattle to eat*; *grėbti* → *sugrėbti*.

In the first sentence the postverb imparts the accumulative MA to the base verb with the same lexical meaning, while the second derivational pair illustrates the combinability of the postverb with the base possessing a slightly different lexical meaning.

Numerous cases when the postverb does not impart the accumulative value to the bases are observed. This can be explained by the fact that the base verb itself denotes ‘joining’ or ‘collecting’ of objects. In view of this, the postverb makes the meaning of the Vup more explicit and the addition of the accumulative MA is doubted. The dominant prefix in Lithuanian to express this being *su-*, cf. :

store → *store up* ‘to save a supply of (something) for the future’ (cf. *These little tree animals store up nuts for winter* ; *kaupti* → *sukaupti* (atsargas);

stack → *stack up* ‘to make a pile of (things)’; *krauti* → *sukrauti*.

The accumulative meaning of the Lithuanian derivative with the prefix *su-* “*sukrauti*” can be seen from the sentences opposed:

Visą savo gyvenimą jis krovė turtus → *Štai kokius turtus jis susikrovė per savo trumpą gyvenimą*.

As seen from the data presented, in terms of the addition of the accumulative MA to the bases, the semantic capacity of the postverb and the prefix *už-* in Lithuanian is slightly different, i.e. there exist cases when the postverb imparts the accumulative meaning to the verbs (though rare), while the prefix *už-* does not express this meaning at all.

e) **INGRESSIVE MA**

As much as the expression of the ingressive MA is concerned (the meaning of the beginning of the action), both means of derivation that the languages under analysis employ can impart this meaning to the verbs.

In English the derivatives of the ingressive meaning are produced by means of the postverb *up*, which when added to the base can convey the meaning of starting a new action. Compare the following synonymic oppositions:

fire → *fire up* ‘to start (an engine),

crank → *crank up* ‘to start an engine with a handle’ as in the sentence *I hate the old car, I have to crank it up every morning to get it started*.

These illustrative chains of oppositions have adequate Lithuanian translations with the prefix *už-*, where the semantic potential of the latter (i.e. to impart the ingressive character to the verb) is most evident: *vesti* → *užvesti* (variklį); *vesti* → *užvesti* (mašiną rankena).

On closer inspection of the derivatives with the ingressive mode of action, it is possible to observe that the postverb can convey the meaning of the action that started again. This is translated, as a rule, by the verbs with an equivalent prefix *už-* in Lithuanian. The synonymic derivatives marked by the meaning ‘to burst into flames again’ are of the type *blaze up, flame up, flare up* translated as *liepsnoti* → *už(si)liepsnoti*, *degti* → *už(si)degti*.

The sentences that could illustrate such regular translations are as follows:

The fire flared up when we thought it was out.

Laužas vėl užsiliepsnojo kada jau manėme, jog šis užgeso.

The Lithuanian language, however, can present more varied units with the prefix *už-* to denote sounds produced by both animate and inanimate things. The beginning of the action is already implied in the semantics of the base verbs:

⁴ Here the semantic function of the Lithuanian prefix *už-* is merely formal if not accidental.

uždainuoti, užbliauti, užspiegti, užcypiti, užčirpinti, užduduoti, užgriausti, užgriežti, užgroti, užsiplūsti, etc. (e.g. Jis užčirpino savo smuikeliu).

To conclude the property of the postverb *up* and prefix *už-* to impart the ingressive MA to the verbs clearly illustrates the equivalence of the latter derivational means under comparative analysis.

f) MOMENTARY MA

The meaning of the momentary MA expresses the action performed once or for a moment. The momentary meaning can be conveyed by means of the postverb in English, yet, the equivalent prefix *už-* has no such semantic potential for the Lithuanian verbs.

To express the momentary meaning in Lithuanian the prefix *pa-* is mainly employed as in *šokti* → *pašokti*, *čiupti* → *pačiupti*, *griebti* → *pagriebti* (cf. *Jis pribėgo ir pagriebė mergiotę už rankos*). In some of the prefixed units *pa-* may provoke spatial associations (*šokti* → *pašokti*), nevertheless, the element of space is not incorporated into the meaning of the derivative. Consider the synonymic pairs:

šokti → *pašokti*; *spring* → *spring up* ‘to move quickly upwards’

šokti → *pašokti*, *jump* → *jump up* ‘to rise from one’s seat suddenly’ (cf. *The boy jumped up (from his chair) when the doorbell rang – Išgirdęs skambutį į duris berniukas staiga pašoko (nuo kėdės)*).

In English the derivational units of the model are formed by means of analytical derivation, according to the pattern $V \rightarrow V_{up}$, as the following chains of examples illustrate:

snatch → *snatch up* ‘to seize (something or someone) and lift suddenly’, *griebti* → *pagriebti*;

catch → *catch up* ‘to seize (something) quickly’, e.g. *The thieves caught up the money and ran*, *čiupti* → *pačiupti* (pinigus).

whip → *whip up* ‘to seize suddenly’ (cf. *Whipping up the baby she ran from the burning house*), *čiupti* → *pačiupti* (kūdiki).

A conclusion can be drawn, that in the plane of the momentary MA conveyed only the postverb can develop this property with another dominant prefix *pa-*. The prefix *už-*, however, has not developed a momentary meaning in the semantics of the prefixed derivative.

g) STATIVE MA

The stative MA denotes the action which is steady in respect to the duration of its flow. Thus, both the prefix *už-* and the postverb *up* are added to the bases with the element of ‘steadiness’ implied in their semantics.

There are cases in English when the stative derivatives of the type *head* → *head up*, to lead a group’, *match* → *match up* ‘to suit, balance’ are translated into Lithuanian without any prefixes, as seen from the sentences:

He heads the company → *who heads up the company?*

Jis vadovauja kompanijai → *Kas vadovauja kompanijai?*

In the plane of expressing the stative MA, an observation can be made that the postverb tends to combine with transitive verbs denoting the position in space (not direction) and the derivatives of the kind are translated into Lithuanian by non-prefixed equivalents, cf.:

hold → *hold up* ‘to keep raised’, e.g. *What holds the roof up?*, *laikyti* → *laikyti* (stoga);

prop → *prop up* ‘to support from falling’, *laikyti* → *laikyti*.

In Lithuanian, the prefix *už-* (when added to the verbs) produces individual meanings of the stative character. Within this, other means of derivation, like suffixation, is sometimes employed (e.g. suffix *-si*) :

jausti → *užjausti* (žmogu);

imtis → *už(si)imti* (veikla);

vaduoti → *užvaduoti*, etc.

To sum up, stative MA is developed by both derivational means under analysis (postverb up and prefix už-) very rarely. Yet, this is one more property to prove the equivalence of the latter.

Having discussed both means of derivation (the English postverb up and the prefix už- in Lithuanian) in terms of their semantic potential and modes of action, we can state that in spite of the purely formal differences (the cases when one or another derivational means cannot impart a certain MA to the verbs) the latter can be treated as equivalent in both languages under comparative analysis.

REFERENCES

1. DENISON. English Historical Syntax. London: Longman, 1993.
2. DLKG. Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla. 1996.
3. KLIJŪNAITĖ, I. Leksinė semantinė grupė kalbos sistemoje. Šiauliai: Šiaulių universiteto leidykla, 1996.
4. LINDNER, D.I.A., Lexico-Semantic Analysis of English Verb Particle Constructions with OUT and UP. Bloomington (Indiana): Indiana University, 1983.
5. RAINYTĖ, E. Anglų kalbos teorinė gramatika (morfologija). Vilnius, 1984.
6. МАСЛОВ, Ю.С. Очерки по аспектологии. Ленинград: Изд.-во Ленинг. ун-та, 1984.
7. Phrasal verbs. <http://www.search.epnet.com> (EBSCO database).

Dictionaries

1. COURTNEY, R. Longman Dictionary of Phrasal a Verbs. London: Longman, 1997.
2. DLKŽ, , Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų I-kla, 1993.
3. PIESARSKAS, B. Didysis anglų-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius: Alma littera, 2000.
4. QUIRK, R. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd, 1995.
5. <http://www.encyarta.msn.com>
6. <http://www.britannica.com>

Laima Puškoriūtė

Šiaulių Universitetas, Lietuva

ABSTRAKČIOS ANGLIŠKŲ FRAZINIŲ VEIKSMAŽODŽIŲ SU POSTVERBU UP BEI JŲ EKVIVALENTŲ LIETUVIŲ KALBOJE REIŠMĖS

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjamos anglų kalbos analitinių veiksmažodžių, tokių kaip *grow up*, *užaugti*, *sew up*, *užsiūti*, antrasis komponentas postverbas *up* bei jo ekvivalentai lietuvių kalboje (priešdėlis už-) abstrakčių leksinių veiksmažodžio reikšmių aspektu. Anglų kalbos analitinį darybos būdą lietuvių kalboje atitinka priešdėlinės (sintetinės) veiksmažodžių konstrukcijos. Postverbas *up* bei jo reguliarus atitikmuo priešdėlis už- straipsnyje tyrinėjami kaip produktyvios žodžių darybos priemonės. Pastarųjų kilmė iš erdvinių prieveiksmių ir/ar prielinksnių ir funkciniai panašumai aspektualumo srityje leidžia daryti prielaidas apie postverbo *up* bei priešdėlio už- ekvivalentiškumą, pvz. *run up* – užbėgti (viršun), *burn up* – uždegti. Gretinamuoju metodu bandyta įrodyti, jog lietuvių kalbos priešdėliui, kaip ir postverbui *up*, būdingos tos pačios semantinės funkcijos (gebėjimas reikšti veiksmo būdus) bei šie gali būti laikomi ekvivalentiškais.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: frazinis veiksmažodis, žodžių daryba, pamatinis žodis, darybinės priemonės, veiksmo būdai (VB), tiesioginė (pamatinė) reikšmė, abstrakti (aspektualioji) reikšmė, semantiniai pokyčiai.

Danguolė Satkauskaitė

Universität Vilnius Geisteswissenschaftliche Fakultät in Kaunas, Litauen
E-mail.: danguole.satkauskaitė@vukhf.lt

**DAS SACHLAGWORT UND NEOLOGISMUS ANTITERRORKRIEG. SEINE
BEDEUTUNG, SCHREIBWEISE UND GEBRAUCH**

Wie der quantitative Überblick über die Bildungen mit ‚Antiterror-‘ gezeigt hat, ist das Kompositum ‚Antiterrorkrieg‘ erst nach dem Terroranschlag vom 11. September 2001 als Bezeichnung für die Gegenschläge der USA auf Afghanistan kreierte worden. Seitdem gilt es als ein umstrittenes Schlagwort vor allem der Konstituente Krieg wegen. Semantisch verfügt ‚Antiterrorkrieg‘ über zwei Lesarten: eine im engeren und eine im weiteren Sinne. Orthographisch überwiegt in den Printmedien, im Unterschied zu den Wörterbucheinträgen, die Bindestrichschreibung. Diese nimmt jedoch mit der zunehmenden Etablierung des Lexems zugunsten der Zusammenschreibung ab. Das Kompositum ‚Antiterrorkrieg‘ kann als ein neuer Terminus gelten, der – ähnlich wie z.B. ‚der Kalte Krieg‘ – eine neue Art des Krieges bezeichnet.

SCHLÜSSELWÖRTER: Kompositum, Schlagwort, Neologismus, Semantik, Orthographie, Synonyme, Pressesprache

1. EINLEITUNG

Die Terroranschläge vom 11. September 2001 auf das World Trade Center in New York und das Pentagon in Washington wurden von den USA als eine Kriegserklärung gewertet. Mit der Bezeichnung der Terrorattacken als Krieg wurden auch die Gegenschläge der USA in Zusammenarbeit mit ihrer NATO-Verbündeten legitimiert. Im Gegensatz zum *Terrorkrieg* – wie der Terroranschlag auf die USA bezeichnet wurde – erhielt der als militärische Antwort folgende Krieg in Afghanistan die Bezeichnung *Antiterrorkrieg*.

Das Kompositum wird im Folgenden anhand der Belege aus den Printmedien untersucht. Das Material stammt aus dem Cosmas-Korpus¹ des Instituts für deutsche Sprache in Mannheim und dem Wortschatz-Korpus² der Universität Leipzig (= Leipziger-Korpus); ergänzend wurden selbst zusammengestellte Belege aus den deutschen Printmedien der letzten Jahre (2001-2004) untersucht.

Bevor das Kompositum unter semantischen und orthographischen Aspekten analysiert wird, soll geprüft werden, welche Bildungen mit *Antiterror-* bis zum 11. September 2001 in der deutschen Sprache verwendet wurden und welche nach dem Terroranschlag neu entstanden sind.

2. BILDUNGEN MIT ‚ANTITERROR-‘

Die Ergebnisse aus dem Cosmas-Korpus zeigen, dass vor dem 11. September 2001 die mit Abstand häufigste Bildung *Anti-Terror-Einheit* ist. Rechnet man alle Schreibweisen und grammatischen Formen³ zusammen, so steigt die Zahl der Belege auf 432. Auf dem zweiten Platz nach der Häufigkeit rangiert die Zusammensetzung *Anti-Terror-Gesetz(e)* – 247 Belege. Die dritthäufigste Bildung vor dem 11. September 2001 ist *Anti-Terror-Spezialisten* – insgesamt 91 Belege.

Die Gebrauchshäufigkeit der Bildung *Anti-Terror-Einheit* wird auch vom Duden

---

¹ <http://www.ids-mannheim.de/kt/projekte/korpora/archiv.html>

² www.wortschatz.uni-leipzig.de

³ Folgende Formen wurden berücksichtigt: *Anti-Terror-Einheit(en)*, *Anti-Terroreinheit(en)*, *Antiterror-Einheit(en)*, *Antiterroreinheit(en)*.

registriert: von der zweiten Auflage beginnend wird das Lexem (zusammengeschrieben, obwohl im Korpus eindeutig die Bindestrichschreibung vorherrscht) als einzige Bildung mit *Antiterror-* aufgeführt (6, 127; 7, 152; 8, 152)⁴.

Nun stellt sich die Frage, welche Bildungen mit *Anti-Terror-* und *Antiterror-* nach den Anschlägen vom 11. September 2001 im Sprachgebrauch überwiegen. Da die Daten nicht aus dem Cosmas-Korpus entnommen werden können, weil ab dem Jahr 2000 nur der „Mannheimer Morgen“ dort zur Verfügung steht, soll das Leipziger-Korpus zur Hilfe gezogen werden. Hier sind die Belege ebenfalls aus der deutschen Presse entnommen, umfassen zur Zeit die Jahrgänge 2001-2003 und können daher eine annähernde Vergleichsbasis zu den Daten im Manheimer-Korpus bilden. Rechnet man alle Formen und Schreibweisen zusammen, so steht das Kompositum *Anti-Terror-Kampf* (430) an der Spitze der Häufigkeitsliste. Darauf folgen *Anti-Terror-Gesetz* (350), *Anti-Terror-Einheit* (332) und *Anti-Terror-Koalition* (295). Das Kompositum *Anti-Terror-Krieg* steht auf dem fünften Platz.

Tabelle 1

Bildungen mit *Anti-Terror-* vor und nach dem 11. September

Häufigkeit vor dem 11. September 2001 aus dem Cosmas-Korpus		Häufigkeit nach dem 11. September 2001 aus dem Leipziger-Korpus	
<i>Anti-Terror-Einheit</i>	432	<i>Anti-Terror-Kampf</i>	430
<i>Anti-Terror-Gesetz</i>	247	<i>Anti-Terror-Gesetz</i>	350
<i>Anti-Terror-Spezialisten</i>	91	<i>Anti-Terror-Einheit</i>	332
<i>Anti-Terror-Gipfel</i>	47	<i>Anti-Terror-Koalition</i>	295
<i>Anti-Terror-Polizei,</i> <i>Anti-Terror-Aktion</i>	31 31	<i>Anti-Terror-Krieg</i>	284

Vergleicht man diese Ergebnisse mit dem Cosmas-Korpus, so sieht man, dass die Bildung *Anti-Terror-Koalition* vor dem 11. September 2001 nicht vorhanden ist und *Anti-Terror-Krieg* nur einmal erscheint. *Anti-Terror-Kampf* ist vor dem 11. September 2001 nur selten gebraucht worden (8-mal).

Das einzige Beispiel im Cosmas-Korpus mit *Anti-Terror-Krieg*, das aus dem Jahre 1998 stammt⁵, kann man als eine Gelegenheitsbildung betrachten. Da das Lexem davon abgesehen weder im Jahre 1999 noch im Jahre 2000 vorkommt und erst Ende 2001 zum ersten Mal erscheint (MM 17.10.2001), kann man davon ausgehen, dass es erst infolge der Terroranschläge vom 11. September entstanden ist. Das bestätigen auch die Wörterbucheinträge: *Antiterrorkrieg* wird erst 2002 vom Duden Lexikon A-Z (5, 42) aufgenommen, dann auch vom Brockhaus und Meyers. In den meisten Wörterbüchern und Lexika fehlt jedoch der Eintrag (vgl. 7; 12; 15; 16; 17; 18; 19). Die „deutlich ins Gewicht fallende Gebrauchshäufigkeit“ (9, 199) des Neologismus *Antiterrorkrieg* gilt als erstes Indiz für seinen Schlagwortcharakter; dies signalisiert, dass „der Ausdruck (in seinem Schlagwortsinn) in der betreffenden Kommunikationsgesellschaft usuell geworden ist“ (ebd.).

3. SEMANTIK VON ‚ANTITERRORKRIEG‘

„Schlagworte, Stichworte, Losungsworte – Worte, die zum Kriege dienen. Es sind Hieb- und Stichwaffen, welche durch den vielen Gebrauch ihre Schärfe und Spitze verlieren [...]“ (9, 195)

⁴ In keiner Auflage von Wahrig sind Komposita mit *Antiterror-* zu finden.

⁵ Spaniens konservativer Innenminister Jaime Mayor Oreja, ein Baske, hat "das Gesetz und alle Instrumente des Staates im Kampf gegen die ETA erbarmungslos ausgenutzt", wie Friedensforscher Gutiérrez erklärt. "Die vorige sozialistische Regierung war durch ihren schmutzigen **Anti-Terror-Krieg** Mitte der achtziger Jahre belastet, hatte ein schlechtes Gewissen. Die ETA konnte lange eine schwache Regierung mit einem schwachen Staat verwechseln." (ZT 19.10.1998)

Das Wort *Antiterrorkrieg* ist tatsächlich ein Schlag-Wort, das „schlägt“ und „zum Kriege dient“: sowohl im wörtlichen Sinne als eine spezielle Art von Krieg als auch als Objekt des Sprachkampfes über die Angemessenheit seiner Verwendung.

Besonders am Anfang seines Gebrauchs entfachten sich heftige Diskussionen vor allem über die Konstituente *Krieg*. Im DUW wird Krieg als ‚mit Waffengewalt ausgetragener Konflikt zwischen Staaten, Völkern; größere militärische Auseinandersetzung, die sich über einen längeren Zeitraum erstreckt‘ definiert. In der Geschichte hat es eine Reihe von Konflikten gegeben, die unter Einsatz militärischer Gewalt ausgetragen worden waren, die sich jedoch durch ihren Ausmaß, durch die beteiligten Seiten usw. weitgehend unterscheiden. Daher liegt eine genaue, allseits anerkannte Definition des Wortes *Krieg* auch heute nicht vor (13, 526). Wenn wir unter *Krieg* einen größeren militärischen Konflikt zwischen Staaten oder zwischen Völkern verstehen, dann waren die Gegenschläge der USA auf die Taliban (die ursprüngliche Bedeutung des Lexems *Antiterrorkrieg*) kaum mit dem Begriff *Krieg* zu definieren. Solche Zweifel, ob man gegen Terroristen, die ja kein Staat und kein Volk sind, einen Krieg führen kann, regten sich bei vielen Politik-, Sozial- und Sprachwissenschaftlern.

Bei dem von Amerika erklärten Anti-Terror-Krieg handelt es sich um eine noch unbekannte Kriegsart, insofern werden dem Begriff *Krieg* zusätzliche Bedeutungselemente zugeordnet. Anscheinend hat man hier nach Ulrich Beck mit der „Individualisierung des Krieges“ zu tun, „in der nicht mehr nur Staaten gegen Staaten, sondern Individuen gegen Staaten „Krieg“ führen können“ (1). Im Gegensatz zu früher, als bekannte und greifbare Organisationen, mitunter unterstützt von Staatsführungen ihre Forderungen durchzusetzen oder ein System zu bekämpfen versuchten, wird heute „ein verändertes, staatenloses, transnationales Phänomen“ (Presse 13.09.2001) als Krieg bezeichnet. Aufgrund der allgemeinen Tendenz zur „Entstaatlichung von Konflikten“ (2, 386) sind auch die Friedens- und Konfliktforscher dazu übergegangen, nicht nur zwischenstaatliche, sondern auch innerstaatliche Gewaltkonflikte mit Krieg zu bezeichnen. Das heißt, das Lexem *Krieg* hat eine Bedeutungserweiterung erfahren.

Das Schlagwort *Antiterrorkrieg* wurde zunächst geschaffen, um ganz konkrete Aktionen zu bezeichnen, nämlich die Vergeltung der USA für die Terroranschläge vom 11. September, „die ab dem 7.10.2001 durchgeführte Militäraktion gegen das Terrornetzwerk „al-Qaida“ von Osama Bin Laden u. die Taliban in Afghanistan“ (11, 41). Diese Lesart wird vor allem in den Belegen von 2001 und 2002 gebraucht, z.B.:

Bundeskanzler Schröder kann die Diskussion um die Bereitstellung deutscher Soldaten für den Anti-Terror-Krieg nur recht sein. (MM 12.11.2001)

Mit dem Krieg in Afghanistan, kritisiert der Berliner Parteilinke Hans-Christian Ströbele zwar, werde nur neuer Hass geschürt und neue Gewalt geboren. Sein Versuch, getrennt voneinander über den Fortbestand des Regierungsbündnisses und die Haltung der Grünen zum Anti-Terror-Krieg entscheiden zu lassen, scheitert jedoch kläglich. (MM 26.11.2001)

Die USA haben mit Zalmay Khalilzad einen neuen Sonderbotschafter für Afghanistan. Aber sie haben nach dem Sturz der Taliban noch keine neue Politik. Statt dessen werden im "Anti-Terror-Krieg" weiter Bomben über Afghanistan abgeworfen. Mittlerweile dürfte die Zahl der getöteten afghanischen Zivilisten die Zahl der im World Trade Center ermordeten US-Bürger erreicht oder gar übertroffen haben. (FR 08.01.2002)

Vor und während des Krieges in Afghanistan fanden unter den deutschen Parteien und einzelnen Politikern heftige Diskussionen statt, ob sich Deutschland mit der Bereitstellung deutscher Bundeswehrsoldaten am afghanischen Anti-Terror-Krieg beteiligen sollte. Daher handelt es sich in den ersten Belegen zumeist um den Einsatz der Bundeswehr in Afghanistan.

Spätestens seit die USA und ihre Verbündeten den Irak als nächstes Ziel ihrer Militärschläge ins Visier nahmen, versteht man unter *Antiterrorkrieg* nicht mehr die auf einen konkreten Staat fixierte Militäraktionen, d.h. der Gegner des Antiterrorkrieges ist offen.

Ebenso vieldeutig ist die Art des Antiterrorkrieges. Aus vielen Belegen wird deutlich, dass es sich um militärische Schläge handelt (vgl. die obigen Beispiele). Doch es finden sich

auch Belege, in denen eindeutig auch andere Maßnahmen unter *Antiterrorkrieg* zusammengefasst werden: wirtschaftliche, diplomatische, juristische u. a., z.B.:

«Finanzkrieg» gegen Terror

Die USA und Grossbritannien weiten ihren Anti-Terror-Krieg an der Finanzfront aus. Sie wiesen alle Banken in den beiden Ländern an, das Vermögen von 25 Terrororganisationen einzufrieren. (St.GT 05.11.2001)

„Die Waffen, mit denen man den Antiterrorkrieg gewinnt, sind nicht zuvörderst die aus Stahl, sondern Wissen, Geld und Diplomatie.“ Josef Joffe (Zeit 43, 2002)

Demnach wären zwei Lesarten des Lexems *Antiterrorkrieg* zu unterscheiden: die im engeren Sinne und die im weiteren Sinne. Im Brockhaus werden diese zwei Lesarten treffend definiert:

Antiterrorkrieg, Schlagwort für die nach den Terroranschlägen islamist. Extremisten vom 11.9.2001 in den USA durch diese eingeleiteten Gegenmaßnahmen. I.e.S. zunächst die Militäraktion gegen das Terrornetzwerk „al-Qaida“ von Osama Bin Laden und die Taliban in Afghanistan; i.w.S. ein weltweites Vorgehen gegen extremist., Organisationen u. die sie unterstützenden Regime. Für den auch von diplomat., wirtsch., jurist. u. a. Maßnahmen begleiteten Antiterrorkampf suchte die amerikan. Reg. internat. Unterstützung (Antiterrorkoalition). (3, 111)⁶

Ähnliche Unterscheidung macht auch das Meyers Lexikon (11, 41). Nur der Duden unterscheidet nicht explizit zwischen der engeren und der weiteren Lesart, obwohl in seiner Definition ebenfalls von militärischen Maßnahmen und „diplomatischen, wirtschaftlichen, juristischen u. a. Schritten“ die Rede ist:

Antiterrorkrieg, Schlagwort f. die nach den Terroranschlägen islamist. Extremisten vom 11.9.2001 in den USA durch diese eingeleitete mil. Maßnahmen, bes. die Militäraktion gg. das Terrornetzwerk „al-Qaida“ v. Osama Bin Laden u. die Taliban in Afghanistan. Die USA, deren Präs. G.W.Bush einen „langen Feldzug“ gg. den internat. Terrorismus ankündigte (begleitet v. diplomat., wirtsch., jurist. u. a. Schritten), sicherten sich d. Unterstützung ihrer westl. Verbündeten (Ausrufen des Bündnisfalles durch NATO am 2.10.2001) sowie zahlr., weiterer Staaten in einer Antiterrorkoalition). (5, 42)

4. SCHREIBWEISE

Beim Vergleich der graphemischen Realisierung *Anti-Terror-Krieg* bzw. *Antiterrorkrieg* überwiegt eindeutig die Bindestrichschreibung: Im Cosmas-Korpus ist die Relation *Anti-Terror-Krieg* zu *Antiterrorkrieg* 10 zu 2, im Leipziger-Korpus – 162 zu 44, die google-Suche im Internet ergibt die Relation 7.460 zu 3.840.⁷

Da sämtliche Wörterbücher, soweit sie das Lexem anführen, nur das zusammengeschriebene *Antiterrorkrieg* aufnehmen, entsteht die berechtigte Frage, warum in der Presse die Bindestrichschreibung bevorzugt wird.

Zur Erklärung dieses Unterschiedes zwischen den Wörterbucheinträgen und dem aktuellen Sprachgebrauch können verschiedene Gründe angeführt werden. Erstens ist es in der gegenwärtigen Sprachpraxis durchaus üblich (auch wenn das von den geltenden Orthographieregeln und von den Wörterbuchangaben abweicht), dass Bildungen mit fremden Präfixen durch einen Bindestrich gekoppelt werden, z.B. *Anti-Alkoholiker*, *Ex-Algerier*, *Maxi-Freunde*, *pro-preußische Politik* (Beispiele aus Starke 1993, 50).

Außerdem steht fest, dass *Anti-Terror-Krieg* als Schlagwort dient und somit besonders ausdrucksvoll wirken soll. In der Presse erscheint es häufig in den Artikelüberschriften und als Kolumnentitel, deren Funktion unter anderem darin besteht, die Aufmerksamkeit der Leser zu

⁶ Im Brockhaus von 2003 befand sich die gleiche Definition, nur wurden extremistische Organisationen noch als gewalttätig charakterisiert: *i.w.S. ein weltweites Vorgehen gegen extremist., gewalttätige Organisationen [...] (4, 43)*

⁷ Alle in diesem Kapitel angeführten Berechnungen wurden am 05.01.2005 durchgeführt.

gewinnen. Auch aus diesen Gründen könnte der Bindestrich bevorzugt eingesetzt werden, nämlich als „optisch-graphische Wirkungskomponente und als Rezeptionsreiz“. (14, 59).

Ebenso von Bedeutung ist die Tatsache, dass das Wort zunächst als ein Okkasionalismus betrachtet wurde oder zumindest noch nicht allen Sprachbenutzern bekannt war und daher nach Einschätzung der Schreiber eines Erläuterungs- oder Durchkopplungsbindestriches bedurfte. Den Bindestrichgebrauch verbinden die Schreibenden offensichtlich mit der Vorstellung, dass er „Wortbildungskonstruktionen, vor allem Komposita, als morphematisch motiviert deutlicher und transparenter markiere als ihre Zusammenschreibung“ (14, 59).

Wir stellen folgende These auf: Am Anfang seiner Verwendung wurde das Lexem *Anti-Terror-Krieg* (d.h. Bindestrichschreibung) bevorzugt; mit der Konventionalisierung setzt sich immer mehr die Zusammenschreibung durch. Diese These soll nun anhand des Leipziger Wortschatzkorpus⁸ überprüft werden. Wie aus der unten angeführten Tabelle ersichtlich ist, war im Jahre 2001 noch die Bindestrichvariante überwiegend (92% gegenüber den 8% ohne Bindestrich), im Jahre 2002 werden beide Schreibweisen relativ gleich oft benutzt, im 2003 wird die Zusammenschreibung bevorzugt (80% *Antiterrorkrieg* im Vergleich zu 20% *Anti-Terror-Krieg*).

Tabelle 2

Schreibweise von *Antiterrorkrieg* im Leipziger Korpus

<i>Anti-Terror-Krieg</i>			<i>Antiterrorkrieg</i>		
2001	65	92%	2001	6	8%
2002	34	57%	2002	26	43%
2003	1	20%	2003	4	80%

Da der Leipziger Korpus für das Jahr 2003 nur wenige Belege aufführt, wurden die beiden Schreibweisen in einigen im Internet zugänglichen Tageszeitungen verglichen und in einer Tabelle zusammengestellt (A-T-K = *Anti-Terror-Krieg*; Atk = *Antiterrorkrieg*). Der prozentuale Vergleich zeigt deutlich die konsequente Abnahme der Bindestrichschreibung zugunsten der Zusammenschreibung.

Tabelle3:

Schreibweise von *Antiterrorkrieg* in ausgewählten Zeitungen

Datum	Welt		FR		FAZ.NET	
	A-T-K	Atk	A-T-K	Atk	A-T-K	Atk
vor dem 11.Sept. 2001	0	0	0	0	0	0
11.09.2001-31.12.2001	39 = 95%	2 = 5%	72 = 100%	0	19 = 95%	1 = 5%
01.01.2002-31.12.2002	37 = 37%	6 = 14%	248 = 96%	10 = 4%	20 = 87%	3 = 13%
01.01.2003-31.12.2003	19 = 83%	4 = 17%	75= 93%	6 = 7%	5 = 63%	3 = 37%
01.01.2004-31.12.2004	26 = 59%	18 = 41%	51 = 96%	2 = 4%	6 = 55%	5 = 45%

Ein anderes Mittel, ein Lexem als nicht etabliert graphisch zu markieren, sind die Anführungszeichen. Sie werden häufig dann eingesetzt, wenn „der Ausdruck als relativ neu, als nicht zum überlieferten Lexikon gehörig und insofern als gewagt empfunden wird“ (10, 170). Der Schreiber weist mit der Verwendung der Anführungszeichen darauf hin, dass er den Ausdruck kritisch verwendet und sich von ihm in gewisser Weise distanziert. Der in Anführungszeichen gesetzte Ausdruck wird „als in irgendeiner Hinsicht ungewöhnlich, abweichend, problematisch etc. hingestellt“ (10, 122). Im Leipziger Korpus finden sich drei Belege mit „*Antiterrorkrieg*“ und sieben Belege mit „*Anti-Terror-Krieg*“.

⁸ Das Mannheimer Cosmas-Korpus eignet sich kaum für solche Analysen, weil zur Zeit (Stand: 05.01.2005) von den Jahren 2002 und 2003 nur der Mannheimer Morgen zur Verfügung steht. Nimmt man nur die Beispiele aus dieser Tageszeitung, wird unsere These ebenfalls bestätigt: Von den insgesamt 12 Belegen (10-mal *Anti-Terror-Krieg* und 2-mal *Antiterrorkrieg*) sind die zwei Belege ohne Bindestrich jüngsten Datums.

Ähnliche Funktion wie die Anführungszeichen erfüllt auch das Adverb *sogennant* bzw. nach den neuen Rechtschreibregeln die Fügung *so genannt*. Es wird entweder anstatt der Anführungszeichen angesetzt (im Leipziger Korpus dreimal) oder zusätzlich zu den Anführungszeichen als Verstärkung, z.B.:

In der Tat, nicht allein der mögliche Einsatz der Bundeswehr im sogenannten „Anti-Terror-Krieg“ könnte dafür ein Zeichen sein, sondern auch die Auseinandersetzung in dessen Vorfeld. (Zeit 36, 2001)

Obwohl die Anführungszeichen und die Fügung *so genannt* ohne semantischen Unterschied gebraucht werden, muss man doch auf eine Besonderheit von *so genannt* hinweisen: Die Wahl des Adverbs setzt voraus, dass das nachfolgende Wort zumindest einem Teil einer Sprachgemeinschaft bereits bekannt ist, d.h. schon im Sprachgebrauch vorhanden ist. Der Gebrauch der Anführungszeichen unterliegt dagegen keinen Beschränkungen. (vgl. 10, 127)

5. SYNONYME VON ‚ANTITERRORKRIEG‘

„Es ist nicht nur die Wortbildungsproduktivität (Wülfing), sondern auch das Synonymenfeld eines Schlagworts, die sein Erscheinungsbild vielgestaltig machen. Bei seiner Genese steht nämlich nicht immer ein Wort, ein markanter Ausspruch etwa, am Anfang, sondern mindestens ebenso oft ein Problem, ein Gedankenkomplex, für den erst im Verlauf der öffentlichen Diskussion der treffende Ausdruck gesucht wird [...]“ (9, 200)

Im Folgenden soll vom onomasiologischen Standpunkt der Frage nachgegangen werden, welche andere Lexeme oder Syntagmen zum Ausdruck der Lesarten ‚Militäraktion in Afghanistan‘, ‚Militäraktion in Irak‘ und ‚Kampf gegen den Terrorismus mit militärischen, diplomatischen, wirtschaftlichen, juristischen u. a. Maßnahmen‘ dienen. Anders formuliert: es sollen Synonyme zu *Antiterrorkrieg* ermittelt und deren semantische und pragmatische Eigenschaften verglichen werden.

Die Vielfalt der lexikalischen Mittel, die synonym zu *Antiterrorkrieg* verwendet werden, zeigt z.B. folgender Absatz:

USA verstärken ihre Angriffe. Wieder Berichte über zahlreiche zivile Opfer in Afghanistan Islamabad/Washington. Zu Beginn der vierten Woche der Luftangriffe gegen Afghanistan ist ein Ende der US-Militäroperation nicht in Sicht. US-Konteradmiral John Stufflebeem nannte den Anti-Terror-Krieg "die schwierigste Aufgabe, die sich uns seit dem Zweiten Weltkrieg gestellt hat". Dennoch zeigte er sich "zufrieden mit dem Verlauf des Feldzugs". Er deutete an, dass die Aktionen verstärkt würden. Gleichzeitig wurden wieder zahlreiche zivile Opfer aus Afghanistan gemeldet. (MM 29.10.2001)

Semantisch am nächsten ist das Kompositum *Anti-Terror-Kampf*. Oft werden die beiden Lexeme – *Antiterrorkrieg* und *Antiterrorkampf* – ohne Bedeutungsunterschied synonym gebraucht. Allerdings wird *Anti-Terror-Kampf* häufiger als *Anti-Terror-Krieg* verwendet⁹, wahrscheinlich, weil es eine weiter gefasste Bedeutung hat: es bezeichnet Bekämpfung des Terrorismus mit verschiedenen Mitteln, auch, aber nicht nur unter Einsatz militärischer Gewalt, vgl.:

Der Anti-Terror-Kampf mit seinen Mixturen aus Diplomatie, Krieg und Polizeiaktion wirkt wie der perfekte Ausdruck dieser neuartigen Bedrohungslage. (Zeit 45, 2002)

Rumsfeld betonte, dass die Militäraktionen nur ein Teil des internationalen Anti-Terror-Kampfes seien, das heiße, eine Ergänzung von wirtschaftlichen, diplomatischen und humanitären Maßnahmen. Mit den militärischen Schritten solle das Umfeld für eine lange dauernde Kampagne gegen den Terrorismus und Unterstützungsmaßnahmen für die Not leidende afghanische Bevölkerung geschaffen werden. (Welt 08.10.2001)

⁹ Im Cosmas-Korpus doppelt so oft wie *Anti-Terror-Krieg*, im Leipziger-Korpus 280 zu 162.

Im Unterschied zu *Anti-Terror-Krieg* wurde *Anti-Terror-Kampf* schon vor dem 11. September 2001 gebraucht, und zwar in Bezug auf kurdische PKK-Organisation, Basken in Spanien oder islamistische Extremisten in Algerien.

Noch häufiger werden die Wortgruppen *Kampf gegen den Terror* und *Kampf gegen den Terrorismus* verwendet¹⁰ und zwar ebenfalls zur Bezeichnung der Bekämpfung verschiedener terroristischer Organisationen mit unterschiedlichen Mitteln.

Auch die Wortgruppen *Krieg gegen den Terror* und *Krieg gegen den Terrorismus* waren schon vor dem 11. September 2001 im Gebrauch und bezogen sich auf verschiedene Konflikte: Algerien, Tschetschenien, Israel-Palästina-Konflikt usw.

Das Lexem *Feldzug* verfügt über eine sehr breite Semantik, vgl:

Feldzug: 1.,kriegerisches Unternehmen (zu Lande)'; 2.' Unternehmung (um etwas zu bekämpfen). (18, 376)

Feldzug: 1. (Milit.) ,Gesamtheit der Kampfhandlungen während eines bestimmten Zeitabschnitts gegen einen bestimmten Gegner'; 2. ,Kampagne'. (7, 530)

Aufgrund dieser zwei Lesarten wird das Lexem *Feldzug* im Diskurs über den 11. September sehr häufig gebraucht. Wird die erste Lesart aktualisiert, nämlich ,kriegerisches Unternehmen', so hat *Feldzug* eine ähnliche Bedeutung wie das Kompositum *Antiterrorkrieg* im engeren Sinne. Dabei wird *Feldzug* sowohl in Bezug auf den Afghanistankrieg als auch auf den Irakkrieg gebraucht.

Zuweilen treten auch Komposita mit *-Feldzug* auf, die explizit auf den Afghanistan- oder den Irakkrieg Bezug nehmen:

Zuvor hatten die USA auf Wunsch der Iraner ausdrücklich bekräftigt, dass sie bei ihrem Afghanistan-Feldzug die territoriale Integrität der "Islamischen Republik" nicht verletzen würden. (MM 18.10.2001)

Den Schlachtplan für den Irak-Feldzug, für den Rumsfeld noch vor zwei Wochen heftig kritisiert worden war, rückte der Verteidigungsminister als "superb" ins Licht des Sieges. (MM 11.04.2003)

Wird die zweite Lesart von *Feldzug* aktualisiert, nämlich ,Unternehmung um etwas zu bekämpfen; Kampagne', so erscheint es als Synonym zu *Antiterrorkrieg* im weiteren Sinne.

Insgesamt lässt sich feststellen, dass die Konstituente *Krieg* in das Schlagwort *Antiterrorkrieg* die Seme ,gewaltig', ,militärisch' einbringt, wobei der Austausch durch andere Konstituenten, z.B. *Antiterrorkampf* oder *Antiterrorfeldzug* neutraler, „friedlicher“ klingen und unter Umständen die Bekämpfung des Terrorismus ohne militärischen Einsatz bedeuten können.

6. ZUSAMMENFASSUNG

Das Lexem *Antiterrorkrieg* ist für die Vergeltungsschläge der USA gegen die Taliban und gegen die Al-Qaida in Afghanistan erst nach dem 11. September 2001 kreiert worden. Mit der Erweiterung des Krieges auf den Irak hat sich auch die Bedeutung des *Antiterrorkrieges* erweitert. Doch auch wenn das Objekt sich geändert bzw. neue Gegner dazukommen sind, ist das Subjekt – die USA und ihre Verbündeten – beständig geblieben. Im Unterschied zu *Kampf gegen den Terror(ismus)*, *Terror(ismus)bekämpfung*, *Krieg gegen den Terror(ismus)*, die alle auf verschiedene Konflikte referieren können, ist *Antiterrorkrieg* das Schlagwort, das (noch) auf die Aktionen der USA im Nahen Osten bzw. gegen die so genannte „Achse des Bösen“ beschränkt ist.

Das Lexem *Antiterrorkrieg* verfügt über eine Lesart im engeren Sinne: ,militärische Aktion gegen die Taliban und die Al-Qaida von Osama bin Laden' und über eine Lesart im weiteren Sinne: ,ein von diplomatischen, wirtschaftlichen, juristischen u. a. Maßnahmen begleiteter Kampf gegen den Terrorismus'.

¹⁰ Im Cosmas-Korpus tritt die Wortgruppe *Kampf gegen den Terror* 248-mal und *Kampf gegen den Terrorismus* 350-mal auf.

In der Presse ist die Bindestrichschreibung zum Zwecke der optischen Wirkung und der morphematischen Transparenz vorherrschend. Jedoch wird die Zusammenschreibung mit zunehmender Etablierung der Bildung immer häufiger.

Auch wenn das Schlagwort *Antiterrorkrieg* zahlreichen kritischen Auseinandersetzungen unterworfen war, die vor allem die Unangemessenheit der Konstituente *Krieg* in diesem Zusammenhang rügten, ist der Ausdruck erstaunlich schnell akzeptiert worden. Man kann sogar von einer Terminologisierung sprechen, denn *Antiterrorkrieg* wird als Bezeichnung einer neuer Art des Krieges gebraucht, ähnlich wie z.B. vorher der Ausdruck *der Kalte Krieg*.

Quellen

FAZ = Frankfurter Allgemeine Zeitung, Tageszeitung, Frankfurt

FR = Frankfurter Rundschau, Tageszeitung, Frankfurt

MM = Mannheimer Morgen, Tageszeitung, Mannheim

Presse = Die Presse, Tageszeitung, Wien

St.GT = Sankt Galler Tagblatt, Tageszeitung, St. Gallen

Welt = Die Welt, Tageszeitung, Hamburg

Zeit = Die Zeit, Wochenzeitung, Hamburg

ZT = Züricher Tagesanzeiger, Tageszeitung, Zürich

LITERATUR

1. BECK, Ulrich. Das Schweigen der Wörter und die politische Dynamik in der Weltrisikogesellschaft. Duma-Rede. 2001, Moskau. http://www.goethe.de/oe/mos/archiv/ub_duma.doc [25.11.2001]
2. BERTELSMANN, Lexikothek. Geschichte und Sozialgeschichte). Gütersloh/München: Wissen Media Verl, 2004.
3. Der Brockhaus in drei Bänden., völlig neu bearb. Aufl. Leipzig/Mannheim: F. A. Brockhaus. 3, 2004.
4. Der Brockhaus in einem Band neu bearb. Aufl. Leipzig/Mannheim: F. A. Brockhaus, 10, 2003
5. Duden Lexikon A-Z., neu bearb. Aufl. Mannheim/ Leipzig/ Wien/ Zürich: Dudenverlag. 8, 2002.
6. Duden, deutsches Universalwörterbuch, völlig neu bearb. u. stark erw. Aufl. – Mannheim/ Leipzig/ Wien/ Zürich: Dudenverl. 2, 1989.
7. Duden, deutsches Universalwörterbuch neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim/ Leipzig/ Wien/ Zürich: Dudenverl. 4, 2001.
8. Duden, deutsches Universalwörterbuch., überarb. Aufl. Mannheim/ Leipzig/ Wien/ Zürich: Dudenverl. 5, 2003.
9. KAEMPFERT, Manfred. Die Schlagwörter: noch einmal zur Wortgeschichte und zum lexikologischen Begriff. In: Muttersprache 100/1990. 1990, S. 192-203.
10. KLOCKOW, Reinhard. Linguistik der Gänsefüßchen: Untersuchungen zum Gebrauch der Anführungszeichen im gegenwärtigen Deutsch. Frankfurt/Main: Haag und Herchen, 1980.
11. Meyers großes Handlexikon A-Z 22., überarb. u. aktualisierte Aufl. Mannheim/ Leipzig/ Wien/ Zürich: Meyers Lexikonverlag, 2003.
12. PAUL, Hermann. Deutsches Wörterbuch: Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes. 10., überarb. u. erw. Aufl. von H.Henne, H.Kämper u. G.Objartel. Tübingen: Niemeyer, 2002.
13. SCHMIDT, M. G. Wörterbuch zur Politik. Stuttgart, 1995.
14. STARKE, Günter. Droht uns eine Bindestrich-Inflation? In: Muttersprache 103/1993. 1993, S. 50-60.
15. Wahrig deutsches Wörterbuch. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verl, 1997.
16. Wahrig digital, Deutsches Wörterbuch. Gütersloh: Wissen-Media-Verl, 2003.
17. Wahrig Fremdwörterlexikon. Hrsg., grundlegend überarbeitet u. erweitert von Renate Wahrig-Burfeind. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verl, 2001.
18. Wahrig, Universalwörterbuch Rechtschreibung. Hrsg. von Renate Wahrig-Burfeind, Peter Eisenberg. Gütersloh: Wissen-Media-Verl, 2003.
19. Wahrig deutsches Wörterbuch. Vollständig neu bearb. u. aktualisierte Aufl. Gütersloh/München: Wissen-Media-Verl. 7, 2002.

Danguolė Satkauskaitė

Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

ŽODIS-ŠŪKIS IR NEOLOGIZMAS ANTITERRORKRIEG. JO REIKŠMĖ, RAŠYBA IR VARTOSENĄ

Santrauka

Kaip rodo kiekybinė sudurtinių žodžių su komponentu ‚Antiterror-‘ analizė, žodis ‚Antiterrorkrieg‘ atsirado tik po 2001m. rugsėjo 11-osios teroro išpuolių Jungtinių Amerikos Valstijų ir jos sąjungininkų atsakomiesiems kariniams veiksams Afganistane pavadinti. Iki šiol ‚Antiterrorkrieg‘ traktuojamas kaip žodis-šūkis ir labiausiai kritikuojamas dėl komponento ‚Krieg‘ (karas). Semantiniu požiūriu ‚Antiterrorkrieg‘ turi dvi reikšmes: siaurą ir plačiąją prasmę. Ortografiniu požiūriu spaudoje vyrauja rašyba per brūkšnelį, nors visuose žodynuose šis sudurtinis žodis rašomas kartu. Tačiau jam vis labiau išitvirtinant vokiečių kalboje, jis ir spaudoje vis dažniau rašomas kartu. Sudurtinį žodį ‚Antiterrorkrieg‘ galima laikyti nauju terminu, pavadinančiu naują karo rūšį panašiai kaip ‚der Kalte Krieg‘ (šaltasis karas).

RAKTINIAI ŽODŽIAI: žodis-šūkis, neologizmas, semantika, ortografija, sinonimai, laikraštinė kalba.

Jūratė Svičiulienė

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

El. paštas: jurate.sviciulienė@vukhf.lt

FILOSOFINĖ ŽODŽIO PRASMĖ

Šiame straipsnyje aptariami ontologiniai bei poetiniai žodžio, kalbos aspektai filosofijos ir literatūros sąsajų lauke, siekiant atskleisti žmogaus, būties ir kalbos vientisumo filosofinį diskursą. Remiantis filosofijos tradicija, analizuojami kasdieninės kalbos ir filosofinės bei poetinės kalbos skirtumai, nubrėžiamos ribos tarp metafizinės ir struktūralistinės kalbos interpretacijų. Akcentuojant simbolinį žodžio matmenį, iš dalies paliesta kalbos ir religijos problema.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: *kalbos filosofija, literatūros filosofija, dialogas, egzistencializmas, simbolis, analitinė filosofija, struktūralizmas.*

Šiuolaikinėje humanistikoje plačiai taikomi tarpdalykiniai tyrimai, siejantys atskiras kultūros sritis. Nuo filosofijos, iš tradicijos kaip universalaus mokslo, atsiskyrusios savarankiškos disciplinos, - meno filosofija, kalbos filosofija, literatūros filosofija - praplėtė humanitarinio mąstymo galimybes. Jos skleidžiasi filosofinės refleksijos gelmėse, išsaugamos ontogenezės sąsajas bei ryšius. V. Daujotytė, rašo, kad „literatūros filosofija yra mąstymas iš literatūros, o ne apie literatūrą. Iš literatūros, vadinasi, ir iš jos kalbinės būties. Kalbos problematika literatūros filosofijoje yra būtina“ (1, 17). Tačiau, pasak V. Daujotytės, „literatūros filosofijos“ sąvoka nėra visuotinė, nes dažniau sutinkama jungtis – literatūra ir filosofija, kur „ir“ bendriausia prasme nurodo tai, kas jungia šias sritis arba tai, kas skiria (2, 23).

Šio straipsnio tikslas – aptarti ontologinius bei poetinius žodžio, kalbos aspektus filosofijos ir literatūros sąsajų lauke; remiantis, pasak H.-G. Gadamerio, „lingvistiškumu“, atskleisti žmogaus, būties ir kalbos vientisumo filosofinį diskursą.

Žodyje filosofija, „sofija“ (sophia), išmintis senovės graikų kultūroje reiškia ir „mąstymo, supratimo mokėjimą“, būdingą tik žmogui, kuris skiriasi nuo mokėjimo, pavyzdžiui, amatininkystėje. Tačiau aukščiausią išmintį graikai priskyrė tik dievams, todėl filosofija buvo suvokta kaip žmogaus – ribotos būtybės – siekimas išvysti pasaulį Dievų akimis, t.y. tokį, koks jis yra pats savaime. Nuo Aristotelio įvairiai traktuojama pamatinė tezė, kad žmogus yra mąstantis, o drauge ir kalbantis, kaip logos (žodis, kalba, mintis, sąvoka, protas), susietas su pasaulio prasme. Antra vertus, atsivėręs pasauliui, žmogus ieško jame tobulumo, tai, ką galima mylėti, t.y. „filijos“ (philia), todėl, graikų požiūriu, meilė išminčiai sutampa su meile pasauliui. V. V. Bibichinas rašo, kad filosofija, kalba ir žmogus sudaro vienovę, nes žodžiai žymi daiktus, o žodžių kategorijos ir struktūros (morfologija, sintaksė) – santykius pasaulio viduje; taigi kalba – viso pasaulio ženklas (3, 87). Jis pabrėžia abipusę žmogaus ir pasaulio priklausomybę: pasaulis, būdamas kalboje, reikalauja žmogaus, kad galėtų pasireikšti; žmogus pažįsta ir realizuoja savo esmę tik pasaulyje. Ši pasaulio, žmogaus ir kalbos lygybė nėra panaši į matematinę lygybę, nes nėra išsprendžiama, bet yra sprendžiančioji (4, 90).

Literatūra ir filosofija, prasideda iš žodžio, kalbos, egzistuoja kaip kalbinės būties forma. Kalba rašytojui yra medžiaga, kaip puodžiui molis arba skulptoriui marmuro luitas. „Žaisdamas“ žodžiu jis mėgina ją valdyti, „perdirbti“, kartais pasiklysdamas žodžių žaismėje. Poetas mato žodyje ne „ženklą“, o „simbolį“, reikšmingą ir savaiminiu, ir reprezentatyviu požiūriu. Žodis literatūroje, religijoje tampa „objektu“, „daiktu“, kuris alsuoja gyvybe, džiugina klausą ir įgyja vizualinę formą.

Pasak Th. W. Adorno, filosofijoje nėra visiško minties ir kalbos atitikimo; ji viršija savo objekto ribas, o žodis išreiškia daugiau, nei juo norima pasakyti. Skirtumas tarp filosofijos ir meno yra tame, kad mene tiesa įgyja išraišką, o filosofijoje išraiška tampa tiesa. Th. W. Adorno akcentuoja filosofijos prigimties prieštarumą; „tad filosofijos tikslas – sąvoka išreikšti tai, kas nėra sąvoka, o kalba pasakyti tai, ko negalima pasakyti“ (5, 16). Gal todėl skaitytojams

filosofinė kalba dažnai atrodo sunkiai suprantama, beprasmė, nutolusi nuo kasdienio kalbėjimo ir tikrovės. H.-G. Gadameris skiria kasdieninę kalbą (šnekėjimą) ir poezijos kalbą, kuri, atspindėdama būtį, yra „mažtomo ir poetiškai vaizduojamo tarpininkas“ Kasdieninė kalba taip pat gali sukelti ir vaizdą, ir mintį, bet jos prasmė priklauso nuo konkrečios situacijos ir adreso. Tačiau šiuo atveju ištartas žodis nėra jis pats, o „pereina“ į tai, kas pasakyta. Poetins ir filosofinis žodis pasisako, remdamiesi savo autoritetu, įstengia būti savimi ir atsietame tekste, kuriame jis artikuliuojamas (6, 147). Kasdieninėje kalboje vyrauja instrumentinė žodžio vartoseną, poezija ir filosofija, išsiveržusios iš pragmatinio tikrovės lauko, kalbos gelmėje atranda „užslėptas“ prasmes. Žmonių tarpusavio santykius, jų pobūdį bei kryptį išreiškia dialogas, kurį sudaro kalbėjimas ir tyła, praturtina judesiai, mimika, gestai.

Filosofinis dialogas priklauso monologinei minčiai, todėl Platono dialogus, kurie vykdavę miesto aikštėje ar gamtoje, reikia vertinti kaip filosofinius traktatus arba mokslinę prozą. Beje, tai patvirtina ir pats filosofas, teigdamas, kad poetas „iš prigimties neturi nieko bendra su protinguoju sielos pradū, nesiekia tiesos“. Kitą vertus, Platonas naudoja palyginimus, analogijas, metaforas ir mitinius įvaizdžius, jo kūryboje atsiskleidžia prigimtinis filosofijos ir literatūros ryšys. Literatūros filosofijai rūpi dialogo kaip kalbos formos santykiai su dialogiškumu, kuris M. Buberio filosofijoje suprantamas kaip pamatinis būties santykis, apmąstytas ontologiniu ir poetikos aspektu. Filosofas išskiria dvejopus pamatinius santykius: 1) Aš-Tu – dviejų subjektų abipusiškumo santykis; 2) Aš-Tai – santykis tarp subjekto ir pasyvaus objekto. Jie – tarpusavyje susiję, nes kiekvienas Tu neišvengiamai virsta Tai, o kiekvienas Tai turi galimybę virsti Tu; tai įvykis, kurį M. Buberis vadina susitikimu (7, 345). Susitikimo principą jis taiko meninei kūrybai, taip pat jis gali būti reikšmingas literatūrai bei literatūros filosofijai. M. Bachtinas dialoginius santykius priskiria ypatingam prasminių santykių tipui, kurių nariais gali būti tik savarankiški arba potencialiai savarankiški pasisakymai, kuriuos išreiškia kalbėjimo subjektai (8, 303). Dialoginiai santykiai, mokslininko požiūriu, nesutampa tik su dialogine kalba, pokalbiu, jie daug platesni ir daugialypiai. Tyrinėdamas F. Dostojevskio kūrybą, M. Bachtinas pabrėžia rašytojo kūrinių struktūros polifoniškumą, juose girdimas Kito balsas. Todėl romanas turi būti suprantamas ne tik lingvistiniu požiūriu, kaip komunikacija, bet ir kaip „dinamiška aplinka“, kurioje vyksta dialogas. Kalba vertės požiūriu, pasak M. Bachtino, visada indiferentiška, ji visada yra tarnaitė, bet ne tikslas, ji tarnauja pažinimui, menui, praktinei komunikacijai ir t.t. Autoriaus menininko sąmonė niekada nesutampa su kalbine sąmone, kuri – tik momentas, medžiaga, meniniam tikslui įgyvendinti (9, 243).

Filosofija kaip ir menas bei literatūra negali egzistuoti be autoriaus kūrėjo, tačiau filosofijoje autorius nėra savarankiškas, jis „konstruoja“ būtį, ištikimai sekdamas autoriteto mokytojo idėjomis. Žodis filosofijoje pažymėtas tradicijos, perduodamas, kartais artimas techninėms sąvokoms – substancija, monada, energija, entelechija ir kt. Net tuo atveju, kai filosofo dėmesys nukreiptas į paprasčiausią žodį, jis tampa išimastymo objektu, mintimi. Filosofas siekia sąvokų griežtumo kaip matematikoje ir reikalauja tikslios „savo“ žodžių interpretacijos; „ne geometras tegu neįeina niekas“ – toks buvo Platono akademijos reikalavimas. Filosofinis ir poetinis kalbėjimas, ironiškai pastebi H.-G. Gadameris, turi bendrą bruožą: jie negali būti „klaidingi“, nes anapus jų nėra jokio mato, kuriuo galima būtų juos pamatuoti (10, 152). Taigi, filosofinėje refleksijoje išryškėjo, kad kalba nėra tik komunikacijos priemonė arba vien institucinė ženklų sistema, skirta informacijos perdavimui tarp individų apie tikrovę. Tai yra tik vienas kalbos aspektų, nes kalba, išreiškia žmogaus ir būties vientisumą, pasak M. Heideggerio, įtraukia į save žmogaus egzistencijos problemą. Jis skiria kalbėjimą kaip egzistencinį ontologinį kalbos pagrindą, jam būdingas supratimas ir suprantamumas, kuris išplaukia iš egzistencinės kalbėjimo savybės – gebėjimo klausytis. Taip užsimezga ryšys tarp žmogaus ir būties, nes klausymasis konstatuoja „čia-būties atvirumą dėl savo giliai asmeninių plačių galimybių“, kaip „draugo balso klausymas“ (11, 26). M. Heideggerio požiūriu, „tik ten, kur duota egzistencinė kalbos ir klausymosi galimybė...“, „tik tas, kuris jau supranta, gali įsiklausyti“ (12, 27). Domėjimasis Holderlino, Sofoklio, Rilke's kūryba paskatino M. Heideggerį mąstyti apie autentiškos kalbos poetinę esmę. Paskendus instrumentinės funkcijos

plotmėje, kalba prarado įvardijimo ir sukaupimo dvasią, aiškia pirminėje logos reikšmėje. Pasak filosofo, logos pagrindinis kelias – „mąstyti poeziją“ ir „kurti poeziją“, nes „mąstytojas kalba būti“, o „poetas įvardija, kas šventa“, t.y. pašaukia iš paslėpties tai, kas dar gyva suterštoje žemėje. (13, 171). Kalba, ypač meno kalba, yra tas būtis prieglobstis, kuriame žmogus, praradęs autentiškos egzistencijos galimybę visuomenėje, pasijunta saugus ir ramus. Senovės graikų kultūroje logos reikšmė daugialypė: tai - pamatinis būties principas, visuotinė pasaulio tvarka, beasmenis Kosmoso protas. Antikos filosofai išstūmė Dievą iš kasdieninio žmogus pasaulio ir perkėlė į transcendentinį lygmenį, pasak Platono, į amžinų ir tobulų idėjų pasaulį. „Brachman“, pagrindinė indų filosofijos ir teologijos sąvoka, skiriasi nuo graikų logos. Iš pradžių ji reiškė maldą, šventą frazę, magišką žodį, vėliau tapo beasmeniu pirminiu būties principu, magiška formule, kurioje sukoncentruotas šventiko žinojimas ir sugebėjimai. Poetas artimas pranašui, tai - žmogus, kuris apvaldo žodžio galią, tačiau žodis, kurį jis ištaria, nėra jo kūrinys, jis naudojasi šventojo žodžio galia. Krikščioniškoje mitologijoje. personažai atgyja tikinčiojo sąmonėje natūraliu žmogišku pavidalu, o Kristaus kančia tampa ontologine jo sąmonės būseną. Todėl žodis čia įgauna ypatingą reikšmę; žodyje yra matoma ir nematoma pusė, jis gali įvardinti reiškinių, o gali tik nurodyti, charakterizuoti jo savybes. Religinė kalba savaime nesiskiria nuo kasdieninės, jos savitumą lemia tradicijos suformuotas religinis kontekstas. Be to, skirtingai nuo filosofijos, religinei kalbai būdingas simbolinis matmuo. Religijoje simbolis iškyla kaip dievo, Dievo Žodžio priimtųjų dalykas, o jo sklaida žmogaus gyvenime įgauna ne tik simbolinę, bet ir didaktinę prasmę.

E. Cassirerio filosofinėje antropologijoje akcentuojama specifinė žmogaus savybė – sugebėjimas kurti simbolius. Jis rašo, kad protas – labai neadekvatus terminas, siekiant apibūdinti žmogaus kultūrinio gyvenimo formų turtingumą bei įvairovę. „Bet visos šios formos esmė simbolių formų“ (14, 20). Pasak E. Cassirerio, „žmogus dabar gyvena ne tik fiziniame, bet ir simboliame universume. Kalba, mitas, menas, religija – šio universumo dalys, skirtingos gijos, iš kurių mezgamas simbolinis tinklas, sudėtingas žmogaus patirties audinys“ (15, 28). Lingvistinės formos, meniniai vaizdai, mitiniai simboliai arba religiniai ritualai tampa tarpininku tarp žmogaus ir fizinės tikrovės. E. Cassireris supranta simbolizavimą kaip sąmonės veiklos būdą, perteikiant objektyvias ir subjektyvias pasaulio savybes. Remdamasis I.Kanto apriorinės formos sąvoka ir proto idėja, jis teigia, kad dvasia tikrovėje yra turtingesnė nei teorinis pažinimas, todėl visos kultūros formos – savarankiškos bei lygiateisės. E. Cassireris pažymi, kad kiekvienai iš jų būdingas savitas metodas, kuriame ir kuriuo ji įtvirtina, pagrindžia savo realybės aspektą (16, 83). Kiekviena kultūros forma turi savo kuriamąjį principą kaip „sąvoka“ teoriniame pažinime, tam tikrą aprioriją, kurią E. Cassireris vadina „simboline funkcija“. Ji sujungia ir apriorinės formos, ir proto idėjos bruožus. Simbolinės funkcijos tampa konstitutyviniu principu, kuria pasaulį, darydamos jį savo išraiška, „kultūros pasauliu“. Taip, pasak E. Cassirerio, „išnyksta pirminio atskyrimo iliuzija tarp intelekto ir jutimiškumo, tarp „idėjos“ ir fenomeno“ (17, 110). Tokį fenomeną, „nuspalvintą tyru (tauriu, skaidriu, baltu) amžinybės spindėjimu“, jis vadina simboliu. E. Cassirerio požiūriu, simboliai kalba apie realybės tipą, kuriam jie priklauso. Tokių realybės tipų gali būti keletas – kalba, menas, mitas, religija, pažinimas – atitinkamai skirtingiems simbolių funkcijų tipams. Kadangi kiekviena simbolinė funkcija savo sferoje yra nekintanti bei tiesos kriterijus, tai kiekviena kultūros sritis turi savo imanentinę tiesą, tampa „vaizdu pasauliu“. Čia E. Cassireris artimas G. Hegeliui, nes ieško kultūros vientisumo pagrindo sąmonėje, „dvasioje“: tik G.Hegeliui tai – pažįstančioji dvasia, o E. Cassireriui – simbolizuojanti dvasia. Pastarasis pažymi, kad kiekviena autentiška žmogaus dvasios funkcija turi dominuojantį savitą bruožą, bendrą pažinimui: ji ne tik kopijuoja, bet įkūnija prigimtine kūrybinę galią... Kiekviena iš šių funkcijų kuria savo simbolines formas, kurios neprilygsta intelektualiesiems simboliams, bet yra vertingos kaip žmogaus dvasios kūriniai (18, 77-78). Taigi, pažįstančioji pasaulį žmogaus dvasia atspindi simboleje ne tik objektą, bet ir savąjį „Aš“ bei savo kūrybinį potencialą. Pasak E. Cassirerio, simbolis visuomet yra dvilypis dėl savo poliariškumo: simbolis – pasaulio pažinimo būdas, „nušviečiantis tikrovės matymą ir pavaizdavimą“; simbolis – pagrindinė priemonė, atskirianti žmogų nuo tikrovės ir įtvirtinanti

tarpinių formų bei kategorijų pasaulyje. E. Cassireris pažymi, kad menas – aukščiausia simbolizavimo pakopa, o geriausias simbolizavimo pavyzdys – J. W. Gothe's poezija, ypač "Pandora".

Analitinė filosofija, struktūralizmas bei jo atmainos, postmodernizmas grąžino žodį iš metafizinės vartosenos į kasdieninę, atsiribojo nuo simbolių kalbos formų. Jeigu M. Heideggeriui kalba - „būties namai“, tai L. Wittgensteinui kalba – „būties veidrodis“, kuriame atsispindi pasaulį sudarančių faktų santykiai. Jo požiūriu, mes pažįstame pasaulį tik todėl, kad kalba savo esminiais bruožais, logine struktūra atvaizduoja pasaulio struktūrą, „sakinys yra tikrovės vaizdas“ (19, 60). Sakinio elementai – vardai – žymi pasaulio elementus – objektus, kurie apibrėžiami kaip tam tikrų pasaulio būvių galimybės. Be to, kalbos ribos yra „mano pasaulio ribos“ (20, 95), „Aš esu mano pasaulis“ (21, 96). L. Wittgensteinui filosofinis „Aš“ – tai ne realus žmogus, o „metafizinis subjektas, pasaulio riba, o ne jo dalis“ (21, 97). Jis kalba apie pasaulį sudarytą iš mano patiriamų objektų, kurie įvardijami mano kalboje.

Struktūralizmas atmetė požiūrį, kad tarp žodžio ir daikto yra natūralus ryšys, o kalba atskleidžia mums pasaulį tokį, koks jis yra. Jie kritiškai vertino tradicinę Vakarų filosofijos nuostatą, kad visų reikšmių pagrindas ir šaltinis – atskiras subjektas: kalba nėra sukurta individo, bet pati jį sukuria. Kalba, anot struktūralistų, dėl savo socialinės prigimties yra „objektyvesnė“ už sąmonę, todėl gali patikimiau pagrįsti perėjimą nuo Aš prie Kito, nuo vienos kultūros prie kitos. F. de Saussure'o požiūriu, kalba yra savo pačios vidaus tvarkai paklūstanti ženklinė sistema, „kalba yra forma, o ne substancija“. Lingvistika tiria žinių kalbinės išraiškos būdus, atsiribodama nuo pačių žinių ir nuo garsinės ar „grafinės“ medžiagos kaip nuo „substancijos“. Kalba ne atspindi, o sukuria tikrovę: tai būdas suskaidyti į dalis pasaulį, kuris priklauso nuo mūsų valioje esančių ženklų sistemų. Pačioje kalboje F. de Saussure'as išskyrė du lygius: visuotiną, būtiną kalbą (langue) kaip objektyvų socialinį faktą ir individualų kalbėjimą ir šneką (parole), kuri yra subjekto valios ir supratimo aktas. Struktūralizmas piktino literatūros tyrinėtojus tuo, kad nusigrėžė nuo individo ir pavertė jį beasmenės struktūros funkcija, t.y. „naujuoju subjektu iš tiesų tampa pati sistema, pasirodanti su visais tradiciniais individo požymiais (nepriklausomybė, savikorekcija, vientisumas ir pan.)“ (22, 121). J. Derrida prieštaravo F. de Saussure'o kalbos teorijai, kurioje rašymas yra laikomas grynąja „grafika“, atminties pagalbiniu, antraeilium kalbėjimo atžvilgiu. Pasak F. de Saussure'o, kalbėjimas artimesnis mąstymui, todėl pirminis ir autentiškesnis, priešingybė antrini, atstovaujantį statusą turinčiam rašymui. J. Derrida kaip gramatologas (rašymo teoretikas) siekė išryškinti tokio atskyrimo nepagrįstumą, demonstruodamas nykstančias mokslų (filosofijos ir literatūros) ir dalykines (rašymo \ filosofijos bei autobiografijos ribas). J. Derrida filosofijoje viena pagrindinių sąvokų – buvimas (presence), kuri artima M. Heideggerio būties sampratai, turinio apimtimi pranokstanti tradicinę filosofiją, talpinanti visa, kas yra „čia ir dabar“ (amžinas esamybės buvimas), duotybė sąmonei; kalba - pagrindas, nuo kurio driekiasi kelias į visas kitas sritis. Kalbos ir literatūros tyrinėtoja J. Kristeva „semanalizės“ dėmesio centru paskelbė kalbos materialumą (jos garsai, ritmai ir grafinis vaizdas), o ne jos komunikacinę funkciją. Kadangi kalbos materialumo negalima paaiškinti mokslo logika, tai negalima formalizuoti ir jį įkūnijančios poetinės kalbos. Pasak J. Kristevos, iš prigimties visiškai heterogeniška poetinė kalba (kaip Joyce'o ir Mallarme kūrinuose) prieštarauja visuotinei homogeniškai kalbos formai, kaip vienintelei reikšmių ir komunikacijos priemonei (23, 167). Ji mėgino analizuoti neišreiškiamą, heterogenišką individo ir kultūros reiškinių kitoniškumą, tai, kas neanalizuojama.

R. Barthe'as literatūrą tapatina su ypatinga, ne kasdienine kalba, todėl rašytojo misija tampa naujos kalbos kūrimas, kurioje tarytum „ištrinamos“ „natūralios“ (žodyno) žodžių reikšmės. Jo tikslas – sukurti tokius tekstus, kur pagrindinės reikšmės atsiranda lyg tarp žodžių, pačioje jų sintaksinių ryšių struktūroje. Taigi, rašytojas sukuria konotatyvinį rašymą struktūrą, kuriame signifikatas iškyla kaip daugybės autonominių reikšmių nešėjas, nesusijusių su aprašomu objektu. Tokio rašymo pavyzdžiu, R.Barthes'o požiūriu, gali būti prancūzų rašytojų „naujojo romano“ kūriniai, o taip pat „sąmonės srauto“ atstovai literatūroje. Dauguma struktūralistų, analizuodami literatūros kūrinį, mato tik teksto struktūrą, paklūstančią

universaliems lingvistiniams teksto organizacijos principams. Iš savo mokslinių interesų lauko jie eliminavo literatūrinio teksto estetinę meninę specifiką, nes, pasak J. Kristevos, „semiologijai literatūra neegzistuoja“. Šiame straipsnyje, remiantis skirtingais metodologinėmis teorinėmis pozicijomis, buvo siekiama išanalizuoti kai kuriuos žodžio ontologinius aspektus, nužymėti pagrindines sąsajas bei skirtumus tarp filosofinės kalbos ir literatūrinio teksto

LITERATŪRA

1. DAUJOTYTĖ, V. Literatūros filosofija. Vilnius, 2001.
2. ten pat.
3. БИБИХИН, В.В. Язык философии. Москва, 1993.
4. ten pat.
5. GADAMER, H.-G. Istorija. Menas. Kalba. Vilnius, 1999.
6. Žr.: BARANOVA, J. Etika: filosofija kaip praktika. Vilnius, 2002.
7. БАХТИН, М.М. Эстетика словесного творчества. Москва, 1979.
8. БАХТИН, М.М.. Работы 1920-х годов В *Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве*. Киев, 1994.
9. GADAMER, H.-G. Istorija. Menas. Kalba. Vilnius, 1999.
10. ХАЙДЕГГЕР, М. Бытие и время. *Работы и размышления разных лет*. Москва, 1993.
11. ten pat.
12. Žr.: STEINER, G. Heideggeris. Vilnius, 1995.
13. Žr.: FURST, M.; TRINKSAS, J. Filosofija. Vilnius, 1995.
14. КАССИРЕР, Э. Философия символических форм. В *Проблема человека в современной западной философии*. Москва, 1990.
15. ten pat.
16. ten pat.
17. ten pat.
18. ГИЛЬБЕРТ, К.; КУН, Г. История эстетики. Москва, 1960.
19. VITGENŠTEINAS, L.. Loginis filosofinis traktatas. *Rinktiniai rašai*. Vilnius, 1995.
20. ten pat.
21. ten pat.
22. EAGLETON, T. Įvadas į literatūros teoriją. Vilnius, 2000.
23. LECHTE, J. Penkiasdešimt pagrindinių šiuolaikinių mąstytojų. Nuo struktūralizmo iki postmodernizmo. Vilnius, 2001.

Jūrate Svichiuliene

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

PHILOSOPHICAL MEANING OF WORD

Summary

This article discusses ontological and poetical aspects of words, language in the field of philosophical and literary coherence, on purpose to reveal the philosophical discourse of human, subsistence and language solidity. The differences between daily and philosophical, poetical language are analyzed according to philosophical tradition, the margins between metaphysical and structural language interpretations are drawn. The problem between language and religion is partially touched by emphasizing symbolical dimension of word.

KEY WORDS: philosophy of language, literary philosophy, dialogue, existentialism, symbol, analytical philosophy, structuralism.

Альбина Шабалина

Беловский институт Кемеровского государственного университета, Россия

Эл. почта: saan@belovo.kemsu.ru

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУИРОВАНИЯ ГНЕЗД ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ, СОДЕРЖАЩИХ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОМОНИМЫ

Составление Англо-русского толково-словообразовательного словаря гнездового типа является насущной задачей современной лингвистики. Начиная с 70-х годов тема гнездования семей однокоренных слов английского языка находилась в центре изучения многих словообразователей. На данном этапе представляется возможным обобщить многочисленные фундаментальные исследования отечественных и зарубежных ученых для создания словаря удобной и практичной организации. Данная статья представляет результат более глубокой и всеобъемлющей разработки критериев разграничения пар грамматических омонимов существительное – глагол при структурировании гнезд однокоренных слов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гнездо однокоренных слов, грамматические омонимы, конверсивы, семантический критерий направления производности, исторические омонимы, словопорождающая сила, суффиксальные модели.

Практика составления словообразовательных гнезд однокоренных слов английского языка показала сложность определения направления словообразовательной производности при исследовании отношений внутри гнезд, содержащих грамматические омонимы. Поэтому мы считаем необходимым обратиться к более подробному исследованию подобных случаев. Грамматические омонимы могут быть результатом различных словообразовательных процессов: адъективации, субстантивации, конверсии, а также результатом исторического развития ранее не совпадавших по своему морфемному оформлению слов.

Конверсия – это один из наиболее продуктивных способов словообразования английского языка, наряду с суффиксацией и словосложением. По конверсии образуются существительные от глаголов и глаголы от любой части речи (2, 18). Например: *gaff* (багор) – *to gaff* (багрить рыбу), *gag* (затычка, кляп) – *to gag* (вставлять кляп, затыкать рот), *to gap* (проделать брешь) – *a gap* (брешь; пролом; щель), *to acclaim* (шумно, бурно аплодировать; приветствовать) – *an acclaim* (шумное, радостное приветствие), *absent* (отсутствующий) – *to absent* (отсутствовать).

При конверсии новое слово создается из уже существующего посредством изменения его частеречной принадлежности без изменения морфемного оформления исходного слова (1, 87). Новое слово имеет значение, которое отличается от значения производящего, но может в большей или меньшей степени ассоциироваться с ним. Так, Г. Б. Антрушина приводит пример, иллюстрируя вышеприведенное утверждение: в предложении *The leaves yellowed* конвертированный глагол обозначает не цвет, в отличие от прилагательного *yellow*, от которого оно было образовано, а процесс изменения цвета. Производное слово также обладает новой грамматической парадигмой, свойственной новой части речи. Так, глагол, образованный по конверсии от существительного или прилагательного, употребляется во всех видовременных формах и образует формы причастия и герундия (1, 89).

Высокая продуктивность конверсионного способа словообразования определяется рядом характеристик английского языка на современном этапе его развития: 1) аналитической структурой языка; 2) простотой грамматических парадигм всех частей речи и 3) большим количеством односложных слов (1, 89).

Исследователи английской словообразовательной системы предлагают семантический критерий определения направления производности при рассмотрении случаев конверсионного словообразования, так как подобный способ характеризуется формально невыраженной производностью, и со словообразовательной точки зрения подобные производные нечленимы, они транспонируются из одной части речи в другую:

average – *a* **1.** средний **2.** обычный, нормальный, средний

average – *v* **1.** составлять, достигать, равняться в среднем **2.** *mat.* выводить среднее значение, усреднять

cock – *n* **1.** петух **2.** самец (*преим. птицы*) **3.** петушиный крик **4.** флюгер **5.** *разг.* драчун, забияка; заводила; вожак (*тж. fighting ~*) **6.** курок **7.** выразительный жест, движение (*вверх*)

cock – *v* **1.** поднимать **2.** взводить (*курок*) **3.** похваляться, важничать **4.** дрессировать петухов

Например, в группе глаголов, образованных от существительных, прослеживаются следующие семантические связи:

1) существительное называет инструмент или орудие, глагол обозначает действие, выполняемое этим инструментом: *to hammer, to nail, to pin, to brush, to comb, to pencil*;

2) существительное называет животное, глагол обозначает действие или аспект поведения, который рассматривается как типичный для данного животного: *to dog, to wolf, to monkey, to ape, to fox, to rat*;

3) существительное называет части человеческого тела, глагол обозначает выполняемое ею действие: *to hand, to leg (sl.), to eye, to elbow, to shoulder, to nose, to mouth*; хотя *to face* не подразумевает просто выполнение чего-то при помощи лица, а поворот в определенном направлении; *to back* означает либо «двигаться назад» либо в переносном смысле «поддерживать кого-либо или что-либо»;

4) существительное содержит наименование профессии или рода занятий – глагол обозначает типичную для этого занятия деятельность: *to nurse, to cook, to maid, to groom*;

5) существительное обозначает наименование места – глагол обозначает процесс занимания этого места или помещения чего-либо или кого-либо в это место: *to room, to house, to place, to table, to cage*;

6) существительное содержит наименование емкости, сосуда, контейнера – глагол обозначает действие помещения чего-либо внутрь контейнера: *to can, to bottle, to pocket*;

7) существительное обозначает название приема пищи – глагол обозначает процесс принятия пищи: *to lunch, to supper* (1, 92) рамки второго семантического класса, определяя его как одушевленные предметы, и снабжая таким примером как *mother – to mother* (2, 29), одновременно вычленив группу существительных, которые называют конкретный предмет, где конверсионный глагол обозначает действие, которому подвергается предмет: *trout – to trout (ловить форель)* (2, 19). Он также выделяет еще один семантический класс, который способен подвергаться конверсии – существительные со значением времени: *winter – to winter, week-end – to week-end*.

Глаголы, от которых с помощью конверсии производятся существительные, объединяются в следующие семантические классы (2, 29):

1) глаголы движения: *to jump – a jump, to step – a step*;

2) глаголы коммуникации: *to chat – a chat, to talk – a talk*;

3) глаголы действия: *to make – a make, to cut – a cut, to break – a break*.

Однако не все случаи совпадения морфемного оформления глаголов и существительных являются результатом конверсии (1, 90). Существуют многочисленные пары слов, такие как *love – to love, work – to work, drink – to drink*, которые возникли в результате определенных исторических процессов (опущение окончания, упрощение

корня) и послужили основой для формирования конверсионных форм по правилу аналогии. Каким же образом нам поступить при структурном оформлении гнезд подобных однокоренных слов? Будут ли существительное и глагол членами одного гнезда или они образуют самостоятельные гнезда?

Анализ производных глагола *to drink* и существительного *drink* показал, что производящее *to drink* имеет более развитую систему производных: десять производных на первом уровне словообразования, из которых три, в свою очередь, образованы суффиксальным способом (*drinking, drinker, drinkable*), шесть – фразовые глаголы (*drink away, drink down, drink in, drink off, drink out, drink up*) и одно производное – результат адъективации причастия (*drunk*); двенадцать производных на втором уровне словообразования, одно из которых образовано суффиксальным способом (*drunkard*), два – представляют субъективацию прилагательных (*drinkable, drunk*) и девять словоформ являются результатом сложения по формуле $[N_1 + N_0] \rightarrow N_2$ (*drinking-booth, drinking-bout, drinking-bowl, drinking-cup, drinking-fountain, drinking-horn, drinking-house, drinking-song, drinking-water*). Производящее же *drink* ведет себя менее активно и представляет совокупность из трех производных, образованных сложением основ производящего и другого существительного (*drink-money, drink-offering, drink-penny*). Таким образом, мы видим, что глагол *to drink* играет более значительную роль в словопорождающем механизме языка по сравнению с существительным *drink*.

Анализ исторических омонимов *love – to love* дал совершенно другие результаты. Существительное *love* на первой ступени словообразования представляет совокупность четырех суффиксальных (*lovey, loveful, lovely, lovesome*), одного префиксального (*self-love*) и двадцати двух сложносоставных производных (*love affair, love apple, love-begotten, love child, love chest, love-crossed, love feast, love-favour, love-hate, love knot, lovelock, lovelorn, love-making, love-match, love-mate, love potion, love seat, lovesick, love story, lovelworthy, lovestruck, love-token*); в то время как производные глагола *to love* представлены четырьмя суффиксальными (*lover, lovable, loveless, loving*), одной префиксально-суффиксальной (*unloved*) и двумя сложносоставными формами (*lovebirds, love-in*). Вторая ступень словообразования существительного *love* содержит четыре производные (*lovey-dovey, lovely, loveliness, unlovely*), и глагола *to love* – восемь производных (*lovely, lover-boy, lovers' lane, unlovable, lovingly, unloving, loving-cup, loving-kindness*).

Грамматические омонимы *work – to work* породили большое количество производных. Структура словообразовательного гнезда с глаголом *to work* представлена на первой ступени шестью суффиксальными формами (*working, works, worker, workable, worked, working*), десятью фразовыми глаголами (*work around, work away, work down, work in, work off, work on, work out, work over, work round, work up*) и двадцать одной формой сложносоставных существительных и прилагательных, на второй ступени – четырьмя суффиксальными формами (*workability, workmanly, workmanlike, workmanship*) и двенадцатью сложносоставными. Словообразовательное гнездо мотивирующего *work* менее объемно, но также характеризуется значительной наполненностью: три суффиксальных (*works, workful, workless*) и двенадцать сложносоставных форм – на первой ступени, одно суффиксальное производное (*workaholism*) – на второй ступени словообразования. Таким образом, мы видим, что и глаголы, и существительные послужили основой для создания многих производных и развили крупные самостоятельные словообразовательные структуры, которые, тем не менее, связаны исторически, и до сих пор сохраняют живые семантические связи. Данные процессы уподобления ранее различных форм приводят нас к очень интересному выводу о стремлении народа в своей ментальной деятельности к сведению воедино родственных понятий, что и нашло выражение в таком историческом процессе как совпадение морфемного оформления глагола и существительного. Поэтому мы считаем совершенно необоснованным разрывать и разводить по разным гнездам то, что было сведено воедино

самой историей осмысления различных грамматических форм, и разделять семью родственных слов на два гнезда: одно – с глагольной вершиной, другое – с именной. Каждый подобный случай гнездования следует рассматривать индивидуально. Так, мы считаем вполне обоснованным в случае *drink – to drink* и *work – to work* считать вершиной гнезда глагол, а существительное с его производными включать как часть гнезда. Приведем пример одного гнезда:

drink – v **1.** пить **2.** 1) выпивать; пить, пьянствовать 2) напаять, подпаять **3.** (*тж.* to) пить (*за кого-л., за что-л.*); провозглашать тост **4.** испить; отведать, хлебнуть, испытать **5.** всасывать, впитывать (*часто ~ up, ~ in*) **6.** пропить (*тж. ~ away*); to ~ (*away*) one`s earnings пропить всё, что заработал **7.1)** иметь вкус, букет 2) «идти» (*о спиртном*)

drink – n **1.** питьё **2.** 1) напиток 2) спиртной напиток 3) состояние опьянения 4) запой; пьянство, алкоголизм **3.** глоток **4.** *сл.* водный простор; океан, «лужа»

drink-money – n деньги на выпивку

drink-offering – n возлияние (*жертвоприношение*)

drink-penny = drink-money

drink away – phr v **1.** пропить (*что-л.*) **2.** пить стакан за стаканом

drink down – phr v **1.** выпить до дна **2.** перепить кого-л.

drink in – phr v впитывать (*знания и т.п.*); внимать, жадно слушать

drink off – phr v **1.** выпить до дна **2.** осушить залпом

drink out – phr v **1.** выпить до дна

drink up – phr v **1.** выпить до дна

drinking – n **1.** питьё, выпивание **2.** пьянство, алкоголизм

drinking-booth – n (*буфетная*) стойка

drinking-bout – n запой

drinking-bowl – n поилка (*для скота*)

drinking-cup – n чаша, кубок

drinking-fountain – n питьевой фонтанчик

drinking-horn – n рог (*для вина*)

drinking-house – n бар, пивная

drinking-song – n застольная песня

drinking-water – n питьевая вода

drinker – n **1.** *см.* drink v + -er **2.** пьяница **3.** = drinker-moth

drinkable – a годный для питья; питьевой

drinkable – n *обыкн. pl* напитки

drunk – a 1) пьяный 2) опьяненный (*успехом и т.п.*)

drunk – n *разг.* 1) пьяный 2) попойка 3) разбор дела о дебоширстве в полицейском суде

drunken – a пьяный

drunkard – n пьяница, алкоголик

Таким образом, мы видим, что главная проблема возникает при рассмотрении семантических связей и структурировании пар: существительное – глагол. В одних случаях нам помогает семантический критерий определения направления производности при рассмотрении конверсионных пар, в других случаях мы опираемся на словообразовательный критерий словопорождающей силы грамматических омонимов. Необходимо обратить внимание, что анализ однокоренных слов проводится в синхронном плане без учета этимологических данных. Так как мы ставим своей целью наиболее рациональное размещение грамматических омонимов в гнезде вне зависимости от их исторического происхождения, то нам необходимо выработать такой критерий, который позволял бы нам ясно и недвусмысленно структурировать варианты типа *love – to love*, которые невозможно классифицировать на основе семантического критерия, предложенного Г. Б. Антрушиной и П. М. Каращук, так как они не входят в описание ни

одного семантического класса, и которые характеризуются одинаковой степенью словопорождающей силы.

В подобных случаях мы обращаемся к критерию аналогии с суффиксальными моделями. Еще П. М. Карашук заметил, что семантические отношения и словообразовательные значения суффиксальных и конверсионных производных совпадают (2, 29). М. Э. Рящина также подчеркивает, что «следует рассматривать как конверсивы глаголы, восходящие к древнеанглийским суффиксальным дериватам, типа *to love*, т.к. их существование и функционирование в современном английском языке регулируется теми же закономерностями, которые действуют для конверсивов» (3, 2). Проанализировав группу следующих суффиксальных моделей:

- (1) **adjourn** – 1. откладывать, отсрочивать (*заседание и т.п.*) 2. объявлять перерыв
adjournment – *n* 1) отсрочка (*заседания и т.п.*) 2) перерыв (*в заседании и т.п.*)
  - (2) **adjure** – *v* 1. молить, заклинать 2. *юр.* 1) приводить к присяге 2) приносить присягу 3) предупреждать о необходимости соблюдения присяги
adjuration – *n* 1. мольба, заклинание 2. клятва 3. *юр.* 1) принесение присяги 2) приведение к присяге 3) предупреждение о последствиях лжесвидетельства
  - (3) **adjust** – *v* 1. приводить в порядок; улаживать; разрешать (*споры и т.п.*) 2. 1) приспособлять; пригонять, улаживать 2) согласовывать, подгонять (*данные и т.п.*) 3) *тж. refl* (to) приспособляться, адаптироваться, привыкать 3. 1) регулировать, настраивать; устанавливать; *тех. тж.* юстировать 2) *воен.* корректировать
adjustment – *n* 1. регулирование; согласование 2. 1) улаживание, урегулирование 2) разрешение спора; мировое соглашение 3. 1) установка; сборка 2) регулировка, пригонка, настройка; выверка, юстировка (*прибора*) 3) *воен.* корректирование
- мы пришли к выводу, что существительные, образованные суффиксальным способом, обозначают процесс протекания или результат действия, выраженного глаголом. При соотнесении со следующей группой пар *существительное – глагол*:
- (4) **ache** – *n* боль (*особ.* продолжительная, тупая)
ache – *v* 1. болеть, испытывать боль 2. болеть; сострадать; переживать (*о чем-л.*) 3. *разг.* жаждать, изо всех сил стремиться
  - (5) **gab** – *n разг.* 1. 1) болтливость, разговорчивость 2) болтовня 2. хвастовство, хвастливая болтовня
gab – *v разг.* 1. много говорить, болтать 2. хвастать
  - (6) **gad** – *n* неприкаянность
gad – *v разг.* слоняться, бродить без дела, шататься
  - (7) **gasp** – *n* затрудненное дыхание; удушье
gasp – *v* 1. дышать с трудом, задыхаться; ловить воздух (*тж. ~ for breath или air*) 2. (*for, after*) 1) стремиться (*к чему-л.*); страстно желать (*чего-л.*) 3. открывать рот (*от изумления*)
  - (8) **abuse** – *n* 1. брань, ругательства; оскорбление 2. плохое или жестокое обращение 3. неправильное употребление или (ис)пользование 4. злоупотребление 5. 1) нападение, избиение 2) изнасилование, *особ.* совращение малолетних 6. *тех.* эксплуатация с нарушением правил или норм
abuse – *v* 1. оскорблять, ругать; поносить 2. 1) мучить; жестоко обращаться 2) портить; неосторожно пользоваться (*чем-л.*) 3. злоупотреблять 4. неправильно или непривычно употреблять (*слово, термин*) 5. 1) нападать, избивать 2) совращать (*малолетних*); насиловать 6. *pass уст.* быть введенным в заблуждение, быть обманутым 7. *тех.* эксплуатировать с нарушением правил или норм
  - (9) **cock** – *n* стог
cock – *v* складывать сено в стога, стоговать
  - (10) **curse** – *n* 1. 1) проклятие 2) отлучение от церкви; предание анафеме 2. ругательство 3. бич, бедствие 4. *эф.* (the ~) менструация

curse – *v* **1.** 1) проклинать 2) отлучать от церкви **2.** ругаться **3.** кощунствовать, богохульствовать **4.** (with) *обыкн. pass* обречать на страдания, причинять зло мы увидели, что существительные, входящие в данные пары, обозначают процесс протекания или результат действия, выраженного глаголом. Таким образом, предложенные модели (4) – (10), будут структурированы следующим образом: глагол будет расположен в качестве вершины гнезда, а существительное войдет в отглагольное гнездо как производное на основе аналогии с подобными суффиксальными моделями.

Анализ следующей группы суффиксальных моделей:

(11) **custom** – *n* **1.** обычай; обыкновение, привычка **2.** *собир.* 1) клиентура, покупатели 2) заказы, закупки в одном магазине *и т.п.* **3.** *юр.* обычное право; обычай

customize – *v* 1) выполнять по индивидуальному заказу 2) подгонять, оборудовать, оформлять в соответствии с требованиями заказчика

(12) **gas** – *n* **1.** 1) газ 2) (the ~) газ (бытовой) 3) *физ.* газ, газообразное вещество 4) светильный газ 5) *горн.* метан, рудничный газ 6) *воен.* газ, отравляющее вещество 7) веселящий газ; закись азота; эфир 8) *уст.* газовое освещение **2.** *амер. сл.* бензин; газолин; топливо **3.** *разг.* болтовня, бахвальство, треп

gasify – *v* 1) газифицировать, превращать в газ 2) превращаться в газ, переходить в газообразное состояние

(13) **germ** – *n* **1.** микроб; бактерия **2.** 1) зародыш, эмбрион 2) *бот.* плодовая почка 3) зачаток; зарождение; происхождение

germinate – *v* **1.** прорасти, давать почки *или* ростки **2.** вызывать к жизни, породить **3.** *уст.* выкристаллизовываться (*о соли и т.п.*)

показал, что глаголы, образованные суффиксальным способом от существительных, обозначают действие по функционально-значимому предмету или действие по функционально-значимому признаку. Подобные значения мы находим у следующей группы пар *существительное – глагол*:

(14) **cup** – *n* **1.** 1) чашка 2) чашка (*мера вместимости*) 3) чаша, кубок; чарка 4) (С.) *астр.* Чаша (*созвездие*) 5) *спорт.* кубок **2.** 1) вино; выпивка 2) крюшон **3.** *амер.* полпинты **4.** доля, судьба; чаша жизни **5.** чашка, чашечка бюстгальтера **6.** *бот.* чашечка (*цветка*)

cup – *v* **1.** 1) придавать форму чашки *или* чаши 2) складывать пригоршней *или* в виде чашечки 3) *бот.* принимать чашевидную форму **2.** *мед.* ставить банки

(15) **bed** – *n* **1.** 1) кровать, постель; ложе 2) матрац, тюфяк; подстилка 3) брачное ложе, брак 4) *поэт.* смертное ложе, могила **2.** ночлег **3.** 1) клумба; гряда, грядка 2) *с.-х.* почва, подготовленная под посев 3) *бот.* место семян (*в стручке*) **4.** заросль **5.** русло (*реки*); дно (*моря*); ложе (*океана*) **6.** *дор.* полотно дороги **7.** *стр.* 1) основание (*для фундамента*) 2) ряд кирпичей каменной кладки 3) верхняя *или* нижняя грань кирпича **8.** *геол.* 1) горизонт; залегание, пласт 2) подстилающий слой **9.** 1) *тех.* станина, рама 2) *тех.* шабот (*молота*) 3) *полигр.* талер; опорная плита 4) *метал.* лещадь 5) *тех.* слой, насыпка 6) стенд, установка

bed – *v* **1.** 1) класть в постель; укладывать спать 2) ложиться в постель **2.** сажать, высаживать (*растения*) **3.** стлать подстилку (*для животных*) **4.** *спец.* ставить на основание *или* на фундамент **5.** *геол.* напластовываться **6.** *уст.* брать жену на брачное ложе

(16) **cock** – *n* **1.** петух **2.** самец (*преим. птицы*) **3.** петушиный крик **4.** флюгер **5.** *разг.* драчун, забияка; заводила; вожак **6.** курок **7.** выразительный жест, движение (*вверх*)

cock – *v* **1.** поднимать **2.** взводить (*курок*) **3.** похвалиться, важничать **4.** дрессировать петухов **5.** стрелять по вальдшнепам **6.** замахиваться для удара *или* броска.

Так, глагол *to bed* (класть в постель; укладывать спать) обозначает действие по функционально-значимому предмету *bed* (кровать, постель), глаголы *to cup* (придавать форму чашки) и *to cock* (поднимать, взводить (*курок*), похвалиться, важничать) обозначают действия по функционально-значимому признаку: «определенная форма чашки» и «определенное поведение петуха». Таким образом, пары (14) – (16) мы будем структурировать следующим образом: существительное будет расположено в качестве

вершины гнезда, а глагол войдет в отсубстантивное гнездо как производное на основе аналогии с подобными суффиксальными моделями.

В связи с последним критерием интересно привести следующее высказывание П. М. Карашук: «Отличительной особенностью производных слов как единиц словообразования является, прежде всего, их ярко выраженный вторичный характер – они воспринимаются носителями языка как единицы зависимые, семантически связанные с исходными словами» (2, 13). Другими словами, люди, говорящие на английском языке, сами знают, что является первичным в парах *существительное – глагол*, а что вторичным. Данное знание основывается на принципе аналогии и представляет реальное, фактическое, живое функционирование языка. Точно также как *movement* (движение) воспринимается носителями языка как производное от *move* (двигаться), так и *drink* (питье, выпивка) воспринимается ими как производное от *drink* (пить). Носители языка не знакомы с этимологией – историей происхождения слова, но законы языка, которые они усвоили в процессе своей социализации, впитывая культуру своего общества, и которые продолжают действовать и оказывать влияние на их способ мышления и восприятия мира, позволяют им классифицировать слова именно таким образом, как того требуют внутренние законы языка, определяющие его развитие и функционирование. Невозможно провести опрос по поводу всех существующих в языке грамматических омонимов и определить на экспериментальной основе, какие слова носители языка воспринимают как вторичные, производные, а какие как первичные, мотивирующие. Но возможно использовать законы языковой аналогии для выявления интересующего нас факта. Задача лингвиста в данном случае состоит в том, чтобы по языковой реализации восстановить лежащие в его основе законы языка, естественным образом связанные с законами мышления, и представить истинное, а не вымышленное положение дел.

Исходя из всего вышесказанного мы хотели бы подчеркнуть, что при структурном оформлении гнезд, содержащих грамматические омонимы, вне зависимости от того образованы они по конверсии или в результате исторического совпадения морфемного оформления, необходимо, как нам кажется, опираться на следующие критерии:

1) семантический критерий определения направления производности Г. Б. Антрушиной и П. М. Карашук;

2) критерий словопорождающей силы омонимов;

3) критерий аналогии с суффиксальными моделями, который подчеркивает особенности существования слова как образа сознания и его участия в речемыслительной деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. АНТРУШИНА, Г.Б.; АФАНАСЬЕВА, О.В.; МОРОЗОВА, Н.Н. Лексикология английского языка... . Москва: Дрофа, 1999. С. 288.
2. КАРАЩУК, П.М. Словообразование английского языка. Москва: Высшая школа, 1977. С. 303.
3. РЯЩИНА, М.Э. Конверсия типа «прилагательное – глагол» в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. степ. канд. филол. наук. Москва, 1981. С. 16.

Albina Shabalina

Belovo Institute of Kemerovo State University, Russia

ISSUES OF STRUCTURING OF FAMILY OF COGNATE WORDS CONTAINING GRAMMAR HOMONYMS

Summary

The alphabetical order of the most English-Russian dictionaries does not help people studying English to master the huge massive of new words. Presentation of cognate words by families is more helpful tool to absorb the knowledge in a systematically arranged way. The development of reasonable and logically and semantically proved

criteria for structuring of cognate words within the group is based on the research of many scientists working in English Word-Formation. The article presents three criteria for solving the problem connected with the pair of grammar homonyms *noun – verb*: 1) the semantic criterion of productivity direction by P. M. Karashchuk/ G. B. Antrushina; 2) the criterion of word-creation power; 3) the criterion of analogy with the suffix complex.

KEY WORDS: family of cognate words; grammar homonyms; conversion; the semantic criterion of productivity direction; historic homonyms; word-creation power; suffix models.

Надежда Шевелёва

Шяуляйский университет, Литва

Эл. почта: nadiezda@splius.lt

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются условия формирования языковой личности студента в процессе обучения иностранному (русскому) языку. На данном этапе образования основным принципом обучения иностранным языкам является направленность на языковую личность обучаемого. Языковая личность представляет собой многокомпонентный набор языковых способностей, умений и готовность к осуществлению речевых поступков. Принцип ориентации обучения на формирование обучаемого как языковой личности делает актуальной задачу не просто научить вести себя так, как ведет носитель изучаемого языка, но и развивать способность и готовность осуществлять речевую деятельность на изучаемом языке в зависимости от ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: формирование языковой личности, речевая ситуация, коммуникация, эксперимент, рациональная система, естественная языковая среда.

Теория обучения иностранным языкам, в основу которой положены современные достижения науки, постоянно опирается на практику, уточняет оптимальные пути достижения поставленной цели – овладение иностранным языком на коммуникационной основе. К настоящему времени в дидактике преподавания иностранных языков сложилось четкое представление о том, что без учета коммуникативной направленности в обучении невозможно осознание особенностей языка, адекватное понимание речи и общение на этом языке. Процесс усвоения иностранного языка необходимо строить таким образом, чтобы язык способствовал формированию обучаемого как языковой личности. Ключевой проблемой при этом становится проблема увлеченности учением. Проблема возникает из-за неправильного положения студента в учебном процессе: он получает знания из учебников, рассказов преподавателя, заучивает, повторяет, воспроизводит готовое, пассивно участвуя в учебном процессе. На протяжении многих лет при обучении иностранному языку чаще всего использовались вопросно-ответные задания подстановочного характера. Такие задания развивают умение более или менее свободно оперировать усвоенным в языковом материале на иностранном языке, однако недостаточны для устного общения в условиях естественной коммуникации. Иная задача стоит перед студентом при выполнении заданий, вопросы к которым формулируются так, чтобы вызвать естественное речевое действие, заставить высказать свое мнение.

Язык развивается через ситуацию и неотделим от нее. Поэтому необходимо, чтобы в систему упражнений для развития навыков устной и письменной речи на иностранном языке были включены задания, создающие учебно-речевую ситуацию в естественных условиях.

Ситуация – это совокупность обстоятельств и отношений, создающих то или иное положение. Те элементы общей ситуации, которые привлекаются участниками беседы для успешной реализации акта общения и вследствие этого влияют на формирование высказывания, мы относим к речевой ситуации. Эти ситуации можно охарактеризовать как ситуации, стимулирующие речь (3, 85). Способность речи отражать ситуацию подбором лексики, выбором интонации и структуры является ее особым свойством, ситуативностью. Ситуативность оказывает влияние на структуру и лексический состав каждого высказывания, выступая в качестве одного из факторов, организующих его.

Это не значит, что ситуативность присуща каждому высказыванию в одинаковой мере. Так, ситуативная отнесенность диалога выражена ярче, чем в монологической речи. Каковы же особенности взаимодействия лингвистических и экстралингвистических

факторов в процессе речеобразования? Чем шире развернуты языковые средства высказывания, тем меньше нуждается говорящий в опоре на ситуацию. И наоборот, широкая опора на ситуацию допускает свертывание языкового компонента речи без ущерба для взаимопонимания. Иногда даже жест или дополнительный наглядный материал может выразить больше, чем длинная речь, то есть мера ситуативности обратно пропорциональна объему использования языковых и наглядных средств. Поэтому разные высказывания обычно обладают различной мерой ситуативности.

Учитывая, что основной сферой деятельности студента является учебно-познавательная, на первый план выдвигаются проблемы повышения активности именно в этой сфере. Оптимальным вариантом, обеспечивающим интенсивное развитие языковой личности в учебных условиях, станет такая речевая ситуация, которая будет отвечать следующим требованиям:

- познавательные задачи направлены на личность студента, его реальные потребности и мотивы;
- ситуации подбираются с учетом рациональной последовательности их предъявления: от репродуктивных, так называемых разминок, направленных на актуализацию имеющихся знаний, к частично-поисковым, ориентированным на овладение обобщенными приемами познавательной деятельности, и к собственно творческим, позволяющим рассматривать изучаемые явления со всех сторон;
- система речевых ситуаций ведет к формированию творческого мышления, гибкости ума, любознательности.

Для выявления педагогических средств управления степенью сложности коммуникативных речевых ситуаций студентов обратимся к схеме порождения речи. Включив речевое действие в контекст деятельности, и разграничив отдельные моменты осуществления речевого действия, получаем следующие компоненты модели порождения речевого высказывания:

1. Формирование речевого намерения под влиянием определенного «толчка». Важный фактор при этом – мотив речевого действия. (Решается вопрос: зачем говорить?)
2. Построение внутреннего плана будущего высказывания. (Решается вопрос: что сказать?)
3. Перевод внутренней программы с предметного кода на языковой код. (Решается вопрос: как сказать?)
4. Внешнее оформление высказывания, то есть осуществление звучащей речи (3, 114).

Хотя приведенная модель является гипотетической, она может быть использована в моделировании речевых ситуаций на иностранном языке, когда мотив речевого действия становится ведущим в организации всего высказывания, а студент уверен, что его речь необходима для осуществления процесса коммуникации.

На занятиях по иностранному языку, при выполнении ситуативных упражнений, учебная цель должна отходить на второй план, уступая место коммуникативной: речь должна выступать не в виде искусственного учебного говорения, обусловленного необходимостью выполнять отвлеченные задания преподавателя, а в виде естественного акта, направленного на удовлетворение потребности в коммуникации (1, 118).

Как же следует строить процесс обучения языку, если существует бесконечное множество ситуаций, а преподавание иностранного языка не может стать естественной языковой средой? В обучении целесообразно опираться на тщательно подобранные учебные ситуации, не копирующие, а моделирующие естественные условия. Составление и подбор ситуативно-направленных упражнений связан со строгой оценкой привлекаемых ситуаций. Задание к упражнению должно быть сформулировано таким образом, чтобы вызвать у студента совершенно определенную речевую реакцию, которая могла бы быть развернута на основе знаний иностранного языка и жизненного опыта. В

практике обучения чаще всего в качестве задания к учебно-речевой ситуации предлагается ведение диалога. Это приемлемый вид работы, но не следует забывать о том, что возможны и другие варианты заданий: установка на монологическую речь, на речевую реакцию в письменной форме, на порождение творческой речи и т.д. Каждое задание по ситуации формулируется таким образом, чтобы студенты знали, какая конкретная задача решается в данном случае. Только тогда, когда говорящий решает определенную речевую задачу, воздействующую на собеседника, процесс коммуникации протекает естественно. Приведем несколько примеров учебно-речевых ситуаций разной степени сложности, использованных в экспериментальном обучении студентов филологического факультета. Эксперимент проводился в 2003-2004 учебном годах в Шяуляйском университете. В эксперимента принимало участие две группы по 25 человек.

1. Как вы думаете, что общего между словами одного ряда? Запишите с ними словосочетания.
Зеленое, изумрудная, золотисто-зеленые; красный, румяные, багряное; серое, свинцовая, пепельные.
2. Запишите слова-ассоциации к словам: *бархатный; лес; шумит.*
3. Подберите к именам существительным «весенние» слова:
Небо, дерево, подснежник, солнце, земля, трава, птицы, ручей, настроение, люди.
4. Назовите два предмета, которые обладали бы сразу тремя признаками: а). *черный, гладкий, тихий;* б). *белый, мягкий, пушистый;* в). *звонит, поет, бежит.*

Трудность при выполнении таких упражнений-разминок заключается в том, что студенты не сразу могут объединить лексически не сочетаемые слова, но постепенно они с удовольствием включаются в выполнение таких заданий, находя все более интересные формы объединения слов.

5. Закончите предложения, используя данные в скобках слова.
Просто Красное море иногда бывает красным (*буровато-красные, на, поверхности, его, когда водоросли всплывают*).
Белое море называют так потому, (*что, белым-бело, оно, от льдов, зимой, заметных, снегом*).
Мраморное море называли так за то, (*море, этом, на, есть, что, остров, с, времен, давних, где, прекрасный, добывают, мрамор*).
Название какого моря могли бы объяснить вы?
6. Выпишите в стихотворение прилагательные. Озаглавьте его. Прочитайте выразительно.
Проиллюстрируйте.

..... небо, ... тени, ... реки сбросили лед.	..... подснежник, житель ..... на .....проталинке смело растет.
---	--

7. Сочините стихотворение, употребляя существительные в нужном падеже. О чем оно?
Дерево прячет корни .....
Зайчонок таится в теплой.....
Слезы - .....
Рыба - .....
Только лишь ..... одна на виду.
Слова для справок: *пруд, глупость, земля, нора, глаза.*

8. Прочитайте предложение. Подчеркните в нем красочное сравнение. Устно нарисуйте картину.
После недолгой темноты море опять превращается в звездное небо, брошенное к нашим ногам.
9. Создайте высказывание по ситуациям:
а) вы стоите на вершине высокой горы. Посмотрите вниз. Опишите увиденное;
б) вы лежите на теплой траве и смотрите в небо. О чем вы думаете?;
в) вы раскрыли окно. В комнату ворвался запах весенней свежести. Какие чувства вы испытываете?;
г) объясните приезжему, что лучше всего посмотреть в вашем городе;
д) проиллюстрируйте стихотворными строфами А. Ахматовой, М. Лермонтова, А. Блока картины М. К. Чюолёниса;
е) прочитайте высказывания Л. Толстого. Какая тема объединяет их? С чем вы согласны, а с чем нет?
Время проходит, но сказанное слово остается. Прежде думай, потом говори. Но остановись раньше, чем тебе скажут «довольно».
В спорах забывается истина. Прекращает спор тот, кто умнее. Отвечать обидой на обиду – все равно, что подкидывать дров в огонь.

В ряде случаев можно связать работу по ситуациям с работой по читаемым текстам. При этом текст может подсказывать ситуации и варианты их речевой реализации. Однако следует учитывать, что зачастую материал текста требует перенесения читающего в различные условия жизни. Поэтому не от любого текста можно оттолкнуться, чтобы перейти к работе над речевыми ситуациями, посильными и нужными студентам в практических целях. Условия ситуации должны вызывать у них интерес, учитывать их жизненный опыт, уровень владения иностранным языком, они могут сообщаться в краткой форме, поясняться на родном языке, иногда сопровождаться списком ключевых слов и выражений. Например:

10. *Выразительно прочитайте стихотворение. О чем оно?*

Осудите сначала себя самого,
Научитесь искусству такому,
А уж после судите врага своего
И соседа по шару земному.
Научитесь сначала себе самому
Не прощать ни единой промашки,
А уж после кричите врагу своему,
Что он враг и грехи его тяжки.
Не в другом, а в себе побеждайте врага,
И когда преуспеете в этом,
Не придется уж больше валять дурака –
Вот и станете вы человеком.

Б. Окуджава.

Ответьте на вопросы: 1. Чему следует учиться людям, по мнению поэта? 2. Согласны ли вы с его точкой зрения? Объясните, почему? 3. Выберите эпиграф для стихотворения. Обоснуйте свой выбор. «Не судите, да не судимы будете». «В чужом глазу и соломинку видим, в своем бревно не замечаем». «В глубине всякой груди есть своя змея». 4. Перечитайте выделенное высказывание. Какая проблема отражена в нем? Возможна ли дискуссия по данной теме? Свой ответ обоснуйте.

11. Вы прочитали стихотворение. Какую иллюстрацию к нему вам хотелось бы нарисовать?
12. Какие вопросы по прочитанному вам хотелось бы задать однокурсникам?
13. О чем вы хотели бы поспорить с друзьями, прочитав этот текст?

14. Сравните обычаи празднования Рождества в вашей семье и в семье вашего русского друга.

15. Выскажите свое мнение о главной мысли предлагаемого текста.

Коммуникативность в создании письменных речевых ситуаций предполагает индивидуализацию обучения речевой деятельности, под которой понимается учет всех свойств студента как личности. При обучении письменной речи индивидуальная реакция возможна лишь в том случае, если стоящая перед студентом речевая задача будет отвечать его потребностям и интересам, например: а) вы ищете в Интернете друзей по переписке, сообщите данные о себе и о стране, в которой вы проживаете; б) обратитесь к автору текста с письмом-отзывом читателя. Напишите, что вам понравилось, а что – не очень, с чем вы не согласны и почему, что бы изменили или добавили, в чем поддерживаете писателя. Не забудьте поблагодарить его; в) отправьте краткое сообщение на мобильный телефон с просьбой о перенесении времени встречи; сообщите о том, что вы не можете прийти; г) запишите диалоги, в которых были бы комплименты; д) вам предложили написать сценарий для фильма, посвященного морю. Какие опорные слова вы бы записали? Какое название придумали?

Проведенное экспериментальное исследование показало, что для формирования языковой личности необходимы определенные условия. Совершенно очевидно, что неизбежен отказ от нетворческих видов работ в пользу творческих форм и приемов обучения, что создает условия для развития языкового мышления на иностранном языке.

Ниже в таблице 1 приведены результаты обучающего эксперимента по использованию речевых ситуаций, создающих естественные условия в обучении иностранному языку.

Таблица 1

Сводная таблица результатов обучающего эксперимента

Номер задания	Процентное соотношение студентов, выполнивших задания в контрольной группе (25 человек)	Процентное соотношение студентов, выполнивших задания в экспериментальной группе (25 человек)
Задание 1	73,8	94,6
Задание 2	45,5	80,5
Задание 3	42,4	88,6

1- задание-разминка (см. примеры с 1 по 4);

2- частично-поисковое задание (см. примеры 5 – 7);

3- творческое задание (см. примеры с 8).

Таким образом, из приведенной выше таблицы видно, что систематическая работа по речевым ситуациям различных уровней обуславливает более высокий уровень развития всех видов речевой деятельности, создает условия для формирования языковой личности.

Введение речевых ситуаций в практику обучения иностранным языкам требует соотнесения их со всеми другими видами заданий, выполняемых в процессе обучения. В данном исследовании нами не рассматривались коллективные формы заданий. Предложенный материал учитывает определенные коммуникативные задачи, создает возможность почувствовать систему иностранного языка, осознать его богатство, способность выражать самые разнообразные мысли и чувства, воспринимать информацию на слух, для чтения, для участия в дискуссиях, что способствует успешному овладению иностранным языком в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВЬГОТСКИЙ, Л. Мышление и речь. Москва, 1999.
2. ЛЬВОВ, М. Школа творческого мышления. Москва, 2002.
3. СОРОКИН, Ю.; ТАРАСОВ, Е.; ШАХНАРОВИЧ, А. Теоретические и прикладные основы речевого общения. Москва, 2003.

Nadezhda Sheveliova
Shauliai University, Lithuania

FORMING THE LANGUAGE PERSONALITY

Summary

The article investigates into circumstances fostering the formation of student's linguistic personality within the process of foreign language (Russian) teaching. At the present stage of education, an orientation to the development of linguistic personality of a student constitutes the chief principle in foreign language teaching. Linguistic personality represents a set of many components, such as linguistic abilities, skills and readiness to realise linguistic acts. The principle of orienting education towards the information of a student as a linguistic personality demands that a particular stress be laid on the task of not only teaching a student to behave like a speaker of relevant language but also to develop the ability and the readiness to realise linguistic activities by adequate linguistic means depending on circumstances.

KEY WORDS: linguistic personality formation, linguistic situation, communication, experiment, rational system, natural linguistic medium.

Ингуна Тейлане

Даугавпилсский университет, Латвия

Эл. почта: inguna.teil@one.lv

ВАРИАНТЫ ГЛАГОЛА В ТЕКСТАХ НИЦГАЛЬСКОГО ГОВОРА

В статье исследуется глагол и система глагольных форм в одном из говоров верхнелатышского диалекта - в Ницгальском говоре. Исследуемый материал был записан автором статьи в течение 9 лет.

При исследовании собранного материала было выявлено много вариантов глагола: в данный промежуток времени речь старшего поколения богата древними глагольными формами, а в речи молодого поколения используются формы, близкие литературному языку. В статье рассмотрено несколько причин образования вариантов, эти случаи сгруппированы и рассмотрены по типам основ. Примеры говора сравниваются с формами латышского литературного языка, а также с другими говорами верхнелатышского диалекта. В работе анализируется также частота использования глагольных форм и их выбор, обусловленный возрастом информантов и другими факторами. В результате исследования установлено, что, наряду с изменениями, вызванными влиянием литературного языка, всё же наблюдается определённая устойчивость говоров. Ницгальский говор как один из говоров верхнелатышского диалекта сохранил до наших дней ряд характерных для говора черт глагольной системы. Наряду с устойчивыми особенностями в говоре обнаруживаются также такие, в которых наблюдаемы существенные изменения в направлении литературного языка. Для исследователя это уникальный случай, когда одновременно возможно констатировать столько вариантов одного глагола.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: говор, формы глагола, старшее и молодое поколение, изменения, информант, изменения, сравнение, речь, причина, основа глагола, варианты, параллельные формы, прослеживается, образовать, использовать, лицо, число, выбирать.

Ницгальский говор, как один из говоров верхнелатышского диалекта, мало исследован. Этот говор употребляется в небольшой волости, которая находится в Даугавпилсском районе. На говоре общаются примерно 600 человек. Престиж говора в поселке Ницгале невелик, молодое поколение отдаёт предпочтение латышскому литературному языку. Следовательно, число говорящих на диалекте с каждым годом уменьшается. Исследуемый материал был записан автором статьи в течение 9 лет. При исследовании собранного материала было выявлено много вариантов глагола и системы глагольных форм. Происхождению вариантов способствовало несколько причин.

Первая причина. Ницгальский говор как один из говоров верхнелатышского диалекта сохранил до наших дней ряд характерных для говора черт древней глагольной системы. В латышском литературном языке, а также в других говорах верхнелатышского диалекта эти формы глагола давно утрачены. Например, атематические глаголы *byût', ût', dût'* в говоре Ницгальской местности сохранили из древнего спряжения некоторые личные формы. Атематическое окончание 1-го лица единственного числа - *tu* (2, 704.) сохранилось только в речи старшего поколения, наряду с ним используются формы, образованные по образцу тематических глаголов, например, *dûtmi, îtmi* и *aju, dûdu, asu*. Такая же вариативность сохраняется при образовании остальных личных форм. Так, например, в 1-м лице множественного числа мы встречаем как атематически образованные формы, так и тематически: *îtmâm, dûtmâm* и *ajâm, dûdâm*. Прослеживается вытеснение атематических форм тематическими. Собранный материал фиксирует промежуток времени, когда атематические формы исчезают. Люди старшего возраста уходят, унося с собой и древние формы глагола.

Только старшее поколение использует формы как единственного, так и множественного числа – *jir // jira*, реже *-jiraîda*. Параллельно с этим в речи старшего поколения встречается та же самая форма – *ir // ira*, которую употребляют молодые и люди среднего возраста, например: *jira sâta; ir nâuda*.

В Ницгальском говоре, также как в литературном языке наблюдается стяжение в 1-ом и 2-ом лице единственного и множественного числа и палатализация в 3-м лице. В современном диалекте, в речи старшего поколения, в 3-м лице преобладает фиксированная литературная форма *nâu*, реже *nava*, и совсем редко *navaîda*. Во 2-ом и в 3-м лице прошедшего времени наряду с формами *b'ejî, b'ēja* используются также их сокращенные варианты *b'ei, b'ie*.

При спряжении глагола *ît'* в текстах говора в 1-ом и 2-ом лице сохранилось атематическое окончание *-mi*, например: *îmi*. Однако в наши дни в этих лицах использованы формы, образованные по образцу тематических глаголов – *aju, ajâm*. Атематическую же форму употребляют только очень старые люди. Наряду с формой 2-го лица множественного числа *ajit'* очень часто используют форму императива *âit'â*, например: *jîûs jâu ajit', jîûs jâu âizâit'â?* Разнообразие форм глагола *ît'*, особенно во множественном числе (и более всего в прошедшем времени), прослеживается как в речи отдельного респондента, так и в речи представителей разных возрастов. Выбор вариантов зависит от речевой ситуации. Во всех лицах, за исключением первого лица единственного числа, использованы сокращенные формы. Например, в единственном числе второе лицо имеет 2 варианта: *gùoji // gùoi*, а во множественном числе – 4 варианта: *gùojot // gùojit' // gùoit // gùot'*. 3 варианта имеет третье лицо – *gùoja // gùo // gâ*. Мною было установлено, что форма третьего лица *gâ* чаще всего используется с префиксами – *âiz-, -da-, -nu-*, например: *âizgâ, dagâ nùgâ* и др. Сокращенные формы образуются от потери гласного *j* в последнем слоге. А регулярное окончание 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения – *ot* часто заменяется на окончание *-it'* (такое же как в императиве и в будущем времени). В речи одного информанта возможно употребление всех вариантов одного лица, но наблюдения показывают, что обычно это один или два варианта глагола. Большая же часть данных глагольных форм *byût', ît', dût'* представляет собой тематические образования, которые и преобладают в разговорном языке.

К глаголам с основой на *-iô* принадлежат также глаголы с чередованием согласных в корне: *c<k, dz<g, s<t*, или *s<d*, например, *bâikt' – bâidzu, brâukt' – brâucu, láist' – làižu*. Иначе, чем в литературном языке, образуются формы прошедшего времени у тех глаголов, которым свойственно чередование *c<k* и *dz<g*: в этом случае в литературном языке формы настоящего времени совпадают с формами прошедшего времени, но в диалекте это совпадение не наблюдается, например: *'braukt' – brâucu* (наст.) – *brâuçü // brâuçü // brâucu* (прош.), *'slaukt' – slâucu* (наст.) – *slâuçü // slâuçü // slâucu* (прош.), *'degt' – dadzu* (наст.) – *d'edžü // d'edž'ü // d'edzu* (прош.) и др. Выбор этих форм также зависит от возраста говорящего: молодое поколение из вариантов форм прошедшего времени выбирает формы близкие литературному языку, без шипящих согласных: *brâucu, l'iesu, sâucu*. Я. Эндзелин считает формы на *-çu, -žu* новообразованиями, появившимися взамен форм на *-cu, -zu*. Они получают распространение в тех говорах, в которых сохранена флексия с основой на *-ë* (2, 867).

Как в других верхнелатышских говорах, в Ницгальском также частично сохранились в прошедшем времени древние формы с основой на *-ë*: *'vest' – v'ed'ü // v'ežu*, *'nest' – nešü // nešu*. Как глаголы с основой на *-ë* в прошедшем времени спрягаются часть глаголов с основой на *-o*, например:

'sâkt' – suôkt'

Единственное число

1. *suôcü // çu // ku*

2. *suôci // ki*

3. *suôcü // ka*

Множественное число

1. *suôcòm // suôkòm*

2. *suôcot' // suôkot*

3. *suôc ä // ka*

Как видно на примере, существуют варианты. Первые глагольные формы на –ē обычно используют люди старшего поколения, а молодое поколение выбирает те, которые соответствуют литературному языку. Подобным образом спрягаются *m'ēst' – m'ēšu // m'et'u, dz'ēt' – dz'ēṭu // dzynu, ṅest' – ṅešu // ṅešū* и др.

В Ницгальском говоре, также как в других верхнелатышских говорах, глаголы с основой на –iо, у которых в корне присутствует дифтонг –au, перешли в разряд глаголов с основой на –по: *špļaut', šaut', žaut', kràut', raùt', šyut', pļaut', ļaut*. Прошедшее время у этих глаголов оканчивается на –úov- // -av-: *krùova // krava, kuôva // kava, uôva // ava*. Подчеркнутые формы – это более древние варианты, которые использует старшее поколение, наряду с *kuôv'ä // va u ùov'ä // va*. Глаголы с основой на –по, у которых в корне дифтонг –au, также имеют варианты, например, *bļaut' – bļuôv'ä // va* (3. л.), *ļaut' – ļuôv'ä // a* (3 л.), *maùt' – muôv'ä // va* (3 л.) и др.

У этой группы глаголов в прошедшем времени основы на –e в 1-м лице единственного числа не сохранились. Как мы видим на примерах, также у тех форм, которые сохранились, существуют варианты форм. В современных говорах формы с основой на –ē в языке представителей старшего поколения слышимы еще часто, но молодое поколение их избегает. Итак, можно сделать вывод, что формы прошедшего времени с основой на –ē – это исчезающее явление, которое со временем, по всей вероятности, исчезнет, а его место займут формы с основой на –ā, что уже происходит в литературном языке и в ряде других говорах.

В Ницгальском говоре, как свидетельствуют собранные тексты, из парадигмы спряжения глаголов с основой на –i сохранились только отдельные формы возвратных глаголов в 3-м лице: *grib'iet'is – grib'is 'gribas', kàuniêt'is – kàuniš 'kaunas', kuriêt'is – kuris 'kuras'*. Глаголы с основой на –i спрягаются по образцу глаголов с основой на –o или –iо. Поэтому и эти формы в будущем подвергаются исчезновению. В группе глаголов с основой на –i встречаются варианты в третьем лице настоящем времени: *'gribēt' – grib'is // gribuôs, 'kurētis' – kuris // kuruôs* и в первом лице: *'dziedāt' – dz'īžu, 'raudāt' – raužu* (в речи людей пожилого и среднего возраста); и *dz'īdu, rauðu* (в речи молодого поколения).

Вторая причина возникновения вариантов в Ницгальском говоре – это наличие сокращенных форм глагола. Как показывают выше упомянутые примеры, сокращенные формы возможны во всех лицах (за исключением первого лица единственного числа).

В большинстве случаев изменения в диалектах объясняются социолингвистическими и психолингвистическими факторами, но могут также объясняться и лингвистическими: ускоряется темп речи, теряется точность артикуляции некоторых языковых элементов (5, 34), например, во 2-ом лице множественного числа прошедшего времени форма *'meklējāt' – m'ekl'iejot* может быть произнесена как *m'ekl'iet', 'stāvējāt' – stūov'iejot // stūov'iet', 'mazgājāt' – mozgava // mozgūo // mozgā* и так далее.

Сокращенные глагольные формы очень любимы носителями Ницгальского говора. Для вторичных глаголов это возможно почти во всех лицах как единственного, так и множественного числа, например: единственное число: 3-ее лицо – *dūmava // dūmūo*; множественное число: 1 –ее лицо – *dūmavòm // dūmūom*, 2-ее лицо – *dūmavot // dūmūot'*,

3-ее лицо – *dūmava // dūmūo*. Еще один пример: глаголы с основой на –iо, у которых корень оканчивается на долгое гласное или дифтонг (кроме –au-) обычно имеют сокращенные формы: *s'iet' 'sēt' – s'ieja // s'ie* (3. л.), *sp'iet' 'spēt' – sp'ieja // sp'ie* (3.л.), *klūot' 'klāt' – klūoja // klūo* (3. л.) и др. Профессор А.Бреидак полагает, что сокращенные формы первичных глаголов имеют соответствия в других индоевропейских языках: в литовском, старославянском, прусском, греческом (1, 73.-78.).

Третья причина возникновения вариантов в Ницгальском говоре – это плавный переход глаголов одной основы в группу глаголов с другой основой. Пока этот процесс еще не стабилизировался, поэтому можно выявить две парадигмы спряжения одного глагола. Чаще всего изменения такого рода происходят под влиянием литературного языка. Далее следует анализ более характерных примеров.

В текстах говора наблюдается частичное совпадение с литературным языком глагольных основ на -о. В говоре различаются основы настоящего времени с гласным -о и основы настоящего времени с гласным -ā: *p'ierkt' – p'ierkàm 'pērkam', m'ést' – matàm 'metam'*; и *lašéit' – losòm 'lasām', rakst'ēt' – rokstóm 'rakstām'*. Хотя иногда наблюдается тенденция вместо окончания первого лица множественного числа – *àm*, характерного для глаголов с основой на -о, использовать окончание – *òm*, характерное для глаголов с основой на -ā (2: 60), например, *p'ierkt' – p'ierkàm // p'ierkòm, hest'-nasàm // nasòm*.

Регулярное окончание 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения –*at* у глаголов с основой на -о почти потеряно, его заменило окончание –*it'* (такое же как в императиве и будущем времени), например: *p'iercít', jem'it', c'erít', v'ed'it'*. Но под влиянием глаголов с основой на -ā в некоторых случаях констатируется окончание –*ot*: *p'ierkot', c'erot'*, образуя пары вариантов *p'ierkot' // p'iercít', c'erot' // c'erít'*.

В текстах говора, наряду с глаголами с основой на -о и инфиксом *n*, параллельно используются также формы глаголов настоящего времени с основой на -*sto*: *'apnikt' – apníkt' – apníeku // apnèikstu; 'drupt' – drupt' – drÿup // drÿupst* (3 лицо); *'klupt' – klupt' – klÿupu // klÿupstu; 'lipt' – l'ipt' – l'èipu // l'èipstu* и др. Наблюдается использование разных вариантов информантами разных возрастов.

В Ницгальском говоре, также как и в других верхнелатышских говорах, глаголы с основой на -*ю* и с дифтонгом –*au* в корне при спряжении приобретают формы глаголов с основой на -*по*, например: *l'èist' – l'ínu, kràut' – kràunu, šàut' – šàunu, bļàut' – bļàunu, àut' – àunu* и другие. К этому разряду относятся также некоторые глаголы, имеющие в литературном языке основы на -о, например, *šÿut' – šÿunu, rèit' – rèinu* и основы на -о с инфиксом *n*, например, *rast'(îs) – rúnu, runûs*. В литературном языке глаголы с основой на -*по* почти исчезли, они перешли в группу глаголов с основой на -*ю*. Этот фактор влияет и на говор. В результате глаголы с основой на

-*по* имеют две парадигмы спряжения: парадигму глаголов с основой на -*по* и парадигму глаголов с основой на -*ю*. Например, *kràut' – kràunu // kràuju, šàut' – šàunu // šàuju* и др. Связи с этим можно сделать вывод, что в говоре присутствует большее число глагольных форм нежели в литературном языке. Глагол *gūt* спрягается в литературном языке как глагол с основой на -*sto*, а в Ницгальском говоре – также и по образцу глаголов с основой на -*по*: *gìut' – gìunu // gìustu*.

У глаголов с основой на -*sto* исторический элемент суффикса -*st* присоединяется к корню, который оканчивается на гласный, например: *dz'èit' 'dzīt' – dz'eíst (3 л.), b'èit'îs 'bīties' – b'eístûs..* По образцу глаголов с основой на -*sto* спрягаются также глаголы, у которых когда-то была основа на -о: *dz'imt' 'dzimt' – dzÿmstu, d'îlt' 'dilt' – dÿlstu*, а в спряжении глагола *'apsāpt'* встречаются варианты глагольных форм: *apsuôpt' 'apsāpt' – apsuôpst // apsuôp* (в третьем лице). Варианты форм имеются также у глагола *sàlt' – формы как с основой на -sto, так и с основой на -ю: sàlt' 'salt' – sòlstu // saļu*.

По две парадигмы спряжения имеют глаголы с основой на - (i)о. Наряду с формами глаголов с основой на - (i)о используются также формы с основой на -*ëio*, например:

'bālēt' – bûol'iet'

Единственное число

1. *bûolu // bûol'uju*

2. *bûol' // bûol'ëi*

3. *bûol // bûol'ëi*

Множественное число

1. *bûolàm // bûol'ejàm*

2. *bûol'it' // bûol'ejit'*

3. *bûol // bûol'ëi*

Подобным же образом спрягаются глаголы *sal'd'iêt' 'saldēt', lùod'iêt' 'lādēt', dzeld'iêt' 'dzeldēt'* и др. Наблюдения свидетельствуют, что из вариантов говорящие чаще выбирают формы с основой на -*ëio*.

По образцу глаголов с основой на -*ëio* спрягаются некоторые глаголы с основой на -о или же обнаруживаются варианты двух парадигм: *'perēt' – p'eriêt' – p'erèi (3 л.), 'pelēt'*

- *p'el'iêt* – *p'el'èi* (3 л.), *kaltēt* - *kàlt'iêt* – *koltu* // *kałt'eju*, *vārīt* - *vùoriêt* – *vùoru* // *vùoreju*, *precēt* - *preciêt* – *prac* // *preçèi*, *bālēt* - *bùol'iêt* – *bùol* // *bùol'èi* и др.

В говоре, наряду с привычными для литературного языка глагольными формами на *-ynuôt* '–*ināt*', имеется довольно много глаголов с формантом *-iñiêt* '–*inēt*' (7, 58-59). Эти формы существуют параллельно, хотя молодое поколение все-таки охотнее выбирает формы на *-ināt*. В говоре при использовании этих форм не чувствуется никакой разницы. На наличие здесь прямых соответствий с литовским языком указала A.Reķēna. Она сделала вывод, что глаголы, образованные с формантом *-iñiêt* соответствуют глаголам литовского языка с формантом *-ineti*, например, *kariñiêt* 'karāties': лит. *karineti*; *klup'iñiêt* 'klupt': лит. *klupineti*; *čup'iñiêt* 'taustīt': лит. *čupinēti*. (6, 22). В Ницгальском говоре также часто используются глаголы: *b'iz'iñiêt* // *b'izynuôt*, *bub'i ñiêt* // *bubynuôt*, *čub'iñiêt* // *čubynuôt*, *grab'iñiêt* // *grabynuôt*, *kačiñiêt* // *kaçynuôt* и др.

В Ницгальском говоре, также как в других верхнелатышских говорах, глаголы с основами на *-ëio* и *-ïio* совпадают. При этом используется парадигма основы *-ëio*. В литературном языке наблюдается постепенный переход глаголов с основой на *-ïio* в группу глаголов с основой на *-ā*, в свою очередь, для говора обычны варианты спряжения, например, множественное число 1-ое лицо: *pàlnòm* // *p'èlñejàm*; 2 –ое лицо: *p'èlñit* // *p'èlñejit*; 3 –ое лицо: *pàlna* // *p'èlñèi*.

Подобным же образом спрягаются: *svētīt* - *sv'iet'eit* – *svàtu* // *sv'iet'eju*, *lavīties* - *lav'eit'is* – *lovūs* // *lav'ejūs*, *ciēnīt* - *ciñeīt* – *çinu* // *ciñeju*, *pētīt* - *p'iet'eit*, - *pàtu* // *p'iet'eju* и др.

В речи респондентов исследуемого говора немало и лексических вариантов, но в этой статье они не будут рассматриваться. Для иллюстрации приведу лишь несколько примеров. В Ницгальском говоре, также как для других верхнелатышских говоров, характерно совпадение глаголов с основами *-āio* и *-ōio*. В этой группе встречается много глаголов с формантом *-aviôt*, главным образом, это заимствование из славянских языков – русского, польского и белорусского (3, 54.-60): *dyskavuôt* - 'diskēt', *sortavuôt* - 'šķirot', *drapakavuôt* - 'ecēt', *kartavuôt* - 'spēlēt kārtis', *merkavuôt* - 'plānot, domāt', *kamandavuôt* - *komandēt*'. Люди старшего и среднего возраста используют эти слова в своей речи почти ежедневно. Группу глаголов с основой на *-ïio* также обогащают многие заимствования, главным образом из славянских языков. Такие, как *b'eļeīt* - 'balsināt', *blūd'eit* - 'maldīties', *brosņeīt* - 'beigt', *atstāt*, *dražņeīt* - 'kaitināt', *gub'eit* - 'zaudēt', *kapceit* - 'kūpināt' и др. Респонденты старшего поколения больше используют заимствованную лексику, молодежь же – реже заимствованную, чаще исконную лексику.

У глаголов с основой на *-ā*, в отличие от глаголов с другими основами, 2-е лицо множественного числа имеет формант вовсе не *-it*, а *-ot*, и в 1-м лице мн.ч. – не формант *-àm* а *-òm*, их поддерживают формы прошедшего времени. Хотя последовательно эти формы не прослеживаются. Спорадически случается слышать также варианты: *rakstīt* - *rokstòm* // *rokstàm*, *rokstot* // *rokst'it*, *lasīt* - *losòm* // *losàm*, *losot* // *los'it*. Итак, эти и предыдущие примеры свидетельствуют, что в говоре наблюдается процесс выравнивания.

В Ницгальском говоре наблюдается колебание между глаголами с основами на *-ïio* и *-ā*, так как в инфинитиве у глаголов с этими основами одинаковые форманты *-it* респ. *-eit*'. Наблюдения свидетельствуют, что одинаково часто используются обе основы, это зависит от того, какая форма глагола говорящему более привычна, например: *tīrīt* *t'èireit* – *t'èireju* // *t'èiru*, *pùst'eit* 'postīt' – *pùst'eju* // *pùstu*, , *sùoļeīt* 'sālīt' – *sùoļeju* // *sùolu* и др.

Далее следует обзор модусов. В материалах говора наблюдается разнообразие во 2-м л. мн.ч. императива. У глаголов с основой на *-āio*, *-ëio*, *-ïio* и *-ōio* в императиве, наряду с формой на *-it* встречается также форма на *-t'ä*: *dzèivojīt!* // *dzèivòit!* *m'ekl'ejīt!* // *m'ekl'eit'ä!* *sorgojīt!* // *sorgòit'ä!* Профессор Л.Леикума возникновение форм на *-t'ä* считает воздействием славянских языков (4, 61-62).

В кондиционале в Ницгальском говоре, в отличие от литературного языка, каждое лицо глагола имеет свою собственную форму, образованную с помощью форманта – *tùm*, к которой присоединяются соответствующие личные окончания. Я. Эндзелин считает – *tum* новообразованием (2, 898 – 899). В основе форм кондиционала лежит супин. В неизменной форме он присутствует в 3-ем лице единственного и множественного числа: *skritu*, *laūtu*, *ràutu*. По остальным формам кондиционала можно определить как число, так и лицо, например: *'domātu' -dìmuôôtùm* – 1-ое лицо единственное число, *'kastu' -kostum'èm'* – 1-ое лицо множественное число, *'aizbrauktu' - àizbràuktum'et'* – 2 –ое лицо множественное число. Древние формы кондиционала в Ницгальском говоре очень устойчивы, хотя все-таки младшие по возрасту респонденты под влиянием литературного языка отказываются от этих форм. Можно сказать, что существуют параллельные варианты с *-tùm* и *-tu*, например:

'skriet' - skrit'

Единственное число

Множественное число

1. *skritùm // skritu*

1. *skritumèm // skritu*

2. *skrit'ìm // skritu*

2. *skritumet' // skritu*

3. *skritu*

3. *skritu*

Релятив. Раньше относительное простое будущее в Ницгальском говоре образовывали с помощью причастия будущего времени действительного залога, которое оканчивается на *-škys*, *-škùt'ä*, например: *bràukškys*, *darèiškùt'ä*. Однако теперь эти формы принадлежат к прошлому, потому что практически их больше не используют. Единственный пример, который я зафиксировала, это: *t' ešć t' èireiškys, a jis rakškys dubaku 'sievastēvs tīrišot, bet viņš rakšot dīki'*. Вариантов уже нет.

Возвратные формы. В латышских говорах, и особенно в верхнелатышских, при образовании возвратных форм приставочными глаголами по-прежнему используют древний способ – помещение возвратного элемента *-s-*, *-sa-* или *-za-* между приставкой и корнем. Так у приставочных глаголов, также как в других говорах, сохранилась древняя модель образования возвратных форм, которая в литературном языке уже утрачена, то есть – помещение морфемы с возвратной семантикой *-sa-* или *-za-* между приставкой и корнем, например: *sasatykòm, àizajemt' (nàudys)*.

Возвратный элемент *-za-* в Ницгальском говоре используется только после приставок *iz-*, *àiz-* и *uz-*; приставка срачивается с возвратным элементом в *iza-*, *àiza-*, *uza-*, например, *izaguļ'iet'*, *àizav'ìkt'*, *uzajemt'*. В остальных случаях возвратные формы образуются с помощью элемента *-sa-*, например, *sasarunuôt'is, nūsasm'it'*. В соединении с приставкой *at-* получается *aca-*, например, *acatupt'*, *acapyust'*. Очень часто – можно сказать, что параллельно, - в говоре используются глагольные формы, образованные удвоенным возвратным элементом. Причем их используют как старые, так и молодые респонденты, например, *apsav'ìkt'is // apv'ìkt'is, nùmozguôt'is // nùmozguôt'is, salašeit'is // salašeit'is, apsadareit'is // apdareit'is* и др. Но и тут видно влияние литературного языка, что выражается как варианты.

Супин. В Ницгальском говоре достаточно часто встречается древняя неличная форма – супин, которая оканчивается на *-tu*, в возвратной форме на *-tus*. Супин встречается после глаголов, которые обозначают движение, например, *nùokt' it', bràukt'*. Объект действия в таких конструкциях обычно стоит в родительном падеже, например, *jùoit' šina pļàutu, išu molkys kràutu, nùoc' astu, tyš tupātu (vistām)*. Инфинитив заменил супин, но по-прежнему сохранилось употребление объектного родительного. Объектный родительный присущ речи старшего и среднего поколения. Супин появляется в речи намного реже, так как под влиянием литературного языка его вытесняет неопределенная форма - инфинитив.

При исследовании глагола и системы его форм в текстах Ницгальского говора обнаруживается прямая связь с дифференциацией представителей говора по возрастам,

так как в наши дни говор подвергается воздействию различных внешних факторов, например, воздействию со стороны других говоров, славянских языков и литературного языка, что больше всего ощущается в речи молодого поколения. Наряду с изменениями, наблюдается также и факт стабильности говора. Ницгальский говор как один из глубинных говоров верхнелатышского диалекта до наших дней сохранил большинство характерных черт глагольной системы диалекта.

В Ницгальском говоре в речи представителей всех поколений сохранились древние формы, наряду с устойчивыми особенностями, в диалекте присутствуют также такие, в которых прослеживаются существенные изменения, идущие в направлении литературного языка. Эти изменения порождают параллельные варианты глагольных форм и слов.

В наши дни изменения в говоре происходят, главным образом, под влиянием литературного языка. Это проявляется прежде всего в разговорном языке молодых респондентов. Исследуя материал, я пришла к выводу, что наблюдаемые изменения упрощают говор и быстрее нейтрализуют его языковые особенности. Многие диалектные явления претерпевают изменения и даже теряются. Можно предположить, что в говоре наблюдается процесс выравнивания.

ЛИТЕРАТУРА

1. BREIDAKS, A. Injunktīva formu relikti latgaliskajās un sēliskajās izloksnēs. *Valodas aktualitātes-1983*. Rīga, 1984.
2. ENDZELĪNS, J. Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951.
3. LEIKUMA, L. Aizgūto verbu iekļaušanās Izvaltas izlokšnes sistēmā. *Leksiskas un gramatiskas inovācijas*. Rīga, 1982.
4. LEIKUMA, L. Arhaismi un inovācijas augšzemnieku izlokšņu verba formās. *Valodas aktualitātes 1987*. Rīga, 1988, p. 59.-68.
5. MARKUS, D. Mūsdienu valodnieciskie procesi augšzemnieku izlokšņu prosodijā. *Latviešu valodas un literatūras problēmas. Zinātniski raksti*. Rīga, 1995.
6. REĶĒNA, A. Habilitācijas darbu kopums Dienvidlatgales izlokšņu leksikā. *Kopsavilkums*. Liepāja, 1993.
7. REĶĒNA, A. Slāvismi Latgales dienvidu izlokšņu ēdienu leksikā. *Dialektālās leksikas jautājumi*. Rīga, 1986.

Inguna Teilane

Daugavpils University, Lithuania

VARIANTS OF THE VERBS IN TEXTS WRITTEN IN NICGALES DIALECT

Summary.

The author explores verbs and the system of verbforms in texts written in Nicgales dialect in sociolinguistic aspect. The author of the research recorded and written down the texts from year 1996 till 2005 the age of respondents varies from 15 – 92. The investigation indicates that the responses to a large degree has to do with the age group of respondents is rich with old forms of the verbs, but the language of younger generation can be characterized by the use of forms used in literal language. We noticed a lot of Russian words which were latvianized or just simply transferred into Latvian language. As a result new forms of verbs appeared. In our researched we have grouped these verbs according to root groups. Words used by the representatives of a dialect are compared with words used in the Latvian Language as well as with other dialects. We have analyzed the frequency of use of certain forms of a verb, the age of respondents, their occupation and other factors. It was discovered that due to the influence of literal language that the stability of facts has been preserved. Nicgale's dialect as one of the oldest indicates that several characteristic verb forms had been preserved. Besides of table facts, we have noticed peculiarities of verbs which have changed, becoming similar to verb forms used in literal language, what we call innovations.

KEY WORDS: dialect, forms of the verbs, the olden and young generation, changes, informant, comparison, speech, cause, wordage, variant, notice, parallel form, to frame, to take, person, singular, plural, choose

Dovilė Vengalienė

Vilnius University Kaunas Faculty for Humanities. Lithuania

E-mail: dovile.veng@one.lt

THE FUNCTIONS OF IRONY IN HEADLINES

Irony as a stylistic device has been known since ancient times. It has been a classical subject of study because of its intriguing communicative value and its theoretical challenge. However, it is still one of the problematic issues in the field of linguistic research. Due to the multitude of its forms irony can be examined from a variety of different angles and this results in a plentitude of different approaches, attitudes and points of view. The article aims at outlining the basic functions of irony in news headlines from the perspective of the irony interpreter, focusing on their positive/negative evaluative edge.

KEY WORDS: *irony, headlines, functions, reinforcing, complicating, oppositional, ludic, distancing, self-protective, provisional, assailing, aggregative*

In the days of the technologies mass media plays the leading role not only in providing information but in influencing the public opinion, encouraging some action, forming attitudes, criticizing, scorning.

The means to reach the desired aim for the journalists are numerous. Irony is one of the stylistic devices whose force has been recognized and whose usage is constantly growing.

The double nature of irony enables the ironist to form attitudes, or opinions, to criticize, to assess without taking responsibility, as this particular stylistic device enables you to get the refugee as easily as to attack or criticize. Thus, the ironist can feel safe even having said something that might seem insulting for the victim of the irony.

The moral face of irony has been debated since its usage came so widely into the mass media. Is it ethical to employ irony when all the economic or political issues can be dealt with using the literal level / the stylistic device that has worked over centuries in literary work now is closely related to the fields of economics and politics. The purpose of mass media is no longer restricted to providing information. It has expanded to forming opinions while expressing a critical attitude towards a certain political/economical situation or a politically important person, whose decisions influence the life of the society.

The irony can be used for expressing both a positive and a negative attitude. Thomas Mann once praised irony as a moral attitude that woos ‘even if secretly’. Yet, another theorist, Muecke, expresses a different moral position: “irony by its nature seems to have a power to corrupt the ironist...by offering him both a refuge from life and a means of subjecting it to his own ego”. He sees “the habit of irony” even as a “corrosive and paralyzing disease of the spirit”. But, a caveat is also offered: “there are also dangers in earnestness, in not having a sense of irony” (3, 37). In fact, this sort of flipping from negative to positive is to be found everywhere in the evaluative rhetoric of discourses about irony.

M. Bahtin once called irony the “equivocal language of modern times”, for he saw it everywhere and in every form – “from the minimal and imperceptible, to the loud, which borders on laughter”.

The prove to the plentitude of the usage is evident; the mass media simply abounds in irony: TV, newspapers, the radio – the reports tend to be ironic everywhere and ironise everything. As P. Navarro says, “If irony were electricity, we wouldn’t have to worry about blackouts.”

On the other hand, the existence of one signifier -irony- should never blind us to the plurality of its functions as well as effects. Under the label of irony there is a wide range of its tones, effects, and functions.

Some of the many possible functions of irony in the headlines of news reports on the internet and in newspapers might be outlined from the point of view of the interpreter. After all,

according to many irony researchers, the final responsibility for deciding whether irony actually resides in discourse or not and what happens in the ironic process, rests solely with the interpreter.

L. Hutcheon enumerates nine main functions of irony. According to the linguist, different motivations result in different reasons for attributing irony. The lack of distinction among the multiple possible functions of irony is one of the reasons for so much confusion and disagreement about its meaning, appropriateness and value. There is no doubt that all functions of irony can be viewed both as positive and as negative. In Hutcheon's opinion, for every way of describing the effect of irony, there are different evaluations, depending on things, like taste, habit, training, politics, temperament, and many other variables. Approval and disapproval take many forms and cannot be reduced to a simple division of right and wrong. Thus each of the functions of irony turns out to have both negative and positive evaluation, they can be presented in both approving and disapproving terms.

As well as the ironies of literary work, according to L. Hutcheon, perform a certain number of possible functions, the news headlines fall into a similar number of functions they carry.

1. The reinforcing function, according to L. Hutcheon is the most straightforward and basic function of irony. It serves to underline a point in discourse.

The list of skiers in the Parliament is growing

The news headline does not provide any new information; the facts of the members of parliament going skiing during the parliamentary sessions have been discussed for several weeks already. However, a new, ironic way to present the fact serves to attract the attention once again to the same issues, giving them additional, ironic coloring. Irony here serves to express the critical attitude by more dramatic means. Similarly, the following headline focuses on the issues that have been known and analyzed for years:

'Fast Food Nation': The Danger of an Unexamined Appetite

Here the ironic sentence does not carry any new information, it does not express any substantial thoughts at all. The situation is well familiar for everyone, the general attitude towards the event is generally the same, disapproval is a leading emotion connected to the event. Thus the journalist as if does not contribute any new ideas, the expressed attitude is the one that prevails in general. So the function of irony here is reinforcing the same attitude.

This function can be viewed from different angles. For some it might have a positive function: it is deemed for emphasis and for greater precision of communication, especially of communication of attitude.

For others this function can seem negative while claiming that such reinforcing irony is purely decorative, subsidiary, non-essential. Why should ironic attitude be reinforced if it has already been clear.

So irony even in its least problematic form appears to be open for conflicting evaluations as well as interpretations of its functioning.

2. Complicating function

In some critics' eyes, irony is typical of the complexity, a form of controlled and positively valued ambiguity. It issues a call to interpretation and its delights. But negative connotations of this function could also be inferred. Unnecessary complexity can become misleading rather than enriching, and ambiguity can cause misunderstanding, or lack of clarity in communication. It might provoke irritation when the irony was not a desired means of information presenting:

Gay Marriage could affect...Rick Perry?

Here instead of a direct and short piece of informative news the author chooses an ironic headline which is in a way ambiguous. The writer deliberately chooses to complicate the life of the addressee by irony.

Employing this function of irony might result in a plentitude of missed ironies as it becomes difficult for the victim to decide whether the speaker was ironic or not, whether he wanted to insult or intended to pay a compliment:

You're a Real Genius!

Without reading the article itself (which appears to outline the main flows of a parliament member) the interpreter of the headline might be left in ambiguity, as though the headline structure hints to irony, it can still be interpreted literally.

3. Oppositional function

The same utterance may have opposite pragmatic effects: what is approved of as polemical and transgress to some might simply be insulting to others; what is subversive to some might be offensive to others.

The court amazed by the memory of Paksas' guards

The given headline might be viewed as positive by those who disapprove of Paksas' politics, and support the ironic attitude directed to the very suspicious changes in their given evidence. On the other hand, the supporters of Paksas might feel insulted by the ironic attitude of the journalist.

It may be said that the same utterance can cause opposite pragmatic effects.

4. Ludic function as well as the previous ones it is a relatively benign function of irony. When we view it favorably it can be seen as a benevolent teasing and can be associated with humor and wit.

Is Uspaskich on the ropes?

Irony here can be interpreted as playful jibe.

On the other hand, the same function of irony can be seen as negative: irresponsible, empty, even silly: "In an age of few or shifting values irony becomes, very often, a tone of urbane amusement, assuming the right to be amused, but offering no very precise positives behind the right. It can degenerate into a mere gesture of superiority, superficiality polished and civilized, but too morally irresponsible to be really so" (3).

The Constant Gardener: The Making and Unmaking of Human Legacy

Irony can hardly be described as carrying the informative function here; the form it takes here is nothing a pun, play on words. Therefore, even without the moral frame, such form of irony can be seen as trivializing the essential seriousness of art. That was a general position shared in the nineteenth century, but even in modern times the "significant" in art is often seen as the highly serious.

5. Distancing function

The affective charge associated with irony increases when it functions as a distancing mechanism. According to L. Hutcheon, distance suggests the non-committal, the inferred refusal of engagement and involvement. So this distancing can be interpreted as disdain and superiority:

On the other hand, distancing can be interpreted as a means to a new perspective from which things can be shown and seen differently. According to Kaufer, the distancing function of the new perspective induced through irony is the one that sees it as refusing the tyranny of explicit judgments, especially at a time when such judgments might not be either appropriate or desirable.

Decline In Arctic Sea Ice -- Yeah, so?

At the same time the example illustrates the following -self-protective -function of irony.

6. Self-protective function

Irony can be seen as a kind of self-defense mechanism. That is usually seen as a positive function. But the same function can bear a negative evaluation as well. It can be seen as a form of indirect self-promotion, even arrogance. According to Mizzau, for the ironist, irony means

never having to say you're sorry. The journalist can always retreat to the more favourable – literal or implicated – level of irony, as the fact of an utterance being ironic can never be proved or rejected. You can always protect yourself and argue that you were only being ironic, or that you were not ironic at all. You can even turn an error into a joke with the same statement; you can certainly use it to get out of any number of embarrassing situations:

How can that happen in America?

The rhetorical question is asked in relation to all the misunderstandings that took place after the hurricane called Catherine. According to the general opinion the government did too little if anything at all. People believe, the authorities should have taken the right measures to prevent human casualties. America has always been thought of as a super state; the belief proved to be wrong. Therefore the journalist takes a highly ironic attitude to America as a super state. On the other hand, the journalist, if accused in blasphemy can always say he was not ironic, and the headline should be read literally. Thus the ironist having been accused of injustice might protect himself finding refuge in ironical conflation of positive and negative statements.

7. Provisional function

We can call a function of irony provisional in a sense that it always offers a proviso and contains a built-in conditional stipulation that undermines any fixed and firm position. All of the above mentioned examples can serve as illustration of this function.

America: Rogue State?

The rhetorical question asked by the writer shows his position to a certain extent. The double nature of the ironic utterance allows avoiding direct opinion.

When this function is valued positively it is said that the duplicity of irony helps to avoid a dogmatic, categorical truth. It becomes “an undogmatic alternative to authoritative pronouncements”(2, 51). This is the function of irony that “does not reject or refute or turn upside down: not evasiveness or lack of courage or conviction, but an admission that there are times when we cannot be sure, not so much because we don't know enough as because uncertainty is intrinsic, of the essence”(3). Such a position when this function of irony is seen as valuable is often called demystifying.

Yet the same function can be seen as negative. Then it is said to have to do with hypocrisy, duplicity, and deception.

8. Assailing function

The name of this function comes from a Latin word “assilire” which means – to leap upon. It is believed to be the sharpest edge or bite of irony. The negative charge here is at its maximum and irony becomes a destructive attack. This destructive attack or sometimes bitterness may suggest no desire to correct but simply a need to register contempt and scorn. Here irony could operate as the aggressive put-down that keeps people in their place.

How Bush stole the elections

Yet there exists what could be called a positive motivation for leaping upon. It lies in the corrective function of satiric irony, where there is a set of values that you are correcting towards. It ridicules in order to correct.

9. Aggregative function

There is another more general, social functioning of irony. Many theories argue that irony may create communities. It can be said that irony itself is created by communities. There are those who spot irony and those who do not get it. The ironist and the interpreter who understand the irony become as if a part of a small, select, secret society. Those who do not get irony are excluded from it. According to Booth, irony creates “amiable” communities between the ironist and the interpreter and thus recalls the pleasures of collaboration. In newspaper headlines the ironic attitude usually echoes the general attitude of the community and those who do not share the attitude are instantly turned into outsiders.

It's not Zuokas, it's environment to be blamed

Here the members of the family form as if a secret society where the pleasures of collaboration are enjoyed. No outsider would be let into this community. The aggregative function of irony can also be exemplified by a headline:

Lithuania called Gariūnai

The community may be created of those who take the headline as ironic, and yet another community of those who understand it as insulting.

Of course the list of possible functions of irony is not exhausted. The above mentioned techniques do not cover all the ways the ironists employ in the verbal irony. Those which have been mentioned above are more typical for the verbal irony and might present greater interest for the reader. Actually there are many more instances the ironists use, such as: irony by analogy, innuendo and insinuation, ambiguity, misrepresentation, etc.

One of the most resent irony analysts K. Barbe saw the main function of irony in politeness. According to her, irony helps to express unpleasant things in a different, more polite way. Thus, an ironic address here may be seen as a polite, alternative of saying just 'get out of here!'

In addition to the interpreter's stance, the functions of irony might be viewed from the angle of the ironist. The ironist can use irony for various reasons: to praise or to blame, to express anger or disappointment, to pretend sympathy or doubt.

Thus, irony seems to ingratiate, to intimidate, to underline and to undermine; it brings people together, creates communities, and it drives them apart. Yet, despite all this variety we call this phenomenon by a single name of irony where "the ironist's virtue is mental alertness and agility. His business is to make life unbearable for "troglodytes", the victims" (3, 157).

REFERENCES

1. BOOTH, W. C. *The Rhetoric of Irony*. Chicago Press, 1974.
2. HUTCHESON, L. *The Edge of Irony*. Oxford Press, 1996.
3. MUECKE, D.C. *The Compass of Irony*. Methuen, 1969.
4. KOTTHOFF, H., *Irony, Quotation, and other Forms of Staged Intertextuality*, in C.Graumann & W.Kallmeyer (eds.), *Perspectivity in Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
5. KNOX, N. D. "Irony", in *Dictionary of the History of Ideas: Studies of Selected Pivotal Ideas*, ed. Philip P. Wiener (New York: Charles Scribner's Sons, 1973), Vol. II, pp. 626-634.

Dovilė Vengalienė

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

IRONIJOS FUNKCIJOS ANTRAŠTĖSE

Santrauka

Ironija kaip stilistinė raiškos priemonė yra žinoma nuo Antikos laikų. Jos komunikacinė vertė niekomet nekėlė abejonių ir sąlygojo daugelio kalbotyrininkų susidomėjimą. Tačiau ironija-tai besikeičianti, dinamiška raiškos priemonė, kuri gali būti nagrinėjama daugeliu aspektų, ivairiomis perspektyvomis. Straipsnyje aptariamos ironijos pozityvios/negatyvios funkcijos laikraščių bei internetinių tinklalapių naujienų antraštėse. Daroma išvada, kad ironijos atliekamos funkcijos perdengia viena kitą, ta pati antraštė gali turėti tris ir daugiau funkcijų, bei gali būti vertinama tiek pozityviai, tiek negatyviai.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: ironija, antraštės, funkcija, sutvirtinanti, komplikacinė, opozicinė, atribojanti, apsauganti, parengtinė, puolamoji, agregacinė.

LITERATŪRINIO DISKURSO ANALIZĖ
ANALYSIS OF LITERARY TEXTS
АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСА

Gabija Bankauskaitė–Sereikienė

Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

El. paštas: sereikiene@vukhf.lt

ERDVĖS IR LAIKO RAIŠKA BALIO SRUOGOS POEZIJOJE

Straipsnyje lyginami Maironio romantinis ir Sruogos modernus lyrinis subjektas, išryškinami jų skirtumai ir bendrasis modernumo kontekstas. Nagrinėjama erdvinė Sruogos poetinio pasaulio struktūra, atskleidžianti disonansais pagrįstą subjekto aplinkos ir žmogaus estetinį vertinimą. Poetinėje erdvėje dominuoja jūros, dangaus ir žemės semantika, kuriami impresionistinių prasmių srautai. Analizuojamas lyrinio subjekto santykis su miestietiška kultūra. Analizuojama, kad Sruoga pratęsė Maironio romantinį krikščioniškos pasaulėjautos dualizmo priešybių naikinimo, jungimo veiksmą. Taip pat tyrinėjama, kaip poetas eilėraščio erdvę ir laiką susiejo su psichologine analize ir filosofiniais žmogaus egzistencijos svarstymais, pasiduodamas bendrajai modernistinei sąmonei.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: modernizmas, impresionizmas, simbolizmas, ekspresionizmas, estetizmas, individualumas, erdvė, laikas, miestietiška kultūra.

Pastaruoju metu ypač Lietuvoje suaktualėjus modernizmo refleksijai, derėtų atidžiau pažvelgti į vieną modernesniųjų poetų, atsiskleidusių XX a. pirmaisiais dešimtmečiais, – Balį Sruogą. A. Mackaus žodžiais, „Balio Sruogos vardas mūsų literatūroje reiškia plačią, šakotą asmenybę, nepasitenkinusią nusistovėjusia mūsų gyvenimo rutina, bet visada ieškojusią ir radusią naujos kūrybos plotus, naują žodį ir išraišką. [...] Literatūros novatorius jis buvo ne tik savo gyvenimo ir intelekto įtaka, bet ir savo kūryba [...]“ (7, 221).

XX a. pirmaisiais dešimtmečiais lietuvių lyrikoje su Sruogos poezija ypatingą vertę įgijo individualizmas, superjautrios asmenybės ir dinamiško, įvairialypio, besikeičiančio gyvenimiško konteksto santykis. Sruogos poezijos spontaniška, lyriška, dinamiška asmenybė ir sykiu modernus nervingas individas, demonstruojantis sustiprėjusį psichologiškumą, asmenybinių „subyrėjimą“, netgi dekadentiškumą, savotišką spleną, pakeitė tvirtą, racionalų ir retai abejojančią Maironio poezijos herojų (*Aš visas – verpetai, / Aš visas – ugnis, / Aš visas – godelėj / Dangaus kibirkštis* (12, 636), (*Esu ir žiedas, ir dalgė; Aš – saulė tarp sauliu, aš – šešėlis tarp šešėlių – aš viešpatis* (12, 94). Sruoga natūraliai persiėmė bendruoju gyvenamojo laikmečio, modernizmo epochai būdingu jutimiškumu, nulemtu naujos estetiškos sąmonės atsiradimo.

Individualizmas, apėmęs visas gyvenimo sritis, ypatingai reiškėsis mene, tapo modernistų antikonformistiniu bruožu. Ch. Baudelaire'o poezijos knygos buvo iškelta byla už „viešosios doros“ įžeidimą. Dvidešimtmetis poetas A. Rimbaud'as, sulaužęs daugelį tradicinės poezijos kanonų, įvykdė „literatūrinę savižudybę“, visiškai nustojo kurti, nusprendęs, jog vidinio gyvenimo poezija žodžiu neišreiškia. Prancūzų visuomenei buvo nepriimtina revoliucinė impresionistų dailė. Rusų poetas V. Chlebnikovas savo poetines intencijas bandė išreikšti „nuosava kalba“, specialiai sukurta identiškai saviraiškai. Sinkretinė, savy sujungusi simbolistinius, realistinius, impresionistinius ir abstrakcionistinius pradus, M. K. Čiurlionio tapyba jo amžininkų taip pat buvo ilgai nesuprasta ir nepriimta. Ne visi suprato V. Skriabiną, norėjusį muzika išreikšti „kosminius“ vaizdus–simbolius, svajonę apie amžiną šviesą ir visos žmonijos laimę, tikėjimą, kad menas gali suvienyti ir pakeisti pasaulį (4, 155).

Sruoga taip pat konfliktavo su visuomene. Poetui maksimaliai atsigręžus į save, publiką palikus ieškoti naujų jo kūrybos skaitymo ir supratimo būdų, radosi įtampa tarp jo ir visuomenės.

Sruoga sulaukė kritikos dėl per didelio lyrikos specifiškumo, „nesuprantamumo“, subjektyvumo. Daugumą šokiravo ne tik „suskilęs“ Sruogos lyrinis subjektas, jo psichologinis neapibrėžtumas, emocinis nestabilumas, keistas, pilnas naujadarų žodynas, bet ir paties poeto sąmoninga poza – šokiruojantys drabužiai ir neįprastas elgesys. Daugybė slapyvardžių, savikritika taip pat reiškėsi Sruogos keitimosi, literatūrinio apsimetimo, žaidimo pomėgis.

Naujos, modernios sąmonės atsiradimą rodo ir pokyčiai išreikiant erdvę bei laiką poezijoje. Naujovių Sruogos poetinėje kūryboje ieškoma atsiremiant į M. Bachtino teoriją apie lyrinio herojaus erdvėlaikio specifiką bei lyginant Sruogos eiles su Maironio poezija.

Poetinės erdvės ypatumai

M. Bachtino teigimu, poetinę lyrinio eilėraščio erdvę formuoja kūrėjo požiūris į lyrinio subjekto kūną, jo aplinką: „Kūrinyje vaizduojamų išorinių objektų erdvinio išdėstymo ir vertybinio įprasminimo centras yra išorinis kūnas bei taip pat išorinė žmogaus siela. Visi objektai susieti su herojaus išore, jo išorinėmis ir vidinėmis (kūno bei sielos) ribomis“ (1, 205). Daiktinis pasaulis, meno kūrinyje įprasminamas ir susietas su herojumi kaip jo *aplinka*, išreiškia autoriaus estetiškos sąmonės turinį. „Aplinkos savitumas reiškiasi pirmiausia išoriniu formaliu plastiniu bei tapybiniu deriniu: spalvų, linijų harmonija, simetrija ir kitais neprasminiais, grynai estetiniais deriniais. Žodinėje kūryboje šis aspektas, žinoma, nepasiekia išorinio vizualinio (vaizdinio) išbaigtumo, bet emociniai–valiniai galimų vizualinių vaizdinių ekvivalentai estetiniame objekte atitinka šią neprasminę plastinę bei tapybinę vienovę [...]“ (1, 205). Analizuojant Sruogos lyrinį subjektą, stebima, į ką nukreiptas poeto išgyvenimas, kokios vertės suteikiamos lyrinį *aš* supantiems vaizdams, kaip atsiveria jų prasmų daugiasluoksniškumas.

Maironio poezijoje lyrinio subjekto aplinka – plati panoraminė erdvė ir istorinės permainos. Herojaus aktyvumas eilėraščiuose neatsiejamas nuo stabilaus, alegorinio turinio peizažo, būdingo klasicizmui ir romantizmui. Lyrinis Maironio subjektas dažniausiai veikia ir mąsto stovėdamas aukštame regėjimo taške arba vietoje, kurią supa atvira erdvė (13, 121). Jį aktualizuojantys stambūs peizažai formuoja atitinkamas kompozicines ir žanrines teksto formas – odišką eilėraštį, poemą (eil. *Nuo Birutės kalno, Rigi Kulm, Trakų pilis*). Eilėse vaizduojama didinga gimtojo sodžiaus panorama, romantiškai apibendrinamas iškilnus kraštovaizdis, aiškiai nubrėžiamos išorinės lyrinio subjekto erdvės ribos (eil. *Miškas užia, Senelio skundas*). Peizažas rišlus, aiškus, kiekvieno atpažįstamas ir suprantamas iš pirmo žvilgsnio. Ir vidinė, ir kolektyvinė lyrinio subjekto patirtis atvirai, įtikinamai garbina *tėvynę* ir jos meilę, kuri tampa pasaulėvaizdžio branduoliu. Aprašomosiomis erdvės ribomis Maironio lyrikoje galima įvardinti gilumos ir aukštybių matmenis – *žemės, marių* ir *dangaus, žvaigždžių, kalnų* antinominę struktūrą. Autorius ją vertybiškai aktualizuoja kaip lyrinio subjekto pasaulio formą, nes aplinka ne tik matoma, bet ir ramiai mąstoma.

Sruogos lyrikoje dar galime atsekti maironiškos erdvės kontūrus, tačiau lyrinio subjekto santykis su erdve jau komplikotesnis. Jausmingai atsiveriantis ir sunkiai save identifikuojantis lyrinis *aš* skleidžiasi pabrėžtinai autentišku, intymiu, privačiu kontaktu su aplinka. Spontaniškumas kūryboje lemia fragmentiškumą. Eilėraščiuose nebelikę maironiško panoraminio ir logiškai aiškaus peizažo, klasikinės emocijos raiškos. Tėvynės vaizdinys retas, dažnai fragmentiškas ir labai abstrahuotas (eil. *Kalėjimas, Liūdėjimas*). Sruoga stilizuoja, anot jo, liaudies dainai būdingą spontaniškumą. Tėvynės vaizdinys paverčiamas iš dainų perkopijuotu vaizdiniu (*pievelė, žalios girios, šilas, marios, dunojėlis, miškai*) ir veikia kaip vidinių lyrinio subjekto išgyvenimų kontekstas (eil. *Gandas, Dulkės, Krivulės žadas*). Sruogos lyrikos vaizdai nuolat mainosi, keičiasi, teka, pasipildo detalėmis, subyra ir vėl sukimba. Jų slinktį eilėraštyje reguliuoja nenuspėjama subjekto psichikos tėkmė, nuotaikų kaita. Poetinė erdvė tampa unikalio lyrinio subjekto vaizduotės erdve, kuriai nebegalioja objektyvūs matmenys. Lyrinis subjektas kalba minčių nuotrupomis, užuominomis, jausmų niuansais. Eilėraščio vaizdai įgyja sielos peizažo išraišką (*Sienos siūbuoja, palubės supas – / Šiandie aš varmas, ryt – kibirkštis. / Vakaraq pančiai, rytq padangės. / Žiedui ir dulkei – viena lemtis*. (12, 66).

Sykiu Sruogos eilėraščiuose lyrinis subjektas siekia dvasinio susiliejimo su bendruoju visatos ritmu. Pratešiant romantinę tradiciją, etiniai poelgiai, patirtis ir pažinimas perkeliama į

estetines formas – grožėjimasi gamta, tautosakine kūryba. Pagal M. Bachtino teoriją, estetiškumas, kaip teorinio ir etinio pažinimo sintezė, visiškai realizuojamas tik mene (1, 336). Vaduodamasis iš romantinių klišių, Sruogos lyrinis subjektas itin dažnai veikia estetizuotoje, idealioje dangaus erdvėje, nuauksintoje ir išdailintoje, kupinoje saulės šviesos (*O saulė nukrito / kaip deimantai ryto... / O dega, taip dega skliautai...* (12, 44). Ji primena prancūzų impresionistų šventiškus paveikslus ir rusų simbolistų, vadinamųjų „saulės poetų“, eilėraščius (*Pabėrė auksą / Vakarė saulė/ Bangose. // Auksinis tinklas, / Auksinės žuvys... / Luotelis manas, / Irklai, lašai... // Varau luotelį / Srovėj ugninėj. / Iš spindulių / Dievaitei manai / Pina karūnų... // Auksinės marės / Auksinės gijos... / Ir be altorių / Gražybės deivei / Pasaulis visas!* (12, 55). Eilėraštyje ryškus simbolistinei poetikai būdingas plaukimo motyvas, jungiamas su vakarinės saulės sukeltu išpūdžiu. Realybės detalės paverčiamos simbolistiniais šifrais. Apdainuojama pagoniška saulė-dievaitė (*be altorių*) primena Čiurlionio paveikslo *Karalaitės kelionė. Pasaka. Triptikas* trečiąją dalį, kuriame dangaus fone nutapytas didžiulis baltas diskas, primenantis gigantišką piene, įkūnijančią pasaulio grožį.

Daugumoje Sruogos eilėraščių lyrinio subjekto žvilgsnis primena čiurlioniškąjį – nuo kalno, bokšto, iš dangaus, jūroje jam atsiveria beribių plotų reginys (*Ant aukšto kalno uždegiau žibintą* (12, 3), *Iš aukšto bokšto per gyvus kūnus / Žengiu meilingas in melsvą tolį...* (12, 79). Eilėraščių kalbantįjį kaip spontanišką asmenybę, ieškančią „dvasinių aukštumų“, Sruoga vaizduoja pasitelkęs atviros kalnų erdvės vaizdus (eil. *Taip tykiai kūrenas kudmentas, Berniokas, Donkichotas*, neįėję į rinkinius *Alpių vėjais, Alpėse*). Eilėraščių panoramiškumas kiek primena maironiškąjį, tačiau daug sugestyvesnis, orientuotas į individualų, o ne į kolektyvinį supratimą.

Stichiškumo, chaoso pojūčio, vitališkos gyvenimo pilnatvės išgyvenimus ir kartu grėsmės nuojautą Sruoga išreiškia pasitelkęs jūrinės erdvės, susiliejančios su dangumi, vaizdus (eil. ciklai *Ties banga, Vėtra*). Šiame kontekste ypatingą vertę įgyja mitologizuota poeto ir paukščio paralelė (*Vėtra – marės – bangos – uolos – / Išskleisti sparnai! / Te sau lieka, kas parpuolo – / Mes – laisvi arai!* (12, 61); *Kartu užgimęs ir kartu klejojęs, / Aš su aru išlaisvoj gyvenu! / Vizijas šventas ten kartu godojęs, / Aš ir iš saulės juokiuos su aru!* (12, 216). Paukščio, kaip žemės ir dangaus mediatoriaus, metafora būdinga ne tik romantikų, bet ir simbolistų kūrybai, nes simbolizmas plėtojo romantizmo pradėtą dialektinį begalybės ilgesio ir mirties motyvą, atspindintį archajiškiausią žmogaus sąmonės momentą – nemirtingumo troškimą.

Sruoga paukščio–mediatoriaus įvaizdžiu atskleidžia archetipinį lyrinio subjekto tikėjimą žmogaus persikūnijimu (*Skrido paukštis, slėpingas / Iš aukštybių marių bokšto / Vakarų tolion šalėlėn, / Kur kūrenos aukso liepsnos, / Kur iškilo šventos giesmės / Kur saulužė raudonoji.* (12, 85). Poetinė jūros erdvė susiejama su dangumi ir tampa ypatinga, sakralia erdve, kurioje vyksta kūrybinis aktas, gieda / kuria paukštis / poetas. Slėpingas paukštis iš aukštybių, priklausančių dieviškajai sferai, atneša žinių susirinkusiems prie *aukso liepsnų*, pašvęstiesiems. Padangės, aukštybės asocijuojamos su mėlyna spalva. Sruogos lyrikoje dažnos *mėlynoji paukštė* ir *baltoji gulbė*, įvertybinančios jaunystę, kūrybą, mistifikuotą meilę (eil. *Baltai gulbei, Į mėlynus tolius, Mėlynoji paukštė*).

R. Tamošaičio teigimu, mėlynoji paukštė yra centrinė simbolizmo metafora, poetiniuose simbolistų tekstuose perskaitoma kaip dangiškos, laisvos sielos idėja (15, 107–108). Sruogos eilių *Mėlynoji paukštė* – taip pat dangaus ir žemės tarpininko simbolis. Mėlynumas, kaip išsiliejimo į kosminę erdvę, dieviškos kūrybos ir įkvėpimo prasmė, Sruogos lyrikoje sukoncentruotas *mėlynujų tolių, mėlynosios gėlės* ir *žydrosios viešnios* simboliuose. *Žydroji viešnia* – ibseniškas mirties ir kartu paradoksalus jaunystės simbolis, savo prasmėmis artimas *mirties, gėlės* ir *pjautuvo* simboliams. Sakralioje mėlynoje jūros ir dangaus erdvėje Sruogos eilėraščių lyrinis subjektas tampa mediacinio siela–paukščiu, siela–šešėliu, siela–dūmu, sujungia mirtį ir gyvybę, realybę ir idealybę.

Erdvės raiškos pokyčius Sruogos poezijoje rodo priešinga maironiškajai ir sykiu simbolistiškai dualistinė žemės traktuotė. „Mirguliuojanti“ žemės semantika kuria impresionistinių prasmų srautus. Žemė traktuojama kaip atkurianti giluminę dvasinę prasmę,

kaip dievybė, moteriškojo prado ir chtoniško gelmingumo reiškėja. Lyrinis subjektas savo jausmų proveržius aktualizuoja suteikdamas ypatingą vertę nuolatiniam pavasariniam žemės atsinaujinimui (*Lenkiuos į žemę žydinčią, / Glaudžiuos prie jos garuojančios* (12, 204), simbolizuojančiam sielos nemirtingumą (*Numylėta, numylėta, tu, žemele, / Nesakyk – paklydęs sūnus, / Nesakyk! – Aš grįžtu, būnu* (12, 131). V. Daujotytė yra pastebėjusi, kad Sruogos žemės interpretacija artimesnė ne Maironio romantiškai ir vyriškai nutolinančiai didžiavyrių žemei, o modernesnei Baltrušaičio motiniškai žemei, raginusiai pasikliauti palaikančia jos jėga, matyti bendrą gyvybės prasmę, visus jungiančią ir keliančią (3, 65). Tačiau sykiu Sruoga žemę sieja ir su *lėbone*, išvelgdamas joje paviršutiniškumą, dvasinį pasyvumą, tuštybę (*Seniai pasigestu, prigludams prie žemės krūtinės, / Kad žemė – ne motina man!* (12, 200).

Pasaulio erdvumo jausmą patirdamas kaip dvasinį išsilaisvinimą, lyrinis subjektas dažnai veikia lauke, sode arba jį atstojančiame mergelės darželyje, apsuptas augmenijos (*Pasigėriau saulės džiaugsmu mano lauko platume! / Lauko valią – lauko dainą išauginęs širdyje* (12, 189). Augalai, kaip žemutinė ir kartu pagrindinė organinio pasaulio pakopa, simbolizuoja visų gyvų padarų vienovę, daro pasaulį cikliško atsinaujinimo simboliu, atlieka pasaulio medžio funkciją (*Šniokščia vinkšnos ir berželiai / Šičia lauke. Ir ne čia.* (12, 117). Sodas tampa poemos *Miestas*, inspiruotos vokiškojo ekspresionistinio konteksto, centrine erdve. Tačiau desakralizuotoje aplinkoje jis praranda archetipinės kosminės tvarkos simboliką, žymi nebe meilės pasimatymų vietą ar kuriamąsias galias, o tampa pasilinksminimų, uždraustų rojus obuolių skanavimo vieta (*Mergos, studentai ir spekuliantai / Rudenio sodo kampus matuoja... / [...] / Riša problemas, laimę kainoja...* (12, 274).

Technologinė erdvė Sruogos lyrikoje įgauna ypatingą etinį kritikos atspalvį. Rašytojui buvo artimas antiurbanistinis rusų simbolistų nusiteikimas, žinomi miesto–velnio, miesto–kalėjimo, miesto–ištvirkimo lizdo įvaizdžiai, E. Verhaereno įvairialypis požiūris į miestą–aštuonkojį (10, 172). Sruogos miestietiškos erdvės, kaip dvasios nuopuolio formos, prasmės artimos A. Bloko gatvės vaizdavimui cikle *Miestas* (Город, 1904 – 1908): *Nors ir pavergtas žemės kelionėj – / Gatvėj neįjunti / Kilpos nei pančių! // Te sau tyčiojas valkatos, mergos, / Juokias praeiviai, / Bepročiu šaukia...* (12, 71); – *Улиця, улица... / Тени беззвучно снешаючих / Тело продать / И забвеньє купить [...]* (19, 339–340).

Miestietiškoje erdvėje Sruoga neigiamai vertina kūno ir dvasios niveliaciją, religijos ir kultūros subuitinimą (*Vartai, bažnyčios, dievas prikaltas, / Iš amžinybių miestan atkeltas* (12, 272). Kritiška nuostata pasireiškia jau nebe lyrine–išpažintine, o ironiška forma (*Stovi šalimais, maistą parduoda / Smuklė, bažnyčia ir univerka* (12, 273), *Šopeno valsas kvėpia ragaišiu / [...] / Tenoras kriokia iš „Lohengrino“... (12, 275). „Subyrėjusi“ erdvė būdinga ir lyriniam subjektui (*Sąmonė ima kvaituliu plaktis; Sąmonė trupa, šaukias apakti* (12, 277).*

Taigi šalia estetizuotų, mitologizuotų, pozityviai išgyvenamų gamtinių erdvių vaizduojamos ir neigiamai vertinamos miestietiškos erdvės formos, pažymėtos baime, vienatve, nebylumu. Modernaus žmogaus vienišumą Sruoga perteikia pasitelkęs *plieno durų* ir *pilies sienų* įvaizdžius (*Beldžiu, beldžiu... Durys plieno / Kursta aidas tylumoj... [...] Užrakintos pilies sienos. / Lūkesiai. Sapnai.* (12, 67).

Lyrinio subjekto dvasinės mirties, moralinio nuopuolio įvykiai atsiskleidžia *bedugnės* ir *prarajos* įvaizdžiais – simbolistų pamėgtu ribiniu erdvės tašku. Sruogiški įvaizdžiai susišaukia su V. Mykolaičio–Putino *krūtinėmis*, kurios *kaip šaltos bedugnės kvėpuoja tamsa ir drėgme*, su rusų simbolistų F. Sologūbo, V. Briusovo, J. Baltrušaičio analogiškais gyvenimo, kaip stovėjimo ant *bedugnės krašto*, prasmėmis. Prasižiojančios *bedugnės* – fundamentinė Ch. Baudelaire'o *Blogio gėlių* vaizdinė kategorija, itin pamėgta kitų simbolistų kaip nuodėmės, nuopuolio, dvasinės tuštumos simbolis. Dauguma prancūzų simbolizmo tyrinėtojų ją sieja su romantinio meno įtaka, su objektyviu, erdviu vaizdu, nepriklausomu nuo lyrinio subjekto, netgi jį nustelbiančiu, su poeto sielos klajonėmis romantinėse platybėse ir neišmatuojamose “mėlynose gelmėse” bei tolimame danguje, su erdvės, kurioje susilietų kvapai, spalvos ir garsai, paieškomis.

Sruogos lyrikoje romantinei nerimstančiai lyrinio subjekto dvasiai šėlstančios jūros vaizduose papildomų reikšmių suteikia *bedugnė*, kaip mistinė erotiškumo ir mirties jungtis, kaip

nuoroda į neperprantamą, spontanišką lyrinio subjekto pasąmonę (– *Paslaptis juodų bedugnių / Prašvitrės, / Kai bangų užburtas gandas / Jas palies, / Ir prašvis aušta kraujuota. / Paslapties!..* (12, 61). Bedugnė – mirties sfera, irealus pasaulio dugnas. Tai kartu ir aukšto, gilaus dangaus atspindys. Sruogos lyrikoje dažna *gaisri bedugnė*, o šalia simbolistinių *juodų ir tamsių bedugnių* atsiranda *mėlynos, baltos bedugnės*, reiškiančios mirtį, sustingimą, šaltį, kūrybinę negalią, dvasinę užmarštį. Mėlyna tampa ne tik dangaus, tolių, vandens, dieviškumo, tyrumo, tiesos ir ištikimybės, bet ir nerealybės, fantazijos spalva. Balta taip pat pradeda simbolizuoti ne tik tobulumą, bet ir gedulą. Bedugnės semantiką įgyja kalėjimo įvaizdis (*Ir užmirštosios pilys, / Kur kalėjo grakščios širdys, / Ir užmiršti amžių bokštai, / Kur kalėjo sielos grakščios...* (12, 46). M. Bachtino pastebėjimu, epitetas arba neįprasta žodžio leksinė, gramatinė forma gali tapti konkrečios vertybės charakteristika, vertybine forma (1, 365). Galima daryti prielaidą, kad įvairiasluoksnis bedugnės įvaizdis Sruogos lyrikoje įkūnija lyrinio subjekto neigiamus išgyvenimus, o jo spalviniai epitetai užbaigia „dekadentinį“ vienišos sielos peizažą.

Viena vertus, Sruogos lyrinio subjekto erdvė, atsiremianti į mitologinius provaizdžius, dar turi nemažai sąsajų su romantine erdve. Kita vertus, ją konstruoja prieštaringos subjekto nuotaikos, komplikuota pasaulėjauta, paradoksalus „simbolistinio“ polėkio ir „ekspresionistinės“ realybės vaizdinys. Sruogos poetinė erdvės simbolika vaduojama iš romantinių klišių, pasižymi prasių neapibrėžtumu, pilnai atitinka kritikoje suformuluotą modernistinės kūrybos centro – simbolio – sampratą.

Amžinybės ir akimirkos disonansai

V. Sezemano teigimu, laikas yra centrinė literatūros problema (11, 50). Žmogui tai – visagalis gaivalas, kuriam niekas nepajėgia priešintis. Laikas turi tris modusus: praeitį, dabartį ir ateitį. Ne tik gyvenimo, bet ir literatūrinio pasakojimo tėkmė tiesiogiai susijusi su laiku. Asmeniškai žmogui laikas yra savotiškas dabarties nykimas. Žmogaus būtyje jis yra arba praėjęs, arba tik būsimas (14, 80–81). M. Bachtino įsitikinimu, laiko amžinybė įgauna vertybinę prasmę tik susieta su ribotu žmogaus gyvenimu. Todėl vienas svarbiausių yra lyrinio subjekto santykis su savo egzistenciniu laiku, apribotu jo gimimu ir mirtimi (1, 87–88). Autorius savo laiką supranta ir geriausiai, ir migločiausiai, kaip neužbaigtą ir neaiškų, nes visą savo prasmę skiria ateičiai, kol ją užbaigs mirtis. Tačiau asmenybės būties vertės atsiskleidžia tik tai žvelgiant į kitą. Autoriaus kitaip supranta kito, lyrinio subjekto laiką, kurį visada traktuoja kaip estetiškai vientisą, užbaigtą ir prasmingai suvienytą, nes literatūra leidžia žmogui suvokti tai, ko jis stokoja realaus gyvenimo srovėje – gyvenimo ir sykiu jo laiko estetinį vientisumą. Lyrinio subjekto laiką M. Bachtinas traktuoja kaip jo vidinio kūno arba sielos raišką (6, 413).

Maironis į lietuvių kultūrą ir poeziją įvedė linijinio, iš praeities į ateitį tekančio laiko sampratą, jo poezijos praeitis pasireiškė kaip savęs išivaizdavimo būdas istorijoje, jo žmogus ėmė jaustis teisėtas istorijoje, įveikė laiko uždaramą, kalendorinį cikliškumą (8, 5). Maironio žmogus, būdamas pasaulio ir savo laikmečio centru, kartu yra susietas su kažkuo didesniu ir bendresniu, tarpsta universalioje žmogiškos paskirties ir lemties situacijoje (16, 19). Dažnas Maironio eilėraštis traktuotinas kaip žmogaus sielos istorija, išreikšta atitinkamoje praeities laiko tėkmėje. Praeitis Maironio lyrikoje yra „gyva“, „pirminė“ arba mitinė kūrimo epocha, turinti išskirtinę vertybinę reikšmę (eil. *Trakų pilis, Aš norėčiau prikelti*). Praeities ir dabarties mediatorius – atmintis – semantiškai taip pat artimesnė praeičiai (9, 28–29) (eil. *Užmigo žemė*). Maironio laiko, amžinybės ir atminties sampratos sutampa su istorijos jausmu. Jo eilėraščiuose dominuojanti praeitis dažnai susipynusi su gyvenamąja dabartimi (eil. *Milžinų kapai, Jūratė ir Kastytis, Šatrijos kalnas*). Kai kuriuose eilėraščiuose ryški ir būsimos laiko projekcija, retrospektyviai žyminti ateitį kaip galimybę (eil. *Užtrauksime naują giesmę, Nebeužtvenski upės bėgimo*). Maironio vaizduojamojo pasaulio įvykių seka, jos vertinimas ir suvokimas, pagrįstas etninio kolektyvo praeities pasiekimais, modeliavo istorinį, progresyvinį laiką, kuriame vaizduotas romantinio subjekto sielos neramumas, veržlumas, gimimas ir mirtis. Tai tipiška romantinė būties ir laiko samprata. Kita vertus, Maironis pirmasis pradėjo eksploatuoti poetinę individo ir jo laiko jauseną, suteikė esminį impulsą moderniosios lietuvių lyrikos raidai (9, 25).

Su maironiškos lyrikos laiko samprata polemizavo, ją pratęsdamas subjektyvistine laiko traktuote, Sruoga. Realybė jo poezijoje apibūdinama skirtingomis laiko patirtimis. Istorinis laikas jo lyrikoje beveik išnykęs, o itin aktualiu tapęs psichologinis, kuriame išskirtume transcendentinį laiką (anapusinį, amžiną, mitinį) ir dabarties akimirkos laiką. Šis tampa artimas bergsoniškajai *élan vital* laiko kategorijai, kuria atsiskleidžia iracionali kūrėjo dvasia. R. Ingardeno pastebėjimu, „Grynieji lyrikos kūriniai yra visad aktualizuotas „dabar“ (5, 96). Sruoga pasidavė modernistinei tendencijai analizuoti savo paties psichikos labirintus, mėginti pagauti slapčiausius jausmų niansus, vaizduoti savo svajones, regėjimus, impulsyvias fantazijas ir prisiminimų blyksnius.

Eilėraštyje *Dūžtančio lašo krisleliai mažučiai* akivaizdi moderni laiko samprata, akcentuojamas jausminis lyrinio subjekto pasaulio ir laiko suvokimas. Vaizdus sieja ne objektyvus žinojimas ar pasakojimas, o lyrinio aš išgyvenimai. Aktualizuojamas momentinis sielos judesio, sustabdyto laiko įspūdis (*Dūžtančio lašo krisleliai mažučiai / Netyčia užtykšta – / Tviska sidabras – žydri kibirkštėlė – / Ir vėlei išblykšta... // Aušta aušrelė širdy besimeldžiant, / Kaip gaudėsi tyra... / Greitai vėl gęsta ji, gęsta ir akys... / Ašaros byra... (12, 53)*). Eilėraštyje akivaizdus laiko fenomenalizmas, išgyvenimo vaizdavimas. Subjektyvus „neesminių“ tikrovės momentų vaizdavimas kalba apie vienos jausminės akimirkos esmę. Lašo kritimo sukeltas įspūdis suskaldomas į smulkius niansus. Asociacijų srautas sulieja maldos atgaivintos sielos tyrumą su saulėtekiu, aušra, reiškiančia dvasinį atgimimą. Tačiau sielos nuskaidrėjimas neilgalaikis. Naktis, pašamoninių troškimų metas, sugražina skausmą, liūdesį ir abejones. Sustabdyta akimirka įgauna bergsoniškąjį *élan vital* – egzaltuoto gyvybinio polėkio – statusą.

Ši subjektyviai patiriamo laiko samprata, izoliuotos subjekto sielos raiška taip pat artima *fin-de-siècle* impresionistams, kurie absoliutino nianso ir įspūdžio išgyvenimus, vaizdavo paviršutiniško, trumpalaikio ir nesąryšingo išorinio pasaulio patyrimą, teigė lyrinio subjekto sielos konfliktiškumą, susvetimėjimą, kritinę ribą pasiekusią pasaulėjautą, pasireiškiančią nervingu jautrumu realybei. Akimirkos laikas, įspūdžio išraiška, Sruogos susieta su žmogaus vienišumo ir nevirties problematika, pritampa prie bodleriškojo modernaus atsako į technokratinio didmiesčio gyvenimo greitį ir chaosą. Sruoga, suabsoliutinęs dabarties, akimirkos raišką, Lietuvoje įteisino tai, ką Europoje buvo pradėję Ch. Baudelaire'as ir P. Verlaine'as, Rusijoje – K. Balmontas.

Šalia akimirkos apoteozės Sruoga išplėtojo iš Maironio perimtą romantinę gamtinio laiko, kaip mirties ir gyvybės dialektikos, sampratą, persiėmęs rusų simbolizmu. Maironio poezijoje gamtos laikas yra amžinas, pasikartojantis, atspindintis žmogaus būtį (eil. *Vakaro mintys, Uosis ir žmogus*). Žmogaus egzistencijos laikas suvokiamas kaip laikinas, baigtinis, nesustabdomas ir nesugražinamas (eil. *Trakų pilis, Išnyksiu kaip dūmas*). Sruoga savo lyrikoje sujungė romantinę mirties ir gyvybės dialektiką su simbolistine estetika, sudramatino gamtos, dažnai atsiskleidžiančios kaip *kitas*, ir žmogaus paralelę.

Rusų simbolisto Viač. Ivanovo „ištikimybės daiktams principas“ skelbė, kad didumo išraiška – mažame, amžino – pralekiančioje akimirkoje (21, 195). Tai visatos gyvybės vienybė, mažo ir didelio, mikrokosmoso ir makrokosmoso sutapimas. Simbolistinį „atitikmenų“ principą Viač. Ivanovas suprato kaip formos tapimą turiniu, turinio – forma, einant nuo mistiškiausio, paslaptingiausio pasaulio į realų ir aiškų. Įkonkretinimas jam buvo didžiausias aiškumas (*a realibus ad realiora*) (20, 162).

Sruogos lyrikoje didžioji būtis lyrinio subjekto sieloje atsiskleidžia akimirka, žemiškumu, o iš kasdienės minutės žengiama amžinybėn. Erdviškumas išreiškiamas amžino laiko idėja. Sruogos lyrinis subjektas dažnai sutampa su keleiviu, klajūnu, paklydėliu (*Stok, praeivi. Atsiklaupk... / Aš po kryžium, kaip smūtkelis... / Kelias vienas... Žvaigždžių daug... (12, 16)*). Lyrinis subjektas, savo sieloje susitapatinęs su keleiviu ir smūtkeliu, personifikuoja ir žemiškuosius rūpesčius, ir pakylančią virš jų kūrybos galią. Jo siela tarsi sujungia amžinąjį ir kasdienį laiką, amžinybę ir akimirką (*Žengsniai ir amžiai – / Viena kelionė... (12, 78)*).

Negailestingos gyvenimo ir mirties dialektikos supratimas tampa pagrindine Sruogos lyrinio subjekto egzistencine atrama (*Sakalai žino / melsvą aukštybę... / Mūsų gi pančiai – /*

mirksnio mirimas... (12, 9), *Išmintis, kaip žaibo gijos, / Pelenuos ir vystykluos...* (12, 89). Amžinybė suvokiama ir kaip pastovumas, ir kaip nenutrūkstanti kaita, siejama su transcendencija. Buities ir būties dialektika grindžiama amžinumo / laikinumo, statiškumo / kaitos, amžinybės / mirksnio antinomijomis (*Ir dienos, ir amžiai, ir mažas mirksnys – / Tapradis budėjims...* (12, 75), *Ir gimimas, ir kelionė – / Vien kaip kibirkštis* (12, 67). Gyvenimo trapumą iliustruoja greit pavidalą keičiančių gamtos reiškinių ir žmogaus paralelė (*Kaip lašas tyruos – / Krisiu sudušiu! / Nelaikio aidu!* (12, 118); *Žemės po kojų, po vėtrą nejudamas, / Tirpsti kaip ledas, patsai netikėdamas – –* (12, 203). Lyriniam subjektui taip pat artimi laikinumą įprasminantys simboliai *smiltys, kibirkštis, dulkė, žiedas, varpa, šešėlis*.

Pakitusią poetinio laiko sampratą Sruogos lyrikoje iliustruoja savita paros laiko ir kai kurių metų laikų traktuotė, jos glaudus siejimas su lyrinio subjekto nuotaikomis. Maironio poezijoje *ryto, nakties, aušros, saulėtekio* įvaizdžiai dažniausiai ženklina bendruosius istorinius įvykius. Nakties laikas įgauna negalios, priespaudos, negyvos tylos reikšmes (eil. *Kapuose bočiai, kurie ją gynė, Vilnius, Trakų pilis*). *Rytas, diena* siejami su atgimimu, darbu, jaunyste, aiškumu (eil. *Užtrauksime naują giesmę*). *Žiema, pavasaris, ruduo*, taip pat *jaunystė, senatvė* dažniausiai vartojami tiesiogine reikšme, retai turi perkeltinę prasmę (13, 122–123).

Sruogos eilėraščiuose dienos semantika susijusi su apoloniška lyrinio subjekto sielos būseną. Įvairesnis nakties konceptas. Romantikų ir simbolistų pamėgtos nakties semantiką išreiškia žvaigždžių metafora. Maironio tekstuose *sidabrinė žvaigždė* reiškė nakties ramybę, žymėjo biblinį nepailstamo žvaigždžių budėjimo motyvą, derintą su egzistencinio ir metafizinio liūdesio prasmėmis (2, 44). Sruogos eilėse žvaigždės perima dienos šviesos, saulės funkcijas (*žvaigždės – gyvieji karoliai; erdvės žvaigždėtos, liepsna nusėtos; žvaigždynas – tai kelias*), įkūnija dvasinės šviesos skverbimąsi per tamsą. Naktis įgauna metafizinių dimensijų, tampa reikšminga ribine situacija medituojančiam subjektui. Žemiškas sielvartas, liūdesys ir ilgesys kaip *žvaigždžių spindėjimas skleidžias po visą pasaulį [...]* (12, 87), susišaukia su Čiurlionio paveikslu *Žvaigždžių sonata. Allegro*. Naktis siejama su sapnavimu, dienos šviesoje matytų daiktų, reiškinių ir jausmų kitokiu matymu, jų hiperbolizavimu (*Nakties verdenės garsingesnės. / Nakties daina skambės skardžiau! / Nakčia ir marės vaišingesnės, / Ir gelmės juokiasi plačiau...* (12, 86). Ji modeliuoja ciklišką laiko sampratą ir kūrybinio atsinaujinimo idėją. Disonansiškoje naktyje poetas atveria lyrinio subjekto pašamonines galias, jo kūrybinės sielos dionisišką pusę (*Nakties vilny suliet klupones, / In juodas erdves tesiirt – / Pavilgas vienas ir kelionė!.. / Galinga Viešpaties malonė – / Nakčia gyvent ir naktį mirt!* (12, 25). Naktis iki maksimumo sustiprina vienišumo jausmą ir tampa paslaptingos tamsumos, neracionalumo, nežinomybės, beprasmybės, vilčių sudužimo, netgi mirties simboliu (*Užvožiu vokas – / Gremzdu bedugnėn, / Kur naktys plauko... / Sustot nemoku... / Slenku int ugnį / Ir auka mirštu...* (12, 74).

Kitokią nakties laiko traktuotę matome Sruogos poemoje *Miestas*. Miestietiška Sruogos naktis parodijuoja ir romantinę, ir simbolistinę naktį, kaip vienišumo, liūdesio, amžinybės mąstymo klišę (*Girti kūnai, girtos dvasios, / Girtesni girtų veidai, / Mergos aidijoms panašios, / Ir nežinomi kraštai...* (12, 284). *Kitas* įgauna emocinio šaltumo, abejingumo, vienatvės, izoliacijos, netgi beprotystės etines vertes (*Kažkas neaiškus bastosi naktį, / Klykia prasmėgdams, keldamos verkia...; Bepročiu šaukia, kūdikiu knerkia...* (12, 277). Romantinę–simbolistinę *žvaigždėtą naktį* „nuvainikuoja“ naktinio uždarbčio ir pramogų tema. Miestietiška naktis ir rusų simbolistų tekstuose lyrinį subjektą įvertybina antigamtos, antisaulės, demoniško, beviltiško prasmėmis (*Kad išgyventai ir nepasentai, / Ir neprakeiktai miestą ir gatvę – / Yra aptiekos ir foliantai... / Blizga žemčiūgai, tviska briliantai, / Rūksta žibintai, skaidrina gatvę* (12, 272) – *Ночь, улица, фонарь, аптека, / Бессмысленный и тусклый свет. / Живи еще хоть четверть века – / Все будет так. Исхода нет* (19, 350).

Miestietiškos nakties prasmes sušvelnina romantinė rudens metafora, kuri Sruogai leidžia poetizuoti technologinę erdvę. Į miesto *širdį mažutę* pažvelgiama iš visatos ir dvasios begalybės, ironiškame konkretybių sugretinime apdainuojama žmogaus siela (*Rudens liūdėjimas ištiesė sparnus, / Apgrobė miesto širdį mažutę; Viešpatie, sunku žmogum bebūti! / Dulkės – šešėliai –*

požemiai – karnos – (12, 277). Sruoga – “lyrikas iki kaulų smegenų”, jo ironiškas intonacijas finale užslopina patetiškas simbolisto mostas.

Liūdnasis ruduo Sruogos galėjo būti išskaitytas iš rusų simbolistų. Gamtą jie traktavo kaip subjektyvų kūrybos šaltinį, priemonę įsigilinti į save ir kartu amžinybę (18, 336). Simbolistų eilėse dažnas liūdno rudens be saulės motyvas, kurį lydi rūkas ir krintantys lapai, įprasminantys atsisveikinimą (*Брожу один усталым шагом / Глухой тропинкою лестной... / Певучий шелест над оврагом / Уже не шепчется со мной...*). Turint akiratyje Sruogos vertimus, akivaizdu, kad jį stipriai veikė XX a. pr. iracionalizmo teorijos, katastrofizmo idėjos.

Apibendrinami galime teigti, kad Sruogos erdvėlaikio analizė išryškina jo persiėmimą modernia jausena. Sruoga nesunkiai suartėja ne tik su impresionizmo, bet ir su ekspresionizmo poetika. Mobilė simbolika skatina impresionistinių kalbėsenos pobūdį, eksponuojantį detales, nuotrupas. Iš impresionizmo taip pat perimta subjektyvi, jausminga kalba, iš romantizmo – išdailintų stilizuotų vaizdelių virtinės, iš simbolizmo – būties, visumos ir transcendencijos pojūtis, pirminė ir kartu abstrakti Idėja, iš ekspresionizmo – materialumo kritika. Sykiu Sruogai dar reikalinga gamta, jos sukeltas įspūdis, tačiau jis perteikiama jau impresionistiniu stiliumi. Tokiu būdu eilėraščiuose atsiranda amžino, stabilaus, metafizinio ir egzistenciškai impresionistinio bei jutiminio pasaulio disonansas. Sruogos lyrinio subjekto erdvėlaikis balansuoja tarp romantinės plotmės ir ekspresionistinės depersonalizacijos, žymėdamas reikšmingus modernius poslinkius lietuvių poezijoje.

LITERATŪRA

1. BACHTINAS, M. Autorius ir herojus: Estetikos darbai. Vilnius: Aida, 2002.
2. ČIOČYTĖ, D. Maironis: poetinė krikščioniškojo pasaulėvaizdžio harmonija. Iš *Literatūra*, Nr. 36(1), Vilnius, 1998, p. 40–46.
3. DAUJOTYTĖ, V. Su Jurgiu Baltrušaičiu. Vilnius: Regnum, 1994.
4. ETKINDAS, M. Pasaulis kaip didelė simfonija., Vilnius: Vaga, 1976.
5. INGARDEN, R. Studia z estetyki T. 1. Pánst. Warszawa: Wy–wo nauk, 1966.
6. KOVZAN, D. Vienišoji estetika. Iš *BACHTINAS, M. Autorius ir herojus: Estetikos darbai*, Vilnius: Aidai: 2002. P. 389–424.
7. MACKUS, A. Apie Balio Sruogos poezijos ir dramos pobūdį. Iš *Balys Sruoga: Kūrybos studijos ir interpretacijos*, sud. ŽILINSKAS, R. Vilnius: Baltos lankos, 2001, p. 221–222.
8. MARTINAITIS, M. Šiapus ir anapus Maironio. Iš *Literatūra* 36(1), Vilnius, 1998, p. 5–9.
9. NASTOPKA, K. Lietuvių eilėraščių poetika: XX amžius. Vilnius: Vaga, 1985.
10. SAMULIONIS, A. Balys Sruoga. Vilnius: Vaga, 1986.
11. SEZEMANAS, V. Estetika. Vilnius: Mintis, 1970.
12. SRUOGA, B. Raštai. T. 1. Vilnius: Alma littera, 1996.
13. STONYS, J. Laiko struktūra Maironio poezijoje. Iš *Literatūra ir kalba: Maironis*. T. XXI. Vilnius: Vaga, 1990, p. 121–132.
14. SVERDIOLAS, A. Kultūros filosofija Lietuvoje. Vilnius: Mintis, 1983.
15. TAMOŠAITIS, R. Romantizmo paradigma epochų perspektyvoje. Iš *Metai*, Nr. 1, 1995, p. 102–111.
16. ZABORSKAITĖ, V. Istorija, kultūra, žmogus Maironio poezijoje. Iš *Literatūra ir kalba: Maironis*. T. XXI. Vaga, Vilnius, 1990. P. 13–21.
17. БАЛТРУШАЙТИС, Ю. Лилия и Серп. Москва. Худож. литература, 1989.
18. БЕЛЫЙ, А. Луг зеленый. Iš *БЕЛЫЙ, А. Символизм как миропонимание*. Москва: Республика, 1994, с. 328–417.
19. БЛОК, А.А. Стихотворения и поэмы. Т. 1. Ленинград: Худож. Литература, 1980.
20. ИВАНОВ, ВЯЧ. Борозды и межи. Москва: Мусaget, 1916.
21. Литературно–эстетические концепции в России конца XIX – начала XX в.. Москва: Наука, 1975.

Gabija Bankauskaitė–Sereikienė

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

EXPRESSION OF SPACE AND TIME IN B. SRUOGA’S POETRY

Summary

The space structure of the poetic world reveals the aesthetic assessment of the environment of a subject as well as the evaluation of the man on the grounds of dissonances. Sruoga’s spontaneous lyrical *I*, which experiences difficulties in identifying itself, provokes an emphatically intimate, private and fragmented contact with the

environment. He confronts the spiritual fortitude and the rational thinking of Maironis' speaker, conceived by wide panoramic spaces and historical perspective. The space of Sruoga's subject loses the status of objective independence, serves the expression of dissonances and is in constant movement. Very often it is aesthetised, reminding of celebrative works of French Impressionists and the poetry of Russian Symbolists. It is often mythologized, expressed through a contour painting of a seascape picturing the sea blending with the sky. The poetic space is dominated by the archaized semantics of land; the streams of Impressionistic meanings are created. Sruoga, while modelling the speaker in a soulless city space, reveals his negative relationship with urban culture.

Sruoga, having continued Maironis' Romantic action towards elimination and consolidation of oppositions of Christian worldview, established much stronger bounds between the time and space of a poem and the psychological analysis and philosophical contemplations of human existence. He surrendered to a Modernist tendency of much more overt analysis of the labyrinths of human mentality. The time of poems is subjectively fragmented, disassembled, but, in the same time, constructed with the help of the principle of cyclic recurrence – small is viewed through large, a moment determines eternity. In his lyrics Sruoga amalgamated the Romantic dialectics of death and life with Symbolist aesthetics, dramatised the parallel of nature and man. The manifold concept of night in Sruoga's lyrics symbolises Romantic sadness and pursuit of eternity, loneliness of the speaker.

KEY WORDS: modernism, impressionism, symbolism, expressionism, aesthetism, romantic, individuality, space, time, urban culture.

Ольга Глебова

Академия им. Яна Длугоша, Польша

Эл. почта: o.glebova@ajd.czest.p

**АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ РОМАНЕ:
«РУЧЕЙ КЕРИТ» ДЖОРДЖА МУРА**

В статье анализируется роман англо-ирландского писателя Джорджа Мура «Ручей Керит» (The Brook Kerith, 1916), принадлежащий к жанру идеологического романа и отражающий религиозные сомнения, агностицизм и скептицизм, характерные для британской культуры конца XIX - начала XX века. Статья обсуждает исторический контекст, способствовавший появлению романа, и сосредотачивается на анализе того, как использование альтернативной перспективации в качестве приема трансформации евангельского повествования служит для выражения авторской идеологической позиции. Статья исходит из постулата о том, что идеологический роман представляет собой разновидность аргументативного и манипулятивного дискурса, поэтому изучение риторических техник, используемых в идеологическом романе, способствует более глубокому пониманию факторов, обеспечивающих эффективное воздействие художественной информации на читателя. Применяя теоретический аппарат современной нарратологии, статья демонстрирует, как внутренняя фокализация становится эффективным приемом контроля читательской позиции по отношению к нарративному дискурсу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеологический роман, гипертекстуальность, риторика повествования, точка зрения, фокализация, перспектива.

Англо-ирландский писатель Джордж Мур (George Moore) (1852-1933) принадлежит к числу поздневикторианских и эдвардианских писателей, создававших свои произведения на рубеже XIX-XX веков. Согласно оценкам современных историков английской литературы, Мур является одним из первых авторов, пытавшихся привнести в викторианский роман новые натуралистические и реалистические изобразительные техники, заимствованные у французских писателей, таких как Бальзак, Флобер, братья Гонкур и особенно Золя (Мур называл себя «рикошетом Золя в Англии»). С творчеством этих писателей Мур познакомился в 1873-80 гг. в Париже, где учился живописи и вращался в кругах французского культурного авангарда. Мур также был хорошо знаком с творчеством русских писателей – Толстого, Достоевского и Тургенева; Тургенева он знал лично и ценил его произведения выше, чем произведения Толстого. Наряду с У. Б. Йейтсом и леди Грегори Мур был одной из центральных фигур так называемого ирландского возрождения – движения, целью которого было способствовать развитию ирландской литературы и культуры. Считается, что сборник его рассказов «Невспаханное поле» (*The Untilled Field* 1903) положил начало жанру рассказа в ирландской литературе и оказал значительное влияние на Джеймса Джойса, став предшественником его «Дублинцев» (*The Dubliners* 1914). Откровенность, с которой Мур в своих произведениях затрагивал вопросы сексуальной морали, а также его антиклерикализм вызывали неодобрение современных ему критиков, что неоднократно приводило к запрещению цензурой его произведений (22, 465-466; 13, 689-690).

Роман Мура «Ручей Керит» (*The Brook Kerith*), опубликование которого в 1916 году также вызвало острую критическую реакцию, относится к жанру идеологического романа и является реакцией писателя на изменяющееся идеологическое сознание своей эпохи. Сьюзан Рубин Сулейман определяет идеологический роман как роман с идеей, одновременно реалистический (основанный на эстетике правдоподобия) и дидактический (содержащий в себе обращенные к читателю эксплицитно выраженные сигналы,

свидетельствующие о дидактическом намерении), целью которого является продемонстрировать ценность определенной политической, философской или религиозной доктрины. В качестве одной из наиболее характерных жанровых черт идеологического романа Сулейман видит то, что идеологический роман, в настойчивый, последовательный и недвусмысленный способ, формулирует идею (или идеи), которую он стремится проиллюстрировать. Сулейман отмечает, что несмотря на то, какую идею пропагандирует идеологический роман – консервативную или радикальную, поддерживающую статус кво или стремящуюся к его ликвидации, он всегда выступает как авторитарный жанр, поскольку подчеркивает необходимость определенности и стабильности и стремится к утверждению абсолютной правды, абсолютных ценностей (24, 3-10).

Идеологический роман представляет собой разновидность аргументативного и манипулятивного дискурса; изучение риторических техник, используемых в идеологическом романе, способствует более глубокому пониманию факторов, обеспечивающих эффективное воздействие художественной информации-сообщения на адресата (читателя) и является сегодня одной из актуальных задач таких дисциплин как риторика и нарратология. Целью данной статьи является проанализировать, как использование определенной повествовательной стратегии служит для выражения авторской идеологической перспективы. Хотя нарративные приемы сами по себе, разумеется, не обладают неотъемлемым идеологическим содержанием, тем не менее они могут нести идеологическую нагрузку, детерминируя производство текстовых смыслов и легитимируя определенную картину мира.

Роман Мура «Ручей Керит» отражает религиозные сомнения, агностицизм и скептицизм, характерные в целом для британской культуры конца XIX – начала XX века. Как известно, важные открытия в области геологии, астрономии, теории эволюции, археологии и антропологии, сделанные в викторианскую эпоху, нанесли серьезный удар по традиционным религиозным взглядам. Кроме того, провозглашенная Ницше «смерть Бога» в «Веселой науке» (1882) усилила дебаты на темы религии. «Кризис веры» стал рассматриваться как одна из ведущих характеристик поздневикторианского и эдвардианского периода. Большое значение имело также развитие так называемой «высшей критики» (или внутренней критики) – направления в изучении Библии, которое, в отличие от текстуальной критики, занималось установлением авторства, времени и места возникновения книг Библии, путей передачи библейских текстов, а также их взаимосвязей. «Высшая критика» рассматривала Библию как исторический текст, а не как боговдохновенную и священную книгу Откровения и Завета. Основоположниками «высшей критики» были немецкие теологи и ученые XVIII в., в частности, Германн Самуэль Реймарус (1694-1768), Готтольд Лессинг (1729-1781) и Давид Фридрих Штраусс (1808-1874). Одно из наиболее известных произведений «высшей критики» – книга Штраусса «Жизнь Иисуса» (*Das Leben Jesu* 1835-6) была переведена Джорджем Элиот на английский язык в 1846 г. (*The Life of Jesus*). «Высшая критика» способствовала отделению Библии от церкви и положила начало так называемому «первому поиску исторического Иисуса» – попыткам ученых установить подлинную историческую идентичность Иисуса и его аутентичное послание, кроющиеся за образом Иисуса, представленным в Новом Завете и в церковной традиции. Влияние «высшей критики» на английскую литературу нашло отражение в появлении, по выражению Эндрю Сандерса, «агностического» романа (22, 457), примером чего является и «Ручей Керит».

Помимо периода «первого поиска» (от начала XVIII-го в. до 1900-х гг.), современные историки христианства выделяют также период «второго поиска» (от окончания второй мировой войны до 1970-х гг.) и период «третьего поиска» (от 1980 г. до сегодняшнего дня) (см., например, 12; 19; 26). С самого начала «поиска» было написано огромное количество книг и предложено множество гипотез относительно жизни и

личности Иисуса. Теологическим интерпретациям фигуры Иисуса внутри христианского дискурса противостоят его часто противоречивые репрезентации в других контекстах, в том числе в литературно-художественном дискурсе и массовой культуре. Альберт Швейцер сравнивал тех, кто пытается переписывать Евангелие, с человеком, который смотрит в колодезь и видит свое собственное отражение. Он отмечал, что не только каждая эпоха отражается в Иисусе, но каждый человек создает образ Иисуса в соответствии со своим характером (23, 4). Об этом же писал Дмитрий Мережковский: «Сколько веков, народов и даже сколько людей, – столько Евангелий. Каждый читает-пишет его – верно или неверно, глупо или мудро, грешно или свято, – по-своему, по-новому» (2, 199).

Роман «Ручей Керит» создан как гипертекст, по терминологии Жерара Женетта (16, 13), т.е. как трансформация евангельского повествования, и является примером того, как апроприируя предшествующий текст, писатель выдвигает на передний план те аспекты новой идеологии, которые более всего отвечают его собственным идеосинкретичным взглядам. Роман «Ручей Керит» способствовал распространению радикальных взглядов на исторического Иисуса, характерных для периода «первого поиска», а также явился выражением антиклерикализма самого Мура. Гипертекстуальность становится, таким образом, ареной идеологической конфронтации. Вслед за немецкими протестантами – инициаторами «первого поиска», Мур придерживается точки зрения на историческую церковь «как на скоррупированного распорядителя своими духовными ценностями» (17, 56). В романе Мура утверждается, что христианская церковь в действительности не была создана Иисусом в той форме, которую она впоследствии приняла и что доктрины, представленные в Евангелии, не были подлинным развитием веры, но представляют собой наслаения предрассудков и метафизических домыслов. Роман Мура подвергает десакрализации евангельское повествование, отвергает божественное происхождение Иисуса и предлагает рациональную интерпретацию евангельских чудес.

Роман «Ручей Керит», также как и евангельский текст, представляет собой недиегетическое повествование – такое, в котором нарратор остается вне повествуемой им истории; ведущей стратегией репрезентации для передачи радикальной идеологии автора становится использование альтернативной нарративной перспективы. Как известно, нарратология, под влиянием работ Жерара Женетта, проводит четкое разграничение между нарратором (тем, «кто повествует») и фокализатором (тем, «кто видит», т.е. чья точка зрения направляет нарративную перспективу) (15, 188-189). Термины «фокализация», «перспектива» и «точка зрения» употребляются в современной нарратологии практически как синонимы, хотя определения обозначаемого ими понятия в рамках различных нарратологических теорий могут отличаться. Как подчеркивает немецкий ученый Вольф Шмид, «нарратор сообщает события не всегда так, как он их воспринимает. Там, где имеется несовпадение восприятия и передачи [событий – О.Г.], нарратор передает не то, что он сам воспринимает, а воспроизводит под видом аутентичной передачи субъективное восприятие одного или нескольких персонажей» (4, 121-122). То есть, фокализатором может быть либо нарратор, либо персонаж. Вслед за израильской исследовательницей Шломит Риммон-Кенан принято называть эти точки зрения внешней и внутренней фокализацией соответственно (21, 74-75).

В трудах таких нарратологов, как Борис Успенский (3), Яп Линтфельт (18), Шломит Риммон-Кенан (21), Вольф Шмид (4) и др., разработана многоуровневая теория точки зрения (перспективы). Для целей настоящего исследования представляется плодотворным проводить различие между пространственно-временной, перцептивно-психологической и идеологической перспективами (планами точки зрения). В пределах одного произведения эти грани могут принадлежать разным фокализаторам.

На протяжении всего романа Мура перспектива не остается статичной, она переходит от одного персонажа к другому и (реже) к недиегетическому нарратору. Такой тип фокализации Женетт называет множественным (15, 190). Однако в разных частях романа существуют различия в использовании перспективы.

В романе «Ручей Керит» перед читателем разворачиваются взаимосвязанные жизни Иосифа из Аримафеи, Иисуса и Павла из Тарсуса (будущего ап. Павла), каждый из которых также фигурирует как фокализатор в разных частях романа. Характерной особенностью первой части романа является преимущественно внутренняя и постоянная (фиксированная) фокализация: восприятие событий показано главным образом через призму Иосифа из Аримафеи. Мур значительно расширяет свою повествовательную базу – каноническое Евангелие, путем реконструкции жизни Иосифа из Аримафеи, который, несмотря на важную роль, сыгранную им в захоронении Иисуса, остается в Евангелии загадочной фигурой. Во всех четырех Евангелиях о нем содержится непротиворечивая, однако чрезвычайно скудная информация:

1. От Матфея, ххvii, 57-61: «Когда же настал вечер, пришел богатый человек из Аримафеи, именем Иосиф, который также учился у Иисуса; он, придя к Пилату, просил тела Иисусова. Тогда Пилат приказал отдать тело; и, взяв тело, Иосиф обвил его чистою плащаницею и положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и, привалив большой камень к двери гроба, удалился. Была же там Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба» (1).

2. От Марка, xv, 42-47: «И как уже настал вечер, – потому что была пятница, то есть день перед субботою, – пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия, осмелился войти к Пилату, и просил тела Иисусова. Пилат удивился, что Он уже умер, и, призвав сотника, спросил его, давно ли умер? И, узнав от сотника, отдал тело Иосифу. Он, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею, и положил Его во гробе, который был высечен в скале, и привалил камень к двери гроба. Мария же Магдалина и Мария Иосиева смотрели, где его полагали» (1).

3. От Луки, ххiii, 50-54: «Тогда некто, именем Иосиф, член совета, человек добрый и правдивый, не участвовавший в совете и в деле их; из Аримафеи, города Иудейского, ожидавший также Царствия Божия, пришел к Пилату и просил тела Иисусова; и, сняв его, обвил плащаницею и положил его в гробе, высеченном в скале, где еще никто не был положен. День тот был пятница, и наступала суббота» (1).

4. От Иоанна, хix, 38-42: «После сего Иосиф из Аримафеи – ученик Иисуса, но тайный из страха от Иудеев, – просил Пилата, чтобы снять тело Иисуса; и Пилат позволил. Он пошел и снял тело Иисуса. Пришел также и Никодим, – приходивший прежде к Иисусу ночью, – и принес состав из смирны и алая, литр около ста. Итак они взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают Иудеи. На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен. Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко» (1).

Мур модифицирует оригинал, изменяя внешнюю перспективу в изображении Иосифа на внутреннюю. Изменение перцептивно-психологической и, как следствие, пространственно-временной перспективы позволяет Муру в убедительный способ воссоздать аутентичную социально-психологическую и историческую атмосферу периода возникновения христианства и представить Иосифа как человека, пытающегося найти свой путь в сложной и противоречивой действительности, наполненной мессианскими слухами и фракционными амбициями. Мур описывает неустанный духовный поиск Иосифа, пока, тот, наконец, не встречается Иисуса, в котором находит сильную притягательную личность, учителя огромной духовной глубины. Проповеди Иисуса о любви, раскаянии и прощении привлекают Иосифа, и он становится его верным последователем.

Однако выбор Иосифа в качестве главного героя и фокализатора первой половины романа служит не только для того, чтобы показать значение Иисуса как выдающегося проповедника и морального авторитета, но также для критики некоторых положений христианской этики, которые автор считает противоречивыми и вызывающими

моральные возражения. В частности, в романе критикуется «ультра-идеализм» и аскетизм христианства – необъяснимое исключение богатых людей из числа достойных спасения, а также настойчивое требование любить Бога больше, чем своих близких: в романе Иисус исключает Иосифа из числа своих учеников за то, что тот на время возвращается домой, чтобы ухаживать за больным отцом.

Использование внутренней перспективы, позволяющей читателю проникнуть в мыслительную деятельность персонажа, – это также эффективный прием манипуляции и контроля читательской позиции. Современная «постклассическая» нарратология, опираясь на разработанное Луи Альтюссером понятие *интерпелляции* («окликания», т.е. провоцирования субъектности) в рамках его концепции идеологии (5), в анализе точки зрения переносит акцент с рассмотрения этого явления как средства создания читательской эмпатии (как это было, например, в классическом исследовании Уэйна Бута (7)) на рассмотрение точки зрения как мощного средства воздействия на читателя, заставляющего его идентифицироваться с персонажем-фокализатором и, следовательно, занимать определенную позицию субъекта и идентифицироваться с определенной идеологией (11, 27-32).

Ставя читателя в позицию идентификации с Иосифом из Аримафеи, роман Мура конструирует читательскую субъектность как репрезентирующую определенный социальный статус и соответствующую ему мораль. Позиция типичного представителя среднего класса, честного торговца, глубоко верующего и ответственного человека, любящего и заботливого сына – это социальные роли, с которыми легко могут отождествить себя многие читатели Мура. Вовлечение таким образом субъектности читателя заставляет его идентифицироваться и с идеологической позицией персонажа, которую приписывает ему автор.

Во второй части романа точка зрения менее фиксирована, события показываются через перспективу нескольких персонажей (особенно Иисуса и Павла). В изображении Иисуса изменение пространственно-временной перспективы персонажа становится фактором, влияющим на изменение его идеологической перспективы. По версии Мура, Иисус – это пастух эссенов, который оставляет общину и становится бродячим проповедником. В ожидании близкого конца света он начинает религиозное реформистское движение. Иисус первой половины романа проходит эволюцию от харизматичного проповедника любви и раскаяния до радикала, испытывающего презрение к существующему социальному порядку и возложившего на себя миссию его разрушения, чтобы проложить дорогу новому царству справедливости. В романе Мура Иисус не умирает на кресте; однако в результате физической и психической травмы происходит фундаментальная трансформация его мышления и характера. Иисус, который, согласно Евангелию, проповедовал метаною, т.е. «перемену сознания», «изменение ума через покаяние» (6, 1002; 25, 406), в романе Мура испытывает глубокую духовную перемену, своего рода перевернутую метаною, поскольку радикально пересматривает свои прежние верования, отвергая свои мессианские притязания как заблуждение, богохульство и гордыню и испытывая стыд и сожаление о грехе. Таким образом, расстояние между первоначальным и более поздним восприятием событий Иисусом влечет за собой переоценку этих событий и иную моральную самооценку персонажа.

Парадоксальное изменение восприятия и мышления Иисуса используется Муром как яркий нарративный прием, чтобы представить свою критику мессианских и апокалиптических идей, которые он считает неаутентичными элементами христианства. Вкладывая эту критику в уста Иисуса, Мур превращает его в мощный рупор своей идеологической доктрины.

В романе Мура Иисус, после того, как его выжил Иосиф, возвращается в общину эссенов, возобновляет работу пастуха и ведет жизнь обычного человека. Иисус, представленный во второй части романа, является пассивной фигурой; он уединяется в

природу и созерцание и проходит путь от отрицания Бога к пониманию Бога в пантеистических терминах как одновременно трансцендентального и имманентного, как безликой силы, разлитой в мироздании:

“[...] to see and hear God we have only to open our eyes and ears, God is always about us. We hear him in the breeze, and we find him in the flower. He is in these things as much as he is in man, and all things are equal to his sight [...]”

“... he [Jesus – О.Г.] had come to comprehend that the world of nature was a manifestation of the God he knew in himself.” (20, глава XXIX)

В конце романа становится ясно, что Иисус, вероятно, присоединится к группе индийских монахов, которых он случайно встретил и с которыми обнаружил общность взглядов, и отправится с ними в Индию, чтобы постичь буддийскую мудрость.

Необходимо подчеркнуть, что попытки найти убежище от религиозных сомнений в восточных религиях и пантеизме в духе Уордсворта были характерными не только для Мура, но и для поздневикторианского и эдвардианского периода в целом. Так, например, Робин Гилмор цитирует Беатрис Уэбб, которая в своей автобиографии *My Apprenticeship* (1926) пишет, что Будда и его философия «логически и этически превосходят Христа и его учение в Новом Завете» (17, 22). Другой писатель, Уильям Хейл Уайт, в *Автобиографии Марка Резерфорда* (1881) описывает религиозные сомнения своего героя, который теряет веру в личное бессмертие, но находит некоторое утешение в пантеизме:

“God was brought down from that heaven of the books, and dwelt on the downs in the far-away distances, and in every cloud-shadow which wandered across the valley.” (17, 104)

Изменение идеологической перспективы проявляется также в негативном изображении Павла из Тарсуса, который представлен как антагонист Иисуса, фанатик-миссионер и самозванный провозвестник Христа. По мнению Мура, именно Павел несет ответственность за придание доктринарной формы идеям, которые Иисус признал ошибочными. Изображение конфронтации между Павлом, считающим себя единственным правдивым христианином, и Иисусом, простым пастухом, служит для выражения острого антагонизма Мура по отношению к римско-католической церкви и организованной религии. Следует отметить, что Мур, происходивший из ирландской католической семьи богатых землевладельцев, в 1903 г. в письме газете *The Irish Times* объявил себя протестантом. Антиклерикализм Мура был очевиден и в его более ранних произведениях, особенно в сборнике рассказов «Невспаханное поле» (*The Untilled Field* 1903), которые затрагивают тему вмешательства клериков в повседневную жизнь ирландского крестьянства и эмиграции.

Интересно, что иронически описывая встречу Павла и человека, от имени которого он проповедует, Мур использует мотив, подобный тому, который был использован Достоевским в «Легенде о Великом Инквизиторе» (1879-1880). Также, как Достоевский, Мур показывает, как учение Иисуса о любви заменяется поклонением, обязанностью и подчинением, а появление подлинного Иисуса становится для церкви досадной помехой в ее миссионерской деятельности. В романе Мура Никодим, выражая авторскую идеологическую позицию, заявляет:

“God sets no limits to the mind, but priests do in the name of God.” (20, глава XXII)

Роман критикует церковную власть с ее претензиями на монопольное обладание духовной истиной путем представления Павла как символа агрессивной праведности, религиозной нетерпимости и искажений веры религиозными пропагандистами:

“[...] he who seeks the incorruptible crown starts out with words of love on his lips to persuade men to love God, and finding that men do not heed him he begins to hate them, and hate leads on into persecution. Such is the end of all worship.” (20, глава XLI)

Таким образом, Мур создает альтернативный пересказ Евангелия, используя преимущественно множественную внутреннюю фокализацию. Внешняя фокализация, играющая в романе менее значительную роль, используется, главным образом, в перспективно-психологическом плане; нарратор не предлагает собственных идеологических оценок и занимает в большинстве случаев позицию самоустранения, создавая иллюзию объективного повествования. Передача радикальных идеологических оценок с позиции внутренней перспективы, как точка зрения персонажей, делает эти оценки более убедительными для читателя. Тот факт, что эксплицитные идеологические оценки приписываются персонажам, демонстрирует, как идеологическая полемика может быть укрыта за «фиктивными» голосами персонажей, а внутренняя перспективация становится средством маскировки доктринарных целей и манипуляции читателем путем навязывания ему позиции отождествления с идеологической перспективой текста.

Хотя пересказ Евангелия, созданный Муром, прочно связан с историческим контекстом «первого поиска исторического Иисуса», он не потерял своей актуальности сегодня, поскольку затрагивает вопросы, которые оказались в центре внимания современных историков религии и прежде всего группы либеральных теологов и ученых (католиков, протестантов, иудаистов и независимых исследователей), начавших свою деятельность в 1985 г. под руководством Роберта Фанка и получивших название «семинара Иисуса» (14). Участники семинара, представляющие период «третьего поиска исторического Иисуса», изучают манускрипты, датируемые 1-3 веком н.э., с целью установления подлинных слов и поступков Иисуса. Исследования ранних форм христианства привело их к выводу о существенной разнице между взглядами Иисуса и ап. Павла. Так, например, Джон Доминик Кроссан, один из ведущих представителей «семинара Иисуса», подчеркивает, что Иисус не признавал дуализма духа и плоти, который лег в основу апокалиптического христианства Павла. Кроссан считает, что идея о дуалистическом Христе, которую Павел пропагандировал, является источником многих несправедливостей на свете (10). Роман Мура поддерживает такую интерпретацию. Кроме того, вопросы о взаимоотношении буддизма и христианства, христианства и пантеизма также находятся в центре внимания многих современных исследователей (см., например, 8; 9).

Апроприация Муром наиболее авторитетного текста европейской культуры для выражения антагонистических идеологических взглядов может рассматриваться верующими как богохульство и профанация. Однако нельзя не признать, что альтернативные репрезентации Иисуса также выполняют функцию «остранения», сознательно подрывая обветшалые и банальные представления об Иисусе и заставляя читателя внимательно приглядеться к своим собственным ценностям и верованиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Издание Московской патриархии. Москва, 1988.
2. МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д.С. Л. Толстой и Достоевский, Москва, 2000.
3. УСПЕНСКИЙ, Б.А. Поэтика композиции. В *Структура художественного текста и типология композиционной формы*. Москва, 1970.
4. ШМИД, В. Нарратология. *Языки славянской культуры*. Москва, 2003.
5. ALTHUSSER, L. *Lenin and Philosophy*. London: New Left Books, 1977.
6. ВЕНМ, J. *Metanoia*; КИТТЕЛ, G. (ed.) *The Theological Dictionary of the New Testament*. Vol. 1. Grand Rapids: Zondervan, 1967.
7. BOOTH, W. *The Rhetoric of Fiction*. University of Chicago Press. Chicago, 1961.
8. BORG, M. J. *The God We Never Knew: Beyond Dogmatic Religion to a More Contemporary Faith*. Harper San Francisco. New York, 1998.
9. СЕТВУНД, Т. *Zen and the Kingdom of Heaven: Reflections on the Tradition of Meditation in Christianity and Zen Buddhism*. Somerville MA: Wisdom Publications, 2001.
10. CROSSAN, J. D. *The Birth of Christianity: Discovering What Happened in the Years Immediately After the Execution of Jesus*. Harper Collins, 1998.

11. CURRIE, M. Postmodern Narrative Theory. Macmillan Press Ltd, 1998.
12. DAWES, G. (ed.). The Historical Jesus Quest: Landmarks in the Search for the Jesus of History. Westminster John Knox Press, 2000.
13. DRABBLE, M. (ed.). The Oxford Companion to English Literature. Oxford University Press, 6th edition, 2000.
14. FUNK, R.W. and the Jesus Seminar. The Acts of Jesus: The Search for the Authentic Deeds of Jesus. Harper Collins, 1998.
15. GENETTE, G. Narrative Discourse: An Essay in Method. Trans. Jane E. Lewin. Ithaca. New York: Cornell University Press, 1980.
16. GENETTE, G. Palimpsestes: La littérature au second degré.: Éditions du Seuil. Paris, 1982.
17. GILMOUR, R. The Victorian Period. Longman. London and New York, 1993.
18. LINTVELT, J. Essai de typologie narrative. Le "point de vue". Théorie et analyse. Paris, 1981.
19. McATEER, M.R. and M.G. STEINHAUSER. The Man in the Scarlet Robe: Two Thousand Years of Searching for Jesus. United Church Publishing House. Toronto, 1996.
20. MOORE, G. The Brook Kerith: A Syrian Story, 1916. Online: the Project Gutenberg Ebook, www.gutenberg.net , release date: July 5, 2004 [Ebook #12821].
21. RIMMON-KENAN, S. Narrative Fiction: Contemporary Poetics.: Methuen, New York, 1983.
22. SANDERS, A. The Short Oxford History of English Literature. Oxford University Press, 1994.
23. SCHWEITZER, A. The Quest of the Historical Jesus: A Critical Study of Its Progress from Reimarus to Wrede. Trans. by F. C. Burkitt. Baltimor: The Johns Hopkins University Press, 1998.
24. ULEIMAN, S. R. Authoritarian Fictions: the Ideological Novel as a Literary Genre. New York: Columbia University Press, 1983.
25. THAYER, J. H. Thayer's Greek-English Lexicon of the New Testament. Peabody, MA. Hendrickson, 1997.
26. THEISSEN, G. and MERZ, A. The Historical Jesus: A Comprehensive Guide. Fortress Press, 1998.

Olga Glebova

Jan Dlugosz Academy, Poland

ALTERNATIVE PERSPECTIVE AS A STRATEGY OF REPRESENTATION IN IDEOLOGICAL NOVEL: THE BROOK KERITH BY GEORGE MOORE

Summary

The article analyses the novel *The Brook Kerith* (1916) by the Anglo-Irish writer George Moore. Moore's book belongs to the genre of ideological novel and reflects the religious doubts, agnosticism and skepticism characteristic of British culture at the end of the 19th c. – the beginning of the 20th c. The article discusses the historical context within which the novel emerged and concentrates on the analysis of how the use of alternative narrative perspective in transforming the Gospel narratives serves to express the ideological position of the author. The article is based on the assumption that ideological novel is a form of argumentative and manipulative discourse; the examination of rhetorical devices used in ideological novel enhances our understanding of the factors operative within this kind of discourse. Using the theoretical framework of contemporary narratology, the article demonstrates how internal focalization may become an effective device which controls and manipulates the reader's position in relation to the narrative discourse.

KEY WORDS: ideological novel, hypertextuality, the rhetoric of narrative, point of view, focalization, perspective.

Loreta Kamichaityte

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

E-mail: loka@mail.lt

THE CHRISTIAN BODY AS A SPACE IN GEORGE HERBERT'S COLLECTION OF POEMS *THE TEMPLE*

The article is based on the analysis of body imagery in George Herbert's poems included in the collection of poems "The Temple". The review of emblem tradition helps to trace its influence on Herbert's verse and reveals what symbols make the poems "meditative emblems". The analysis shows that in a number of poems body imagery substitutes emblem pictures. Moreover, different parts of the Christian body are also presented as spaces that change depending on the speaker's spiritual state and his relationship with God.

KEY WORDS: *body imagery, meditation, emblematic poetry, flaming heart, the human soul, divine spirit, fluctuating space; distorted space, framed space.*

The poetic Church building that George Herbert constructs in his collection of poems *The Temple* is at least a twofold symbol. Primarily the verse is related to architectural space. However this article dwells on the imagery related to body as a framed space. Because of the particular literary context in which Herbert wrote, the analysis would be incomplete without allusion to emblematic poetry and meditation. Therefore, before concentrating on concrete examples of body imagery, some attention is given to the emblem tradition and meditation technique.

A Brief Review of Emblem Tradition and Meditation Technique

Renaissance emblems usually consist of a symbolic picture, a motto and a short poem (often they include a fourth element, a prose commentary). The main precursors of emblem, according to Peter M. Daly, are Greek epigram, classical mythology, Egyptian and Renaissance hieroglyphs, imprese, medals, heraldry, bestiaries, nature symbolism and Biblical exegesis (2, 9). Emblems acquired popularity in the sixteenth century in Italy after the publishing of Andrea Alciato's *Emblemata* (1531) The first English emblem book was Geoffrey Whitney's *Choice of Emblems* (1586) Whitney's emblems were not original works; he compiled an anthology of emblems from Alciato, Junius and other poets (3, 470). The most celebrated English emblem book was that of Francis Quarles. His *Emblemes* (1635) owed much to the popular Jesuit emblem books *Pia Desideria* and *Typus Mundi*. Daly notices that approximately 5,300 emblem books were issued in the sixteenth and seventeenth centuries (2, 204). Thus the fashion introduced by Alciato developed into a phenomenon that embraced the whole of Europe.

The emblem, a genre combining literature and drawing, greatly influenced purely verbal poetry of the time. Renaissance poets not only borrowed symbolic figures from emblem engravings, but also adapted structural and linguistic means to produce the effect of an emblem in a poem. Daly distinguishes several ways this could be done:

An actual emblem, or an emblematic image, may be the foundation of a whole poem; the emblematic motif may be visibly or tangibly present or submerged beneath the surface of the words. An emblematic theme or a sequence of separate but related emblems can also function as controlling or unifying element in both the short poem and the longer epic. Many short poems ... reveal a totally emblematic structure in the organization of abstract, interpretive statements and pictorial representation. From here it is but a short step to the emblematic pattern poem, where the visual outline of the poem reproduces the silhouette of the subject of the poem – shape replaces *pictura*. (2, 206).

In examining Herbert's poetry, the means of how he reaches the effect of an emblem are of greater importance than the tracing of a source for a particular symbol. Herbert makes use of

the majority of methods mentioned by Daly. The degree of the presence of an emblematic figure in different poems is varied.

The critic Michael Bath distinguishes two types of English emblem: “moralizing” and “devotional” or “meditative emblems” (he also uses the terms “religious” and “spiritual” emblems) (1, 2). Emblems of the first type, as Bath explains, were “strongly influenced by school rhetoric, and ... rhetorical commonplaces ...” (1, 2). Emblems attributed to the second type, on the other hand, are closely related to Renaissance Christian meditation practices.

The influence of meditation is very strongly felt in Herbert’s poetry, especially in the treatment of space. Meditation requires the rousing of the senses, but primarily it employs imagination. The meditator has to visualize a certain scene or a particular object which would serve as a subject for reflection. Anthony Law mentions two methods of meditation: “composition of place” and “composition by similitude” (7, 228). The first “means that a scene is made mentally real by imagining it in detail”. The second involves “taking an abstraction ... and making it more powerful imaginatively by embodying it in a concrete image or metaphor” (7, 228). Following this technique, the Christian seems to enter another level of space and even time.

Apart from religious uncertainty in England in Herbert’s lifetime, emblem tradition and the meditation art are other main external influences that affected Herbert’s creative work. The emblem seems to have determined the choice of some of his symbolic images, whereas the meditative character of the poetry helps determine Herbert’s treatment of space. Yet it has to be noted that Herbert does not simply borrow conventional figures. Rather, he reinterprets them uniting the elements mentioned above into a unique devotional poetic experience. Thus the term “meditative emblem” suggested by Bath is helpful when referring to Herbert’s poetry. Indeed, his poems are both meditations and modified emblems at the same time.

Imagery Related to Body as Space

Attention should be paid to the imagery associated with the Christian’s body. Such poems as “Sepulchre”, “Good Friday”, “The Discharge”, “Longing” and “Ungratefulnesse” reveal Herbert’s preoccupation with the emblematic mode. Moreover, the analysis will show that space imagery is also used when referring to the body.

Most frequently the poet announces the central image or abstraction in his title and thus invokes a picture in the reader’s mind which stays there throughout the whole poem and in this way enriches the meaning. Sometimes body imagery serves as a substitute for an emblem picture and takes the central position in the poem. Usually Herbert gives the body the shape of another object or refers only to a part of it.

The most often used emblematic image of this kind is the human heart, which is primarily associated with the human soul. This image has a long history of usage which goes back even to Egyptian hieroglyphs. The heart was also employed in amorous verse. This figure is a frequently used symbol in emblem tradition separately known as *Schola Cordis* (4, 165).

Yet although Herbert borrows this traditional image and refers to it in quite a number of his poems, his use of the heart is different from that of emblems of his contemporaries. For instance, the main way of depicting the Christian’s soul was an image of a flaming heart. In one of the emblems included in the collection of George Wither the engraving shows the heart set aflame between an anchor and a bow, symbols which signify hope and fear. The picture thus stands for

A troubled Minde, ore-charged with Desires,
Betweene great Hopes, and no less Feares opprest,
And payned inwardly with secret Fires... (ll.1-3)

Another frequently used image is of a bleeding heart. The image was characteristic of both Catholic and Anglo-Catholic poetry. The following quotation illustrates how the image was

II. LITERATŪRINIO DISKURSO ANALIZĖ

employed by Henry Vaughan: “Two Hearts, the first a shaft withstood;/The second, shot, and washed in blood” (quoted in 4, 149).

Herbert’s hearts are containers, or stone tablets to be written on rather than flaming or bleeding organs. For instance, in the poem “Sepulchre” the human heart is presented as a framed space. The poem is a meditation on the burial of Jesus Christ and the speaker places himself in that scene. The poet contrasts two spaces, the grave and the human soul presented as a heart, to show the blindness of Christians. The first stanza introduces the picture of Christ as a body being placed in a tomb:

O blessed bodie! Whither art thou thrown?
No lodging for thee, but a cold hard stone?
So many hearts on earth, and yet not one
Receive thee? (ll.1-4)

The Christian heart is pictured as a building or room; however, it is a space closed to the most precious guest. Herbert never depicts the human heart as an empty place. It is always filled either with God’s spirit or with sin. In this poem the speaker sees all souls sealed with sin. Herbert shows this by developing the heart metaphor further:

Sure there is room within our hearts good store;
For they can lodge transgressions by the score:
Thousands of toys dwell there, yet out of doore
They leave thee. (ll. 5-8)

Using the imagery of the heart as a house, Herbert reveals his concern about the vanity and sinfulness of men. They are preoccupied with earthly troubles and pleasures and refuse to see that those are only “transgressions”, “toyes” which prevent the soul from letting the Lord in.

Thus at the beginning of the poem the image of the heart is identified with that of a building. Further, the poet adds another element to the symbol by using personification and referring to the heart as a stone. Hence the heart becomes one of Christ’s enemies, who were ready to kill the one who promised eternal life (5, 61):

And I give unto them eternal life; and they shall never perish, neither shall any man pluck them out of my hand. My Father, which gave them me, is greater than all; and no man is able to pluck them out of my Father’s hand. I and my Father are one. Then the Jews took up stones again to stone him. (John 10: 28-31).

Herbert writes:

What ever sinne did this pure rock commit,
Which holds thee now? Who hath indited it
Of murder?
Where our hard hearts have took up stones to brain thee... (ll.10-13)

The stones thrown at Christ are now the Christian’s sins, previously referred to as “toyes”. This indicates that man should not think that his mistakes and his vanities are mere trifles. These are decisive in determining one’s afterlife. Stoning to death, or to put it in milder terms, refusing Christ actually means one’s spiritual death.

The adjectives “cold”, “hard” and the noun “stone” are constantly repeated through the poem and used in connection to both the grave and the human soul. Due to this semantic link drawn by the poet, it is possible to make the conclusion that the sinner’s soul becomes Christ’s grave. Thus a heart filled with sin cannot be a lodging for God. Paradoxically, though, it can be his burial place.

Quite a contrary vision is shown in the poem “Good Friday”. Though the topic of the poem, the Crucifixion of Christ is an event as or even more grievous as the burial of Christ, the tone of this poem is more optimistic. According to Rosemary Freeman, this poem also “must

have been written with the pictures of the emblems of heart in mind”, but “the influence of the emblem books is reflected in only a general way” (4, 164).

Herbert again demonstrates his disposition towards rendering spiritual matters in spatial terms:

Since bloud is fittest, Lord, to write
Thy sorrows in, and bloudie fight;
My heart hath store, write there, where in
One box doth lie both ink and sinne (ll.21-24)

The heart of the Christian tries to resemble Christ’s suffering; hence Christ’s blood is “stored” in it, so that it would be fit for his grace. The heart is a container, “a box”, and simultaneously a place of struggle between God and sin. Herbert thus reflects upon the duality of man: the soul tends to evil, but God can fill it with goodness.

The speaker in this poem is not just a passive lamenter as in “Sepulchre”. He opens his heart to God and urges him to enter. God is needed as a defender against the enemy:

That when sinne spies so many foes,
Thy whips, thy nails, thy wounds, thy woes,
All come to lodge there, sinne may say,
No room for me, and flie away. (ll. 25-28)

The attributes of Christ’s suffering (“whips”, “nails”, “wounds”) become the allies in the struggle against sin. In contrast to the poem “Sepulchre”, here God can enter the space of the Christian soul in place of sin.

The figure of a heart as a container is paradoxical since the human soul is both a “box” filled with Christ’s saving blood and a sheet of paper on which God is urged to write. The speaker relies on the power of grace which can turn his soul stained with sin into a tabula rasa fit for God’s word.

The poem “The Discharge” presents a different usage of the image of a heart. The disquietude and anxiety of the speaker’s mind is rendered with the help of numerous references to time and space. He looks at his soul and views it as a wanderer in fluctuating space:

Busie enquiring heart, what wouldst thou know?
Why dost thou prie,
And turn, and leer, and with a licorous eye
Look high and low;
And in thy lookings stretch and grow? (ll.1-5)

Existence without feeling God’s presence, without understanding that God takes care of one’s life and that nothing can be changed that one wonders in an infinite expanse. The poet argues that man has to remember that God determines everything, and man’s concern is to live up to His Grace: “Thy life is Gods, thy time to come is gone, /and is his right” (ll.11-12).

In this poem the heart moves along several axes: up and down, it widens and shrinks. These conceptions are also related to time: depth refers to the future and going up to the present. From the point of view of the soul, the expansion of space, the swelling of the heart, is viewed as a negative thing: “Rise not the muddle/Of future depths, but drink the cleare and good” (ll.27-28)
or

This houre is mine: if for the next I care,
I grow too wide,
And do encroach upon deaths side. (ll. 33-35)

II. LITERATŪRINIO DISKURSO ANALIZĖ

Thereby the poet stresses the importance of living as though this hour might be one's last instance of life. He urges us to live virtuously here and now as too much worry about the past or the future may result not only in corporal but also in spiritual decay.

Such an understanding of space is valid only when speaking about the spirit. As regards corporeal things, space acquires a completely different meaning. Herbert writes: "Things present shrink and die" (l. 41). The line suggests a process contrary to the one in the previously quoted excerpt. Spiritual death is associated with vastness, whereas the "shrinking" of material alludes to gradual decay.

This analysis of the heart symbol sheds light only upon a small number of references to the body in Herbert's poetry. Due to the meditative character of the verse, the reader is given vivid word pictures that frequently portray the body of a suffering Christ or the body of the Christian himself/herself. A striking example of such verse is the poem "Longing". Here Herbert begins with a description of the inner state of the speaker in the absence of God:

With sick and famisht eyes,
With doubling knees and weary bones,
  To thee my cries,
  To thee my grones,
To thee my sighs, my tears ascend:
  No end? (ll. 1-6)

The believer's feeling that God is absent and his longing for him is expressed in body imagery. If taken out of the context, the lines resemble the description of a person suffering from a severe terminal disease. With these images Herbert creates the impression that the absence of God in one's soul is similar to physical torment and results in death. Yet it has to be noted that the speaker fears not the body's natural decay but damnation, in case God has not chosen him among the elect.

In the fifth stanza the poet introduces another set of images that even more intensify the impression of the speaker's desperate need to feel God's healing grace:

Mark well my furnace! O what flames,
  What heats abound!
  What griefs, what shames!
Consider, Lord; Lord, bow thine eare,
  And heare! (ll. 26-30)

This may be an allusion to the commonplace figure of the flaming heart. The lines serve as a telling illustration of how Herbert makes use of the tradition. Instead of the synecdoche of the heart, the poet employs an original and more dramatic figure. The speaker turns into a furnace. The heat suggests the fevered work of his imagination, an almost physically felt lack of God, the fear of appearing among those damned and also shame for his sins.

A few observations may be useful concerning the linguistic means which work in accordance with the imagery of the poem. In the first stanza the phrases are paired to form four distinct elements: "sick and famisht", "doubling knees and weary bones", "to thee my cries, to thee my grones" and "my sighs, my tears". The effect is that of intensification through a kind of gradation. The speaker starts by referring to parts of the body and then to weeping; the gradation is towards silence, as "cries" are followed by "grones" and these by "sighs" and finally "tears". This order suggests that the speaker has spent a long time enduring this pain (hence the reference to "weary bones") and prepares the reader for the following lines: "My throat, my soul is hoarse;/my heart is wither'd like a ground..." (ll.6-7). The endless pleading dies down into a whisper and all tears have been cried out, but the prayer does not cease: "I fall/Yet call" (ll.10-11).

Similarly in the fifth stanza the frequent repetition produces the effect of almost unbearable pain: "O what flames,/What heats abound!/What griefs, what shames!". The

omission of the conjunction “and” makes the lines sound hurried and breathless and the phrases seems to echo the quick beat of the believer’s heart.

The intensity of inner pain makes all the speaker’s senses so acute that his imagination forms a picture of Christ dying on the cross (“Lord Jesu, thou didst bow/Thy dying head upon the tree” (ll.31-32)) and his own body feeling death approaching dissipates into particles as small as pieces of dust:

Behold, thy dust doth stirre,
It moves, it creeps, it aims at thee...
.....
Thy pile of dust, wherein each crumme
sayes, Come (ll. 36-37, 40-4)

The idea of the body falling into parts is again developed in the thirteenth stanza, where the Christian concentrates upon his own heart:

Lord J e s u, heare my heart,
Which hath been broken now so long,
That ev’ry part
Hath got a tongue!
Thy beggars grow... (ll. 73-76)

On the one hand, breaking up into small particles is associated with dying, as dust is an image of death. On the other hand, this only intensifies the prayer since now, instead of a single weak voice, a whole choir addresses God.

Another interesting example of the treatment of the human body as a space is presented in “Ungratefulnesse”. In this poem Herbert encapsulates even such conceptions as the Trinity and Incarnation:

Thou hast two rare cabinets full of treasure,
The Trinitie, and Incarnation:
Thou hast unlockt them both,
And made them jewels to betroth
The work of thy creation
Unto thy self in everlasting pleasure. (ll. 7-12)

In the following lines the poet continues by referring to the holy Trinity as to a room whose entrance is forbidden for those still living. Paradoxically, it is death that opens up this room:

... till death blow
The dust into our eyes:
For by that powder thou wilt make us see. (ll. 16-18)

Death presented as a skull, a traditional emblematic figure, which takes away earthly seeing and at the same time gives us spiritual eyes.

The poem ends on a rather pessimistic note. The speaker sadly observes that man does not treasure the gifts offered by God. Herbert draws a contrast between God’s majesty and generosity and the meanness of man’s choice by employing similar imagery to denote completely different referents:

But man is close, resev’d, and dark to thee:
When thou demandest but a heart,
He cavils instantly.
In his poore cabinet of bone
Sinnes have their box apart,
Defrauding thee, who gavest two for one. (ll. 25-30)

II. LITERATŪRINIO DISKURSO ANALIZĖ

Thus man is viewed as a space framed by a skeleton and, what is more, the soul filled with sin is referred to as an even more tightly framed space, “a box”.

One literary critic notes that “Herbert often shows a fear of unlimited space and loves the shelter of an enclosure” (6, 244). The analysis shows that this is not a rule without exceptions. Just as two contraries, good and evil, meet in the human soul, so the framed space in Herbert’s poetry often denotes both a space filled with divine spirit and a space occupied by sin. However, for Herbert vast space and distorted drawn-out objects do indicate a soul that is devoid of God’s spirit.

REFERENCES

1. BATH, Michael. *Speaking Pictures: English Emblem Books and Renaissance Culture*. London, New York: Longman, 1994.
2. DALY, Peter M. *Literature in the Light of the Emblem: Structural Parallels between the Emblem and Literature in the Sixteenth and seventeenth Centuries*. 2nd ed. Toronto, Buffalo, London: The University of Toronto Press, 1998.
3. “Emblem Book”. In *The New Encyclopaedia Britannica: Macropedia*. Vol.4. Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1998.
4. FREEMAN, Rosemary. *English Emblem Books*. London: Chatto and Windus, 1967.
5. HERBERT, George. *The English Poems of George Herbert*. Ed. C.A. Patrides. Dent, London, Melbourne and Toronto: Rowman and Littlefield, 1974.
6. KNIGHTS, L.C. “George Herbert: Resolution and Conflict”. In *George Herbert and the Seventeenth-Century Religious Poets*. Ed. Mario A. Di Cesare. New York: W.W. Norton and Company, 1978.
7. LOW, Antony. *Metaphysical Poets and Devotional Poets*. In *George Herbert and the Seventeenth-Century Religious Poets*. Ed. Mario A. Di Cesare. New York: W.W. Norton and Company, 1978.

Loreta Kamičaitytė

Vilniaus Universiteto Kauno Humanitarinis Fakultetas, Lietuva

KRIKŠČIONIO KŪNO KAIP ERDVĖS TRAKTAVIMAS GEORGE’O HERBERTO EILĖRAŠČIŲ RINKINYJE “THE TEMPLE”

Santrauka

Straipsnyje analizuojami kūno įvaizdžiai George’o Herberto eilėraščiuose iš poezijos rinkinio „The Temple“. Eilėse juntama embleminės tradicijos įtaka. Herberto eilėraščius galima vadinti meditacinėmis emblemomis, kuriose neretai kūno įvaizdžiai yra centriniai simboliai ir atstoja emblemų piešinius. Beto, skirtingos krikščionio kūno dalys yra suvokiamos kaip simbolinės erdvės, kintančios priklausomai nuo kalbėtojo dvasinės būsenos ir jo santykio su Dievu.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: kūno įvaizdžiai, meditacija, embleminė poezija, liepsnojančios širdies simbolis, žmogaus siela, dieviškoji dvasia, kintanti erdvė, iškreipta erdvė, apribota erdvė.

Vilma Linkevichiute

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

E- mail: l.vilma@mailcity.com

NORMAN FAIRCLOUGH'S CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS IN NEWSPAPER ARTICLES

Discourse is very closely related with newspapers as these two concepts are social phenomena; various methods of discourse are used to analyze the information presented in newspapers. The most suitable method for such analysis is Critical Discourse Analysis because it treats every word, every idea and even photograph used in the article critically. Such analysis helps to define the relationship between the producer and receiver of discourse, besides, it improves understanding of the information provided in articles. Critical Discourse Analysis defines the framework for the ideal discourse reader who participates in the deconstruction and interpretation of the newspaper material.

The aim of this article may be defined as following: to show the importance of Critical Discourse Analysis in the deconstruction, interpretation of the newspaper articles and moulding person's attitude towards the information which is presented in newspapers.

KEY WORDS: Discourse, Critical Discourse Analysis, Genres, Interdiscursivity, Textual level, Discursive practice, Social practice.

According to Fairclough (1, 10) CDA investigates the tension between two concepts concerning language use: language is both socially constitutive and determined. These ideas are based on the multifunctional linguistic theory used in Halliday's functional - systemic linguistics. The key concept in this theory is that every text has an 'ideational' function through its representation of experience and the world. One more function is performed when texts produce social interactions between participants in discourse. The third function is a textual function - texts unite separate components into a whole and further combine them with situational contexts.

Fairclough (2, 23) points out that texts and discourses are socially constitutive: 'language use is always simultaneously constitutive of (i) social identities, (ii) social relations and (iii) systems of knowledge and beliefs' (2, 134). This scholar (1, 13) makes conclusions that the ideational function of language constitutes systems of knowledge; the interpersonal function creates social subjects, identities or relationships between them. Besides, these concepts always work simultaneously.

Titscher ed (4, 132) assume that for Fairclough language use is constitutive in conventional and creative sense. Conventional sense means reproduction of identities, relationships and knowledge in language. Creativity, on the contrary, means social change.

As it has already been mentioned, Fairclough claims that language is socially constitutive, but he also makes one more assumption - that language is socially determined. He (2, 158) draws the parallel between two concepts: one is that absolutely different types of discourse may exist in the same situation, the other is that relationship between actual language use and the key conventions and norms is not a simple linear one. These relations are defined as 'orders of discourse'.

Fairclough establishes two types of discourse: discourses and genres. For him discourses are based on specific areas of experience and knowledge; genres are activities, e.g. advertising, conversation. This assumption could be easily criticized because discourse itself contains knowledge, experience and activities; it exists in our everyday life and follows every human step so there is no need to divide discourse into discourse and activities. But as it has been pointed out at the beginning of this chapter, every scholar has his own approach and methods, thus it cannot be claimed that this approach is incorrect.

For uniting these two types, Fairclough employs CDA.

From these theoretical considerations Fairclough constructs an analytical framework where interdiscursivity and hegemony are combined. According to Fairclough (1, 200) interdiscursivity is a combination of discourses and genres in a text; hegemony is dominance of cultural, political and ideological domains of society.

Fairclough analyses discursive events with the help of applications of three dimensions- textual level, discursive practice and social practice.

At the first- textual level the form and content are analysed. Form is a part of the content, thus they are interrelated. Content contains the main idea of the textual material, provides information or gives pleasure (it depends on the text, but we are interested in the news text, which firstly provides new and important information). Form is the means with the help of which this main idea is presented. Usually these means are linguistic- grammar, vocabulary and semantics but the form can be also expressed with the help of cultural or social means, e.g Arabic texts or texts written in hieroglyphic.

The second level is discursive practice, which represents relations between the text and social practice. The analysis is carried out through the socio - cognitive aspects of text production and interpretation. 'The analysis of discursive practice therefore includes not only a precise explanation of how the participants in an interaction interpret and produce texts, but also the relationships of discursive events to orders of discourse, that is the matter of interdiscursivity' (2, 136).

According to Titscher ed (4, 135) interdiscursivity for Fairclough means a bridging function between text and context and includes interest in production and interpretation of genres and discourses within orders of discourse for text production. Relations between discourses and genres, production and interpretation of texts depend on the social context. Usually it is impossible to understand the key message of the text without its context. A piece taken from the text and used in some different context may convey an opposite message; it may become offensive or ambiguous. As it has already been mentioned, discourse follows every human step and it is obvious that in different social groups or classes, discourses and genres are different and are perceived in different ways. The interpretation of the text also depends on the social context - every person understands and interprets the text according to his/ her background knowledge, his/ her inner and society's culture, customs and traditions.

The third dimension is social practice. Titscher et al point out that social practice relates discursive event 'to different levels of social organization: the situation, the institutional context, the wider group or social context' (4, 151). In this dimension discursive events are analysed with the help of wider groups of individuals, it leaves the personal experience aside and turns to the social experience of the whole group. This dimension analyses new social phenomena and concepts.

For Fairclough the most significant dimension in CDA is textual dimension because a text is one of the most important resources for the analysis. Besides, linguists are particularly concerned with content and form.

Fairclough bases his approach on three components: description, interpretation and explanation.

The description stage of CDA:

Text bias analysis- a form of critical text analysis.

Critical analysis= comparative analysis of the lexico - grammatical patterns of texts (or within one text) which refer to the same event (3, 33).

Description is text analysis in which linguistic means, such as syntax, grammar, semantics are described. At this stage scholars analyse which linguistic means are present in the text and which are absent. According to O' Halloran (3, 34) a text may consist of one word or even one letter, e.g. 'W' on a toilet door. There are cases where the text may be expressed with

the help of a sign, e.g. a crossed cigarette gives us textual message that smoking is forbidden in some particular area. These means help to understand the content of the text.

Interpretation stage of CDA:

Interpretation stage - is another form of critical discourse analysis.

Critical analysis = analyzing text for absences which lead to the events and participants referred to in the text being mystified in the reader's discourse (1); analyzing a text for how its presences reinforce these absences from reading.

Critical analysis = analysis of how the discourses (2) which readers habitually inhabit may channel reading of a text into a particular interpretation which in turn can lead to ideological reproduction (3, 33).

In the interpretation stage the reader looks closer at the text, he/ she analyses it critically. News and other texts usually contain absences, which do not hinder the understanding. These absences are created by the writer unintentionally because he/ she is guided by his/ her personal background knowledge, sometimes they are created because the journalist knows the whole story and gives just the summary of it, not taking into consideration the fact that the reader is not aware of all the details. Finally, the absences emerge because of lack of place in the newspaper - usually journalists have to cut their articles, thus absences are created. Because of the described reasons the reader has to interpret the text in order to have a full view of the event. Unfortunately, sometimes such interpretations can be incorrect and lead to the misinterpretation.

The other type of interpretation may be presented in the following way: during their life individuals create or unintentionally inhabit various discourses and apply them while reading texts, thus the interpretation depends on their so called socio - cognitive analysis.

The last dimension is explanation - i.e. social analysis. At this stage the reader has already read the text, interpreted it and next he is supposed to make some conclusions. The individual has picked up some important information from the text and tries to explain it by applying the sociocultural frame. In this dimension the reader compares local events with events happening in other countries and cultures, he/ she analyses them from the point of view of his/ her culture, customs and traditions. These concepts help to determine if the event is bad or good, sad or merry, beneficial or not.

In the following section different news articles will be analysed according to these three dimensions.

The practical analysis will be based on the articles taken from 'The Express' and 'The Independent'.

The first article 'Right - to - live baby case date set' provides information about the case of baby with inborn Edwards Syndrome, in which the judge has to decide if this baby has a right to live or not - *Doctors at Liverpool's Alder Hey Children's Hospital have asked the courts to decide whether they should resuscitate nine-month-old child Luke Winston - Jones if his condition deteriorates further.*

This information is the content of the article, which is the description stage on the first-textual level. The main idea of the text is the moral issue - if one man has a right to run the other person's life, if a man has a right to decide who can live and who must die.

The form of the article meets the requirements of article writing. The sentences are short and informative, each paragraph consists of a single sentence, which introduces a new idea. There is no prevailing grammatical tense in the article - *have asked, should resuscitate, will take place, suffers, ruled*, etc. There is also no prevailing voice: passive and active forms are mixed together - *will be heard, will be heard, was given, deteriorates, comes, says*, etc. This mix of tenses and voices makes the text more picturesque and interesting; besides when the active voice is used there emerges a closer and more personal relation between the producer of the text, recipient of the text and the text itself.

The 'Right-to-live baby case date set' is simple and comprehensible for each participant of discourse because the vocabulary, used in this article, is very simple. The terms that require

II. LITERATŪRINIO DISKURSO ANALIZĖ

---

some special knowledge are explained - *Babies born with Edwards Syndrome, which is also known as Trisomy 18, have an average life span of under two months, with less than 10% surviving more than a year. Sufferers appear thin and frail, fail to grow properly and have difficulty feeding.*

At the discursive practice level which is an interpretation stage, according to Fairclough, the reader of the article reads the text closer and interprets it according to his/ her background knowledge. Information is presented simply and clearly, there are no factual absences, thus, the topic and problem of the article is evident and there can not emerge any misunderstandings. As it has already been mentioned, the interpretation of this article depends on the reader's background knowledge and personal ethical values. There may be two groups of readers- one, which is for the baby's right to live and the other- against. The first group may think that a man does not have the divine function to take the life away from any person, even from the murderers. The other group thinks that it is better to die than to live an inadequate life or to live in pains.

This level is also related to the context. Every sentence of the article under analysis is strongly related with the context and if the sentence is taken out of the context, it loses its importance and meaning. For example, *Sufferers appear thin and frail, fail to grow properly and have difficulty feeding.* Without the context it is not clear who are the sufferers, what kind of sufferers they are and what is the main problem.

The last dimension of the textual level is social practice or explanation. At this stage the readers try to find the explanation for the process, going on in the article. This explanation is not based on the reader's personal experience; it is related to the wider social context. 'The Express' is a British newspaper, thus, it is clear that more than half of its readers are the British. In the British culture it is not usual to sentence unhealthy babies or adults to death just because they are not going to live long. Such kind of behaviour is not common in British sociocultural frame, thus, this article may raise various debates and discussions concerning ethics and morale in British society. The issue described in 'Right-to-live baby case date set' may make the British society to revalue their personal and social values and to decide what is good and what is bad, what is a norm and what is an aberration.

The second text chosen for analysis 'MP renews 'medical' cannabis call' is also taken from the same newspaper 'The Express'.

The first - textual level (description) presents the main idea of the article- *A Labour MP is renewing his calls for the Government to reclassify cannabis as a medicine rather than a recreational drug.*

This means that the government should allow the doctors to use the medical cannabis for treatment of multiple sclerosis and other painful conditions. This article presents very important information for the society, which treated cannabis just as a drug. This information can change people's attitude to cannabis and make the revolution in the field of medicine.

The form is also very important for this article. The layout of 'The Express' determines the shorter sentences. Each paragraph consists of one sentence and each sentence presents a new idea. The layout is the same as in the first article but the linguistic means, used in 'MP renews 'medicinal' cannabis call' are different.

The prevailing voice in the article is active - *is renewing, would be, has highlighted, will help,* etc. The use of active voice in the article is more attractive for the recipient of discourse because he/ she reads the text as a simple story, which is more appreciated by all kinds of recipients, but not as a dry informative piece of news. The use of active voice makes the understanding and interpretation of the text easier and as it has been mentioned while analysing the first article it allows a closer relationship between the reader and the producer of the text. With the help of active voice the article is not impersonal and reader may feel like taking part in the process of discourse, described in 'MP renews 'medicinal' cannabis call'.

Though some cases of passive voice there are, as well - *should be allowed, have not been licensed, was known,* etc. It is common that passive voice is used in newspaper articles and academic works. In the analysed article the function of the passive voice is to present the

important information, to focus on the essence of the issue rather on personal experiences and reader's participation in discourse.

As in the first article, there is also a variety of tenses - *said, will urge, had informed*, etc. The variety of tenses also approximates the reader to the discourse described in the article. Besides, it makes the text more attractive and not so boring to read. The prevailing verb form in this article is the infinitive - *to reclassify, to do, to alleviate, to prescribe*, etc. The use of the infinitive makes the text more formal, indicates the actions that should be done by the government in order to legislate the use of cannabis for medical purposes.

The vocabulary is simple but from the point of view of semantics, reading of 'MP renews 'medicinal' cannabis call' requires some medical knowledge - *multiple sclerosis, Schedule 1 and Schedule 2 of the Misuse of Drugs Regulations, cannabis based drug Sativex*. Those recipients of discourse, who have minor knowledge or experience in medicine and British medical institutions, can misunderstand these medical terms.

The discursive practice level (interpretation) enables the reader of the text to evaluate and interpret the information, presented in the text, according to his/ her personal values. Again, as in the first article, there may appear two different groups of recipients of discourse. This division is based on their personal values. One group may be for the legislation of cannabis for medical purposes because cannabis can be used as an effective painkiller. This group may involve those persons who have multiple sclerosis and experience other painful conditions themselves, those who look after such incurable persons and all those who think that cannabis will be an effective medical drug. But the other group will be skeptical about the use of cannabis for medical purposes because, according to their own experiences, they know that not all doctors work honestly. Some of them may prescribe cannabis for drug addicts when a decent sum of money would be offered. This means that drug business will be legislated and prosperous and that is a crime. Thus, the interpretation of information, described in 'MP renews 'medicinal' cannabis call' will be interpreted on the basis of not only personal values but of different personal experience as well.

In this article context is not as important as in the first one. All the sentences, except one, convey a full informative idea, which can be understood in the right sense in any context or even separately. There is only one sentence which needs its actual context in order to be understood correctly - *Peter Bradley, who represents The Wrekin in Shropshire, said it would be a "very small step" and "the right and compassionate thing to do"*.

At the interpretation stage absences are very important, too because they participate in the correct understanding of the text. In the following sentence - *Mr Bradley will urge ministers to transfer the drug from Schedule 1 to Schedule 2 of the Misuse of Drugs Regulations* it is not clear what is *Schedule 1* and *Schedule 2*. There is a possibility that the journalist got acquainted with these schedules while writing the article but for the recipient of discourse who has no background knowledge in medicine may be confused because of lack of information. These absences lead to the misunderstanding of the part of the text, which is crucial for the perception of the whole issue.

At the level of social practice (explanation) the reader makes conclusions that the legislation of cannabis for medical purposes is very important and must be legitimated. But on the other hand this decision is very tricky because the medical system in Britain and in other countries is not transparent and the legislation may cause many serious problems. In this case personal and social experiences coincide, thus strengthening notion that legislation is a necessity but transparency, protection and honesty issues should be taken into consideration, as well.

The third text 'Government rules out smoking ban' comes from 'The Express' but it has been chosen for the analysis because it differs in many ways from the previous examples.

Textual level (description) discloses the main idea of the article - *The Government has indicated it would not follow Ireland in banning smoking in public places*.

II. LITERATŪRINIO DISKURSO ANALIZĖ

Since March 2004 the issue of smoking ban in public places in Ireland was very widely discussed among all the residents of the United Kingdom. This decision had many opponents but it had many supporters as well. The interest of the first group has been satisfied because England did not follow Ireland and did not ban smoking at workplaces, restaurants, pubs and clubs. This decision may indicate that England is less restricted by various rules than Ireland and that rights of all groups are protected in this country because there are smoking and non-smoking areas in public places.

The form of 'Government rules out smoking ban' is similar to the previous articles but there are some differences. The sentences are longer; most of the paragraphs consist of more than one sentence. This helps the journalist to express the idea more explicitly and to provide more information. Despite the length of sentences and paragraphs, the article is easy to read and understand. One more difference is that in this article indirect speech is combined with direct and is punctuated by inverted commas. Direct speech makes the text more realistic and allows the reader to find out the actual words of the speaker. In this case the information, expressed through the pronoun I, is exact because the journalist does not present his/her interpretations and as a result the possibility for misunderstandings is impossible.

The article is written in active voice prevailing - *has indicated, have been, was speaking, is, concluded, etc.* The prevailing voice of almost all 'The Express' article is active. This can be an explanation why this newspaper is so popular in Britain. Active voice makes the article more attractive, easier to read and to understand. It helps to avoid complex and clumsy structures.

There are only three cases of passive voice there - *is not afflicted, should be exposed, it is expected.* The passive voice in these cases helps to focus on the most important issues leaving aside the person involved in the process. The use of passive voice in this article helps to express the main statements - *'The majority of people in this country are not smokers and they want to work and enjoy their leisure in an atmosphere which is not afflicted with cigarette smoke'. 'Dr Reid was speaking after a leaked report on Monday said no infant, child or adult should be exposed to passive smoking because of the health hazards'. 'It is widely expected to include measures to limit smoking in public places but stop short of a total ban, covering all restaurants and pubs'.*

The prevailing tenses in the article are present perfect and past simple- *has indicated, has been, have done, said, confirmed, concluded.* The present perfect tense expresses what has already been done or decided- *'The Government has indicated it would not follow Ireland in banning smoking in public places. Smoking has been illegal in workplaces, including pubs and restaurants, in the Irish Republic since March'.* With the help of this tense we find out the actual results of the smoking ban debates. The simple past tense is used for the narration of this issue - *'But Health Secretary John Reid said Britain had to find its own answers to the problem of smoking. He said the Government would not simply copy what other countries have done'.*

The use of language of this article is different from the previous two articles because there are cases of direct speech and for this reason, cases of the present simple and future simple tenses appear in the text - *"I will try to do that in a way that will try to balance people's rights in this country. And while I can learn from other countries I will not transpose automatically what other countries have done to people in England. We have to find our own way of doing things."*

'Government rules out smoking ban' is easy to understand but there may be some problems with understanding some terms - term *status quo* may be difficult to understand for those people who do not have a university education, concept of *Public Health White Paper* may be misunderstood or even not understood by these residents who are not Britons.

The discursive practice level (interpretation) of 'Government rules out smoking ban' may consist of two variants - one variant for the smokers and the other - for non-smokers.

The smokers will appreciate the government's decision, described in the article because they will not have to change their discourse model. The discourse model for smokers may be described as following- a person has the right to smoke whenever and wherever he/she wants. According to their personal values smoking is not harmful; it helps to relax, concentrate or even

to lose weight. Their position is that a person will die anyway so there is no point in restricting yourself to the pleasures of life, in this case, smoking.

Non- smokers will be disappointed with government's decision because they claim that smoking is harmful for the health, it causes many incurable diseases and death. According to their discursive model- everyone has a right to healthy life and exposure to passive smoking violates their human rights and it must be banned.

Context is very important in this article because two paragraphs start with but - But the leaked report by some of Britain's top medical scientists concluded that "second-hand smoke represents a substantial public health hazard" and two start with direct speech - "The status quo is not an option on smoking... It will not be possible to understand these sentences without knowing the context. Without the context these sentences may be meaningless and provoke misunderstandings, which are not allowed in media field.

Misunderstandings are also caused by the absences in the text. There is one absence in 'Government rules out smoking ban' - He said the Government would not simply copy what other countries have done. It is not indicated in the text what other countries have done, what was their policy on smoking. Lack of information in this particular article is very important and unforgivable because people must be informed what has been done in other countries while dealing with this issue, what were the decisions and results of the similar reform. The journalist should give a short survey concerning this issue in other countries in order that British people could apply it to their discursive model.

The conclusions made at the level of social practice (explanation) may be ambiguous and again ambivalent because smokers and non- smokers will have different interpretations. Smokers will decide that the decision of government is right and undisputable because it does not violate their rights. The other social group - non- smokers will conclude that the government was grafted by the tobacco manufacturers and tradespeople and this influenced the decision not to ban smoking in public places.

The last article is taken from 'The Independent' and it deals with the same issue as 'The Express' article analysed above. The elaborate and complex style of this newspaper is indicated in the title of the article 'Ministers 'suppressed report on passive smoking danger''.

The first- textual level (description)- the main idea of the article is summarized in the first sentence- Ministers suppressed an official report on the dangers of passive smoking to prevent public pressure growing for a ban on smoking in public, campaigners claimed yesterday.

Both newspapers discuss the same issue but do that in different ways. 'The Express' informed that the government was not going to ban smoking in public places, 'The Independent' starts its article from the information that ministers concealed information concerning dangers of passive smoking from the public. Thus, from this statement, it becomes evident that ministers are against smoking ban.

The form of 'Ministers 'suppressed report on passive smoking danger'' is also different from 'Government rules out smoking ban'. Sentences are long, phrases and structures are complex and difficult to understand - *James Johnson, chairman of the British Medical Association, said: "If John Reid really wants to protect public health he should show leadership and courage by introducing a ban on smoking in enclosed public places without delay."* The paragraphs are long, usually consisting of more than one sentence, each paragraph introduces a new idea related to the previous one - *The report, by experts on the Scientific Committee on Tobacco and Health, which advises the Government, says non-smokers living or working in smoke have a 24 per cent higher chance of lung cancer and a 25 per cent higher chance of heart disease. Cot deaths, respiratory and ear infections have also increased and the report says "no infant child or adult should be exposed to second-hand smoke".*

The text is longer than all previous ones, thus it is more comprehensive and informative.

There is a mixture of active and passive voices in the article - *claimed, advices, said, are based, is opposed, was submitted.* This mixture helps to focus on the most important information

and to leave the trivial details aside. The language is complicated in this article thus active voice helps to perceive the information easier. The passive voice presents actual information without any digressions to personal experience.

'Ministers 'suppressed report on passive smoking danger'' also presents variety of tenses- James Johnson, chairman of the British Medical Association, said: "If John Reid really wants to protect public health he should show leadership and courage by introducing a ban on smoking in enclosed public places without delay."

Use of almost all the tenses helps the readers to orient better in the situation described in the article, the tenses indicate the chronology of the events and results.

The vocabulary is as formal as the style and grammar in the 'Ministers 'suppressed report on passive smoking danger''. This makes the text more complicated for understanding, it is even difficult to follow the idea or to perceive a single paragraph without reading more than once. The semantics indicates that the discourse recipients of the newspaper and the article are university graduates and people from the highest layers of society. It could be called the 'highest class' discourse.

At the discursive practice level (interpretation) the recipients of the 'highest class' discourse interpret and evaluate the presented information according to their background knowledge and personal and social values.

From the early ages smoking was not a sin in the highest layers of the British society, it was very fashionable, even Oscar Wilde in 'Importance of Being Earnest' describes the scene where it is said that smoking is one of the positive masculine features. The problem is that Victorian society and modern society perceive smoking in different ways. In the Victorian society people smoked at home, sitting by the table and drinking tea. Then smoking was aesthetic. It was not good manners to smoke in public. This attitude is still attractive for the highest class, thus they may be for the smoking ban in public places. But on the other hand, most of the highest class representatives are addicted to alcohol, drugs and cigarettes, thus they may welcome such a decision or even influence it.

There is no need for context in understanding 'Ministers 'suppressed report on passive smoking danger' because each sentence presents full, clear and comprehensive idea that can be understood correctly in any context- *An Office of National Statistics survey found 56 per cent of people wanted to restrict smoking in pubs but only 20 per cent wanted an outright ban.*

The article is so informative and comprehensive that there are no absences, every issue is presented and explained in detail - *The report, by experts on the Scientific Committee on Tobacco and Health, which advises the Government, says non-smokers living or working in smoke have a 24 per cent higher chance of lung cancer and a 25 per cent higher chance of heart disease.*

Non - existence of absences proves the hypothesis that the text without absences presents the most important information, which is actual and unabridged.

On the level of social practice (explanation) the reader inspired by the journalist makes conclusions that smoking either active or passive is very dangerous for the health and should be banned. The information presented in 'Ministers 'suppressed report on passive smoking danger'' may even make the heavy smokers to change their mind or even way of life but this depends on the will and consciousness of the recipient of discourse.

The results of the investigation presented above indicate that CDA by Fairclough is the most comprehensive of all other CDA types. Besides, it focuses on a variety of dimensions of discourse rather than on one single stage or feature.

REFERENCES

1. FAIRCLOUGH, N. Critical Discourse Analysis. *The Critical Study of Language*. London: Longman, 1995.
2. FAIRCLOUGH, N. Discourse and Social Change. Oxford: Polity Press, 1992.
3. O'HALLORAN, K. Critical Discourse Analysis and Language Cognition. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2003.

4. TITCHER, S. (ed.). *Methods of Text and Discourse Analysis*. London: Sage, 2002.
5. www.theexpress.co.uk
6. www.theindependent.co.uk

Vilma Linkeviciūtė

Vilniaus Universitetas Kauno Humanitarinis Fakultetas, Lietuva

**LAIKRAŠČIŲ STRAIPSNIŲ KRITINIO DISKURSO ANALIZĖ PAGAL NORMAN
FAIRCLOUGH METODĄ**

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjama Didžiosios Britanijos laikraščių kritinė diskurso analizė pagal Norman Fairclough metodą.

Šis metodas nagrinėja diskursą trimis aspektais: tekstiniu, diskurso bei socialine praktika. Fairclough metodo esmė yra – kritinė diskurso analizė nagrinėja ne tekstus, o diskursą.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: diskursas, kritinė diskurso analizė, žanrai, interdiskursyvumas, tekstinis aspektas, diskurso aspektas, socialinis aspektas.

Олеся Любезная

ГГМТ, г. Гомель, Беларусь

Эл. почта: lioksanab@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВА В РОМАНЕ ТОМАСА ПИНЧОНА «V.»

В статье представлены результаты анализа нарративной организации текста романа Томаса Пинчона «V.». Исследование проводилось с опорой на классификацию нарративных типов Я. Линтвельта. Здесь также намечены пути для рассмотрения в дальнейшем точек схождения художественных систем Т. Пинчона и В. Набокова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: текст, нарративная организация, повествовательные инстанции, нарративные типы.

В гуманитарной культуре последних десятилетий понятие «текст» является ключевым. Текст изучается с точки зрения его категорий, композиции, механизмов порождения смысла, его языкового оформления, характера восприятия, истолкования смысла. Более того, на современном этапе происходит процесс активного взаимовлияния различных подходов, принципов и методик анализа, что влечет за собой разногласия в оценке и интерпретации конкретных художественных текстов.

Представленная статья посвящена особенностям организации нарративной структуры текста романа «V.» Томаса Пинчона, чья проза, ставшая на Западе американской литературной классикой, на русском языке впервые появилась лишь в 2000 году. Именно этот факт и позволяет отечественному литературоведению рассматривать её в рамках современного литературного процесса.

Следует отметить, что произведения современных авторов более сложны для понимания и интерпретации, нежели классические тексты, несмотря на то, что и автор, и читатели находятся в пределах одной исторической эпохи. Трудность интерпретации современных произведений обусловлена сложной картиной мира, образом мышления современного писателя, что находит отражение в выборе и комбинации средств выражения, в частности, в синтаксисе и композиции произведения. Это в полной мере относится и к пинчоновскому роману 1963 года «V.», удостоенному Фолкнеровской премии за лучший первый роман (the William Faulkner Foundation First Novel Award).

Целью проведенного исследования было определить исходную (безусловно, формальную) повествовательную модель, характерную для текста первого романа этого автора, дабы впоследствии, отталкиваясь от неё, выявить изменения, произошедшие в повествовательной стратегии Пинчона, проследить её эволюцию по текстам более поздних его произведений. В связи с этим необходимо было проанализировать нарративную структуру каждой главы романа, а затем, по возможности, выявить общие отличительные черты каждой из двух линий повествования. Рассмотреть соотношение автор/ повествователь, определить типовые позиции центра ориентации читателя. Выявить композиционные и грамматические средства, формирующие текстовые стратегии, и исследовать их роль в выявлении авторского сознания.

Имевший место анализ выполнен в русле нарратологии и интерпретации текста. Его теоретической основой явились работы нарратологов Я. Линтвельта (1981), Ж. Женетта (1966-1972), М. Баль (1977), основные положения теории дискурса, разработанные Н. Д. Арутюновой, трактовка М. Я. Дымарским понятия «текст».

Основными положениями нарратологии стали: 1) коммуникативное понимание природы литературы; 2) представление об акте художественной коммуникации как о процессе, происходящем одновременно на нескольких повествовательных уровнях; 3) преимущественный интерес к проблеме дискурса; 4) теоретическое обоснование многочисленных повествовательных инстанций, выступающих в роли членов коммуникативной цепи, по которой осуществляется «передача» художественной

информации от писателя к читателю. Учитывая это, в данной статье мы принимаем точку зрения М. Я. Дымарского, полагающего, что текст «представляет собой упакованную коммуникацию, включая в свернутом виде не только все элементы коммуникативного акта, но и сигналы для их дешифровки» (1, 238). Дискурс обладает признаками процессности, потому и противопоставлен тексту как фиксированному результату, продукту процесса.

Способ же повествования в той или иной главе романа «V.» Томаса Пинчона определялся нами по классификации Яна Линтвельта, которая включает пять нарративных типов: нейтральный, аукториальный и акториальный типы гетеродиегетического повествования и акториальный и аукториальный типы гомодиегетического повествования.

«V.» - объемный роман, «неторопливое» повествование о всевозможных похождениях, приключениях и взаимостолкновениях ярких персонажей, происходящих на протяжении более полувека. Несмотря на ошеломляющее количество действующих лиц, автор с особой тщательностью выписывает каждого, и даже незначительные фигуры наделяются какой-то деталью, которая делает их чрезвычайно правдоподобными.

В романе можно выделить две сюжетные линии, точка пересечения которых определяется в лице Герберта Стенсила, с 1945 года занятого поисками загадочного (-ой) V. Одна линия – это историческая часть, эпизоды которой охватывают период с 1898 года по 1944-й. Но они расположены не в хронологическом порядке, хотя зачастую вовлекают одних и тех же персонажей. Другая линия – «настоящее», сочельник 1955 года и события 1956, происходящие с Бенни Профейном и членами Напрочь Большой Команды. Профейн – это образ человека, который живет «здесь и сейчас», поэтому в тексте романа он лишен предыстории, и лишь в тринадцатой главе, когда он заходит на несколько минут домой, читатель узнает кое-что о его семье. Стенсил-младший же живет жизнью своего отца, пытается воссоздать ее, но, к сожалению для себя, он обнаруживает, что прошлое для людей значит чрезвычайно мало. Как следствие, нарастание энтропии. И первое появление Герберта Стенсила на страницах произведения сопровождается сведениями о дате его рождения и краткой информацией о родителях.

Можно заметить, что все главы романа условно делятся на три группы. К первой относятся главы 1, 4, 6, 10, 12, 15, где действуют Профейн и члены команды, ко второй – 2, 5, 8, 13, 16, в которых к указанным персонажам примыкает Стенсил-младший, а к третьей – «исторические» главы 3, 7, 9, 11, 14 и Эпилог. Причем повествование в главах первой группы можно определить как аукториально-гетеродиегетическое, где ведущей является пара повествовательных инстанций «имплицитный автор» - «имплицитный читатель». Все происходящее в сознании героев воспринимается глазами повествователя и им формулируется.

Что же касается характера нарративной организации в главах второй группы, то здесь аукториально-гетеродиегетическое повествование, но со смещением на нейтральный регистр гетеродиегетического повествования в сцене беседы Стенсила с маркграфиней. Читатель здесь лишается индивидуализированного центра ориентации, функцией которого является интерпретация: «В любом случае эта сцена игралась следующим образом.

МАРКГ. Значит, вы должны уехать?

СТЕН. Стенсил должен быть в Люцерне уже на этой неделе.

МАРКГ. Терпеть не могу предвоенные мероприятия.

СТЕН. Это – не шпионаж.

МАРКГ. А что же это?

(Стенсил смеется и вглядывается в сумерки.)

МАРКГ. Вы так близки.

СТЕН. Кому? Маркграфиня, он не близок даже самому себе. Это место, этот остров. Всю жизнь он ничего не делал, а только скакал с острова на остров. Есть ли в

этом смысл? Да и должен ли вообще быть смысл?» (2, 53). На лицо лишь регистрация видимого и слышимого внешнего мира. Подобное встречается в некоторых текстах из «Шестидесяти рассказов» Дональда Бартельми: «Новая музыка», «Утро», «На ступенях консерватории», «Прыжок», «Изумруд», «Прощание», «Бабушкин дом», - где автор использует форму «чистого» диалога двух или более персонажей.

Когда же функция нарратора передается Стенсилу, то мы имеем здесь акториальный тип гомодиегетического повествования, хотя он и говорит о себе в третьем лице. Использование автором такой повествовательной техники имело целью поставить Герберта в один ряд с другими персонажами: «Герберт Стенсил всегда говорил о себе в третьем лице. Это помогало персонажу «Стенсил» выступать обычной единицей в ряду других действующих лиц. «Насильственное перемещение индивидуальности» - так называл он свою основную технику, которая имела мало общего с умением «взглянуть на вещи чужими глазами», поскольку включала в себя, к примеру, одежду, в которой Стенсила невозможно было бы опознать, пищу, которой Стенсил мог подавиться, проживание в незнакомых берлогах, просиживание в барах и кафе нестенсилловского типа, - и так неделями без перерыва. А все зачем? – чтобы Стенсил оставался в своей тарелке, то есть в третьем лице» (2, 64).

Сложные повествовательные приемы Пинчон использует в третьей группе глав. В рамках основного повествования возникает еще несколько пар повествовательных инстанций. «Эксплицитный автор - Фаусто Майстраля» - «эксплицитный читатель - Стенсил» в исповеди Фаусто Майстраля, звучащей в акториальном регистре гомодиегетического повествования, которое исключает всеведение. Цитируя и комментируя свои дневниковые записи, этот персонаж лишь предпринимает попытку самоанализа, субъективную, местами, возможно, ошибочную: «Наступила весна. Должно быть, за городом уже распустилась сулла. Здесь же солнечно, а дождь идет чаще, чем то необходимо. Но ведь это не может иметь никакого значения. Я даже подозреваю, что возраст нашего ребенка не имеет отношения ко времени. Её имя-ветер вновь примчится сюда и смягчит её вечно чумазую рожицу. Тот ли это мир, куда привести ребенка может каждый?

Отныне, Паола, никто из нас не имеет права задавать этот вопрос. Только ты» (2, 340).

Пара «эксплицитный автор - Стенсил» - «эксплицитный читатель - (возможно, Айгенвэлью)» в «исторической» части, тип повествования в которой можно определить двояко: акториально-гетеродиегетический по отношению к основному и аукториально-гетеродиегетический по отношению к содержанию «рассказа».

Причем в третьей главе, например, в каждой части происходит смещение на ось акториального повествования, когда выражается ограниченная точка зрения того или иного персонажа на событие, и тем сложнее читателю представить ситуацию в полном объеме (официант Айюль, «мастер на все руки» Юзеф, Максвелл Раули-Багг «с сердцем разгильдяя», проводник Вальдетар, «житель пустыни» Джебраил, фокусник-вор Гиргис, официантка в пивной Хана). А когда эти действующие лица начинают высказывать взгляды, близкие Пинчону, то тем самым они сближаются с позицией абстрактного автора, и тогда происходит перемещение на ось аукториального повествования. При этом регистр может меняться по ходу мгновенно.

Сцена же убийства Порпентайна дана нейтральным повествованием, в «здесь и теперь» воображаемого свидетеля сцены, позицию которого читатель как бы принимает: «Два человека выходят из-за угла возле аллегорической статуи Трагедии. <...> А в конце коридора все это время стоит еще один мужчина. Окно сзади него делает его позицию выгодной – он появляется, как тень. <...> Стоящий в конце коридора делает правой рукой еле заметный жест. Человек направляет взгляд в его сторону и приподнимается. Из правой руки того, на кого он смотрит, вырывается вспышка, потом еще одна, и еще. <...>

Полусогнутое тело падает на пол. Лицо с белыми пятнами становится еще страшнее. И мертвое тело перетаскивается к окну – в выгодную позицию» (2, 100).

В седьмой главе, в отличие от третьей, где были представлены различные точки зрения на одно и то же событие, дан «рассказ» о взаимопересечении нескольких повествовательных линий, так как у каждого персонажа «свое дело» во Флоренции в одно и то же время. В связи с чем проявляется важная идея романа: весьма незначительное событие может изменить ход истории, ведь, по Сиднею Стенсилу, любая ситуация складывается из различных целей и интересов, пересекающихся в определенный момент, плюс значительная доля случайности. Неслучайно поэтому приводится список катастроф из Альманаха: «И это лишь массовые смерти. Не говоря уже о множестве изувеченных, осиротевших, оставшихся без крова. Каждый месяц происходит вереница подобных встреч между группами живых существ и окружающим миром, которому попросту на все наплевать. Загляните в любой ежегодный Альманах, раздел «Катастрофы», откуда взяты эти цифры. В этом бизнесе нет отпусков» (2,312).

Эпилог же содержит не свойственное ему содержание, обеспечивая этим кольцевую композицию романа. С гибелью Сиднея Стенсила в водяном смерче все только начинается. Причем, чем далее продвигается Герберт в поисках V., тем неопределеннее характеристики этой фигуры (её половая принадлежность, название ли это предмета или местности), тем выше вероятность, что поиски не приведут к конкретному результату.

Таким образом, нарратив текста романа организован с преобладанием аукториально-гетеродиегетического типа, зачастую сменяемого акториально-гетеродиегетическим. Введение нейтрального типа, как представляется, носит экспериментальный характер. Усложнение же нарративной структуры осуществляется за счет введения нескольких пар повествовательных инстанций «нарратор» - «наррататор».

Ввиду того, что многие темы, впервые заявленные в «V.», более скрупулезно исследуются Пинчоном в последующих произведениях, подобный проведенному анализ может стать основой для дальнейшей интерпретации этого и других его текстов. И в первую очередь, для выявления характерологических признаков такой системообразующей категории его дискурса, как интертекстуальность в ее горизонтальном и вертикальном членении. Поскольку, во-первых, в большом количестве присутствуют в тексте внетекстовые и внутритекстовые метатекстовые элементы. Во-вторых, реализация фреймов «рассказчик» и «процесс повествования» посредством актуализации прецедентного или последующего текста Пинчона (третья глава «V.» и рассказ «Под розой», к примеру) становится маркером идиолекта писателя. В-третьих, владея данными об особенностях повествовательной стратегии Пинчона, легче узнать и выделить нарратив «чужого» текста, например набоковского.

Как правило, Набоков в своих текстах избирает какой-либо определенный повествовательный тип. Либо аукториальный гетеродиегетический, либо акториально-гомодиегетический, когда события изображаются в зеркале воспринимающего сознания одного из персонажей. Но и при этом сохраняется ощущение постоянного присутствия некоего «надроманного» лица, который знает больше, чем остальные и управляет всем происходящим. Чрезвычайно редко происходит в набоковских текстах смена «Я-рассказывающего». К примеру, в четвертой части «Ады» несколько раз аукториальный гетеродиегетический тип сменяет акториальный гомодиегетический, что связано с написанием Ваном Вином трактата «Ткань Времени».

Представленное исследование является также и шагом к рассмотрению следующих аспектов художественной системы Томаса Пинчона:

- заговора, как одной из форм противодействия энтропии, поскольку он не подразумевает пассивного наблюдения (пир у Фоппля);
- пинчоновского видения времени и истории: «Рэйчел смотрела в зеркало под углом 45 градусов и поэтому видела как первый циферблат, глядящий в комнату, так и второй – отраженный в зеркале. Здесь жило два времени – обычное и

обратное, - они сосуществовали, отменяя друг друга. Быть может, по всему миру рассеяно множество таких точек-ориентиров – в узлах, похожих на эту комнату, которая принимает в себя проходящих и уходящих людей – несовершеннолетних и неудовлетворенных. Не дает ли сумма реального и мнимого – оно же зеркальное – времени в результате ноль, служа тем самым какой-то не совсем понятной этической цели? Или в расчет берется лишь зеркальный мир, лишь надежда, что прогиб носового моста или выступ лишнего хряща на подбородке будет означать переход от злосчастия к счастью и что с момента операции мир измененного человека начнет жить по зеркальному времени» (2, 46);

- значения сна для характеристики персонажей-сновидцев и авторской картины мира (сны Профейна, Мондаугена, Мелани и др.): «Но музыкальный комментарий Мондаугена к снам обошел стороной нечто очевидное и, возможно, весьма для него важное: если сон – это реальные события, сперва отложившиеся в памяти и лишь потом осмысленные, то сны соглядатая не могут быть снами, соглядатаем увиденными. Вскоре это проявилось в виде прогрессирующей неспособности отличить Годольфина от Фоппля: возможно, здесь не обошлось – или обошлось? – без Веры Меровинг, а кое-что могло ему просто привидеться. В этом-то и состояла проблема» (2, 274-275). Достаточно часто у Пинчона сон связан с идеей «механизации» человека: «Во сне он, как всегда, был один – гулял по улице, на которой нет ничего и никого, лишь ожившее поле зрения <...> Его сон был связан с историей, которую ему довелось услышать – о мальчике, родившемся с золотым винтиком вместо пупка» (2, 39);
- из предыдущего пункта следует, что разработки требует и проблема телесности (уродство лиц Эвана Годольфина и Порпентайна, образы манекена и синтетического человека): «Когда Профейн вот так брел один по улице, ему казалось, будто он тоже ищет некую вещь, с помощью которой его, как машину, можно будет разобрать. На этом месте у Профейна всегда возникал страх, а сон превращался в кошмар: теперь, если он пойдет дальше, то не только задница, но и руки, ноги, губчатый мозг, часовой механизм сердца – все будет разбросано по мостовой среди канализационных люков» (2, 40).

Данные аспекты имеют точки схождения с художественной системой уже упоминавшегося выше Владимира Набокова. К примеру, пребывание в онирическом состоянии иногда сопровождается у набоковских персонажей «расстройством схемы тела»: утратой своего телесного облика, членением или удвоением тела, как это было, например, с Цинциннатом или с «юношей в пенсне» из рассказа «Тяжелый дым».

Или же в оппозиции «сон» - «бессонница», поскольку бессонница есть преодоление границы потусторонности, причем в удвоенном варианте, ведь для её появления необходимо наличие сна и стремление к нему. Бессонница – это отсутствие и сна, и обычного бодрствования. Для сравнения у Пинчона: «Ближе к полуночи, в затишье между налетами, наблюдая за спящими Еленой и Паолой, я, похоже, вновь очутился во времени. Полночь по-прежнему обозначает волосок границы между днем и ночью, согласно замыслу нашего Господа. Но под бомбами или на работе время будто останавливается. Словно все мы работаем или прячемся во вневременном Чистилище» (2, 340). Что же касается сна вообще у Набокова, то можно предположить, что его романы и рассказы представляют собой особого рода сны - некое взаимное вращение грёз и воспоминаний, потому что память и вымысел действуют у него по одному закону. Набоков творит свои «романные сны», но никогда не позволяет себе «отпустить поводья» собственного воображения. Каждое его произведение – это созданное абстрактным/имплицитным автором онирическое сновидение, которому придана традиционная нарративная форма, но которое в идеале должно быть увидено как картина. Ведь сны – это своего рода художественные произведения: они носят драматический характер, они многосюжетны, фрагментарны, в них все может происходить мгновенно и одновременно.

Сон у Набокова становится и формой для воспоминания. Причем нельзя не упомянуть и о несхожести воспоминаний разных людей об одних и тех же событиях в его произведениях. К примеру, что реально в рассказе «Адмиралтейская игла»: описанное в произведении Солнцева или живущее в воспоминаниях автора письма? И что было на самом деле? Сравните в «V.» слова Фаусто Майстраля: «Теперь память стала предателем – подслащающим, искажающим. Как это ни печально, слово лишено смысла, поскольку основано на ложном предположении, будто идентификация единственна, а душа непрерывна. У человека не больше прав настаивать на истинности воспоминаний о себе самом...»(2, 330).

Таким образом, анализ нарратива текста романа «V.» позволяет сделать вывод о том, что изображенная модель отражает его собственное восприятие и ощущение мира, где всецело властвует энтропия.

ЛИТЕРАТУРА

1. ДЫМАРСКИЙ, М. Deus ex texto, или Вторичная дискурсивность набоковской модели нарратива. В *НАБОКОВ, В.: proekt contra*. Санкт-Петербург, 2001, том 2.
2. ПИНЧОН, Т. Санкт-Петербург. 2000, V.

Olesya Liubeznaya
GSMC, Gomel, Belarus

THE NARRATIVE PECULIARITIES IN V. BY THOMAS PYNCHON

Summary

The results of the analysis of the narrative structure in Thomas Pynchon's "V." are presented in the article. J. Lintvelt's classification of the narrative types was used here. The peculiarities of Pynchon's narration were revealed.

KEY WORDS: text, narrative, narrative typology, narrative instances.

Бакытжан Майтанов

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби

Эл. почта: teorialit@list.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ МОДЕРНИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ПРОЗЫ)

Статья посвящена исследованию своеобразия художественного мира писателей-модернистов и постмодернистов. Данные литературные течения осмысляются в контексте современной казахской прозы. Объектом изучения стали произведения таких известных, самобытных писателей, как М. Магауин, Д. Амантай, Р. Муканова, А. Ихсанов.

Большое внимание в статье уделяется проблеме человека. На основе анализа произведений М. Магауина, Д. Амантая, Р. Мукановой, А. Ихсанова выявляются особенности концепции личности в литературе модернизма и постмодернизма.

Творчество казахских писателей рассматривается в контексте культурного и исторического процесса. В статье исследуются тенденции развития современной прозы.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, симулякр, нарратив, дискурс, интертекст, рецепция, мировоззрение, пародия.

Никто не отрицает, что модернизм и постмодернизм являются на сегодняшний день самой остро актуальной проблемой в философии и литературоведении, чем определяется самодостаточность уровня национальных культур.

В казахской литературе первой половины XX века четко проступают существенные свойства структурной организации модернистского и постмодернистского текстов в некоторых произведениях М. Ауэзова, М. Жумабаева, С. Ерубаяева, С. Сейфуллина («Наша жизнь»). В них суггестивно-эмоциональную, композиционно-нарративную роль играют примеры интертекста, реминисценций, аллюзий во всеобъемлющем воспроизведении действительности не только в реалистической традиции, но и в диалогических соотношениях автора с воспринимающими субъектами.

Такие писатели, как З. Шашкин, Т. Ахтанов, Х. Есенжанов, А. Нурпеисов, Т. Алимкулов, И. Есенберлин, несомненно, расширили возможности повествовательного слова в изображении объекта в разных ракурсах точек зрения. Мастер психологического анализа Р. Токтаров в своем последнем романе «Неизлечимая болезнь» (2000 г.) за счет свободы хронотопа проблемы «Я» и «Другой» интерпретирует беспощадной правдивостью потока сознания, создавая полифонизм мышления и впечатлений. Пародийный элемент и самоирония стали стилеобразующим фактором в романе М. Магауина «Голубое марево» (1970-е гг.), в рассказах Р. Сейсенбаева (1980-е гг.). Самопародийные моменты в отношении персонажей обогатили поэтику смеха и усложнили мировосприятие в произведениях Т. Алимкулова и А. Тарази. Человек с патологическими изменениями стал предметом нейтрально-объективного изучения в повести «Истина» Т. Абдикова (1970-е гг.), построенной на сюжете интернационального характера.

Последствия разрушения тоталитарного режима в пространстве СНГ положительно отразились в художественно-эпистемологических дискурсах современных казахских писателей. В их рассказах, повестях, романах наблюдаются тенденции примирения с текучестью и скоростью реальности, отрицающей человеческие ценности, но вместе с тем осмысливающей эти и другие самые незначительные интенции; признания преобладания массовых параметров порядка, которые ущемляют индивидуальные различия личности; избегания традиционных сюжетно-композиционных схем, трепетной толерантности в соприкосновении с апокалипсическими построениями (А. Жаксылыков, А. Ихсанов, А. Алтай и др.).

Так, в рассказе «Кентавр» (2003 г.) А. Алтая люди не могут перенести необычный облик и быстроту человека-животного (последствия ядерных испытаний) и убивают его. Человеческая среда не воспринимает чуждые ей явления. Предчувствием апокалипсических и нравственных катаклизмов проникнуты и романы А. Жаксылыкова «Поющие камни» (1997 г.), «Сны окаянных» (2001 г.).

А. Коспагарову (рассказ «Он», 2004 г.) отличает оксюморонность осмысления дисгармонии обыденных представлений с космическим сознанием, присущим некоей поэтической натуре, что также отрицает социум, возвышение красоты мира и искусства; А. Алтай – постижение онтологической связи истории и современности через мифопоэтическое миропонимание, подтекст и «черный» юмор.

Значительными стилеобразующими факторами являются у Д. Амантая (романы «Разноцветная бабочка», 1996 г.; «Поэт и дьявол», 1998 г.) аллюзии, интертекст, реминисценции и своеобразный «поток сознания» со свободными авторскими перемещениями в поле повествования для интерпретации общефилософских, эзотерических, бытовых проблем в рамках постмодернистской поэтики. В его романах широко представлены люди из разных слоев современной городской жизни. Молодежь раскована в рассуждениях на различные темы, не страдает комплексами неполноценности. Однако они, напоминая своими приключениями известный архетип инициации, серьезно озабочены вопросами интимно-личностного свойства. Все находятся в поисках счастья. Однако оно – расплывчатое понятие. Герои Д. Амантая не могут на ощупь испытывать абстракцию из мира желаемого. Любовь без адресата порождает одиночество.

Герои Дидара Амантая в обоих его романах – Дидар Райымбек и Данияр Амантай – чем-то похожи на автора, хотя они лишь персонажи и не являются авторами в структуре повествования. Монодиалог Д. Райымбека философичен. Он спорит с известным изречением Ф. Ницше: «Бог умер». Для него Бог и Сознание взаимосоприкасающиеся концепты. Однако автор их не сопоставляет и не противопоставляет. Путь к абсолютной истине самопроизвольно пресекается.

Мухтар из повести Д. Амантая «Тоскую по Вас» (2003 г.) станет трагической жертвой поиска вечной истины в подсознании человека. Его погубят обманы в чувствах и грезах в отношении «Другого». Он не понимает, что жизнь гораздо порочнее, чем честность индивида в эмоциональных сферах. Мухтар слишком поздно осознает бессмысленность суицида. Однако раскаяние не приносит ему желаемого прощения.

В казахской прозе последних лет персонажи не именуются или как бы условно обозначаются, что определяет и типичность, и экстравагантность ситуаций. Личность – не та личность, а более мнимая, абстрактная реальность.

Примером тому служит рассказ Мухтара Магауина «Двое». В данном произведении не называются имена действующих персонажей, что является характерной чертой стиля постмодернизма. Главный герой рассказа – некто, посещающий оперный театр, изящно одевающийся, едущий на иномарке, внешне похожий на артиста или продюсера, и даже на предпринимателя. Сам он себя представляет «Шофером», когда знакомится с женщиной-вдовой, предполагаемой учительницей. С чисто моральных критериев этих двоих среди многолюдия в шумном городе, где мимолетно встретившись, с быстротой достигают интимных связей и в течение семи лет поддерживают непонятные близкие отношения, оправдывать нелегко. Однако женщина, соблазненная новым состоянием, не забывает табу этнопсихологического значения – «Оно» в знак смущения из-за не очень правильных поступков. Цепь основных событий произведения, с одной стороны, вырисовывает пародию на сложные эмоциональные переживания, изображенные в рассказе М. Ауэзова «Красавица в трауре». Однако М. Магауин в своем рассказе сознательно упускает из поля наблюдения те картины трудных испытаний, которые выпадают на долю героини М. Ауэзова в аналогичных ситуациях. Женщина-персонаж Мухтара Магауина в течение девятнадцати лет, прошедших со дня смерти ее

супруга, бережно хранит память о нем. «Девница» (так она обозначена в рассказе), у которой не осмысливаются с каких-либо позиций оценки ни сдержанность, ни раскаяние за свое поведение, в контексте с «Другими», не перешагивает границы обычного этикета. Она даже отказывается от подаренных ей материальных ценностей в нужный момент. Ни фрейдский мотив задает тон в произведении. Объединившая героев тайная сила – это и закономерность, и случайность Судьбы. Ибо их свело внезапное, неожиданное обстоятельство.

В рассказе большое внимание уделяется воспроизведению логики определенных человеческих чувств, мыслей, целей, желаний, действий. Автор делает основной акцент не на судьбе героев, а на постижении их внутреннего мира, душевного состояния. На примере персонажей произведения писатель стремится показать многогранность человеческой личности. Так, «Шофер», несмотря на то, что в нем проступают черты рискованного человека, занимающегося сомнительными делами, предстает в рассказе не каким-либо выскочкой, кому безразличны такие понятия, как честь, совесть, а человеком с определенной системой ценностей.

Примечательно, что для героев рассказа совершенно безразлично, кто они сами, как их воспринимает общество. Более того, «Шофер» характеризуется некоторой загадочностью, обусловленной тем, что в начале и в тех отрезках повествования, когда время изображается в потоке прямолинейного развития, писатель в основном сосредоточен на несобственно-прямой речи женщины-персонажа, хотя в отношении главного события или в моментах высказывания собственных впечатлений о нем, диалог занимает особое положение в структуре произведения. Однако диалог передается не в традиционном графическом оформлении, он как бы размывается в авторской речи, обозначаясь лишь при помощи кавычек и тире. Диалог М. Магауина полифоничен и без графического выделения вписывается в общий нарратив.

Насмешка «Девницы», решившейся поделить полсотни с нуждающейся в них подругой, порвав пополам, условно является памятью о ее встрече с героем «Х» (деньги были ей возвращены «Шофером», когда она расплачивалась за проезд на его машине) и вливается в контекст самопародии. При этом писатель избегает каких-либо идеологем. Его рассказ представляет собой иронию с подтекстом, направленную на настоящее время, где, в отличие от прежних традиций, торжествуют вещизм, культ денег. Причем эта ирония проявляется прежде всего в момент осмысления противостояния чистоты любви, идеала, честности и жестокости юмора, часто используемого постмодернистами. Греховность относительно положительных людей и достоинство подозреваемых в нечистоплотности субъектов неожиданно согласуются. Ясные темные цвета размещиваются, мир приобретает коричневатый оттенок или становится полосатым. Жизнь не одноцветна, а как бы напоминает пегую шкуру. И Вы, И Другой находите убежище в этом блеклом полумраке. И Вы чем-то близки с ним. «Девница» и «Шофер» смиряются с неизбежностью. «Человечки» так же, как представители млекопитающих, которые зависимы от окружающей среды, изменяются по параметрам социальной доминанты. Это далеко от абсолютной истины. Симулякр скрытной, многоплановой, извилистой правды вновь подтверждает типологию поведения, общую для некоторых слоев этносоциума. Жизнь, полная бесконечных испытаний, не говоря уж о тихонравной женщине, становится чужой и для предприимчивого, делового мужчины. Нет предела повседневной суете, и каждый существующий, выпрямив плечо, готов в очередной раз отправиться в путь ради новых страданий и незначительной доли радости, мимолетного счастья.

Следует отметить, что у М. Магауина историко-социальные аллюзии направлены против ограничений, преграждающих правовые презумпции индивида, что является следствием, «неблагоприятной тенью» бывшего советского образа жизни. Писатель поднимает и передает несметное количество нравственных проблем своих героев в макромасштабном веке в иронической ипостаси, включая самопародию, посредством

емкости и точности нарративных пассажей, имитируя многоголосие, парадоксальностью психофизических деталей.

Своеобразный талант Р. Мукановой обнаруживается в символической, фантазии, вымыслах, в удачном использовании таких постмодернистских приемов, как маска, самопародия, достоверность парасемантической лексики для воссоздания многомерного облика «Чудака» в одноименном рассказе (2003 г.) и его мнимых собеседников во время галлюцинации. «Чудак» – знаковая конструкция патологически страдающего, одинокого, непризнанного художника. Общество заполнено различными запретами, табу. Главное – избежать ошибок. Переход очерченной грани чреват горькими последствиями. Персонаж свободен от ограничений в своих мыслях и грезах, в воображаемых диалогах, онейрических сценах, в интертекстуальных моментах, где его идеи, взгляды очень напоминают известные, каузальные истины в знакомых выражениях. Однако стремление Р. Мукановой в соблюдении дистанции от конечной истины, сближает ее с эстетикой постмодернистской чувствительности. Мир замутненного сознания вечно контрастирует с общепринятыми доминантами поведенческих норм.

Герой рассказа Розы Мукановой «Узник» – несчастный художник с болезненной натурой, возомнивший себя великим, часто впадает в состояние галлюцинации и, услышав голос призрака, по-настоящему вступает с ним в жаркий спор, ругается, испытывает горькое разочарование. Имя его неизвестно. И не имело бы особого значения, так как данный случай и неординарный, и типичный. Такие люди с некоторой патологией встречаются нередко. Хотя они не строго придерживаются принятых норм этикета, всеобщих неизменных правил и независимо от того, думают ли они верно или ошибочно, являются нежелательными для реальности нашей жизни. Тут многое связано с системой бессознательного, иррационального и вытесненного.

А. Ихсанов в рассказе «Киоск» (2004 г.) сжато и иносказательно воспроизводит обратное воздействие «машины желаний» на дисбаланс триады: природа – человек – общество семантической наполненностью семиотических коннотаций. Слепая собака с щенятами, киоскер с семьей, рисунок-фантазия девочки и бесстрастный, немногословный автор, их взаимоотношения на расстоянии символически отражают трагические ощущения одиночества в непредсказуемом, отчужденном мире.

Знаковым смыслом наделен поступок Героя, пробующего ломтик хлеба сначала сам, а затем подающего его бродячей собаке. Данный эпизод свидетельствует о том, что люди в первую очередь думают о себе даже тогда, когда совершают добрые поступки.

Между семьей, бедно живущей в киоске, который временами открывается и закрывается, и ослепшей собакой, влачащей жалкое существование, бродящей по городу, прижав к себе своих щенят и не находящей приюта, проявляется мотив парасемантической сопричастности. Лаконичные, но в то же время глубокие детали-денотаты вызывают в восприятии реципиента множество ассоциаций. Причем за всем этим фигурирует созерцатель, выступающий одновременно в роли автора и повествователя и являющийся соседом киоскера. Он также лишен имени. Персонаж выступает «игрек»-субъектом в жизни «икс». В рассказе отсутствуют диалоги открытого характера. Через специфический ракурс видения этого сдержанного, немногословного автора-персонажа картины внешнего мира предугадываются лишь посредством воображения.

За жалкое, безынтересное существование борются и слепая собака, и представители семьи, служащие у хозяина киоска. Такая правда не открыто выступает, а передается иносказательно. Мотив отчуждения, присущий для экзистенциалистов, перемежается в рассказе с сущностью приспособления постмодернистов. Нарисованные мелом маленькой девочки рисунки на бетонном блоке вблизи перенесенного киоска явно отражают посредством безмолвных знаков истинные чаяния бывших поселенцев: «В одной из комнат отдыхает бабушка. Малолетняя девчонка возится со своим котенком на балконе. Отец и сын играют в шахматы. Мать находится на кухне. На всех стенах

квартиры висят цветочные горшочки, и на столах, на шифоньере, на шкафах – везде цветы, цветы, да цветы...» (1, 11). Антиномия пепла и цветов с суггестивной окраской и подтекстом детонирует вечное противостояние великой жизни. Внутренняя драма внешне бесконфликтных фрагментов, которые лишь логически связаны между собой, слагается как сценарий вольно воспринимающих сознаний содержания, текста. Семантически многослойный нарратив является экспериментным телом для рецептивно-герменевтических операций после «смерти автора». А. Ихсанов по дискурсу новых художественных систем передает код событий и мыслей, напоминающий кубик в кубике, посредством многоточий аналогичных невербальным жестам.

Таким образом, переходящий экзистенциалистический мотив из модернизма в постмодернизм эксплицирует в эпистемологических параметрах казахских писателей, отражая противоречия человека и социокультурной среды, технологизм мышления и обделенность гуманистическими ценностями.

Подтекст, умолчания, отсутствие желания вынести приговор, вера в непознаваемость истины и различные нарративные приемы, создающие полифонию мировоззренческо-психологического космоса – главная примета современной казахской прозы постмодернистского склада. Они вызваны глобализацией культурно-гносеологических, эстетических умозрений в мировом пространстве. Нет предела влиянию цивилизации духа.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИХСАНОВ, А. Киоск. В *Казахская литература*. 6 июля, 2004.

Bakytzhan Maitanov

Al-Farabi Kazakh National University

THE CONCEPT OF THE PERSON IN THE LITERATURE OF THE MODERNISM AND THE POSTMODERNISM (ON THE MATERIAL OF MODERN KAZAKH PROSE)

Summary

The article is devoted to research of an originality of the artistic world of writers-modernists and postmodernists. The given literary currents are comprehended in a context of modern Kazakh prose. Object of studying are the works of such known, original writers, as M. Magauin, D. Amantaj, R. Mukanova, A. Ihsanov.

The large attention in the article is given to the problem of the person. On the basis of the analysis of the works of M. Magauin, D. Amantaj, R. Mukanova, A. Ihsanov the author reveals the peculiarities of the concept of the person in the literature of modernism and postmodernism.

The creativity of the Kazakh writers is considered in a context of cultural and historical process. In the article the author investigates the tendencies of development of modern prose.

KEY WORDS: modernism, postmodernism, simuliakr, narrativ, discourse, intertext, reception, world outlook, parody.

Alfonsas Motuzas

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

El. paštas: a.motuzas@ktf.vdu.lt

VILNIAUS TRIJŲ KRYŽIŲ KALNO KULTAS: KAIMYNŲ AR VIETOS TRADICIJA?

Vilniaus Trijų Kryžių kalno kultas yra ne mitologinės, tautosakinės, bet katalikiškos istorinių-geopolitinių ir bendrakultūrinių praeities bei dabarties įvykių atspindys.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: Agluona, Łądecka Golgota, Kazimierz Dolnym, Przemysł, Trijų Kryžių kalnas, Vilnius.

Įvadas

Trijų Kryžių kalnas yra Jeruzalėje. Tai Golgotos kalne nukryžiuoto Jėzus Kristaus mirties ir palaidojimo vietos simbolis, kuris rašytiniuose šaltiniuose yra pristatomas Evangelijose, arba Biblijos Naujajame Testamente. Golgota – tai pavadinimas kalvos, esančios Jeruzalės apylinkėse pavadinimas, dar vadinamas Kalvarija. Pats pavadinimas kilęs iš aramėjų kalbos: *gulgolta* – kaukolių vieta, lotynų kalba – *calvaria* (lot: *calva* – kaukolė) kaukolės kalva. Manoma, kad ji senovėje ir buvo vadinta Kalvarija, nes šios kalvos forma matyt priminė kaukolę. Krikščionybės sampratoje Golgota yra kankinimo, moralinių kančių vieta, kančios šaltinis ir simbolis. XV amžiuje krikščionybei įsitvirtinus Europoje Kalvarijos koplyčių formomis pradėtos rengti kalvotose vietose, primenančios atitinkamą Jeruzalės kraštovaizdį. Šių Kalvarijų kulminacijos vieta – Kryžiaus kelio Trijų Kryžių kalno stotis. Kalvarijų Kryžiaus kelio Trijų Kryžių kalno stotis vaizduoja tris nukryžiuotuosius: iš dešinės ir kairės – nusikaltėlius, o prie vidurinio – Jėzų Kristų. Lietuvoje jos buvo įrengtos Vilniaus bernardinų bažnyčios šventoriuje (1610–1617), Žemaičių Kalvarijoje (1639–1642), Vilniaus Verkiuose (1664–1669), Beržore (1759–1760), Tytuvėnuose (1771–1778), Mosėdyje (1844) ir Vepriuose (1846). Šių kalvarijų steigėjai buvo iš Čekijos bei Lenkijos atvykę vienuoliai dominikonai bei pranciškonai. Lietuvos kalvarijų Kryžiaus keliai priklauso prie Katalikų Bažnyčios liturgijos Priededamųjų pamaldų apeigų arba dar vadinamų liaudies pamaldumo praktikų, kurios viešai atliekamos ne per šv. Mišias ir vietos žmonių kalba. Liaudies pamaldumo praktikos – tai kokios nors tautos etninės grupės ar jų kultūros religinės apeigos, susiformavusios Bažnyčios kalendorinių metų ciklo iškilmių, švenčių, minėjimų ir šventų vietų lankymo pagrindu. Remiantis Lietuvos Katalikų Bažnyčios Liturginiu maldynu, jas sudaro įvairios maldos ir giesmės. Tai Švč. M. Marijos valandos, Švč. M. Marijos kalbamas ir giedamas bei Švč. Jėzaus vardo rožiniai, Žemaičių Kalvarijos Kalnai, Kryžiaus kelias, Graudūs verksmai, Gedulinės valandos (psalmės), šermeninės giesmės bei gegužinės ir birželinės pamaldos (8, 311–411). Prie jų priskiriamos Liturginiame maldyne neminimos šventų vietų, kaip Aušros Vartų, Šiluvos bažnyčios ir Apsireiškimo koplyčios, Kryžių kalno bei Vilniaus Verkių kalvarijų Kryžiaus kelių aplankymo apeigos, maldos ir giesmės. Prie nepaminimų yra Vilniuje Trijų Kryžių kalnas, kuris procesijomis maldininkų yra lankomas, atliekant įvairias apeigas bei meldžiantis ir giedant giesmes. Apie šį religijos fenomeną nekalba nei vienas Lietuvoje leistas liturginis maldynas bei giesmynas. Tyrinėjant užsienio literatūra panašūs analogai yra Lenkijoje ir Latvijoje. Natūraliai kyla klausimas: ar Vilniaus Trijų Kryžių kalno kultas yra vietinės, ar atneštinės kultūros reliktas, kas autoriaus ir buvo pasirinkta tyrimo tikslu.

Tyrimo objektas – Vilniaus Trijų Kryžių kalnas (žr. paveikslas Nr. 1).

Uždaviniai: pirma – ištirti mitologinę ir tautosakinę šio kulto kilmę; antra – remiantis lenkų ir latvių istoriografinę medžiaga atskleisti Trijų Kryžių kalno pamaldumo analogus kaimyninėse šalyse; trečia – apžvelgiant Lietuvos istorinius laikmečių įvykius nustatyti juose šio kulto vietą ir raidą bei ketvirta – remiantis surinktais duomenimis, naujai pristatyti Vilniaus Trijų Kryžių kalno kulto kilmę.

Tyrimo hipotezė – Vilniaus Trijų Kryžių kalno kultas yra ne mitologinės, tautosakinės, bet katalikiškos istorinės- geopolitinės ir bendrakultūrinės praeities bei dabarties įvykių atspindys.

Apie Vilniaus Trijų Kryžių kalną iš lietuvių tyrėjų 1985 m. rašė Br. Kviklys istoriografinėje knygoje „Lietuvos bažnyčios“ Vilniaus arkivyskupija. T. 1 bei 1999 m. kun. R. Skrinskas knygoje „Piligrimo vadovas po stebuklingas Marijos vietas“. Iš lenkų mokslininkų apie tai 1856 m. rašė Dominik Chodźko monografijoje „Kościół i klasztor OO Dominikanów“ bei 1912 m. istorinėje monografijoje J. Kurczwski „Biskupstwo Wileńskie“. Medžiagos negausumas rodo, kad tyrimas gali būti naujas ir originalus. Tad išsikeltiems uždaviniams atlikti tenka naudotis vasaros lauko ekspedicijų medžiaga bei skelbtais naujausiais istoriniais publicistiniais darbais.

Mitologiniai, tautosakiniai ir istoriografiniai duomenis apie Vilniaus Trijų Kryžių kalną

Mitologiniai, tautosakiniai bei istoriografiniai šaltiniai pristato keturias Vilniaus Trijų Kryžių kalno kulto versijas.

Pirmosios dvi versijos glūdi mitologiniuose šaltiniuose. Viena iš legendų kalba, kad Lietuvos Didžiojo kunigaikščio Algirdo valdymo metais, žygio į Maskvą metu (t.y. 1368 m.) Vilniaus miestiečiai pagonyms nužudė 14 vienuolių pranciškonų. Legenda apie kankinius prigijo dėl to, kad turėjo realų prototipą: tikrai žinoma, jog 1341 m., Lietuvos Didžiajam kunigaikščiui Algirdui išvykus iš Vilniaus, Vilniaus gyventojai pagonyms, nekęsdami krikščionių, susirinkę ir sudeginę pranciškonų vienuolyną, 7 vienuolius sukapoję, o kitus 7 pririšę prie kryžių ir paleidę Nerimi žemyn, sakydami: „Nuo saulėlydžio (t.y. vakarų) atėjote, į saulėlydį ir grįžkite. Kam mūsų dievus niekinote“ (5, 397). Šis pasakojimas rado platų atgarsį vėlesniuose raštuose, buvo įvairiai komentuojamas. Vienu buvo pasakojama, kad nužudytojų kūnai buvę surinkti ir toje pačioje vietoje, kur jie buvo nužudyti, palaidoti. Jų garbei ant kalno pastatyti trys kryžiai.

Kita legenda yra apie tris rusų pravoslavų kankinius Vilniuje sako, kad Stačiatikių Bažnyčia garbina tris šventuosius kankinius lietuvius – Joną, Antaną ir Eustafijų. Nežinia, Algirdo ar Gedimino įsakymu jie buvo nužudyti, bet viena yra aišku, kad šie krikščionys buvę nužudyti Vilniuje dėl to, jog priėmė krikščionių tikėjimą pagal Rytų Bažnyčios apeigas (15, 99). Krikščionys šiam įvykiui atminti Vilniuje ant aukšto kalno pastatė trys kryžius.

Taip 14 pranciškonų ir 3 stačiatikių kankinių pateko Lietuvos Krikščioniškosios Bažnyčios istoriją. Vieni mokslininkai tai laiko tikru faktu, kiti dėl jo abejoja. 1927 m. istorijas K. Chodnickis, rašinyje „Legenda o męczeństwie czternastu franciscanów w Wilnie“ paskelbė, kad tiek stačiatikių, tiek katalikų kankiniai esą ne istoriniai, bet legendiniai asmenys, nes „Lietuvos metraščio redakcijose apie tai nėra rašoma. Šių kankinių nemini ir ankstesni istorikai, jų tarpe apie juos nieko nesako istorikas J. Dlugošas, nemėgęs pagonių lietuvių ir jų nusikaltimų – jeigu tokie būtų buvę, nebūtų jis nutylėjęs. Apie minimum kankinius nieko nerašęs ir Vilniaus bernardinų vienuolyno gvardijonas, XVI a. pradžioje rašytoje savo istorijoje. Kai lietuviams apsikrikštijus buvo statoma Vilniaus katedra, relikvijų jai buvę ieškoma ne Vilniuje, bet Romoje ir kitur. Pagaliau kankinių kapas nebuvo surastas (5, 398). Apie tai liudija ir senieji 1572 bei 1576 metų G. Brauno Vilniaus miesto kartografiniai žemėlapiai, kuriose šių Trijų Kryžių nėra (14, 129–131).

Vadinasi šiuos požiūriu 14-os Vilniaus pranciškonų ir stačiatikių šventųjų bei kankinių nesą.

Trečioji, tautosakinė versija kalba, kad šie kryžiai pastatyti 1384 m. Lietuvos Didžiųjų kunigaikščių Vytauto ir Jogailos susitaikymo proga. Trys kryžiai simbolizavo Vytautą, Jogailą ir Lenkijos karalaitę Jadvygą, kuri po vedybų su Jogaila tapo Lenkijos ir Lietuvos karaliene, o Lietuva per Lenkiją prisijungė prie krikščioniškosios Vakarų kultūros ir civilizacijos (9, 102).

Ketvirtoji versija yra istorinė. Yra žinoma, kad Vilniuje vienuoliai bernardinai 1610-1617 savo bažnyčios šventoriuje įsteigė 7 stočių Kryžiaus kelią (11, 26). Istoriniai šaltiniai liudija, kad Vilniuje Tris Kryžiai buvo pastatyti 1613 metais netoliese esančio Bernardinų

vienuolyno (5, 397). Manoma, kad šiuos pirmuosius Tris Kryžius pastatė vienuoliai bernardinai, kaip vieną iš Kryžiaus kelių stočių. 1740 metais jie buvo atstatyti ir išstovėjo ligi 1869 m., kada jau buvo apirę, tačiau carinė rusų valdžia neleido kryžių statyti. Jie buvo iš naujo atstatyti 1916 m., Pirmojo pasaulinio karo metu, kai Vilniuje nebebuvo rusų. Trijų Kryžių paminklas buvo betoninis. Paminklo projektą paruošė skulptorius bei architektas A. Vivulskis (Wiwulski) [5, 397].

1950 05 30 vidurnaktį, sovietinės valdžios įsakymu šis religinis paminklas buvo susprogdintas (4, 90).

Lietuvai atgavus nepriklausomybę (1989 m.) Vilniaus Trijų Kryžių paminklas buvo atstatytas ir šiandien pagal tradiciją yra lankomas Didįjį penktadienį, Sekminių dieną ar per Šv. Kryžiaus Atradimo bei Išaukštinimo iškilmės, o ypač per Žolinę (Marijos Dangun Ėmimo šventę – aut. past.) [15].

Trijų Kryžių kalno kulto analogai Lietuvos kaimyninėse šalyse

Religiniai etnografiniai ir istoriniai šaltiniai liudija, kad Trijų Kryžių kalno pamaldumo fenomenas yra sutinkamas ir kaimyninėse Lenkijoje bei Latvijoje.

Lenkų istoriniai šaltiniai liudija, kad pirmasis toks Trijų Kryžių kalnas buvo įrengtas XVII amžiuje Sudetų kalnuose *Lądecka Golgota* vietovėje, Lenkijos pietvakariuose, pasienyje su Vokietija. Šiandien ši vieta yra sunykusi ir neveikianti. Ši Golgota yra į gerai žiūrima viename seniausių šio miesto piešinių, datuotu 1673 metais. *Lądecka Golgota* Trijų Kryžių kalno įsteigimo kilmė tautosakiniuose šaltiniuose apipinta daugelį legendų, kurios visos liudija, kad ant *Lądecka Golgota* kalno Trys kryžiai žmonių pastatyti, kaip aukos Dievui už laimingą pavojingų atsitikimų baigti. Vieną iš legendų liudija, kad po ilgų ir sekinančių karų kraštą apėmė maro epidemija, nusinešdama tūkstančius žmonių gyvybių, bet dėl iki šiol neišaiškintų priežasčių maras apėjo *Lądek* vietovę. Atsidėkodami už miestelio išgelbėjimą nuo šios baisios ligos vietos gyventojai pastatė tris kryžius ant netoli miestelio esančio kalno (3). Lenkų istorija kalba, kad netoliese nuo šios Golgotos nuo neatmenamų laikų veikė gydomieji *Lądek Zdrój* šaltiniai. XVII amžiuje Lenkiją alinančių karų metu šiuose šaltiniuose kartu gydėsi tiek lenkų, tiek vokiečių kariai, o vienas iš kalnų, kaip bendrų tautų kančių simboliu buvo pavadintas *Lądecka Golgota* (7).

Kitą Trijų Kryžių kalną lenkų istoriniai šaltiniai pristato *Przemyśl* vietovėje, kuri yra Rytų Lenkijos su Ukraina pasienyje. Ši vietovė jau yra žinomą gilioje senovėje, kaip kryžkelė ekonominių, geopolitinių ir kultūrinių kelių tarp Europos ir Azijos rytų-vakarų ir šiaurės-pietų. Nuo XVII amžiaus pradžios šiose vietovėse veikė dominikonų ir pranciškonų vienuolynai bei jėzuitų namai. Lenkų Katalikų Bažnyčios istorija sako, kad 1679 metais vietos pranciškonai čia įsteigė 28 stočių *Kalwaria Pastawska* su 28-ių stočių Kryžiaus keliu bei su 14-os stočių Marijos takelius (2, 6). Tuo pat metu kitoje miestelio dalyje šalia taip vadinamos kalvos *Góra Szumska* veikė dominikonų vienuolija. Ji, 1716 m., ant minėtos kalvos, kur kadaise stovėjusi pilis ir buvusios kapinės, pastatė Golgotos kalno su Trimis Kryžiais simbolį (13).

Dar kiti lenkų istoriniai šaltiniai liudija, kad Trijų Kryžių kalnas yra Liublino apylinkėse, *Kazimierz Dolnym* miestelyje (žr. paveikslas Nr. 2).

Šioje vietoje pirmoji bažnyčia bei parapija paminėta 1328 metais 1631 metais vienos iš jos koplyčių altorių buvo konsekruotas Švč. M. Marijos į dangų ėmimo titulu (6, 2-4). XVIII amžiaus pradžioje ant aukščiausios apylinkės vietos Liublino dominikonų įrengė Trijų Kryžių kalną, kuris Švč. M. Marijos Dangun Ėmimo atleidų metu maldininkų yra gausiai lankomas (10).

Spausdintiniai šaltiniai kukliai liudija, kad šis Trijų Kryžių kalno įkūrimas turėjo dvigubą reikšmę. Užrašai ant jų kalba apie Dievo Sūnaus mirties vietą ant Golgotos kalno bei sunkius kraštą apėmusius maro laikus (6, 19).

Kitoje Lietuvos pusėje – Latvijoje, Aguonoje yra kitas šio pamaldumo analogas. Agluona yra Latvijos etnografinio Latgalos regiono miestelis, kuris yra išikūręs tarp eglėnų,

pelkių ir dviejų ežerų. Pavadinimas kilo nuo latviško žodžio „aglenia“ – eglė. Čia 1700 m. dideliame miške Vitebsko iždininko žmona ponia Eva Šostowicka pastatė medinę bažnyčia ir vienuolyną dominikonams, kurios pakvietė iš Vilniaus bei pavedė jiems protestantiškoje latvių tautoje skelbti katalikų tikėjimą. Netrukus vienuoliai dominikonai bažnyčios centriniame altoriuje įtaisė Trakų Dievo Motinos paveikslo kopiją ir įvedė Švč. M. Marijos į dangų ėmimo šventę (1, 56) [Žolinę – aut. past.]. 1768–1780 m vienuolynas pastatė naują mūrinę bažnyčią, vienuolyną, šventoriaus tvorą, kurią sudarė: 6 vartais, kalvarių Kryžiaus kelias su įspūdinga Trijų Kryžių kalno stotimi (žr. paveikslas Nr. 3).

Už dalyvavimą 1831 metų sukilime 1856 m. caro valdžios nutarimu dominikonai iš Agluonos buvo išvaryti. Bažnyčia paversta parapijine, o vienuolynas – rekolekcijas vedančių kunigų namais. Sovietmečiu bažnyčia aptarnavo parapiją. 1980 m. popiežius Jonas Paulius II Agluonos bažnyčiai paskyrė titulą „Bazilica minoris“ (12, 374–375).

Šiandien čia atvyksta gausūs maldininkai ne tik iš Latvijos, bet ir iš Lietuvos bei Lenkijos. Šalia Marijos paveikslo ypač čia gerbiamas kalvarių Kryžiaus kelias su Trijų Kryžių kalno stotimi ant kurio maldininkai ypač meldžiasi per Švč. M. Marijos į dangų ėmimo šventę (16).

Peržvelgus šio skyrelio medžiagą matome, kad be Vilniaus Trijų Kryžių kalno kulto dar gyvavo analogai Lenkijoje ir Latvijoje.

Natūraliai kyla klausimas, ar yra kokių sąsajų tarp šių vietovių ir šio pamaldumo kultūr? Norint tai atskleisti, manome reikia apžvelgti Latvijos, Lietuvos ir Lenkijos XVII–XVIII amžių istoriografinius įvykius.

Latvijos, Lietuvos ir Lenkijos istoriografinė padėtis XVII-XXI amžiais

Išsikeltos tyrimo uždaviniui atskleisti pradžios ištakos tašku imsime 1613 metus, istoriškai pristatančiu, kad tuo laiku buvo pastatyti Vilniaus Trijų Kryžių kalnas.

Istoriniai šaltiniai kalba, kad Lietuvos kaimynė Livonija (Latvija) 1566 metais prisijungia prie Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės, kuri po 1569 m. Liublino Unijos akto, susijungdama su Lenkijos karalyste, sukuria Abiejų Tautų Respubliką (*Rzeczpospolita*). Į Abiejų Tautų Respublikos sudėtyje esančią Livonijos Latgalos žemę pakviečiami katalikai naujakuriai (bajorai) iš Lenkijos, vadinami *Inflanty Polskie*, kad būtų galima juos atskirti nuo protestantų Švedijos *Inflantų*. Liublino Unija apjungusi į Abiejų Tautų Respubliką Livoniją, Lietuvą ir Lenkiją tuo metu tapo katalikiško tikėjimo tvirtovė prieš protestantišką Švediją ir stačiatikišką Rusiją. Vienybė leido 1605 m. ties Salaspiliu nugalėti švedus, 1611 m. ties Smolensku – rusus, po kurio mūšio lenkų ir lietuvių kariuomenės būriai užėmė Maskvą ir ėmė ją valdyti karalaičio Vladislavo vardu, kuri truko iki 1613 metų (9, 313). Apart šio įvykio, tuo metu Lietuvoje, Vilniuje tiek religiniu, tiek politinių įvykių nieko ypatingo neįvyko. Pateikta medžiaga leidžia teigti pirmąją hipotezę, kad Vilniaus Trys Kryžiai buvo pastatyti simbolizuojant trijų valstybių vienybę.

Toliau istoriografiškai tyrinėdami pastebime, kad nuo 1701 m. Respubliką niokojo Švedų karas, o nuo 1706 m. iki 1711 m. maras. 1720 m. gegužės 9 d. Vilniuje buvo pašventinta Kryžių nešančio Kristaus skulptūra, kuri mieste 1710 m. siautusio maro metu buvo pastatyta koplytėlėje Šnipiškėse, už Žaliojo tilto (14, 349–350). Tad remiantis šiais bei jau ankščiau paminėtais istoriniais duomenimis, kad Lenkijoje Trijų Kryžių pamaldumo kilmė yra susijusi su skaudžių maro įvykių paminėjimu bei taip pat ir istoriografiniu paminėjimu, kad 1740 metais Vilniaus Trys Kryžiai buvo atnaujinti, kurių atnaujinimas taip pat gali būti buvo siejamas su ką tik pasibaigusiu maru. Remiantis šiais duomenimis, manome kad galime teigti antrą hipotezę, pristatančią, kad Trijų Kryžių kalno kultas yra skirtas įamžinti sunkius Abiejų Tautų Respubliką apėmusius maro laikus.

Livonijos (Latgalijos), Lietuvos ir Lenkijos valstybių vienybė truko iki 1772 m. rugpjūčio 5 d., pirmojo Respublikos padalijimo, kai Rusija, Austrija ir Prūsija pasidalijo Latvijos, Lietuvos ir Lenkijos žemes bei pripažino lygias teises kitatikiams. Po to ėjo 2-asis

padalijimas (1793 m.), atnešęs nepriklausomybės pabaigą, bei 3-iasis (1795 m.), kai Latvija, Lietuvą ir Lenkiją padalijo (9, 421; 436; 438–440). Rusams 1795 m. okupavus Latvija, Lietuvą ir Lenkiją, imta drausti religines procesijas bei maldininkų kalvarių Kryžiaus kelių apvaikščiojimus. Ypač tai buvo suaktyvinta po 1831 metų sukilimo. Iki to meto, matyt tiek Vilniaus Verkių (1664 m. dominikonų vienuolių įsteigtose – aut. past.), tiek Agluonos kalvarijose Kryžiaus kelio pamaldumą beatstojo vienintelė Trijų Kryžių kalno stotis (16).

Taigi carinės valdžios valdymo metais Lietuvoje, Lenkijoje bei Latvijoje Trijų Kryžių kalno pamaldumas buvo viena iš kalvarių Kryžiaus kelio stočių, o dar vėliau - sugriautos Abiejų Tautų Respublikos tikėjimo, vilties ir prisikėlimo simbolis (Vilniaus Trys Kryžiai buvo nugriauti) – aut. past.).

Lenkijai, Lietuvai ir Latvijai išsivadavus iš sovietinio ateizmo Trijų Kryžių kalno kultas atgimė naujai. 1993 metų rugsėjo 4–8 d. Lietuvoje (Vilniaus Aušros Vartuose, Šiluvoje bei Kryžių kalne) o rugsėjo 9 Latvijoje (Agluonoje), lankėsi popiežius Jonas Paulius II. Švento Tėvo atida trim kaimyninėm katalikiškom valstybėm atnaujino religinius bei kultūrinius Šiaurės rytų Europos šalių: Latvijos, Lietuvos ir Lenkijos tarpusavio ryšius.

Išvados

Remiantis tyrimų duomenimis bei istoriniais faktais darytinos šios išvados:

1. Trijų Kryžių kalno kulto ištakos Lietuvoje yra atėjusios iš Šventosios Žemės ir integravusiosios į Kalvarių Kryžiaus kelio pamaldumą.

2. Trijų Kryžių kalno kultas – tai dominikoniškoji kalvarių Kryžiaus kelio pamaldumo kultūra, vienijanti Latviją, Lietuvą ir Lenkiją

3. Šis pamaldumas Latvijoje, Lietuvoje ir Lenkijoje, glaudžiais istoriniais ir kultūriniais ryšiais jungiančia latvių, lietuvių ir lenkų tautas bei jų kultūras.

4. Šio kulto pradininkas Šiaurės Rytų Europoje yra Vilniaus Trijų Kryžių kalnas pastatytas Kristaus kančios kelio bei 1613 metų Abiejų Tautų Respublikos istorinių-geopolitinių įvykių vienybės simbolis. Jis yra 1701–1711 metais Abiejų Tautų Respublikoje siautusių marų aukoms atminti paminklas.

5. Trijų Kryžių kalno pamaldumas Lietuvoje, Lenkijoje ir Latvijoje gimė XVII – XVIII a. stiprinant katalikybę Europoje. Tai Katalikiškos Europos etnografiškai ir geopolitiškai toliausi šio pamaldumas taškai: šiaurės rytuose – Agluonoje (Latvija), šiaurėje - Vilniuje (Lietuva) ir Europos pietryčiuose – *Kazimierz Dolnym* bei pietvakariuose *Lądecka Gólgota* (Lenkija).

Šie lietuvių, lenkų ir latvių katalikiškos kultūros saitai užsimezgę nuo Abiejų Tautų Respublikos susikūrimo pradžios ir šiandien integruojantis į Europos Sąjungą yra katalikiškos geopolitikos ir kultūros vienybės simbolis, o tai pagrindžia darbo pradžioje išsikeltą hipotezę, kad Vilniaus Trijų Kryžių kalno kultas yra ne mitologinės, tautosakinės, bet katalikiškos istorinių-geopolitinių ir bendrakultūrinių praeities bei dabarties įvykių atspindys.

LITERATŪRA

1. Aglyuna. Vėsturiskas pīzeimes. Red. NOVICKIS, A Riga, 1929.
2. BARCIJ, J. S., ofmconv. Kalwaria Paclawska. Warszawa, 1985.
3. Góra Trzech Krzyży – Lądecka Gólgota // <http://ladekzdroj.w.interia.pl/krzyze2.html> page 1. 2004.11.03.
4. KIRKORAS, A. Pasivaikščiojimas po Vilnių ir jo apylinkes. Vilnius, 1990.
5. KVIKLYS, Br. Lietuvos bažnyčios. Vilniaus arkivyskupija. Chicago, 1985. T. 1.
6. KWASKOWSKI, K.; CZERWIEC, J. Fara. Kościół Parafialny p. w. Św. Jana Chrzciciela i Bartłomieja Apostoła w Kazimierzu Dolnym. Opowieść, Wydawnictwo „Epigraf” – Łódź, 2000.
7. Lądek Zdrój – Historia // <http://www.ladek.pl/historia.shtml> page 1 of 2. 2005 04 25.
8. Liturginis maldynas. Ketvirtasis pataisytas leidimas. *Lietuvos vyskupų konferencijos leidimas*. Vilnius, 1996.
9. Lietuvos istorija. Red. ŠAPOKA, A. Kaunas, 1936.

II. LITERATŪRINIO DISKURSO ANALIZĖ

10. Materiały z ekspedycji przeprowadzonych w latach 2002-2004, w: Archiwum Gabinetu Folkloru w Instytucie Studiów Religijnych im. Św. Antoniego przy Wydziale Teologii Katolickiej Uniwersytetu Witolda Wielkiego. Kretinga, 2004.
11. MOTUZAS, A. Lietuvos kalvarių Kryžiaus kelių istorija, apeiginiai papročiai ir muzika. Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, 2003.
12. SKRINSKAS, R. G. Pilgrimo vadovas po stebuklingas Marijos vietas. Kaunas, 1999.
13. Stare Zamczysko <http://www.kki.com.pl/pioinf/przemysl/zabytki/zamczysko/zamczysko.html>.
14. ŠAPOKA, A. Senasis Vilnius. Brooklyn, New York, 1963.
15. VAITIEKAITIS, A. (kun). Bažnyčios praeitis. Kaunas: Šviesa, 1992.
16. 2000–2004 vasaros lauko ekspedicijų medžiaga // Šv. Antano religijų studijų instituto prie Katalikų teologijos fakulteto Vytauto Didžiojo Universitete folkloro kabinetas. Kretinga, 2005.

Alfonsas Motuzas

Vytauto Magnus University, Lithuania

THE CULT OF THE MOUNTAIN OF THREE CROSSES IN VILNIUS: A LOCAL OR A NEIGHBOURING TRADITION?

Summary

The author has chosen the Mountain of Three Crosses in Vilnius as the subject for his research with the aim to reveal whether the cult of the Mountain of Three Crosses in Vilnius was established as a local or a neighbouring tradition. The research done proved that the Mountain of Three Crosses in Vilnius was built for the commemoration of the geopolitical events of 1613. It symbolises the unity of Lithuanian, Polish and Latvian nations and is a monument built in commemoration of the plague casualties in 1701–1711 in the Republic. The cult of the Three Crosses in Lithuania, Poland and Latvia appeared in the 17–18th centuries, together with the strengthening of Christianity in the Republic and Europe. The farthest point of this cult in Catholic Europe is ethnographically and geopolitically in the north-east – in Agluona (Latvia), then lower in Vilnius (Lithuania) and in the south-west of Europe – *Lądecka Golgota* (Poland). It is the cultural tradition of Dominican devotional practices of Cavalries or the Stations of the Cross which were very common either to Latvia or Lithuania, or Poland. These ties of Catholic culture among Lithuanian, Polish and Latvian nations, which started at the beginning of the formation of the Republic, are still very prominent nowadays with the integration to European Union, and is a symbol of Catholic geopolitical and cultural unity, and that is the basis of the hypothesis of the research, stating that the cult of the Mountain of Three Crosses in Vilnius is not of the mythological or folk origin, but it is the reflection of Catholic historical and intercultural events of the past and the present.

KEY WORDS: Agluona, *Lądecka Golgota*, Kazimierz Dolnym, Przemyśl, the Mountain of Three Crosses, Vilnius.

Elina Naujokaitienė

Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva

El. paštas: e-naujokaitiene@delfi.lt

HERODIADA-SALOMĖJA STÉPHANE MALLARMÉ KŪRYBOJE

Straipsnyje nagrinėjamas su siaubo bei geidulingumo mitologija besisiejantis Herodiados-Salomėjos vaizdinys. Salomėjos tema randama Gustave'o Flaubert'o kūryboje ("Salambo"), Gustave'o Mireau (1826-1898) tapyboje. Straipsnyje svarstoma simbolistų ir parnasiečių estetika, susitelkiama ties Stéphane'o Mallarmé poezija. Vakarų Europos ikonografijoje nuo Michel Ange laikų vyrauja Edipo ir Sfinkso temos, artimos psichoanalitinei problematikai, rafinuotas estetizmas, sensualizmas. Prancūzų literatūroje jaučiama persų miniatiūrų įtaka, o taip pat Viduramžių emalių meno poveikis. Hermetinėje Mallarmé lyrikoje išnyra tamsi alegorinės mitologijos simbolika, kurią būtina nušviesti analitiniais tekstaais lyginant su kitų autorių interpretacijomis. Fatališkas Salomėjos paveikslas sukrėtė simbolistų vaizduotę, ji įkvėpė Oscarą Wilde'ą sukurti šmaikščią poetinę dramą.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: angelologija, orfizmas, baltoji mitologija.

Literatūrinėje mitologijoje Salomėja neturi pavardės, ji įvardijama kaip "Herodiados dukra". Salomėjos simbolinis vardas atgaivina literatūrinį mitą, pasak kurio, antroji Antipo žmona Herodiada kerštavusi šv. Jonui Krikštytojui. Erodiui patikusi puiki šokėja Salomėja tapo nusikaltimo steigėja, nes jos užgaida buvusi gauti nukirstą Jono Krikštytojo galvą. Šio šurpauš šokio istoriškumas, suprantama, abejotinas. Šokio epizodas siejasi ne tik su Evangelijomis, bet ir su *dviem* moterim. Pasak tradicijos, Herodas ir Herodiada, kuriuos Kaligula buvo ištrėmęs, tapo Ledi Makbet prototipais. Salomėjos istoriją sudramatina ne tik Evangelijos, bet ir viduramžiška tradicija, kurioje akcentuojamas Krikštytojo garbinimo dviprasmiškumas. Pranašo, šventojo ir goslios karalienės motyvas išplaukia iš Senojo Testamento (Elijas, Estara). Judita gauna Holoferno galvą. Čia susipina bibliniai ir patriotiniai motyvai. Salomėjos istorijos savitas akcentas tai, jog ji nutildė tą, kurio šauksmas buvo girdėti dykumoje. Bažnyčios Tėvų tradicijoje Salomėjos šokis siejamas su demoniškos moters, Šėtono instrumento, įsivaizdavimu. Gyvatė pasislepia geidulingoje moteryje, nes su ja Sinagoga sieja Kristaus mirtį. Kurtizanė Salomėja yra skaisčiojo Jono priešingybė. Salomėjos nukirsdinimas su veidrodžių pagalba remiasi legenda, jog Salomėją numarinęs mirtinas dvelksmas, išsiveržęs iš nukirsdintojo Krikštytojo galvos. "Klajojančios žydės" simbolis Herodiada-Salomėja, taip pat apima ir Dianą, Holdą, Abondą, Benzoziją. Salomėja įkvepia Gustave'ą Flaubert'ą, o nesudrumstas Salomėjos grožis ją net padaro įtartina ir dviprasmiška skaisčia Mergele.

Šventojo Jono tragedija įgauna religinių ir politinių konotacijų. Herodiados pastangos sugundyti Joną atsispindi XVII a. misterijose, mokyklinėse tragedijose vaidinimas įgauna komiško elementų. Šiuolaikinėje literatūroje Salomėja įkūnija fatališkos moters archetipą. Salomėjos įvaizdis sugėręs savin pagoniškasias nostalgijos ir moteriškosios psichologijos požūriū įkūnija Amžinąjį Moteriškumą, nors ir pamišusios Herodiados pavidalu. Heinės kūryboje Salomėja išreiškia kolektyvinį apsedimą, o šiam moters paveikslui poeto plunksna suteikia humoristinį atspalvį. Tai nemirtingos Isterijos paveikslas. Mallarmé poezijoje Herodiada-Salomėja savo deimantiniu žvilgsniu simbolizuoja grožio ir genialumo nesuderinamumą. Salomėjos amoralumas susilaukė Oscaro Wilde'o ir D'Annunzio dėmesio. Sarkazmas ir nekrofiliško pabučiavimo motyvai persipina ir Oscaru Milašiaus kūryboje, kuris rašė: "La vie d'un Sage ne veur pas, ma Salomé,/Ta danse d'Orient sauvage comme la chair...". Salomėjos motyvas dažnas agonizuojančio romantizmo ir siurrealizmo priešaušrio periodu. Dekadentiško laikotarpio ir simbolizmo epochoje malarmeistinė Salomėja įsismelkia į meno kaip metafizinio pažinimo instrumentarijus sferą. Amžinoji moterų tarpusavio kovos tema kelia moralinio pobūdžio temas, o literatūrinė šios temos raiška krypta į orientalizmą. Po Mallarmé

apie Salomėją prancūzų literatūroje toliau rašo Flaubert'as, Huysmansas, Apollinaire'as, Cocteau, Leiris. Lietuviškųjų Herodiados mito atšvaitų randame Antano Škėmos prozoje, kurioje siejasi meno ir patologinės beprotybės temos.

Étienne'ą Stéphane'ą Mallarmé (1842-1898) prancūzų kritikai laiko vienu didžiųjų modernistų. Prieš tapdamas Paryžiuje žinomu poetu ilgai dirbo monotonišką mokytojo darbą įvairiuose Prancūzijos vietovėse – Turnone, Bezansone, Avinjone. Paryžiuje pradžioje gyveno laikydamasis nuošalyje. Savo didžiausia priederme laikė sukurti knygą, paversiančią Žemę didžiąja orfine knyga. Iš šios ambicijos ryškėja poeto sąsajos su gnosticizmu, egzegeze, hermetika. Pradžioje poetą veikė Parnasiečių poezija, bet vėliau ne tokie klasikiniai poetai, – Charles'is Baudelaire'as bei Edgar'as Allan'as Poe. Modernistinė asociacijų technika siekė suartinti poeziją su filosofija, dar daugiau – paversti ją pažinimo įrankiu ir daryti poveikį ja būčiai. Pradžioje vyravusias bodleriškas nebūties temas (visatos vienovės neigimas, vaikystės arba kadaise buvusio laiko nostalgija, kvietimas pasinerti į vidinę tamsą), artimas simbolistiniams misticizmui, pakeičia metafizinis ilgesys. Poetas stengiasi įveikti absurdą ir atsitiktinumą. Savo kūryba titaniškomis pastangomis jis bando daryti dvasinę įtaką objektų pasauliui. Jo poetinis diskursas turi užkalbėjimo ambiciją, konkuruoja su tyla ir muzika. Tiesos paieškos poezijos galiomis daro jį išskirtiniu poetu. Itin ryškus Mallarmé Paul'io Verlaine'o ir Huysmans'o kaimynystėje. Poeto vartojamas aleksandrinas tampa vienu iš hermetikos ir paslapties kūrimo būdų. Poetinio Mallarmé projekto viršūnė Julia'os Kristevos ir kitų rimtų teoretikų tyrinėta poema *“Un coup de dés n'abolira jamais le hasard”* (1897).(3) André Gide'as poeto modernistines paieškas laiko esminėmis. Mano straipsnio tikslas – remiantis poemos *“Herodiade”* analize parodyti Mallarmé įvaizdžių sąsajas su simbolizmu bei jo tikslą siekti pažinimo. Ankstesniuose tyrinėjimuose svetur tai nebuvo akcentuota. Apie Mallarmé lietuviškai išsamiau rašė Donatas Sauka.

Savo chrestomatiniame tyrinėjime *“De Baudelaire au surréalisme”* (1966) (5) Marcel'is Raymond'as tvirtina, kad po reliatyvios užmaršties, savotiškos “skaistyklos”, kuri būdinga poetų įžengimui į nemirtingumą, Mallarmé šviesulys nenustojo kopęs į viršų poetiniame horizonte (5,29). Taip atsitikę todėl, kad lyginant su “prakeiktaisiais poetais” (Verlaine), Mallarmé poezija turėjo absoliutų pobūdį, jo heroškumas buvęs šiek tiek ironiškas, o “sterili” poezija davė vaisių. Iš pirmo žvilgsnio kaip tik ir atrodo, jog poetine forma rašytojas puikiai įvaldęs medžiagą. Kiekviena jo kompozicija atrodė nepriekaištingai tipiška savo precizija. Žodžių ryšiai ir ritmo jėga stebina savo valingumu. Tačiau, pasak Paul'io Valéry, tai būdinga parnasiečių poezijai apskritai.

Iš pasaulio netobulumo Mallarmé tariasi kuriąs absoliutą, gimusį iš atsitiktinumų. Nors ir paradoksalu, bet vidinė poeto drama – jo noras supriešinti tyrąją poeziją su jai anaipatol nedraugiška tikrove. Vyrauja hiperbolizuoto grynumo įvaizdžiai. Kaip ir Oskarą Milašį, ši prancūzų poetą irgi galima būtų apkaltinti polinkiu į savotišką angelologiją: *“Je me mire et me vois Ange.”* (*“Fenêtres”*). Menininko ambicija poeto kūryboje įgauna paralelių su mokslu. Jis trokšta, kaip ir Leonardas da Vinčis, išvelgti dėsningumus. *“Hérodiade”* poetas valingai siekia aukštesnio sąmoningumo lygio. Tuo tarpu *“Un coup de dés...”* vertinamas kaip prometėjiškas iššūkis, tačiau ir nepasisekimas. Poezijos kaip kvapnios gėlių puokštės samprata patvirtina Mallarmé sąsajas su simbolizmu. Ieškoma sąveikų, paveikios formos, įtaigumo. Kaip Schopenhaueris, Mallarmé kuria gryniosios idėjos muziką, paveikią tuštumą aplink skiemenis. Jo garsynas efektingas: *“Je dis: une fleur. Et, hors de l'oubli où ma voix relègue aucun contour – musicalement se lève, idée même et suave, l'absente de tous bouquets...”* (5,32).

Materiali žodžio samprata artina Mallarmé prie René Char'o. Jei poetas ir nebando kurti ex nihilo, ambicija užkalbėti žodžiu prilygsta integralumo, dieviškai pastangai. To paties siekė ir Baudelaire'as, jis bandė sieti stebuklingą išraišką su paslapties kultu. Kuriamoji žodžio galia atitinka kalboje slypinčias sąsajas su menu. Poezija sąsajų ir tarpusavio sąveikų būdu suaktualina mito likučius, atgaivina archetipinius įvaizdžius. Poetas siejosi ne vien su modernizmu, bet ir su senesne prancūzų poezijos tradicija, kai buvo siekiama poetiniu žodžiu

atsiriboti nuo apčiuopiamos tikrovės – Scève, Tristan. Šie poetai taip pat bandė brandinti poetinę kvintescenciją.

Mallarmé mėgino atrasti užkalbėjimo formulę. Aliuzijomis į žvaigždes, dūmus, putas jis bandė sukurti grynąjį astralinius kūnus simbolizuojančią lyriką. Mallarmé poezijoje įvaizdžiai slenka, jie nėra išplėtoti, tačiau sugestyvūs. Jie netikėtai parodo sparną, rausvą debesį. Sudėtinga sintaksė nutiesia labai komplikuotus sąryšius virtualų apmąstymo momentą. Poeto stiliaus jėga analogiška Flaubert'o arba Prousto. Tai savo turiniu jausmingumą eliminavusi poezija, miela E.A.Poe. Tad nereti – šukuosenos, vėduoklės, nereikalingų niekučių, tapyto porceliano įvaizdžiai. Jais lyg ir įvardijamas nesvarbumas, tačiau ir niekuo nesusaistytas grožis. Kai kurie eilėraščiai – atminties paminklai. Jie liudija apie poeto išgyventą krizės periodą.

Tačiau poetas kūrybiškai prisikelia nuo simbolizmo artėdamas prie eksperimentinės kompozicijos. Mallarmé estetizmas konkuruoja su Verlaine'o kūrybai būdingais kuždesiais ir artimumu tylai. Esama muzikalumo, kuris vėlyvojoje poezijoje vizualizuojamas. Poetas ieško adekvačios rašomam momentui kompozicijos, taip žavinčios J.Kristevą. Ji neveltui išvelgia Mallarmé rašymo eksperimente besiformuojantį prasminį kristalą, palaikomą valingos poetinės kūrybos technikos ir idėjų subtilaus sąlyčio. Marcelis Raymond'as tuo tarpu jo poezijoje išvelgia Eliotui artimą apersonalumą, paradoksaliai inkorporuojantį impresionizmo bruožus. Tai svarbus pastebėjimas, klasikinis, ne tiek postruktūralistiškai komplikotas kaip J. Kristevos.

Bergsoniškas intuityvizmas irgi ženklina Mallarmé, tačiau baigiasi ne alchemija, bet filosofine poezija, “viršlyrizmu” (“supralyrisme”) (5,35). Universalumas ir elegancija dera unikalioje poetinėje formoje. Tarkim, daugelis jo kūrinių atrodo kaip saviraiškos drama, kai norima valingai gyventi, bet kartu pasislėpti nuo gyvenimo. Išpažintinio pobūdžio lyrika virsta sudvasintu depersonalizuotu kalbėjimu. Turime lyg ir sintezę, amalgamą, konkuruojančias ideologijas. Nebūties trauka apėmė nemažą Mallarmé kūrybinės brandos dalį. Tad J.P.Sartre'as neatsitiktinai pabrėžė “subtilų mirties išsismelkimą” į tokį tobulai nepriekaištingą formaliu požiūriu poeto pasaulį. Hermetiškas, neaiškus, bet kartu aukštai iškylantis mintimis. Romantiškas, bet beasmenis. Kalbantis tyla ir atsitraukimu, jis daro išpūdį svajonės atmosfera, kūrybiniais bandymais. Simbolizmui galiausiai jis stengiasi suteikti pozityvią prasmę, nes stengiasi įveikti savo mokytojus Baudelaire'ą ir E.A.Poe. Poeto pasaulis reliatyvus, bet ženklinamas judesio absoliuto link. Šis valingas virtualumas kelia nuostabą, giminingas italų konkrečiai bei vizualiajai poezijai (Adriano Spatola, Franco Verdi).

Poetui -- tai savotiška išganymo forma, apimanti tiek literatūrinio sąjūdžio techniką, tiek norą pažinti. Angelologija bei humaniškumo bandymai, poetui atrodo itin sunkiai suderinami. Vis dėlto triumfuoja Mallarmé šlovės samprata, kuri rodosi jam kažkas paslėpto, o ne, priešingai, žerindžio. Poeto nuoširdumas, prieštaravimas – kilmingos poezijos ženklas, išrikiuojantis jį tarp kitų aristokratiškos poezijos kūrėjų.

Įvardindamas Mallarmé poetinę misiją Sartre'as (6) tvirtina, kad poetas perėmė ankstesnių poetų kartų palikimą, mąstė apie tai, apie ką galvota iki jo. Jam atsivėrė galimybė realizuoti Dieviškąją Idėją. Tačiau paprastai ši misija baigiasi platoniškosios idėjos virsmu iliuzija. Mallarmé atrodė, kad poezijos eilutė tampa absoliučiu įvykiu, intelegibilaus pasaulio suraibuliavimu. Dievui mirus, žodžiai netenka juos laikančios jėgos, o poetai atsiduria beviltiškame nominalizme. Mallarmé svarstė, ar pats *poetinis faktas* negali pakylėti žmogiškosios būtybės virš materialumo. Pasak Sartre'o, poezija tampa technika tuomet, kai ištrinamas Žodis (6, 22). Mallarmé paveldėjo geriausias 1830 metų poezijos milžinų (Leconte de Lisle) bruožus, o taip pat išdidų Baudelaire'o kartėlį. Mallarmé tikėjosi įkūnysiąs pačios Poezijos egzilį po to, kai universalus Dievo nebuvimas tapo dieviškąja apvaizda (“l'omniprésence de Dieu”). Poetai, kaip ironiškai pastebi Sartre'as, rašo tam, kad viešai paskelbtų, jog jie tyli (6, 30). Tai itin būdinga 1860-1900 metų literatūrai. Kaip įžvalgiai pastebi Sartre'as, romantinio palikimo rašytojai, užuot pagoniškai sugrižę prie gamtos, atgaivina manicheistinį ateizmą, kur gnostinė šviesos ir tamsos distinkcija pakeičiama nebūties/būties opozicija (6, 31). Šiems “ateistams prieš jų norą” materija ir būtis tampa vienas kitą pakeičiančiu

terminu. Konstruodamas egzistencialistinę Mallarmé biografiją, Sartre'as vartoja šio „mįslingo Sfinkso“ žodžius. Literatūrą egzistencializmo teoretikas apibrėžia kaip „literatūros vadovaujamą epochą“ (6, 11). Sartre'as Mallarmé užsiangažavimą laiko elitiniu. Jo absoliutus troškimas neigti skeptiškas ir kartu stoviškas. Literatūra poetui lieka providenciška intuicija. Pesimistinę Mallarmé metafiziką apibūdina tamsus, neįvardijamas noras pasinerti į save tam, kad save pažintų. Poeto negalia yra teologinio pobūdžio. Jis, kaip ir Pascalis, kalba ne esmės, bet dramatiniais terminais. Jis savo poezijoje bando atkurti viską, remdamasis, kaip ir Proustas, reminiscencijomis. Poeto atrastas paradoksas: universalus neigimas atitinka neigimo nebuvimą. Žmogus, būdamas diseminuota būtybe, atgauna nekorumpuotą visumą. Daiktai suspaudžiami ir palaikomi slaptos vienovės tartum aristoteliškųjų formų. Kadangi poeto „aš“ įsitvirtina autodestruktyviu veiksmu, poema tampa destrukcijos darbu. Poema, paneigdama poetą, materialiam objektui, kuris yra poema, suteikia prasmę (6, 159). Plunksnos brūkšniu poetas kaligrafijoje verčia išnykti žodį: jis suteikia galimybę matyti. Tokiomis metamorfozėmis grindžiamos dauguma vėlesnių Mallarmé poemų. Visų Mallarmé eilėraščių tema – Poezija.

Kaip savo fundamentalioje kritikos knygoje *“L’Espace littéraire”* (1) pastebi Maurice'as Blanchot'as, Mallarmé turėjo patirti neįtikėtiną transformaciją po to, kai suvokė rašymo fakto reikšmę. Būtent Mallarmé atveju rašymo aktas atsiskleidžia kaip ekstremalus ir radikalus perversmas. Grynai amatininkiška rašymo technika (*“en creusant le vers”*) privertusi jį suprasti nebūties ir dieviškumo enigmą. Rašydamas poetas susiduria su Dievo nebuvimu. Brutalus patyrimas – žodis gali būti tylą. Literatūros kūrinio kalba atsiskleidžia kaip ireali, fiktyvi, mus vedanti link fikcijos, kalba kylanti iš tylos ir į ją grįžtanti. Daiktų prezentacija ir reprezentacija siejasi su naracija. Tačiau aliuzinė kalba daiktus atitolina, verčia mąstyti apie esmę. Tačiau, kaip atskleisti poezijoje gamtos fenomenus šia tylą, parodyti juos virpančius.

Mallarmé atveju, mąstymas yra žodis. Mąstymas be aksesuarų. Toks rašymas atitinka tiek kratilišką idealą, tiek automatinį rašymą. Mallarmé poezija artėja prie idėjų. Prapuolantis vartosenoje žodis, juk tai itin artima Derrida aptartai *“baltajai mitologijai”* (2). Maurice'as Blanchot šią nebūties temą, nusakomą poetizmais, įvardija *“gryna negatyvo tylą”*, pasineriančia į karštligišką priedermių triukšmą (1, 39). Poetinė kalba suponuoja nieko neprimesdama. Nepaisant aiškumo, Mallarmé poetinis žodis noktiurniškai intymus. Poetinis žodis tiesia ryšius tarp objektų, kurie savo pastovia būtimi teikia egzistencijai nekintamumo tikrumą. Kalba tartum natūralus vualis, o iliuzija atsiranda iš žodžių. Dabarties iliuzija slepia esminį vienišumą. Tačiau natūralios harmonijos ir ryšys su tuo, kas artima, daro mus laimingus. Poetui pasirinkus tylą, atsiribojus nuo pasaulio, jis priartėja prie paties reiškinio veiklos (*“le travail de la signification môme”*) (1, 41). Vis dėlto sąsaja su pasauliu išlieka – kartais kaip pareigos begalybė, kartais kaip darbo rizika, kartais kaip tvirta pozicija.

Tuo būdu iškyla poetinio žodžio ir minties/ kalbos opozicija. Poetinis žodis skaitytojų nekreipia į pasaulį, pasaulį kaip priebėgą, pasaulį kaip tikslus. Pasaulis atsitraukia ir tartum nelieka tikslų. Tokia Mallarmé metafizikos esmė. Tylint pati būtis virsta žodžiu, žodis trokšta būti. Tai, kas poezijoje kalba, nėra asmuo. Eliotiška poezijos samprata. Susidaro savaime kalbančio žodžio išpūdis. Kalba Mallarmé poezijoje tampa esmine. Žodžiai, suteikus jiems iniciatyvą, nieko nenedominuoja, jokiame asmeniui nesuteikia balso, bet sugrįžta patys į save. Rašo ne Mallarmé, kalba kalba kaip kūrinys, sukurtas kalbos.

Žodžių ryšiai, mobilus ritmas, garsas, figūra sukuria erdvę. Poeto sukurta grynoji kalba pati stengiasi sugrįžti į savo pačios esmę. Sukuriamas kalbinis objektas. Kaip kadaise Rilke, o šiuolaikinėje poezijoje Ponge, Mallarmé kuria poemą-objektą. Ši galinga kalbos konstrukcija išryškina poetinės technikos išradingumo laipsnį. Poetiniame kūrinyje slypi pradinio mosto intencija, jis tampa žodžių monada. Poemoje neatsispindi nieko kito, tik pačių žodžių prigimtis. Vis dėlto ši ypatinga kilni poetinė būtis išslysta iš bet kokios determinacijos bei kokios nors egzistencijos formos.

Tiek Baudelaire'as, tiek Mallarmé, tiek Rimbaud su poezijos pagalba bandė spręsti likimo klausimus. Poromantinė poezija – ženklinama amžinos metafizinės ambicijos. Šiems

poetams kūryba buvo kilmingas divertimentas. Iki Cocteau ir kubizmo jie parodė sugebą subtiliai žaisti su tikrove, ją įprasminti, ją permąstyti korespondencijų santykio pagalba. Kaip pastebi Raymond'as Marcel'is (5,129), vėliau tik Claudel'is pasižymėjo ypatinga poetine reveliacija, simbolistiniu viršlaikiškumu, kai įvaizdžių metamorfoze pasiekama atnaujintos jutiminio ir dvasinio prado jungties.

Būties ir meno sintezė Mallarmé kūryboje -- iki šiol prancūzų literatūros kritikos dėmesio centre. Literatūros nėra tol, kol ji netapo "įvykiu". Literatūros tekstas – tarp visko ir nieko. Žodinės perėjos būdingos poezijai. Žodžiai turi galią priversti išnykti objektus. Juos išnykusius parodyti vėl. Lyg ir erozijos arba vartojimo slinktis. Beje, ir patys žodžiai gali "išnykti" vaizduojamų objektų materialume. Vyksta savotiškas bangavimas. Mallarmé centrinis poetinis taškas – šis rizikingas intymumas. Kalbos "išsipildymas" lyg ir sutampa su jos "išnykimu". Maurice'as Blanchot'as pažymi šio "centrinio taško" ambivalentiškumą (1,46). Mallarmé poezijoje lyg ir neįveikiama rezervuotumo. Poetas vis labiau koncentruojasi ties meninės kūrybos esme. Tai, kas nerealū, virsta kalba. "Igitur" apima kalbos totalumą. Totalus ritmas, pripildyta tyla. Niekur poemoje kalba nėra reali. Nerealumo realizacija atitinka absoliučią būties sakymo fikciją. Išsisėmimo restauracija ambivalentiškumu ir metaforiniu pertekliumi apmąstoma Derrida'os metaforai skirtose studijose (2).

Biblinė mitologinė Erodiados (Salomėjos), žydų princesės, ištekėjusios už Erodo, tema, sukrėtė žydus, tapo evangeline. Vėliau jos personažas įkvėpė rašytojus. Flaubert'as šia tema sukūrė "Tris pasakas" (*Trois Contes*), O.Wilde'as "Salomé". Simbolizmo, mito istorijos, rašymo technikos požiūriais įdomūs minėti Mallarmé "Erodiados" fragmentai. Šia tema yra rašę ir lietuvių autoriai, pavyzdžiui, A. Škėma.

Erodiada – dramatinė poezijos kūrinėlis, sudarytas iš įžangos (*ouverture*), scenos ir šv. Jono giesmės. Simbolistinių įvaizdžių prisodrintas poetinis tekstas stebina giesmišku skambesiu, skamba kaip savotiškas modernistinis himnas (*incantation*). Pirmosiose dviejose dramatinė poemos dalyse kalbasi princesė Erodiada su savo aukle. Trečioji kūrinio dalis integruoja unisonu su pirmosiomis skambantį sielos skrydžio motyvą. Išganymo tema įveikiamos senosios dekadentiškos dvasingumo-kūniškumo disharmonijos: "Comme rupture franche/ Plutôt refoule on tranche/Les anciens désaccords/Avec le corps" (4,47). "Iliuminuotos krikščynos", "išrinktumo principas", "triumfuojantys skrydžiai", "antgamiškos iškilmės". Kuriamą įvaizdžių sistema-konsteliacija. Saulės rutulio ir galvos skritulio paralelizmas iškalbingai atskleidžia nedarnių kūniškų saitų įveikos temą. Poetika bodleriška, ryškėja simbolistinės korespondencijos idėja. Kuriamos žvilgsnio ir ledo paralelės ("Son pur regard"/ Tous ô glaciers") (4,47). Simbolistiškai prisodrintas dviejų pirmų giesmės dalių kalbėjimas iškeliamas trečiojoje į filosofinį lygmenį, tekstas tampa tartum išretintas oras.

Maurice'as Blanchot išsisėmimo momentą laiko slaptąja kūrybine patirtimi. Kūrinys privalo būti vienintelė šviesa to, kas gęsta. Kraštutinė, ekstremali afirmacija patikrinama (verifikuojama) ekstremaliu neigimo aktu. Toks tvirtinimas, nors ir priešingas mūsų taikos, paprastumo troškimui, suprantamas tokio intymaus apsisprendimo dėka. Būtent toks malarmėstinio kūrinio kontekstas – tapti gryna pradžia, pirmąja ir paskutiniąja akimirka, kur pasirodo būtis laisvai rizikuodama, ji suvereniai atsitraukia, bet dar neįeina į kitų tarpą, nepasirodo tarp kitų esančių (1,49). Kaip tik šioje vietoje atsiskleidžia kuriančiojo gilus išsisėmimas.

Kūrinys veda, pramato, išsipildo išnykdamas, prisikelia savo dingimo apoteozėje – toks simbolistinis-gnostiškas eksperimentinis Mallarmé poemos kelias. Vis dėlto, ar tai nėra supaprastintas paaiškinimas, kai meno gyvenimui taikomi mūsų aktyvios veiklos kriterijai? Galbūt tai intymesnė, mistiškesnė, pasyvesnė, noktiurniškesnė patirtis? Kaip menas imituoja pasaulio tylą, taip menininkas neutralizuoja viską, kas teikia naudą, kas yra aktualu. Lygiai tuo pat būdu įvaizdis yra objekto atsisakymas. Tokia aiškinimo logika turbūt priimtinesnė.

Norint likti laisvam kūrinio atžvilgiu, nepakanka paimti jo į skliaustus. Nuoseklios stilizacijos dėka kūrinys iškeliamas į gryną viršlaikišką erdvę, kur jis tampa laisvas nuo

konkreto jo panaudojimo. Jis ištirpsta atsidurdamas akimirksnybės pusiausvyroje. Meno objektas yra tas taškas, nuo kurio atsispirdami mes grįžtame prie neutralizuotų pasaulio objektų. Bet ne atvirksčiai. Priklausymas esmei sutampa su giliaja išsisėmimo tuštuma, gaubiančia sukurtą meno kūrinį. Kitaip tariant, poetas “minios žodžiams” suteikia grynesnę prasmę. Nesvarbi bendros vartosenos žodžio tyla ir išsipildžiusi poemos tyla nėra tas pats dalykas. Tai sukurta literatūros erdvė. “Viskas yra nieko nebuvime” (“*tout est présent en l’absence de tout*”) (1,51). Vis dėlto objektyviai tegalėtume tarti, kad poezijos tekste žodžiai vartojami meistriškiau, geriau įsimenami, harmoningiau ir muzikaliau. Rašymas prasideda ten, kur kalba dar yra savo šešelyje. Tai įsivaizduojama, galbūt vaizduotės kalba. Kūrybinės ištakos. Vėliau žodis natūraliai tampa tarpininku tarp poeto ir visuomenės. Išlaikyti kontaktą su šiuo pradiniu begalybės, vaizduotės ištakų tašku – rašančiojo ir interpretatorių priedermė. Tokios mintys kyla svarstant Mallarmé sąryšio su simbolizmu ir noru pažinti prasmę.

Natūralu, kad Derrida, svarstydamas metaforinę atsitraukimo techniką filosofiniame diskurse, išryškino tylos, baltos dėmės pavojų. Jo nuomone, metaforiška traktuotė veda į to, ko neįmanoma apibūdinti, aklavietę. Vis dėlto esama struktūrų, kurios tokio traktavimo leidžia išvengti. Judėjimas ir noras tą judėjimą sustabdyti. Metaforiškas ir tiesioginis kalbėjimas. Melas ir tiesa. Ontologijos tiesos, išdėstytos metaforiškai. Visa tai patenka į Derrida’os dekonstrukcionistinių svarstymų akiratį (2). Koks sąryšis tarp žmogiško ir dekonstrukcionistinio kalbėjimo? Naudingumo ir nereikalingumo, kuris paradoksaliai reikalingas. Kuo ypatingos metaforos epochos? Jos būtinos heidegeriško tipo tekste, kur metafora metonimiška. Metafizinės, absoliuto problemos, kai vartojant metaforą išskyla pavojus išeiti į minų lauką, kur išskyla klausimas, o kas gi yra metafora. Kur tema tampa pačia tema. Pasak Derrid’os (2,68) metafizinių tekstų signatūros slepia humanišką diskursą, kuriam gresia destrukcija. “*Baltoji mitologija*” tampa limitu to, apie ką rašoma. Naratorius ir poetinis “aš” svyruoja tarp autoreprezentacinio ir onto-enciklopedinio kalbėjimo. Kritika todėl ir linkusi ontologijos ir poetiškumo ribas priėjusią Hölderlino kūrybą pagrįstai metaforiškai vadinti herbarijais arba džiovintų augalų kolekcijomis. Terminai, taikomi žodiniams kūriniais dėl jų turinio. Rašydamas poetas natūraliai keliauja kalbos link. Metafora, arti, toli, kaimynystė, erdvė. Visa tai svarstoma rašančiojo. Mallarmé – unikalus šių temų svarstymo pavyzdys prancūzų literatūroje. Sunkiai susiejamas su bendrosiomis modernizmo tendencijomis. Artimesnis religinei literatūrai, nors jo tekstuose paradoksaliai daug nihilizmo. Estetiškas kaip Wilde’as, bet ne filosofinis poetas. Teologinės temos – mitologinė gelmė, rašymo eksperimentai. Rašymo ekonomijos ir būties ekonomijos temos pirmoje vietoje ir vėl svarstant poststruktūralistines, struktūralizmui susidūrus su neišspręstomis problemomis, prasmės kūrimo temas.

Vaizdavimas to, kas familiaru, Mallarmé iškėlė tarp teologinių aukštojo stiliaus poetų, tokių kaip P. Claudel’is arba F.Ponge’as. Mąstymo ir rašymo sąsajos natūraliai jam tapo artimos artėjant prie objektyviai asmeninio diskurso, iškeliančio virš literatūrinės modernizmo arba romantizmo mokyklos suvaržymų. Siekdamas autentiškumo, straipsnyje nagrinėtas poetas suartėjo su kitais poetais, – Ch. Baudelaire’u, E.A. Poe, bet pasiliko pačiu savimi, unikaliu, nepakartojamu. Kalbos, metafizikos, bendrų svarstomų teminių paradigmu modelis lanksčiai pritaikomas svarstant bendrąsias literatūrinių tipologijų ir pažinimo, mąstymo figūrų – modelių problemas.

LITERATŪRA

1. BLANCHOT, Maurice. L’espace littéraire. Paris: Gallimard. 1988.
2. DERRIDA, Jacques. Psyché.(Invention de l’autre). Paris: Galilée. 1987.
3. KRISTEVA, Julia. Sémanalyse et production du sens. Quelques problèmes de sémiotique littéraire à propos d’un texte de Mallarmé: Un coup de dès. *Essais de sémiotique poétique*. Paris: Larousse, 1972.
4. MALLARMÉ, Stéphane. Poésies. Paris: Maxi-Poche. 1995.
5. RAYMOND, Marcel. De Baudelaire au surréalisme. Paris: José Corti, 1966.
6. SARTRE, Jean-Paul. Mallarmé. La lucidité et sa face d’ombre. Paris: Gallimard. 1986.

Elina Naujokaitienė

L'Université de Vytautas Magnus Kaunas

L'IMAGE D'HÉRODIADÉ-SALOMÉ DANS L'ŒUVRE DE STÉPHANE MALLARMÉ

Résumé

Dans l'article sont traités les thèmes de l'essence de la parole poétique et de l'espace littéraire. Mallarmé est placé parmi Charles Baudelaire et Francis Ponge. On a fait l'attention à la relation entre la métaphore et l'ontologie, la littérature et l'interprétation de la philosophie et de la création. La construction du sens et la destruction étaient vu par rapport à l'analyse d'un poème de Mallarmé "*Hérodiade*". La conclusion de l'analyste c'était que la pure parole est liée aux problèmes de l'usage de la métaphore. Les principaux auteurs de référence c'étaient Blanchot, Sartre, Raymond, Kristeva et Derrida. Leurs méthodes d'approche étaient utiles à plusieurs égards pour la nouveauté de notre tâche – résoudre les problèmes de la création hermétiquement close (le cas de Mallarmé) et la possibilité de la communication.

LES MOTS-CLÉS: la mythologie blanche, l'orphisme, l'angéologie.

Галина Нефагина

Белорусский государственный университет

Эл. почта: nefgl@mail.ru

**ИГРА ОБРАЗАМИ «ОКНО», «СТЕНА», «ЗЕРКАЛО» И КОНЦЕПЦИЯ
ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. КАЗАКОВА**

В статье раскрывается своеобразие художественного мира Владимира Казакова, чье творчество является звеном, соединяющим авангардную литературу начала XX века с постмодернистской конца его. Особое значение в произведениях В. Казакова имеют смысловые мотивы и лейтмотивные образы-знаки, формирующие своеобразную модель мира. Игра образами — это игра с двойственностью (материальность означаемого и трансцендентность означающего) словообраза. Образы-знаки соединяют время и пространство.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: авангард, мотив, образ-знак, стена, окно, зеркало, пространство, время.

В. Казаков является культовой фигурой в русской литературе 1970-80-х годов. Он восстанавливает прерванные традиции русского авангарда, продолжая, с одной стороны, языковые поиски футуристов, с другой, обращаясь к обэриутской модели мира. Если говорить точнее, то в футуризме писателю наиболее близки В. Хлебников и А. Крученых, а среди обэриутов — А. Введенский, хотя он разделял многие эстетические установки Д. Хармса. Специфической чертой творческой манеры сложившегося В. Казакова является тяготение всех его произведений, вне зависимости от жанра, к драматургическим формам. Это выражается прежде всего в диалогическом (не в бахтинском понимании) построении произведений, когда даже роман состоит из обмена репликами, монологов и слов автора, которые имеют вид пространственных ремарок. Мир романов «Ошибка живых», «В честь времени», «Большая орда», «От головы до звезд» — мир непостоянный, трудноуловимый, неокончательный. Он скорее не-реален, чем реален. Это мир играющего языка (в отличие от языковой игры). Для языковых игр необходим носитель языка, вербализующий свое сознание и существование. Но персонажи Казакова — это не характеры, а некие текучие, трудно уловимые в статике состояния. обретающие себя в мире через слово. В творчестве В. Казакова не только человек рождает слова, но и слова и предложения порождают человека. Можно было бы предположить, что произведения писателя вписываются в парадигму постмодернизма, строящего мир из Текста, как Текст. Но В. Казаков модернист, и подтверждается это прежде всего стремлением к обретению гармонии, превращению хаоса в определенный миропорядок, двоемирием его произведений, в которых равно существуют явь и сон, реальность и призрачность. Причем эти миры, ускользающие, переливающиеся один в другой, все же структурированы постоянными, переходящими из произведения в произведение образами-знаками. В. Казаков играет образами, то выпячивая материальность, телесность означаемого, то подчеркивая трансцендентность означающего. В работе «Логика смысла» Ж. Делез утверждает, что смысл рождается на границе вещей и предложений, а игра — единственное, что имеет смысл. Игра Казакова — это игра не столько словами, сколько образами, столкновением далеких смыслов («отдаленных реальностей») не только за пределами, но и в пределах образа.

В. Казаков как будто убеждает, будучи сам безусловно в этом убежден, что устойчивые модели языка не могут передать жизнь, которая по сути своей не может быть понята однозначно. В обращении с языком он близок обэриутам, особенно А. Введенскому. Он не разрушает язык, не изобретает новый, как это делали футуристы, а раздвигает его рамки, освобождает от привычных связей. В. Казаков экспериментирует не с фонетикой, что тоже было свойственно футуристам, а с семантикой. Слово у него

освобождено от рационалистических ограничений, обусловленных логическими связями. Оно трансформируется в сущность, становится материальным, принимает свойства предмета: «Мне при слове «бессмертие» — едва услышу или увижу — всегда хочется чихнуть, как от сквозняка», «кличка ветра. Хочется позвать и потрепать его за ухом» (1, 188).

В. Казаков пытается соединить форму и рождающийся в ней смысл в единое целое, превратить язык в средство, результат и сам поиск. Его слово функционирует только в определенной среде, вне контекста, лексических, семантических соположений оно не может быть расшифровано: «Странный год. Не было ни лета, ни осени, ни весны, ни зимы. Что же было? Был этот вопрос. И вот в один из дней этого вопроса я вышел из» (1, 157). В. Казаков варьирует сопоставимость и соразличимость слов, ставя их в разные соотношения со смысловым центром. Слово несет не только устоявшийся смысл, но, будучи поставлено в разные контексты, соположено с разными смыслами других слов, наполняется расширенным содержанием. Игра между ситуациями порождения смысла и моментами индивидуальной природы языка демонстрирует текучесть всякого смысла.

В. Казаков использует своеобразный игровой прием тмесиса — расщепления слова или фразы и вставления в это зияние другого (чужого) слова: «до(ночь)ждь», «КправУправКправЛправ ИправНправ». Кроме того, несоответствие и одновременность мысли и слова подчеркивается «рассыпанием» фразы по кусочкам между разными персонажами. Распространенным приемом в поэтике В. Казакова является инверсия. «Вещи он переворачивает, ставит их вверх дном, в итоге чего нормальное состояние является лишь одним из возможных случаев, т.е. понятие нормальности становится относительным» (6, 13).

Повествовательные приемы, которые использует Казаков в романах, на первый взгляд, ведут к бессмыслице. Но, если тщательно анализировать произведение, то обнаруживается не просто смысл, а его расширение, наполненность объема романа глубинными смыслами. В «Ошибке живых», например, мир не абсурден, просто логика его устройства и существования иная, строящаяся на радикальной трансформации времени и пространства. Казаков пытается преодолеть линейную организацию времени сопряжением его с цветом («у темноты—стремительная неподвижность времени, у времени—спокойное отчаяние темноты»), звуком, считая, вероятно, что время имеет такую же корпускулярно-волновую природу. Иногда время почти материализуется и персонифицируется: «Время долго не появлялось, скрытое за шумом и белизной дождя» (4, 216), «С фонарей быстро лились секунды» (4, 206), «Куранты на башне вдруг пробили не количество часов, а их цвет» (1, 181).

В. Казаков в своем отношении к изображаемому вещному миру исходит из философии Канта: «Наш ум может познавать предметы потому, что все познаваемое в них создается тем же умом, по присущим ему правилам или законам», «Мы познаем не вещи сами по себе, а их явление в нашем сознании, обусловленное не чем-нибудь внешним, а формами и категориями нашей собственной умственной деятельности» (1: 28). Казаков буквально понимает эти слова. Поэтому один и тот же предмет или явление видятся его персонажами по-разному, при этом его словесная оболочка может редуцироваться до корня, до морфемы, до буквы: «Темное утро сменилось крошечным днем. Темное. Емное. Мное. Ное. Ое. Е. Ое. Ное. Мное. Емное. Темное» (1: 177).

Столкновение означаемого и означающего в пределах одного образа как определяющий прием поэтики романов «Ошибка живых» или «Жизнь прозы» позволяет создать зыбкий, неустойчивый, мерцающий мир, который является неким переходом от реальности к призрачности, от линейного времени — к концентрическому или растекающемуся «пустому» времени, от организованного пространства — к хаотическому. Но как это не парадоксально, этот мир по-своему последователен и гармоничен.

Структурирующее значение в романах, да и во всем творчестве В. Казакова, имеют постоянные образы «стена», «окно», «зеркало». Настоячиво повторяемые

существительные не наполнены символическим или метафорическим смыслом. Но порождаемые ими образы выступают по крайней мере в двух ипостасях. С одной стороны, они представляют вещный мир, окружающий персонажей и данный им в ощущениях. Стена может быть холодной, каменной, то есть отражать материальность мира. Но она являет собой и переход субъективно-чувственного в бытийное: «Стены переглядываются и протягивают друг другу молчание» (4, 57), «Что может быть ненадежнее стен — этих вечно галлюцинирующих созданий из камня?» (4, 14), «Стена уходила в темноту, словно продолжение его молчания» (4, 13). С другой стороны, вещи приобретают самодовлеющее значение. Они чувствуют наравне с человеком, они растворяют человека в себе, продолжают его собой: «Люди, стиснутые в погребе, были неподвижны. Их неподвижность пугала стены. Их неподвижность передавалась стенам» (1, 164), «Она едва заметно усмехнулась краем стены» (4, 25), «Стены могли хорошо разглядеть гостя» (4, 16). Стена может быть обращена к персонажу — зрителю — читателю внутренней плоскостью, и тогда это защита от Хаоса, но и препятствие к выходу в Космос. Человек внутри стен оказывается в пространстве Хаосмоса — текучем, неоформленном, призрачном, все время становящемся..

Стена иногда может быть повернута и внешней стороной к человеку, то есть персонаж может находиться в застенном пространстве. Тогда, как правило, в стене подчеркивается ее материальность, неподвижность. Стена соединяется с темнотой, бездонностью мира. «Долго пришлось идти по улицам вдоль стен домов, вдоль стен темноты» (1, 25), «Какая-то сила притягивала его к стенам, и та же сила притягивала к нему темноту» (1, 114). Игра образом и словом — это игра материальным и трансцендентным, «дневным» и «ночным» смыслами словообраза.

Специфику пространственно-временных отношений в романах В.Казакова нельзя определить понятием «хронотоп» как «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» (5, 122). У В. Казакова этого слияния не происходит. В его произведениях пространство обычно ограничивается стенами: «Странно глаза устроены! Куда ни поглядишь — кругом одни стены!» (1, 158). Даже когда стены не упоминаются, понятно, что пространство замкнуто ими и выходом за их пределы являются окна: «Скажите, о чем вам говорит прозрачность окон? — О непрозрачности стен» (1, 171).

Окно — знаковое понятие у В. Казакова. Нет ни одного произведения, где не упоминалось бы окно, но существует целая пьеса, которая так и называется «Окна». В пьесе «Врата» окно должно препятствовать уходу, потому единственную связь с застенным миром надо перервать:

А окна, молнии и гром
Мы приказать завесим плотно
Дождя могильным серебром (3, 152).

Окно может быть и входом в замкнутое пространство, в которое человек неожиданно попадает, как в темноту, перестает ощущать даже свою телесность, теряет самого себя. «Навстречу шло окно, но я был так задумчив, что опомнился только тогда, когда прошел сквозь» (2, 182).

В «Окнах» эти стеклянные прямоугольники действуют, как живые существа, при этом их олицетворения не происходит, скорее, очеловечиваются их действия. «Окно замахнулось и, сверкнув, исчезло» (1, 157), «Гость сидел, бледный от окон. Бледность передалась небу. Окно передалось женщине» (1, 157), «О небе спросите у окон» (1, 160), «Игра была в самом разгаре. Вошли окна и встали за спинами» (1, 161).

Окно у В.Казакова — понятие не пространственное, оно всеохватно. Через окно, посредством окна познаются свойства вещей, отношения людей, состояние природы, время года, суток. Окно — это некий самодостаточный мир, который отражает, соединяет, выстраивает судьбы. Окно слишком много знает и многое понимает, а потому оно часто пугает героев: «Один из гостей резко обернулся. За его спиной стояло окно, с темной

блестящей поверхности которого стекали струйки фонарного света. Гость отшатнулся. Окно исчезло» (1, 133). Персонаж «Ошибки живых» Левицкий понимает, что окна дают более глубокое и точное представление о человеке и мире, чем зеркала. Ведь окна напрямую соединены с Космосом, с вечным и сущностным. «...Прозрачные окна, не давая нашего отражения, тем не менее гораздо больше позволяют узнать нам о нас, давая видеть сквозь прозрачные стекла мощный простирающийся пейзаж, дневное или ночное небо, звездную даль...» (1, 131). Окно в поэтике В. Казакова имеет эсхатологическую окраску, связывается с мотивом перехода. Через окно проникает космическая энергия, которая изменяет (на миг!) состояние персонажей и мира в целом. «Сноп света из окон вдруг упал на ее волосы, они загорелись, окна сразу наполнились небесами, все вспыхнуло, и ...был миг!» (1, 104). Этот миг и есть прикосновение к настоящему миру.

Медленное умирание, истлевание души человека сопряжено с узостью окна-выхода в мир. В комнате Пермякова «окно было пробито в толстой стене, низкое и узкое, как бойница. Свет проникал в комнату такой слабый, что его присутствие начинало щемить душу, словно присутствие неизлечимо больного» (1, 188).

В какой-то мере ипостасью окна является зеркало. Зеркало способно не только отражать, оно и самостоятельное существо: «Я поранил себе горло острием во время бритья... Не мешайте мне смотреть, как зеркало истекает кровью» (1, 156), «Оно... знаете... само окрашивает дождь и само же после безумеет от этих алых потоков» (1, 128). В зеркале персонажи видят себя другими, иными, чем представляют в воображении. «Это зеркало мне вдруг вручило бледную маску вместо лица» (1, 127). Зеркальный двойник не тождественен оригиналу. Происходит как бы удвоение невозможности идентификации: «Да, этим независимым видом, этим необычайным мной меня ссудили зеркала» (1, 172), «Мое отражение в зеркале не мое» (1, 177).

У Казакова зеркало отражает более истинный облик, чем предстает окружающим, только отражение Левицкого полностью соответствует его характеру. Его двойственность корректируется двойным отражением. «Левицкий, увидя свое отражение одновременно в зеркале и в часах, поражен страшным противоречием: светлый зеркальный нимб вокруг головы оказывается терновым венцом из черных цифр» (1, 34). Он и победитель, и жертва, страдалец.

В зеркале совмещается мир и антимир. Пространство в зеркале исчезает в этом мире, но бесконечно продолжается в ином. «Темнота — это магический напиток зеркал: вы напряженно всматриваетесь в полированную поверхность, вы пытаетесь увидеть свое отражение, но... начинаете галлюцинировать, словно и вы отпили из той же чаши...» (1, 122).

Пространство в творчестве В. Казакова трансформируется в знак — «стена», «окно», «зеркало». Оно абстрагируется от привычных координат, от расположения в нем предметов, приобретает качественную характеристику. Но существует еще и предполагаемое пространство *застенного* мира, которое начинается от наружных стен и расширяется до улиц, и *заоконного*, которое всегда оказывается небом. Стена *разделяет* внутри и вне, окно *приближает*, хотя не соединяет.

Необходимо отметить, что в восприятии пространства В. Казаков очень близок А. Введенскому. У одного из ярчайших представителей обэриутов можно выделить три типа организации пространства: Земля, Небо и «тот свет». Каждое семантически маркировано. То же наблюдается и в поэтике В. Казакова. Пространство *внутристенное* — пространство неопределенности, пустоты и появлений-исчезновений, пространство призрачности при том, что в нем обретаются действующие лица. Предметами этого пространства могут быть портрет как отражение несуществующего лица; часы, показывающие не время, а состояние; зеркало, в котором нет отражения. Это пространство не действия, а текучего состояния, некой плазменности, где исчезают, даже не появляясь, или появляются ниоткуда и исчезают в никуда. Именно оно художественно реально, соответствует настоящему времени.

Застенное пространство включает каменные дома, фонари, крыши, чье назначение — бороться с ливнями (крыши — тоже стены, ограничивающие миры), тревожно-вопросительно изогнутый Москворецкий мост. В этом пространстве совершаются некие действия: в нем ходят, обгоняют, падают. Но это действия-фантомы, происходившие (или не происходившие, воображаемые) в прошлом. Это как бы воспоминание о былой *жизни* в противовес нынешнему *состоянию*. В этом пространстве знаковым является слово-образ «ливень» («дождь»). Дождь может быть стеной, ограничивающей, но не мертвой (!). Он может быть «заостренным вглубь самого себя» (1, 197), толкающим на постижение красоты и величественности мира. Дождь может быть чугунным (материализация метафоры «дождь/ град стрел/ ядер, пуль»), сопровождающим войну. В любой ипостаси дождь — действие, жизнь, пусть даже идущая к смерти.

Заоконное пространство — небо. Здесь теряются всякие направления, предметная означенность, исчезает время. Небо существует только в окне, за окном. Окно — и единственная координата, и порождающая субстанция неба. Небо — это то, к чему постоянно обращают свое внимание все герои. Можно предположить, что это сфера абсолютного желания, стремления и абсолютного непонимания, не-до(по)стижения. «Золотое семикратное эхо куполов» в небе кореллирует с православным раем. В какой-то мере это и отражение автобиографических реалий (В. Казаков крестился в православие в 1972 году). По словам писателя, цельный, гармоничный мир существует лишь в религии.

Категории пространства и времени в поэтике В. Казакова трансформируются. Понятие времени связано с дискредитацией его как промежутка той или иной длительности, который измеряется секундами, минутами и т.д. В его системе скорее секунды и минуты измеряются чем-то: «Минута состоит из 60 вопросительных знаков» (2, 189). Относительность времени подчеркивается тем, что глядя на одни и те же часы в одно и то же время, два человека называют разные цифры: «3-ий гость. Без пятнадцати шесть. — 4-ый гость. Без семи восемь» (2, 180). Время настолько относительно, что сопоставляется в пределах одного понятия с не имеющими к нему отношения значениями: «в один из дней этого вопроса я вышел из» (2, 156), и можно обратить внимание на то, какое сегодня завтра» (2, 158). Во внутрисценном пространстве (именно в его пределах еще имеет смысл говорить о времени) время не имеет протяженности, оно дробится до такой степени, что становится почти нулевым. Всякое обозначение времени — это прежде всего обозначение состояния: «Моя жизнь делится на два периода: первый и третий» (2, 154), «Что это — часы или полдень?» (2, 159). Даже портрет дается через отражение в часах (не столько в часах-предмете, сколько категории): «Подойдя к своему отражению в часах, я увидел, что нос у меня съехал на половину шестого, один глаз ослеп, а душа — вечная» (2, 165). Если констатируется «наступает ночь», «ночь», «утро наступило», то это означает лишь попытку увидеть хотя бы какие-то изменения. Время у В. Казакова не поддается подсчету. Вечность и мгновение в принципе одно и то же: «Недаром вечность отличается от мгновения то цветом, то ничем» (2, 197). Постулируется субъективное отношение ко времени. В общем пространство и время разделены в тексте. Но иногда время превращается в пространство, имеющее единственную характеристику — длительность: «Давайте лучше молча пройдемся вдоль этих нескольких минут» (2, 189). Как правило, это происходит, когда появляется/проявляется любовь, вернее, воспоминание о ней. Слияние времени-пространства означает переход от мира-присутствия к Бытию. В мире-присутствии для тел есть только настоящее время, для событий — разомкнутость в прошлое и будущее. Но мир В. Казакова — это мир иллюзорности, текучести, в котором существует ненастоящее прошедшее и нереальное будущее: «Время стремилось туда, где его еще не было, оттуда, где оно уже было» (1, 143), «Еще вчера я был, а сегодня я еще буду» (1, 163). «Сейчас» исчезает, если оно и фиксируется, то только с глаголами другого времени. «У меня тоже иногда бывало чувство, что он — есть. Но только на короткие мгновения, когда тишина и сумрак. А стоило появиться лишь звуку или свету, и... Истленьев — был» (1, 45), «Сегодня я наблюдал начало рассвета: тонкие часовые стрелки

легко сдвигали груды домов» (1, 26). Единственное настоящее связано с воплощенной Красотой — Эвелиной в романе «Ошибка живых». Это аллюзия фаустовского «остановись, мгновенье!». Прошлое и будущее только на мгновения соединяются в настоящем. «Эвелина оживлена... Волосы рассыпаются по плечам, глаза зеркал вспыхивают золотым огнем, неловкая звезда срывается с неба» (1, 71). Только Красота способна прервать иллюзорность и призрачность мира не-осуществлений, не-проявленности. С появлением Эвелины вдруг возникает ощущение врывающейся жизни. Это краткий миг соприкосновения земного и вечного. Только она воспринимает время как длительность: «“Однажды я сидела возле и слушала в течение часа его молчание. —И что же вы услышали? —3600 секунд» (1, 33). Эвелина слышит время-движение.

В романе «“От головы до звезд» последовательность времени, его движение от прошлого к будущему несущественны. Потому прошлое может следовать за будущим: «Завтра оставило в углах его губ чуть видную усмешку» (4, 119), «Мы опять родились позже, чем умерли» (4, 95).

В творчестве В. Казакова связь времени с Бытием осуществляется посредством стены, окна, зеркала. Все эти слова-предметы более живые, чем персонажи. Именно им принадлежит действие, даже некоторая агрессия. «Окна широко зачерпывали весенние небеса... Отражаясь в зеркалах, гости не смели поверить своим сверкающим бурлящим глазам. Они оцепенели все разом, время металось от одного к другому, осыпая каждого звенящим золотом чеканных мгновений. Наконец, он в изнеможении прислонилось к стене, сделав часовой циферблат своим бледным неподвижным лицом» (4, 11). Недействующие персонажи находятся во власти окон, зеркал и стен. Более того, происходит замена героев окружающими их вещами. Вещам передается способность выражать вонне чувства и ощущения персонажей.

Один из немногих критиков творчества В. Казакова переводчик Петер Урбан так охарактеризовал типичный для писателя мир: «Этот мир как-то странно строг, стеклянен и холоден. Он состоит в основном из камня, железа и стекла. К его инвентарю относятся каменные стены, стены домов, крыши домов, окна, зеркала и часы — все это поставлено в один ряд и на равноправные начала с человеком. Измеряются связи, преломления, углы и колебания, возникающие между этими объектами благодаря воздуху, свету и прежде всего благодаря времени, времени, разумеется, не тождественному тому, которое показывают часы; это то время, которое не поддается измерению в минутах и секундах, время — в котором прошлое, настоящее и будущее сливается в одну доминирующую одновременность. В этой одновременности действуют люди или персонажи, передвигающиеся как сюрреальные куклы или как вообще бестелесные существа»(8, 13).

Вследствие дробления времени в творчестве В.Казакова исчезают действие и сюжет. Даже в драме присущим ей динамизму и активности противопоставлено отсутствие движения, плазменность. Художественный мир В. Казакова подчинен идее раздробленности времени, плазменности пространства, автономности каждого персонажа при взаимосвязи знаковых компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. KAZAKOV, Vladimir. Ošibka živych. München, 1976.
2. KAZAKOV, Vladimir. Slučajnyj vojn. München, 1978.
3. КАЗАКОВ, Владимир. Избранные сочинения. Москва: Гилея, т.1, 1995.
4. КАЗАКОВ, Владимир. Незданные произведения. Москва, 2003.
5. БАХТИН, М.М. Литературно-критические статьи. Москва: худ. литература, 1986.
6. ЛЕВШИН, И. Долгожданный Годо. Совр. драматургия. № 1, 1994.
7. МЮЛЛЕР, Б. Загадочный мир Владимира Казакова. Kazakov Vladimir. Slučajnyj vojn. München, 1978.
8. Предисловие переводчика в ж. ZET 2. Das Zeichenheft für Literatur und Graphik. Heidelberg. June, 1973.

Galina Nefagina

Byelorussian State University

PLAY WITH IMAGES ("WINDOW", "WALL", "MIRROR") AND THE CONCEPT TIME-SPACE IN THE WORKS OF V.KAZAKOV

Summary

The article reveals the originality of the artistic world of Vladimir Kazakov, whose creative work links the avant-garde literature of the 20-th century beginning with the postmodernist one of its end. Kazakov attaches special importance to sense motifs and leitmotif images=symbols, which form a special model of the world. Play with images is a play with duality (materiality of signifying and transcendentality of signified) of word-images. Images-symbols connect time and space.

KEY WORDS: avant-garde, motif, image-symbol, wall, window, mirror, space, time.

Анна Палий

Омский государственный педагогический университет, Россия

Эл. почта: paliy_ia@mail.ru

«АББАТСТВО НОРТЭНГР» ДЖЕЙН ОСТИН: РОМАН ВОСПИТАНИЯ ИЛИ ПАРОДИЯ НА ГОТИЧЕСКИЙ РОМАН?

Статья представляет собой подробный литературоведческий и стилистический анализ романа Дж. Остин “Аббатство Нортэнгр”, позволяющий сделать вывод о том, что элементы пародии играют в нем вспомогательную роль дидактического компонента романа воспитания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: реалистический роман, готический роман, роман воспитания, дидактический компонент.

Написанный в 1797-98 гг. и затем несколько переделанный роман «Аббатство Нортэнгр» был продан издателю в 1803 г., но появился в печати только через год после смерти Джейн Остин, в 1818 г. Хронологически это первое завершённое произведение молодой писательницы.

Хотя роман упоминается большинством исследователей творчества писательницы, ему уделяется гораздо меньше внимания и места в их книгах, чем другим, более знаменитым произведениям Джейн Остин, может быть потому, что его тема и главная героиня кажутся незначительными или попросту не слишком достойными внимания. Однако, как пишет М. Кеннеди, героиня, даже если она может показаться глуповатой и недалёкой, при более пристальном изучении проявляет себя как незаурядная личность. М. Кеннеди высоко оценивает и присущее Дж. Остин мастерство композиции. Она пишет о том, что каждый из персонажей, даже второстепенных, образуют частичку единого целого – композиции романа. «The supporting cast is small but perfectly in key with her. There is not a single character which does not contribute to the whole composition». Таким образом, М. Кеннеди делает вывод о том, что технически роман безупречен (3, 63).

Элизабет Хардвик начинает свое послесловие к роману «Аббатство Нортэнгр» (3.) с оценочной характеристики ранних произведений Джейн Остин, полагая, что сам по себе факт написания таких романов как «Аббатство Нортэнгр», «Здравый смысл и чувствительность», «Гордость и Предубеждение» в столь молодом возрасте (20-23 года) является свидетельством гениальности их автора.

Э. Хардвик обращает внимание на то, как нелегко было Джейн Остин «пробиться к читателю», вызвать интерес к своим книгам, в частности к «Аббатству Нортэнгр», ведь популярность готических романов была в конце XVIII – начале XIX в. слишком велика, чтобы публику мог увлечь сюжет из реальной жизни.

Э. Хардвик в отличие от М. Кеннеди, обратившей внимание на сложность характера Кэтрин Морленд, уделяет больше внимания отрицательным персонажам. Способность Джейн Остин изобразить в характерах Изабеллы и Джона Торпа или генерала Тилни проявления вероломства, жадности, тщеславной погони за богатством представляются Э. Хардвик выражением еще одной грани таланта Джейн Остин – ее умения воссоздавать весьма распространенные человеческие типы своего времени.

Предисловие Энн Эренпрайс к изданию «Аббатства Нортэнгр» 1972 года интересно с историко-литературной точки зрения. Э. Эренпрайс подробно анализирует содержание, идеи, развитие сюжетов и главное – особенности характеров в готических романах, раз и навсегда заданных и далеких от естественности.

Характер героини «Аббатства Нортэнгр» создан явно по контрасту с ними и, в глазах критика, это делает честь таланту молодой писательницы.

Э. Эренпрайс приводит спорное, на наш взгляд, мнение критиков, которые считают, что готические эпизоды романа недостаточно органично сливаются с повествованием о молодой героине. Сама Э. Эренпрайс видит роль Кэтрин Морленд в том, что ее образ выполняет важную функцию в антиготической сатире Джейн Остин. И тема романа, и образ его главной героини представляются нам более значительной и многоплановой, выходящей за рамки пародии на готический роман.

Определение жанровой специфики, а также роли пародийных элементов в этом произведении составляет цель данной статьи.

Сама Джейн Остин уже в начале своего романа указывает на то, что для нее главным достоинством этого жанра является та возможность глубоко и полно исследовать человеческие характеры, которые он дает.

В архитектонике романа выделяются две сюжетные вершины: поездка героини в Бат, первое знакомство с миром взрослых, первый опыт познания человеческой природы, и поездка в аббатство Нортэнгр, где книжные представления о жизни, почерпнутые из готических романов, проверяются реальной жизнью.

И тот, и другой опыт очень важны. Но всем путешествиям предшествует первая, вступительная глава. Организуя внешне объективное, беспристрастное повествование, когда создается впечатление, что автор полностью растворен в тексте, Джейн Остин постоянно подает сигналы своего присутствия. Их проявлением становится мягкий юмор, с каким описывается детство и отрочество Кэтрин.

Насмешливым вызовом, принятым для нежной романтической барышни канонам поведения, звучит описание детских увлечений Кэтрин: «She was fond of all boy's plays and greatly preferred cricket not merely to dolls, but to the more heroic enjoyments of infancy» (1, 11). Насмешки автора направляются не против Кэтрин, а против образов героинь модных романов. О Кэтрин пишется, что она «had by nature nothing heroic about her», но как раз ее увлечения («preferred cricket, baseball, riding on horseback, and running about the country at the age of fourteen, to books») (1, 11) говорят о том, что она росла смелой, храброй девочкой.

Называя процесс воспитания Кэтрин словом *improvement*, Джейн Остин уточняет, что в результате она не научилась ни рисовать, ни музицировать, ни писать сонеты. Так в контексте первой главы слово *improvement*, получая свое противоположное значение, создает юмористический эффект.

Представление о том, какое образование получает Кэтрин, дает перечисление отдельных двустиший модных поэтов, которые она заучивала, и без всяких авторских комментариев становится ясным, что ее образование было поверхностным. Но сами цитаты, например строки Грея «Many a flowers is born to blush unseen» или А. Попа, или Шекспира несут важную функцию: строки поэтов, которые заучивали школьники в конце XVIII века, создают фон повествования, передают атмосферу эпохи.

Характеризуя мать героини как женщину ясного ума и доброго нрава, Джейн Остин чуть «снижает» ее образ, подчеркивая, что особенно замечательным в ней было доброе здоровье. Так противопоставляя возвышенный образ матери романтической героини образу миссис Морленд, Джейн Остин все время возвращает своих читателей к реальной жизни.

Писательница выделяет в миссис Морленд то, что ей самой так симпатично: добрый нрав, уравновешенность, терпение, но она не допускает никакой сентиментальности в описании внутрисемейных отношений. Это особенно заметно в сцене отъезда Кэтрин, когда миссис Морленд просит ее получше кутать горло и вести запись расходов, но ни словом не упоминает никаких лордов и баронов, со стороны которых ее дочери может грозить опасность.

Так на небольшом пространстве текста (в книге это занимает 4 страницы) излагается история детства и отрочества героини. И возникает образ человека искреннего, правдивого и очень доверчивого, который не ведает, что люди могут быть

двуличными, расчетливыми, жестокими. Фантазия Кэтрин могла легко создать картины каких-нибудь средневековых ужасов, а вот понять побуждения и поступки реальных людей, с которыми сталкивает ее жизнь, Кэтрин была не в состоянии.

Каждая глава дальнейшего повествования наполняется у Джейн Остин тем внутренним напряжением, которое и составляет подлинный драматизм повседневной жизни.

Вот полная предвкушений радостей Кэтрин едет в Бат. Эпитеты, характеризующие место действия, *fine and striking* (очаровательные, поразительные окрестности) и внутренне состояние Кэтрин (*eager delight* – восторженное нетерпение), усиленные перечислением антонимичных наречий: *here, there, everywhere* дают очень точное представление о душевном состоянии юной провинциалки, вступающей в большой мир и верящей, что на каждом шагу ее ждут чудеса. Но автор тут же старается умерить романтические надежды героини. На первом балу она чувствует себя очень одиноко, скучает и томится.

Так первые дни пребывания в Бате – это чередование надежд, отчаяния и скуки. Завязка сюжета, самое важное, как потом оказалось, событие в жизни героини – ее знакомство с Генри Тилни – выдержано в спокойных тонах, лишенных какой бы то ни было патетики. «The master of the ceremonies introduced to her a very gentlemanlike young man as a partner; his name was Tilney» [1, 19]. Но сам портрет Генри Тилни, в облике которого выделяются *pleasing countenance* (приятная наружность), *very intelligent and lively eye* (умный, живой взгляд), умение вести беседу с некоторой долей насмешки, непринужденно и с воодушевлением, выполняет важную перспективную функцию в создании образа положительного героя, обладающего благородством и обаянием.

В процессе взросления Кэтрин немалую роль сыграло ее знакомство с Изабеллой Торп и ее братом. Начало их знакомства очень обрадовало Кэтрин.

Кэтрин верит, что их дружба нежна и крепка. Но доверчивую и наивную Кэтрин подстерегает много коварных неожиданностей. Привыкшая верить буквальному смыслу того, что произносит собеседник, она никак не может понять, что Изабелла всегда стремится к тому, что на словах отвергает.

Неискренность Изабеллы, так же, как и ее черствость, проявляются постоянно. Уверяя, что никакое мужское общество ее не интересует, она с легкостью может оставить Кэтрин в полном одиночестве, чтобы самой весело проводить время с братом своей подруги.

Особенно злые шутки проделывает брат Изабеллы – Джон Торп. Этот молодой человек весьма тщеславен, недалек, хвастлив. На Кэтрин он обратил внимание, думая, что она – богатая наследница. Но и в этом случае он не слишком обременяет себя ухаживанием. Много уроков, много горького жизненного опыта извлекла Кэтрин из знакомства с Джоном Торпом.

Джейн Остин не резюмирует эти уроки в каких-то нравоучительных строках, нет, они предстают перед нами в виде живых сцен: Кэтрин на балу, забытая Джоном Торпом или Кэтрин, умоляющая Джона Торпа остановить карету, дать ей возможность поговорить с Генри Тилни и его сестрой.

Столкновение с людьми, которых Кэтрин считала своими друзьями, но которые оказались столь коварными, производит перемену в ее характере. Прежде всего, она проявляет твердость духа и ни за что больше не поддается на уговоры брата и сестры Торп. Она учится поступать в соответствии со своим пониманием должного.

Но ей предстояло еще одно, более суровое испытание, которое началось с, казалось бы, счастливого для нее события: отец Генри, суровый генерал, при встрече с которым она испытывала огромное стеснение и даже страх, вдруг пригласил ее погостить в их родовое поместье Аббатство Нортэнгр. Ее завораживает слово «аббатство». Увлеченная романами Анны Радклифф, она жаждет необыкновенных приключений: сама по себе жизнь в доме, построенном в средние века, уже кажется ей

необыкновенно романтической. Как скоро она сама будет с улыбкой и даже со стыдом думать о своих романтических предчувствиях!

Роман «Аббатство Нортэнгр» принято называть пародией на готический роман. Таково, например, мнение К. Атаровой, автора предисловия к одноименному сборнику, включающему роман А. Радклифф «Роман в лесу» и роман Джейн Остин «Аббатство Нортэнгр», выпущенному в издательстве «Радуга» в 1983 г.

Роман Джейн Остин представляется нам скорее романом о становлении характера молодой героини, чем пародией на готический роман. Но некоторые элементы пародии в нем, безусловно, присутствуют. XXI-XXIV главы, посвященные первым дням пребывания Кэтрин в Аббатстве Нортэнгр, имеют тот пародируемый фон, ту «неувязку» двух планов (плана самого романа и плана пародируемого произведения), ту «механизацию определенного приема и организацию нового материала с помощью механизированного старого приема», которые, по мнению Ю.Н. Тынянова, и составляют суть пародии.

В этих главах в ироническом ключе изображаются романтические ожидания героини, которым противопоставляется реальная жизнь в поместье.

В главах, посвященных пребыванию Кэтрин Морленд в Бате, основным композиционным приемом была антитеза: разговоры и эпизоды, связанные с братом и сестрой Горп, четко противопоставлялись встречам и беседам героини с братом и сестрой Тилни. В этих коллизиях определялись взгляды, вкусы, пристрастия молодой героини.

С развитием действия в пространстве несколько видоизменяются и художественные приемы. Дальнейшее формирование характера Кэтрин связано с тремя испытаниями, которым она подвергается в Аббатстве Нортэнгр, и, выйдя из которых, она избавляется от многих иллюзий.

Первый из «готических» эпизодов романа, когда Кэтрин перебирает ящики старинного комода, надеясь найти какие-нибудь древние бумаги с таинственными знаками, дан в романтическом обрамлении: внезапно погасшая свеча, мрак в комнате, поднявшаяся за окном буря, завывания ветра. Состояние напряженного ожидания характеризуют экспрессивные глаголы и наречия: сердце *учащенно билось* (Catherine's heart *beat quickly*), щеки *пылали* (a cheek *flushed* by hope), глаза напряженно *всматривались* (an eye *strained* with curiosity). Пик этих эмоций охарактеризован фразой: «her feelings at that moment were indescribable. Her heart fluttered, her knees trembled and her cheeks grew pale», то есть сердце ее трепетало, колени дрожали, лицо побледнело, чувства ее в тот момент не поддаются описанию.

Дж. Остин имитирует некоторые внешние признаки готического романа. Атрибуты готического романа – зловещая темнота в комнате, завывания бури за окном – используются Джейн Остин для достижения комического эффекта. Гиперболизированные страхи и ожидания Кэтрин получают комическое разрешение: в бумагах, найденных Кэтрин, не было ничего таинственного, это были всего лишь счета от прачки и кучера. Так, используя шаблонные для готического романа гиперболизацию и повышенную эмоциональность, писательница разреживает их прозаизмами.

Эффект обманутого ожидания используется и во втором «готическом» эпизоде, когда Кэтрин заподозрила, что генерал Тилни виновен в гибели своей жены. Отправляясь на поиски укрытия, куда могли заточить бедную женщину, она оказывается в светлой просторной комнате, обставленной изящной мебелью. Гамма чувств, испытываемых при этом Кэтрин, включает в себя и удивление, и сомнения, и горький привкус стыда.

Собственно пародийные моменты романа исчерпываются этими двумя забавными эпизодами. Потому что третье, самое трудное испытание, через которое проходит Кэтрин, имеет уже довольно мрачную, отнюдь не юмористическую окраску.

Генерал Тилни, не мрачный романтический злодей, которого Кэтрин втайне побаивалась, а деспотичный хозяин большого поместья, выгоняет ее из своего дома без всяких объяснений.

И снова не романтически отвлеченные, а чисто меркантильные расчеты оказываются причиной изгнания Кэтрин.

Пока генерал Тилни, благодаря уверениям Джона Торпа, думал, что Кэтрин – богатая невеста, он расточал любезности, когда он узнал (благодаря все тому же Торпу), что большого приданого за Кэтрин не дадут, он поспешил от нее избавиться.

Так кончились для Кэтрин романтические грезы, она стала взрослым человеком, понявшим, что такое зло, умеющим постоять за себя, за то, что ей дорого в жизни, знающим, какие люди близки ей по духу.

Таким образом, каждое событие в романе, то есть каждый элемент сюжета используется автором для раскрытия характера героини в его становлении и развитии.

Герои романа разделяются не по социальному, а по этическому принципу. У Джейн Остин вызывают глубокую неприязнь любые проявления тщеславия, черствости, расчетливости. Группе персонажей, наделенных этими чертами (брат и сестра Торп, генерал Тилни), противопоставлены те герои романа, которые воплощают человеческий идеал писательницы: родители Кэтрин, Элеонора Тилни и, конечно же, больше всех Генри Тилни. Это люди, которым претит всякая аффектация чувств, но которым, в высшей степени, присущи благородство, уважение к человеческому достоинству, простота и чувство юмора.

Различен и язык персонажей. Лексика и синтаксис фраз Джона Торпа крайне примитивны. Это, как правило, - краткие предложения из трех-четырех простейших слов повседневного обихода, маркированные восклицательным или вопросительным знаком, они демонстрируют его самомнение, неуравновешенность, стремление привлечь к себе внимание, невоспитанность.

«You men have such restless curiosity. Talk of the curiosity of women, indeed! 'Tis nothing...» (1, 47) - такие многозначительные обобщения любит произносить Изабелла, всегда стремящаяся привлечь к себе внимание мужчин. Ее аффектация, притворство, неискренность звучат в преувеличенных похвалах в адрес мисс Тилни («Oh! Heavens! You don't say so! Let me look at her this moment. What a delightful girl! I never saw anything half so beautiful!») (1, 47), и в бесконечном повторении слащавого обращения к Кэтрин «мое милое создание». За лживыми уверениями в любви и преданности к подруге скрывался холодный расчет на богатство родителей Кэтрин и ее брата. Когда же расчеты Изабеллы не оправдались, она без колебаний отвернулась от своего жениха Джеймса Морленда.

Совершенно иначе звучит и выглядит речь Генри Тилни. Это – речь образованного, хорошо воспитанного человека, отличающаяся богатством и разнообразием языка и синтаксических конструкций, это – речь человека, хорошо разбирающегося в людях.

Главным средством самовыражения автор выбирает иронию. Каждая страница романа пронизана авторской иронией. Когда речь заходит об отъезде Кэтрин из родного дома, звучащие как явное преувеличение эпитеты, характерные для темы разлуки в готических романах (*terrific separation* – ужасная разлука, *the violence of such noble men* – наглые притязания благородных джентльменов – (1, 13)), создают тот иронический эффект, благодаря которому авторская речь приобретает задиристо-полемическое звучание. Случается, что иронический комментарий автора несет импликационную нагрузку, потому что в нем зорко подмечаются какие-то нюансы человеческих отношений и человеческой психологии. Так, говоря что Кэтрин искренне стыдилась своего невежества, Джейн Остин замечает, что стыдилась она напрасно, ибо: «A woman especially if she have the misfortune of knowing anything should conceal it as well as she can» (1, 94).

Употребленное в целях травестировки существительное *misfortune* придает иронический смысл всей фразе. Оно вскрывает широко распространенный взгляд на то, что глубокие знания в какой бы то ни было области, отнюдь не относятся к числу достоинств женщины, а скорее составляют ее несчастье. И афористический характер этого утверждения еще более усиливает его ироническое звучание.

Для описания тех или иных переживаний Кэтрин, широко используются описательные и метафорические эпитеты, благодаря которым читатель лучше понимает и как бы проникается настроением героини: «wild with joyful expectation (1, 199), looking forward to pleasures untasted and unalloyed (1, 199), bitter feelings (1, 192).

Эти примеры взяты из 29-ой и 30-й глав романа, в которых описываются чувства Кэтрин после возвращения домой. Ожидание необыкновенных приключений и радостных встреч (wild with joyful expectation, looking forward to pleasures untasted and unalloyed) которыми была переполнена ее душа всего три месяца назад, когда она ехала в Бат, а потом в поместье семейства Тилни, находятся в таком резком противоречии с тем, во что обернулась эта поездка, что душа Кэтрин не может не преисполниться горькими чувствами (*bitter, feeling*). Эти эпитеты: *wild (greatly excited, необузданный)*, *joyful (happy, радостный)*, *untasted (not tasted, неиспытанный прежде)*, *unalloyed (неподдельный, authentic)*, *bitter (горький, болезненный, painful)* как раз очень точно раскрывают мир переживаний молодой, неопытной героини и горечь унижения, испытанного ею после изгнания из аббатства Нортэнгр.

Уже в этом романе обращает на себя внимание отличие романа Джейн Остин как от готического, так и от просветительского романа. Не приключения героев, развертывающиеся по мере их перемещения, их путешествий, а изменения в сознании героини приобретают у Д. Остин сюжетное значение.

Само использование элементов пародии было вполне актуальным, оно указывало на то, что готический роман уже начал себя изживать. Джейн Остин, занимая критическую позицию по отношению к авторам готических романов, не стремится полностью их дискредитировать в глазах читателей. Поэтому «готические» эпизоды ее романа можно отнести скорее к юмористической, чем к сатирической пародии (по терминологии О.М. Фрейденберг). Пародийные сцены играют в романе вспомогательную роль, являясь неким дидактическим компонентом романа воспитания.

Единство образа главной героини достигается благодаря способности Кэтрин учиться, набираться жизненного опыта, переосмысливать свое отношение к окружающим, то есть меняться. Именно потому, что в романе «Аббатство Нортэнгр» изображен характер в становлении и развитии, он и может быть назван романом воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. AUSTEN, Jane. *Northanger Abbey*, N.Y.: A Signet Classic from New American Library, L.: The English Library Limited, 1972.
2. HARDWICK, Elizabeth. *An Afterword to Jane Austen's. Northanger Abbey*. N. Y. – Scarborough, L.: A Signet Classic from New American Library, 1965.
3. KENNEDY, Margaret. *Jane Austen*. L., 1966, p.63.
4. ФРЕЙДЕНБЕРГ, О.М. Происхождение пародии. *Труды по знаковым системам*. Т.6, в.308, Тарту, 1973.
5. ТЫНЯНОВ, Ю.Н. *Поэтика. История литературы. Кино*. Москва.: Наука, 1977.

Ann Paley

Omsk State Pedagogical University, Russia

JANE AUSTEN'S NORTHANGER ABBEY: A NOVEL OF EDUCATION OR A PARODY OF A GOTHIC NOVEL?

Summary

The detailed analysis of Jane Austen's novel *Northanger Abbey* (its compositional design, the way of character drawing and stylistic expressive means) leads to the conclusion that the so-called gothic episodes of the novel, that is the elements of a parody in it, play the role of a certain didactic component in the realistic novel of education.

The capacity of the heroine to enlarge her scope, her desire, to improve herself, her will to expand her mind and her knowledge of life; all these characteristic features of Katherine Morland are specific for the character of a psychological realistic novel. And to this type of the genre *Northanger Abbey* belongs.

KEY WORDS: realistic novel, gothic novel, novel of education, didactic component.

Олег Перов

Вильнюсский университет, Литва

Эл. почта: kodex333@yandex.ru

МОТИВ ЧЕРТЫ И ПРИНЦИП РАЗДВОЕНИЯ СОЗНАНИЯ В РАССКАЗЕ Л. ТОЛСТОГО «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО»¹.

В данной статье представлено исследование одного из произведений позднего Л. Толстого — рассказа «Записки сумасшедшего». Основной объект анализа – реализация мотива ЧЕРТЫ и объяснение принципа раздвоения сознания в этом произведении. Можно также говорить о наличии ряда других типологических черт стиля позднего Толстого: эффект всеобщей связанности, определение чувства бессознательного, специфически реализованный культурно-исторический контекст, своего рода – поток жизни, экзистенциальный характер конфликта, остранение ситуации – всё это создаёт многоуровневую сложнейшую общность внутри текста, в которой отражены и в особой форме представлены стилеобразующие и этические элементы творчества позднего Толстого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *мотив ЧЕРТЫ, раздвоение сознания, чувство бессознательного, поток жизни, остранение ситуации, этические элементы, новое мировоззрение, метафизика, пограничное состояние, движение в образе, новый смысл, природа страха, культурная сфера.*

«Записки сумасшедшего» – это произведение, которое создавалось с долгой выдержкой (сохранился автограф отрывка, относящийся к 1884 году). Толстой возвращался к работе позднее: в 1887, 1894 и 1903 годах, но впервые рассказ был опубликован только в «Посмертных художественных произведениях Л. Толстого» в 1912 году. Работа не случайно заняла такой большой период времени – именно в этом рассказе в определённо – личной, откровенной и при этом художественно – выверенной форме был представлен «излом», возникший внутри личности автора. Он привёл к пересмотру тех вещей, которые казались незыблемыми, определил в основных чертах новое мировоззрение.

Исходная точка – личные впечатления самого Толстого, то, что он испытал в сентябре 1869 года, когда ехал в Пензенскую губернию с целью купить имение. Она связана с одним из основополагающих не только художественных, но и жизненных принципов Толстого – осмыслением действительности, не только с внешней стороны, исходя из причинно – следственной связи и обоснованности происходящего, но осмыслением глубинным, метафизическим, бытийным.

«Основным «инструментом» Толстого становится проблемная повесть с напряжённым драматическим сюжетом. Он ставит своих героев в остроконфликтные кризисные ситуации, когда им открывается неправильность их жизни, взглядов и отношений, в истинности которых они в своём будничном размеренном существовании никогда ранее не сомневались» (5, 70).

Это вопрос: зачем я это делаю (еду, планирую, приобретаю, рассчитываю), но в глубине – зачем я живу и зачем потом умираю. Этот рассказ, в своём роде отблеск, отражение того, о чём Толстой говорил в своей «Исповеди».

С первого взгляда, в самом названии есть попытка определить ракурс восприятия. Норма — понятие растяжимое и относительное, но многие правила установлены и соблюдаются, а те, в ком начинает проявляться «потустороннее», обычно вызывают ужас (или почтение – как странники, юродивые). Интересно отметить то, что в данном случае нет необходимого авторского отстранения от объекта (в большей или меньшей степени), разговор идёт о самом себе. И уже трудно говорить об излишнем рационализме,

последовательности, правильности, которые у Толстого впоследствии определялись как недостаток.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что «XX век явил новые формы реализма. Это сближение «вечных» и «временных» категорий мысли, отход от традиционного, подробно – описательного повествования к концентрированному, часто символически — обобщённому воссозданию реальности» (4, 102). Персонаж поставлен в ситуацию необходимости выбора, решения, а сам, как личность проходит испытание «на прочность».

Происходит «размыкание» времени. Он возвращается в прошлое. Вообще — время у Толстого растягивается, сужается, в нём возникают разрывы, это необходимо для эффекта «всеобщей связанности», для обоснования того, что случайностей не бывает, существуют закономерности, которые трудно обнаружить. Он возвращается в детство для определения первопричины, исходного импульса к настоящему «странному» состоянию. Это определение чувства бессознательного, но не коллективного, рассуждения о котором стали так модны потом, а глубоко – личного. Можно наблюдать резкий прыжок, откатывание от чувства «всеобщей любви» до чувства немотивированного ужаса. На этой внутренней эмоциональной «разности потенциалов» строится образ в своей основе. Сознательное (реальное) и бессознательное (непознанное: мифическое, символическое, метафизическое) вводятся в сферу художественного исследования и обладают в ней равными правами. Здесь исток того пограничного промежуточного состояния (а иногда – бредового и болезненного) между явью и сном, к которому Толстой был особенно внимателен.

Далее воссоздаётся «поток жизни», который внешне естественен, закономерен, типичен во многих своих чертах. Более того, вокруг главного образа смоделирован мир «нормы». Он необходим, чтобы было поле сравнения с другим пространством.

Предположим, что для Толстого было бы слишком просто выстраивать сюжет на основе каких –нибудь бинарных систем (мир внешний – мир внутренний), вопрос в другом: если, например, в русском модернизме внешний мир был ландшафтом, в котором искусно спрятаны Знаки, символы *потустороннего*, того, что может объяснить происходящее, то у Толстого, чтобы понять – надо погружаться внутрь глубже и глубже в поисках Первопричины.

Последующее описание «нормальной» жизни чем – то напоминает анкету (по стилю и содержанию). Сознательно подчёркивается своего рода незначительность происходящего – это не жизнь, а всего лишь плавное *скольжение* по её поверхности.

«...я поступил в гимназию, затем и в университет, где и закончил курс по юридическому факультету. Потом я служил немного, потом я сошёлся с моей теперешней женой и женился и жил в деревне, как говорится, воспитывал детей, хозяйничал и был мировым судьёй...» (1, 45).

Процесс становления, вращивания в почву, землю, общество, поиск «своего места под солнцем...» безусловно важны, необходимы с бытийной точки зрения. Но как часто бывает это ощущение, которое появляется не в одном и не в двух произведениях Толстого «всё хорошо, но что – то не так...» Постоянное движение, *течение* внутри образа делает его неоднозначным, он *двоится*. И замысел не в том, чтобы использовать старый как мир приём – строить произведение на конфликте, а в совершенно другом взгляде на человека. На человека, который неожиданно обнаруживает, что «узел» завязался не где –нибудь, а у него внутри, что эта проблема носит характер экзистенциальный, это вопрос его личного выживания, а окружающий мир — ни при чём. Это связано с ощущением Толстым «запредельного», того, до чего мешала дотянуться «земная физика».

В этом смысле можно отметить общее обстоятельство, связанное с новым пониманием образа. «Категория образа, которая вполне удовлетворяла живопись, отчасти поэзию, в XIX веке уже перестаёт удовлетворять литературу. И чтобы отличить её

содержательную специфику как мышления от науки, родилась категория художественной идеи» (2, 78).

«Излом» приходится на тот момент, когда он решает приобрести имение. Действие исполненное «рацио», но присутствует и вполне естественное желание – пусть ЭТО будет моё. Поездка весёлая, слуга такой же молодой добродушный человек, как и он сам. Но возникает «провал» в другое пространство – сон. А там – вопросы по существу и в самом прямом смысле этого слова.

«Наступила ночь, мы всё ехали. Я задремал, но вдруг проснулся. Мне стало чего – то страшно. «Зачем я еду? Куда я еду?» – пришло мне вдруг в голову. Не то чтобы не нравилась мысль купить дёшево имение, но вдруг представилось, что мне не нужно ни за чем в эту даль ехать, что я умру тут в чужом месте и мне стало страшно» (1, 46).

Появляется тон, который впоследствии усилится до навязчивой, сводящей с ума, проламывающей все перегородки в душе мысли. Да и вообще – зачем делать это (имение, землю) «своими», если я сам «не свой», ощущаю неизбежность конца, полное исчезновение всего. И соотношения «я и мир» уже не существует. Скорее, я — это мир. И этот мир в одной короткой вспышке может исчезнуть.

В дальнейшем, описание дома, в котором он остановился, усугубляет это чувство – мутное ощущение тревоги, беспокойства, страха. Хуже всего то, что нет объяснений, рациональной причины для этого страха. Как известно, лишних деталей у Толстого не бывает, всё расположено по своим местам. Сама «физика» (звук, вид) «материи» (дома) погружают в ещё больший ужас.

«Домик был белый, но ужасно мне показался грустный. Сергей бойко, живо вытаскивал, что нужно, бегая и стуча по крыльцу. И звуки его ног наводили на меня тоску. Я вошёл, был коридорчик, заспанный человек с пятном на щеке, пятно это мне показалось ужасным, показал комнату. Мрачная была комната...» (1, 46).

Происходит то, что типично для стиля, манеры, эстетики позднего Толстого, то, что важно в смысле содержательном – это всеобщее оживление – домик грустный, даже пятно, хотя и находится в живом, но само живёт какой – то особой жизнью. Домик, слуга, сторож, комната – всё в одном ряду. Проявляется то, о чём уже упоминалось ранее, переход в особое состояние – ни бодрствования, ни сна – **сумерки сознания**.

Все «смыслы» осыпаются, начинается вглядывание в ужас жизни, а оно ведёт к кружению, вращению вокруг смерти. Всё, что до этого было значимо – лишается смысла. Известно то, как Толстой иронизировал над историческим подходом в толковании судьбы человека, он настаивал на погружении в его конкретно – чувственную природу, исследовал её.

Страх начинает раскалывать личность, **образ раздваивается**.

«Мне страшно было встать, разгулять сон и сидеть в этой комнате было страшно. Я не встал и стал задрёмывать. Куда я везу себя? Отчего, куда я убегаю? – Я убегаю от чего – то страшного и не могу убежать. Я всегда с собою и я – то и мучителен себе. Не могу уйти от себя» (1, 47).

Эти резкие *переливы* в повествовании, раскачивание сознания от одного полюса к другому, эта внутренняя неоднородность и многослойность, которые собраны в единое целое, свойственны только большому стилю. На некоторое время отстраняясь от чисто эстетического, можно говорить о погружении в очень сложный культурно – исторический слой, а более конкретно – в философскую сферу. Это прочувствование в своей жизни, сознании, судьбе эстетической (и в то же время этической) категории **катарсиса**, то есть, очищения через страдание. Это прохождение через ужас, отчаяние, сам процесс интересует Толстого, но не менее важны те мысли, которые осуществляют общий запуск ко всему происходящему. А вот и результат этих предварительных мыслей.

«Да что за глупость, - сказал я себе. Чего я тоскую, чего боюсь. – Меня, - неслышно отвечал голос смерти. Она вот она, а её не должно быть. Всё существо моё»

чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть. И это внутреннее раздиранье было ужасно» (1, 47).

Это уже конкретика причинности, из общего состояния мутного ужаса, непонятного в своём происхождении, локализуется определённая **черта**, рубеж, граница, она носит всеобщий характер – это смерть. С жизни опадают все "смыслы", её "одежды". Человек находится в ситуации выбора, инерция «нормальной», здоровой жизни исчерпана, надо найти выход. А решения может быть два: или сойти с ума реально, в буквальном смысле этого слова; или найти для себя новый Смысл.

Своё отождествление с собственным Я, именем является стартовым двигателем для самых сильных проявлений: воля к власти как желание оставить Имя в истории, оно же – в потомстве, в деяниях. А состояние ужаса нарастает до неизбежного предела.

«Я лёг было. Но только что улёгся, вдруг вскочил от ужаса. Жутко, страшно, кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно» (1, 47 – 48).

Есть точка зрения, что у Толстого представлен апофеоз язычества: радость животная и несдержанная жизнью естественной и земной. В самом факте существования, жизни – великая правда бытия. А семейное (родовое, племенное) начало без лишних сомнений разматывает вечную Цепь Жизней, которая даёт миру смысл, значение и красоту.

Но «сцепление» реализуется на самом высоком уровне. Жизнь и Смерть объединяются, а пространство между ними сужается, его почти не видно. В художественной сфере происходит слияние двух несовместимых понятий, их взаимозамещение, пожалуй, ни один модернист не осмеливался «закрутить» столь лихой парадокс.

«Как — то жизнь и смерть сливались в одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать. Ещё раз проиёл, посмотрел на спящих, ещё раз попытался заснуть, всё тот же ужас красный, белый, квадратный. Рвётся что-то, а не разрывается» (1, 48).

«У Толстого наряду с противоречием огромную роль играет различие. У него конкретность образа может создаваться тем, что он стянут противоречием. Но может создаваться и тем, что в образе представлена полнота различий, переходы между ними, их движения друг к другу» (3, 61). По Кьеркегору: «только дошедший до отчаяния ужас развивает его высшие силы». Но отчаяние – чувство совсем не христианское. Тем не менее, используется возможность остановить страх с помощью ритуала.

«Что меня сделало? Бог, говорят, бог. Молиться, вспомнил я. Я давно, лет двадцать не молился и не верил ни во что. Я стал молиться. Господи помилуй, отче наш, богородицу. Я стал сочинять молитвы. Как будто это развлекло меня, развлёк страх, что меня увидят. Но стоило мне лечь и закрыть глаза, как то же чувство ужаса толкнуло, подняло меня» (1, 48).

Это обращение к другому уровню, который по преданию, традиции должен «работать». Есть только один нюанс, который мешает – сама упорядоченность, конгломерат условностей выдавил содержание полностью. Осталась религиозная форма, громоздкая культурная процедура. Можно поставить вопрос другим образом: что перевешивает «по ощущению» – изначально – природное, земное или отвлечённо – абстрактное, хотя бы в форме Легенды.

Всё-таки прав был В. Розанов, когда говорил, что «в здоровье человек – естественный язычник, в болезни – естественный христианин». И всё же феномен арзамасского ужаса остаётся загадочным. И в то же время он вполне реален и не относится к категориям чистой диалектики. Толстой был близок к самоубийству по причине тотального отчаяния – это видно по его «Исповеди». Многие связывают у Толстого чувство бессмысленности жизни со страхом смерти. Но это смерть не в своей «естественной» форме, Толстой достаточно часто видел её вблизи – во время войны на

Кавказе, под французскими ядрами на четвёртом бастионе в Севастополе, на охоте, выходя один на один с медведем. В этом смысле в одном из предыдущих отрывков можно выделить принципиально важное, ключевое словосочетание – «умирающей жизни страшно». Это не страх за смерть плоти, а страх перед полным исчезновением того нечто, что является духом, сознанием, центром всех мыслей и чувств. Этот ужас сигнализировал о возможности утраты *вечного* элемента в себе.

Итак, герой «Записок сумасшедшего» едет дальше с целью приобрести имение, но это материально – обусловленное, внешнее движение становится второстепенным, по сравнению с тем, какой *шорох* начинается внутри. Он возвращается домой и чувствует перемену.

«Я жил прежде начатым, продолжал катиться по проложенным прежде рельсам прежней силой, но нового ничего уже не предпринимал. И в прежнем начатом было уже у меня меньше участия. Мне всё было скучно» (1, 49).

Природа страха противоречива: это нечто ужасающее и влекущее одновременно. Это чувство заставляет искать в бытии более напряжённые и возвышенные взаимосвязи. В дальнейшем сюжетный ход обладает круговым движением. Он снова едет по делам, уже в Москву. И снова социально – необходимое начало – дело, один из тех земных «смыслов», которые не дают погрузиться ниже определённого уровня. Но «излом» уже начался, он увеличивается, и страх приобретает новую – рельефную, более отчётливую форму.

«Было дело о процессе. Я приехал в Москву весело. Дорогой разговорились с харьковским помещиком о хозяйстве, о банках, о том, где остановиться, о театрах. Решили остановиться вместе на Московском подворье, на Мясницкой, а нынче же поехать на «Фауста» (1, 49).

И название спектакля приведено не только ради точности описания, но несёт внутри определённый заряд: Фауст, как символ непрекращающейся тяги к беспредельному знанию, как символ, кроме всего прочего – тоски на грани смерти.

И он снова попадает в отдельное пространство, пока – просто комната, отведённая для ночлега.

«Тяжёлый запах коридора был у меня в ноздрях. Огонь ожил и осветил синие с жёлтыми полосками обои, перегородку, облезший стол, диванчик, зеркало, окно и узкий размер всего номера. И вдруг арзамасский ужас шевельнулся во мне. «Боже мой, как я буду ночевать здесь», - подумал я» (1, 49).

И этот внутренний монолог, своего рода, поток сознания продолжается.

«Что за вздор, - подумал я, - чего я боюсь... Привидений я не боюсь. Да, привидений... лучше бы бояться привидений, чем того, чего я боюсь. – Чего? – Ничего... Себя...» (1, 49).

Кажется, что в состоянии отчаяния легко потерять своё Я, оно растворяется, но Вечность опять возвращает к этому Я, как к носителю, обладателю отчаяния, заставляет проходить сквозь него. И общеизвестное декартовское «мыслю, следовательно, я существую» в этой ситуации «не работает». Можно мыслить силлогизмами, литыми, чеканными формулировками, готовыми истинами, но только до определённого момента, потом что – то не сходится. В ткань повествования органично вплетается мотив, который можно обнаружить и во многих других произведениях позднего Толстого – преграда, то есть Черта, за которой присутствует Нечто. Это мифологический мотив «присутствия за...» какой – то преградой *непознанного*, того, что вызывает ужас. Но как просто, как бы между делом у Толстого проходит мысль, указание на это.

«После театра харьковский помещик предложил заехать поужинать. Это было вне моих привычек, но когда мы вышли из театра он предложил мне это, я вспомнил о перегородке и согласился» (1, 12, 50).

Последний внелогический (с традиционной точки зрения) ход сознания передаёт не абстракцию мысли, мышления, а совершенно другой их модус. Резкие «повороты»,

поставленный в виде, практически, риторических вопросов, указывают на безысходность, описываемую в предельно ясных выражениях, более того, если смотреть в комплексе, то это сводится к цинизму, впрочем, это всего лишь другое название для откровенности.

«Всю ночь я страдал невыносимо... «Я живу, жил и должен жить, и вдруг смерть, уничтожение всего. Зачем же жизнь? Умереть? Убить себя сейчас же? Боюсь. Дождаться смерти, пока придёт? Боюсь ещё хуже. Жить, стало быть? Зачем? Чтоб умереть» (1, 50).

Очень распространено мнение, что Толстой — плохой мыслитель. Да, если рассматривать мышление как сферу артистизма, игры, то Толстой весьма далёк от виртуозности, «мужиковат и танцует неважно». Но при этой виртуозности мышления, когда нет корреляции между стилистическим жестом и его возможным этическим наполнением – вся «философия» превращается в лавину бумажных листов, которые с шорохом несёт по поверхности земли. Толстой мыслил личным, «вещественным» составом, «замыкая» всё на себе, но в результате выходила вполне обоснованная претензия на вечность. С другой стороны, это не «поучение», которое всегда стараются отыскать у Толстого. Какой смысл воспитывать других, если твоя индивидуальная греховность никуда не исчезает.

Об отношении Толстого к религии сказано много, проблема в том, что он к ней не «относился». Но есть фрагменты, где разговор идёт об этом «по существу». Это отражение ещё одной попытки прийти к относительно спокойному состоянию. Но ритуал, молитва уже не помогают, потому что НИЧЕГО эксплицируется, расширяется, нет ему границ. И религия, как культурная процедура, становится неактуальной. Надо решать вопрос личной веры. Или – её отсутствия.

«Просите, и дастся вам, вспомнилось мне, и я просил. И в этом прошении я находил не утешение, а отдохновение. Может быть и не просил, я отказался от него. «Ты на пядень, а он от тебя на сажень». Я не верил в него, но просил, но он всё-таки не открыл мне ничего. Я считался с ним и осуждал его, просто не верил» (1, 51).

Не сформулировано – прочувствовано и изложено в такой простой форме. Это характеристика не только стиля, но и образа мышления «по существу». Толстой упоминает то, что присуще всем – стремление скрыться, желание отойти от насущно – смертных вопросов.

Сам Толстой сначала скрывался за своё тело, плоть, она в молодости и отчасти в зрелости даёт иллюзию бессмертия, потом – за свой пластический талант, Искусство даёт приятное забвение и не только, это существенно новый уровень, который позволяет «не думать» (не сходить с ума), быть причастным к другой – надземной: эстетической, культурной сфере; потом – за брак, семью, это корни, пожалуй, самые явные, зримые, которые держат в почве эмпирической действительности. Но всё равно Некто (Бог, непознанное, безмерное) настигало и всё становилось относительным и ненадёжным. Тем не менее, происходит последнее возвращение к тому, что было, прежнему стилю и образу жизни, но уже с новыми акцентами, с иным настроением. Состояние ожидания тоже важно, в нём начало движения к выходу.

«Жизнь же свою я наполнял не хозяйством, оно отталкивало меня своей борьбой – энергии не было, - а чтением журналов, газет, романов, картами по маленькой. И единственным проявлением моей энергии была охота по старой привычке. Я всю жизнь был охотник» (1, 51).

Если рассматривать ситуацию с точки зрения неизбежного, неотвратимого, то это сопоставимо лишь с древнегреческим понятием *фатума*, — ощущением именно своей судьбы. Есть утверждения о «чисто буддийском фатализме Толстого», но это опять является попыткой прикрепления его мировоззрения к определённой религиозной, философской системе с готовыми ответами и устоявшимися правилами, а всё гораздо сложнее. Бесконечные повторения, слова о неуёмной, гипертрофированной претензии Толстого на общественную значимость весьма предвзяты, ряд знаковых текстов, таких,

как «Записки сумасшедшего», «Исповедь» – обосновывают значимость для самого себя в бесконечной смертной отрешённости.

Для более яркого определения внутреннего состояния смятения, неизвестности, тревоги используется сравнение, которое носит характер символа и оно, как это часто бывает у Толстого – вещественно, осязаемо, природно. В этой точке страх смерти сходится с её реальной возможностью. Он заблудился на охоте.

«Снег был глубок, лыжи вязли, сучки путались. Я поглядел. Кругом лес, не разберёшь, где восток, где запад. Ноги устали. Я испугался, остановился и на меня напал весь арзамасский и московский ужас, только во сто крат больше. Сердце колотилось. Руки, ноги дрожали. Смерть здесь? Не хочу. Зачем смерть? Что смерть? Я хотел по – прежнему допрашивать, упрекать бога, но тут я вдруг почувствовал, что я не смею, что я один виноват» (1, 52).

Если обращаться к каким-то философским определениям, то можно говорить о своего рода **стихийном экзистенциализме**, стремлению к выживанию, когда уже край бездны, когда смерть в двух шагах. Он спасается, находит дорогу (но не только в прикладном, сиюминутном смысле, но и в символическом – выход). Во всяком случае, кажется, что помогло обращение к Высшей Силе, но если бы на этом заканчивалось, то всё решалось бы слишком просто, решалось так, как формулируют в сфере русской религиозной философии, «подтягивая» Толстого к вере (в своём понимании), что какими бы он кругами не ходил, всё равно в результате он «упирался в подножие Креста». Но в тексте вполне определённо говорится о том, что происходит при попытке обращения к религиозным нормам, при попытке пребывать в этой сфере сознания.

«Полное сумасшествие моё... началось с того, что я поехал в церковь, стоял обедню и хорошо молился и слушал, и был умилён. И вдруг мне принесли просвиру, пошли к кресту, стали толкаться, потом на выходе нищие были. Мне вдруг ясно стало, что этого всего не должно быть. Мало того, что этого не должно быть, что этого нет, а нет этого, то нет и смерти и страха, нет во мне прежнего раздиранья и я не боюсь уже ничего...» (1, 53).

В этом необычное раздвоение самой природы Толстого, который, с одной стороны, более, чем кто – либо был причастен, привязан к чувственным, земным формам бытия, к почти животной, безудержной радости жизни во всей её полноте, наслаждении от самого её вкуса, с другой – глубоко внутри отстранён от действительности, занят мучительно – сложным вопросом – зачем всё это, поиском единственно правильного Смысла, Правды.

ЛИТЕРАТУРА

1. ТОЛСТОЙ, Л.Н. Записки сумасшедшего. В *Собрание сочинений: в 22-х т.* Москва: Художественная литература, 1982. Т.12.
2. ГАЧЕВ, Г.Д. Развитие образного сознания в литературе. В *Теория литературы.* Москва., 1962.
3. ДНЕПРОВ, В. Изобразительная сила толстовской прозы. В *В мире Толстого.* Москва: Советский писатель, 1978.
4. КЕЛДЫШ, В.А. На рубеже художественных эпох. В *Вопросы литературы.* (2).1993
5. ЛИНКОВ, В.Я. Мир и человек в творчестве Льва Толстого и Ивана Бунина. Москва, 1989.

Oleg Perov

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lietuva

THE FEATURE AS THE MOTIVE AND THE BIFURCATION OF CONSCIOUSNESS AS A PRINCIPLE IN THE STORY BY L. TOLSTOY “THE NOTES OF MADMAN”.

Summary

This article includes the research of one of the late work by L. Tolstoy, the story “The Notes of Madman”. The main object to be analyzed is realization of the FEATURE as the motive and an explanation of bifurcation of consciousness as a principle. It is worth to consider some other typological features of the late style by L. Tolstoy: the effect of general connection, the sense of unconsciousness, the specific cultural and historical context, so-called stream of life, the existential character of conflict and strangeness of situation. Inside the text, all those features

make polynomial and completed coherence, which emphasizes and highlights some style-forming and ethic elements of the late work by L. Tolstoy.

KEY WORDS: *Feature*, bifurcation of consciousness, sense of unconsciousness, *stream of life*, strangeness of situation, ethic elements, new world outlook, metaphysics, frontier condition, movement in the image (of hero), nature of fear, cultural sphere.

Alīna Romanovska

Universitāt Daugavpils, Lettland

E-mail: alinar@dau.lv

REALISATION DER KONZEPTION DES MENSCHEN VON F. NIETZSCHE IN DER PROSA VON A. AUSTRINSCH

Die Ideen von F.Nietzsche waren am Ende des 19. Jahrhundert – am Anfang des 20. Jahrhundert in Lettland sehr populär. Sie haben viele Autoren beeinflusst. Besonders wichtig waren Ideen, die mit den Vorstellungen über das Wesen des neuen Menschen und über die neue Moral verbunden waren. Die Konzeption des Menschen ist sehr eng mit der Idee des Übermenschen verbunden, weil der Mensch „eine Brücke“, „ein Übergang“ zum Übermenschen ist. Dieses Erfassen ist das größte, was der Mensch in seinem Leben erreichen kann, es harmonisiert teilweise die Persönlichkeit und durch einzelne Persönlichkeiten wird die Gesellschaft im ganzen harmonisiert. A. Austrinsch, obwohl er als Grundlage die Ideen von Nietzsche angenommen hat, bildet eigene Konzeption des Menschen. Die Realisation der Idee des Übermenschen von Nietzsche in der Prosa von A. Austrinsch haben Interpretationen von anderen Autoren im großen Maße beeinflusst. Die Konzeption des Übermenschen hat sich im Schaffen von A.Austrinsch transformiert. Am Ende des Schaffens ist ein idealer Mensch kein Übermensch, sondern ein harmonischer „vollkommener Mensch“.

SCHLÜSSELWÖRTER: Übermensch, Mensch, Allzumensch, Moralnormen, Gegenüberstellung der Zivilisation und der Natur, Widerspruch, geistige Krise.

Der Grund der Menschenkonzeption F.Nietzsches ist die Idee des Übermenschen, die besonders aktuell in seinem Werk „Also sprach Zarathustra“ ist. Die Konzeption des Übermenschen zeigt, wie ein Mensch sein soll, wie er leben soll, um ein idealer Mensch – ein Übermensch zu werden. Der Übermensch ist das Ziel des Lebens des Menschen. Die Konzeption des Übermenschen ist vieldeutig, sie enthält sowohl die Idee der geistigen Entwicklung des einzelnen Menschen, als auch die Idee der Entwicklung der ganzen Gesellschaft, deren idealer Mensch und Prophet ein Übermensch ist.

Die Idee über den Übermenschen ist mit der ewigen Gegenüberstellung des Menschen und des Gottes verbunden, diese Gegenüberstellung bildet die Grundlage vielen Kulturen. In der Kulturgeschichte der Welt gibt es viele Möglichkeiten der Verbindung des menschlichen und göttlichen Wesen: Christus, Gottesmensch, Allzumensch, Antichrist, Menschgott, Übermensch u.a. Es ist möglich, daraus zwei entgegengesetzte Gruppen zu bilden. Die erste Gruppe wird von solchen Varianten der Verbindung der Menschen und Götter gebildet, wo der göttliche Anfang dominiert (Christus, Gottesmensch), der Gott ist hier das höchste Wesen und der Mensch kann nur sich bemühen, ihm ähnlich zu sein. Die zweite Gruppe wird von solchen Varianten der Verbindung der Menschen und Götter gebildet, wo der menschliche Anfang dominiert (Antichrist, Menschgott, Übermensch u.a.), in diesen symbolischen Bildungen bestreitet der Mensch die leitende Rolle des Gottes in der Welt und strebt danach, um diese Rolle einzunehmen. Die Idee des Gottmenschen und Menschgottes besteht in der Kulturgeschichte Europas schon seit der Antike, indem sie einander wechselten und bestritten.

Besonders populär ist die Idee des Übermenschen am Ende des 19.Jahrhundert – am Anfang des 20.Jahrhundert geworden, dank Nietzsche. Nietzsche beeinflusst auch die lettische Kultur. In der Literatur des Anfangs des 20.Jahrhunderts ist es schwer, einen Schriftsteller zu finden, den die Philosophie von Nietzsche nicht beeinflusst. „Viele Faktoren haben diesen Einfluss bestimmt: die berückende Schönheit der Sprache, die sogar dort bezaubert und berauscht, wo der Inhalt in die geheimnisvollen Winke verwandelt; und dann der vermutungsvolle Symbolismus, der besonders in der poethischen Bildung von Zarathustra das resignierte Versinken in der Unbestimmtheit zulässt; dann die aphoristische Form der

Darstellung, die vom Leser kein gebundenes logisches Denken fordert, ganz im Gegenteil, das lässt ihm selbst entscheiden, in welchem Maße er sich der scharfsinnigsten Erregung hingeben und sich wunderschöne Fantasien, glänzende Formulierungen, treffende Vergleiche und paradoxe Kombinationen zu genießen erlauben kann.¹“ (15, 436) Ende des 19. – anfang des 20. Jahrhunderts beschäftigt das Problem der neuen Persönlichkeit sehr viele – „das invariante Modell sowohl des Helden, als auch des Künstlers, des Dichters, dafür die Befreiung von allen sozialen und moralischen Imperativen kennzeichnend ist: der Übermensch“, der sich dem Nietzsche typische, hinter der Grenze seienden „starken Menschen“ und „schöne Persönlichkeit“ einbürgern lässt (13, 17). Einer der wichtigsten Faktoren für die Verbreitung der Übermenschkonzeption in Lettland war die Übersetzung des Werkes „Also sprach Zarathustra“ von F. Nietzsche, was W. Pludonis geschafft hat, im 1908 wurde das veröffentlicht.

Obwohl die Behandlung der neuen Persönlichkeit der vielen lettischen Autoren des 20. Jahrhunderts mit der Idee von F. Nietzsche über den Übermenschen verbunden ist, gibt es in den individuellen Konzeptionen Unterschiede, auch das Gebrauch unterschiedlichen Begriffe. So z.B., Rainis in 90 Jahren des 19. Jahrhunderts beginnt über einen Zukunftsmenschen zu reden, in dessen Behandlung er sich bemüht, die Idee von F. Nietzsche über den Übermenschen, die Forschungen der Naturwissenschaftler L. Büchner und K. Timirjasew, und die Ideen von K. Marks über die Notwendigkeit der neuen Ethik zu verbinden. J. Kursīte gibt an, dass Rainis Gründe für die Entwicklung seines Zukunftsmenschen im Sozialismus (genauer, in seinem eingebildeten utopischen Sozialismus), und in der freien Ehe sieht, das eine neue, stärkere Generation schafft (11, 80). „Laut der Ansichten von F. Nietzsche muss der Übermensch grausam und böse sein, nach Rainis – er muss nur egoistisch sein, ein Mensch der mit der Selbstachtung und Individualität beschenkt ist“ (7, 292). R. Rudzītis führt den Begriff Allzumensch ein, der in der ersten Hälfte des 20. Jahrhundert. aktiv in der Kritik gebraucht wurde. Mit diesem Begriff bezeichnet R. Rudzītis einen literarischen Helden des neuen Typs, der die Geistigkeit wiederaufzubauen strebt und in seiner Persönlichkeit die besten Eigenschaften der Menschheit. J. Veselis hat die Essay „Übermensch und Allzumensch“ geschrieben, in dem er die Ähnlichkeit und Unterschiede dieser Begriffe begründet. „Auch der Allzumensch erhebt sich über die normalen und alltäglichen Menschen, um ihn vibriert der laue Luft der Gebirge, und die fühlbare Strecke trennt ihn von der Volkmenge, aber er fühlt die Einigkeitsbewusstsein mit allen anderen Menschen. Er ergreift und veredelt in sich Eigenschaften aller Menschen“. (14, 106) Die Idee von Nietzsche über den Übermenschen ist den so genannten lettischen Dekadenten am nächsten. Die Forscher erwähnen unter den Schriftstellern, die sich am Anfang des 20. Jahrhundert für das Übermenschproblem interessierten, H. Eldgast, W. Eglītis und A. Austrinsch, H. Eldgast begründet im Vorwort zu seinem Roman „Sternklare Nächte“ theoretisch die Idee über den Übermenschen, er betrachtet den Künstler als den höchsten Menschen, der der Volkmenge entgegengestellt ist. Die Rolle des Künstlers ist für das Gestaltgeben der Übermenscheneidee zweierlei. Erstens, er ist der einzige Vertreter der Gesellschaft, der für die Freiheit kämpft und sie erreichen kann, solcherweise wird er selbst Übermensch. Zweitens, in seinen Werken schafft der Künstler eine höhere Persönlichkeit, ein Vorbild aller Menschheit.

A. Austrinsch, obwohl er als Grundlage die Ideen von Nietzsche angenommen hat, bildet eigene Konzeption des Übermenschen. Besonders starken Einfluss des deutschen Philosophen kann man von 1906 bis 1912 sehen. A. Austrinsch erwähnt in seinen Werken den Nietzsches Name, äußert sich über seine Ideen, sogar zitiert ihn. Die Realisation der Übermenscheneidee von Nietzsche in der Prosa von A. Austrinsch haben Interpretationen von anderen Autoren im großen Maße beeinflusst. A. Austrinsch erwähnt mehrere Autorennamen, in deren Werken er die Aktualisierung der Übermenschkonzeption erkennt, zum Beispiel, S. Pšibischewski, O. Vaid, K. Hamsun, J. Poruks u.a. Wenn er die Schriftsteller erwähnt, in deren Werken die

---

¹ Die Übersetzung aus dem Russischen und lettischen hier und weiter ist von mir – A.R.

Übermenscheneidee aktualisiert ist, sagt A. Austrinsch gleichzeitig die Popularität und die Aktualität dieser Idee um die 19. – 20. Jahrhundertwende an. Die Behandlung des Übermenschen von A. Austrinsch bekommt die zusätzlichen Schattierungen, dank der Aufschichtung der Texte von anderen Autoren.

Das künstlerische Bewusstsein von A. Austrinsch haben die russischen Kulturtexte beeinflusst.² Auch Realisierung der Übermenscheneidee von Nietzsche in den Texten von A. Austrinsch bestimmt in großem Maße die Aktualität dieser Idee und die Besonderheiten der Interpretation in der russischen Kultur des Anfangs des 20. Jahrhunderts. Interesse für F. Nietzsches Persönlichkeit und Schaffen war in Russland ungeheuer, N. Berdjajew beschreibt das als „den stärksten Einfluss des Westens auf die russische Renaissance“. Er betont, dass Nietzsche in Russland ganz anders als in den Westen aufgefasst wurde, im Westen wurde über seine biologische Philosophie, Kampf für aristokratische Rasse und Kultur, das Streben nach Macht geschrieben. In Russland wichtig war religiöse Thematik der Philosophie von Nietzsche. (15, 246) Die Forscher sind der Einsicht, dass die Nietzsches Übernahme in Russland von W. Solowjow formiert wurde, sein Artikel „Übermenscheneidee“ wurde im Jahre 1899 in der Zeitschrift „Kunstwelt“ veröffentlicht. Er vergleicht bildlich die philosophischen Ideen mit den Fensterchen, durch die man eine bestimmte Weite des Raumes sehen kann. „Das Fensterchen“ der Philosophie von Nietzsche öffnet die breitesten Möglichkeiten der Weltbesichtigung: „aus dem Nietzsches Fenster „des Übermenschen“ bietet sich unendliche Weite verschiedener Lebenswege, und wenn jemand in diese Weite rennt, ohne sich umzusehen, entweder wird er in eine Grube geraten oder in einen Sumpf einsinken, oder in eine malerische, mächtige aber hoffnungslose Schlucht fallen, dann sind solche Richtungen zweifellos keinem notwendig, und jeder kann wohl für sich den echten und wunderschönen Fussweg in den Bergen auswählen, am dessen Ziel die von der ewigen Sonne bestrahlten Gipfel der Erde durch den Nebel schimmern“ (19, 628). W. Solowjow ist der Ansicht, dass die Philosophie von Nietzsche bietet viele Möglichkeiten an, seinen Weg zu finden, weil sie den Verstand des Menschen nicht eingrenzt, sondern lässt ihm die Entscheidungsmöglichkeit. Er betont das dämonische Wesen des Übermenschen, das ein wichtiger Wegabschnitt ist. W. Solowjow fasst die Philosophie von Nietzsche sehr seltsam auf, durch das Prisma der russischen Kultur, durch die Kunsterbschaft von F. Dostojewski, A. Puschkin, Lermontow. W. Solowjow betont die positiven Aspekte des Übermenschenswesens. Solche Auffassung des Übermenschen erklärt ein Artikel von F. Dostojewski über A. Puschkin, wo der russische Dichter als ein Ideal „des Übermenschen“ charakterisiert ist. (18, 178 – 179) Das Puschkinphänomen und seine Behandlung ist eine der leitenden in der Behandlung der Übermenschekonzeption von W. Solowjow. „Hier geht es nicht nur um die „Weltteilnahme“ von Puschkin, sondern auch vom russischen Menschen überhaupt – in seiner Person (das heißt, um einen eigenartigen Monopolismus Übernationalismus der Kultur), aber auch um menschliches, humanes Verständnis – soziales, psychologisches, intellektuelles – für die von der Natur und Charakter nach unterschiedlichen Menschen, es geht um die Fähigkeit, in sich ein „anderes“ menschliches Wesen „einzuschließen“, an den fremden Erlebnissen, Interessen, Vorstellungen teilzunehmen. Die Verwandlung des Menschen in „den Übermenschen“ (= „Allzumenschen“³) versteht W. Solowjow als ein inneres Wachstum.“ (18, 179)

² Diese Besonderheit hat im großen Maße die Spezifik des Lebenslaufes von A. Austrinsch bestimmt: 1901 – 1904 hat er in Peterburg im Seminar von Semste studiert. Wenn er auf der Flucht von den Repressivmaßnahmen war, kam er mehrmals nach Peterburg, er reiste nach Moskau und Nowgorod. Die russische Kultur war für A. Austrinsch subjektiv nah, er übersetzte ins Lettische Werke von I. Turgenew, L. Tolstoi, D. Merezhkowska und anderen Autoren. Man muss einsehen, dass die russische Sprache die einzige Fremdsprache war, der A. Austrinsch mächtig war, er konnte frei damit umgehen und schwierige philosophische Texte lesen. Deswegen entwickelten sich die Vorstellungen über die Phänomene der westeuropäischen, skandinavischen, amerikanischen Kultur bei A. Austrinsch im großen Maße durch Vermittlung von der russischen Kultur.

³ Die Ideen des Allzumenschen von R. Rudzitis und J. Weselis sind im Prinzip der Behandlung des Übermenschen als Allzumenschen von W. Solowjow ähnlich, wo das Wesen des Allzumenschen (nach der W. Solowjows Terminologie – des Übermenschen) als des Vertreters aller Menschheit betont ist, er hat den individuellen Anfang

Die wesentlichsten Besonderheiten des Übermenschen in der W. Solowjows Konzeption, die auch gemeinsame Auffassung der Übermenscheneidee von der russischen Intelligenz, sind

1. Fähigkeit sich zu vervollkommen, die dem Menschen erlaubt, wenn er mehrere Entwicklungsphasen durchquert, Übermensch zu werden,
2. permanenter Widerspruch.

Der Weg des Menschen zum Übermenschen wird als Kampf unter dem Individualistischen und dem Allgemeinmenschlichen, dem Allzumenschlichen erklärt. Im Ideal gewinnt das Letzte. Das Leben des Menschen wird als ein unaufhörlicher Kampf zwischen dem Guten und dem Bösen, der Wahrheit und dem Lügen, dem Individuellen und dem Allgemeinmenschlichen. Widersprüche sind unvermeidlich, die Grenze zwischen den gegenseitigen Polen ist nicht zu sehen, deshalb ist die Widersprüchlichkeit, Ambivalenz untrennbarer Bestandteil des Menschenlebens. Aber W. Solowjow gibt eine Möglichkeit, sich dem Ideal – Christus, dem Gottmenschen zu nähern. „Um solche Konzeption zu bilden, musste W. Solowjow ein bisschen Nietzsche korrigieren – indem er aus Nietzsches Lehre demonstratives Antichristentum ausnahm und sie mit dem breiten, freien, modernisierten, von W. Solowjow gebauten Christentum anfüllte.“ (18, 180) Ein wichtiger Aspekt beim Erwerben des Übermenschenswesens ist seine Fähigkeit nicht nur selbst zu vervollkommen, sondern auch die Umgebungsrealität, etwas Neues zu schaffen; die schöpferischen Potenziale unterscheiden den Übermenschen von einem passiven Menschen, der nichts ändert und auch nichts schafft. Die von W. Solowjow gebildete und von anderen Philosophen entwickelte russische Konzeption der Übermenscheneidee hat den Grund gemacht, darauf viele individuelle Konzeptionen des Übermenschen in den Werken verschiedener Schriftsteller, Dichter, Künstler realisiert wurden.

Die Darlegung der zwei Ideenarten von Nietzsche charakterisiert die Behandlung des Übermenschen von A. Austrinsch:

1. Vorstellungen, die entstanden, nachdem er die Werke von Nietzsche selbständig gelesen und interpretiert hatte, die in den ersten zehn Jahren des 20. Jahrhunderts in die lettische und russische Sprache viel übersetzt wurden,
2. Vorstellungen, die entstanden, nachdem er sich in die von dem anderen Schriftstellern, Philosophen, Künstlern angebotenen Konzeptionen über die Nietzsches Philosophie vertieft hatte.

Es ist unmöglich, diese zwei Realisierungsarten der Übermenscheneidee von Nietzsche in der Prosa von A. Austrinsch strikt abzutrennen. Erstens, da die schöpferische Atmosphäre des Anfangs des 20. Jahrhundert so stark mit den Nietzsches Ideen, Zitaten aus seinen Werken und mit den Streiten um seine angebotenen Konzeptionen durchdrungen war, konnte keine ausgebildete schöpferische Persönlichkeit da sein, die den Einfluss der Ideen von Nietzsche nicht empfunden hatte. Diese Ideen bildeten einen gemeinsamen Kulturraum, den man nicht in die von einzelnen Interpreten vorgeschlagenen Konzeptionen segmentieren kann. Zweitens, nach der hundertjährigen Zeitabschnitt ist es sehr kompliziert den feinen Wechselwirkungsarten der Ideen zu folgen und festzustellen, genau welche Interpretation am stärksten das Bewusstsein und künstlerisches Schaffen eines Autors beeinflusst hat. Drittens, A. Austrinsch gebraucht in seinen Werken nur einzelne Konzeptionsstellungen von Nietzsche, aber er bemüht sich insgesamt in den Kunstwerken die Konzeption eines idealen Menschen zu schaffen, indem er sich auf die populärsten Ideen der Zeit stützt. Die Idee des Übermenschen ist ein der wesentlichsten strukturbildenden und begrifflichen Elementen der Menschenkonzeption von A. Austrinsch, dass die Vorstellungen von A. Austrinsch über den realen Menschen und das Menschenideal des Anfangs des 20. Jahrhunderts begreifen lässt.

Viele F. Nietzsches Forscher betonen, dass seine Werke keine fertigen Antworten anbieten, dank ihrem metaphorischen, symbolischen Reichtum und Formulierungsreichtum lassen sie den Leser seine Interpretationen suchen. Die Übermenscheneidee ist ungeheuer

---

überwältigt: eigene Wünsche, Machtgier, Eigenliebe u.a. und ist Verkörperung der besten Eigenschaften aller Menschheit geworden.

unbestimmt und widersprechend. W. Windelband schreibt: „Das Ideal des Übermenschen erstreckt sich aber nicht über die poetische Ungenauigkeit und Unbestimmtheit. In einer Anfangsbedeutung versteht man das als eine große Individualität, die der Masse entgegen ihre Vorrechte realisiert. „Viel – zu viele“ Menschenmenge existiert nur deshalb, damit die überlegene „Übermenschen“ daraus in den seltenen glücklichen Fällen gebären könnten, die durch die Jahrhunderte einander grüßen als Sinträger ganzer dieser sinnlosen Bewegung. (...) Andererseits ist der Übermensch der höchste Typ der Menschenart, den man noch erziehen muss – eine starke Klasse, die, wenn sie von den Begrenzungen und der störenden sklavischen Moral frei wäre, könnte in der mächtigen Lebensentwicklung ihre Herrenmacht genießen.“ (16, 466) Nietzsche schwankt zwischen diesen zwei Behandlungen und geht ständig von einer zu der anderen. Solche Unbestimmtheit der Idee über den Übermenschen ließ A. Austrinsch die individuelle Vorstellung über den Übermenschen, den höchsten Menschen bilden.

Die Konzeption des lettischen Schriftstellers über den Übermenschen, dem F. Nietzsche ähnlich, ist widersprechend und unbestimmt. Da kann man eine Entwicklung sehen, die der Ansichtswchsel des Schriftstellers während des Lebens bestimmt hat. Das Problem des Übermenschen beschäftigt A. Austrinsch am stärksten am Anfang des literarischen Schaffens, im so genannten dekadentischen Zeitraum (von 1905 etwa bis 1911). Den Schriftsteller beschäftigt das Problem, wie der Übermensch, der höchste Mensch sein soll, und ob die Gesellschaft ihn überhaupt braucht. Am Anfang des literarischen Schaffens unterscheiden sich die A. Austrinsch' handelnden Personen, in denen man die dem Übermenschen charakteristischen Eigenschaften sehen kann, von der übrigen grauen Gesellschaft. Überlegendes Bewusstsein ist der Faktor, der darauf hinweist, dass die handelnde Person sich als Übermenschen identifiziert. Ein aus den wichtigsten Werken, wo das Problem des Übermenschen gelöst wird, ist die lange Erzählung „Kaspar Gluhn“ (1908). Die handelnde Hauptperson dieses Werkes Kaspar Gluhn geht einen komplizierten Weg der Identifizierung und Persönlichkeitsentwicklung. Am Anfang der Erzählung bildet er sich ein, Übermensch zu sein, dann versteht er, dass er zu unbedeutend ist, und dieses Gefühl der Winzigkeit bietet ihm den geistlichen Wuchs an und lässt dem Menschenideal - Übermenschen nähern, indem er sich entwickelt. In der langen Erzählung „Kaspar Gluhn“ sind die am Anfang des 20. Jahrhundert populärsten Behandlungsbesonderheiten des Übermenschen gekennzeichnet, und zwar die handelnde Person, die beansprucht, das Wesen des Übermenschen zu erreichen, die sich von anderen unterscheidet, er ist in der Gesellschaft ein nicht verstandenes Individuum; er ist fähig, sich zu überwinden und sich zu ändern, zu entwickeln, das ist eine der wichtigsten Voraussetzungen für das Erreichen des Übermenschenwesens; der permanente Widerspruch der Persönlichkeit, die man nicht gleichmachen kann, das ist ein Antrieb, der die Entwicklung der Persönlichkeit bestimmt.

Im Werk „Also sprach Zarathustra“ weist F. Nietzsche darauf hin, dass der höchste Mensch unterscheidet sich von der grauen Menschenmenge, die Gesellschaft versteht ihn nicht und das ist ein Grund für einen Konflikt zwischen dem Individuum und der Gesellschaft. F. Nietzsche schreibt: „Was geht mich Markt und Pöbel und Pöbel Lärm und lange Pöbelohren an! Ihr höheren Menschen, dies lernt von mir: auf dem Markt glaubt niemand an höhere Menschen. Und wollt ihr dort reden, wohlan! Der Pöbel aber blinzelt „wir sind alle gleich.““ (9, 522) In der langen Erzählung von A. Austrinsch „Kaspar Gluhn“ spielt das Problem zwischen dem Individuum und der Gesellschaft eine große Rolle in der Lösung der Übermenschenkonzeption. Die abgesonderte Lage von Gluhn wird sowohl von den Besonderheiten seiner Persönlichkeit als auch von den in der Gesellschaft existierenden Klischees über die Regeln der Menschenexistenz bestimmt. Also ist der Konflikt gegenseitig, den sowohl Kaspar Gluhn als auch die Menschen der Umgebung stimulieren. Wenn A. Austrinsch die Persönlichkeit von Gluhn und seinen Weg zum Erreichen des Übermenschenwesens charakterisiert, schildert er seine handelnde Person in zwei Lebensabschnitten, wo die soziale Lage von Gluhn unterschiedlich ist. Die Haupthandlung der Erzählung verläuft in der Zeit, als Gluhn Flüchtling geworden ist – in der Heimat ist er verfolgt, deshalb ist er gezwungen zu fliehen, und er reist

nach Nowgorod. Er erlebt seinen Flüchtlingsstatus sehr schwer. Die Reise wird von Anfang an als ein Versuch behandelt, eine Zuflucht bei seinem Freund unweit Nowgorod zu suchen, später bekommt das eine weitere metaphorische Bedeutung, die in sich die Semantik des Lebensweges, des Selbstidentifizierungsprozesses enthält. Reisend analysiert Gluhn seine Situation und denkt an die Zeit bevor er als Flüchtling anerkannt wurde zurück. Schon während der Teilnahme an Versammlungen von Jugendlichen in Petersburg unterschied er sich von den anderen: er nahm nicht an Diskussionen teil, äußerte sich kritisch über das Wertensystem der Gesellschaft, fühlte seine Überlegenheit. Die Frauen nannten ihn ironisch „Übermensch“ und das wurde zur Anregung des Kultivierens seiner Unterschiedlichkeit und seines Überlegenheitsgefühles. Also man kann die Erhaltung des Flüchtlingsstatus als eine gesetzmäßige Stufe der Entwicklung von Gluhn als Persönlichkeit behandeln. Die Notwendigkeit die Heimat zu verlassen wurde zum Faktor, der zum Erfassen der Mission des Übermenschen beitrug. Gluhn wurde vom gewöhnlichen Leben und der Gesellschaft, dessen Mitglied er dennoch war, losgerissen und wurde zum Reisenden. Reisen gewährte Gluhn das Freiheitsgefühl und bekam die Semantik der ewigen Suche, weil die Handlung mit dem Beginn der Reise beginnt und mit Beginn der nächsten Reise endet.

Reisen gibt Gluhn Möglichkeit auf die utilitaristischen Welt, die Petersburg repräsentiert, zu verzichten. Das Flüchtlingsleben aktualisiert die Heimatidee: Gluhn erinnert sich an die heimatliche Natur, an die lettische Folklore, an seine Mutter, die zu Hause geblieben ist und auf ihn wartet. Die Heimat wird zu einem etwaigen Stützpunkt, zum Beginn, von dem die Löschung der Widersprüche seiner Persönlichkeit, der Weg der Harmonisierung von sich selbst und der Gesellschaft beginnen könnte. Mit der Heimat ist Gluhn Vorstellung von sich selbst als von einem Übermenschen verbunden, weil er ein Prophet, ein Führer seines Volkes sein will. Sein Missionär- und Überlegenheitsgefühl verflechtet sich in ihm mit dem Stolz und der Missachtung zu anderen Menschen. Er hält das Volk für einen ungebildeten, unvernünftigen, niederträchtigen Menschenhaufen: „...er schwieg, sein Herz war voll Haß zur Heimat, zu heimatlichen Frauen, vielmal wollte er sie ihrem Schicksal überlassen, aber er fühlte doch wie ein Verantwortungsgefühl, wie einen unbekanntem Befehl, dass er ein neuer Mosus sei, der in Not und Schmerz seine Mitmenschen abhärten wird, damit sie später das gelobte Land erreichen“ (1, 30). Das Überlegenheitsgefühl von Kaspars Gluhn verschärft seinen Konflikt mit der Gesellschaft, die er als eine graue Masse auffasst. Dieser Konflikt verstärkt auch Gluhn's innere Widersprüche: er will ein Übermensch, Führer des Volkes sein, aber gleichzeitig verachtet er sein Volk und somit geriet er in Verlegenheit.

Der Konflikt *Individuum/Masse*, *Individuum/Gesellschaft* liegt in einer breiteren Opposition *Natur/Zivilisation*, die innere Widersprüchlichkeit verstärkt. Das Wertensystem und die Verhaltensnormen der Gesellschaft einerseits und die Naturgesetze, unbewusste Instinkte und Wünsche des Individuums andererseits werden in der Persönlichkeit der entsprechenden Person als Gegenpole, zwischen denen ein ewiger Konflikt besteht projiziert. Dieser Konflikt bildet den Persönlichkeitsgrund, und er hat mehrere Ränder, die mit der unterschiedlichen Deutung der Naturwelt verbunden sind. Kaspars Gluhn definiert den Konflikt zwischen der Zivilisation und der Natur als seinen eigenen inneren Konflikt: „in Gluhn kämpfte die Kultur mit der freien, ursprünglichen Schönheit, der altertümliche Sonnenstrahl im Dickicht mit einer Glühbirne des 20. Jahrhunderts in einer Hauptstadt“. (1, 35). Thematik der Beziehungen zwischen der Natur und der Zivilisation ist sehr wesentlich in der Philosophie von F.Nietzsche, und sie wird aktualisiert auch im Zusammenhang mit dem Übermenschensproblem. Auch in der lettischen und russischen Rezeption von Nietzsche wird diese Idee als eine der aktuellsten aufgefasst. V.Plūdonis, der das Werk „Wie sprach Satratustra ins Lettische übersetzt hat, schreibt: Nietzsche meint, dass der Weg in die Zukunft, zum Schaffen der mehr vollkommenen Menschheit beginnt nicht vom heutigen Kulturmenschen, sondern von den ursprünglichen Kräften und Bestrebungen, die in ihm noch nicht gedämpft und durch Kultur geschwächt sind.“ (10, XXVI) Die Natur in der Erzählung „Kaspar Gluhn“ von A.Austrinsch und auch im ganzen seinem Schaffen wird als harmonisierende Quelle präsentiert, in der Mensch das seelische

Gleichgewicht finden kann. Gluhn in Petersburg, das nach der Meinung der Hauptperson, die Quintessenz der verdorbenen Zivilisation vertritt, fühlt sich einsam. A.Austrinsch charakterisiert ihn folgenderweise: „Er spazierte allein in den Prospekten und Straßen. Nachdenklich und allein, erspähend seine schon lange Zeit gesuchte Meduse. Und um ihn liefen Armeise und Faulenzer, derzeitige Antipoden“ (1, 24). Verlassend sich auf Instinkte, flüchtet Gluhn nach Provinz, und grade diese Handlung wird zum Stützpunkt auf dem Wege der Harmonisierung seiner Persönlichkeit. Die Hauptperson stellt sich den Konflikt zwischen der Natur und der Zivilisation als unlösbar vor, weil dieser Konflikt mit der Zeitkategorie verbunden ist: die Zeit der Naturwelt ist vorbei, die Zeit der Zivilisation ist aber die Gegenwart. Die Zivilisation waltet über den Menschen, bestimmt und korrigiert seinen Verhalten und damit verdirbt ihn. Beim Ausgleichen des inneren Konfliktes spielen entscheidende Rolle Ereignisse, wo die Hauptperson ihre Verbindung mit der Natur fühlt, sich als ein Teil der Natur empfindet oder in sich einen natürlichen Menschen frei macht. Solche Ereignisse sind ein Treffen mit einer Prostituierten, ein Spaziergang im Wald. Die Gegenüberstellung der Zivilisation und der Natur wirkt wie die Konfrontation der Stadt und des Landes, als auch der Konflikt zwischen zwei Zeitdimensionen - der Vergangenheit, wo die Naturgesetze gelten, und der Gegenwart, wo der Verfall der Sittlichkeit dominiert.

Sammelnd Erfahrungen während der Reisen, versteht Gluhn doch, dass die von ihm, ausgedachte Gestalt des Übermenschen ist nur eine Illusion. Die einzige Möglichkeit die Menschheit zu vervollkommen ist die Bemühung sich selbst zuharmonisieren, aber das ist während des Lebens nur teilweise möglich. Gluhn wird zum ewigen Sucher und am Ende der Erzählung macht sich wieder auf den Weg. Der Weg zum harmonischen Menschen in der Konzeption dieser Erzählung ist eine Lebenserfahrung, die die Hauptperson des Werkes aufklärt und gewährt ihm das Freiheitsgefühl. Kaspars Gluhn findet die Beschwichtigung im Lesen, das er für eine Arbeit, respektiv für schöpferische Tätigkeit hielt. Lesend beweist er, dass die Gesellschaft ihn braucht und findet Gleichzeitig eine Quelle für Träume und Reflexionen. Solche Verwandlung der Persönlichkeit von Gluhn am Ende der Erzählung könnte man im Kontext der Philosophie von F.Nietzsche als den ersten Schritt zum Erreichen des Wesens des Übermenschen werten. Wichtig ist die Tatsache, dass Gluhn kreativen Ansatz zum Leben und den Wunsch sich zu entwickeln zu äußern beginnt, wobei er ständig seine inneren Konflikte bewältigt. F.Nietzsche schreibt: „Was groß ist am Menschen, das ist, dass er eine Brücke und kein Zweck ist; was geliebt werden kann am Menschen, das ist, dass er ein Übergang und ein Untergang ist“ (9, 281). Kaspars Gluhn begreift am Ende der Erzählung, dass er die Vollkommenheit nicht erreicht hat, er entwickelt sich, und diese Entwicklung ist unendlich, deshalb ist er „eine Brücke“, „ein Übergang“ und „Untergang“. Diesen Erfassen ist das größte, was der Mensch in seinem Leben erreichen kann, es harmonisiert teilweise die Persönlichkeit und durch einzelne Persönlichkeiten wird die Gesellschaft im ganzen harmonisiert.

In F.Nietzsches Deutung über den Übermenschen ist wesentlich die Tatsache, dass er sich über den von der Zivilisation bestimmten Benehmensregeln und Sittennormen usw. erhoben ist. Der vom Nietzsche postulierte „Tod des Gottes“ bestimmt das von ihm geschaffene Wertensystem des Übermenschen, und zwar, das Hinsetzen „jenseits von Gut und Böse“. Der Übermensch nimmt den Platz des Gottes ein: „Vor Gott! – Nun aber starb dieser Gott! Ihn höheren Menschen, dieser Gott war ihre größte Gefahr. Seit er im Grabe liegt, seid ihr erst wieder auferstanden. Nur erst kommt der große Mittag, nur erst wird höhere Mensch - Herr!“ (9, 522). In die Rolle des Gottes gestellt, bekommt der Übermensch grenzlose Freiheit und Macht. Die Einzigen Bestimmungen, die er befolgt, sind die von ihm selbst geschaffenen Lebensnormen. Die Freiheit des Übermenschen ist bewundernswert, die Freiheit von den gesellschaftlichen Normen, die Freiheit der Persönlichkeit ist das, was mehrere handelnde Personen von A.Austrinsch Werken zu erreichen versuchten. Die Freiheit bedeutet sehr oft die Überlegenheit. Im Werk „Also sprach Satratustra“ schreibt Nietzsche: „Der Mensch muß besser und böser werden,“ – so lehre ich. Das Böseste ist nötig zu des Übermenschen bestem“ Nietzsche (9, 524). Ähnliche Idee äußert A.Austrinsch in der Erzählung „Psychopath“ (1907):

„Groß kann der Mensch in der Unschuld sein, widerlich in der Sittenlosigkeit, und doch – groß. Wir bewundern tapfere Mörder, weil jeder von uns tötet einwenig“ (6, 254). Die Gesellschaft spielt in Prosa von A. Austrinsch die Begrenzersrolle, und jegliche Begrenzung der Handlung ist mit dem gewaltsamen Einbruch in das Leben des Menschen verbunden. Der Übermensch muß sich über diese Begrenzungen erheben und Instinkte loslassen. Das Bändigen der unbewussten Instinkte des Individuums, das sich aus den von der Gesellschaft bestimmten Verhaltensnormen ergibt, wird zum Grund des inneren Konfliktes, der gewöhnlich tragische Lösung hat. Die handelnde Person der Erzählung „Teufelsbesessener“ (1906) Leitāns bemühte sich das ganze Lebens eine Instinkte zu bändigen, weil so forderte die gesellschaftliche Moral, und er hatte Angst davon, dass die Umgebung die Widersprüchlichkeit und unbewusste Streben seiner Persönlichkeit erfährt. Am Ende der Erzählung zeigen sich jedoch die Instinkte viel stärker - Leitāns hat Gailis und sich selbst getötet. So ist das Schicksal der Leute aus dem Menschenhaufen, die sich bemühen künstlich geschaffene Gesetze zu befolgen. Solche Menschen sind dem Untergang geweiht.

Die Idee der Freiheit der Persönlichkeit wird oft in der Prosa von A. Austrinsch im Kontext der Beziehungen zwischen der Natur und der Zivilisation aktualisiert. Die Natur ist mit der absoluten Freiheit verbunden, deshalb befindet sie sich außerhalb des Guten und des Schlechten. Nietzsche glaubt, dass die Moral steht im Widerspruch zu dem Leben. Sie wurde von den Schwachen geschaffen, um sich von den Starken zu schützen, deshalb befindet sich der starke Individuum außerhalb der Moralnormen. Kaspars Gluhn von A. Austrinsch glaubt, dass „in der Natur es überhaupt keine Sittlichkeit gibt, sie wurde von der Gesellschaft an verschiedenen Stufen deren Entwicklung geschaffen, um stärkere Individuen zu erdrücken, die ihren ruhigen materiellen und geistigen Fortschritt stören könnten“ (1, 15).

In der Erzählung „Psychopath“ werden Nietzsches Ideen über die Freiheit des Übermenschen und die Nichteinhaltung von Moralnormen mit Hilfe des Textes von S. Psyzyzsewski aktualisiert. Die Hauptperson der Erzählung von A. Austrinsch Jurdens zitiert die handelnde Person des Romans von S. Psyzyzsewski „Homo sapiens“ Falk: „Herzlichen Dank für die Vernunft, das Gewissen und sonstige ähnliche Apparate. Ich möchte lieber ein Bazillus sein. Es vernichtet und zerstört ohne Qual und Gewissensbisse...

... Ich bin - Natur, ich vernichte und schaffe Leben. Ich überschreite Tausende Leichen, weil ich gehen muß! Und ich schaffe ein Leben durch das andere Leben, weil ich schaffen muß...

Ich bin überhaupt kein Mensch. Ich bin ein Übermensch: frech, brutal, schön und gut. Ich bin – die Natur: ich habe kein Gewissen, auch sie hat kein... ich habe kein Mitleid, auch sie kat kein...“ (6, 255).

Jurdens strebt nach der Gleichheit mit Falk. Mit Hilfe des Textes von S. Psyzyzsewski begründet er seine Lebenseinstellung und hielt für den Muster den Übermenschen von F. Nietzsche, der sich über das von der Gesellschaft geschaffene Wertesystem erheben kann. Jurdens begründet sein Streben nach den Naturgesetzen zu leben, sich auf Instinkte zu verlassen damit, dass in der Welt Humanismuskrisis eingetreten ist, der Übermensch zeigt eigentlich einen Ausgang davon, weil er in allen seinen Äußerungen frei und groß ist: „Wir schimpfen über Wüstlinge, weil jeder von uns schuld ist. Einer verhehlt die Unzucht, ein anderer macht das unverhohlen, wissend kein Gutes, kein Schlechtes und schämend sich nicht von der Scham der Gesellschaft.“ (6, 254). In mehreren Erzählungen wird der Potentielle Übermensch mit einem verfolgten Tier verglichen, der sich versteckt, geheim beobachtet das Geschehene und bereitet sich zu unerwartetem Angriff vor. Solche Semantik offenbart sich überzeugend in der Persönlichkeit von Gluhn, sie wird in der Bedeutung seines Vornamens genutzt: Gluhn ist ein Derivat vom Wort „glūnēt“ - ‚heimlich beobachten, belauern‘. Im Wörterbuch der lettischen Literatursprache wird als erste Bedeutung des Wortes „glūnēt“ die Bedeutung lauern (bezüglich der Tiere) genannt (8, 107). An diese Bedeutung wird mehrmals im Text sowohl im Zusammenhang mit dem Äußeren von Kaspars Gluhn, sowohl auch mit seinem Verhalten angespielt. Das Motiv des verblutenden Tieres, das von der Gesellschaft verfolgt wird,

wiederholt sich in den Erzählungen „Die ausgegrabenen Leichen“, „Der Teufelsbesessene“ u.a. Das Tier ist ein Teil der Natur, es handelt laut den Instinkten, für ihn existieren keine Zivilisationsnormen, aber die Zivilisationsgesetze sind erbarmungslos zum Tier wie einem Betsandteil der Natur, sie versuchen das Tier zu vernichten. Es kann nicht in der Zivilisation am Leben bleiben. Deshalb wiederholt sich oft das Motiv des verletzten, verblutenden Tieres, das von den Menschen flieht.

A. Austrinsch, verwirklichend in seinen handelnden Personen Nietzsches Idee des Übermenschen realisiert sie aber nicht ganz. Die Ideen der handelnden Personen, die mit dem Gewinnen des Wesens des Übermenschen verbunden sind, bleiben Abstraktion, sie werden im Leben nicht verwendet. Sowohl Jurdens in der Erzählung „Psychopath“, als auch Peizums in der Erzählung „Die ausgegrabenen Leichen“, Kalns in der Erzählung „Kalns“ und viele andere erscheinen zu schwach um ihre Idee zu verwirklichen und sich ähnlich dem Übermenschen zu verhalten. Sie denken sich höhere Menschen, Propheten zu sein, aber in der Wirklichkeit sind sie einfache Leute, die über das spannende, an Ereignissen und Eindrücke reiche Leben träumen, selbst aber passiv bleibend. Der Lehrer Peizums in der Erzählung „Die ausgegrabenen Leichen“ hält sich für einen Propheten, der das Volk klären könnte, aber keiner will ihn Gehör leihen.

Er denkt an die große russische Geister Iwan den Schrecklichen und Peter dem Großen und den Turm Iwans des Schrecklichen in Moskau aufsteigend, sagt: „Ich habe so viel gelitten. (...) Was gibt es nun für mich dort unten zu tun? Ich stehe über dem Leben- Ich werde nicht zu den Menschen gehen und um Liebe bitten- Sie sollen selbst zu mir kommen. Ich werde sie ansprechen- Wie ein Prophet- Vom Gesicht werde ich sagen, wie es ihnen um Herz ist. Von den Augen. Ich werde Lachen und Tränen mischen, wie ein tödliches Mittel mit dem Wein. Und wenn zu mir keiner kommt, werde ich sitzen und gucken, wie unter den Füßen das Leben wegfießt, und sieben durch die Finger das Gold wieherbstliche Blätter über Fußgängerköpfe.“ (2, 115) Träumender Peizums muß aber von dem Turm nach unten steigen und verwandelt sich in den einfachen Lehrer mit kompliziertem Schicksal. Ähnlich träumt auch Jurdens in der Erzählung „Psychopath“ von der Nichtbeachtung der Moral und dem Leben nach den Naturgesetzen. Er begreift aber, dass er Mitglied der Gesellschaft ist, und sein Leben ist grau und eintönig. Vertiefend sich in die Ideen von Wilde, Pszybyszewski, Nietzsche, Schopenhauer, erwacht er doch und versteht, dass er in der realen Welt lebt: „Man muß zu Bett gehen. Von so langweiligem Leben habe ich genug. Ich brauche Heldenmut. Ich lechze nach dem Kampf und Grauel. Es ist Glück, dass heute das Herz unnormal schlägt. Sonst ist es ganz gewöhnlicher Tag“ (6, 256). Der Ideengebiet, die Überrealität bleibt von der Realität getrennt und beiden wechseln sich ab und, die Persönlichkeit von Jurdens stark beeinflussend, machen sie widerspruchsvoll. Jurdens kann nicht Übermensch wie sein Götzenbild Falk werden, aber er träumt davon, und die Träume sind ebenso wichtig für seine Persönlichkeit wie das reelle Leben. Solche handelnden Personen kann man nach Nietzsche zu denen zählen, die den ersten Schritt zum Wesen des Übermenschen gesperrt haben. Solche Personen kann man potentielle Übermenschen nennen, die sich von der Masse unterscheiden, weil sie können sich eine bestimmte Zeit als Übermenschen denken, aber bis zum Ende verwirklichen sie das nicht.

In den 15. –30. Jahren des 20. Jahrhunderts bekommt die Idee des Übermenschen in Werken von Austrinsch einen anderen Aspekt. Er realisiert nicht mehr soviel die Konzeption von Nietzsche, sondern aktualisiert die menschenauffassung im Christentum. Auf solche Weise rehabilitiert er die Moralnormen und belebt die Humanismusidee. Er schreibt Erzählungen „Am Ostern“ (1916), „Heiliger Abend eines Flüchtlings“ (1915), „Kinder“ (1915) u.a., wo die Nichteinhaltung der Moralnormen zum Verlieren des Lebenszweckes geführt hat. Die Aufklärung nach dem erlittenen Not und die irrationelle göttliche Offenbarung ist Möglichkeit harmonisch zu werden, sich über die Masse zu erheben, wo die Menschen von Widersprüchen zerrissen werden. Die Idee des Übermenschen bleibt aktuell in der Prosa von A.Austrinsch bis zum Tod, aber darin immer weniger fühlt man den Einfluß von Nietzsche. In den 15. – 30. Jahren ist der Übermensch nicht nur eine Idee, die keine Person verwirklichen kann. Da treten Gestalten auf, die A.Austrinsch als absolut harmonisch interpretiert und in denen die Idee des

Übermensch ist völlig realisiert. Dabei gebraucht der Schriftsteller keine Definition „Übermensch“ mehr, sondern schlägt den Begriff „ein vollkommener Mensch“ vor. Der vollkommener Mensch ist harmonisch, aber er kann nicht in der gegenwärtigen widerspruchsvollen Gesellschaft leben. Er ist der Mensch der Vergangenheit.

Nach der Konzeption von A.Austrinsch, muß die gegenwärtige Gesellschaft einen idealen Menschen bilden. Der Grund für diesen Menschen ist das Modell des vollkommenen Menschen der Vergangenheit. Die Brücke zu dem vollkommenen Menschen baut jeder Mensch, der seine Widersprüche zu überwinden versucht, der sich permanent entwickelt und die Mängel der Gesellschaft sieht. Der Übermensch von A.Austrinsch ist sehr nah der Vorstellung von V.Solowjow über dem Übermensch wie über den Allzumenschen, in dem wichtigste Besonderheiten allen Menschen präsentiert sind. Der Mensch in der Prosa von A.Austrinsch ist nicht nur als eine Brücke zu dem Übermensch wichtig, jeder Mensch selbst ist ein permanent entwickelnder Wert, ein Prozess. Jeder Mensch ist einzigartig, und die Menschheit ist eine monolite Einheit, die einzigartige Persönlichkeiten bilden.

LITERATUR

1. AUSTRINŠ, A. Kaspars Glūns. Valmiera, 1908.
2. AUSTRINŠ, A. Kopoti raksti. 2. sēj. Rīga, 1930.
3. AUSTRINŠ, A. Kopoti raksti. 5. sēj. Rīga, 1927.
4. AUSTRINŠ, A. Kopoti raksti. 6. sēj. Rīga, 1931.
5. AUSTRINŠ, A. Kopoti raksti. 7. sēj. Rīga, 1931.
6. AUSTRINŠ, A. Psihopāts. Dzelme, Nr.6, 251.1907. L. 256.
7. KURSĪTE, J. Dzejas vārdnīca. Rīga, 2002.
8. Latviešu literārās valodas vārdnīca. 3.sēj. Rīga, 1975.
9. NIETZSCHE, F. Werke in der drei Bänden. Zweiter Band. Berlin, 1955.
10. Plūdons V. Frīdrihs Nīče un "Tā runāja Zaratustra". Frīdrihs Nīče tā runāja Zaratustra. Rīga, 1939.
11. PŠIBIŠEVSKIS, S. Homo Sapiens. Jelgava, 1907.
12. Rainis Kopoti raksti. 24.sēj. Rīga, 1986.
13. SPROĢE, L.; VĀVERE, V. Latviešu modernisma aizsākumi un krievu literatūras "sudraba laikmets". Rīga, 2002.
14. VESELIS, J. Pārdomu grāmata. Esejas, kritikas, apcerējumi. Rīga, 1936.
15. БЕРДЯЕВ, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. *О России и русской культуре*. Москва, 1990.
16. ВИНДЕЛЬБАНД, В. От Канта до Ницше. Москва, 1998.
17. ДЕЛЕЗ, Ж. Ницше. Санкт – Петербург, 1997.
18. КОНДАКОВ, И.; КОРЖ, Ю. Фридрих Ницше в русской культуре Серебряного века. *Общественные науки и современность*. №6, 2000, С.176-186.
19. СОЛОВЬЕВ, В. Сочинения в двух томах. Т. 2. Москва, 1990.

Alina Romanovska

Daugavpils University, Latvia

THE REALIZATION OF F.NIETZSCHE'S KONZEPTION OF HUMAN IN A.AUSTRINŠ' PROSE Summary

In the realization of the idea of Human in A.Austrinš' prose, there is a synthesis of notions formed by reading and interpreting works by F.Nietzsche and the notions that have been formed by other interpreters of F.Nietzsche's philosophy. A.Austrinš' superhuman is very close to V.Solovjov's notion of superhuman as all-human having the characteristics and peculiarities of all humans. A.Austrinš' human is important not only as a bridge to super-human, he is regarded as a continuously developing value, as a process. Each human is different from others, unique, and humanity is a totality which consists of diverse extraordinary personalities.

KEY WORDS: superhuman, human, all-human, contradictory, moral norms, spirituality crisis, nature and civilization conflict.

Оксана Скачкова

Самарский государственный педагогический университет, Россия

Эл. почта: arnold@sama.ru

МОТИВ ДВОЙНИЧЕСТВА В РОМАНАХ А. Ф. ВЕЛЬТМАНА 1830-Х ГОДОВ

Статья представляет собой сопоставительный анализ мотива двойничества в романах А.Ф. Вельтмана 1830-х годов «МММСДХLVIII год. Рукопись Мартына-Задека» и «Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира». Автор статьи выдвигает предположение, что мотив двойничества в романах претерпевает эволюцию, так как во втором романе конфликт усложняется. Данный мотив, генетически восходящий к близнечным мифам, базируется на внешнем сходстве двух героев, при этом используется традиционный архетип демиурга/трикстера. Опираясь на классификацию типов двойничества, предложенную самарскими учеными С. З. Агранович и И. В. Саморуковой, автор строит свой анализ по следующим направлениям: конфликт, сюжетная схема мотива, его место в сюжетной схеме произведения, форма проявления двоимирия в каждом из произведений, характеристика агентов пары двойников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А. Ф. Вельтман, романтизм, двойничество, двоимирие.

В своей статье мы обращаемся к двум романам А. Ф. Вельтмана, созданным в 1830-е годы, в период расцвета творчества писателя: «МММСДХLVIII год. Рукопись Мартына-Задека» (1833) и «Светославич, вражий питомец» (1835). Сравнение в пределах одной статьи произведений, первое из которых относится к жанру социально-утопического романа (6, 4), а второе современные исследователи определяют как фольклорно-исторический роман (6, 7), обусловлено тем, что, по нашему мнению, в них присутствует мотив двойничества, в реализации которого можно выявить сходные черты. В каждом из романов представлена пара двойников, которые меняются местами, пользуясь поразительным внешним сходством друг с другом. В романе «Рукопись Мартына-Задека» разбойник Эол подменяет на престоле правителя Иоанна, в романе «Светославич» проклятый во чреве матери младенец пытается встать на место князя Владимира. Мы выдвигаем гипотезу, что две пары двойников Иоанн/Эол и Владимир/Светославич являются ступенями эволюции данного мотива в творчестве Вельтмана 1830-х годов.

В начале статьи мы хотели бы обозначить ту систему терминов и понятий, на которые будем опираться при анализе произведений. Мотив двойничества, который мы выбираем в качестве объекта исследования в данной работе, понимается нами не только как некий прием, направленный на раскрытие характера главного героя и отражающий диалектичность всех сторон жизни, как это сформулировано в эстетической системе Ф. М. Достоевского (5, 149-151), и используемый писателем в качестве одного из вспомогательных приемов-мотивов. Для Вельтмана мотив двойничества становится основным в структуре произведения. Этот мотив в двух рассматриваемых нами романах писателя является тем центром, вокруг которого строится собственно сам сюжет. Имея ярко выраженную мифологическую основу, мотив двойничества у Вельтмана аккумулирует вокруг себя проблемы социально-исторические и морально-нравственные, вместе с тем, как и у Достоевского, отражая всю многогранность мира. Двойничество Вельтмана – это своеобразное воплощение романтического двоимирия и в то же время – отражение единства мира и единства человеческой личности.

Опираясь на опыт своих предшественников и говоря об архетипе двойничества вообще самарские ученые С. З. Агранович и И. В. Саморукова дают в своей монографии «Двойничество» следующее определение этого термина: «Двойничество в широком смысле – это языковая структура, в которой образ человека корректируется одним из

исторических вариантов бинарной модели мира. Двойничество можно назвать одним из архетипов культуры. Двойничество представляет собой как бы минимальную модель социальности, минимальную структуру человеческого сообщества: «один – другой». В этой примитивной структуре двойничества фиксируется сходство и различие (несходство) с другой стороной, оно концентрируется на СВЯЗИ (выд. авт. – О. С.) «одного» с «другим» (1, 9-10). Двойничество в этом смысле следует понимать как создание или воспроизведение по уже готовой модели пары внутри произведения, где герои одновременно схожи и различны по отношению друг к другу. Данное определение мотива мы и принимаем для анализа той художественной реальности, которая создана Вельтманом в его романах 1830-х годов.

В связи с мотивом двойничества необходимо вспомнить и так называемые *близнечные мифы*, к которым генетически восходит рассматриваемый нами архетип. Е. М. Мелетинский говорит о подобных мифах следующее: «Истоки близнечных мифов прослеживаются в представлениях о неестественности близнечного рождения, которое у большинства народов мира считалось уродливым. В мифах о близнецах-братьях они, как правило, выступали сначала соперниками, а позднее становились союзниками. В некоторых дуалистических мифах братья близнецы не антагонистичны друг другу, а являются воплощением разных начал» (7, 655). Отголоски последнего из названных Мелетинским мифологических сюжетов можно обнаружить в романе Вельтмана «Светославич», где Владимир – христианское начало, а Светославич – языческое/демоническое.

Известно, что у многих народов в мифологических традициях рождение близнецов – аномальное явление. В частности, в славянской культурной традиции существовало поверье, что появление в семье близнецов – наказание родителей за грехи, за нарушение определенных табу. Дабы восстановить гармонию и спасти одного из детей, второго нужно было убить ещё в младенчестве. Считалось, что смерть одного из близнецов обеспечивает второму освобождение от всех будущих несчастий (9, 97). В рассматриваемых нами романах Вельтмана древнее поверье, связанное с появлением близнецов воплощено достаточно последовательно и очень зримо. Конечно, понятие «близнецы» употребляется нами в контексте данной статьи условно, лишь подчеркивая внешнее сходство персонажей, а во втором случае (в романе «Светославич» - О. С.) их кровное родство. Здесь термин «близнецы» равен термину «двойники». Удвоение нарушает гармонию мира, так же как появление у героев вельтмановских романов двойника/близнеца – знак нарушения установившегося распорядка жизни: «Неслучайно все сюжеты, где фигурируют двойники, связаны с темой смерти» (1, 10). Вельтман в своих романах тоже не отступает от мифологического разрешения конфликта: Эол публично убивает себя, Светославич в конце романа «сгинул».

Как мы уже отметили в начале статьи, мотив двойничества романах «Рукопись Мартына-Задека» и «Светославич, вражий питомец» строится на принципе внешнего сходства двух героев, которые меняются местами, при этом низшие по социальному положению герои занимают место тех, кто находится выше них. Причем, мысль о подмене, каждому из персонажей романов приходит в голову совершенно случайно, вернее, она внушается им другими персонажами. Так, когда Клавдиана принимает Эола за Иоанна, он говорит: *Да тем лучше... вы узнали... сходства...* (3, кн.1, 55). А Светославич, просто верит тому, что говорят ему окружающие: *«Пробравшись в царство Русское, видит он, что все люди в пояс ему кланяются, князем Владимиром величают. «А! – думает он. – так вот истинное имя мое»* (4, 347). Но это всего лишь упрощенная модель сюжета. Мотивировкой для подмены является не стремление занять чужое место, а всего лишь попытка найти свое, что в некоторой мере оправдывает поступок героев. Заметим, что Светославича даже радует, что его назвали Владимиром, так как он до этого времени вообще не имел имени (Светославич – не является именем, это лишь условное обозначение героя, подчеркивающее его кровное родство с Владимиром). Говоря иными

словами, у Вельтмана двойник-трикстер пытается занять чужое место, потому что не может найти собственное, так как у него, если пользоваться термином из психологии, нарушена самоидентификация.

Для дальнейшего анализа необходимо определить, какой тип двойничества представлен в каждом из романов. На поверхности в обоих произведениях оказывается реализация архетипической пары демиург-трикстер, так называемые *двойники-антагонисты* (1, 12-30), где Владимир и Иоанн выступают в роли культурных героев, демиургов, создающих прочное государство и воплощающих в себе образ идеального правителя, а Светославич и Эол – типичные трикстеры, пытающиеся подражать демиургу и стремящиеся к власти, которая для них является не только очередной возможностью обрести свое место в жизни, но и синонимом свободы: *«Думаете вы, что мне нужна жизнь, царство, власть, богатство, сон, прах, блеск? – нет! малодушные! Нужна мне была свобода, независимость, пространство, которое не имело бы пределов! время, которое не тяготило бы меня..., ум, который бы не заблуждался, чувства, которые бы не ведали горя; глаза, которые бы не знали ни слез, ни ночей, ни сна; тело, которое не испытывало бы усталости; женщина, которая стояла бы взоров, чувств и молитвы моей; друг, который бы не учил а понимал меня!.. Но ни здесь, ни в целом мире, ни во всей жизни нет того, чего искал я»* (3, кн. 3,130). Сравним, Светославич так мотивирует свой уход в мир людей: *«... слышу – колотит, стучит, избило недра молотом <...> ...ну я дам ему [сердцу] волю»* (4,261). Стремление к власти, которая, по замыслу автора, по праву принадлежит в данном случае герою-демиургу, и неспособность справиться с этой ношей – основной конфликт, возникающий внутри мотива двойничества в романах Вельтмана, он стоит наряду с темой обретения собственного «я». Особенно отчетливо, можно даже сказать главным лейтмотивом, тема человек и власть звучит в романе «Рукопись Мартына-Задека».

Детальный анализ романов дает нам основание говорить о том, что в каждом из них, несмотря на сходную сюжетную схему мотива двойничества (внешняя похожесть и абсолютное несходство системы ценностей личности, попытка обретения одним из агентов пары своего места в жизни – О. С.), он реализован по-разному. В более раннем романе «Рукопись Мартына-Задека» Иоанн и Эол – два абсолютных антипода. Если мы говорим о том, что в лице Иоанна Вельтман воплощает образ идеального государя, который любим народом и приближенными: *«Достоинства царя определяются любовью к нему народа. Иоанн был боготворим»* (3, кн. 1, 143), то Эол оказывается, образно говоря, идеальным воплощением преступника, который пользуется своим сходством с Иоанном, и занимает его место, руководствуясь собственной выгодой. Пара Иоанн/Эол является чистой реализацией архетипа двойников-антагонистов, где один из героев проявляет только положительные черты и является носителем добра, а второй, наделенный резко отрицательными чертами – воплощением абсолютного зла (1, 15-16). Показательным, на наш взгляд, здесь является и то, что *правителю* Иоанну противостоит *пират* Эол, таким образом, в связи с этим в романе возникает антиномия *порядок/закон – хаос/беззаконие*. Гуманистическому правлению Иоанна резко противопоставляется жестокость Эола, ноты которой сильнее всего звучат в его рукописи, представленной в третьей книге романа (3, кн. 3, 170-197). Развязка конфликта, когда Эол – двойник со знаком минус – убивает себя, не выдержав мук совести, вполне соответствует данному типу двойничества: *«Практически все литературные сюжеты о двойниках включают в себя мотив подлинной (трагической) или мнимой (смеховой) смерти»*(1, 15). Причем у Вельтмана сцена смерти, построенная в духе античной или классицистической трагедии, красноречиво говорит о раскаянии героя. Таким образом, мотив двойничества в контексте романа приобретает ещё и дидактический оттенок: Эола мучает совесть за все его преступления, в том числе и за совершенную подмену, он публично кается и убивает сам себя на глазах у толпы.

Пара Владимир/Светославич также включает в себя черты архетипа двойников-антагонистов, но данный мотив здесь реализован совершенно в ином ключе. Оба агента этой пары также являются представителями противоположных начал, но антиномия закон/беззаконие здесь осложняется религиозным конфликтом: Владимир воплощает в своем образе христианскую идеологию, его имя ассоциируется в романе с золотым веком Руси («*Прошло темное время над Русью, настало время золотое...*» (4, 368) Светославич же заявлен в романе как «*вражий питомец*» – представитель нечистой силы, которая хочет искоренить христианство. Таким образом, в романе «Светославич» в пределах реализации мотива двойничества возникает антиномия *христианство/язычество*, которая расширяет значение предыдущей антиномии, придавая мотиву более глубокий смысл, усложняя его внутренний конфликт. Исходя из этого, мы можем говорить об эволюции конфликта героев-двойников по сравнению с первым романом. Кроме того, Иоанн, как идеальный правитель, более стабилен в проявлениях своего «я» нежели Владимир. На протяжении всего романа можно видеть, что молодым князем овладевают противоречивые чувства, ему приходится делать выбор, усмирять свой гнев: «*На пирах видел Владимир меньшую дочь Эрика, Мальфриду; красота её поразила его, хотя память о неизвестной деве Новгорода в нём ещё не потухла*» (4, 290); «*...вскричал Владимир, схватив Рафна за грудь и приподняв его на воздух. Наружные двери заскрыпели; Владимир опомнился, опустил руку, пошел к окну*» (4,294). И если Иоанн предстает перед читателем предстает как некий идеал, лишенный каких-либо человеческих проявлений, то Владимир – обыкновенный живой человек.

Значительно осложняет идентификацию мотива двойничества в романе «Светославич» и то, что его агенты принадлежат к различным мирам. Романтическая эстетика возродила и воплотила в литературном произведении в новой форме фольклорную систему двух миров: своего и чужого. Двоемирие романтического произведения если и не присутствует в нем явно, то, по крайней мере, мыслится автором и читателями, вспомним романтические поэмы А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, романтическую прозу 1830-х годов. Следовательно, мотив двойничества в подобном произведении является в большей степени не признаком бинарности мира, а отражением двоемирия, так как оба героя-двойника принадлежат различным мирам: «Иногда субститутами двоемирия (применительно к паре двойники-антагонисты – О. С.) выступают психологические, нравственные, возрастные противопоставления героев. В литературе нового времени чаще всего мы наблюдаем некий комплекс противопоставлений, обязательным же остается связь двойников с перемещением в пространстве, или двупространственность художественного мира» (1, 16-17). При этом двоемирие может иметь не только сказочно-мифологическое, но и географическое и даже социальное (принадлежность героев-двойников разным общественным формациям) воплощение. В вельтмановских романах подобная тенденция проявилась достаточно ярко, особенно в более позднем романе «Светославич, вражий питомец». Даже, несмотря на то, что у Владимира и Светославича общий отец, они являются представителями разных миров: мира живых и мира нечистой силы соответственно, что приводит к раздвоению пространства романа.

Конечно, в романе «Рукопись Мартына-Задека» можно тоже говорить о двоемирии: с одной стороны это мир Босфорании, с другой – свободный остров Цитера, где издавна находили себе пристанище беглецы. Не случайна здесь и вставная легенда о дочери царя Цитерее, в честь которой и был назван остров, приведенная в третьей части первой книги романа. Цитерея, влюбленная в пастуха, бежит с ним на остров, дабы освободиться от родительской власти и тех законов, которые мешают ей вступить в брак с любимым. Затем на этот остров в поисках успокоения бежит Север, лишившийся любимой жены и дочери, и становится разбойником, дабы заглушить душевную боль. Наконец, Эол, чтобы скрыть подмену (он выдает себя за сына богатой старухи – О. С.), перевозит сюда свою лже-мать, а также своих дочерей. Именно на этом острове он

создает банду пиратов и сюда возвращается с добычей. Таким образом, мы можем сделать вывод, что остров Цитера является местом, куда бегут те, кто не хочет или не может жить по принятым в людском обществе законам, в то время как Босфорания – своеобразный оплот закона и порядка. Не случайно Вельтман несколько раз приводит выдержки из различных законодательных документов этого государства. Но двоимирие романа «Рукопись Мартына-Задека» призрачно, оно, если так можно выразиться, условно и получает географическое воплощение «своего» и «чужого» пространства. Кроме того, Иоанн и Эол являются представителями различных социальных формаций, что тоже приобретает в контексте нашего анализа определенные черты двоимирия. Зыбкое положение Эола, у которого нет ни собственного имени, ни семьи, ни привязанностей (мы не говорим здесь о наличии у него приемной и родной дочерей – О. С.) противопоставляется стабильности положения Иоанна и тоже резко разводит героев на разные социальные ступени. Мир Эола и вся его жизнь оказываются ненастоящими.

Если говорить о двоимирии в романе «Светославич», то здесь оно представлено не в географическом или социальном, а в фольклорно-мифологическом воплощении. Владимир принадлежит миру живых, а Светославич – миру нечистой силы, что равно в данном случае миру мертвых. Главным доказательством этому служит то, что Светославич – неродившийся, проклятый во чреве матери младенец, все его попытки вернуться в мир живых и занять в нем какое-либо место терпят неудачу. Светославич постоянно балансирует на грани двух миров, так как он сам по сути своей двойственен: сын язычника и христианки, человеческое дитя, выросшее в мире нечистой силы, мертвец с живым сердцем, способным на привязанность и любовь. Он, так же как и Эол, призрачен, нереален, во многом благодаря своей способности к оборотничеству, когда невольно принимает облик других людей: «Таким образом Светославич ехал и встречал везде знакомых. То принимали его за слугу хоромного..., то за мужа взбранного Княжеского, ... то за балия вецуна, чаровника или волхва, и молили его отговорить влающих» (4,323). Даже гибель Светославича кажется очень условной: «Сгинул, сгинул, раздалось в ушах *глухонемого* (выд нами – О.С.) *сторожа*» (4., 368). Как заметил по этому поводу И. П. Щеблыкин: «Никакой победы хриситанина –Владимира над язычником-Светославичем в романе не происходит. Слова же «сгинул, «Сгинул!»... имеют чисто локальный смысл (то есть ушел из данного места)...» (10,85).

Если мир острова Цитера вполне осязаем, овеществен, то мир нечистой силы, «чужой» мир оказывается за гранью восприятия читателя, добавляя ещё больше нереальности в характер главного героя, мы можем «увидеть» его лишь фрагментарно: по рассказам самого Светославича, по подводным чертогам царя Омута, тем не менее, ощущение наличия двух миров в романе очень отчетливо. Можно даже сказать, что линия Светославича напоминает сказочные сюжеты, где герой отправляется в путь с той или иной целью (8,14-15) и попадает в мир мертвых или мир нечистой силы. Но этот сказочный сюжет у Вельтмана оказывается «перевернутым»: герой из мира мертвых приходит в мир живых.

Наличие в паре двойников героев, один из которых принадлежит миру мертвых, а другой миру живых дает нам основания говорить, что в паре Владимир/Светославич присутствуют элементы *карнавальной пары*, двойников-дублеров (1, 30). Мы настаиваем именно на такой формулировке, так как считаем, что реализация данного типа двойничества в романе не представлена в чистом виде. Как отмечают С. З. Агранович и И. В. Саморукова: «Двойники-дублеры, не вступая в прямое противоборство, существуют как бы на грани двух миров» (1, 30). Действительно, в романе мы не находим прямого противоборства между Владимиром и Светославичем, они лишь мыслятся как враги, потому что принадлежат различным мирам и представляют разные религии. На протяжении всего романа герои так и не встречаются друг с другом, их сюжетные линии развиваются параллельно, тем не менее, ощущение соперничества между ними совсем не исчезает, они сохраняют в себе черты пары демиург/трикстер, поэтому мы можем

говорить, что в паре Владимир/Светославич сохраняются рудиментарные черты архетипа двойников-антагонистов.

Ещё одной неотъемлемой чертой агентов карнавальной пары двойников является их маргинальность, социальная амбивалентность, неустойчивость социального статуса (1,34-35) Подобная характеристика более всего подходит Светославичу, который, несмотря на «человеческое» происхождение, является в контексте романа представителем мира нечистой силы, он оказывается мертв не только в биологическом воплощении (он не был рожден – О. С.), но и в социальном, так как в мире людей для него нет места. Его положение осложняется ещё и тем, что он оказывается чужим не только среди живых, но и среди нечистой силы, так как его живая (во всех смыслах этого слова – О. С.) натура противится её законам.

Ещё одним, не менее важным в пределах данного исследования фактом является то, что в отличие от пары Иоанн/Эол, сходство которых автором никак не мотивировано, Владимир и Светославич имеют общего отца, поэтому оказываются ближе к классическому архетипу двойников, так как «Важнейшим признаком ЛЮБОГО ТИПА ДВОЙНИЧЕСТВА (выд. авт. – О. С.) является наличие у его агентов общих корней»(1, 21). В данном случае, по нашему мнению можно также говорить об эволюционном развитии мотива двойничества, потому что наличие общего отца у Владимира и Светославича не только объясняет их сходство друг с другом, но и во многом мотивирует тот конфликт, который предполагается между ними. Следуя законам, каждый из героев, по праву рождения, имеет право на власть, иное дело, что Светославич, как нерожденный младенец, его по вине отца лишился, но коль скоро он сумел вернуться в мир живых, следовательно, он должен попытаться вернуть и свое право. В то время как отсутствие общего происхождения у Эола и Иоанна полностью отрицает право первого на власть.

Необходимо заметить, что особенностью реализации мотива двойничества в данных романах является то, что на первый план у Вельтмана выходит двойник-трикстер, или как мы его определяем, двойник-тень (8, 21), а в романе «Светославич» автор даже выносит в заглавие имя этого героя. В результате личность трикстера, героя, со знаком минус, оказывается более многогранной, а потому более интересной для исследователя. При этом Эол и Светославич, которые восходят к архетипу трикстера, оказываются не традиционно комическими, а драматическими персонажами.

Особенностью данных романов Вельтмана является то, что в обоих случаях возникает отсыл к детству двойника со знаком минус. Эол, рассказывая в рукописи о своем детстве, много внимания уделяет именно тому, как его воспитывал брат отца: *«Он хотел исторгнуть из меня все отрицательное человека и наполнить одним положительным. Внушая в меня возвышенную твердость духа, он лишил меня добрых содроганий души: сожаления, чувствительности, нежности* (3, кн. 3, 173-174) . Сравним с высказыванием Светославича, обращенным к одному из персонажей романа: *«...а не велит Она любить людей...»* (4, 262) . При этом момент воспитания идеального правителя в лице Владимира и Эола не рассматривается. В связи с темой детства и воспитания героев-трикстеров возникает тема *невольного злодея*, которая последовательно развивается в обоих романах. Исходя из этого неслучайным оказывается и слово *«питомец»*, заявленное в названии второго романа, оно не только указывает на принадлежность героя к стану нечистой силы, но и указывает на то, что те или иные черты Светославич приобрел именно благодаря воспитанию. Ни Светославич, ни Эол не выбирали свою судьбу, в результате воспитания и стечения жизненных обстоятельств они просто подчинились тому, что уже выбрали за них другие: будь то родители, родственники или просто окружающие их люди.

Сопоставив реализацию мотива двойничества в романах Вельтмана 1830-х годов мы можем с уверенностью сказать, что, в них использован действительно сходный по структуре мотив сходства/различия героев, которые представляют собой два полюса человеческого сознания, два типа поведения, а во втором случае ещё и две религии.

Данный мотив претерпевает в романе «Светославич, вражий питомец» заметную эволюцию по сравнению с романом «Рукопись Мартына-Задека». Особенно ярко это проявилось в усложнении конфликта от чисто социального до социально-религиозного и в принципе изображения каждого из двойников. Если в первом романе Иоанн и Эол лишь внешне похожие персонажи, которые временно меняются местами, то Владимир и Светославич уже оказываются не просто представителями разных миров и разных религий, имея при этом общие корни, а воплощающих две сущности одного и того же человека: «*Два образа Владимира реализованы Вельтманом в двух героях – человеке и кикиморе...*» (2, 464). Кроме того, от использования схемы двойников-антагонистов Вельтман приходит к сочетанию двух типов двойничества антагонисты и двойники-дублеры, что позволяет ему с одной стороны усложнить конфликт, с другой – расширить возможности изображения характеров.

Использование в ранних романах мотива двойничества позволило Вельтману показать в них не только многогранность бытия, но и поставить в них достаточно глобальные вопросы власти, нравственности, воспитания, права человека на выбор и на личную свободу.

ЛИТЕРАТУРА

1. АГРАНОВИЧ, С.З.; САМОРУКОВА, И.В. Двойничество. Самара: изд-во СГУ, 2001.
2. БОГДАНОВ, А. Александр Вельтман – писатель-историк. *Вельтман А.Ф. Романы*. Москва: Современник, 1985, с. 458-481.
3. ВЕЛЬТМАН, А. Ф. МММСДХLVIII год. Рукопись Мартына-Задека. Москва. Тип. Августа Семена, 1833 (Так как роман издан в трех книгах и у каждой собственная нумерация, то после указания номера источника в списке литературе будет указан номер книги).
4. ВЕЛЬТМАН, А.Ф. Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира. *Вельтман А.Ф. Романы*. Москва: Современник, 1985, с. 243-369.
5. Достоевский: Эстетика и поэтика. *Словарь справочник*. Челябинск: Металл, 1997.
6. КАЛУГИН, В.И. Романы Александра Вельтмана. *Вельтман А.Ф. Романы*. Москва: Современник., 1985, с. 5-21.
7. МЕЛЕТинский, Е. М. Общее понятие мифа и мифологии. *Мифологический словарь*. Под ред. Е. М. Мелетинского [отв. ред.] и др. Москва: Сов. Энциклопедия, 1991, с. 653-658.
8. СКАЧКОВА, О. А. Художественное своеобразие фольклорно-исторических романов А. Ф. Вельтмана («Кощей бессмертный» и «Светославич, вражий питомец»). *Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Самара, 2004
9. ШАПАРОВА, Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2001.
10. ЩЕБЛЫКИН, И. П. О первоначальном плане второй части романа А. Ф. Вельтмана «Светославич, вражий питомец» (По архивным материалам) *Филологические науки*. № 4/1975, с. 80-86.

Skachkova Oxana

Samara State Pedagogical University, Russia

THE MOTIVE OF DUPLICITY IN WELTMAN'S NOVEL OF 1830S

Summary

This article is comparative analysis of the motive of duplicity (we consider *duplicity* in our article as the principle of double presentation of one of the main characters) in Wetlman's novels of 1830 s: "3448th yare. The Martin-Zadeka's manuscript" and "Svetoslavich is a foe's pupil". The author of the article supposes that the motive of duplicity is becoming more complicated in the second novel in comparison with the first one. This motive, routed to myths about twins, is based on the similar appearance of the two characters. The both novels have traditional archetype of demiurge /trickster. Taking into consideration the classification of duplicity types given by Samara philologists S. Z. Agranovich and I. V. Samorukova, the author of the of the article presents his analysis in different aspects: the conflict, the plot of the motive, its place in the plot of he novel, the form of presentation of duplication of the world in each of the novels, the characteristics of the agent a pair of twins in the novels.

KEY WORDS: Weltman, romanticism, duplicity, the duplication of the world.

Татьяна Сурганова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия

E-mail: coramail@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ТОПОЛОГИИ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ АЛЛЮЗИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Вопрос о «соотношении инварианта и вариации» в языкознании Р. О. Якобсон выделил как «насуущую тему всего современного научного мышления» (1, 7). Сегодня различные аспекты филологической топологии разрабатываются, в частности, школой английской филологии МГУ (2, 46-56; 3, 20-26). Последние полтора десятилетия в России также отмечены резко возросшим количеством исследований, посвященных тексту Библии и его существованию в художественных произведениях. Задача настоящей статьи, применяя метод топологического анализа, показать на отдельных примерах роль евангельской аллюзии как одного из важнейших лингвопоэтических факторов, влияющих на раскрытие герменевтики текста.

Онтология библейской цитаты в художественном тексте, на наш взгляд, включает в себе несколько лингвистических и культурологических аспектов: особое значение текста Ветхого и Нового Заветов в контексте христианской и мировой культуры; вопрос узнавания цитаты или аллюзии читателем либо переводчиком; возможность адекватного воспроизведения библейской аллюзии на языке-цели, если речь идет о переводе; наконец, вопрос о совпадении авторской и читательской интерпретации цитируемых библейских стихов в контексте авторского замысла.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: филологическая топология, вариант, библейская цитата, библейская аллюзия.

Читая предисловие Уильяма Тиндейла к выполненному им переводу Нового Завета, можно судить, с каким благоговением относился переводчик к предмету своего труда и с какой истовостью стремился донести до соотечественников не только букву, но дух Евангелия на их родном языке. Исследователи единодушны в чрезвычайно высокой оценке его работы. Признано, что именно лапидарной красоте и точности языка Тиндейла обязана Библия короля Якова, в основу которой лег его перевод, репутацией непревзойденного шедевра английской словесности.(4, 10). Воистину к сделанному им приложимы слова апостола о «деле веры и труде любви» (“work of faith and labour of love”) (1 Фес., 1,3).

Удачная аллитерация, найденная Тиндейлом и дополнившая ритмико-синтаксический рисунок параллелизма, высветила смысловую наполненность второй части и перенесла ее впоследствии в разряд крылатых выражений. Сегодня “the labour of love”, не маркируемое в большинстве современных словарей как библеизм, продолжает существовать в английском языке, перейдя из книжного стиля в нейтральный и обозначая «работу, исполняемую кем-либо для собственного удовольствия, либо для удовольствия других, без расчета на вознаграждение» (5). Вот как, например, звучит это выражение у современного автора, достаточно далекого и от филологии, и от богословия: “In recent years, the battery-powered transistor tape-recorder has given the bird-watcher an accurate recording tool, which is quite easily portable, unlike the equipment of pioneer Ludwig Koch. This was very heavy, very cumbersome and recorded on disc: his sound-book *Songs of Birds* was indeed a labour of love”. (Peter Goodfellow. *The Projects with Birds*. UK, 1992.)

Аллитерационное благозвучие фразы подчеркивает Шекспир, называя одну из ранних комедий “Love’s Labour’s Lost”; одновременно закладывается мощная традиция иронического переосмысления и игры с библейским текстом, в полном соответствии с философией «Весь мир - театр». Структурно-семантические изменения сопровождаются весьма вольной «переадресовкой» предметной отнесенности» (6, 127) библеизма. Такую

возможность позволяли, разумеется, не только изменившиеся общественные настроения: сама принадлежность Библии к высокому стилю «уже заведомо создает базу для стилистических инноваций». (6, 153). Этот потенциал и реализовался с изменениями, произошедшими в общественном сознании. Очевидно также, что личностная адресованность Евангелия, выступающая как одна из важнейших функциональных характеристик этого текста, становится основой для бесконечно многих *личных интерпретаций*.

«Библейские тексты за долгую историю своего существования претерпели многочисленные трансформации (переводились с языка на язык, передавались устно, истолковывались, цитировались, им подражали, их пародировали и т. п.), и потому, став общекультурным достоянием человечества, они представляют поистине бесценный материал для филологической топологии» (1, 90). Имея в виду вышесказанное, оговоримся, что объектом нашего внимания в данном исследовании являются тексты Нового Завета как источник возможного цитирования в анализируемых художественных отрывках. Кроме того, поскольку аллюзия рассматривается как один из вариантов внутри произведений *английской* словесности, правомерно говорить о переводе Тиндейла и об изданиях Женевской Библии как прототексте-первоисточнике для литературы шекспировской эпохи и о Библии короля Якова в качестве прототекста для литературы 17-20 веков.

Изменения смысловые и стилистические, которые следуют за любыми формальными изменениями, вносимыми в текст церковного обихода, всегда были и продолжают оставаться прежде всего предметом богословской науки. Анализ филологический, разумеется, предполагает другие задачи, но в данном случае сам характер исходного текста обязывает учитывать и богословский аспект. Став частью литературы, Евангелие не перестало быть Благой Вестью. Иными словами, текст Священного Писания изначально создавался и продолжает существовать как текст *особой природы, несущий двойную нагрузку*. Это, безусловно, текст, который обладает замечательными литературно-художественными достоинствами и предоставляет в наше распоряжение огромное историческое, культурное, литературное богатство. Однако более важная его объективная характеристика, кардинально отличающая его от светской литературы, состоит в том, что текст Ветхого и Нового Завета обладает особыми свойствами (если пользоваться евангельским же образом) «закваски» (Мф. 13, 33; Лк. 13, 20), благодаря которой принимающее произведение всегда вырастает, обогащается символическими смыслами поверх сюжетных перипетий. Сочетавшись с евангельским стихом, художественный текст неизбежно становится пронизан для духа тайны и Истины, даже если автор отваживается с ним спорить.

Существование его в виде скрытой цитаты как часть авторской художественной задачи представляется нам связанной прежде всего с *отношением* как автора, так и читателя к прототексту. Здесь очень важным представляется нам то обстоятельство, что любая цитата осуществляется в качестве таковой только в диалоге: диалоге исходного и принимающего произведения, во-первых; диалоге автора и читателя, во-вторых. Это стоит отметить в связи с возможностью различных интерпретаций авторского текста, начиная с элементарного опознания цитаты.

Включение автором евангельской аллюзии в собственный текст есть в определенном смысле его интерпретация Евангелия – назовем его «отношением один». «Отношение два» – читательская интерпретация авторского текста, содержащего аллюзию. Третий аспект, безусловно, читательская пресуппозиция, формирующая интерпретацию. «Отношение один» непосредственно входит в область компетенции филологической топологии, рассматривающей возможные структурные, семантические и функциональные изменения, поскольку в авторском тексте создается вариант, позволяющий говорить о степени близости к прототексту либо его искажения.

Разумеется, проследить или оценить все или даже основные моменты изменения этого отношения в истории английской литературы в кратком экскурсе невозможно. Задача настоящей статьи – опираясь на теоретические положения и практические выводы, разработанные в области филологической топологии школой английской филологии МГУ, попытаться на отдельных примерах показать роль евангельской аллюзии как одного из важнейших лингвопоэтических факторов, влияющих на раскрытие герменевтики текста.

По некоторым версиям, «Цимбелин» создавался Шекспиром с прямой отсылкой к королю Якову (7, 163). В двух сыновьях и дочери древнего британского короля современники драматурга усматривали, и нынешние исследователи продолжают видеть, сходство с королевской семьей. Однако скрытый символический смысл пьесы соотносился не только с британской историей – как фактической, так и легендарной – но и с новым духовным смыслом, с «признаками божественного» в царствовании британского короля, каковые прочитывались в историческом прошлом страны современниками драматурга. «Действительно важным относительно короля Цимбелина было то, что...его царствование в Британии совпало с правлением Цезаря Августа в Риме, и, следовательно, Христос родился именно в его время».(8, 219) Имогена, самый привлекательный персонаж пьесы, согласно некоторым трактовкам, олицетворяет «целостность души Британии» (“Britain’s soul integrity”), а также чистоту религиозного чувства реформированной церкви (8, 224) Поэтому нас не должен вводить в заблуждение «псевдо-античный» фон пьесы.

Как мы помним, завязкой действия служит классически-условная неторопливая беседа двух придворных, из которой зрителям или читателям становятся ясными исходные взаимоотношения основных героев. К началу IV акта интрига действия сосредоточивается на персонаже, каждое предыдущее появление которого вызывало у зрителей презрительный смех. Монолог Клотена вполне мог бы служить той же завязкой, кажется, можно, не слышав или не читав предыдущих 3-х действий, составить себе живое представление и о главных действующих лицах, и об интриге в той ее части, которая относится непосредственно к Клотену, и о его собственном характере. Уайльд в «Истине масок», говоря об этих эпизодах, отмечал изумительную энергию текста.

Cloten. I am near to the place where they should meet, if Pisanio have mapped it truly. How fit his garments serve me! Why should his mistress, who was made by him that made the tailor, not be fit too? the rather, saving reverence of the word, for 'tis said a woman's fitness comes by fits. Therein I must play the workman. I dare speak it to myself, – for it is not vain-glory, for a man and his glass to confer in his own chamber, – I mean, the lines of my body are as well drawn; no less young, more strong, not beneath him in fortunes, beyond him in the advantage of the time, above him in birth, alike conversant in general services, and more remarkable in single oppositions; yet this imperceiverant thing loves him in my despite. What mortality is! Posthumus, thy head, which now is growing upon thy shoulders, shall within this hour be off; thy mistress enforced, thy garments cut to pieces before thy face; and all this done, spurn her home to her father, who may haply be a little angry for my so rough usage, but my mother, having power of his testiness, shall turn all into my commendations. My horse is tied up safe; out, sword, and to a sore purpose! Fortune, put them into my hand! This is the very description of their meeting-place; and the fellow dares not deceive me (9).

Отметим, что композиционно монолог замкнут обрамляющим «я»-повтором (“I am near to the place where they should meet, if Pisanio have mapped it truly.<...> This is the very description of their meeting-place; and the fellow dares not deceive me”). Местоимения I, me строго начинают и завершают монолог, и все упоминаемые персонажи оказываются затянутыми всепоглощающим центростремительным чувством, как водоворотом. Энергия текста направлена на клотеновское «я», на короткое время затмевающее собою всех и вся.

Замечательно, что имя Постума, главного антагониста Клотена, возникает только во второй половине монолога; однако слова „How fit his garments serve me!“ произносятся с таким зарядом злорадства, что читатель ни в малейшей степени не обманывается предшествующим соседством другого имени. Просодическое оформление отрывка подразумевает чрезвычайно четкую границу между первой и последующими фразами. Обращение к мечу и к Фортуне являет собой высший накал мстительного чувства, после чего следует завершающая «тихая» фраза, опять-таки интонационно четко отграниченная от предшествующей бури.

Клотен не просто поглощен картинами мести, он одержим ими. Его мысль не способна вырваться за круг, очерченный его же собственными страстями: завистью, похотливым желанием, оскорбленной гордостью. В святоотеческих трудах такое состояние духа человека описывается как состояние одержимости бесами (10).

Это духовное состояние внешне напоминает собой своего рода «молитву», лишь с противоположным знаком¹; так и сам Клотен представляет собой отрицательного двойника Постума.

Навязчивая идея отомстить, переодевшись в одежду, похищенную у соперника, и самодовольное сравнение себя с ним, возможно, рождает образ человека перед зеркалом или наедине с зеркалом; именно так это место воспроизводится практически во всех известных нам переводах². Однако в оригинале «человек беседует с зеркалом в «своей собственной комнате» (“for it is not vain-glory, for a man and his glass to confer in his own chamber”). Интонационно процитированная фраза оформлена как парентеза, и ее смысловое отношение к отрывку в целом представляется неким самоочевидным фоном внутреннего монолога.

С формальной же точки зрения «комнату» и «зеркало» среди лесной чащи можно рассматривать как чисто сценическую условность, позволяющую автору перевести монолог Клотена на любование собственными «достоинствами». Однако мы позволим себе сделать другое предположение, на наш взгляд, более отвечающее сути происходящего.

«Человек наедине с зеркалом» таким стал смысл шекспировской фразы в большинстве переводов; иными словами, образ «комнаты» прочитывается не как реальное физически ограниченное пространство негде ему появиться посреди леса но как символ уединения; тогда вполне естественно, что “in his own chamber” понимается и

¹ Мы позволяем себе употребить это выражение вслед за епископом Варнавой, который говорит о проявлениях отрицательной духовности в языческом мире

² *Клотен*. Если Пизанио верно описал мне, то встреча у них назначена где-то поблизости. Платье Постума пришлось мне впору, как по мерке. Отчего бы мне не прийти по мерке и его возлюбленной? Ведь говорят, что женщине впору тот придется, кто к ней впору подберется. Вот тут-то я и должен изловчиться. Раз нет ничего зазорного в том, что человек, находясь наедине с зеркалом, любит себя, то могу признаться... (пер. П. Мелковой)

К: Как мне к лицу платье Постума! В нем я должен был бы понравиться и возлюбленной Постума. Она создана из того же теста. ...Так как нет ничего дурного в том, что человек любит собою, наедине с зеркалом, и беседует сам с собою, то я могу признаться ... (пер. В. Шершеневича)

К: Как впору мне его платье! Почему бы не быть мне впору и его любезной, которую создал тот же, кто и портного? ... Смею сказать о себе (ведь тут нет никакого тщеславия, если наедине заглянешь в зеркало)... (пер. А. Куршовой)

К: Как идет мне его платье и как оно мне нравится! Почему бы мне не пристала в нем и его возлюбленная, когда она создана тем же, кто создал портного? ... Так как нет ничего предосудительного, если человек у себя в комнате разговаривает сам с собою перед зеркалом, то я сам могу сознаться себе... (пер. Канишина)

К: Как впору мне его платье! Отчего же не будет впору и любезная, которая создана тем же, кто сотворил портного? ... Я должен сознаться (ведь не грешно никому советоваться с зеркалом, наедине)... (пер. А. Бородина)

К: Как впору мне его платье! Отчего бы не быть мне впору и его любезной, которую создал тот же, кто и портного?... Я сам могу сознаться – ведь тут нет никакого тщеславия, если наедине заглянешь в зеркало – что ... (пер. Ф. Миллера)

передается как «наедине», слово „chamber” как таковое становится не нужным и опускается в переводе как некое речевое излишество; “own” также опускается.

Между тем формально обозначенная замкнутость монолога, о которой шла речь выше, не напоминает ли о замкнутости физического пространства-«комнаты»? «Стены» ее - первая и последняя фразы, просодически отличные от «внутреннего пространства», где мысль Клотена ходит по кругу, сосредоточенная на картинах мести. Символический же образ комнаты человеческого сердца, места сокровенной молитвы, восходит к евангельскому стиху: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою, и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф, 6,6). Комментаторы единодушны в том, что «комната» в этом стихе означает не столько физическое пространство, сколько метафизическое, пространство души, где человек молитвенно уединяется, оказываясь наедине с Богом.

Вот как выглядит процитированный стих в английских изданиях Библии, современных Шекспиру:

“But when thou prayest, *enter into thy chamber* and shut thy door to thee, and pray to thy Father which is in secret...” (Новый Завет в переводе Тиндейла, 1534).

“But when thou prayest, *enter into thy chamber*: when thou hast closed thy doore, pray unto thy Father which is in secret, thy Father which seethe in secret, shall reward thee openly”. (Женевская Библия, 1595).

“But thou, when thou prayest, *enter into thy closet*, and when thou hast shut thy door, pray to thy Father which is in secret”. (K.J.V., 1611).

В варианте, отредактированном для короля Якова, *chamber* уступает место *closet*, однако мы помним, что «Цимбелин» в любом случае, даже если принимать во внимание несколько расходящиеся версии постановки пьесы, написан раньше появления Библии короля Якова. И, кроме того, чтобы новая редакция вытеснила собой в культурном обиходе предыдущий вариант, должно было пройти достаточное время.

Замена же, произведенная Шекспиром (*into thy chamber in his own chamber*) интонационно и стилистически очень характерна, ибо демонстрирует сознание человека нового времени: Творец еще, может быть, и допускается в качестве причины мира, но человек открыто не допускает его «в собственную комнату».

В пользу нашего предположения говорит также ближайшее соседство словосочетания «*vain-gloou*» с загадочной комнатой в шекспировском отрывке: хотя точно такого словосочетания нет в шестой главе Матфея, но речь там идет именно о тщеславии лицемеров и прославлении праведников, творящих милостыню втайне. Внутри этой темы объяснимо появление зеркала как олицетворения тщеславия: Клотен примеряет на себя не только одежды Постума, но и его душевные качества, ставя себя безусловно выше. Интересно также отметить, что в этой сцене (акт IV, сцены I, II) *все* действующие лица переодеты: Имогена-Фиделио, Беларий-Морган, Гвидерий-Полидор, Арвираг-Кадвал; однако их переодевания не вызваны *тщеславием и завистью* и не влекут за собой бесславного конца в качестве своеобразной награды (“reward” у Матфея). Переодевание Клотена именно лице-мерие, примеривание на себя другой личности. И возможная евангельская реминисценция в его монологе, сопрягаясь с *мотивом заимствованных одежд*, еще раз, одновременно изнутри и издалека, позволяет взглянуть на перерождение и трагедию другого шекспировского героя.

Ross. And, for an earnest of a greater honour,
He bade me, from him, call thee Thane of Cawdor <...>

Macbeth. The Thane of Cawdor lives: *why do*
you dress me

In borrow'd robes?

<...>

Menteith. What does the tyrant?

<...>

Angus. Now does he feel
His secret murders sticking on his hands;
Now minutely revolts upbraid his faith-breach;
Those he commands move only in command,
Nothing in love; *now does he feel his title*
Hang loose about him, like a giant's robe
Upon a dwarfish thief. (выделено мной.- Т.С.) (9).

Завершая разговор о «Цимбелине», отметим следующее обстоятельство: нельзя сказать, что библейский стих в анализируемом отрывке явно узнаваем. Вне всякого сомнения, текстуальное совпадение *одного* слова в сопоставляемых текстах само по себе никак не может быть свидетельством скрытой аллюзии, хотя исследователями уже было отмечено, что при трансформации библейские заимствования претерпевают изменения как качественного, так и количественного характера. «Крайним пределом сокращения является семантическое сжатие его в слово, концентрирующее в себе денотативное, коннотативное, образно-метафорическое значения оборота» (6, 146), или целого стиха. Структурные и семантические изменения, однако, не затронули образно-символического инвариантного уровня стиха («комната - сердце»), хотя прагматика образа стала прямо противоположной. Кроме того, другие случаи употребления “chamber” (напр., акт II, сц. II) совершенно однозначны и не несут никаких добавочных коннотаций. Повторю еще раз: в пользу того, что монолог Клотена мог отсылать читателя или зрителя пьесы к тексту 6 главы Матфея, говорят несколько характеристик текста:

- 1) трудно объяснимое только физическим переодеванием появление «комнаты» и «зеркала»;
- 2) ощущение «молитвенной» силы и сосредоточенности чувства;
- 3) формальная организация «я»-монолога как замкнутого пространства «комнаты»;
- 4) тема тщеславия (“vain-glory”, “glory of men”) и награды лицемерам и нелицемерным, общая для анализируемых текстов.

В числе прочих сказок, собранных Уайльдом в «Счастливом принце» и «Гранатовом домике», сказка-притча «Преданный друг» выделяется хотя бы уже тем, что рассказана «не-авторским» голосом. В обрамлении собственно притчи участвуют зверюшки: Коноплянка, Утка, Водяная Крыса. И если Коноплянке передоверено *рассказать* печальную историю о преданном друге (что является довольно обычным приемом остранения), то Крыса предстает первым *слушателем* истории. Это слушатель, который занимает весьма решительную и в целом недоброжелательную позицию и не видит причин скрывать свое отношение к рассказу. Тем самым создается некое дополнительное пространство между текстом притчи и собственно читателем. Обычная схема «автор - текст - читатель» выглядит в «Преданном друге» следующим образом: автор – «рассказчик» - текст – «слушатель» - читатель.

Два персонажа в сказке Мельник и Водяная Крыса по воле автора получают привилегию говорить парадоксами, которыми блистал сам Уайльд. Таким образом, они отчасти наделены авторскими характеристиками, при том что явно ироническое отношение к ним автора не вызывает сомнений. Парадоксы Мельника приводят к смерти Ганса, так же как парадоксы лорда Генри имеют своим следствием душевное перерождение и гибель Дориана Грея. Очевидно, что парадоксальность многих библейских стихов («пара доксан» против ожидания) воодушевляет Уайльда, который и в собственном творчестве ставит парадокс как на уровне словесном, ситуативном, так и на уровне мировоззренческом, философском во главу угла.

В конечном итоге читатель вынужден иметь дело со всей этой довольно сложной и, главное, не совсем понятной многоголосицей. Словно в телефонный монолог,

содержание которого предназначено для одного, вклиниваются чужие голоса, которые также приходится волей-неволей учитывать, выслушивая главное. Ведь именно Крыса, созерцая Уткино семейство, безапелляционно заявляет: «Что за непослушные дети! Вот уж, право, их следовало бы утопить!» (“What disobedient children!” cried the old Water-rat; “they really deserve to be drowned”³.) Даже если читателю и «известно, что Англия во все времена «славилась» жесткой системой наказаний учащихся» (11, 95), такое заявление кажется не более чем речевой характеристикой иронически трактуемого персонажа пока мы не узнаем, что Ганс, которого Уайльд прямо называет «очень хорошим учеником» (“he was a very good scholar”) именно утонул: “...and there poor little Hans was drowned. His body was found the next day by some goatherds, floating in a great pool of water, and was brought back by them to the cottage”. В пассивной форме *was drowned*, усиливаемой непосредственно следующими за ней *was found* и *was brought*, высвечивается значение «действия, совершаемого над кем-то». Получается, что Ганса, несмотря на его послушание, «следует утопить»? Системный код художественного текста оказывается куда глубже ожидаемой схемы; он требует другого фонового знания, нежели обыденные, хотя и «правильные», представления о добре и зле. Слова о том, что «...для сказки Уайльда характерно открытое обращение к морали, а сам автор не скрывает своей нравственной устремленности к возвеличиванию душевной красоты, внутреннего богатства, сострадания и самопожертвования как высших ценностей»(11, 59), требуют уточнения.

Именно Крыса, этот недоброжелательный слушатель, заставляет нас обратить внимание на тему послушания/непослушания и воздаяния, которая возникнет и трагически разрешится в самой истории о Преданном друге.

Подобным же образом центральные персонажи получают иную трактовку, как и сама «сказка о правдивой и мнимой дружбе, которой Ганс был предан на деле, а Мельник только на словах»(11, 40).

Уайльд, как и все выпускники Оксфорда, получил религиозное образование, хорошо был знаком с корпусом текстов Ветхого и Нового Заветов, и уже в пору своего студенчества, в силу ряда обстоятельств, не скрывал иронического своего отношения к некоторым проявлениям викторианской морали как воплощению поверхностно трактуемых библейских заповедей. В частности, поведение Уайльда на выпускном экзамене по богословию может служить яркой иллюстрацией сложившихся в дальнейшем его художественных принципов тут и склонность к эпатажу, каламбурам, игра смыслов и неуловимая ирония в интонации(12, 21).

Слова Мельника, как верно отмечает исследовательница (11, 55), часто представляют собой вывернутые наизнанку общеизвестные истины, закрепленные в пословицах. Однако слова Мельника на протяжении всей сказки это еще перевернутое «с ног на голову» богословие, его собственная трактовка евангельского содержания. Иногда это перифраз известных строк: “friendship never forgets” (“Charity never faileth” 1 Кор., 13, 8). Но как правило, разглагольствования Мельника построены по схеме церковной проповеди с использованием как приемов формальной логики и риторики, так и соответствующей топики: “Why, if little Hans came up here, and saw our warm fire, and our good supper, and our great cask of red wine, he might get envious, and envy is a most terrible thing, and would spoil anybody’s nature. I certainly will not allow Hans’ nature to be spoiled. I am his best friend, and I will always watch over him, and see that he is not led into any temptations”. Уайльд и не скрывает источника Мельниковых сентенций, когда комментирует их устами его жены: “I am sure the clergyman himself could not say such beautiful things as you do”; “...really I feel quite drowsy. It is like being in church”.

---

³ Здесь и далее рассказ «Преданный друг» цитируется по изданию: The Fairy Stories of Oscar Wilde. London, 1976, pp. 43-59.

Ганс, по словам Мельника, пока осваивает только практику дружбы: всегда непритворно искренен, неприторно наивен, счастлив в своей бедности, детски чист в своих помыслах. Маленький сын Мельника, жалеющий маленького Ганса, цветы, которые он выращивает, и птицы, пение которых он слушает, «обнаженный сигнал кода» (Лотман), с помощью которого Уайльд отсылает читателя к хорошо известным образам: «будьте как дети», «взгляните на птиц небесных», «посмотрите на полевые лилии, как они растут» (Мф. 18, 2-4; Мф. 6, 26-28). Эти *образные аллюзии* позволяют по-иному взглянуть на центральную тему сказки: простодушный Ганс так предан своему другу, что фактически исполняет роль послушника, выполняя самые трудные и вздорные просьбы Мельника. Послушание же в святоотеческой литературе и практике одна из первых ступеней на *лестнице спасения*. Трагическая и событийно бессмысленная смерть Ганса (мы так и не узнаем, помог ли сынишке Мельника ночной визит Доктора, за которым был послан маленький Ганс) также освещается и освящается евангельским текстом: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан.,15:13).

С другой стороны, самоотречение Ганса, как оно показано в сказке, постоянно балансирует на грани абсурда благодаря фразе Мельника о тачке, которую он собирается подарить Гансу в ответ на его помощь. Непередаваема ирония, с какой Уайльд выстраивает вектор Мельникова намерения. И *намерение* это так же неиссякаемо и, в сущности, так же бесконечно, как *добрые дела* Ханса. Две эти величины настолько равнозначны друг другу, что приведи, паче чаяния, Мельник свои слова в исполнение, и это тем самым в логике иронии Уайльда будет означать прекращение добрых дел интрига остановится, сказка до конца не доскажется. А так, под непрекращающийся рефрен о тачке мы постепенно подвигаемся к развязке. «Жизнь для других» доведена до своего логического конца ,т.е. до смерти ради другого - и не является заслугой в том смысле, что человек таким образом реализует свое «я»⁴.

Если принять в качестве кода сказки совокупность евангельских текстов, символические коннотации зазвучат в «деталях и репликах обыденно-бытового характера» (11, 52) в завершающем эпизоде похорон Ганса.

“Everybody went to little Hans’ funeral, as he was so popular, and the Miller was the chief mourner. <...>

“Little Hans is certainly a great loss to every one”, said the Blacksmith, when the funeral was over, and they all seated *comfortably* in the inn, drinking spiced wine and eating sweet cakes...” (выделено мной. – Т.С.).

“*Blessed are those who mourn, for they shall be comforted*” / «*Блаженны плачущие, ибо они утешатся*» (Матф. 5, 4) – один из самых известных евангельских стихов⁵, звучащий в начале литургии, сотни раз откомментированный в серьезных трудах, «становится на голову» отчасти опять благодаря Мельнику, ибо именно он «плачущий»

⁴ Ср. в «De Profundis»: «А что касается Альтруизма, то кто лучше его (Христа. – Т. С.) понимал, что нами правит призвание, а не пристрастие и что нельзя собирать виноград с терновника и смоквы с репейника?» УАЙЛЬД, О. *Письма*. Москва, 1997, с. 214.

⁵Заметим, что в существующих русских переводах сказки отсылка к Нагорной проповеди никак не прослеживается:

Все пришли на похороны Маленького Ганса, потому что все его любили. Но больше всех горевал Мельник. <...> «Смерть Маленького Ганса – большая утрата для всех нас», - сказал Кузнец, когда после похорон все собрались в уютном трактире и попивали там душистое вино, закусывая его сладкими пирожками.<...> (пер. Ю. Кагарлицкого)

Но первым лицом на похоронах был, разумеется, мельник...

Когда похороны окончились и все уютно уселись в трактире, попивая душистое вино и закусывая сладким печеньем... (пересказ Т. Габбе)

...а больше всех оплакивал его Мельник...

Когда похороны окончились и все уютно уселись в трактире, попивая душистое вино и закусывая сладкими пряниками... (пер. Соколовой)

...а мельник был главным скорбным лицом....когда все они сидели удобно в трактире и пили приправленное пряностями вино и ели сладкие пироги... (Б-ка языкознания, 1917)

(главный плачущий, что характеризует его вполне!) и центральный «утешающийся». Видоизменяясь внешне, евангельский текст иронически переиначивается, оборачиваясь расплывчатой двусмысленностью⁶. Морфологические изменения, которым подвергается прототекст аллюзии, и разнесенность ее компонентов в эпизоде играют свою роль: в конце концов, нельзя наверняка сказать, имел ли в виду автор *амбивалентную* отсылку к Писанию, или это домыслы (*reading into*) слишком усердного читателя, которому опасно рассказывать истории с моралью; ведь «вино и пирожки» в контексте Нагорной проповеди и Евангелия в целом неизбежно приобретают символические коннотации вина и хлеба причастия — *утешения, выше которого ничего нет*.

Можно было бы отмахнуться от сомнительной трактовки, оставшись на позициях «открытого обращения к морали», но вопрос Водяной Крысы «что случилось с Мельником?» снова погружает нас в недоумение, как погружали в недоумение окружающих слова и действия Христа, пришедшего *не праведных, но грешных призвать к покаянию* (Мф, 9:13)⁷. Это тот уровень, который возникает в рассказе вопреки симпатиям читателя и автора, вопреки житейской логике и здравому смыслу.

Проблема топологии евангельской аллюзии в авторском тексте, таким образом, заключает в себе несколько аспектов. Сформулированные в самом общем виде, они могут быть представлены как, во-первых, вопрос узнавания цитаты или аллюзии читателем либо переводчиком, причем в некоторых случаях, как мы попытались показать, важен не только сам момент отсылки, но и исходный контекст конкретной библейской фразы. Следующим шагом, если речь идет о переводе, является вопрос о возможности адекватного воспроизведения библейской аллюзии на языке-цели; здесь задача тем сложнее, чем более размытой по отношению к оригиналу и, соответственно, более вплавленной в авторский текст является аллюзия. При этом именно незаклужение ее в кавычки, внешняя невыявленность дает большую свободу ассоциативным связям текста. С другой стороны, присутствие, которое лишь угадывается, является частью и читательской задачи, и переводческой, поскольку представляет собой отдельный момент и в расшифровке, и в иноязычном воспроизведении герменевтики текста.

Наконец, едва ли не самый важный вопрос, возникающий после того как цитата успешно опознана и, в случае перевода, успешно воспроизведена, это вопрос о цели авторского замысла. Конечная точность интерпретации будет зависеть здесь в первую очередь от того, одинаков ли язык Библии для автора и для читателя. Речь не идет о том или ином национальном языке — имеется в виду аксиологическое значение языка Евангелия, на каком бы человеческом наречии ни звучала Благая Весть. Очевидно, что личностная адресованность Евангелия при неизменной объективности содержания становится основой для бесконечно многих интерпретаций. Границы их в зависимости от конфессии, культурного уровня и религиозной «образованности», если позволительно такое выражение, оказываются наиболее размытыми, а версии читателя или критика могут колебаться от линейного поверхностного прочтения до привнесения в текст избыточных смыслов, которых автор мог даже не иметь в виду.

⁶ Ироническую трансформацию нварианта «плачущие утешатся» мы находим, например, у Киплинга в рассказе “Three and - extra”: “Bremmil... was a beautiful husband until the baby died and Mrs. Bremmil wore black, and grew thin, and *mourned* as though the bottom of the Universe had fallen out. Perhaps Bremmil ought to *have comforted* her. He tried to do so, but *the more he comforted the more Mrs. Bremmil grieved*, and, consequently, the more uncomfortable grew Bremmil...” In *KIPLING, R. Plain Tales from the Hills. New York, p. 9*. Семантические и синтаксические изменения сознательно используются для создания общей иронически-сниженной интонации, в которой написан рассказ.

⁷ Ср. в «De Profundis»: «Увещевая юношу, которого он полюбил с первого взгляда, он говорит ему: «Продай все, что имеешь, и раздай нищим», - думая не о нужде бедняков, а о душе юноши, которую богатство губило». УАЙЛЬД, О., сноска 22, с. 214. “Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим”(Матф.19:16-26; Марк 10: 17-27, Лк. 18: 18-27).

ЛИТЕРАТУРА

1. Цит. по: ПОЛУБИЧЕНКО, Л. В. Филологическая топология: теория и практика. *Дисс... докт. филол. наук.* Москва, 1991, 7 с.
2. Кроме вышеназванной монографии, см., напр., АХМАНОВА, О. С., ПОЛУБИЧЕНКО, Л. В. «Дифференциальная лингвистика» и «филологическая топология». В *Вопросы языкознания*. 1979, № 4, с. 46-56.
3. ПОЛУБИЧЕНКО, Л. В., КУЗНЕЦОВА, Е. В. Топология библеизмов как часть английской литературной традиции. In *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология. 1987, № 6, с. 20-26.
4. TYNDALE'S NEW TESTAMENT ed. by D. DANIEL. Yale University Press, 1989, 10 p.
5. "labour of love - a piece of work done for one's own pleasure, or to please someone else, and not for money or other gain". Dictionary of English language and culture. Longman, 1998.
6. БЕТЕХТИНА, Е. Н. Фразеологизмы с библейскими именами. Санкт-Петербург, 1999, с.127.
7. ROWSE, A. L. *Discovering Shakespeare*. London, 1989, 163 p.
8. *Shakespearean Criticism*, Vol. 47, 219 p.
9. SHAKESPEARE, W. *Cymbeline*, IV, 1. In *SHAKESPEARE, W. Complete works*. Oxford, 1980.
10. ЕПИСКОП ВАРНАВА (БЕЛЯЕВ) Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики. В 4х томах. Нижний Новгород, 1995. Т. 1, 2
11. ОРЛЯНСКАЯ, Т. Г. Лингвопозтика и лингводидактика художественного текста (на материале сказки О. Уайльда «Преданный друг»). *Дисс. ...канд. филол. наук.* Москва, 1997, 95 с.
12. SLADEN, D. Oscar Wilde at the Divinity Exam. In *Oscar Wilde. Interviews and Recollections*. London, 1979, v. I, 21 p.

Tatiana Surganova

Moscow Lomonosov University, Russia

TOPOLOGICAL ASPECTS OF THE NEW TESTAMENT ALLUSION IN FICTION

Summary

The question of "invariant/variant relationship" in linguistics was marked out by Roman Jakobson as "the essential subject of modern scientific thought". Different aspects of philological topology are being worked out nowadays by MSU philologists. Recently there has also been a significant increase in Russian studies dedicated to the biblical influence over fiction. The article is aimed to demonstrate the crucial role of biblical allusion in the text presenting examples from the topological viewpoint.

One should specify some cultural and linguistic implications which accompany this sort of research. It is a unique role of the Old and the New Testaments both in the Christian and world culture context that should be mentioned first. Secondly, the problem of "allusion recognition" by the reader or the translator is being considered. This, in its turn, will make the task of satisfactory reproduction of the allusion easier though it is not always possible to translate it adequately in another language. Lastly, the author's aim implies that his own interpretation of the quoted verse and that of the reader will coincide.

KEY WORDS: philological topology, variation, biblical quotation, biblical allusion.

Skirmantė Šarkauskienė

Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

El. paštas: skirmantes@centras.lt

DRAMINIAI ELEMENTAI MOTIEJAUS KAZIMIERO SARBIEVIJAUS PANEGIRIKOSE

Straipsnyje žanriniu požiūriu analizuojamos Motiejaus Kazimiero Sarbievijaus ankstyvojo kūrybos laikotarpiu sukurtos panegirikos: epitalamijas „Vestuvių dovanos“ ir eilėraščių rinkinys „Akmens pašventinimas“. Tam tikri abiems proginiams leidiniams būdingi draminiai elementai – personažų monologai, dialogai, gyvųjų paveikslų aprašymai, embleminė struktūra – leidžia juos sieti su parateatine jėzuitų veikla ir traktuoti kaip scenai arba viešam atlikimui skirtus veikalus – teatrinę inscenizaciją ir deklamacinį dialogą. Tokia traktuotė koreguoja iki šiol nusistovėjusį Sarbievijaus poetinės kūrybos skirstymą į panegirinę, lyrinę ir epigraminę: poetas žinotinas ir kaip dramatinio pobūdžio veikalų autorius.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: panegirika, epitalamijas, jėzuitų parateatrinė veikla, embleminė struktūra, teatrinė inscenizacija, deklamacinis dialogas.

Motiejus Kazimieras Sarbievijus (Mathias Casimirus Sarbievius, 1595-1640) ankstyvojo kūrybos laikotarpiu (1618-1622) rašė proginius panegirinio pobūdžio kūrinius, kurie buvo įtraukti į viena ar kita proga išleistus poezijos rinkinius: *Sveikinimai vyskupui Stanislovui Kiškai* (5), *Nuolanki padėka* (9), *Vestuvių dovanos* (19), *Akmens pašventinimas* (1). Daugelis šiuose leidiniuose buvusių poetinių tekstų – epigramų, poemėlių, odžių – vėliau buvo išspausdinta Sarbievijaus poezijos rinktinėse ir sudaro svarbią jo lyrikos dalį. Kita vertus, norėdami apibrėžti poeto ankstyvuosius kūrinius žanriniu požiūriu, privalome analizuoti visą leidinį, o ne pavienius jo tekstus. Minėti Sarbievijaus veikalai atliko panegirinę funkciją, todėl gali būti laikomi panegirikomis. Atsižvelgdami į leidinio pasirodymo progą, šias panegirikas galime skirstyti į sveikinimus (*Sveikinimai vyskupui Stanislovui Kiškai*), epitalamijus (*Vestuvių dovanos*) ir kt. Svarbus kriterijus kūrinio žanrui nusakyti yra paties veikalo forma (pateikimas bei struktūra, pavyzdžiui, embleminė), teksto elementai, rodantys, kaip autorius suvokė jo atlikimą (teatrinė inscenizacija, deklamacija). Remiantis pastaraisiais, straipsnyje bandoma dvi Sarbievijaus panegirikas apibrėžti kaip scenai ar viešam atlikimui skirtus kūrinius, susijusius su parateatine jėzuitų veikla.

Teatras ir parateatriniai renginiai (eisenos, deklamacijos, inscenizacijos) buvo neatskiriama ir bene pati svarbiausia jėzuitų „kultūrinės programos“ (kontrreformacinės veiklos) sritis. Išlikusi medžiaga rodo, jog teatralizuoti renginiai Lietuvoje vyko visur, kur tik veikė jėzuitų kolegijos, o šiuos renginius organizuodavo ir aktyviai juose dalyvaudavo kolegijų profesoriai bei auklėtiniai (17, 114). Sąlyginai jėzuitų organizuojamus renginius galima skirstyti į bažnytinių švenčių progoms skirtas iškilmes ir pasaulietines, susijusias su valdovų ar didikų asmeniniu gyvenimu (laidotuvės, vestuvės), reikšmingais valstybei ir visuomenei įvykiais (karinės pergalės); akademinėmis šventėmis (mokslo metų pradžia, pabaiga) (17, 114).

Pagrindinė bažnytinių renginių forma buvo teatralizuota procesija. Įspūdinga eisena įvyko 1604 m. Vilniuje, kai iš Romos buvo atgabenta šv. Kazimiero vėliava. Procesijos aprašymas pateiktas austrų kilmės Vilniaus akademijos profesoriaus Kvirino Knoglerio (2, 29) beveik 90 puslapių veikale *Šv. Kazimiero eisena* (16). Iškilmėse dalyvavo svarbiausi Lietuvos valstybės asmenys, visų luomų miesto gyventojai, akademijos profesūra ir studentija. Eisenos metu skambėjo muzika, buvo giedamos giesmės. Specialiai šiai eisenai buvo pastatytos simbolinės triumfo arkos, prie kurių buvo deklamuojamos eilės. Deklamacijose dalyvaujantys asmenys atliko angelų, mūzų, Vilniaus, Akademijos, jos mokslų (Retorikos, Istorijos ir kt.), dorybių (Teisingumo, Tvirtybės, Ištikimybės ir kt.)

II. LITERATŪRINIO DISKURSO ANALIZĖ ...

vaidmenis. Šią eisena galima traktuoti kaip vientisą didelį vaidybinį spektaklį (6, 158). Sudedamoji iškilnių dalis buvo šv. Kazimiero bažnyčios kertinio akmens šventinimo ceremonija. Pasak liudininko, prie kertinio akmens buvo sakomos iškilmingos kalbos, skambėjo panegirikos, triumfai (7, 282).

Panašiai buvo organizuojamos ir pasaulietinės šventės. 1579 m. Vilniaus kolegijos jėzuitai surengė iškilmingą karaliaus Stepono Batoro sutikimą su sveikinimais, deklamacijomis, visų kolegijos klasių mokinių pasirodymu. Literatūriniai tekstai buvo išleisti atskiru rinkiniu, pavadintu *Sveikinimai valdovui Steponui I* (13). Deklamacijose dalyvavo personifikuotos figūros - Religija, Respublika, Vilnius, Kolegija ir kt., - išsakydamos savo pagarbą bei prašymus (18, 253). Panašios iškilnės Vilniaus Akademijos jėzuitų buvo surengtos po dešimties metų, sutinkant karalių Zigmantą III. Iškilnių metu skambėjusi poezija sudėta į rinkinį *Sveikinimai valdovui Zigmantui III* (14). Tai ne tik eilėraščių rinkinys, bet ir iškilnių scenarijus, kuriame aprašoma, kokios turi būti triumfo arkos, kokie prie jų dera užrašai, piešiniai. Karalių sveikina angelai, berniukai, Jogailačių giminės palikuonys (Jogaila, Kazimieras ir kt.), simboliniai gyventojų luomų atstovai, alegorinės figūros: Dorybė (*Virtus*), Prigimtis (*Natura*), Lentis (*Fortuna*), Šlovė (*Fama*), Garbė (*Gloria*). Demonstruojami LDK valstybingumo simboliai: Lenkijos Erelis, Lietuvos Vytis, Žemaitijos Meška ir kt. (18, 254).

Teatralizuota forma pasižymėjo LDK valdovų ir didikų laidotuvės, vestuvės, tam tikrų valstybinių ar bažnytinių pareigų suteikimo ceremonijos. Jų metu statoma proginė architektūra, rengiamos iškilmingos procesijos, kuriose dalyvauja antikinės ir krikščionių mitologijos personažai, alegorinės figūros. Šventėje dalyvaujantys asmenys, teatralizuoto reginio veikėjai sako iškilmingas kalbas, deklamuoja poeziją. Iškilnių metu skambėję proziniai ir poetiniai tekstai išleidžiami atskirais leidiniais (20, 126-132; 17, 123-125; 6, 147-155; 4, 124-129; 15, 165-169). Galima numanyti, jog didžioji dauguma visų spausdintų proginių kūrinių buvo skirta ne individualiam skaitymui, o viešai recitacijai arba scenai.

Parateatrinėje jėzuitų veikloje gana aktyviai dalyvavo Motiejus Kazimieras Sarbievijus. Tą liudija anksyvuojų kūrybos laikotarpiu sukurti panegirinio pobūdžio kūriniai, turintys daugiau ar mažiau draminių elementų.

Sarbievijaus epitalamijas *Vestuvių dovanos* buvo parašytas 1620 m. įvykusių LDK kariuomenės vyriausiojo vado Jono Karolio Katkevičiaus dukters Onos ir Jono Stanislovo Sapiegos vestuvių proga. Šį veikalą galima laikyti teatrine inscenizacija. Jame randame alegorinių gyvųjų paveikslų aprašymus ir personažų monologus, kuriuose aiškinama simbolinė prozinis tekstu perpasakoto paveikslo prasmė. Inszenizacijos veikėjai - personifikuota Akademia, antikinės mitologijos dievybės Marsas, Astrėja, Himenėjas, alegorinės etinių vertybių figūros Garbė (*Honor*), Šlovė (*Gloria*), Pamaldumas (*Pietas*), Dorybė (*Virtus*) ir kt. Sutuoktinius kūrinyje reprezentuoja jų herbų ženklai: Sapiegų Kryžiai, Strėlė, Katkevičių Kardas, Grifas (jis taip pat veikėjas). Kūrinyje suskirstytas į „scenas“, kurios pateikiamos emblemos žanro principu. Gyvojo paveikslo aprašymas atitinka emblemos ikoną (grafinį atvaizdą). Vieno iš „scenoje“ veikiančių personažų lūpomis sentencijos forma paskelbiama pagrindinė kompozicijos mintis - lemos atitikmuo. Toliau ta mintis plėtojama kurio nors kito personažo kalboje, atitinkančioje emblemos žanro subskripciją. Inszenizaciją sudaro sutuoktinių dorybes - tėvynės meilė, abipusė pagarbą, santuokinę ištikimybę ir kt. - šlovinančios „emblemos“. Pavyzdžiui, pirmoji *Vestuvių dovanų* scena / emblema skirta Uoliojo Pamaldumo dorybei. Iš pradžių pateikiamos remarkos - prozinis gyvojo paveikslo perpasakojimas. Čia nurodoma, kad vestuvių vežime gabenamas Marsas, vienoje rankoje laikantis kitarą, kitoje - kardą ir strėlę (kardas - Katkevičių, strėlė - Sapiegų herbo ženklas). Virš debesų pasvirusi Astrėja strėlę sujungia su dviem Kryžiais (du kartus „perbrauktas“ herbinės Sapiegų Strėlės kotas sudaro du kryžius). Astrėja skelbia: „Atsidavęs Dievams Pamaldumas nugali varinį Pergamą“ (*Proxima dis Pietas vel ahenea Pergama vincit*). Astrėjos frazė atitinka emblemos lema. Tuomet pateikiamas gyvojo paveikslo ir jį lydinčių tekstų (lemos ir eilėraščio) kompozicijos pavadinimas „Uolusis Pamaldumas“ (*Aemula Pietas*). Eilėraštyje tarsi embleminėje subskripcijoje aiškinama simbolinė gyvojo paveikslo prasmė. Uolusis Pamaldumas, kuris šiuo atveju

yra veikėjas, bara Marsą už tai, kad strėles jungia su plektrais (strėlės – karo metonimija, plektrai – šventės, karo priešybės atributai). Toliau sakoma, kad Astrėja tam prijungia prie strėlės dvigubą Kryžių, kad jaunavedžius lydėtų pamaldumas. Savo pasisakymą personifikuotas Pamaldumas baigia teigdamas, kad Onos Durklas ir vikri Jono Strėlė atneša žvaigždes, t. y. pelno dangaus malonę.

Vestuvių dovanose pateiktos draminiams veikalams būdingos remarkos, kuriose ne tik perpasakojami gyvajame paveiksle dalyvaujančių personažų veiksmai, bet ir nurodoma, kad jie ištaria vieną ar kitą frazę. Pavyzdžiui: „Vestuvėms vadovaujantis dievas tėvynei kardą ir strėlę ištisia. Dorybė jam dvigubą Kryžių įteikia. Nukreipusi ginklus į priešus, Kryžius į dievų buveines tiesdama, taip sušunka: „Nugalės priešų būrius abiejų įtvirtinimas“ (*Nuptiarum praeses deus Patriae ensem et sagittam porrigit. Virtus eidem Crucem geminam largitur. Illa, arma in hostiles acies, Cruces in domicilium supremum tendens, sic exclamat: Proteret hostiles munimen utrumque catervas*). Taigi galima daryti prielaidą, jog epitalamijas buvo numatytas vaidinti vestuvių iškilnių metu.

Nemažai analogijų su aptartu kūriniumi turi kitas Sarbievijaus veikalas – eilėraščių rinkinys „Akmens pašventinimas“, skirtas Švč. Mergelės Marijos bažnyčios kartinio akmens šventinimo iškilnėms įamžinti ir atsidėkoti fundatoriui Jonui Karaliui Katkevičiui už dosnumą.

Be abejonės, Kražių kolegijos jėzuitai kartinio akmens šventinimo proga buvo surengę iškilmes. Tikėtina, jog *Akmens pašventinimas* – tų iškilnių metu skambėjusių eilėraščių rinkinys, tam tikras „scenarijus“.

Svarbų liudijimą randame prozinėje Stanislovo Šemetos dedikacijoje. Čia sakoma: „*Akmens pašventinimą*, neseniai su didžiausiomis visos Žemaitijos iškilnėmis atšvęstą, didžiausią dėkingumą reikšdami įteikiame“ (*Sacram Lithothesim nuper a nobis maximo Samogitiae concursu celebratam, summo gratificandi studio consecramus*). Taigi leidinys yra tapatinamas su iškilnėmis.

Akmens pašventinimas suskirstytas į keturias dalis, turinčias pašlovinti kokią nors dedikato dorybę – pamaldumą (*pietas*), dosnumą (*liberalitas*), teisingumą (*iustitia*) ir tvirtybę (*fortitudo*). Kiekviena dalis – tai tam tikra atvaizdo ir tekstų kompozicija, kurią sudaro: graviūra su ją komentuojančiomis inskripcijomis, vienuolikaskiemeniu metru parašytas eilėraštinis, turintis inskripciją, epigramą, taip pat turinti inskripciją, ir odė, parašyta alkajine strofa.

Dėl formalaus panašumo į literatūrinę emblemą *Akmens pašventinimas* LDK emblemikos tyrėjų E. Patiejūnienės ir J. Liškevičienės yra analizuojamas kaip šio žanro pavyzdys (10, 175-177; 8, 26-32). Leidinio graviūros laikomos emblemos ikonos atitikmeniu. Sentencinio pobūdžio inskripcijos tapatinamos su lemonis, o eilėraščiai įvardijami kaip subskripcijos. Tiesa, literatūrologė Eglė Patiejūnienė pripažįsta, jog *Akmens pašventinimas* atspindi naujas embleminės kūrybos tendencijas, nes jame nesilaikoma kanoninės emblemos tridalės struktūros: lema ne viena, o kelios, subskripcinių tekstų taip pat daugiau ir jie – nebūtinai epigramos (10, 177). Meno istorikė Jolita Liškevičienė, daugiau dėmesio skirianti grafiniam atvaizdui, pastebi, kad leidinio „raižinys nėra užkoduojamas kaip ženklas, bet perauga į pasakojamojo pobūdžio iliustraciją“. Nors graviūrose esama embleminių simbolių (iš debesų kyšanti ranka, laikanti kardą), čia pateikiama ir istorinė medžiaga, vaizduojamas pats dedikatas, kiti „veikėjai“ (8, 32). Iliustracijos tarsi sudaro vientisą siužetinį pasakojimą: iš pradžių Katkevičius meldžiasi (I raižinys), paskui dalija dovanas (II raižinys), skaičiuoja priešus, t. y. kaunasi (III raižinys) ir pagaliau pelno pergalę (IV raižinys). Tyrėja daro išvadą, jog *Akmens pašventinimo* graviūros laikytinos „tarpine grandimi“ tarp tikrosios emblemos ikonos ir embleminės iliustracijos (8, 32).

Taigi nei leidinio kompozicija, nei grafika neatitinka esminių emblemos žanrui keliamų reikalavimų. Be to, teksto santykis su grafiniu vaizdu taip pat nėra grynai „emblemiškas“: interpretacijai, kuri atlieka panegirinę funkciją (tas nebūdinga emblemam, siekiančiam pirmiausia didaktinių tikslų) pasirenkami ne embleminiai (tokių graviūrose ne tiek jau daug), bet herbiniai simboliai: Grifas, Kardas, Trys Upės. Šiuo požiūriu rinkinį būtų galima sieti su herbine poezija. Tiesa, jos sąveika su emblemika buvo būdingas XVI-XVII a. LDK proginės literatūros bruožas. Dėl išvardytų

II. LITERATŪRINIO DISKURSO ANALIZĖ ...

Akmens pašventinimo ir kanoninės emblemos skirtumų aptariamo leidinio nederėtų laikyti emblema, nors šio žanro įtaka kūrinio struktūrai nekvestionuotina.

Jėzuitų teatro tyrėja Vanda Zaborskaitė *Akmens pašventinimą* yra įtraukusi į „vaidinimų ir teatralizuotų reginių“ sąrašą, nurodydama, jog tai – „Kražių Kolegijos bažnyčios kartinio akmens pašventinimo iškilmės, kurioms parašyta M. K. Sarbievijaus „Šventa džiaugsmo giesmė Katkevičiaus įkurtai Kražių kolegijos bažnyčiai“ (20, 200). Iš tiesų leidinio pasirodymo aplinkybės, tam tikri paties teksto ypatumai leidžia daryti prielaidą, jog į *Akmens pašventinimą* sudėti eilėraščiai buvo deklamuojami iškilmų metu.

Teatralizuotuose jėzuitų renginiuose buvo itin mėgstamos alegorijos, išreiškiančios tam tikras dorybes. Tikėtina, jog aptariamo leidinio dalių pavadinimai – Pamaldumas, Dosnumas, Teisingumas ir Tvirtumas – nuoroda, jog būtent šią dorybę reprezentuoja jai skirtus eilėraščius deklamuojantis asmuo.

Būdingas viešai skaitomų tekstų bruožas - kreipiniai į dedikatą (sveikinant, ko nors prašant ir pan). Tiesa, tai beveik visos panegirinės poezijos bruožas, bet kaip tik dėl to ši poezija gali būti siejama su sceniniu arba viešu atlikimu. *Akmens pašventinime* po skyriaus pavadinimu „Pamaldumas“ išspausdinta inskripcija: „Tau tarnauja dangus“ (*Tibi militat aether*). Atrodo, jog pamaldumo vaidmenį atliekantis skaitovas šiais žodžiais kreipiasi į Katkevičių. Tikėtina, jog odėse pateikti kreipiniai-maldos Griausmininkui, Švč. Mergelei taip pat buvo sakomos balsu, gal net giedamos. Esama kreipinių, skirtų auditorijai. I odėje klausama: „Matote? Ar mane apgauna...“ (*Vidētis? An me ludit...*). Tvirtybės temai skirtoje epigramoje sakoma: „Girdite? Gaudžia trimitai?“ (*Auditis? Cecinere tubae?*). Tiesa, žinodami, jog šie klausimai atsirado imituojant Horacijų (płg.: *Auditis, an me ludit... Carm.*, III, 4), juos galime traktuoti kaip poetinę priemonę. Kita vertus, šie kreipiniai sudaro orientavimosi į klausančią ir reginčią publiką įspūdį.

Akmens pašventinimą ir *Vestuvių dovanas* sieja ne tik emblemiškumas – visai jėzuitų teatrinei bei parateatrinei veiklai būdingas bruožas (11, 207-219; 12, 205-216). Abiejuose kūrinuose vaizdo (epitalamijuje perpasakoto) ir teksto kompozicija arba „emblema“ yra skirta pašlovinti kokiai nors dorybei, o ši yra tos kompozicijos veikėjas.

Akmens pašventinimo panašumas į *Vestuvių dovanas* (embleminė struktūra, dorybių alegorijos sudaro kiekvienos „emblemos“ pagrindą ir atlieka personažų funkciją) leidžia manyti, kad ir šis Sarbievijaus veikalas buvo skirtas viešai atlikti.

Vestuvių dovanų skyrimas teatrinės inscenizacijos žanrui nekelia problemų: veikale pateikti gyvųjų paveikslų aprašymai, veikiančių personažų monologai. Sudėtingiau apibrėžti „Akmens pašventinimo“ žanrą.

XVII-XVIII a. jėzuitų teatro veikalai skirstomi į dvi pagrindines grupes: oratoriniai (*actus oratoricus*) ir draminiai (*actus dramaticus*). Pirmajai grupei priklauso fabulos neturintys kūriniai: deklamacijos ir dialogai. Šie du žanrai XVII a. poetikose neretai painiojami, tačiau iš tiesų jie skyrėsi. Deklamacijos buvo atliekamos scenoje, tačiau nebūtinai, joms nereikėjo kostiumų, specialių aksesuarų (12, 186). Dialogais laikytini veikalai, kuriuose pateiktas keleto veikiančių asmenų pokalbis kokia nors tema. Dialogai galėjo atspindėti veiksmą, tuomet jie skiriami draminiam tipui (12, 185-187). Vanda Zaborskaitė Lietuvos jėzuitų teatro veikalus skirsto į dialogus ir dramas (tragedijas bei komedijas). Pasak jos, labiausiai neapibrėžtas yra dialogo terminas: jis apima tiek proginius dialogo forma parašytus kūrinius, tiek nedideles pjeses (20, 84-85). Mūsų atveju (kalbame apie parateatrinį renginį) būtų paranku remtis Benediktu Kazlausku, kuris aptaria fabulos neturinčių veikalų žanrus: deklamacijas, monologus, dialogus ir inscenizacijas (6, 148). Tiesa, tyrėjas nepateikia griežtų apibrėžimų. Deklamacijos terminą jis vartoja ir plačiąja prame, kaip deklamavimui skirto kūrinio pavadinimą, apimančių monologus (vieno asmens deklamacija) ir dialogus (kelių asmenų deklamacijos). Tuomet įvedami deklamacinio monologo ir deklamacinio dialogo terminai. Pastaruosiu įvardijami tie kūriniai, kuriuose veikia keli asmenys, tačiau konversacijos tarp jų nėra (6, 154). Dialogus, kuriuose pasireiškia dramatinio veiksmo užuomazga, Kazlauskas vadina draminiiais (6, 155). Remiantis šia tipologija, *Akmens*

pašventinimo žanrui nusakyti labiausiai tiktų deklamacinio dialogo terminas: deklamacijoje dalyvauja keturi veikėjai, nors juos sieja viena tema, tačiau tarpusavyje jie nesikalba, veiksmo, kurį galėtume pavadinti draminiu, taip pat nėra. Sąlygiškai šį kūrinį dar galima pavadinti „iškilmių scenarijumi“, atsižvelgiant į tai, kad leidinys sudarytas iš eilėraščių, skambėjusių akmens šventinimo apeigų metu.

Teatrinė inscenizacija „Vestuvių dovanos“ bei deklamacinis dialogas „Akmens pašventinimas“ rodo, jog Sarbievijus dalyvavo parateatrinėje jėzuitų veikloje, kuri Baroko laikais buvo viena svarbiausių LDK kultūrinio gyvenimo sferų. Be to, šių dviejų kūrinių analizė leidžia pakoreguoti literatūros istorijoje susiformavusį Sarbievijaus poetinės kūrybos skirstymą žanrinio požiūriu į panegirinę, lyrinę bei epigraminę: poetas žinotinas ir kaip dramatinio pobūdžio veikalų autorius.

LITERATŪRA

1. Akmens pašventinimas, pradėdant Didžiajai Mergelei Motinai skirtos bažnyčios statybą, Kražių kolegijos Jėzaus Draugijos tėvų... dėl... Jono Karolio Katkevičiaus... dosnumo iškilmingai atšvęstas, tos pačios Katkevičiaus kolegijos studijuojančio jaunimo aprašytas ir to paties Dosniausio Fundatoriaus garbei išspausdintas Vilniuje, Akademijos Jėzaus Draugijos spaustuvėje, 1621 Viešpaties metais (*Sacra Lithothesis in prima templi, Magnae Virgini Matri dedicati, erectione a patribus collegii Crosensis Societatis Iesu... liberalitate ... Ioannis Caroli Chodkiewicz... fundati auspiciato celebrata, ab eiusdem collegii Chodkieviciani studiosa iuventute descripta... et oblata* Vilnae: typ. Acad. S. I., 1621).
2. ČIURINSKAS, Mintautas. Įvadas. *Šv. Kazimiero gyvenimo ir kulto šaltiniai*. Vilnius: Aidai, 2003, p. 7–30.
3. DAUKŠIENĖ, Ona. Krikščioniškosios poezijos raidos atspindžiai M. K. Sarbievijaus odėse Švč. Mergelei Marijai, pranešimas konferencijoje *Senosios literatūros savitumas: požiūrių ir sampratų sankirtos*, Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2004 10 28 (nepublikuota medžiaga).
4. JURGELĖNAITĖ, Rasa. Lotyniškoji laidotuvių poezija: XVI-XVII amžiaus pabaigos. *Vilniaus Akademijos tekstų retorinė analizė*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998.
5. Katkevičiaus Kražių gimnazijoje besimokačio jaunimo sveikinimai, pareikšti šviesiausiajam ir galingiausiajam ponui, dėl Dievo malonės Žemaičių vyskupui Stanislovui Kiškai, didžiai laukto pirmojo atvykimo į savą vyskupystę proga. Vilniuje, Akademijos spaustuvėje, 1618 (*In primo optatissimo[ue] illustrissimi ac reverendissimi patris et domini, d. Stanislai Kiszka Dei gratia episcopi Samogitiae in suum episcopatum aduentu gratulationes a studiosa iuventute gymnasii Chodkiewicziani Crosnensis Societatis Iesu oblatae*, Vilnae: in typographeo Academico, 1618).
6. KAZLAUSKAS, Benediktas. XVI-XVII a. Vilniaus Akademijos drama ir teatras. *Kultūrų kryžkelėje*. Vilnius: Mintis, 1970, p. 144-172.
7. KNOGLERIS, Kvirinas. Šv. Kazimiero eisena arba apie Šv. Kazimiero... Vėliavą, atvežtą iš Romos į Lietuvos sostinę Vilnių MDCIV metais 6 dieną prieš gegužės Idas su iškilminga eisena įneštą Kvirino Knoglerio austro panegirika. *Šv. Kazimiero gyvenimo ir kulto šaltiniai*. Vilnius: Aidai, 2003, p. 231-283.
8. LIŠKEVIČIENĖ, Jolita. Vilniaus Akademijos spaustuvės embleminės graviūros kaita XVII a. *Ženklas ir simbolis senojoje Lietuvos dailėje*. Dailė, Nr. 7, 1996, p. 5-85.
9. Nuolanki padėka... šviesiausiajam ponui p. Jonui Karoliui Katkevičiui... Kražių Apolono sukurta ir Kražių Jėzaus draugijos Katkevičiaus kolegijos savo dosniajam statytojui išsakyta. Vilniuje, Akademijos spaustuvėje, 1619 (*Obsequium gratitudinis... Illustrissimo Domino D. Ioanni Carolo Chodkiewicz... ab Apolline Crosensi persolutum atque a gymnasio Crosensi collegii Chodkieviciani S. I. tanquam munificentissimo erectori oblaturum*. Vilnae: typis Academ[icis] Societatis Iesu, 1619).
10. PATIEJŪNIENĖ, Eglė. *Brevitas ornata: Mąžosios literatūros formos XVI-XVII a. LDK spaudiniuose*, Vilnius, Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1998.
11. PELC, Janusz. *Obraz – Słowo – Znak. Studium o emblematkach w literaturze staropolskiej*. Wrocław i in Polska, Akademia Nauk, 1973.
12. СОФРОНОВА, Л. А. Некоторые черты художественной природы польского и русского театров XVII-XVIII вв. *Славянское барокко*. Москва: Наука, 1979.
13. Sveikinimai šviesiausiajam ir galingiausiajam valdovui Steponui I... sumanyti ir laimingiausia jo šventosios karališkosios didenybės atvykimo į Vilnių proga 1579 Viešpaties metais parašyti Jėzaus draugijos Vilniaus kolegijos studentų. Vilniuje, Mikalojaus Kristupo Radvilos spaustuvėje, 1579 (*Gratulationes serenissimo ac potentissimo principi Stephano I... in fortunatissimum S. R. M. suae Vilnam adventum scriptae, Anno Domini 1579 a studiosis Collegii Vilnensis Societatis Iesu*. Vinae: Typis Nicolai Christophori Radivili, 1579).
14. Sveikinimai šviesiausiajam ir galingiausiajam valdovui Zigmantui III... jo geidžiamiausio ir laimingiausio atvykimo į Vilnių proga išsakyti Vilniaus akademijos Jėzaus Draugijos. Vilniuje, Mikalojaus Kristupo Radvilos

II. LITERATŪRINIO DISKURSO ANALIZĖ ...

- spauštuvėje, 1589 (*Gratulationes serenissimo ac potentissimo principi Sigismundo III... in optatissimo et felicissimo S. R. M. suae Vilnam adventu factae ab Acad[emia] Vilnensi Societatis Jesu*. Vilnae, typ. N. Ch. Radivili, 1589).
15. ŠARKAUSKIENĖ, Skirmantė. Lotyniškasis XVI-XVII a. LDK epitalamijas. Kaunas: Naujasis Lankas, 2003.
  16. Šv. Kazimiero eisena, arba apie Šv. Kazimiero... popiežiaus Leono X pakelto į šventuosius, Vėliavą, atvežtą iš Romos miesto ir į Lietuvos sostinę Vilnių 1604 metais 6 dieną prieš gegužės idas su iškilminga eisena įneštą. Kvirino Knoglerio austro panegirika (*Pompa Casimiriana sive de labaro D. Casimiri Regis Poloniae... ex urbe transmissio et Vilnam Lithuaniae Metropolim solenni pompa, ad 6. Idus Maii, Anno MDCIV illato, Quirini Cnogleri Austrii Sermo panegiricus*) // Šv. Kazimiero teatras, kuriame jo giminė, gyvenimas, stebuklai ir iškilminga eisena, surengta švenčiant jo atnaujintą apoteozę Vilniuje, Lietuvos sostinėje, 1604 m. gegužės 10 d., pavaizduota. Išleista ten pat, tais pačiais metais, Jėzaus Draugijos akademijos spauštuvėje (*Theatrum S. Casimiri, in quo prosapia, vita, miracula et illustris pompa in solemni eiusdem apotheoseos instauratione, Vilnae Lithuaniae metropoli V. Id. Maii, anno D[omi]ni M.DC.IV instituta graphice proponuntur. Editum ibidem, eodem anno, operis Typographicis Academiae Societatis Iesu*. [Vilnae, 1604]).
  17. TRILUPAITIENĖ, Jūratė. Jėzuitų muzikinė veikla Lietuvoje. Vilnius: Muzika, 1995.
  18. ULČINAITĖ, Eugenija; JOVAIŠAS, Albinas. *Lietuvių literatūros istorija: XIII-XVIII amžius*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2003.
  19. Vestuvių dovanos, tarpininkaujant Garbei ir Šlovei šviesiausiems sužadėtiniams p. p. Jonui Stanislovui Sapiegai... ir Onai Katkevičiūtei... įteiktos Vilniaus akademijos vardu [1620 metais] (*Hymenodora Honore et Gloria internunciis almae Academiae Vilnensis nomine illustrissimis sponis d. d. Ioanni Stanislao Sapieha... atque Annae Chodkiewicziae... oblata* [anno 1620], Vilnae: typis Academicis S. I., 1620).
  20. ZABORSKAITĖ, Vanda. *Prie Lietuvos teatro ištakų: XVI-XVII a. mokyklinis teatras*. Vilnius: Mokslas, 1981.

Skirmante Sharkauskiene

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

DRAMATIC ELEMENTS OF PANEGYRICS BY MOTIEJUS KAZIMIERAS SARBIEVIJUS

Summary

The article attempts to define the genre of two the earliest creations by Sarbievijus – “Wedding Gifts” (*Hymenodora*) and “Consecration of the Stone” (*Sacra Lithothesis*). Because of the eulogistical intentions both publications can be treated as panegyrics. „Hymenodora” was devoted to wedding festivity, so it represents the epitalamium genre. “Consecration of the Stone” is a collection of poems illustrated with prints. Due to formal similarity with the emblem genre (the prints correspond to icons, the inscription – to lemmas, and rhymed texts – to subscriptions), “Consecration of the Stone” may be analyzed as an emblematic creation. The emblematical structure is feature of „Wedding Gifts” as well.

Taking into consideration the dramatic elements, such as monologues, dialogues of the characters, descriptions of the live pictures, emblemic structure, the author of this article tries to prove that publiactions were performed or recited during festivities. In such case, “Wedding Gifts” and “Consecration of the Stone” are to be considered the dramatic creations.

On the basis of the existing typology of paratheatrical works, the epithalamium “Wedding Gifts” should be attributed to the genre of the dramatic pageant. “Consecration of the Stone” represents the declamatory dialogue.

KEY WORDS: panegyric, epithalamium, pratheatrical activity, emblemic structure, dramatic pegeant, declamatory dialogue.

Алуа Темирболат

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби

Эл. почта: alua_t@mail.ru

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ КАЗАХСТАНА

Статья посвящена исследованию проблемы человека, являющейся одной из наиболее актуальных и значимых в мировой литературе. Она рассматривается в творчестве современных писателей Казахстана. В качестве объекта исследования выбраны произведения Абдижамила Нурпеисова, Герольда Бельгера, Ролана Сейсенбаева, Аслана Жаксылыкова, Михаила Пака. На основе изучения их прозы выявляются своеобразие концепций человека писателей, особенности их подходов к решению данной проблемы. В статье уделяется внимание категориям счастья, любви, являющимся неотъемлемыми составляющими бытия людей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: человек, концепция, бытие, смысл жизни, многогранность, мир человека, перевоплощение, мерило нравственности, эпоха, поколение.

Человек – загадочное слово. Оно несет в себе множество тайн. На протяжении всей истории общественного развития писатели, философы, мыслители пытаются раскрыть значение данного слова, постичь его глубинный и подлинный смысл. Именно поэтому проблема человека является центральной в мировой литературе.

Поэты и прозаики различных эпох размышляют в своих произведениях о сущности бытия людей, их взаимоотношениях с окружающим миром. Каждый из них выдвигает собственную концепцию личности, которая формируется под влиянием тенденций и веяний времени, определяется своеобразием национального мышления и мировоззрения писателей.

Особое звучание данная проблема получила в современной прозе. По мнению исследователей, она характеризуется «многомерным изображением человека», в его связи с обществом, Землей, Вселенной, связи с прошлым и будущим (1, 148). Примером тому служит творчество казахстанских писателей: А. Нурпеисова, Г. Бельгера, А. Жаксылыкова, Р. Сейсенбаева, М. Пака. В их произведениях рассматриваются проблемы «человек и природа», «человек и эпоха», «человек и цивилизация». На страницах своих рассказов, повестей, романов писатели рассуждают о таких понятиях, как любовь, счастье, являющихся неотъемлемыми категориями бытия людей. Большое внимание прозаики уделяют теме памяти. По их мысли, человек – часть истории, а его прошлое – залог настоящего и будущего, ибо он «несет в себе, в своем характере, в своем сознании огромный исторический опыт народа» (2, 44). Память становится в произведениях писателей мерилем нравственности людей. Сквозь призму данной темы А. Нурпеисов, Г. Бельгер, А. Жаксылыков, Р. Сейсенбаев, М. Пак исследуют взаимоотношения человека с окружающим миром, дают оценку его поступкам и деяниям.

Размышляя над судьбами своих героев, писатели стремятся понять, в чем заключается смысл жизни людей, каково их назначение на земле. В поисках ответа на данные вопросы А. Нурпеисов, Г. Бельгер, А. Жаксылыков, Р. Сейсенбаев, М. Пак нередко обращаются к истории, фольклору. Их произведения пронизаны мотивами народных сказок, легенд, преданий, песен. В рассказах, повестях, романах писателей историческое время зачастую переплетается с реальным. Сопоставляя прошлое и настоящее, А. Нурпеисов, Г. Бельгер, А. Жаксылыков, Р. Сейсенбаев, М. Пак пытаются проследить особенности духовного развития человека, постичь глубинную суть его бытия, найти причины явлений и процессов, наблюдаемых в современной действительности. Ярким примером тому служит роман

II. LITERATŪRINIO DISKURSO ANALIZĖ ...

Абдижамила Нурпеисова «Последний долг». Описывая судьбу Аральского моря и жителей Приаралья, писатель опирается на исторические факты и сведения, широко включает в произведение сюжеты древних легенд. Основу романа составляют рассуждения прозаика о сущности и смысле жизни. В понимании А. Нурпеисова бытие человека непредсказуемо. Оно включает в себе некий тайный смысл, имеет скрытую «подкладку», ибо складывается из двух пространственно-временных измерений. В первом из них живут люди, строя свои планы, стремясь к счастью. Оно включает их индивидуальные времена и пространства. Второе связано с некой силой, предопределяющей судьбу человека, довлеющей над ним. Время в этом измерении бесконечно, а пространство не имеет границ. Но, тем не менее, жизнь человека, несмотря на свою сложность, противоречивость, несёт в себе определённый смысл, который, по мнению А. Нурпеисова, состоит в достижении человеком счастья. Ибо «... всё на свете, – пишет он в романе, – имеет... значение лишь в счастье» (3, 91).

Счастье, согласно концепции автора, переменчиво, призрачно. Сегодня оно манит человека, «кружит голову, а завтра исчезнет бесследно, оставив после себя лишь горький осадок» разочарования (3, 260). Рассуждая о счастье, писатель сравнивает его с миражом, с пугливой птицей, тем самым он раскрывает глубинную суть данной категории. Но в то же время, как указывается в романе, счастье – это то, что наполняет жизнь человека смыслом, вдохновляет и окрыляет его. Именно поэтому в минуты радости люди устремляются ввысь, к небу.

Тема счастья в романе А. Нурпеисова тесно переплетается с темой природы, памяти, долга. Так, размышляя о судьбе Аральского моря, автор отмечает, что «с того времени, как море стало мелеть и уходить от своих берегов, жителей приморья счастье стало стороной обходить» (3, 161). Тем самым писатель напоминает людям об их неразрывной взаимосвязи с окружающим миром. Человек – часть природы, утверждает А. Нурпеисов, а его жизнь – «временный дар своенравной природы. И потому всё самое драгоценное, чем обладает человек – всего лишь долг, который следует в предписанный срок вернуть» (3, 150). В этих строчках звучит мысль о том, что люди должны помнить о своём прошлом, дорожить своей историей и историей своей земли, бережно относиться к природе, сотворившей их.

Тема природы занимает центральное место в творчестве Аслана Жаксылыкова. Описывая взаимоотношения, чувства своих героев, писатель постоянно проводит параллели с окружающим миром. Тем самым он стремится показать единство человека с его родной землей. По мысли А. Жаксылыкова, люди – часть окружающего их мира, и потому их поступки, деяния, чувства, переживания оставляют определённый след во вселенной, подтверждением чему является следующий эпизод из повести «Окно в степь»: «– За что меня прощать, если я не виновен, – горько сказал Акан. Он повернулся в сторону степи. Долгий его взгляд с прощальной печалью скользил по бурям от ветра просторам, над которыми черными столбами плыли пыльные вихри-смерчи. Он прощался с аулом, со степью, с краями, где проходило его детство, и где он встретился с горем, нашел одиночество. Бледное лицо его было спокойно и угрюмо» (4, 40).

Иногда природа выполняет в произведениях А. Жаксылыкова роль своеобразного зеркала. Она отражает внутреннюю, скрытую суть человека. Так, в романе «Поющие камни» герой, мысленно обращаясь к своей жене, говорит: "... Когда ты идешь по тротуару, листья и блики словно сходят с ума, бушует светотень скверов, и невидимые стаи мечутся над ажуром асфальта. То мятеж осени или смятение дня, пораженных вторжением? Красные стаи трепещут в воздухе, и чудится запах гари. ... Я уже тогда чувствовал, что твой неповторимый оттенок, твой затаенный внутренний тон, – это холод глубоких сугробов, это смертная белизна зимы. Потому, наверное, так волнуются листья, что одарены пронизательностью"» (5, 2).

Единство человека и природы подчеркивают в своих произведениях Герольд Бельгер, Ролан Сейсенбаев, Михаил Пак. В их повестях, романах пейзаж, во-первых, служит, для раскрытия внутреннего состояния героев, их характеристики; во-вторых, он неразрывно связан с образом дома, родины (смотрите, например, роман Г. Бельгера «Дом скитальца», повести Р. Сейсенбаева «Дни декабря» и М. Пака «За порогом ночей»).

Тема природы рассматривается в творчестве писателей в контексте проблемы памяти, долга. Она способствует раскрытию авторских концепций о смысле бытия человека, который заключается, по их мнению, в стремлении человека ввысь. «...Мы пришли в этот мир, – говорит герой повести Р. Сейсенбаева «Дни декабря», – не для того, чтобы гнаться за званиями и отличиями, а для чего-то другого, более высокого» (6, 79). Ассоциируясь с образом родины, природа становится неотъемлемой частью исторической и нравственной памяти людей. Она является домом человека, хранительницей его духовных ценностей.

В своих рассказах, повестях, романах Г. Бельгер, Р. Сейсенбаев, М. Пак большое внимание уделяют проблеме счастья. Она переплетается в их произведениях с темой родины. Ибо счастье, согласно концепции писателей, состоит в единстве человека с его народом, землей.

Значительное место в произведениях А. Нурпеисова, Г. Бельгера, А. Жаксылыкова, Р. Сейсенбаева, М. Пака отводится теме любви. По мысли писателей, любовь – великая сила, преобразующая мир и способная разрушать пространственно-временные границы, разделяющие людей. Так, в судьбе главного героя повести Аслана Жаксылыкова «Окно в степь» она играет решающую роль. Потерпев разочарование в любви, сельский палуан утрачивает интерес к жизни. Он начинает пить, спорить с аулчанами. Возвращение же его возлюбленной Камаш преобразует Акана. Он вновь обретает потерянный им смысл жизни. Более того, встреча героев повести А. Жаксылыкова происходит в наиболее сложный, критический для обоих момент, когда они оказываются как бы противопоставленными обществу. Акана обвиняют в поджоге дома Калампыр. Камаш уходит от мужа, тем самым переступив через вековые традиции и обычаи, принятые в степи. Соединение героев, с одной стороны, символизирует начало нового этапа в их жизни; с другой – раскрывает авторскую идею о том, что любовь способна изменить мир и преодолеть замкнутость пространства людей. А. Нурпеисов в романе «Последний долг» неоднократно указывает, что в этом непредсказуемом, зыбком мире неизменным всегда остается лишь одно светлое, прекрасное чувство – любовь. Ибо «только она в состоянии встать против безжалостного всепоглощающего бега времени» (3, 151).

Огромную роль играет любовь в жизни главных героев рассказа Р. Сейсебаева «Всего одна ночь», повести М. Пака «За порогом ночей», романа Г. Бельгера «Дом скитальца». Она становится своеобразной границей, соединяющей два мира людей. Первый – мир прекрасный, преображённый чувством, мир, полный жизни и красок. Второй – мир жестокий, холодный, абсолютно пустой, мир, в котором каждый человек замыкается в собственном пространстве, живет по собственному отчёту времени и чувствует себя одиноким. Оба эти мира тесно взаимосвязаны между собой и представляют как бы два «полюса» жизненного пути людей. Первый – это тот идеал, к которому должно стремиться человечество, ибо счастье, по мнению писателей, и есть высшая цель бытия. Второй воплощает реальную действительность, в которой живут люди в настоящее время. Причём обрести счастье можно, лишь научившись любить, поскольку любовь в понимании прозаиков соединяет людей, преодолевая замкнутость их индивидуальных времен и пространств. Доказательством тому служат слова Оксун, героини повести Михаила Пака «За порогом ночей»: «Я встретила человека и сразу его полюбила... Знаю, что бы ни случилось с нашим счастьем, он выдержит, не сломится. Потому что, если будет жить он, а значит, в его

сердце буду жить и я» (7, 333-334). Более того, в этих строчках выражается мысль о том, что любовь воскрешает людей. Человек даже после своей смерти продолжает жить, если есть на земле те, кому он дорог, кто помнит о нём.

В произведениях писателей затрагивается проблема отчуждения людей. А. Нурпеисов, Г. Бельгер, А. Жаксылыков, Р. Сейсенбаев, М. Пак считают, что все люди на Земле одиноки. Причиной же их одиночества является их взаимоотношение, отсутствие между ними духовной близости. Стремясь к власти, к роскоши, к комфорту, каждый из них замыкается в собственном мире. Вследствие чего происходит сужение индивидуального времени-пространства человека. И он постепенно утрачивает связи с окружающим миром, с природой, с историей, с прошлым. Поэтому «чувство сиротского одиночества» настигает человека «даже среди скопища людского» (3, 111).

Произведения писателей пронизаны размышлениями о взаимоотношениях человека с эпохой, его современниками. А. Нурпеисов, Г. Бельгер, А. Жаксылыков, Р. Сейсенбаев, М. Пак поднимают в своих рассказах, повестях романах проблему преемственности поколений. Описывая явления, происходящие в современной действительности, они стремятся найти причину их возникновения. С этой целью писатели сравнивают прошлое и настоящее, ушедшие поколения и нынешние. Причем нередко они приходят к выводу, что человечество в процессе исторического развития не изменилось. «Люди тех времён были точно такими же, как и нынешние», – говорит А. Нурпеисов в романе «Последний долг». Характеризуя же современную эпоху, прозаик называет её страшной, поскольку с каждым днём усиливается разрушительное воздействие человека на природу. Земля, как отмечает Абдижамил Нурпеисов, превратилась в сплошной полигон, в огромное поле сражения людей, стремящихся получить власть, установить своё господство над миром. Поэтому XX век, по словам матери Жадигера, героя романа «Последний долг», – «век железа», ибо человек, поглощенный развитием науки и техники, направленных на удовлетворение его личных интересов, утратил чувство милосердия. Железо символизирует собой, бездушность людей.

Холодность, безразличие современного общества по отношению к отдельной личности жестокость современной эпохи отмечают в своих произведениях Герольд Бельгер, Ролан Сейсенбаев, Михаил Пак, Аслан Жаксылыков.

Рассуждая о жизни человека, о судьбах различных поколений, писатели указывают, что над миром довлеет некая сила. Она управляет событиями, происходящими на земле, поступками людей, о чем свидетельствуют следующие строки из романа А. Нурпеисова «Последний долг»: «О, знать таков удел всякой горемычной души, которая, казалось бы, даже вымолив у Бога счастья, хотя бы с ноготок, в решительный момент, однако, не может пойти направо, не в силах переступить *неведомую роковую черту*» (3, 243).

В произведениях писателей проводится мысль о многоликости, сложности, противоречивости бытия человека. «Вот и полюбуйся на эти выкрутасы старухи-жизни, – говорит герой повести Р. Сейсенбаева "Дни декабря", – попробуй понять ее гримасы, попытайся разобраться в этой мешанине и кутерьме, где высокое мешается с низким, трагическое с фарсовым, нелепое с серьезным... Можно ли понять все эти загадки жизни?.. Ну, хорошо, разгадал одну, две, десять, сто загадок, но совокупность их – возможно ли разрешить, а?..» (6, 77).

На страницах своих рассказов, повестей, романов А. Нурпеисов, Г. Бельгер, А. Жаксылыков, Р. Сейсенбаев, М. Пак размышляют о том, что составляет сущность человека, основу его характера. С этой целью прозаики детально описывают особенности поведения, речи героев. Их произведения содержат множество монологов, диалогов, полилогов, посредством которых раскрывается внутренний мир персонажей. А. Нурпеисов, Г. Бельгер,

А. Жаксылыков, Р. Сейсенбаев, М. Пак подробно описывают движения мыслей героев, передают состояние их души.

В произведениях писателей затрагивается проблема нравственного выбора, поиска человеком собственного «я». Главные герои их рассказов, повестей, романов, пройдя через испытания судьбы, в конечном итоге оказываются перед необходимостью определения своего жизненного пути.

Большое внимание А. Нурпеисов, Г. Бельгер, А. Жаксылыков, Р. Сейсенбаев, М. Пак уделяют постижению духовного величия человека. В этом плане огромный интерес представляет образ Акана, героя повести Аслана Жаксылыкова «Окно в степь». Узнав о пожаре, он, несмотря на обиду, первым бросается спасать старуху Калампыр. А затем привозит кирпичи для строительства ее нового дома. Поступок Акана, с одной стороны, отражает авторскую идею о том, что добро всегда торжествует над злом; с другой – раскрывает суть величия человека, заключающуюся, согласно концепции писателя, в богатстве и красоте человеческой души. Не случайно поэтому, что, глядя на него, Амир задается вопросом: «Смогу ли я стать когда-нибудь таким человеком, как Акан?».

Сквозной идеей прозы писателей является мысль о единстве людей. Согласно их концепции, каждый человек причастен другому, а его судьба неразрывно связана с судьбой общества, природы, с историей. «...В немецких деревнях Поволжья, – пишет Г. Бельгер в романе «Дом скитальца», – протекала своя жизнь, со своими заботами, тревожностями, традиционным укладом, который, однако, круто ломался, разительно, с каждым годом, преобразовался, а вместе с ним менялись и люди» (8, 166).

Для произведений Абдижамила Нурпеисова, Михаила Пака характерны перевоплощения героев. Так, в повести корейского писателя «Танец белой курицы» душа архитектора то приобретает образ белой птицы, которая клюёт, терзает его тело, «жаждя освободиться и возвратиться в гнёздышко к своим птенцам» (7, 113); то, приняв облик его бывшей жены Аделины, приходит к нему ночью и рассказывает о своей судьбе. Да и сам архитектор легко перемещается во времени и пространстве. Находясь в больничной палате, он вдруг оказывается на берегу плещущегося моря. А в следующий момент он превращается в «странного типа», стоящего на углу кирпичного дома, за которым сам же наблюдает из своего окна.

Нередко в произведениях М. Пака происходят встречи живых и умерших. Например, в его повести «За порогом ночей» шофёр Ильбе каждый вечер беседует со своей покойной женой Оксун. Он советуется с ней, рассказывает ей о своей жизни.

Первоплощения, преображения героев Михаила Пака служат в его творчестве для утверждения идеи единства человека с миром. Писатель считает, что люди и окружающая их действительность взаимосвязаны. Более того, перевоплощения героев М. Пака, слияние их в одном лице обусловлено хаотичностью мира. Писатель считает, что в современной действительности идёт процесс деиндивидуализации личности, вследствие чего люди становятся похожими друг на друга. Действуя в одинаковых обстоятельствах, они постепенно утрачивают своё «я» и приобретают как бы «второе лицо», позволяющее им выживать в условиях хаоса, царящего в мире.

В романе Абдижамила Нурпеисова «Последний долг» также происходят перевоплощения героев. Например, Жадигер в видениях Азима и Бакизат предстаёт в образе чудовища, которое, по мнению его жены, ниспослано к ним свыше в качестве небесной кары. Соседская девочка, с которой Амиржанов играл в детстве, является к нему во сне в образе лисёнка, козлёнка, рыжего чертёнка. Бакизат в видениях Жадигера принимает облик лисы и его секретарши Зауре.

II. LITERATŪRINIO DISKURSO ANALIZĖ ...

Перевоплощения героев – это, с одной стороны, проявление двойственности их внутреннего «я»; с другой – отражение их подлинной сути, их душевного состояния (пространства души). Жадигер, облепленный снегом, воспринимается Бакизат как небесная кара в силу того, что она ощущает свою вину. Её перевоплощения на уровне сознания мужа объясняются противоречивостью её внутреннего мира. Как и Зауре, она несёт в себе чистое, светлое, духовное начало. Но в то же время, подобно лисёнку, пытается «обмануть судьбу». Обличья, которые принимает подруга детства Жадигера, являются отражением её характера.

Таким образом, человек в современной прозе Казахстана рассматривается в сложных и многогранных взаимосвязях с окружающим миром, с его прошлым, настоящим и будущим. Писатели стремятся постичь глубинную сущность бытия людей, раскрыть особенности духовной эволюции общества в процессе исторического развития. Большое внимание в творчестве казахстанских прозаиков уделяется теме счастья, любви, роли данных категорий в жизни человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. ТОЛМАЧЕВ, Б. Человек и история. О современном историческом романе. Алматы, 1997.
2. ГОЛУБКОВ, М. Концепция художественного времени в современной прозе. Москва, 1985.
3. НУРПЕИСОВ, А. Последний долг. Алматы, 2000.
4. ЖАКСЫЛЫКОВ, А. Окно в степь. Алма-Ата, 1987.
5. ЖАКСЫЛЫКОВ, А. Поющие камни. Алматы, 1997.
6. СЕЙСЕНБАЕВ, Р. Дни декабря. Санкт-Петербург, 2003.
7. ПАК, М. Пристань ангелов. Алматы, 1998.
8. БЕЛЬГЕР, Г. Дом скитальца. Астана, 2003.

Alua Temirbolat

Al-Farabi Kazakh National University

THE PROBLEM OF PERSON IN THE MODERN PROSE OF KAZAKHSTAN

Summary

The article is dedicated to the research of a problem of the person, being by one of the most actual and significant in the world literature. It is considered in the creativity of modern writers of Kazakhstan. As object of research the works of Abdizhamil Nurpeisov, Herald Belger, Rolan Seisenbaev, Aslan Zhaksylykov, Michael Pak are chosen. On the basis of studying their prose the author reveals an originality of the writer's concepts of the person and peculiarities of the writer's approaches to the decision of the given problem. In the article the attention is paid to categories of the happiness, the love, being by the integral components of people's life.

KEY WORDS: person, concept, being, meaning of the life, many-sided nature, world of a person, transformation, a criterion of morals, an epoch, generation.

Loreta Ulvydiene

Vilnius University, Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

E-mail: loreta.ulvydiene@vukhf.lt

IMAGERY OF WATER IN J. UPDIKE'S *RABBIT* NOVELS

*John Updike might be regarded as a towering figure of American literature and criticism. Moreover, in him, the poet, the critic and creator meet together. Updike's genius is that he observes American decay so effortlessly, and in this way voices a poignant artistic sneer at American ambition and expansion. He challenges the reader to recognize and re-interpret (and perhaps, re-invent) his/her preconceptions. In his imagery Updike alludes to The Old Testament. The imagery used in *Rabbit Angstrom* is imagery of vision that comprises water and secondary symbolisms that are derived from associated objects such as water-containers, and also from the ways in which water is used: ablutions, baths, holy water, etc. Updike employs a complex water imagery. But interpreting the image one should not be misled by the word "divine". Water symbolizes terrestrial and natural life, never metaphysical life. Limitless and immortal, the waters are the beginning and the end of all things on earth. Updike embraces a complex water imagery set. Critics have observed the boating scene incorporating the water imagery that prevails throughout the tetralogy.*

KEY WORDS: *religious novelist, theological suspense, mâttritamâh (the most maternal) water, unconscious, mother-imago, intuitive wisdom, universal congress of potentialities, the fons et origo, creation, other, resurrection, spatial symbolism.*

John Updike is a literary critic and a novelist, who has emerged as one of America's most celebrated writers and literary ambassadors. What he says is of great interest, and his place in American literary history is, as even his detractors must concede, well assured. After Updike received his first Pulitzer Prize in 1982 (for *Rabbit is Rich*, also Pulitzer in 1990 for *Rabbit at Rest*) *Time* wrote that "No one else using the English language over the past 21/2 decades has written so well in so many ways as he" (3, xvii).

Indeed, John Updike might be regarded as a towering figure of American literature and criticism. Moreover, in him, the poet, the critic and creator meet together. Updike reviews all kinds of books with regularity and perspicacity. The range of subjects and authors is astonishing. He has criticized many well known authors, such as Philip Roth, Saul Bellow, Kurt Vonnegut, Joyce Carol Oates, Iris Murdoch, Michael Tournier, Raymond Queneau, Umberto Eco, Milan Kundera, Evgenii Evtushenko, Gabriel Marquez, Mario Vargas Llosa, and Isabel Allende. In his criticisms, he measures writing with traditional considerations: felicity in style, accuracy in presenting one's subject, precision with describing the internal and external world, and humanistic values. In many of his essays he discusses his own theories of poetry, fiction, philosophy, and religion to create a framework for the analysis of the book at hand. Updike's genius is that he observes American decay so effortlessly, and in this way voices a poignant artistic sneer at American ambition and expansion. He challenges the reader to recognize and re-interpret (and perhaps, re-invent) his/her preconceptions. It is through Updike's examination of the tragic events of the frustrated individual's life that these tragedies turn into comedies. Therefore, at times, his writing is deeply serious but at the same time uproariously funny.

Moreover, John Updike is recognized as at bottom a religious novelist, but when we try to identify what exactly his bottom-most religious beliefs may be, the whole murky lot of them playfully slither away – which gives his writing a touch of theological suspense. Typically, he conjures a Lutheran or Presbyterian setting for his novels, and his enthusiasm for those particular creeds induce him, at moments of crisis in one plot after another, to plunk his guilty male culprit of a hero down on a hardwood pew and to subject him to a vigorous Sunday sermon on Biblical themes.

In his imagery Updike alludes to The Old Testament. "The Old Testament God repeatedly says he wants praise" and Updike translates that to mean that the world 'wants describing, the world wants to be observed and 'hymned'" (3, 253). All the events are tangled around God's fearful omnipresence and the dark certainties of death. Abundantly, Updike alludes to Biblical imagery. The imagery used in *Rabbit Angstrom* is imagery of vision that comprises water and secondary symbolisms that are derived from associated objects such as water-containers, and also from the ways in which water is used: ablutions, baths, holy water, etc.; geometric images (zig-zag, X-pattern) and imagery of numbers. Furthermore, Updike embraces water as the central motif in his imagery set. The boating scene incorporating the water imagery prevails throughout the tetralogy.

Limitless and immortal, the waters are the beginning and the end of all things on earth. The Chinese consider water as the specific abode of the dragon, because all life comes from the waters. According to hermetic tradition, the god Nu was the substance from which the gods of the first ennead emerged. In the Vedas, water is referred to as *mâtritamâh* (the most maternal) because, in the beginning, everything was like a sea without light. In India, this element is generally regarded as the preserver of life, circulating throughout the whole of nature, in the form of rain, sap, milk and blood. Although water is, in appearance, formless, ancient cultures made a distinction between 'upper waters' and 'lower waters'. The former correspond to the potential or what is still possible, the latter to what is actual or already created. In a general sense, the concept of 'water' stands, of course, for all liquid matter. Moreover, the primeval waters, the image of prime matter, also contained all solid bodies before they acquired form and rigidity. For this reason, the alchemists gave the name of 'water' to quicksilver in its first stage of transmutation and, by analogy, also to the 'fluid body' of Man. This 'fluid body' is interpreted by modern psychology as a symbol of the unconscious, that is, of the non-formal, dynamic, motivating, female side of the personality. The protection of the mother-*imago* into the waters endows them with various numinous properties characteristic of the mother. A secondary meaning of this symbolism is found in the identification of water with intuitive wisdom. In the cosmogony of the Mesopotamian peoples, the abyss of water was regarded as a symbol of the unfathomable, impersonal Wisdom. An ancient Irich god was called Domnu, which means 'marine depth'. In prehistoric times the word for abyss seems to have been used exclusively to denote that which was unfathomable and mysterious. The waters, in short, symbolize the universal congress of potentialities, the *fons et origo*, which precedes all form and all creation.

Thus, Updike also embraces a complex water imagery set. Critics have observed the boating scene incorporating the water imagery that prevails throughout the tetralogy. When Rabbit first runs away in *Rabbit, Run*, he meets "mermaids", "girls with orange hair hanging like seaweed or loosely bound with gold berrettes like pirate treasure" (36-37) He feels like an outsider and becomes angry whenever he thinks of them. On the other hand, his favorite image of Janice is that of her coming from the bath as a rosy Venus (94, 1137). At the poolside with Ruth, Rabbit thinks that she is a water creature and he, a land animal (134). Ruth's morning sickness comes to her as "the taste of seawater in her mouth" (165). Rabbit is both deeply attracted to and repelled by this watery *other*; he both desires and fears the world, which represents to him the source of life and the certainty of death. Rabbit begins by washing Ruth's face, imposing the image of a virginal bride:

He sweeps her forehead, pinches her nostrils, abrades her cheeks and, finally, while her whole body is squirming in protest, scrubs her lips, her words shattered and smothered. When at last he lets her hands win, and lifts the washrag, she stares at him, says nothing, and closes her eyes (72).

In the Old Testament Abraham's servant is ordered to find a wife for Isaac. The servant is told he will recognize her among other girls coming for water from the well. The chosen one when asked to give some water to drink should kindly agree. But if a virginal bride Rebecca in the Old Testament acquires identity through water, Ruth's identity is washed away. This leads to the fact that Ruth is consistently associated with the nothing. In a way she even personifies the

nothing. She says she does “nothing” for a living, her last line in *Rabbit, Run* is “No” (263). Yet, Ruth is no blank slate. Her “nothing”, like Heidegger’s, is a necessary and unavoidable entity that possesses genuine power. This power is strengthened by water imagery. Even though Ruth is the embodiment of nothingness when washed or refreshed with water she becomes capable to give fruits. And if for Ruth sex has “no mystery” (126), Rabbit’s faith in sex as a path to grace inspires him to ritualize his first sexual encounter with Ruth – to turn it into a quasi-wedding ceremony or, as Edward Vargo argues, a “rite of preparation” (4, 61). Right here an allusion to the Old Testament is made again. The Lord told Moses to make a washstand so that Aaron and his sons could wash their hands and legs. They will have to do that each time before making a sacrifice to the Lord. They must wash themselves lest they should die. This will be an eternal order for Aaron and his posterity.

Conceiving sex as a path to grace Rabbit also insists on Ruth’s washing all the “crust off her face” (72). Otherwise, there will be no passage to God’s mercy and no possibility to receive the Sacraments. Immersion in water signifies a return to the preformal state, with a sense of death and annihilation on the one hand, but of rebirth and regeneration on the other, since immersion intensifies the life-force.

The symbolism of baptism, which is closely linked to that of water, has been expounded by St. John Chrysostom (*Homil. in Joh.*, xxv, 2): ‘It represents death and interment, life and resurrection...When we plunge our head beneath water, as in a sepulcher, the old man becomes completely immersed and buried. When we leave the water, the new man suddenly appears’. The ambiguity of this quotation is only on the surface: in this particular aspect of the general symbolism of water, death affects only Man-in-nature while the rebirth is that of spiritual man. On the cosmic level, the equivalent of immersion is the flood, which causes all forms to dissolve and return to a fluid state, thus liberating the elements which will later be recombined into new cosmic patterns. The qualities of transparency and depth, often associated with water, go far towards explaining the veneration of the ancients for this element which, like earth, was a female principle. The Babylonians called it ‘the home of wisdom’. Oannes, the mythical being who brings culture to mankind, is portrayed as half man and half fish. Moreover, in dreams, birth is usually expressed through water-imagery (v. Freud, Introduction to *Psycho-Analysis*). The expressions ‘risen from the waves’ and ‘saved from the waters’ symbolize fertility, and are metaphorical images of childbirth.

One of J. Updike’s critics, E. Vargo concludes that washing Ruth’s face, removing her rings, forbidding her to use contraceptives, Rabbit tries to pursue some sort of transcendental “communion” (5, 61). At one point Harry “feels impatience that through all their twists they remain separate flesh” (73). Yet, Rabbit is also searching for that “something” that wants him to find it, the same something whose presence makes him feel so sure he is special. By ritualizing the act, he hopes to turn it into another arena in which he can recover the sense of triumph he experienced in those days of his basketball glory he feels he has lost. At first his efforts seem to work. Ruth’s shyness, he thinks, “praises him”, while her use of his name makes him think “she sees him as special”. He even imagines that she has become “his friend in this search” (73). But sex turns out to be not a path to that something, for “everywhere they meet a wall” that obstructs their search, a search which ends, for Rabbit, not in triumph but in despair: “He looks at her face and seems to read in its shadows a sad expression of forgiveness, as if she knows that at the moment of release, the root of love, he betrayed her by feeling despair. Nature leads you up like a mother and as soon as she gets her little price leaves you with nothing” (75). Ruth knows that “nothing” awaits them at the end of the act. Rabbit’s despair is not directed at her, but at the blind, obdurate fact of sexuality itself. Whereas in the climatic moments of sports Rabbit is able to find some semblance of grace, here he only finds a ruse, a trick – not of God’s handiwork, however, but of Nature’s. There is also no possibility here for the “transcendental communion” which Vargo suggests, precisely because the “wall” that separates them is, in effect, the “wall of flesh” behind which each resides in his and her own subjective individuality (5, 64). As Rabbit realizes later observing Ruth swimming in a pool that they are separate elements:

The air sparkled with the scent of chlorine. Clean, clean: it came to him what clean was. It was nothing touching you that is not your element. Ruth in water, him in grass and air. He is not a water animal. Wet is cold to him (123).

Updike's water imagery also embodies both 'something' and 'nothing', life and death. On the one hand, it denotes Ruth's ability to renew herself in her daughter. Having been cleaned with water she becomes fertile. But, on the other hand, the scent of chlorine suggests her daughter's spiritual death.

Rebecca gets drowned in water and "her death by water results," in the words of O'Connell, "on a metaphorical level, from Rabbit's need to reject the feminine *other* rather than unite and reconcile with it" (2, 219). On the one hand, among the symbols of the female principle are those which figure as origins of the waters (mother, life), such as: Mother Earth, Mother of the Waters, Stone, Cave, House of the Mother, Night, House of Depth, House of Force, House of Wisdom, Forest, etc. One should not be misled by the word "divine". Water symbolizes terrestrial and natural life, never metaphysical life.

On the other hand, water is, of all elements, the most clearly transitional, between fire and air (the ethereal elements) and earth (the solid element). By analogy, water stands as a mediator between life and death, with a two-way positive and negative flow of creation and destruction. The Charon and Ophelia myths symbolize the last voyage. Death was the first mariner. 'Transparent depth', apart from other meanings, stands in particular for the communicating link between the surface and the abyss. It can, therefore, be said that water conjoins these two images. Gaston Bachelard points to many different characteristics of water, and derives from them many secondary symbolic meanings which enrich the fundamental meaning we have described. These secondary meanings are not so much a set of strict symbols, as a kind of language expressing the transmutations of this ever-flowing element. Bachelard enumerates clear water, spring water, running water, stagnant water, dead water, fresh and salt water, reflecting water, purifying water, deep water, stormy water (1, 56). Whether we take water as a symbol of the collective or of the personal unconscious, or else as an element of mediation and dissolution, it is obvious that this symbolism is an expression of the vital potential of the psyche, of the struggles of the psychic depths to find a way of formulating a clear message comprehensible to the consciousness.

It is clear that throughout *Rabbit Angstrom* Updike employs water as the figurative element of death, an association made specific by baby Becky's drowning. In The Old Testament the servant, who is sent to find a wife for Isaac, miraculously identifies the right woman, named Rebecca, because she offers him water to drink. After their marriage, Isaac has Rebecca pose as his sister. By naming Rabbit's daughter Rebecca, after Bessie Springer, Updike suggests Rabbit's need to find another who is both a stranger and yet incorporates something of the self. This combination of self-other is what fascinates Rabbit in his own sister, Mim, who seems like "himself, with the combination jiggled" and in Annie Beyer, and in himself, too. The lost child, Rebecca Springer-Angstrom, would also have effected the necessary resolution. Throughout the tetralogy Updike employs more elements that are symbolically related with water and death. If in *Rabbit Redux* water as element of death is substituted by fire (as Jill dies in the flames), in *Rabbit is Rich* the reader faces water images again. Nelson imagines that "a jellyfish of intensity is moving transparently across the ceiling" (913). The jellyfish warns the reader about the angel of death.

Other water images include a room packed with plastic pink flamingos and an "aquarium without fish in it but full of Barbie dolls and polyp-like plastic things [Nelson] thinks are called French ticklers" (925). The floating Barbie dolls and French ticklers compose a ghoulish tableau symbolizing his dead sister, drowned in a bathtub partly as a result of his father's reckless sexuality. The death and water imagery multiplies as Nelson imagines that "[t]hings are being dyed blue by something in his head" (925). And as they leave, he is visited again by a vision of

the “jellyfish of intensity” (926). That “jellyfish” is also a warning. Nelson in *Rabbit is Rich* takes Rabbit's role. If Rabbit is guilty of Rebecca's death, Nelson is warned beforehand lest the same thing should happen with his baby as Pru is pregnant. A “Jellyfish” is a symbol of fear, the lot and fraud (6, 92). That “jellyfish” asserts its purpose on the landing outside the upstairs apartment. As Pru pushes past Nelson impatiently her hip brushes Nelson's. Nelson cannot remember – and so the reader does not know for sure – if he “gives her a bit of hip back” (927). The symbolic charge of the word “jellyfish” gives us the answer. Pru falls hitting the ground “like one of those plastic floating bath toys suddenly accidentally stepped on” (928). Thus, the image of the bath toys connects Becky's drowning in the tub with the floating Barbies in the aquarium. Moreover, Updike's deliberately ambiguous handling of Nelson's complicity in his accident also connects the incident to Rabbit's equally ambiguous involvement in Becky's death. Like father like son. But this baby does not die, though Pru makes overt identifications between herself and Janice. She tells Janice she believes her broken thigh is a form of divine punishment: “I honestly believe...it's God telling me this is the price He asks for my not losing the baby...” (931).

Meanwhile Rebecca's death, a consequence of Rabbit's rejection of *other*, has not only left Rabbit guilty, “with all the acid guilt that has accumulated since creation” (1180). It has also apparently left him thirsty. References to his now insatiable thirst occur throughout *Rabbit at Rest*, where “a kind of drought has settled over the world” (1103). He says, “It felt like the Gobi Desert out there,” and he drinks beer after beer to quell his spiritual thirst (1128), until finally near death, Rabbit sees Janice above the oxygen tubes:

He sees her, sees his wife here, little and dark-complected and stubborn in her forehead and mouth, blubbing like a waterfall and talking about forgiveness. “I forgive you,” she keeps saying while he can't remember for what. He lies there floating in the wonderful element ... There is a terrible deep dryness in his throat, but he knows the sensation will pass, the doctors will do something about it (1515).

This final scene confirms Rabbit's earlier intuition that his tie with Janice “must be religious ... it made so little other sense” (1251). It would seem, as O'Connell suggests, that “dumb mutt” Janice Springer was to be the instrument of Rabbit's salvation all along, whether the novel is read in secular or in religious terms (2, 223). Rabbit has long, indeed, needed, sought, and avoided reconciliation. In *Rabbit at Rest*, reconciliation arrives in the form of the love and forgiveness that only the other can provide. Furthermore, it is provided generously as a gift to the undeserving. Only Janice, as other, knows and loves Rabbit sufficiently to affirm his specialness in one of Updike's most moving passages:

When she sees her Harry lying in one of the [hospital beds] ... an emotion so big she fears for a second she might vomit hits her from behind, a crashing wave of sorrow and terrified awareness of utter loss like nothing, ever in her life except the time she accidentally drowned her own dear baby. She had never meant never to forgive him, she had been intending one of these days to call, but the days slipped by; holding her silence had become a kind of addiction. How could she have hardened her heart so against this man who for better or worse had placed his life beside hers at the altar?... he saw something in her that would hold him fast for a while. She wants him back, back from this element he is sinking in, she wants it so much she might vomit, his desertions and Pru and Thelma and all whatever else are washed away by the grandeur of his lying there so helpless, so irretrievable (1514-1515).

There is also a very important spatial symbolism connected with the ‘level’ of the waters, denoting a correlation between actual physical level and absolute moral level. It is for this reason that the Buddha, in his Assapuram sermon, was able to regard the mountain-lake—whose transparent water reveals, at the bottom, shells, snails and fishes – as the path of redemption. This lake obviously corresponds to a fundamental aspect of the ‘Upper Waters’.

Clouds are another aspect of the ‘Upper Waters’. In *Le Transformationi* of Ludovico Dolce, we find a mystic figure looking into the unruffled surface of a pond, in contrast with the accursed hunter, always in restless pursuit of his prey, implying the symbolic contrast between

contemplative activity—the *sattva* state of Yoga—and blind outward activity—the *rajas* state. Finally, the upper and lower waters communicate reciprocally through the process of rain (involution) and evaporation (evolution). Here, fire intervenes to modify water: the sun (spirit) causes sea water to evaporate (i. e. it sublimates life). Water is condensed in clouds and returns to earth in the form of life-giving rain, which is invested with twofold virtues: it is water, and it comes from heaven.

Like in general symbolism, in Updike's world water is also substituted by fire – Jill dies in the flames. Lao-tse paid considerable attention to this cyclic process of meteorology, which is at one and the same time physical and spiritual, observing that: 'Water never rests, neither by day nor by night. When flowing above, it causes rain and dew. When flowing below, it forms streams and rivers. Water is outstanding in doing good. If a dam is raised against it, it stops. If way is made for it, it flows along that path. Hence it is said that it does not struggle. And yet it has no equal in destroying that which is strong and hard' (7, 118). When water stands revealed in its destructive aspects, in the course of cataclysmic events, its symbolism does not change, but is merely subordinated to the dominant symbolism of the storm. Similarly, in those contexts where the flowing nature of water is emphasized, as in the contention of Heraclitus that 'You cannot step twice into the same river; for fresh waters are ever flowing in upon you'. Here the reference is not to water symbolism as such, but to the idea of the irreversible flow along a given path.

Thus, Rabbit surrenders in *Rabbit is Rich*. Unable to feel some sign "from above" he plunges into middleness and contentment. All he chooses to do in the two last installments of the tetralogy "flow along a given path," that, not accidentally, brings him back to the Road 23, where he started his 'flight.'

To conclude, *Rabbit Angstrom* provides a sustained, linear, and ultimately cumulative articulation of Updike's dialectical vision of the world. Primarily existential in nature, this vision – an interdependent matrix of ethical precepts, theological beliefs, and aesthetic principles – is less a creed than a versatile formal device; it is, in effect, the scaffold on which Updike has built the entire tetralogy. Updike has organized this "mega – novel" around dialectical relations which, as it is obvious, remain unresolved.

REFERENCES

1. BACHELARD, Gaston. Water and Dreams. In *An Essay on the Imagination of Matter*. Paperback, 1999.
2. O'CONNELL, Mary: Updike and the Patriarchal Dilemma. In *Masculinity in the Rabbit Novels*. Carbondale and Edwardsville. Southern Illinois University Press, 1999/
3. PLATH, James. Conversations with John Updike. University Press of Mississippi, Jackson, 1997.
4. UPDIKE, John. *Rabbit Angstrom a Tetralogy*. Everyman's Library, 1995.
5. VARGO, Edward P. 1973: *Rainstorms and Fire: Ritual in the Novels of John Updike*. Port Washington N. Y.: Kennikat Press, 1973.
6. LAPINSKIENĖ, Lionė. *Simbolinių Reikšmių Žodynas*. Vilnius: Magilė, 2003.
7. PENTTI, Lempiainen. *Skaičių simbolika*. Vilnius: Tyto Alba, 2001:

Loreta Ulvydienė

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

VANDENS SIMBOLIS J. UPDIKES ROMANE „TRIUŠIS“

Santrauka

J. Updike'o kūrybos stilius primena Bibliinių rašytojų stilių: jis pasakoja įvykius bei istorijas, bet niekada nepamokslauja. Vietoje viešai skelbiamų teologinių teiginių skaitytojas stebi eilinio žmogaus gyvenimo istoriją. Vis dėlto, anot paties rašytojo, "romanu Triušis, bėk yra gana sąmoningai stengiamasi išanalizuoti žmogų užgriūvančias nelaimes iš teologinio atspirties taško." Straipsnio autorė J. Updike'o simbolius grupuoja dviem principais. Išskiriami 'regimieji', 'vaizdiniai', 'vizualiniai' simboliai ir Bibliiniai simboliai. Vizualiniai simboliai yra suvokiami akių pagalba: viskas yra stebima, matoma, fiksuojama. Net pačios akys tampa erotiniu simboliu. Aptariami sekantys vizualiniai simboliai: vanduo ir su juo susiję antriniai simboliai, t. y. apsiplovimui naudojami indai, vonios, taip pat

šventintas vanduo. Vanduo yra pirmasis elementas, sutinkamas pirmajame tetralogijos romane Triušis, bėk, aiškiai ikūnijantis mirtį. Vanduo tradiciškai simbolizuoja visų galimybių išsipildymą arba pradžių pradžią bei dvasinį gyvenimą ir vaisingumą. Vanduo – gyvybės šaltinis, vienas iš keturių pasaulio elementų (su žeme, oru ir ugnimi). Vanduo taip pat suvokiamas kaip skiriamoji riba tarp gyvųjų ir mirusiųjų pasaulio. Tetralogijoje apie Triušį vanduo ikūnija tiek gyvybę, tiek mirtį. Vanduo tetralogijoje ikūnija 'gyvybę' ir 'mirtį', 'kažką' ir 'nieką' ('something' and 'nothing'). Jei romane Triušis grįžta vandenį keičia ugnis, romane Triušis yra turtingas J. Updike'as vėl grįžta prie vandens: tiesioginį ryšį su vandeniu turintis medūzos simbolis siunčia perspėjimą apie artėjantį mirties angelą. Kitas vandens simbolis – akvariumas, kuriame nėra žuvų, bet, kuriame pilna lėlių Barbių, - primena paskendusią Rebeką. J. Updike'o visatoje vanduo išskyla ir kaip tapatybės patvirtinimo (Rebeka 'Rebecca' Biblijoje atpažįstama, vandens pagalba), ir identiškumo sunaikinimo simbolis (Rūtos tapatybė nuplaunama). Kaip ir tradicinis simbolizmas, J. Updike'as vandenį keičia ugnimi. Jei viena dukra, Rebeka paskęsta vonioje, tai kita, įsivaizduojama dukra ir sesuo Jill'ė žūva ugnyje.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: Teologinė retardacija, vizualiniai simboliai, Tvanas, ambivalentiškas, mâtritamâh (motiniškas) vanduo, Biblijinis stilius, pašmonė, prisikėlimas, *Kitas*, kosminis simbolizmas, dialektiškas suvokimas.dichotomija.

DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS
GENERAL PROBLEMS OF DIDACTICS
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИДАКТИКИ

Anna Artamonova

University of Latvia

E-mail: annartamonova@yahoo.com

**THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' EMOTIONAL COMPETENCE IN
THEIR FOREIGN LANGUAGE STUDY AT TERTIARY LEVEL.**

The article deals with the development of students' emotional competence in their foreign language study at tertiary level. The author focuses on the reasons of obstacles in applying to the investigation of emotion and the use of its results in foreign language study. The author claims that students' emotional competence can be successfully developed within the framework of collaborative foreign language study. Having analysed the models of emotional competence (Lazarus, Salovey and J. Mayer, Saarni, Goleman) the author defined and created a model of students' emotional competence. The core of the model is empathy – a feeling and understanding of others. Students' emotional competence develops in inner and outer environment: inner environment of the model can have several levels which correspond to one class, two or more classes, or institution, outer environment involves students' activity outside the group, institution. Students' emotional competence develops within their collaborative foreign language study as a process of investigating foreign language.

KEY WORDS: emotional competence, collaborative study, foreign language, tertiary level students.

Introduction

Contemporary education deals with cognition and appeals to intellect not paying attention to affective domain, students' emotions. This can be explained by the following reasons.

First, the idea of constant presence of emotion in people's consciousness and its influence on perception and behaviour is not taken into consideration by many specialists because the results of first physiologists' investigations were based on episodes of strong negative emotions. However, we know that emotions influence people's behaviour not only in extreme situations, for example, the emotion of interest stimulates students to study.

Second, some specialists believe that if an emotion exists and functions constantly in our consciousness, a person is able to name it, to tell about it. Nevertheless, we know Freud's works proved that very often people are not aware of some of their motives and emotions (3).

Third, those emotions which last for a very short period of time, some fractions of seconds are not noticed by people, especially, when these emotions are not intensive.

Fourth, people possessing several emotions at a time with a dominating one very often are not aware of those emotions which are not intensive.

Fifth, specialists differentiate between an emotion and emotional background, an emotion and mood which influence differently upon people's behaviour.

These are the reasons which, in our opinion, show the obstacles in applying to the investigation of emotion and the use of its results in such people's activity as foreign language study.

This articles **aims** at investigating students' emotional competence and their collaborative foreign language study.

The subject of research-the development of students' emotional competence.

Methods of investigation are theoretical analysis of psychological, pedagogical, methodological literature on the problem; observation of students' collaborative study.

Theoretical background

Present day specialists dealing with cognition not only acknowledge a great influence of emotion on cognitive processes, but view emotion as a component of these processes, moreover, emotion can be regarded as a catalyst of cognitive processes: it helps organize or destroy thinking. (19, 20, 15, 14).

The importance of emotions in students' study was expressed by Kutter (16), Lasurskij (17): students accept those tasks which appeal to their emotional sphere, students are ready to begin their studies not only when they understand a task but when they like it; thus, positive emotions being involved into cognitive activity start influencing it making it more effective.

Experimental investigations have shown that students' monotony occurs at lectures (21, 23), real students' emotions do not coincide with those they would like to experience. (22). Therefore, we think, our task is to help students overcome a state of monotony. For this purpose the author has investigated existing views on emotion, emotional intelligence and emotional competence for their further use in facilitating students' development of emotional competence.

Lazarus', Salovey and Mayer's, Saarni's, Goleman's models on emotion have made a theoretical basis of the present investigation on students' emotional competence.

Lazarus' relational model consists of fifteen emotions. Emotions are explained or defined, and these definitions are called relational themes. The essence of this model is that the relationships with the environment for achieving goals are dynamic. They provide various structures of emotions people feel.

Anger	A demeaning offense against me and mine.
Anxiety	Facing uncertain, existential threat.
Fright	Facing an immediate, concrete, and overwhelming physical danger.
Guilt	Having transgressed a moral imperative
Shame	Having failed to live up to an ego ideal.
Sadness	Having experienced an irrevocable loss.
Envy	Wanting what someone else has.
Jealousy	Resenting a third party for loss or threat to another's affection.
Disgust	Taking in or being too close to an indigestible object or idea.
Happiness	Making reasonable progress toward the realization of a valued.
Pride	Enhancement of one's ego identity by taking credit for a valued object or achievement, either our own or that of someone or a group with whom we identify.
Relief	A distressing goal-incongruent condition that has changed for the better or gone away.
Hope	Fearing the worst but yearning for better.
Love	Desiring or participating in affection, usually but not necessarily reciprocated.

Fig. 1. Relational model of emotions. (7)

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

Another opinion on emotion is expressed from functionalist point of view according to which emotion is “the person’s attempt to establish, maintain, change, or terminate the relation between the person and the environment on matters of significance to the person.”(1,225). What is important for us in this model is a crucial role of social influences on the formation of emotion.

A more contemporary view on emotion is expressed by Goleman: emotion is “the capacity for recognizing our own feelings and those of others, for motivating ourselves, and for managing emotions well in ourselves and in our relationships”. (5,317)

Emotional intelligence is the topic of Gardner’s investigation, who proposed seven kinds of intelligences and one of “personal intelligences” which is awareness of one’s inner world as well as outer one. (4)

A comprehensive theory of emotional intelligence was proposed by Salovey and Mayer, who define emotional intelligence in terms of being able to monitor and regulate one’s own and other’s feelings, and to use feelings to guide thought and action. According to them, emotional intelligence combines

the ability to perceive accurately, value, and express emotion;
the access feelings when they facilitate thought
the ability to understand and control emotions to promote emotional development

Fig. 2. **Emotional Intelligence (11)**

A positive role of emotions on human activity was pointed out by Saarni and Goleman.

According to Saarni (10,2) “emotional competence entails resilience and self-efficacy (and self-efficacy includes acting in accord with one’s sense of moral character”). Saarni’s approach towards emotional competence is practical and the understanding of the components of emotional competence is pragmatic, which is revealed in the following words emotional competence is “skills needed to be self-efficacious... in social transactions”. (10, 4).

To illustrate this, we present eight components of Saarni’s model in abridged variant

<u>Awareness</u> of one’s emotional state;
Ability to discern others’ emotions, based on situational and expressive cues that have some degree of cultural consensus as to their emotional meaning;
<u>Ability</u> to use the vocabulary of emotion and expression terms commonly available in one’s (sub)culture;
<u>Capacity</u> for empathic and sympathetic involvement in other’s emotional experiences;
<u>Ability</u> to realize that inner emotional state need not correspond to outer expression, both in oneself and in others;
<i><u>Capacity for adaptive coping with aversive or distressing emotions by using self-regularity strategy.</u></i>
<u>Awareness</u> that the structure or nature of relationships is in large part defined by how emotions are communicated within the relationships, such as by the degree of emotional immediacy or genuineness of expressive display and by the degree of emotional reciprocity or symmetry within the relationship.
<u>Capacity</u> for emotional self-efficacy: the way she or he wants to feel; that is emotional self-efficacy, which means that one accepts one’s emotional experience, whether unique and eccentric or culturally conventional, and this acceptance is in alignment with the individual’s beliefs about what constitutes desirable emotional “balance”; in essence, one is living in accord with one’s <i>personal</i> theory of emotion when one demonstrates emotional self-efficacy as well in accord with one’s moral sense. Degree of emotional reciprocity or symmetry within the relationship.

Fig. 3. **Skills of Emotional Competence (10)**

Goleman who included personal and social competences into his model of emotional intelligence defines emotional competence as a "learned capability based on intelligence that results in outstanding performance at work". (5, 24). His model of emotional competence contains five components, which make the model heterogeneous.

<u>Self-awareness</u> : Knowing what we are feeling in the moment, and using those preferences to guide our decision making; having a realistic assessment of our abilities and a well-grounded sense of self-confidence.
<u>Self-regulation</u> : Handling our emotions so that they facilitate rather than interfere with the task at hand; being conscientious and delaying gratification to pursue goals; recovering well from emotional distress.
<u>Motivation</u> : Using our deepest preferences to move and guide us toward our goals, to help us take initiative and strive to improve, and to persevere in the face of setbacks and frustrations.
<u>Empathy</u> : Sensing what people are feeling, being able to take their perspective, and cultivating rapport and attunement with a broad diversity of people.
<u>Social skills</u> : Handling emotions in relationships well and accurately reading social situations and networks; interacting smoothly; using these skills to persuade and lead, negotiate and settle disputes, for cooperation and team-work.

Fig.4. **Emotional Competence.** (5,25).

These models with overlapping components (self-awareness and awareness of others, empathy, self-regulation) demonstrate practical approach to emotional competence, which is very important for acquiring effective social relationships.

The model of students' emotional competence

These theoretical models have created the basis of the doctoral research on the role of University students' emotional competence in their foreign language study. The author's conception on students' emotional competence takes into consideration the hierarchy which roots in the above analyzed theories. Emotional competence stems from emotional intelligence which is rooted in emotion:

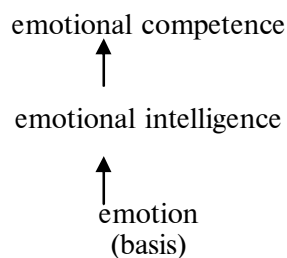

Fig. 5. **Hierarchy of emotional competence.**

Within the framework of this hierarchy the author of the paper proposes her own conception on students' emotional competence. It is the following: the core of emotional competence is empathy. The notion "empathy" was introduced in psychology by Titchener (13) to define a feeling as a perception act.

In psychological literature empathy is understood in various ways. Many theorists and researchers define it as an emotional reaction to another's person emotional state or condition.

"Empathy as 1. mental act of looking inward as a method of understanding the emotions of another person, or 2. the communication of that emotional understanding back to the other person". (25, 321)

Today most researchers agree that empathic arousal is important in such kind of social behaviour which is beneficial to others: helping, sharing, comforting, donating, volunteering, mutually beneficial. (9,4).

Within the framework of the present research the **author defines empathy as feeling and understanding others, ability to help others taking into consideration their needs and mood in understanding academic subjects, to respect and associate well with all group-mates being tolerant.**

The model of students' emotional competence is presented in the following way:

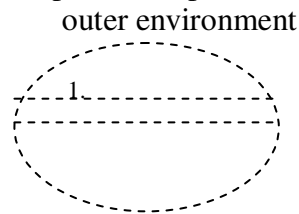

Fig. 6. **The model of students' emotional competence.**

The model consists of empathy (field1) which functions in both inner (within two parallel horizontal lines) and outer environments. The circle and lines are dashed, which indicates that the model is open to the influences from inner as well as outer environment.

Inner environment includes one class, two or more classes, or institution; outer environment involves students' activity outside the group, institution.

In terms of emotional competence, when we empathically respond to someone else, we promote social bonds. These social bonds can take the form of social responsibility. "In short, experiencing empathy helps us develop relationships with others that anchor us not just in self-serving reciprocal support systems but in greater endeavors of caring and collective well-being". (9,185).

Being at the core of emotional competence, empathy has been taken as a component of our model because

- possessing empathic skills students are able to handle positively their relationships with each other creating rapport and harmonious relationships in a group as well as to read feelings of their group-mates;
- empathy generates positive students' inter-relationship;

The above written characteristic features of empathy within the framework of the present research can be the ground for the following strategies necessary for enhancing students' emotional competence:

- assessing their strength and weakness;
- understanding that mistakes and lapses are inevitable in creating positive emotional atmosphere;
- helping each other to overcome them;
- exhibiting new emotional competent elements of behaviour;
- change flexibly.
- affirming the sense of belonging: the sense of belonging must be based on a person's capabilities for the work or study. (11)
- building self-confidence through Socratic feedback: to minimize judgemental responses to performance, which strengthens the mentor relationship and allows self-efficacy to build along with successes. (11).

Being emotionally developed and "feeling with others" (9,162) students will be able:

- to listen to others with interest,
- to be careful about others' emotional state,
- to be ready to help others taking into consideration their needs and mood,
- to reward others' achievement,
- to help in overcoming difficulties in understanding academic subjects,
- to respect and associate well with all group-mates being tolerant,
- to understand the context of a current situation.

The model of students' collaborative foreign language study.

Students' emotional competence develops successfully within the framework of their collaborative foreign language study which model has been created by the author. Understanding the structure of the model helps the lecturer improve students' foreign language study.

The theoretical basis of the functional model of students' foreign language study is Dewey's experimental learning "experience and thinking" (2, 176), Kolb's (6) ideas on learning as "experience + reflection", Merizow's (8) transformational learning according to which learning is based on reflection and on the interpretation of the experience, ideas and assumptions obtained from previous learning. A goal achievement component in students' study stems out of Leontjev's (18), ideas on students' study in which the goal and motives are interconnected .

The author suggests a cycle for a functional model of collaborative foreign language study. This cycle represents an act of the lecturer's and students' behaviour within their activity, the cycle can be considered as a functional unity of study, and, consequently, it can be regarded as a unity of pedagogical investigation. A methodological basis of this functional model is the interdependence between the aim and the motive.

The whole act of the activity involves objective and subjective components. According to Leontjev's activity theory objective components are the subject-matter, the goal and the content; the subjective components are motives, means and outcomes. The formation and flow of students' activity are conducted on the basis of the resolve of contradictions existing within the relationships among the components.

The aim of the functional model is to be a means of successful organization of students' activity for the development of their emotional competence. The model contains a minimum of dialectically inter-connected components and permits to plan actions within collaborative study. The cycle of students' study is a universal unity of human inter-relationships with surrounding environment, therefore it can be a unity of pedagogical investigation of students' foreign language study and personal growth.

The cycle of activity has been taken as a unity of students' study because it meets the following demands:

Subject-subject relationships are represented in the cycle of students' activity; they reflect real relationships existing in foreign language study;

The cycle is a whole act of students' study- from the beginning, *the aim*, till the end, which is *the use of an acquired competence in a new context/situation*.

The cycle is a combination of objective and subjective components, which facilitates students' study and personal growth.

The cycle is open to the influence of outer environment.

The cycle is a model of pedagogical real-life situation as it reflects real students' study. The above- written considerations lead to the conclusion that the cycle represents a multidimensional, multilevel system within which it is possible to investigate pedagogical phenomena by analysis and synthesis, to determine a variety of links among components and their relationships, which is vital for organizing students' study.

So, the author of the work defines **the cycle as a complex, multidimensional, multilevel, hierarchical systemic formation possessing its own structure and consisting of a set of different components which are represented in stages, they are interconnected with each other.**

The analysis of each stage permits the author to investigate students' study and promote their personal growth from the point of view of the organization of their activity.

Taking into consideration that an action is a unity of an act in the cycle, the author of the paper claims that the cycle can be regarded as a goal-oriented, motivational sequence of actions and changes which occur at the stages where final acts of behavior differ from those in the beginning. At the first stages students are ready to carry out cognitive and collaborative tasks,

later they acquire competence and transfer it in a new situation, which leads to the development of their emotional competence facilitating successful activity in the next cycle.

The end of the cycle becomes the beginning of a new one, in which the inter-relationships among the components continue developing and become more complicated. Each cycle becomes a basis of a new one, which forms a spiral.

As students' activity is based on subject-subject relationships, a pre-requisite of their successful foreign language study is their being the subject of the activity. Their striving to gain the outcome using necessary means transfers their activity into a goal-oriented process. When planning and organizing their activity, students are aware of their actions because they predict the result in the beginning of the action.

The functional model of students' foreign language study includes the following components: **goals-motives, students' participation in a concrete study activity, outcomes, reflection on study (subject and process), the use of acquired competence in a new context/situation.** The model is represented in the following figure:

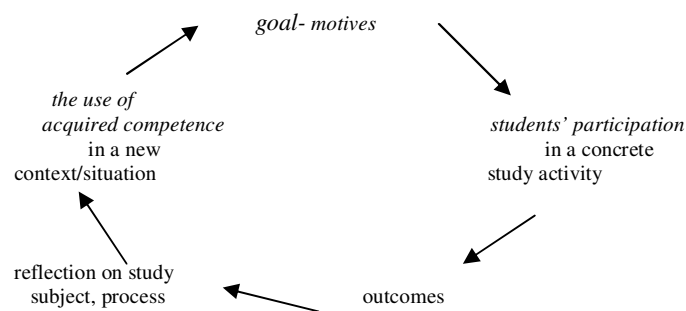

Fig. 7. The structure of the model of students' collaborative learning

Discussion

The task of the author is to reveal the interconnections among the components of the model representing the stages of the study.

The first stage of the cycle aims at the development of goal achievement in students' study, which is of vital importance for their personal growth as it determines their self-control in the studies. Being concrete, not abstract, the aim possesses an incentive character, that is the basis for the creation of motives which has become personal for students and drive them to achieve it. In the present research **the aim of the study is understood as an expected result which both the student and the lecturer try to achieve.**

The author of the paper points out that, first, students are aware of the aims set by the lecturer, later they are able to set aims themselves self-controlling and self-regulating their own study. The stage "goal-motive" is the leading one because it determines the structure of other stages and the dynamics of their development. Foreign language study becomes really a goal-oriented process when students are aware of their motives and aims.

The aim of the second stage, students' participation in a concrete study activity, is to form language knowledge, i.e. to create a good command of the target language as a subject matter and to use it as a means of communication. Being motivated, students feel involved into the process of cognition, they are interested in receiving new knowledge on the subject, they choose suitable means of activity which are relevant to the aim and the content of activity. Students' study acquires new higher level quality as it develops from low level, i.e. reproductive, to high level, i.e. creative. The development of students' study from reproductive to creative demonstrates the main tendency toward the increasing of students' personal growth.

The aim of the third stage of the circle which contains the outcome is to reveal students' acquired competence (the creation of an end product). Whereas, in conventional teaching, the outcome means a change in knowledge and in cognitive skills to be assessed,

collaborative study possesses a broader view: students enhance their knowledge of the language, they become more competent in interaction and collaboration. The product stems from students' views of themselves and the world around them; it is the object and the base of further investigation and negotiation. The product in collaborative study represents the interactive nature involving cognition, emotions, and hands.

The author claims that one aspect of the product lies within the collaborative process, and the other- in linguistics. The latter point concerns the notion text as the product of the language classroom. Students create texts in response to any input, the text can be written and oral, i.e. notes, letters, advertisements, descriptions, essays, summaries, reports, texts for discussions. This type of product possesses a different functional status as it is done by students not for lecturers, for themselves, and for their own benefit. This is the result of valid contribution to a mutual process of creating and making sense of the world.

The aim of the fourth stage is to reflect upon acquired knowledge and previous study activity. Students' reflection helps them not only to evaluate the results of their study but to work out generalizations, or abstract conceptions on it and develop strategies for further activity. Students use acquired competence both within inner and outer environment, this acquired competence is transformed in a new situation denoting that students become more competent obtaining new levels of cognition and experience.

The aim of the fifth stage, the use of acquired competence in a new context/ situation, is to help students to apply to acquired competence for successful functioning inside and outside inner environment of any social and cultural background and for their further development on a high level. At this stage students discover new, unknown aspects of the subject, put forward hypotheses, make choice of necessary means of study, self-control, self-evaluate, use a variety of ways of interaction with group-mates- this activity reflects students' traits of the character, peculiarities of their personality. At the same time, students self-controlling foreign language study express their attitude to the outcomes of cognitive and social activity revealing their independent thinking and decision-making.

Conclusions

On the basis of theoretical conceptions on emotional competence and collaborative study, it is possible to conclude:

1. Students' emotional competence includes empathy, which functions on the basis of students' interaction in groups within inner and outer environments;
2. Emotional competence can be regarded as one of means of students' future integration into real life and helps them successfully function in academic, professional, or business domains.
3. Students' integration in groups is the principle of formation and development of their emotional competence permitting them to become language agents in a changing society.
4. A significant feature of emotional competence is students' openness to changes in a society, a free choice in their own development, a lot of different forms of self-expression and self-actualization.
5. The development of students' emotional competence occurs on the basis of the didactic model of collaborative study worked out according to the opinion that students are the subjects of their own study.
6. Research-based approach within the framework of collaborative study means the organization of the material on the basis of problem-solving activity in which philosophical problems are regarded to be dominant, which permits to create harmonious balance between knowledge and moral values in the pedagogical process.

REFERENCES

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

---

1. CAMPOS, J.; MUMME, D.; KERMOIAN, R. and CAMPOS, R. A Functionalist perspective on the nature of emotion. In N. Fox (Ed.). *The Development of Emotion Regulation: Behavioral and Biological Considerations. Monographs of the Society for Research in Child Development, 59, (2-3, Serial No. 240), 1994.*
2. DEWEY, J. How we think. In. W. B. KOLESNICK, 1958. *Mental Discipline in Modern Education.* Madison: University of Wisconsin Press, 1933.
3. FREUD, Z. An Outline of Psychoanalysis. In *Standard Edition (Vol.23).* London: Hogarth, 1940; In: ХЬЕЛЛ, Л; ЗИГЛЕР, Д. Теория личности. Основные положения, исследования и применение. Санкт-Петербург, 1998.
4. GARDNER, H. *Frames of Mind.* New York: Basic Book, 1983.
5. GOLEMAN, D. *Working with Emotional Intelligence.* London: Bloomsbury Publishing Plc., 1998.
6. KOLB, D. *Experiential learning. Experience as the Source of Learning and Development.* Englewood Cliffs, N. J. :Prentice Ha, 1984.
7. LAZARUS, R). *Emotion and Adaptation.* New York: Oxford University Press, 1991.
8. MERIZOW, J. *Transformative Dimensions of Adult Learning.* San Francisco: Jossey-Bass, 1991.
9. PILIAVI, J. A.; DOVIDIO, J. F.; GAERTNER, S. L.; CLARK, R. D. New York: Emergency Intervention. Academic Press, 1981.
10. SAARNI, C. *The Development of Emotional Competence.* Guilford. New York: The Publications, Inc., 1999.
11. SALOVEY, P. and MAYER, J. Emotional Intelligence. In *Imagination, Cognition and Personality* 9, 1990.
12. STEELE, C. A Threat in the Air: How Stereotypes Shape Intellectual Identity and Performance. In *American Psychologist*, June, 1997.
13. TITCHENER, E. *Lectures on the experimental psychology of the thought process* New York: McMillan, 1909.
14. ВИЛЮНАС, В. К. Основные проблемы психологической теории эмоций. В *Психологическая эмоция. Тексты.* Москва: Наука, 1984.
15. ВИНОГРАДОВ, Ю. Е. Влияние эмоциональных состояний на различные виды интеллектуальной деятельности. В *Психологические исследования творческой деятельности.* Москва: Наука, 1975.
16. КУТТЕР, П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей. Санкт-Петербург, 1998.
17. ЛАЗУРСКИЙ, А. Ф. *Очерк науки о характерах.* Москва: Наука, 1995.
18. ЛЕОНТЬЕВ, А. Н. *Деятельность. Сознание. Личность.* Москва.: Наука, 1975.
19. СИМОНОВ, П. В. *Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты.* Москва: Наука, 1975.
20. ТИХОМИРОВ, О. К. *Структура мыслительной деятельности человека.* Москва: Изд-во МГУ, 1969.
21. ФЕТИСКИН, Н. П. Системное исследование монотонии в профессиональной деятельности: *Автореф. дис. ...канд. наук.* Санкт-Петербург, 1993.
22. ЧЕБЫКИН, А. Я. Об эмоциях, детерминирующих познавательную активность. В *Психологический журнал* Москва., № 4, 1989.
23. ШУРЫГИНА, И. А. Детерминанты монотонии и механизмы ее проявления в учебно- музыкальной деятельности. В *Психофизиологические особенности учебной и спортивной деятельности.* Ленинград: Наука, 1984.

Encyclopedia

24. Encyclopedia of Human Behavior. New York: Academic Press. vol.3, 1994.

Anna Artamonova

Lettische Universität

DIE ENTWICKLUNG DER EMOTIONALEN KOMPETENZ VON DEN STUDENTEN BEI DEM STUDIENPROZESS DER FREMDSPRACHEN AN DER HOCHSCHULE

Zusammenfassung

In dem vorliegenden Artikel verhandelt der Autor die Entwicklung der emotionalen Kompetenz von den Studenten auf der Grundlage der theoretischen Ansichten von den Wissenschaftlern zu solchen Begriffen wie „Emotionalität“, „emotionale Kompetenz“.

Der Autor schlägt seine Auffassung zum Begriff „emotionale Kompetenz“, sowie auch das Modell, das diese Kompetenz reflektiert, vor.

Die emotionale Kompetenz der Studenten entwickelt sich in Rahmen des kolaborationalen Studiums, das Modell, das vom Autor dieses Artikels geschaffen wurde. Im Artikel werden die Modellkomponente des kolaborationalen Studiums analysiert. Die Ergebnisse des theoretischen Forschung, die methodische Begründung

der emotionalen Kompetenz in Rahmen des kolaborationalen Studiums wurden zugrunde der promovierten Analyse des Autors bei dem Studium der Fremdsprachen gelegt.

SCHLÜSSELWÖRTER: *die emotionale Kompetenz, das kolaborationale Studium, die Fremdsprache, die Hochschule, die Studenten.*

Татьяна Бардолим

Каунасский гуманитарный факультет Вильнюсского университета, Литва

Эл. почта: tatjana.bardolim@vukhf.lt

ЗНАЧЕНИЕ ГРАММАТИКИ ПРИ ЧТЕНИИ И ПОНИМАНИИ ДЕЛОВОЙ ЛЕКСИКИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ ЭКОНОМИКУ МАРКЕТИНГ И СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Для достижения полного понимания сложных экономических текстов существенную роль играет расширение и углубление грамматических знаний. При дифференцированном подходе к грамматическому материалу закрепляются умения, связанные с механизмом осмысления содержания, и извлечения информации с разной степенью полноты. Правильно подобранные грамматические упражнения к каждой теме, на материале современной экономической литературы, дают возможность глубоко проработать этот материал и разобраться с трудностями немецкого языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: грамматический материал, грамматический анализ, грамматические упражнения, действительный залог, страдательный залог, деловая лексика, модальная конструкция.

В соответствии с признанием роли иностранного языка в профессиональной подготовке современного специалиста, университетский курс немецкого языка носит по преимуществу профессионально-ориентированный характер. При чтении и анализе специальной литературы для студентов экономических факультетов очень большое значение имеет знание грамматики немецкого языка. Для достижения хороших результатов требуется дифференцированный подход к грамматическому материалу. Как известно, грамматический минимум предназначается прежде всего для чтения. Распознаванию в тексте подлежат: структура предложения, виды порядка слов, рамочная конструкция, синтаксическое членение предложения, инфинитив и инфинитивные обороты, пассив; модели предложений, представляющие наибольшие трудности при их распознавании и переводе. При систематическом занятии иностранным языком происходит обобщение языкового материала, расширение лексического запаса, продолжение работы по автоматизации первичных умений и навыков. Закрепляются умения, связанные с механизмом осмысления содержания и извлечения информации с разной степенью полноты. Внимание и усилия направлены на практическое использование языка в различных видах коммуникации. В процессе выполнения заданий по грамматике, по видам чтения, переводу, аннотированию и реферированию осуществляется выработка вторичного, творческого умения, позволяющего использовать язык в новых ситуациях.

Для достижения полного понимания текста при изучающем чтении существенно дальнейшее углубление и расширение грамматических знаний. Грамматический анализ используется как средство для понимания наиболее сложных явлений и нахождения эквивалентов при переводе.

Развитие техники просмотрового и ознакомительного чтения направленно на совершенствование умения находить основное содержание, исключать избыточную информацию.

Очень часто в своей практической деятельности приходится сталкиваться с такими проблемами:

- как, например, преодолеть «страх» перед сложной грамматикой немецкого языка;
- как можно свои знания немецкой грамматики соединить с практическими навыками, особенно при чтении и анализе сложных текстов деловой лексики из периодических изданий и коммерческих справочников;

- как овладеть основами немецкого экономического языка;
- как концентрировать внимание на самом главном и самом употребимом в практике языка, чтобы грамматическое правило воспринималось как формула или алгоритм.

Очень часто, готовясь к лекции, приходится самой составлять грамматические упражнения к каждой теме на материале современных экономических текстов, что дает возможность глубоко проработать этот материал на нужном уровне и разобраться с трудностями немецкого языка. Пользуясь грамматическими правилами, на базе данного материала, можно построить бесконечное множество предложений, наполняя их каждый раз новым содержанием.

Многие грамматические темы приходится объяснять через сопоставление и сравнение, как синонимы, с уже известными грамматическими явлениями, что с одной стороны «вынуждает» к постоянному повторению — дает представление о языке как о системе, где ничего не существует само по себе, где все взаимосвязанно и взаимозависимо, и где одну и ту же мысль можно выразить разными грамматическими средствами.

Тексты к упражнениям касаются тех или иных проблем рыночной экономики, а также дают информацию об экономическом устройстве и экономической политике Германии.

Упражнения посвящены определенной грамматической теме: глагол в действительном и страдательном залоге, инфинитивные группы, функциональные слова и предложения. Виды упражнений довольно разнообразны: это подставка, множественный выбор, текстовые задания. Удобные для изучения и понимания определенных синтаксических и временных конструкций тексты, помогают в изучении семантики и синтаксиса немецкого языка, а также дают возможность расширить словарный запас деловой лексики, составленной на основе современных немецких экономических текстов. Актуальность этих упражнений обусловлена тем, что в существующих сборниках упражнений недостаточно представлен языковой материал современных экономических текстов.

Наиболее сложным для студентов являются пассивные формы и глаголы в пассивных конструкциях. Немецкий пассив (страдательный залог) указывает на то, что действие направлено на лицо или предмет, выраженное подлежащим, и исходит от какого-либо другого лица (предмета), то есть что подлежащее испытывает на себе некоторое действие. Пассив является сложной глагольной формой, наиболее часто встречающейся в научной, в том числе, экономической литературе. Чтобы преодолеть эти сложности при чтении и понимании немецких текстов из периодической литературы на темы экономики и коммерции, следует подробно и тщательно разобраться и понять эту часть немецкой грамматики. Если в действительном залоге (в активе) подлежащее является производителем действия, то в пассиве подлежащее является объектом действия. В активе обозначение лица или предмета, совершающего действие, обязательно, в пассиве же обозначение деятеля, как правило, в предложении отсутствует:

„Die Grundüberlegungen werden auf den Arbeitsmarkt angewendet“ — «Основные положения использовались преимущественно к рынку труда».

Обычно пассив используется в том случае, когда для говорящего или слушающего не важно, кто производит действие, а в центре внимания стоит само действие:

„Diese Güter werden in unserem Betrieb hergestellt“ — «Эти товары производятся на нашем предприятии».

Пассив образуется при помощи вспомогательного глагола **werden** (в одной из шести временных форм) и причастия смыслового переходного глагола. Время формы пассива определяются временем вспомогательного глагола **werden**.

Презенс пассив переводится на родной язык в настоящем времени, а также глаголом действительного залога:

„**In der Konhutenzfirma wird der neue Markenartikel entwickelt**“. В этом предложении глагол **wird** обозначает настоящее время данной конструкции — «В конкурирующей фирме разрабатывается новый фирменный товар».

Имперфект пассив переводится действительным залогом, конструкцией глагола «быть» в прошедшем времени с краткой формой причастия страдательного залога прошедшего времени:

„**In der Konkurrenzfirma wurde der neue Markenartikel entwickelt**“. В этом предложении глагол **wurde** обозначает «был разработан».

Перфект пассив и плюсквамперфект пассив переводятся подобно форме имперфекта пассива действительным залогом, конструкцией глагола «быть» в прошедшем времени с краткой формой причастия страдательного залога прошедшего времени. Употребление этих форм диктуется обычно соображениями последовательности времени или стилистическими моментами:

„**In der Konkurrenzfirma ist der neue Markenartikel entwickelt worden**“ («был разработан»).

Особую сложность для студентов представляют собой пассивные конструкции с модальными глаголами. В сочетании с модальными глаголами употребляются инфинитив пассив, который образуется из Partizip II основного глагола и инфинитива глагола **werden**. В этих конструкциях модальный глагол указывает на время формы пассива: „**Der Versuch soll noch wiederholt werden**“ (Опыт должен быть еще повторен). „**Soll... werden**“ — указывает на настоящее время и переводится как «должен быть».

„**Der Versuch sollte noch wiederholt werden**“. **Solte... werden** — прошедшее время Imperfekt — должен был.

„**Der Versuch hat noch wiederholt werden sollen**“. Конструкция — **hat... werden sollen** указывает на прошедшее время Perfekt, который переводится так же как Imperfekt «должен был».

В немецком языке различают два вида пассивных конструкций: двучленную и трехчленную. В двучленном пассиве не выражен носитель действия или средство осуществления действия. Такие конструкции наиболее распространены (см. вышеуказанные пассивные конструкции).

В трехчленном пассиве носитель действия выражается предложным дополнением, состоящим из предлога **von** + существительное в дательном падеже или предлога **durch** + существительное в винительном падеже: „**Die Zinsen werden vom Kreditnehmer rechtzeitig bezahlt**“. В этой конструкции указывается кто именно должен выплачивать проценты (**vom Kreditnehmer**), как правило это одушевленное лицо «заёмщик». Такое предложение перевести в страдательном залоге невозможно. В переводе это будет звучать так: «Заёмщик во время выплатит проценты», то есть это уже получается действительный залог. Хотя на языке оригинала это действие нужно воспринимать как пассив.

Предлог **durch** употребляется, если носителем действия являются преданские или абстрактные понятия:

„**Die Fenster wurden durch einem heftigen Windstoss geöffnet**“. В этой пассивной конструкции предлог **durch** указывает на то, при каких обстоятельствах «были открыты окна», а именно «от сильного толчка ветра». Хотя при переводе опять-таки трудно сохранить пассивную структуру.

И так, как видно из этих примеров, подобные грамматические конструкции очень усложняют восприятие любого нового текста, так как известно, что организующую роль в предложении играет глагол-сказуемое. Не следует забывать, что это может быть глагол в сложной временной форме пассивного залога с вспомогательным глаголом, имеющим лишь грамматическое значение. Поэтому, вникая в общий смысл целого предложения, и ни в коем случае, не переводя в нем все вспомогательные глаголы, чтобы не получить полную бессмыслицу, и именно в пассивных конструкциях нужно переводить всю

конструкцию (из трех или четырех элементов) как одну грамматическую единицу-глагол, очень часто даже не в страдательном залоге.

Очень трудным для понимания являются, так называемые, в грамматике немецкого языка — инфинитивные группы. Инфинитив называет действие, не обозначая при этом лица, числа, времени и наклонения.

Инфинитивный оборот — это инфинитив с относящимися к нему словами. В немецком языке инфинитив обычно занимает последнюю позицию в обороте, в переводе на родной язык чаще — начальную. Инфинитивный оборот-дополнение в двухсоставном предложении, в этой функции инфинитив обычно употребляется с частицей **zu**, которая ему предшествует, а при отделяемых элементах располагается между отдельным элементом и корнем глагола.

При переводе инфинитивным конструкциям немецкого языка обычно соответствуют конструкции с неопределенной формой глагола с той лишь разницей, что при переводе инфинитив обычно располагается в начале инфинитивного оборота. Среди трансформаций при переводе инфинитивных оборотов особенно часто встречается трансформация инфинитива в существительное:

„Diese Verhandlungen dienen dem Ziel, wesentliche Fortschritte zu erreichen“. (Эти переговоры служат цели *достижения* существенных сдвигов). Инфинитивная группа с **zu** является распространенным и обособленным членом предложения и выступает в функции подлежащего, дополнения, определения, обстоятельства и части именного или глагольного сказуемого. Модальная конструкция **„haben + zu + Infinitiv“** имеет значение долженствования, и предложения с данной конструкцией носит активный характер. Данная конструкция часто встречается в неопределенно-личных предложениях с **„man“** и переводится как «следует, нужно».

„Die Aktiengesellschaft hat jährlich einen Bericht vorzulegen“. В данном предложении нужно обратить внимание на инфинитивную конструкцию **„hat + vorzulegen“** — «следует предоставить», все предложение можно перевести : «Акционерное общество должно ежегодно предоставлять отчет». Не зная эту инфинитивную конструкцию, это предложение трудно поддается пониманию.

Модальная конструкция **sein + zu + Infinitiv** может иметь как значение необходимости, так и значение возможности, предложения с этой конструкцией

Ией имеют пассивное значение.

„Bei den Gütern sind private und öffentliche Güter zu unterscheiden“. Чтобы понять это предложение нужно правильно перевести всю конструкцию (а не отдельные слова). **„sind zu unterscheiden“** — значит — «следует различать».

Эти инфинитивные группы чаще всего встречаются в официально-деловой лексике. При переводе использование конструкций с глаголами **haben** и **sein** как выражения возможности или долженствования осуществляется с опорой на контекст и ситуацию. Вообще же способы перевода названных конструкций в основном те же,

Что и при переводе конструкций с модальными глаголами или с **„man“**.

„Der Auftrag ist in dieser Zeit zu erfüllen“ или **„Der Auftrag muss in dieser Zeit erfüllt werden“** или **„Der Auftrag muss man in dieser Zeit erfüllen“.** Все три предложения с различными конструкциями переводятся одинаково: «За это время нужно выполнить заказ».

Инфинитивный оборот **um + zu + Infinitiv** имеет целевое значение и переводится с помощью союзных слов «чтобы, для того чтобы».

Еще более сложными конструкциями являются инфинитивные обороты с глаголами **brauchen, scheinen, glauben, suchen pflegen.**

Инфинитивный оборот **brauchen + zu + Infinitiv** переводится с помощью слов «нужно, необходимо, требуется». При этом он может приобрести новые оттенки, зависящие от сопровождающих его частиц (*noch, nur, kaum*) и тогда переводится словами

«достаточно, нужно лишь, едва ли необходимо и т.д.) с инфинитивом смыслового глагола:

„**Man braucht nicht zu erklären**“ – нет необходимости объяснять (перевод).

Конструкция с глаголами **glauben** выражает предположение, основанное на субъективном восприятии (чувственное восприятие, воспоминание). В этом отличие данной конструкции от конструкции с глаголом **scheinen**, которая показывает, что предположение основано на объективных фактах, как правило, на каких-то внешних признаках. Трудность различения и усвоения этих конструкций заключается не только в том, что здесь предложение выражено в составе сказуемого, но и в том, что оба оттенка могут выражаться одним и тем же словом, хотя и употребляемом в различных функциях. Конструкция с **glauben** «кажется, казалось» являет собой субъективный характер предложения. Конструкция с **scheinen** соответствует личное предложение с вводным словом «кажется» без указания кому, так как имеются объективные основания для предложения.

Оборот **scheinen + zu + Infinitiv** используется для выражения предложения, неуверенности и переводится словами «по-видимому, судя по всему, по всей вероятности, создается впечатление, кажется... что» и т.д.

„**Es scheint, dass sie hier als Angestellte beschäftigt ist**“ — по-видимому она работает здесь...

Конструкция **pflügen + zu + Infinitiv** переводится сочетанием «иметь обыкновение или обычно» с инфинитивом основного глагола:

„**Die Arbeitgeber pflügen die Arbeituchmer zu Aktieneigentümer zu machen**“ — Работодатели обычно делают рабочих собственниками акций.

Особо сложным для понимания является глагол **lassen** с инфинитивом другого глагола. Если основное значение глагола **lassen** — оставлять, покидать, то с инфинитивом другого глагола становится выражением побудительного значения: приказания, разрешения, поручения:

„**Die japanische Hersteller lassen die Verkaufspreise in Europa sinken**“ — Японские производители способствуют снижению европейских цен.

Что бы эти выше представленные грамматические конструкции стали более доступны для понимания, в процессе обучения предлагается большое количество упражнений с этими элементами. Се упражнения можно разделить на 3 группы и рассмотреть на примере употребления пассивных конструкций.

1. Упражнения, в которых предложения с действительным залогом, при употреблении всех грамматических правил, преобразуются в предложении страдательного залога, то есть актив в пассив. Прямое дополнение в предложении действительного залога становится подлежащим в предложении страдательного залога: **Auf der Tabelle zeigt man verschiedene Märkte** (актив) **Auf der Tabelle werden verschiedene Märkte geyeigt** (пассив).

2. Упражнения с модальными глаголами, действительный залог преобразуется в страдательный залог вместе с модальным глаголом при употреблении всех грамматических правил: **Die Angestellte bringt den Lieferschein ins Lager (mussen)**. В пассивной форме это предложение должно быть с модальным глаголом **mussen**. „**Der Lieferschein muss ins Lager (von der Angestellte) gebracht werden**“. При трансформации были соблюдены все грамматические правила, появился вспомогательный глагол **werden**.

3. Самые сложные упражнения, в которых дается просто набор слов, из которых в нужной временной форме, с учетом всех грамматических правил, нужно составить предложение страдательного залога: „**bearbeiten, der Lagerverwalter die Bestellung, sollen, nach den Weisungen des Firmeninhabers**“. Проанализировав данные слова и обороты и, установив, которые из них являются производителем действия, а которые объемом действия, по определенной для пассива конструкции строим следующее

предложение: „**Die Bestellungen sollen nach den Weisungen des Firmeninhabers (vom Lagerverwalter) bearbeitet werden**“.

Такие упражнения помогают не только хорошо и грамотно писать, а также понимать и анализировать сложные экономические тексты, в которых очень часто встречается именно страдательные обороты. При переводе на родной язык не все конструкции страдательного залога можно переводить именно как страдательные обороты, очень часто они переводятся только активной формой: „**Der Vorgang wird durch die Temperatur beeinflusst**“ — «на процесс оказывает влияние температура».

В немецком языке формы страдательного залога унифицированы и однозначны, при переводе они многозначны:

„**Die Studenten werden vom Professor über Resultate der Prüfung informiert**“, что можно перевести так: «Профессор информирует студентов о результатах экзамена» или «Студенты были информированы о результатах экзамена профессором», но только в прошедшем времени.

В немецком языке больше выражена тенденция к «подлежащему» оформлению предложения. Это и является причиной более частого употребления страдательного залога при отсутствии указания на деятеля. Употребляемое в таких случаях в соответствующем действительном обороте подлежащие **man**, по-видимому, не соответствует стилистической норме деловой лексики, требующей предельной точности. Следует иметь в виду, что если двучленная пассивная конструкция (без указания деятеля) переводится глаголом действительного залога, то он становится не в личной, а в неопределенно-личной форме. Итак, в немецком языке страдательные конструкции имеют более широкое распространение, что обусловлено более широкой возможностью образования однозначных форм и необходимостью их употребления для выражения соответствующих значений. Поэтому в немецком языке стилистическое различие между действительными и страдательными конструкциями менее ярко выражены. В переводе на родной язык употребление страдательных конструкций более ограничено, ибо и возможность, и необходимость их применения значительно уже. Отсюда более ярко выраженные стилистические различия между залоговыми синонимами. В разговорной лексике страдательные обороты нередко звучат «по-газетному».

ЛИТЕРАТУРА

1. MEFFERT, H. Strategische Unternehmensführung. Wiesbaden, 1988.
2. Markt. Materialien aus der Presse. Ausgabe 22, 2002.
3. КРЫЛОВА, Н. Деловой немецкий язык. В *Экономическая и коммерческая информация*. Москва: НВИ, 2001.
4. КРЯЧИНА, С.; СНЕЖИНСКАЯ, Г. Grammatik + Wirtschaftswissenschaften. Санкт-Петербург, 1998.
5. КРЕСТИНСКИЙ, С. Wirtschaftsdeutsch. Москва: Фаблия, 1996.

Tatjana Bardolim

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

GRAMATINIŲ GEBĖJIMŲ PANAUDOJIMAS SKAITANT IR ANALIZUOJANT VOKIEČIŲ DALYKINĖS KALBOS TEKSTUS

Santrauka

Užsienio kalbos mokėjimas turi vis didesnę reikšmę profesiniame jauno specialisto pasiruošime. Dirbant su vokiečių dalykinės kalbos tektais neužtenka vien tik komunikacinių gebėjimų, didelį dėmesį reikia skirti vokiečių kalbos gramatikai. Siekiant maksimaliai suprasti sunkius ekonominius tekstus iš vokiečių periodinės literatūros ir komercinių leidinių, tenka vis daugiau gilintis į vokiečių kalbos gramatiką. Taikant diferencijuotą gramatinės medžiagos panaudojimą laviname įgūdžiai, kurie įtakoja teksto suvokimą ir maksimalų informacijos gavimą. Ekonominės leksikos bazėje teisingai parinktos gramatinės užduotys suteikia galimybę įveikti visus vokiečių kalbos sunkumus.

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

RAKTINIAI ŽODŽIAI: gramatinė medžiaga, gramatinė analizė, veikiamoji, neveikiamoji rūšis, infinityvinės grupės, dalykinė kalba, pasyvo konstrukcijos, su modali, pasyvo konstrukcijos su modaliniais veiksmažodžiais.

Algis Braun

Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania

E-mail: apb719@yahoo.com

THE EFFECTS OF BILINGUALISM ON CHILD LANGUAGE ACQUISITION

This paper discusses some contrasting theories of language acquisition, with a special focus on the early stages of acquisition in children. The most typical speech errors produced by children during language development are presented, as well as the problem of word meaning acquisition. Several descriptions of bilingualism are outlined and interference and code-switching are discussed. Finally, the need for more research to help prepare better teaching materials for Lithuanian children is suggested.

KEY WORDS: *child language acquisition, bilingualism, speech errors.*

I. Introduction

Everyone knows the cliché: two parents hovering over a crib, each vying for baby's attention and shouting, "Say mama!" "Say dada!" A child's first word is a small miracle, not unlike the first step, and marks a significant transition. With that word the child enters the world of human language, finally becoming a true participant in the world of symbolic representation.

As children grow their language becomes ever more sophisticated, but so too do the challenges they face in formulating utterances. Small wonder, then, that so much of what children say is simply wrong: their language is full of speech errors. And yet, even when breaking the rules of their language, they manage to communicate. So many of their errors are not-quite-right, yet close enough to bring a smile, and parents' magazines are full of pages containing examples of the amusing things children say.

In most cases, the errors are those of monolinguals, children who speak only one language. Their errors are usually typical of the language in question and can be analyzed and classified by the rules of that language. Yet bilingual children also err in their speech, and in different ways, often mixing lexical (or even syntactical) items from the two languages. This paper reviews some of the issues involved in the language acquisition of mono- and bilingual children.

II. Language acquisition

It is common knowledge that when it comes to second language acquisition, adults generally fare worse than children. The large cities of the United States are full of language ghettos, the myriad Chinatowns, Vietnamtowns, Mexican *barrios*, and so forth in which new immigrants settle. More often than not the children in these immigrant families are comfortably bilingual, speaking nearly unaccented American English with ease. Their parents, however, are often happy only in their native language, using English only when unable to do otherwise.

Many linguists believe this phenomenon is due to a **critical period**, generally assumed to last until puberty, during which humans are able to learn new languages with ease. After this period, language learning becomes much more problematic and native-like skill is very difficult to attain. This hypothesis treats the ability to learn language as a biologically innate skill that withers if unused. Other theorists, however, do not accept that a critical period exists. Reich (11), for example, cites figures showing that adults actually require much *less* time than children to master a new language: 1300 hours as compared to 9000. He argues that the widely perceived difference in acquisition times among immigrant families could be due to social, not biological,

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

---

factors. Children are usually immersed in English at school (perhaps for 6-8 hours/day) with classmates whose only language is English, while adults, even if they have the option of studying English formally, tend to take courses with other non-native speakers (for maybe 2-3 hours/week). Scovel (13) agrees, mentioning also the different expectations placed on adults and children by outside observers. No one would find it remarkable if an adult knows the names of everyday objects, but when a child begins naming them he or she is immediately showered with praise.

Nonetheless, many linguists hold to a belief, first described by Noam Chomsky, in a **language acquisition device (LAD)**, “an innately specified language ability in human beings” (12, 18). In other words, humans, unlike other animals, are genetically predisposed to learn language in the same way they are predisposed to stand upright and walk on two limbs. Bloom (1) notes that deaf children pass through a stage of reduplicative babbling (in sign language) at age 7-10 months, suggesting that it is abstract linguistic structure, not just speech, that humans are meant to acquire. Other theorists, however, argue that general learning principles may be able to account for all of the language acquisition that takes place, and that learning to speak is essentially no different from learning to swim (though certainly much more complicated). If true, however, one implication would be that animals, for whom general learning principles certainly apply, should be able to learn language, a proposition rejected outright by Chomsky.

Such debate has led to another theory known as **Universal Grammar (UG)**, a system of linguistic rules common to *all* languages. For example, some languages place adjectives before nouns (English, Lithuanian), others after (French, Spanish), yet no languages do not allow nouns to be modified at all. In terms of child language acquisition, UG acts much as the LAD might, providing children with an intuitive set of rules through which to interpret and systematize the language(s) to which they are exposed. Indeed, Brown (2) notes that children systematically form and test hypotheses about language, a process Scovel (12) refers to as **tuning**. In other words, children compare language evidence against UG and check with the available adults to determine the accuracy of the hypothesis. One way to visualize this process is as a case of **parameter setting** (1). Children listen to the language around them; this input in turn triggers innately encoded parameters of UG which become the basis for the child’s further language development.

Another argument that has been advanced in support of UG is that some grammatical structures produced accurately by children are so complex that children never receive any evidence for them at all. Simply, no one speaks to children in those ways. Chomsky even argues that “the sentences heard by the child are so full of retracings, errors, and incompletions that they provide no clear indication of the possible sentences of the language” (9, 884). In addition, adults rarely explicitly correct their children’s ungrammatical attempts, instead responding to the pragmatic meanings their children are trying to convey. Children, therefore, are faced with a challenging obstacle: no positive evidence of proper forms, and no negative evidence when they produce unacceptable ones. This has come to be known as the **logical problem** of language acquisition.

MacWhinney (9) presents a solution to this problem that does not depend on any principles of universal grammar. Instead, his **multiple process solution** shows how seven separate processes based on general learning principles can interact to help children acquire language despite the logical problem. In fact, he points out that “acquiring” a language does not necessarily mean acquiring it fully. Adults also make speech errors, though more rarely than children, a fact that undermines the UG hypothesis. The essence of MacWhinney’s model is **competition** (8; 9); a process whereby the child’s hypotheses about language rules compete with actual evidence to eliminate errors. In this model, a child who hears only irregular past tense verb forms such as *went* (positive evidence) will eventually come to favor them over generalized -ed

forms such as *goed, regardless of whether someone provides negative evidence or not. In this way the erroneous (yet common) child speech error *goed is eliminated through competition with went. See part III for a further discussion of this problem of overgeneralization.

There is still much debate as to how languages are acquired. What is certain, though, is that nearly everyone eventually acquires at least one language. We turn now to some issues regarding the processes by which children begin to speak.

III. Stages in child language acquisition

Children are constantly surrounded by language, and are born able to recognize their mother's voice. In their first weeks of life they are bathed in a sea of human speech, from parental cooing and singing to the random comments of strangers. Baby talk, or **Adult-to-Child Language (ACL)** (11), seems to be present in most of the cultures on Earth. As has been noted, Chomsky argues that this type of communication may actually be detrimental to child language acquisition. Yet many of the characteristics of ACL seem clearly designed to provide children with feedback and support in their struggle to learn their first language.

Some of the salient features of ACL are: it is slower than adult speech, nearly error-free, more clearly enunciated, full of repetition and expansion of the child's imperfect utterances, utilizes a special, often simplified vocabulary (e.g., "potty" for "toilet" or "au-au" for "šuo"), and may even contain examples of overt teaching. Owens (10) describes even more features of what he terms "motherese" (see Table 1), and also notes that parents adjust their language to match the child's current stage of development, requiring more and more child participation as time goes on. Parents have several tactics they can use to encourage their children to speak. **Prompting** requires the child to provide information by either filling in a gap ("This is a ____.") or answering a question (What's this?). Alternatively, children may be prompted with direct imperatives ("Say please."). Parents may also **expand** their children's utterances, filling in missing syntax or lexis. If a child says, "Mommy eat," a typical expansion might be, "Right, Mommy's eating her lunch." If, however, the mother in this case responds, "Yeah, Mommy's really hungry," this would be an **extension**. Extension provides semantic and pragmatic information which expansions do not, and also more closely mimics the conversational style of adults. Finally, parents might use **turnabouts**, which are often questions designed to put the conversational ball back in the child's court. A turnabout to "Mommy eat" might be, "Yep, and do you know what she's eating?"

Table 1

Characteristics of ACL compared to adult-to-adult language (after Owens, 1992)

Paralinguistic	Lexical	Semantic	Syntactic	Conversational
Slower Longer pauses Greater pitch range Exaggerated intonation More varied loudness pattern	More restricted vocabulary 3x more paraphrasing Concrete reference to the present	Limited range of functions More contextual support	Fewer broken/run-on sentences Shorter sentences More well-formed sentences More imperatives, questions	Fewer utterances per conversation More repetition

But no child begins speaking with utterances as advanced as "Mommy eat." Rather, they seem to progress through a series of developmental stages that are clearly defined. Different researchers discuss these stages in different ways. Brown (2), for example, defines them in terms of **mean length of utterance**, a measure based on the number of morphemes a child is able to

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

use. He has even put together a list of morphemes (see Table 2) in order of their mastery (defined as the ability to use them correctly 90% of the time) by the child. Other researchers, however, take a more intuitive, if less objective, approach (7; 10;12). They describe the stages of child language acquisition in terms of the number of words in a child's typical utterance. In this description, then, the child spends the first year or so producing meaningless utterances. **Babbling** serves a function, of course, as children learn to manipulate their speech organs, but it is rarely considered to be a meaningful form of speech. Parents may disagree, claiming to understand the myriad sounds their children produce, but such claims are unverifiable.

Table 2

Selected list of morphemes in order of acquisition (adapted from Brown, 1973)

Morpheme	Example	Average age of mastery (months)
-ing (no auxiliary verb)	Mommy driving.	19-28
in	Ball in cup.	27-30
on	Doggie on sofa.	27-30
regular plural -s	Kitties eat my ice cream.	24-33
irregular past	Went, came, sat, etc.	25-46
possessive 's	Mommy's balloon broke.	26-40
articles	I throw the ball to Daddy.	28-46
regular past -ed	Mommy pulled the wagon.	26-48
regular 3rd person -s	Kathy hits.	26-46

Between the ages of 12 and 18 months the **holophrastic**, or single-word utterance, stage begins as children start pronouncing their first recognizable words. In this stage, a single word (e.g., "cookie") can be a request ("I want a cookie"), a statement of fact ("That's a cookie"), a comment ("What a big cookie"), a lament ("I dropped my cookie"), and so forth. Parents do spend some time during this stage interpreting their children's holophrases. Life becomes a little easier during the next stage, when children begin to put two words together into what is often called **telegraphic speech** (1). It is interesting to note that children do not merely throw words randomly together and hope for the best; rather, they seem to organize words into **pivot** and **open** classes (7; 12). Pivots are fewer in number and cannot stand alone as single-word utterances; examples include *more*, *that*, *here*, *my*, and *wanna*. Slobin (1970) points out that this phenomenon holds true for children learning languages as diverse as German, Russian, Finnish, and Samoan, indicating that these stages of language development are universal.

With the addition of a third word children's language becomes richer and clearer still, but at the same time more grammatically challenging. The possibilities for errors increase greatly. Children's **speech errors** have proven to be very useful for linguists studying the process of language acquisition (1). An error in effect captures a cognitive moment in the child's development. Children, of course, don't study language with the help of dictionaries and grammar manuals; they must infer everything from the language they hear. Thus a child's speech errors offer useful insights into the human language learning process itself.

Among the types of common errors noted by Reich (11) are problems with segmentation, categorization, lexical gap, and overgeneralization. **Undersegmentation**, the tendency to hear separate segments as a single unit, explains single-morpheme words like "wanna," but can also lead to pragmatic difficulties. Consider the following conversation:

Child: /mi:dasdier/

Adult: What?

Child: /mi:dasdier/—what's that?

Adult: I don't know.

The boy (age 3;7) had heard a phrase in a film and was attempting to reproduce it. Most likely he didn't himself understand what had been said, having heard it as a connected whole and assuming it was just one word. His reproduction, therefore, was undersegmented, causing his and his parent's confusion. As it turned out, the phrase was, "Meet us there." The opposite problem, **oversegmentation**, is the tendency to drop parts of words that aren't actually separable segments. One child, for example, consistently drops the end of the word *color*, making it sound like *cull*, as in "Let's cull this book." **Miscategorization**, another common speech error, describes the tendency to assign words to the wrong part of speech. Thus a child might say, "I'm tiring," incorrectly making an adjective into a verb. **Overgeneralization** may be the most well-studied speech error of child language, especially of English-speaking children. Irregular past tense verb forms are a particular area of interest (7; 2; 12; 9), though children also have problems with irregular plurals and adjectives. Initially, they learn and correctly use the forms *went*, *feet*, and *better*. At some point, however, children stop using them and produce forms such as **goed*, **foots*, and **gooder*. Later, in a process known as **creative construction**, they may produce forms such as **wented* or **feets*. Finally, they return to using the irregular forms correctly. As noted in part II, linguists disagree as to the mechanism by which children finally sort out the rules for irregular forms.

One tendency described by Reich as an error is the problem of **lexical gap**, which arises when children invent words that don't technically exist, as in the following exchange:

Adult: This is all messed up.

Child: So **unmess* it.

My own inclination is to view such coinages not as errors but rather as examples of the wonderful inventiveness of children, who manage to say so much with the limited resources available to them. It is worth pointing out that however scientific researchers try to be about the stages of child language acquisition, however they subdivide children's speech into categories of errors and mastered morphemes, from the child's point of view it is quite a different story. As Kess points out, "For the child... language learning tasks are not tasks at all but are simply assimilated as other behaviors to be acquired" (7, 237). They learn not through deep metalinguistic thought and overt learning of rules, but pragmatically, while engaged in other activities.

Learning a language is not only about learning grammar, of course, and children absorb vocabulary throughout the acquisition period. One estimate (7) is that a typical child's vocabulary increases 15 times between 18 and 24 months. Another (4) is that children learn an average of 9 words a day between 18 months and 6 years: a total of around 18,000 words. Exactly how they learn the meanings of so many words is, according to Bloom, "perhaps the deepest mystery in the study of language acquisition" (8, 746). This is due to the fact that any given word, even used in a very specific context (e.g., "That's a dog," said while pointing to the family pet), can give rise to an infinity of possible meanings. In this case, *dog* could mean: a particular breed; a live animal; the dog's fur; the dog's name; any four-legged object, animate or otherwise; the part of the dog being pointed to (e.g., the tail); or even weird hypotheses such as, the dog when in his doghouse but nowhere else. This last possibility is by no means impossible; 1-year-olds are known for the very restricted contexts in which they use words. A friend's one-year-old would say *bus* when looking at one from their seventh-floor window, but not when standing next to one on the street.

Bloom (1) lists a number of possible **constraints** that have been proposed to account for how children learn word meanings. One such constraint assumes that novel words are more likely to refer to whole objects than to their parts. This is fair enough assuming that the child is learning the meaning of concrete nouns, but fails to explain the acquisition of abstract nouns (such as *time* or *love*). To be sure, young children's utterances are extremely concrete, but even

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

---

telegraphic phrases like “Mommy eat” contain verbs (which cannot be classified as wholes or parts). Indeed, constraints seem unable to account for the acquisition of any part of speech except nouns.

If it is amazing that children learn word meaning, then how much more amazing the accomplishment of the bilingual, who must effectively do double the work to achieve similar proficiency in two languages. Let us now look at some of the effects of bilingualism on child language acquisition.

IV. Bilingualism

Half of the world is bilingual (11). Yet most research on language acquisition has focused either on the acquisition of a first language by children, or of a second language by adults. This is not to say that bilinguals have been ignored by linguists, of course. Yet much of the literature devotes very little space to the topic of bilingualism. Of the sources reviewed here, some (1; 12) do not mention bilingualism at all. Others (2; 13) treat it mostly as a problem for educational systems.

The first question that arises is what is meant by the term **bilingual**. As Kess (7) asks, is a person who can say one sentence in another language bilingual? One who can read a language, but not speak it? In this paper *bilingual* will be defined as a person who speaks one language fluently and has achieved a basic functional proficiency in a second language, meaning that s/he can communicate, with more or less difficulty, in original (not memorized by rote) phrases or sentences.

Kess describes two types of bilingual, **dominant** and **balanced**, based on their speed of response to language tests. Dominant bilinguals respond better in one language, while balanced bilinguals exhibit no particular difference. All bilinguals, however, do seem to favor one language over the other for autolinguistic activities (such as counting, praying, and spelling) that are usually done silently, in one’s head. The favored language tends to be the one the activity was originally learned in.

Kess presents a second distinction, also discussed by Brown (2): that of **compound** and **coordinate** bilinguals, a distinction based on how the languages were learned. Compound bilinguals are best represented by the children who learn a second language in school. Because the context in which they speak both languages is the same (school), they have a more difficult time separating the languages in practice. Indeed, very often the second language is taught and learned by means of the first language (e.g., Lithuanian monolinguals learn English grammar rules with the help of Lithuanian language explanations), increasing the difficulty of separation. Coordinate bilinguals, on the other hand, learn each language in separate contexts which are independent from each other. Children who move to other countries may become coordinate bilinguals, as my mother did, learning Lithuanian in Lithuania and English in England and America. These bilinguals seem to have an easier time keeping the languages separate and using them in appropriate contexts.

A final distinction, discussed by Reich (11) and Owens (10), is that of **simultaneously** or **successively acquired** bilingualism. In the first case, the languages are learned at the same time. The typical pattern appears to be that syntax common to both languages is learned first, followed by the remaining syntax of whichever language is easier for the child to learn. In one child’s case, she was producing three-word utterances in Lithuanian while still just beginning to use two-word English constructions, suggesting that for her at least, Lithuanian was the easier language to learn. In the case of successively acquired bilingualism (meaning that the second language was learned after the age of 3;0), children exhibit some clever strategies. At first they learn some fixed phrases which they overextend in an effort to give the impression of fluency in

the new language. Later, communication becomes all-important, and children try mostly to communicate the gist of the utterance, leaving out details that they haven't yet learned to say. In the final stage they begin to concentrate on learning the correct language forms they are still missing.

One of the problems associated with bilingualism is **interference**, or the mixing of syntax from the two languages. Evidence indicates that this is much more a problem for adult learners of second languages than for children. Indeed, Brown (2) cites one study in which interference accounts for only 15% of children's speech errors. Kilborn (8) doesn't even mention children in his discussion of bilingualism, in which he presents four possibilities for the influence of interference on language acquisition. They are: **differentiation**, in which bilinguals behave essentially as monolinguals in each language; **forward transfer**, in which the first language (L1) influences production of the second (L2); **backward transfer**, in which new L2 strategies come to supplant those of the L1; and **amalgamation**, in which new L2 strategies "become assimilated into one amalgamated set that is applied to processing in both languages" (8, 924). Kilborn seems to favour differentiation, citing evidence indicating that bilinguals use different strategies to process the different languages they know. Similarly, in his discussion of successively acquired bilinguals Owens asserts that they "do not use their knowledge of the first language to formulate utterances in the second" (10, 452). If all this is true of children, it would again suggest that children approach language learning primarily as a pragmatic activity, developing need-based strategies as required to deal with the problems of each language on its own terms.

That said, there is probably no bilingual who never engages in **code-switching**, or the mixing of the two languages within an utterance. The frequency of code-switching may be a function of the language environment, and children raised in households where both languages are spoken by both parents exhibit this behaviour more frequently than those whose parents keep the languages separate. Code-switching is not just a stop-gap measure used when some lexical item is missing in one language. Instead, it may serve a functional stylistic purpose, being used for "direct quotes, emphasis, clarification or repetition, elaboration, focus on a particular portion of a message, attention getting and maintenance, and personal interjections or asides" (10, 454). In addition, it may play a language maintenance role, preventing the degradation of the L1 while the L2 is learned.

Finally, it is worth noting that bilingualism seems to have no effect on the speed of language acquisition (11; 10). Whether their parents strictly speak only one language each or freely mix them, by the age of 4 most children will have separated the two languages. The last part of this paper discusses some implications of the above theories of language acquisition for Lithuanian children.

V. Discussion

In Lithuania at the present time there is a need for more research on the topic of Lithuanian/English bilingualism. Children in play groups begin to learn English words quite early; in some cases, from the age of 2;9 or 2;10. Teachers present this material in different ways. The most common teaching materials are those distributed by large British publishers, whose primary audience remains Western Europeans. I have taught children and adults from these books, and one notices a certain focus in them on grammar areas that could certainly be a problem for speakers of French or German, but which Lithuanians acquire with relative ease. Conversely, there is often not enough of a focus on those areas of grammar or pronunciation which tend to prove so difficult for my students. For this reason, and those outlined in part III, a study of the typical speech errors of Lithuanian/English bilinguals could prove extremely useful in the eventual development of more effective teaching materials. The possibility of such speech

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

---

errors' predictive power for Lithuanian monolinguals of any age learning English should also be investigated.

When teaching very young children, one must also consider the four possibilities for interference discussed by Kilborn. Early language learning is fashionable and knowing a few English words at age 3 certainly shouldn't harm anyone. However, for children who are still in the process of acquiring their first language, the possibility of backward transfer, in which L2 rules can actually replace L1 rules, should be examined. No one would want to negatively impact children's acquisition of their first language.

Another area of concern is the many Lithuanian families migrating to other parts of the European Union or even to the United States. Among the parents of bilingual children I know are those who, while justifiably proud of the fluency of their children's English, lament the fact that those same children no longer speak Lithuanian. Language forgetting is a very fast process, and in a monolingual environment the first language may degrade in as little as one year (Reich, 1986). Study of the process by which knowledge of Lithuanian degrades (which structures disappear first, which remain longest, etc.) could provide fascinating insights into the process of learning Lithuanian. This in turn might help foreigners in this country learn Lithuanian.

Further research in this area should be of interest to kindergarten and primary school teachers as well as to parents. Translators, who naturally must themselves be bilingual, may also find such research of interest. Foreigners living in Lithuania could be helped by a better understanding of the processes by which Lithuanian is acquired. Finally, there is a large population of Lithuanian/Russian bilinguals in this country. Research into these areas could be useful for them by analogy, as well.

REFERENCES

1. BLOOM, P. Recent controversies in the study of second language acquisition. In *Gernsbacher*, 1994.
2. BROWN, H.D. Principles of language learning and teaching (4th ed.). White Plains, NY: Pearson Education, 2000.
3. BROWN, R. A first language: The early stages. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1973.
4. CAREY, S. The child as word learner. In *Halle et al.*, 1978.
5. GERNSBACHER, M.A. (Ed.). Handbook of psycholinguistics. San Diego, CA: Academic Press, 1994.
6. HALLE, M.; BRESNAN, J., & MILLER, A. (Eds.) Linguistic theory and psychological reality. Cambridge, MA: MIT Press.
7. KESS, J.F. Psycholinguistics: Introductory perspectives. New York: Academic Press, 1976.
8. KILBORN, K. Learning a language late: Second language acquisition in adults. In *Gernsbacher*, 1994.
9. Mac WHINNEY, B. A multiple process solution to the logical problem of language acquisition. *Journal of Child Language*, 31, 2004, p. 883-914.
10. OWENS, R.E. Language development: An introduction (3rd ed.). New York: Macmillan Publishing Company. 1992.
11. REICH, P. A Language development. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986.
12. SCOVEL, T. *Psycholinguistics*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
13. SCOVEL, T. Learning new languages: A guide to second language acquisition. Boston, MA: Heinle & Heinle, 2001.

Algis Braun

Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

DVIKALBYSTĖS ĮTAKA VAIKŲ KALBOS ĮGŪDŽIŲ FORMAVIMOSI PROCESĖ

Santrauka

Šiame straipsnyje nagrinėjamos kelios skirtingos vaikų kalbos įgūdžių formavimosi teorijos, daugiausia dėmesio skiriant ankstyvosios kalbos įsisavinimo stadijoms. Pateikiami pradedančių kalbėti vaikų dažniausiai pasitaikančių kalbos klaidų pavyzdžiai. Aptariamos problemos, išskylančios formuojantis žodžių reikšmės suvokimui. Pateikta keletas galimų dvikalbystės apibūdinimų; aptarti sąveikos (interference) ir kodų keitimo (code-

switching) reiškiniai. Konstatuojamas trūkumas mokslinių tyrimų, kurių rezultatai padėtų paruošti šiuolaikines mokymo priemones lietuviškai jau kalbantiems mažamečiams, pradedantiems įsisavinti antrą, anglų kalbą.

Reikšminiai žodžiai: vaikų kalbos įgūdžių formavimasis, dvikalbystė, kalbos klaidos

RAKTINIAI ŽODŽIAI: vaikų kalbos įgūdžių formavimasis, dvikalbystė, kalbos klaidos

Юрий Храмов

Рижская классическая гимназия, Латвия

Эл. почта: hramov@tvnet.lv

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ВИД УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РИЖСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В нашей статье речь идет о составляющих философии написания курсовой работы гимназиста (целеполагание, выявление категории гимназистов, участвующих в работе исследовательских обществ, определение специфики курсовой работы, критерии оценивания), формах исследовательской работы на уроках русской словесности (работа исследовательской лаборатории), об актуализации принципа индивидуализации обучения одаренных гимназистов (написание индивидуальных программ обучения, учитывающих индивидуальные интеллектуальные потребности учащихся). В статье автор предлагает свои методические рекомендации по написанию курсовой работы гимназиста через учебное пособие, составленное на основании результатов семилетнего опыта работы филологической научно-исследовательской студии Рижской классической гимназии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *одаренные гимназисты, формы исследовательской работы, курсовая работа гимназиста, индивидуальные программы обучения, методические рекомендации по написанию курсовой работы гимназиста.*

Автор настоящей заметки не ставит перед собой задачи переписать книгу знаменитого итальянского профессора Умберто Эко «Как написать дипломную работу» (1): в основе нашей статьи лежит желание поделиться семилетним опытом работы в Рижской классической гимназии в качестве преподавателя русской словесности и руководителя филологической студии научно-исследовательского общества гимназистов.

Философия написания курсовой работы гимназиста предполагает наличие таких составляющих, как: целеполагание, выявление категории гимназистов, участвующих в работе исследовательского общества, определение специфики курсовой работы (исследования) и выявление критериев оценивания.

Цель работы исследовательского общества – раскрытие творческого потенциала одаренных гимназистов – определяет постановку следующих задач: приобщить гимназистов к исследовательской работе научного уровня, стимулировать интеллектуальную, творческую активность гимназистов, способствовать поиску личностной самореализации в интеллектуальной сфере.

В рамках учебного пространства дифференцировать учащихся целесообразно по следующим основаниям: исследовательская ориентация (высокий уровень индивидуализации), организационная ориентация (высокий уровень коммуникации), информационно-творческая ориентация (способность к творческому преобразованию полученной информации в рамках предмета), информационная или неполная информационная ориентация (репродуктивное, иногда неполное воспроизведение полученной информации в рамках предмета).

Разумеется, написание курсовой работы не единственная форма исследования, существующая в нашей гимназии. Например, на уроках русской словесности разные группы учащихся задействованы в работе так называемых исследовательских лабораторий. Здесь возможны различные варианты организации учебного пространства:

- работа с историческими источниками (текст и его прототипы);

- анализ текста с точки зрения той или иной критики;
- стилистические эксперименты (выявление стилистического своеобразия того или иного текста);
- сопоставительный анализ текстов (например, сопоставительный анализ новой и классической драматургии по различным узловым моментам);
- анализ киноверсии (средства языка и средства литературы, построение семиотических мостов);
- поиск различных смысловых нюансов в той или иной теоретической схеме, модели (Я – Оно – Сверх-Я);
- работа с тропами;
- выявление взаимосвязи между литературными направлениями (дионисийское и аполлоновское начала, модернизм и постмодернизм и т.п.).

Многообразие форм исследовательской работы на уроках русской словесности актуализирует в учебном пространстве принцип дифференциации и индивидуализации обучения и в конечном счете способствует разрушению традиционной классно-урочной системы.

На наш взгляд, учебно-познавательная деятельность одаренных гимназистов должна быть в максимальной степени связана с написанием курсовой работы. Исследовательская работа – ядро, вокруг которого должна строиться система обучения одаренных гимназистов, а интроспекция должна стать основой качества обучения вышеуказанной категории гимназистов /здесь хотелось бы процитировать мнение Владимира Набокова о преподавании, высказанное им в Корнелле: «Нашим студентам нужно быть более собранными, почаще оставаться в одиночестве и побольше спать. Слишком уж много клубов и коллективных мероприятий. Университетские городки должны быть более тихими; многим студентам не повредили бы уютные кельи со стенами, обитыми войлоком» (2, 215) /. Конечно, такой подход учитывает и межпредметную интеграцию как условие качества исследования (феномен Станислава Шейко, ученика классической гимназии, соединившего не без помощи преподавателей разных комиссий литературу, экономику, информатику, историю культуры в своей работе «Рекламный дискурс в литературе: Бегбедер – Делилло – Пелевин»), и необходимость создавать индивидуальные программы обучения в соответствии со способностями и индивидуальными интеллектуальными потребностями учащихся, и возможность взаимодействия преподавателей разных комиссий при конструировании индивидуальных программ одаренных гимназистов.

Специфика курсовой работы (исследования) складывается на основе следующих параметров:

- определение объекта исследования (что исследуется);
- определение предмета исследования (что мы делаем с объектом исследования);
- ознакомление с научной литературой по данному вопросу с целью разграничения уже изученного с еще не изученным (выявление в работе реферативного и исследовательского поля, также определение актуальности исследования);
- определение методов, аксиом исследования (от чего мы исходим, когда исследуем);
- определение практического значения исследования (зачем исследуем);
- апробация исследования (включая публикации) – также составная часть исследования как такового;
- наличие в работе исследовательского поля (личный вклад в разработку данной проблемы);
- полемичный характер исследования (дискуссия с предшественниками);
- формальные показатели разграничения своего и чужого в исследовании (наличие ссылок);

- формальные показатели в подаче исследования (структура исследования, необходимый объем исследования, список источников и использованной литературы, аннотация на иностранном языке);
- наличие результатов исследования в форме тезисов (в чем состоит ваш вклад в разработку данной темы, проблемы).

Оценивание курсовой работы осуществляется по вышеуказанным параметрам, также при этом необходимо учитывать мотивационный момент или другие педагогически релевантные показатели (ср. оценивание в рамках рейтинговой системы). По нашему мнению, поиску личностной самореализации одаренных гимназистов в интеллектуальной сфере способствует эссеистический стиль написания курсовой работы (мы считаем, что эссе тоже может стать научным исследованием и наоборот).

Далее речь пойдет об учебном пособии, составленном нами и рассчитанном на гимназистов, участвующих в работе исследовательских обществ. Учебное пособие (методические рекомендации) состоит из четырех частей: 1) некоторые понятия и положения современной методологии научного поиска (теоретическая часть); 2) методические рекомендации по написанию курсовой работы гимназиста (практическая часть); 3) размышления О.Н. Трубачева о методологии научного труда – «Трактат о хорошей работе» и «Образованный ученый» (3); 4) литература для дальнейшего чтения по проблемам методологии науки.

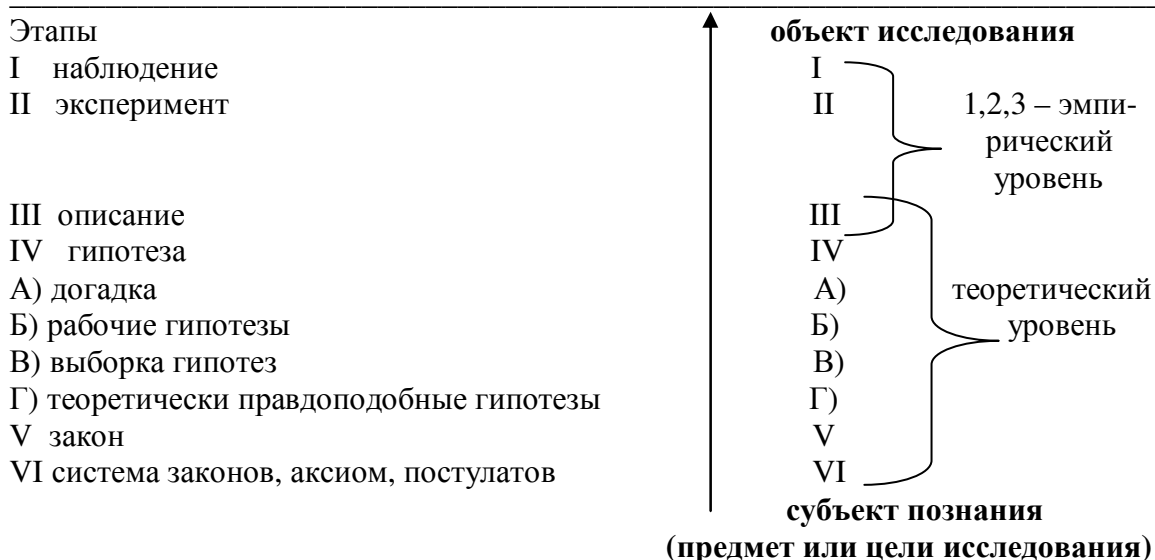
Теоретическая часть складывается из следующих параграфов: «Предмет философии и методологии науки», «Понятие науки. Характерные черты научного знания», «Основные методы построения теории», «Соотношение эмпирического и теоретического знания на фоне соотношения познающего субъекта и исследуемого объекта в рамках современной научной парадигмы», «Формализация», «Этика науки», «Верификация и верифицируемость», «Модели развития научного знания», «Научный поиск. Научное открытие. Стадии научного поиска. Типы научных открытий», «Специфика естественно-научных и гуманитарных областей знаний», «Представления о науке в XX веке». Проиллюстрируем некоторые узловые моменты теоретической части:

Соотношение эмпирического и теоретического знания на фоне соотношения познающего субъекта и исследуемого объекта в рамках современной научной парадигмы

Познание объекта есть познание субъекта. Исследование, методы исследования влияют на бытие объекта. Знание как таковое ситуационно, зависит от исходных точек зрения, от гносеологических границ, от предустановленных идей, культурного слоя (в этом специфика современной научной парадигмы).

Проблема понимания и объяснения в гуманитарных науках решается в свете дополнительности (явление несепарабельности: «глубокий анализ любого понятия и его непосредственное применение взаимно исключают друг друга» /Н.Бор/): объяснение – выявление традиций или социальных эстафет, участником которых является тот или иной ученый или художник, а понимание – описание содержания этих эстафет.

Объяснение – рациональная процедура, избавление от субъективного в познании. Понимание – выявление объективного из субъективного при помощи специфических методов исследования субъективного, иррациональное и эмоциональное переживание о предмете. Для гуманитарных наук, скорее, понимание оказывается определяющей процедурой. Именно потому в гуманитарных науках огромное значение приобретает проблема интерпретации текста (проблемой толкования текста занимается такая наука, как герменевтика).

Специфика естественно-научных и гуманитарных областей знаний

В понимании В. Виндельбанда и Г. Риккерта специфика естественно-научных и гуманитарных областей знаний состоит в следующем:

	Исторические науки	Естественные науки
1. Конечный результат Познания	Описание индивидуального события	Законы
2. Основной источник информации	Письменные источники, тексты (хроники, мемуары, письма, документы), материальные остатки прошлого	Природа, взаимодействие с природой
3. Способ взаимодействия с объектом знания	Опосредствованное, через исторические и археологические источники	Прямое наблюдение, эксперимент
4. Метод исследования	Описание индивидуального события или процесса	Генерализация, построение общих понятий
5. Особенности объектов знания	Неповторимые, не поддающиеся воспроизведению	Повторяющиеся во времени и пространстве
6. Отношение к Ценностям	Историческое знание целиком зависит от ценностей и оценок	Естественно-научное знание само представляет собой ценность, но от ценностей и оценок не зависит

Представления о науке в XX веке

1. К. Поппер – британский философ и социолог, автор концепции фальсификационизма. Поппер предлагал заменить принцип верификации принципом фальсификации. По Попперу, научна та теория, которая может быть опровергнута, а добросовестный ученый сам себя опровергает. Теория не может быть абсолютной, потому что с развитием науки появляются факты, ей (теории) противоречащие.
2. Т. Кун – американский историк и философ, автор новой модели развития научного знания (не кумулятивной). По Куну, наука развивается по принципу революционной смены научных парадигм. Научная парадигма – то ментальное пространство, в котором работают ученые, та эпистема, которая задает цели, направление исследований, возможные решения задач. Если накапливаются факты, противоречащие той или иной научной парадигме, если эти факты не

могут занять определенное место в системе ценностей той или иной парадигмы, происходит революция и рождается новая парадигма.

В настоящее время выделяют три научные парадигмы (если пользоваться терминологией Куна): классическая наука (XVII в. – XX в.), неклассическая (XX в., с появлением теории относительности), постнеклассическая (с 80-90-х гг. XX в., связывают с именем И.Р. Пригожина и его концепцией времени).

3. П. Фейерабенд – американский философ, автор «анархистской эпистемологии». Отстаивает принцип пролиферации (необходимость сосуществования нескольких теорий по одному фрагменту реальности), принцип упорства (необходимость развития любой теории «до конца»), принцип «все дозволено» (нет границ между наукой и мифом, бредом, кто угодно может заниматься наукой и какие угодно идеи отстаивать).

В практической части пособия мы останавливаемся на следующих узловых моментах: «Параметры курсовой работы гимназиста», «Оформление библиографии в исследовании», «Другие формальные показатели в подаче исследования: оформление титульного листа, оформление указателя содержания работы, введение, основная часть, выводы, источники и использованная литература, аннотация», «Порядок защиты и оценивания работы», «Крупнейшие латвийские библиотеки и архивы».

Примеры:

Введение

Во введении автор мотивирует выбор темы, определяет актуальность исследования (как научного, так и личностного характера), ставит цель и задачи (предмет исследования) работы, выдвигает гипотезу, раскрывает методы разработки темы и специфику построения работы, касается истории исследуемого вопроса.

Основная часть

Основная часть – ядро исследования, практическая часть работы. Автор на материале определенных источников, с помощью тех или иных научных методов, соглашаясь или, наоборот, не соглашаясь с исследователями, ранее изучавшими данную проблему, приходит к оригинальным выводам. Каждая глава исследования заканчивается определенным обобщением, которое подается либо через текст, либо схематически.

Выводы

Выводы – то, что определяет качественный уровень исследования, по выводам можно судить о вкладе исследователя в ту или иную область знания. Автор кратко, не поверхностно излагает свои открытия, выводы по каждой главе работы.

Порядок защиты и оценивания работы

1. *Исследовательская работа рецензируется.*
2. На защите автор исследования в течение 5-10 минут излагает результаты работы, отвечает на вопросы рецензента и членов компетентной комиссии, также заслушиваются отзывы рецензента и руководителя работы.
3. Комиссия оценивает
  - соответствие содержания работы выбранной теме, логичность изложения материала, научность работы, уровень самостоятельности исследования, творческий подход к работе, актуальность исследования (содержательная часть работы),
  - эстетическое и научное оформление (наличие различных формальных показателей в подаче исследования),
  - умение выступать, использование правильного литературного языка, логичное и аргументированное изложение мысли, умение обосновать и защитить свою точку зрения, умение заинтересовать своим исследованием (защита).

4. В оценивании исследования участвуют руководитель работы и рецензент, окончательное решение принимает комиссия.

В заключении статьи мы перечислим некоторые темы, особенно удачно разработанные нашими гимназистами в рамках филологической студии «Типологическое изучение литературы» научно-исследовательского общества гимназистов Рижской классической гимназии:

- 1) Витольд Гомбрович, Владимир Набоков и латиноамериканская литература XX века (Татьяна Иванова, 11 с, 1999/2000 учебный год);
- 2) Леонид Андреев, Сэмюэль Беккет и Франц Кафка (Татьяна Иванова, 12 с, 2000/2001 учебный год);
- 3) Борис Виан и Даниил Хармс (Евгений Визнюк, 9 а класс, 2003/2004 учебный год);
- 4) Анри Мишо и Даниил Хармс;
- 5) Дон Делилло и Виктор Пелевин (Станислав Шейко, 11 а класс, 2003/2004 учебный год);
- 6) Андрей Платонов и Сэмюэль Беккет;
- 7) Ален Роб-Грийе и Андрей Белый (Станислав Шейко, 12 а класс, 2004/2005 учебный год);
- 8) Даниил Хармс – футуристы – Виктор Голявкин (Елена Дмитриева, 11а класс, 2002/2003 учебный год);
- 9) Михаил Булгаков и школа «черного юмора» (Джон Барт, Томас Пинчон и др.);
- 10) Леонид Андреев и немецкие экспрессионисты;
- 11) Борис Божнев и Джеймс Джойс.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЭКО, У. Как написать дипломную работу. Санкт-Петербург, 2004.
2. НАБОКОВ, В. Знаете, что такое быть знаменитым писателем? Москва: Иностранная литература. 2003, № 7, с. 208-219.
3. ТРУБАЧЕВ, О. Беседы о методологии научного труда. В *Труды по этимологии*. 2004, т. 2, с. 564-597.

Yuri Khramov

Riga Classical Gymnasium, Latvia

PHILOLOGICAL RESEARCH AS A TYPE OF EDUCATIONAL AND COGNITIVE WORK IN THE RIGA CLASSICAL GYMNAZIUM: PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION.

Summary

In the article the author discusses what constitutes the philosophy of writing a research paper for pupils of *Gymnasium* (establishing the goal, specifying the category of pupils that participate in the work of the Research Association, defining a peculiarity of a research paper and criteria for its evaluation). The article also reports on the variations of research activities during Russian Literature lessons (the work of the Research Laboratory) and actualization of the individual approach for gifted pupils (writing of individual syllabi that take into consideration individual intellectual necessities of each pupil). In the article the author also offers methodological recommendations for writing a research paper in *Gymnasium* that are put forward on the basis of the text-book and results of the seven-year work of the Philological Research Workshops in the Riga Classical Gymnasium.

KEY-WORDS: gifted pupils; types of research activities; research paper in *Gymnasium*; individual syllabi; methodological recommendations for writing a research paper.

Виктория Кузина

Рижская академия педагогики и управления образованием, Латвия

El. paštas: kuzina@rpiva.lv

О НОВОМ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКОВ В ЛАТВИИ

В политике иноязычного образования Латвии учитывается, с одной стороны, неизбежный процесс глобализации английского языка, его престижность, а, с другой стороны исторически сложившиеся культурные связи с Германией, Россией, Францией (1, 4). В иерархии иностранных языков, изучаемых в школах Латвии, русский язык в большинстве общеобразовательных школ прочно занял нишу второго иностранного языка. Практическое владение иностранными языками ставит перед методистами задачу научно обоснованного отбора лексического материала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвостатистические методы; лингвостатистика; структура текста; частота слов; лексический минимум.

В связи с расширением экономических, политических и культурных связей стран Евросоюза владение двумя и даже несколькими языками для каждого человека стало объективной необходимостью. Стратегия Министерства образования и науки Латвийской Республики в области обучения иностранным языкам ориентирована на многоязычие. Задача формирования полилингвальной личности продиктована, с одной стороны, актуальными тенденциями в развитии латвийского общества, связанными с расширением международных контактов в сфере экономики, политики, культуры, образования. С другой стороны, установка на языковой плюрализм отражает основное направление современной языковой политики в Европе. По данным Отдела информации и анализа Министерства образования и науки, сейчас в школах Латвии изучаются 15 иностранных языков. В их число кроме наиболее активно используемых европейских языков (английский, немецкий, русский, французский) входят шведский, испанский, польский, норвежский, японский, датский и некоторые другие. Обязательным первым иностранным языком для всех без исключения учащихся должен стать английский язык. Приоритет английского языка объясняется безусловным признанием его важных международных функций. Владение этим языком для молодого человека, жителя Европы XXI века, - одно из условий успешной профессиональной и личной карьеры. Английский язык изучается со второго класса. В пятом, шестом или в седьмом классе учащимся предлагается второй иностранный язык, а в десятом – третий. Вторым и третьим языком для наших школьников может стать немецкий, французский или русский язык. В политике иноязычного образования Латвии учитывается, с одной стороны, неизбежный процесс глобализации английского языка, его престижность, а, с другой стороны, исторически сложившиеся культурные связи с Германией, Россией, Францией (1, 4).

В иерархии иностранных языков, изучаемых в школах Латвии, русский язык, как показывают статистические данные, в большинстве общеобразовательных школ прочно занял нишу второго иностранного языка. Анкетирование показало, что школьники, также как и студенты, понимают необходимость изучения русского языка для будущей жизни. Их самые высокие мотивационные импульсы изучения русского языка связаны с экономическим рынком, возможной помощью родителей и лёгкостью изучения по сравнению с немецким языком. На втором месте находятся мотивы развлечения и познавательные мотивы, обусловленные интересом к фильмам, теле- и радиопередачам, журналам на русском языке. Третье место занимают коммуникативные мотивы, отражающие потребность в общении с друзьями, родственниками и знакомыми.

Чтобы пользоваться иностранным языком как средством общения и передачи

информации, не обязательно усваивать его лексическое богатство в полном объёме. Не один носитель языка не хранит в своей памяти и не использует в коммуникации все слова и выражения, имеющиеся в конкретном языке (2, 31). Поэтому для подавляющего большинства обучаемых овладение иностранным языком (около 80000 слов) в совершенстве, как родным, является целью практически труднодостижимой.

Изучение любого иностранного языка начинается с усвоения слов и в значительной мере состоит в последовательном пополнении словарного запаса. Практическое владение иностранным языком ставит перед методистами задачу научно-обоснованного, целенаправленного отбора лексического материала. Анализ учебных пособий показал, что нередко отбор лексических (грамматических и других единиц) для учебных целей происходит интуитивно и основывается на личном опыте методиста, учителя или автора учебного пособия. Лексический материал преподносится в свободном плане, без строгой связи с программными требованиями, также авторами учебных пособий не проводится лингвостатистический анализ учебных текстов, составители программ по иностранным языкам не пользуются компьютерной техникой, ибо в учебных программах нет никаких намёков относительно системности в преподавании лексики, работе над расширением словаря учащихся. Большую помощь в этом может оказать лингвостатистика, которая способствует решению вопросов по разработке учебных пособий и оптимизации методов обучения иностранным языкам. Лингвостатистические методы позволяют дать объективную оценку отбираемого учебного материала, определить наиболее часто употребляемые слова, которые необходимы для разработки лексических минимумов, поскольку при преподавании любого иностранного языка важна информация об употреблении лексических (грамматических и других) единиц в разговорной речи, художественной литературе, публицистике и других функциональных стилях. Здесь уместно упомянуть один из принципов лингводидактики: чем чаще слово употребляется в лексической системе языка, тем более важным элементом оно является для педагогического процесса (должно использоваться в первую очередь). Наиболее часто употребляемые слова имеют преимущество по сравнению с редко употребляемыми в том, что они запоминаются быстрее и осваиваются в короткое время, и ещё в том, что в словнике (например, в лексическом минимуме) их количество очень ограничено, между тем их повторяемость, их доля в тексте велика. Однако данное положение в теории и практике обучения языкам почти не соблюдается. Об этом свидетельствует лингвостатистический анализ учебных пособий (например, в Литве такая работа ведётся Ю. Корсаком, М. Стрейкутой и др., в Латвии – В. Кузиной). Как показывают статистические данные (3, 149), наибольшую долю словник (почти 70 %) любого учебного пособия составляет низкочастотная лексика (с индексами частот от 1 до 4), поэтому такие требуют от учителя наибольшего лингводидактического внимания. Нужные незнакомые или малоизвестные слова в текстах должны повторяться как минимум на уровне лингводидактической приемлемой зоны функционирования лексики (то есть среднечастотной лексики с индексами от 5 до 9), чтобы учащиеся ее успешно освоили. Высокочастотные единицы текста (с индексами от 10 до n) отличаются очень большой повторяемостью и относятся к общеупотребляемой, активной лексике, а низкочастотные слова отличаются разнообразием и образуют пассивную лексику. Высокочастотные слова учебных текстов имеют значительно большее количество значений, тогда как низкочастотные слова не обладают разнообразием значений (4, 156; 5, 32). Результаты сопоставительного анализа высокочастотной лексики (повседневные реалии и связанные с ними словоупотребления, в том числе и лексические заимствования) балто-славянских языков очень близки (6, 65-69). На основании указанных тенденций не следовало бы делать категорические выводы о том, что только высокочастотная лексика рекомендуется для начального обучения иностранным языкам, ибо разные по

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

тематике учебные и другого рода тексты состоят из переплетения высокочастотной и низкочастотной лексики, образуя для первой особый фон, поэтому статистические индексы частот следует воспринимать как ориентиры при формировании активного словаря учащихся.

Частотная структура текстов должна быть известна не только составителям учебных программ, учителям-словестникам, но и преподавателям иных общеобразовательных дисциплин, ибо они также формируют активный и пассивный словарь учащихся (в особенности при освоении тематической терминологии).

Общеизвестно, что статистическую структуру текстов помогает выявить частотный словарь, поскольку он представляет собой модель распространения лексики по частоте и выявляет такую важную в лингвометодическом плане закономерность, как покрываемость текста определенными зонами лексических единиц частотного словника. Эти статистические данные имеют большое значение для повышения эффективности методики обучения языкам. Принцип частоты слова в методике преподавания языков актуален и в настоящее время, тем более что реализовать этот принцип при наличии компьютерной техники стало намного легче. В качестве примера рассмотрим частотную структуру словника текстов учебника по истории, которая показана на таблице 1.

Таблица 1

Частотная структура словника текстов учебника по истории

Частотные группы	Количество слов в словнике	%	Количество слов употребляемых в тексте	%
1-4	4672	72,7	7143	10,5
5-9	715	11,1	4902	7,2
10-100	902	14,0	24164	35,6
101-1000	133	2,1	26435	38,9
1001-n	3	0,04	5314	7,8
Всего	6425	100	67958	100

По данным таблицы видно, что здесь, как и в других словниках текстов, преобладает статистически недостоверная, низкочастотная лексика (с индексами частот от 1 до 4), составляющая 73 % словника (это доказано и в других лингвостатистических исследованиях). В 4 и 5 колонках, где дано количество словоупотреблений в текстах, наблюдается обратное явление: низкочастотные словоупотребления составляют меньшую часть текста (свыше 10 %). Низкочастотные слова — это признак пассивного словаря, объем и состав которого должен быть известен учителю. Лингводидактически приемлемая лексика (с индексами частот от 5 до 9) занимает 11 % словника и 7 % текста. Большинство слов данной группы может быть отнесено к активному словарю. Группы слов с индексами частот 10-100, 1001-1000, 1001-n, как правило, относятся к активному словарю и обладают большой повторяемостью в текстах. Таким образом, этот лингводидактический анализ учебных текстов по частоте слов позволяет весьма точно и целенаправленно корректировать словарную работу.

Компьютерная дифференция лексики изучаемых текстов по частоте словоупотреблений дает конкретные перечни слов, на основании которых можно определить лингводидактическую ценность каждого слова. Отбор лексики на основании этих статистических данных является объективным методом составления частотных словарей-минимумов, которые должны быть достаточно компактными и в то же время содержать в себе максисальное количество единиц, необходимых для понимания текста. Как показывают авторитетные исследования в области лингвостатистики (7, 140-151), оптимальный объем слов лексического минимума

составляет 1000 наиболее употребляемых слов, покрывающих 70 % текстовых словоупотреблений. Несмотря на то, что количество часто употребляемых слов в лексических минимумах по сравнению с переводными или толковыми словарями незначительно, им присуща значительная текстообразующая способность, обеспечивая большую покрываемость текста. Это можно продемонстрировать например Частотного словаря латышского языка (в 4-х томах), в котором отображена лексика текстов различных типов. Полученные в статистическом анализе данные о текстообразующей способности (покрываемости текста) наиболее часто употребляемых слов обобщены в таблице 2.

Таблица 2

Текстообразующая способность слов в текстах различных типов

Количество слов с начала Частотного словаря	Покрываемость текста %			
	Публицистические тексты 2 том	Тексты художественной литературы 3 том	Научно-техническая литература 1 том	Научные тексты 4 том
10	14	17	14	15
50	28	36	27	28
100	35	45	34	36
1000	66	73	70	70
2000	77	81	80	80

В таблице 2 видно, какую часть текста покрывают первые 10, 50, 100 и т. д. слов частотного словаря этого словаря. При сравнении статистических данных, полученных на материале латышского языка, с аналогичными исследованиями других языков (8, 23-34; 137), оказывается, что существенных различий по отношению статистических данных не наблюдается. У слов разных языков имеется относительно одинаковая текстообразующая способность, поэтому можно сделать вывод — 1000-200 наиболее употребляемых слов покрывают 70-80 % текста. Знание не менее 70 % словоупотреблений позволяет удовлетворительно понять смысл текста на иностранном языке. Следовательно, на начальном этапе изучения иностранных языков достаточны словари, в которых даются около 1000 наиболее часто употребляемых слов.

В нашей стране и за рубежом на основе частотных словарей уже созданы двуязычные (9) и многоязычные (10) лексические минимумы для учебных целей. В них включены высокочастотные слова, образующие основной фонд, или базовый список слов, а также среднечастотные слова, учитывая лингводидактическую ценность (частотность) слова, высокую словообразовательную способность слова, способность слова входить в разные словосочетания, семантическую ценность, стилистическую немаркированность.

Все результаты лингвостатистического анализа учебных и других текстов по частоте функционирования слов, а также лексические минимумы, разработанные на основе частоты слов, тематики и других критериев, позволяют учителям целенаправленно вести словарную работу, они могут быть как ориентиры при формировании активного словаря учащихся. Этими статистическими данными могут воспользоваться составители учебников, учителя-методисты, а также другие исследователи лексики разных языков. Следовательно, анализ текстов методами лингвостатистики является весомым аргументом в пользу того, чтобы труды по учебной статистической лексикографии заняли достойное место в лингводидактическом процессе.

ЛИТЕРАТУРА

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

---

1. *Svešvalodas. Pamatizglītības standarts*. Rīga, 2001, 4 lpp.
2. БЫЧКОВ, В. И. О лингвостатистической оптимизации обучения чтению на иностранном языке в условиях преемственности между школой и неязыковым вузом. In: *Квантитативные методы отбора учебного материала по иностранному языку для неязыкового вуза*. Сб. научн. тр. Свердловск, 1988, с. 31.
3. Смя напр.: ЛАУРИНЕНЕНЕ, И. Лингвостатистический анализ учебника английского языка для 12 кл. школ Литвы. In: *Skolotājs 21. gadsimtā. Konferences materiāli*. Rīga, 2001, 149 lpp.
4. СТРЕЙКУТЕ, М. Учет функционирования частоты тематических слов – терминов и понятий в дидактике. *Konferences materiāli*. Rīga, 2001, 156 lpp.
5. КУЗИНА, В. Особенности лексики и семантики научных подязыков. Рига, 1991. С. 32.
6. KORSAKAS, J. *Definicijų leksika*. Šiauliai, 1998, с. 65-69.
7. Смя, напр.: АЛЕКССЕВ, П. М. Серийные учебные частотные словари. In: *Структурная и прикладная лингвистика*. Вып. 6. Санкт-Петербург, 1998, с. 140-151.
8. Смя, напр.: АЛЕКССЕВ, П. М.; ТУРЫГИНА, Л. А. Частотный англо-русский словарь-минимум газетной лексики. Москва, 1984.
9. Смя, напр.: КОНДРАТОВ, А. М. Звуки и знаки. Москва, 1978, с. 23-24.
10. Смя, напр.: Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Москва – Санкт-Петербург, 2000
11. KUZINA, V. 3000 biežāk lietotie sarunvalodas vārdi ar tulkojumu kreīvu, vācu un angļu valodā. Rīga, 1998.

Viktorija Kuzina

The Riga Academy of Pedagogics and Management of Education, Latvia

THE LATEST TRENDS IN THE TRAINING OF LANGUAGE IN LATVIA

Summary

Learning or teaching any foreign language, it is important to know, which in conversational languages, in fiction, in publicism etc, are used more or less often/ It should be recognized, that often for the purpose of learning, selection of lexical units or grammatical and other ones as well, takes place intuitively, regarding the teacher's, methodologists' or the authors' of the teaching aids personal experience/ Linguostatic methods help to adjust process of linguodidactics.

Jelena Kipure

Universität Daugavpils, Lettland

E-mail: deutsch@dau.lv

PSYCHOLOGISCH-PÄDAGOGISCHE GRUNDLAGEN DER INTEGRATIVEN TEXTARBEIT IM UNIVERSITÄREN FREMSPRACHENUNTERRICHT

Der vorliegende Beitrag geht auf das Problem des universitären Fremdsprachenlehrens und -lernens ein. Es werden hier die Prinzipien behandelt, die eine integrative Textarbeit mit fortgeschrittenen Fremdsprachenlernern zu realisieren ermöglichen. Die Grundlage für die Entwicklung der vorgeschlagenen Verfahren bildet eine Analyse der psychologischen Prozesse beim Sprachenlernen wie etwa Mehrkanaligkeit der Informationsaufnahme, Funktionsweise des menschlichen Gehirns und des Gedächtnisses, Bewusstseinszustände u.a.

SCHLÜSSELWÖRTER: *integrative Textarbeit, ganzheitliches Sprachenlernen, hirnbioologische Ebene, Gedächtnis, Informationsverarbeitung, Informationsspeicherung, Informationsproduktion, didaktisch-methodische Projektion auf die Textarbeit*

Im Laufe der geschichtlichen Entwicklung des modernen Fremdsprachenunterrichts (im Folgenden: FU) wechselten mehrere Methoden: die Grammatik-Übersetzungs Methode (19. Jahrhundert), die direkte Methode (Ende des 19. - Anfang des 20. Jahrhunderts), die audiolinguale und die audiovisuelle Methode (Anfang - Mitte des 20. Jahrhunderts), die vermittelnde Methode (50er Jahre), der kommunikative Ansatz (70er-80er Jahre), der interkulturelle Ansatz (Ende der 80er Jahre). Keine der Methoden hat sich als dominant erwiesen, denn der FU wurde immer wieder durch zwei Pole geprägt, die im Wesentlichen alle Methoden bestimmten: der „Pol der Ratio, des Sprachbewusstseins, des Verstandes etc. auf der einen Seite, auf der anderen – der Pol des Unbewussten, Automatischen oder Intuitiven“ (12, 5). Im Großen und Ganzen lassen sich die erwähnten traditionellen Methoden als einseitig charakterisieren, weil sie grob vereinfacht danach eingeordnet werden können, ob sie eher einen kognitivistischen oder eher einen behavioristischen Ansatz verfolgen.

Die neuere Sprachlernforschung orientiert sich an dem Konzept der Ganzheitlichkeit und der integrativen Arbeit am Sprachstoff. Aus neurobiologischer und psychologischer Sicht ist bewiesen, dass es unmöglich ist, eine Fremdsprache nur nach einer Methode zu lehren bzw. zu lernen, denn die Prozesse beim Fremdsprachenlernen sind sehr vielfältig (kognitiv - nichtkognitiv, bewusst - unbewusst). Außerdem lassen sich die sprachbezogenen Komponenten, die gelernt werden müssen, nach unterschiedlichen Teilbereichen (Lexik, Grammatik, feste Wissensstrukturen, pragmatischer Bereich etc.) einordnen wie auch auf unterschiedliche Weise einprägen, denn die Sprache wird sich ja nicht als Ganzes auf einmal angeeignet. Es muss demzufolge ein Ansatz entwickelt werden, der das Streben nach einem ganzheitlichen Sprachenlernen durch die optimale Herauskristallisierung und Integration mehrerer Komponenten des Prozesses des Fremdsprachenlernens realisieren könnte.

Obwohl sich aus neurobiologischer und psychologischer Sicht einzelne Elemente am Lernprozess beteiligen, stellt „das Bewusstsein ein einheitliches Ganzes“ dar, indem „einzelne Funktionen in ihrer Tätigkeit miteinander zu einer untrennbaren Einheit verbunden sind“ (14, 5). Dies lässt feststellen, dass das Lernen ganzheitlich funktionieren kann und muss. Im vorliegenden Beitrag wird demzufolge versucht, bestimmte Zergliederungs- und Integrationsmechanismen abzuleiten, die das Zusammenwirken einzelner Komponenten besonders fördern und den Lernerfolg steigern. Eine didaktisch-methodische Projektion auf die Textarbeit sollte dabei die Prinzipien des behandelten Ansatzes bezogen auf den fortgeschrittenen FU skizzieren.

„Eine Sprache lernen heißt, sprachlichen Input zu verarbeiten“ (13, 267), anders gesagt steht die Informationsverarbeitung im Vordergrund jedes Lernprozesses. Die Verarbeitung und

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMAS

---

die Produktion neuer Informationen setzt bestimmte physiologische und psychologische Systeme in Gang, die die sprachlichen Lern- und Gedächtnisprozesse unterstützen. Miteinbezogen sind dabei die hirnbioologische Ebene (d.h. alle physiologischen Prozesse, die sich beim Lernen im menschlichen Gehirn vollziehen), das Funktionieren des Gedächtnisses sowie die Bewusstseinszustände. Die hirnbioologischen und psychologischen Grundlagen machen offensichtlich, dass die Informationsverarbeitung und die weitere Informationsproduktion potentiell wechselseitige und integrierende Prozesse voraussetzen. Das mangelnde Wissen darüber, was sich in unserem Gehirn beim Lernen abspielt oder wie die aufgenommenen Informationen im Gedächtnis gespeichert werden, verursachte in früheren Jahren eine einseitige Vermittlung der Fremdsprache und als Ergebnis nicht ausreichendes Sprachwissen und -können im FU. Im Folgenden wird näher auf die Aspekte eingegangen werden, deren Berücksichtigung das integrative bzw. ganzheitliche Lernen bei der Fremdsprachenvermittlung im Studienprozess ermöglichen.

Als Lehr- und Lerneinheit des integrativen Fremdsprachenlernens wird der authentische Text betrachtet. Der authentische Text ermöglicht es, die Lernenden zu befähigen, ihre kognitive und kommunikative Kompetenz zu entwickeln. Die Lehr- und Lerneinheit Text eröffnet im universitären FU die Integrationsmöglichkeiten, die sowohl fachinterne als auch fachübergreifende Integration einschließen. Dies schafft eine Basis für das Aneignen von sprachlichen Mitteln und verschiedener Sprachfertigkeiten sowie zur Erweiterung allgemeiner Bildung. Davon ausgehend muss die Textarbeit eine Grundlage für die Realisierung des integrativen Wesens des Studienprozesses bilden, die dem gesteuerten Einsatz bestimmter methodischer Verfahren für die bessere Informationsaufnahme, -verarbeitung,

-speicherung sowie für ihren Abruf dient.

Besonders in Betracht gezogen werden dabei folgende Aspekte:

1. Mehrkanaligkeit der Informationsaufnahme:

Das menschliche Bewusstsein hat viele Eingangskanäle – die Sinnesorgane, durch die die Information den Eingang in unser Gedächtnis findet. Für die Übermittlung und Verarbeitung von Informationen ist das menschliche Zentralnervensystem zuständig, das sich aus etwa 100 Milliarden Nervenzellen (Neuronen) zusammensetzt. Bestimmte Nervenzellen nehmen die Informationen (d.h. Impulse) von den Rezeptoren der Sinnesorgane auf, andere leiten sie dann über mehrere Zwischenstationen bis zu einem Zentrum weiter. Die wichtigste Leistung des menschlichen Gehirns besteht in erster Linie in der Aufarbeitung und vielfältigen Koordinierung der durch die Sinnesorgane registrierten Informationen. Nach Edelmann (1988) ist es die Großhirnrinde, die Sinneseindrücke verarbeitet und die Bewegungen willkürlich steuert. Jeder Sinn hat auf der Großhirnrinde ein Projektionsfeld, dabei werden bei der Benutzung verschiedener Eingangskanäle unterschiedliche Wahrnehmungsfelder im Gehirn beschäftigt (sensorisches Rindenfeld, motorisches Rindenfeld, primäres Sehfeld, primäres Hörzentrum etc.), von denen dann die Wahrnehmungen zu den über die ganze Gehirnrinde verteilten Assoziationsfeldern weitergeleitet werden, wo sie danach verarbeitet und erinnert werden.

- Didaktisch-methodische Projektion auf die Textarbeit:

Ungeachtet dessen, dass die Informationsaufnahme bei der Arbeit mit fremdsprachigen Texten in erster Linie durch das Lesen (also durch die visuelle Wahrnehmung des Schriftbildes) stattfindet, müssen möglichst mehrere Sinnesorgane in den Prozess der nachstehenden Textarbeit mit einbezogen werden.

Das zeigt sich bereits bei der Weiterverarbeitung von erworbenen Informationen und ihrem vielseitigen, mehrere Sinne ansprechenden Gebrauch. Im schulischen FU hat dieses Prinzip seinen Niederschlag in der Kombination von verschiedenen Sprachtätigkeiten gefunden (Hören, Lesen, Schreiben, Sprechen). Bezogen auf die universitäre Textarbeit sollten die Informationen eines Textes bei der Weiterarbeit vielseitig behandelt werden, indem sie gelesen und (heraus)geschrieben, besprochen und gehört werden (Im Fortgeschrittenenunterricht kommt

das Hören eher als rezeptive Aufnahme der während der fremdsprachigen Kommunikation von Mitstudierenden produzierten Äußerungen vor). Die Textarbeit vollzieht sich hier also handlungsorientiert.

2. Unterschiedliche Funktionen der linken und der rechten Hemisphären sowie das wechselseitige Funktionieren der beiden Hirnhälften:

Anatomisch besteht das Gehirn aus zwei Hälften, den Hemisphären (noch als Großhirnhälften bezeichnet). Die zentralen Strukturen des Nervensystems, einschließlich der beiden Hemisphären, sind für unterschiedliche Funktionen zuständig und erledigen demzufolge auch spezielle Aufgaben, die die andere nicht erfüllt. „Das menschliche Gehirn entwickelt (...) eine eindeutige Arbeitsteilung zwischen den beiden Hirnhälften“ (9, 27). Jede der beiden Hälften der Großhirnrinde ist hochspezialisiert.

Klinische und experimentelle Befunde machen klar, dass sich in der linken Großhirnrinde beispielsweise die Sprachzentren befinden. Bei der überwältigen Mehrheit von Menschen sind die „aktiven“ Sprachzentren in der linken Hirnhälfte lokalisiert, deswegen wird sie sprachdominante Hemisphäre genannt, die rechte, die gesprochene Worte „passiv“ aufnimmt, wird dagegen als nichtdominante bezeichnet.

Die linke Hirnhälfte wurde jedoch lange Zeit als dominant und die rechte als subdominant (untergeordnet) betrachtet. Da neben dem Sprechen auch das Schreiben und Rechnen zu herausragenden Leistungen der linken Hirnhälfte gezählt wurden, wurde als Folge hauptsächlich linkshemisphärisch gelehrt: Die Lehrprogramme regten eher das analytische und begriffliche Denken der linken Hemisphäre an. Die stärkere Einbeziehung der rechten Hemisphäre mit ihrem intuitiven und bildhaften Denken und ihrem Bezug zu emotionalen Prozessen wurde jedoch vernachlässigt.

Die Draufsicht auf das menschliche Gehirn stellt sich zwei spiegelbildliche Hälften vor, die aber durch einen tiefen Einschnitt voneinander getrennt scheinen. Die Forscher (Butzkamm, 1989; Edelman, 1988; Vester, 1999) unterstreichen in diesem Zusammenhang, dass beide Hirnhälften in Wirklichkeit aber durch eine Brücke aus Nervenfasern, den so genannten „Balken“ (*corpus callosum*) miteinander verbunden sind, durch den die aufgenommenen Impulse bzw. Informationen wechselseitig in die beiden Hirnhälften geleitet werden. Auf diese Weise stellt das Corpus callosum ein leistungsfähiges Kommunikationssystem dar. Es wird in diesem Zusammenhang unterstellt, dass an allen kognitiven und nichtkognitiven Leistungen beide Hemisphären in spezifischer Weise beteiligt sind.

In Bezug auf den Lehr- und Lernprozess ist zu schlussfolgern: Es lohnt sich nicht, nur eine Gehirnhälfte zu entwickeln und die andere zu vernachlässigen. Es müssen Verfahren erarbeitet werden, die den Lernern die Möglichkeit bieten, die Dinge sowohl linkshemisphärisch-analytisch als auch rechthemisphärisch-intuitiv zu erkennen. Ein solches Vorgehen bildet die Grundlage für das integrative Wirken beider Hirnhälften, indem sie die von jeder von ihnen verarbeiteten Informationen wechselseitig vervollständigen bzw. sich ineinander integrieren lassen und das ganzheitliche Bild von den aufgenommenen Informationen schaffen.

- Didaktisch-methodische Projektion auf die Textarbeit:

Es müssen den Lernern vielfältige Verfahren angeboten werden, um die erworbenen Informationen sowohl analytisch als auch ganzheitlich zu verarbeiten, um sowohl die sprach- als auch die inhalts- und tätigkeitsbezogene Seite des Textes zu behandeln.

In diesem Zusammenhang lohnt es sich das Prinzip „vom Allgemeinen zum Konkreten und wiederum zum Allgemeinen“ zu verfolgen. Dieses Prinzip zeigt sich nicht nur beim Eingehen auf die inhaltliche Seite des Textes, wenn die Textinformationen zuerst im Allgemeinen, dann detailliert und später „transferiert“ behandelt werden, sondern auch bei der Arbeit am sprachbezogenen Material, indem man dieses kontextbezogen und später kontextfrei gebraucht. In diesem Zusammenhang ist auch die Arbeit an der Mehrdeutigkeit fremdsprachiger Wörter zu betonen: Die Lerner bekommen ein ganzheitliches Bild der

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMAS

Verwendungsmöglichkeiten einer lexikalischen Einheit, indem sie detailliert an ihre situationsbezogenen semantischen Besonderheiten herangeführt werden.

Es darf auch nicht vergessen werden, dass die analytisch und synthetisch erworbenen bzw. gespeicherten Informationen dank dem wechselseitigen Informationsaustausch zwischen den beiden Hirnhälften einander ergänzen und mehr Verankerungen von Neuronen im Gehirn bilden.

3. Selektivität des Gedächtnisses:

Nach der Analyse zahlreicher Auffassungen über den Gedächtnismechanismus fasst Rohrer (1990) den Letzten folgenderweise zusammen: Es ist die Fähigkeit, „vergangene Erfahrungen bei der Verarbeitung gegenwärtiger Erfahrungen, gegenwärtige Erfahrungen zur Neuordnung vergangener Erfahrungen und beide, vergangene und gegenwärtige Erfahrungen, zur leichteren Verarbeitung zukünftiger Erfahrungen zu nutzen. In anderen Worten, Gedächtnis ist im weitesten Sinn die Fähigkeit zu lernen“ (6, 12-13). Wode (1988) verbindet mit dem Gedächtnis zwei Sachverhalte: „Einerseits die Fähigkeit, sich etwas bewusst oder unbewusst zu merken und zumindest zeitweilig als Grundlage für spätere Verwendung zu behalten; andererseits ist das Gedächtnis der Ort, wo diese Information gespeichert wird“ (13, 74). Wenn die empfangenen Informationen für unser gegenwärtiges oder zukünftiges Verhalten ohne Belang sind oder für belanglos gehalten werden, werden sie vergessen.

Nach Stangls (2004) werden Sinnreize zunächst von der Großhirnrinde verarbeitet und auch selbst dann erinnert, wenn sie den Menschen gar nicht bewusst sind (implizites Gedächtnis, z.B. automatisierte Bewegungsabläufe, unbewusste Wahrnehmung); um ins Bewusstsein zu dringen müssen die Reize an den Hippocampus weitergeleitet werden, und dieses Areal „entscheidet“ darüber, welche Informationen sie an die Großhirnrinde zurücksendet. Falls sie dort gespeichert werden, sind sie dann Inhalt des bewussten oder expliziten Gedächtnisses (z.B. persönliche Erlebnisse und zugehörige Gefühle, Faktenwissen).

- Didaktisch-methodische Projektion auf die Textarbeit:

Beim Lesen eines Textes stürmt auf den Lerner eine Flut von Informationen ein; das Gedächtnis als aktiver Informationsverarbeiter „merkt sich“ die Informationen und leitet diejenigen weiter, die für den Lerner „irgendwie“ von Belang sind. Ausgehend davon sollte bei den Studenten im universitären FU die Fähigkeit zur zielgerichteten Steuerung ihres Erkenntnisprozesses entwickelt werden, d.h. sich beim Lesen wesentliche Informationen von weniger relevanten zu unterscheiden und eigene Ziele zu setzen.

Auf der ersten Entwicklungsstufe sind hier regelmäßige Arbeitsaufträge nach Hause für die selbstständige Auseinandersetzung mit jedem neuen Text wichtig. Sie lenken die Aufmerksamkeit der Studenten auf die nötigen Informationen und lassen sie sich auf bestimmte Informationen konzentrieren bzw. auch sich mit einigen Informationen intensiv zu beschäftigen. Während der nachfolgenden Textarbeit und der vielseitigen Behandlung der vom Text vermittelten Informationen wird den Studenten gezeigt, welche Informationen sie für ihre Lernzwecke gebrauchen und wie verschiedenartig sie sein können (einem fremdsprachigen Text sind nicht nur Inhalt und neue Lexik zu entnehmen, die Aufmerksamkeit muss ebenfalls solchen Teilbereichen wie Grammatik, Rechtschreibung, Phonetik, Weltwissen u.a. geschenkt werden).

4. Abstufung des Gedächtnisses:

Die bisher bestehenden Gedächtnismodelle stützen sich auf die Auffassung des Gedächtnisses als eine psychologische Fähigkeit. Die Grundlage für die auch weiter entstandenen Gedächtnismodelle bildet das weit verbreitete Drei-Speicher-Modell von Shiffrin und Atkinson (1969) (13, 77): Das Modell, nach dem die Informationsverarbeitung in nacheinander zu durchlaufenden Speichern erfolgt, indem sich eine ankommende Information in jedem der Speicher für eine unterschiedliche Zeitdauer aufhält.

In psychologischen Forschungen (Wode, 1988; Edelman, 1988; Butzkamm, 1989; Rohrer, 1990) findet sich folgende Beschreibung der Funktionsweise des Gedächtnisses: Im

Sensorischen Speicher (auch als Ultrakurzzeitspeicher genannt) werden die über die Sinnesorgane aufgenommenen Reize registriert und an das Kurzzeitgedächtnis (Kurzzeitspeicher) weitergeleitet, anders gesagt kreisen zunächst alle durch die Sinneswahrnehmungen, durch das Auge, das Ohr oder die Haut ankommenden Impulse einmal in Form elektrischer Ströme und Schwingungen im Gehirn, wo sie nach zehn bis zwanzig Sekunden wieder abklingen. Wenn keine Aufmerksamkeit vorhanden ist und/oder die Informationen nicht von Belang sind oder wenn sich diese Informationen nicht an bereits bekannten Gedankenverbindungen aufhängen lassen, dann gehen diese Wahrnehmungen vorbei. Ein intensiver bzw. häufig wiederholter Reiz oder die Verknüpfung der einlaufenden Informationen mit bereits vorhandenen, im Gehirn kreisenden Informationen führen zum Selektieren und zur Weiterverarbeitung der neuen Informationen zu Organisationsformen, die eine mittel- und längerfristige Speicherung im Langzeitgedächtnis ermöglichen. Auf diese Weise ist das Kurzzeitgedächtnis für eine in den neuronalen Systemen kreisende Erregung verantwortlich, im Langzeitgedächtnis finden bestimmte strukturelle Veränderungen von zu speichernden Informationen statt. Die integrative Funktionsweise des Gedächtnisses zeigt sich in der Integration der neu empfangenen/unbekannten und der schon vorhandenen/bekanntem Informationen durch mehrmals vorkommene Reize bzw. Wiederholung.

- Didaktisch-methodische Projektion auf die Textarbeit:

Bevor die angekommenen Informationen gespeichert werden sind, müssen sie mehrere Verarbeitungsstufen durchlaufen. Dieser Prozess benötigt Zeit, deshalb ist es angebracht, die zu speichernden Informationen zu dosieren und dem Gedächtnis immer wieder einen neuen Reiz zu geben, um die Speicherung zu intensivieren.

Der Lernerfolg ist durch Wiederholung und langfristige Behandlung eines Textes zu erreichen. Wiederholung bedeutet in diesem Fall die mehrmalige Anwendung von Informationen sowie ihr mannigfacher Gebrauch. Es entstehen vielfältige Verknüpfungen der neuen Informationen mit den schon vorhandenen. Sehr wichtig ist für die Wiederholung der Kontext: man sollte ständig dem Prinzip folgen, dass die Informationen nicht isoliert (z.B. die Wiederholung von Vokabeln anhand von Listen mit Vokabelgleichungen), sondern in Zusammenhängen wiederholt werden (z.B. mit Angabe des Gebrauchskontextes, Begriffsbestimmungen, Transfer).

Wenn an einem fremdsprachigen Text lange gearbeitet wird, d.h. nicht nur einen Unterricht, wie es derzeit häufig der Fall ist, sondern 2-3 Unterrichtsstunden, und die Textinformationen dabei in vielfältigen Formen vorkommen, dann sind die Studenten unbewusst gezwungen, den Lernstoff immer wieder auf verschiedene Weise zu gebrauchen und zu wiederholen. Die Integrationsphase, die gewöhnlich die Arbeit an jedem Text beendet, kommunikationsorientiert ist und dem integrativen Gebrauch der dem Text entnommenen sprach-, inhalts- und tätigkeitsbezogenen Kenntnisse dient, ist desto erfolgreicher, je länger die Verarbeitungs- bzw. die Übungsphase war.

5. Innere Aktivität des Lernalers:

Die obige Beschreibung der Funktionsweise des Gedächtnisses zeugt davon, dass das menschliche Gedächtnis aktiv bei der Informationsverarbeitung mitwirkt. Die Verarbeitung und das Speichern von Informationen ist einer strikten Ordnung und System unterstellt. Es ist ebenfalls zu unterstreichen, dass nur ein geringer Teil der eingegebenen Informationen im Gedächtnis gespeichert bleibt, beim Übergang von einer Gedächtnisstufe zur anderen werden große Informationsmengen ausgesondert. Die Abstufung des Gedächtnisses bildet in diesem Fall eine Art von Filter, der es gegen Überlastung schützt. Das Gedächtnis verfügt aber auch über einige Verfahren, die den Verlust von Informationen verhindern: Üben und Weiterverarbeitung.

Die „veränderten“ Informationen, die sich im Laufe der Verarbeitung in verschiedene Organisationsformen verwandeln (d.h. kognitive Kodierung) und die ergänzt, verändert, ausgetauscht, in bereits vorhandene Informationen integriert werden (d.h. sie werden ebenfalls

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

Bestandteil neuer Informationen, neuer Sinnzusammenhänge), sind selbstverständlich nicht gleich dem Input.

Durch bestimmte Abstraktions- und Generierungsprozesse der Bedeutung speichert das Gedächtnis nur semantische Informationen, die sprachlichen Symbole der Bedeutung wie etwa lautliche, graphische, grammatische, lexikalische Formen werden dagegen bei der Informationsaufnahme nicht gespeichert. Das erklärt die Tatsache, dass man dieselben semantischen Sachverhalte bei verschiedenen Gelegenheiten immer wieder syntaktisch und lexikalisch unterschiedlich wiedergibt. Der Mensch integriert als Nehmender und Gebender.

Daraus ist zu unterstellen, dass sich bei der Informationsverarbeitung eine interne Integration von den zu verarbeitenden Informationen vollzieht, denn es werden die Informationen leichter gespeichert, die nicht isoliert, sondern im Zusammenhang mit anderen verarbeitet und verankert werden. Für die Informationsspeicherung ist es wichtig, dass irgendeine begriffliche Ordnung benutzt wird, die die Bildung von sinnhaften Zusammenhängen ermöglicht. Dabei kann man behaupten, dass dieser Prozess nicht nur allein vom Gedächtnis unbewusst ausgeführt wird, sondern dass er auch vom Menschen bewusst gesteuert werden kann. Es sollten dem Lerner in diesem Fall die Organisationsprinzipien der Informationen im Gedächtnis bewusst gemacht werden.

- Didaktisch-methodische Projektion auf die Textarbeit:

Der Lerner, der sich aktiv mit der Umwelt bzw. mit dem Lesestoff auseinandersetzt und den eingehenden Input zum Output verarbeitet, integriert die Informationen; er „strukturiert“ und „ordnet“ sie nach den von ihm bewusst oder unbewusst gewählten Organisationsprinzipien.

Abhängig von der dominierenden Denkweise und der Intelligenz des Lernenden sind die Ordnungsprinzipien subjektiv geprägt. Nach Geidžs und Berliners (1999) (Gage & Berliner) ist das die Möglichkeit für die Förderung der selbstständigen Arbeit der Lerner im universitären FU und für die Individualisierung des Studienprozesses. Jeder Student hat seine persönlichen Strategien und Lerntechniken ausgearbeitet, die er in seinem Lernprozess anwendet. Man muss ihm die Möglichkeit geben, selbstständig den neuen Lernstoff festzulegen und den optimalen Weg für seine Aneignung zu wählen. Bezogen auf die fremdsprachige Textarbeit ist demzufolge dafür zu plädieren, dass das erste Lesen eines fremdsprachigen Textes nicht gerade im Unterricht stattfindet, sondern vor dem Unterricht als Hausaufgabe. Auf diese Weise bestimmt der Lerner die Dauer und das Tempo seines Lesens, die Informationsaspekte, denen er besondere Aufmerksamkeit widmen möchte und die Art und Weise ihrer Behandlung selbst. Mit anderen Worten der Student steuert seinen Erkenntnisprozess durch Selbstentdeckung und Erprobung selbstständig.

Im Unterricht können und müssen den Studenten aber die Verfahren vorgestellt werden, die zur Förderung der bewussten Aneignung von Organisationsprinzipien von Informationen bzw. der Entwicklung von Techniken des kognitiven Lernens beitragen. Zu erwähnen sind beispielsweise Klassifizierungstechniken (Überordnung, Unterordnung, Ähnlichkeiten/Unterschiede, Zusammenhänge u.Ä.), Systematisierungstechniken (begriffliche Ordnung, Definitionen, Wortfelder, Wortfamilien u.Ä.), Gliederungstechniken (Strukturierung, Schlüsselwörter, Stichworte u.Ä.), Visualisierungstechniken (Schemata, Bilder, symbolische Darstellung, Skizzen u.Ä.).

Besonders motivierend und Erfolg versprechend erweist sich das Verfahren, bei dem die Studenten selbstständig den Lernstoff bestimmen, organisieren, für universitäre Lernzwecke erarbeiten und mit ihren Mitstudierenden im Unterricht daran arbeiten. Bei diesem Verfahren kommt besonders das Prinzip der Lernerzentriertheit zum Vorschein, denn den Studenten wird die Möglichkeit gegeben, die Informationen ausgehend von ihren Bedürfnissen und Fähigkeiten aufzuarbeiten und zu üben. Damit kann die Idee des offenen Unterrichts realisiert werden, indem die Studenten ihren Lernprozess mitbestimmen und mitgestalten und der Prozess des Fremdsprachenlernens „eine stärkere Öffnung für Erfahrungen und Inhalte aus der unmittelbaren Lebenswelt der Lernenden“ sowie „eine Öffnung für flexiblere Unterrichtsabläufe und Organisationsformen der Arbeit“ darstellt (10, 9).

6. Unterschiedliche Abrufarten des Gedächtnisses:

Das Funktionieren des Gedächtnisses, mit anderen Worten die Aufnahme, Verarbeitung und Speicherung von Informationen, zielt auf das weitere Anwenden der im Langzeitgedächtnis gespeicherten Informationen, und zwar auf zweifache Weise: Die Informationen, die im aktiven Langzeitgedächtnis fest gespeichert sind, können zu jeder Zeit wiederum abgerufen werden; die Informationen, die wegen des seltenen Gebrauchs in den inaktiven Langzeitspeicher übergegangen sind, was auch häufig geschieht, können jedoch wiedererkannt werden (in Bezug auf das Fremdsprachenlernen geht es hier um den potenziellen Wortschatz). Auf jeden Fall gehen die im Langzeitgedächtnis gespeicherten Informationen nie verloren. Der Mensch verfügt also über die Fähigkeit, Informationen wiederzuerkennen, sowie auch über die Fähigkeit, Informationen willentlich abzurufen. Beim Abruf werden die gespeicherten Strukturen bzw. vorhandene Informationen wieder auf verschiedene Weise produziert bzw. zum Vorschein gebracht. Dabei muss ein Suchmechanismus in Gang gesetzt werden. Der Erfolg hängt in diesem Fall vom Ordnungsgrad der gespeicherten Informationen bzw. von bewusst angewandten Ordnungsprinzipien ab.

Bezogen auf das Fremdsprachenlernen erwähnt Rohrer (1990) drei Abrufarten, die beim Fremdsprachenlernen verschiedene Arten der Informationswiedergabe erzielen: *Reproduzieren*, *Rekonstruieren*, *Konstruieren*. Ihrem Wesen nach sind die obigen Abrufprozesse sehr unterschiedlich. In der echten Kommunikation laufen sie jedoch gleichzeitig ab, indem sie einander wechselseitig bedingen und untrennbar ineinander übergehen. Das ergibt sich aus der Tatsache, dass die sprachlichen Phänomene und die fremdsprachlichen Teilbereiche, die gelernt werden, auch unterschiedlich sind, beispielsweise einzelne lexikalische Einheiten, grammatische Formen und Regeln, landeskundliche Inhalte, Weltwissen, Fertigkeiten usw.

Reproduzieren kommt als eine Abrufart vor, bei der sprachliche Elemente als solche und in der Form abgerufen werden, in der sie gespeichert worden sind: Zu solchen Erscheinungen werden z.B. Wörter, Wortkombinationen, idiomatische Redewendungen, Funktionsverbgefüge, starre grammatische Systeme, feste Wendungen gezählt. Reproduzieren erfolgt durch kognitives oder nichtkognitives Auswendiglernen.

Das Ziel des Rekonstruierens ist das neue Verbalisieren von gespeicherten Sachverhalten, das durch den Gebrauch anderer sprachlicher Elemente bedingt ist.

Das Konstruieren setzt das Formulieren/Produzieren neuer Informationen bzw. des neuen sprachlichen Outputs aufgrund schon vorhandener Informationen voraus.

Das gleichzeitige Auftreten aller drei Abrufarten verlangt die Aneignung verschiedener Lernelemente auf nichtkognitive und kognitive Weise. Ein solcher Arbeitsablauf erleichtert das sinnhafte Einprägen von sprachlichen Elementen und verlangt zugleich assoziatives und begriffliches Denken. Der Abruf, dem eine intensive Verarbeitungsstufe vorangeht und der durch nichtkognitive und kognitive Denkprozesse bedingt ist, ist in diesem Zusammenhang mit zwei Aspekten verbunden: mit Kreativität und Motivation. Da das Funktionieren des Gedächtnisses durch die subjektive kognitive Strukturierung des Lernmaterials gesteuert werden kann, gewinnen Kreativität und Motivation durch das emotionale und affektive Engagement und die persönliche Mitbestimmung im Studienprozess an Gewicht.

Kreativität ist unmittelbar mit dem Begriff des Ganzheitlichen verbunden, denn sie steht zwischen den zwei Gegenpolen des analytischen und synthetischen Denkens und wirkt bei der Herstellung von Beziehungen zwischen durch diese beiden Gegenpole getrennten Wissens-elementen mit, indem neue Inhalte entstehen bzw. produziert werden.

- Didaktisch-methodische Projektion auf die Textarbeit:

Bei jeder Abrufart spielen der Sprachbereich und die Stufe der Beherrschung von Textinformationen eine große Rolle. Wenn man beispielsweise erst begonnen hat, an einem Text zu arbeiten, ist es kaum möglich, von Lernern die konstruktive Wiedergabe von Textinformationen zu verlangen.

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

Auf der Basis der drei Abrufarten sind drei Stufen der fremdsprachlichen Textarbeit im Unterricht abzuleiten:

- a) *Prüfen des Textverständnisses*: Globalfragen, Schlüsselwörter, Stichworte, detailbezogene Fragen, sprachbezogene Arbeit;
- b) *Interpretieren von Informationen*: Hauptgedanken, Bestimmung/Erläuterung des Problems, Herangehen an verschiedene Aspekte der Textinformationen, Üben des sprachbezogenen Lernstoffes, kommunikative Spracharbeit;
- c) *Produzieren*: freie, kreative Aufgabenstellungen, Weiterarbeit, Transfer von inhalts- und sprachbezogenen Informationen.

7. Bewusstseinszustände:

Ausgehend von den unterschiedlichen Funktionen der beiden Hemisphären der Großhirnrinde (s. oben) unterscheidet Edelmann (1988) in Anlehnung an Philipov (1981) zwischen zwei verschiedenen Bewusstseinszuständen, die jeweils einer der Hemisphären entsprechen: der „rational-analytischen“ (die linke Hemisphäre) und der „intuitiv-rezeptiven“ (die rechte Hemisphäre). Daraus folgt, dass die Informationsverarbeitung bzw. das Lernen sowohl bewusst als auch unbewusst, kognitiv und nichtkognitiv geschieht. Die Informationsverarbeitung in Form des rational-analytischen Denkens erfasst logische Strukturen und bildet sie vorrangig in sprachlicher oder mathematischer Form ab. Beim analytischen Denken wird ein Ganzes in seine Bestandteile zerlegt. Beim entgegengesetzten Denkprozess, dem synthetischen Denken, entsteht ein Ganzes durch gedankliche Verknüpfung. In Bezug auf den rezeptiv-intuitiven Bewusstseinszustand wird behauptet, dass der Lerner Informationen nicht durch analytisches Denken, sondern durch schöpferische Eingebung, Phantasie, nacherlebendes Verstehen von Zusammenhängen, nicht klar bewussten oder unbewussten Wissenserwerb erfasst. Wygotski (1977) unterstreicht dabei den positiven Einfluss der Emotionen oder der Affekte auf die Informationsspeicherung. Die Gedächtnisfunktion ist nur ausgehend vom Zusammenwirken kognitiver und emotional-motivationaler Prozesse zu betrachten.

- Didaktisch-methodische Projektion auf die Textarbeit:

Eine eingehende Analyse der gegenwärtigen textdidaktischen Modelle (Aebli, 1991; Westhoff, 1987; Solmecke, 1993; Rampillon, 1996) hat gezeigt, dass die Arbeit mit fremdsprachigen Texten im modernen FU besonders vom inhaltlichen Informationserwerb und demzufolge von eher kognitiver Textarbeit geprägt ist.

Die universitäre Textarbeit zeichnet sich aber durch andere Schwerpunktsetzungen aus, wie etwa intensive Spracharbeit, Aneignung von Techniken des lebenslangen Lernens, praxisbezogene Festigung der in theoretischen Kursen erworbenen Informationen zu verschiedenen Sprachaspekten, Förderung berufsbezogener Fähigkeiten, Erweiterung des landeskundlichen sowie des Weltwissens u.Ä. Einerseits setzen die obigen Lernaspekte eine intensive kognitive Arbeit voraus (rational-analytisch also), andererseits ist diese Arbeit durch die Einbeziehung der emotional-motivationalen Prozesse (d.h. intuitiv-rezeptiv) zu unterstützen bzw. zu fördern. Methodisch gesehen heißt das z.B. Einsatz verschiedener Sozialformen, Selbstlenkung des Lernprozesses, Einbeziehung der Studenten in die Mitbestimmung der Lerninhalte und in die Mitgestaltung des Unterrichts, kommunikative Spracharbeit, kreative bzw. kommunikationsorientierte Aufgabenstellungen, offener Unterricht.

Zusammenfassend ist hervorzuheben: Die in diesem Beitrag aufgelisteten psychologischen Aspekte der Informationsverarbeitung lassen keinen Zweifel daran, dass das Integrationsprinzip in der modernen Didaktik/Methodik ein neues Verständnis bekommt. Lange Zeit wurde es eher lehr- und lernstoffbezogen betrachtet, bis die lernerorientierten Konzepte einen höheren Stellenwert eingenommen hatten. Die Berücksichtigung der behandelten Aspekte sowie ihre didaktisch-methodische Projektion auf den Studienprozess ermöglichen, die universitäre Textarbeit zu intensivieren, den Studenten ein breites Spektrum von akademischen

sowie pragmatischen Kenntnissen zu bieten und den Lernprozess für die Studenten optimal zu gestalten.

LITERATUR

1. AEBLi, H. Zwölf Grundformen des Lehrens. 6. Auflage. Stuttgart: Klett-Cotta, 1991.
2. BUTZKAMM, W. Psycholinguistik des Fremdsprachenunterrichts. Tübingen: Francke Verlag, 1989.
3. EDELMANN, W. Suggestopädie/Superlearning. Ganzheitliches Lernen – das Lernen der Zukunft? Heidelberg: Roland Asanger Verlag, 1988.
4. GEIDŽS, N.; BERLINERS, D. Pedagoģiskā psiholoģija. Rīga: Zvaigzne, 1999.
5. RAMPILLON, U. Lerntechniken im Fremdsprachenunterricht. Ismaning: Max Hueber Verlag, 1996.
6. ROHRER, J. Zur Rolle des Gedächtnisses beim Sprachenlernen. 3. Auflage. Bochum: Ferdinand Kamp Verlag, 1990.
7. SOLMECKE, G. Texte hören, lesen und verstehen. Berlin/München/Wien/Zürich/New York: Langenscheidt, 1993.
8. STANGLS, W. Lernen und Gedächtnis. In: <http://paedpsych.jk.uni-linz.ac.at/INTERNET/ARBEITSBLAETTERORD/LERNTEC> (08.10.2004), 2004.
9. VESTER, F. Denken, Lernen, Vergessen. 26. Auflage. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999.
10. WALLRABENSTEIN, W. Offener Unterricht – was ist das? In: Knobloch, J.; Dahrendorf, M. (Hrsg.) (1999): Offener Unterricht mit Kinder- und Jugendliteratur. Grundlagen, Praxisberichte, Materialien. Hohengehren: Schneider, 1999. S. 9-15.
11. WESTHOFF, G. J. Didaktik des Leseverstehens. Ismaning: Max Hueber Verlag, 1987.
12. WILLKOP, E.-M. Fort- oder Rückschritte? Entwicklungen in der Didaktik des Deutschen als Fremdsprache. In: <http://www.uv.es/anglogermanika-2002-1-willkopp.htm> (22.01.2003), 2003.
13. WODE, H. Einführung in die Psycholinguistik. Ismaning: Max Hueber Verlag, 1988.
14. WYGOTSKI, L. Denken und Sprechen. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1977.

Jelena Kipure

University of Daugavpils, Latvia

**PSYCHOLOGICAL PEDAGOGICAL BASIS
FOR INTEGRATIVE WORK WITH TEXTS
IN THE UNIVERSITY LEVEL FOREIGN LANGUAGE CLASSROOM**
Summary

The present article deals with the problem of teaching and learning a foreign language at the university. The article describes methodological principles that ensure realization of integrative work with texts at the advanced level. The analysis of psychological processes that take place while learning a language, e.g. the multi-channel input, the functioning of the human brain and memory, mentality, etc., forms the basis for the development of this approach.

KEY WORDS: integrative work with texts, integrated language learning, neuro-biological level, memory, information processing, input, output, methodological projection

Эгидиус Мажинтас

Вильнюсский педагогический университет, Литва

Эл. почта: emazintas@yahoo.com

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ УЧИТЕЛЯ

В современной Европе образование рассматривается в широком смысле-как овладение основами философии, науки, знакомство с культурными ценностями. Основная задача заключается не в накоплении научных фактов, а в развитии личности как субъекта культуры. Личностно-ориентированное обучение раскрывает личностную значимость каждого учащегося, его творческий потенциал, предоставляет свободу выбора (в плане целей и материала) и право на ошибку. Такой подход, ставя в центр обучения ученика, позволяет максимально учитывать его национально-культурные особенности (4, 46). Социально-технологическую культуру можно рассматривать в социальном (широком) и личностном (узком) планах. В социологическом плане технологическая культура - это уровень развития жизни общества на основе целесообразной и эффективной преобразовательной деятельности людей, совокупности достигнутых технологий в материальном и духовном производстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: личностно-ориентированное обучение, культура, саморазвитие

В личностном плане технологическая культура -- это уровень овладения человеком современными способами познания и преобразования себя и окружающего мира (7, 90). В довоенной независимой Литве с 1920-1940г.г. многие педагоги, как Ю. Амбраска, А. Бусилас, А. Якученис, Ю. Генюшас, В. Рузгас и др. пропагандировали новые профессионально-педагогические идеи и педагогические технологии того периода. Объединившись в литовский профсоюз учителей, боролись за новую социально-технологическую культуру преподавания различных педагогических предметов. Идей демократической школы и педагогическую мобильность, самостоятельность и компетентность в социально-технологической культуре учителя успешно распространял Й. Вабалас-Гудайтис, возглавлявший кафедру педагогики Каунасского университета им. Витаутаса Великого (11, 292). Главные направления исследований о педагогической работе учителя можно обнаружить в книгах советского периода М. Лукшене – «Черты истории литовского просвещения в первой половине XIX века»(1970), «Воспитание демократичных воззрений в Литве» (1985), труды М. Карчяускене, К. Жукаускаса, а также в новых исследованиях Р. Алекнайте-Беляускене, А. Залецкене, В. Индрашене, А. Удзилы и др. Коллективные сборники, формировавшие включение молодежи в социально- технологические процессы в школе интенсивно освещались и советские времена: «Основы совершенствования процесса обучения» (1981), «Совершенствование обучения в IV-VIII классах»(1983), «Очерки истории и школы и педагогической мысли в Литве» (1983) и др. Основная функция творчества педагога-удовлетворение реальных потребностей, являющихся порождением предшествующего педагогического процесса. Поэтому своеобразие педагогической творческой деятельности должно начинаться с выяснения общего характера социально-технологической культуры в педагогической работе. Другой, непосредственно взаимосвязанной с охарактеризованной ранее всеобщей функцией педагогического творчества является саморазвитие учителя, всех его сил и способностей. Конечно, не всегда, не в любой социальной ситуации эта функция культуры реализуется, приобретает всеобщее значение. Социологический подход к исследованию технологической культуры оказывает влияние на все стороны жизни человека и общества, она предполагает наличие у человека системы технологических

знаний, умений и личностных качеств. Технологические знания включают в себя понимание базовых технологических понятий, представление о техносфере, способах преобразовательной деятельности, современных и перспективных технологиях производства и форм жизнедеятельности человека и т.д.

Технологические умения — это освоенные человеком способы преобразовательной деятельности на основе приобретенных знаний: проектировать свою деятельность и предвидеть ее результаты, проводить анализ, осуществлять проектную деятельность и др. технологически важные качества - это свойства человека, необходимые для успешного овладения преобразовательной деятельностью: гибкость мышления, предприимчивость и др. Что же представляют собой эти практические, методические рекомендации педагогу по формированию социально-технологической культуры? Вопрос этот весьма сложный как в силу его неразработанности в педагогической теории, так и в силу многопланности самой творческой деятельности учителя. Но без ответа на него не может быть и речи об организации воспитательного процесса. Представляется, что решение проблемы-на стыке выводов классической педагогики и теории культуры. Именно на этом стыке рождается сегодня педагогика новых технологий как часть социальной педагогики. А в педагогике в особенности нетерпим догматизм, стандартизация приемов без учета условий их применения, эмоциональной, граничащей с интуицией, чуткости к динамике процессов, протекающих в живом организме коллектива. Ведь любой, самый замкнутый взаимным интересом коллектив на практике есть временная общность людей, живущих в сложной системе социальных связей и испытывающих самые разнообразные воздействия, в том числе и самые разные индивидуальные профессионально- педагогические творческие впечатления. Диалектичность педагогического действия настолько велика,-писал А. С. Макаренко,-что никакое средство не может проектироваться как положительное, если его действие не контролируется всеми другими средствами...Поэтому отдельное средство может быть и положительным, и отрицательным, решающим моментом является не его прямая логика, а логика и действие всей системы средств, гармонически организованных (6, 473). В обобщенном виде под социально-технологической культурой можно понимать уровень развития преобразовательной деятельности человека, выраженной в совокупности достигнутых технологий материального и духовного производства и позволяющий ему эффективно участвовать в современных технологических процессах на основе гармоничного взаимодействия с природой, обществом и технологической средой (7, 91).

В педагогических исследованиях сейчас все чаще применяется культурологический подход, который позволяет рассмотреть в совокупности изучаемый объект или процесс. При этом под культурой понимается «исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых или материальных и духовных ценностях» (5, 68).

Культура (отнюдь не обязательно гуманитарная, художественная, в равной степени это относится и к культуре правовой, экономической, технологической и т.д.) -высшее проявление человеческой образованности и профессиональной компетентности. Именно на уровне культуры может в наиболее полном виде выразиться человеческая индивидуальность, ее творческое начало. Естественно, что этот уровень результативности образования должен стать объектом повышенного внимания педагогов, которые затем путем дедуктивного распространения соответствующих содержательных компонентов культуры могут предложить соответствующие модели профессиональной компетентности, общей образованности и грамотности. Социологическое-экономическое развитие страны в качестве приоритетной цели высшего образования выдвигает формирование у специалиста профессиональной компетентности, тесно связанной с понятием культуры. Профессиональная компетентность личности любого специалиста является необходимым компонентом его приобщения к культуре. В этих случаях

владение учителем социологическим подходом к существующей проблеме становится уже не просто желательным, но и обязательным. При всех различиях в нюансах наиболее существенными атрибутами культуры признается глубокое, осознанное и уважительное отношение к наследию прошлого, пониманию и преобразованию деятельности и отношений (1, 75). Отметим, что понятие культура трактуется по-разному. В философском плане она предстает как форма бытия, которая образуется человеческой деятельностью. Главным компонентом культуры является человек как субъект творческой деятельности и творения культуры. В процессе развития культуры человек создает определенную культурную среду и себя. К.С.Станиславский, впервые в истории создавший научно обоснованную систему воспитания и самовоспитания таланта, утверждал, что всякий талант-это не чудо, свалившееся с неба, а плод развития человеком сил в себе и внимания к тем силам, которые бурлят в море человеческих жизней вокруг (9, 638.). Следовательно, первоочередной стержневой проблемой всей системы непрерывного образования человека является подготовка квалифицированного специалиста, способного творчески решать стоящие перед ним задачи, обладающего высоким уровнем профессиональной культуры. Общие подходы к определению сущности и специфики профессионально- педагогического творчества отражены в трудах И. Лаужикаса, А. Йодайтите, В. Раяцкаса, Г. Квескиене, Л. Йовайшаса, М. Лукшене и др. Отдельные виды и элементы этого вида культуры исследовались Ю. Будндзинским, Б. Добровольским, Л. Гядвиласом, Б. Битинасом, М. Карчяускене, К. Жукаускасом и др. Базируясь на вышеперечисленных работах, феномен профессионально-педагогической культуры можно представить как интегральное качество личности педагога-профессионала, как условие и предпосылку эффективной педагогической деятельности, как обобщенный показатель профессиональной компетентности преподавателя и как цель профессионального самосовершенствования. А один из видных представителей западных мыслителей Дезами в свое время в «Кодексе общности» справедливо заметил: «Появляясь на свет, человек не приносит с собой ни талантов, ни пороков, ни добродетелей; он приносит с собой только способности и потребности» (3, 229). Под профессионально-педагогическим творчеством преподавателя мы понимаем культуру материальную и духовную, культуру умственного труда, культуру общения, культуру мышления, культуру профессионального самообразования, культуру научной организации труда, антропологическую культуру и т.д. Она является интегральной характеристикой профессионализма, поэтому формирование профессионально-педагогической работы можно рассматривать как важнейшую, а возможно и единственную, задачу культуры педагогического образования.

Одним из элементов профессионально-педагогической деятельности (и не только для социального педагога, но и учителя) является социально-технологическая культура. Это объясняется тем, что любая деятельность, в том числе и педагогическая, технологична. Социально-технологическая культура, выступая как бы общей формой реализации искусства планирования, прогнозирования, созидания, исполнения и оформления, выраженная в совокупности достигнутых технологий материального и духовного производства, является необходимым условием эффективности любой деятельности, в том числе и педагогической. Следовательно, она имеет непосредственное отношение к феномену педагогического творчества учителя, и культуры учителя, как мера и способ творческой самореализации его личности в разнообразных видах педагогической деятельности.

Анализируя далее данное нами понятие профессионально-педагогической культуры, можно сделать вывод о том, что такие критерии профессиональной компетентности, обобщенным показателем которой она является, как широкий информационный кругозор (обеспечивается такими элементами профессионально-педагогической работы, как культура применения научно-педагогического знания, методологическая культура, культура профессионального образования и др.),

аналитический склад ума или техническое мышление - мыслительная способность человека к преобразовательной деятельности по созданию материальных и духовных ценностей для блага человека, общества, природной среды (культура умственного труда, культура мышления), сознательное подчинение деятельности ценностным социокультурным приоритетам (профессиональная этика), не могут быть сформированы у учителя без овладения им социально-технологической культурой, так как именно она определяет уровень овладения современными способами познания и преобразования себя и окружающего мира, именно в ней проявляются знания, умения и творческие способности в преобразовании всех сфер человеческой жизни и в прогнозировании развития содержания и форм деятельности, в том числе и педагогической.

Суммируя вышесказанное, подчеркнем, что социально-технологическая культура как и профессионально-педагогическая культура учителя - необходимый компонент творческой самореализации и профессионального самосовершенствования личности будущего учителя, глубокого и грамотного овладения основами образовательной деятельности, готовности к инновациям и новаторству. Культ активного добра-так можно определить моральный принцип современного педагога-воспитателя (10, 206). Социально-технологическое развитие страны способно в большей мере повлиять на улучшение экономической ситуации в стране, приобретения индустриальной автономии и в целом способствовать повышению рейтинга государства в мировом сообществе. Все приведенное выше позволяет сделать вывод, что уровень социально-технологической культуры студентов существенно отстает от требований сегодняшнего дня. Когда-то Гете в «Годах странствий Вильгельма Мейстера» мудро заметил: «Люди заблуждаются в себе и в других, потому что принимают средства за цель, между тем как деятельность без цели бесплодна, а порой и погубна» (2, 250).

Проведенный анализ педагогической литературы, касающейся формирования социально-технологической культуры у студентов, позволил сделать следующие выводы:

- ❖ у студентов отмечается низкий уровень владения социально-технологическими знаниями и умениями;
- ❖ методическая служба школы не в состоянии оказать в массовой практике существенную помощь учителям в организации процесса формирования и реализации социально-технологической культуры учащихся;
- ❖ в высших учебных педагогических заведениях отсутствует целостная система формирования социально-технологической культуры у студентов и подготовки их к осуществлению этого процесса в школе;
- ❖ наблюдается неадекватность состояния социально-технологической культуры студентов современным требованиям, предъявляемым обществом к учителю;
- ❖ у большинства учителей нет понимания новой стратегии образования и путей реализации социально-технологической культуры в изменившихся социально-культурных и экономических условиях;
- ❖ исследование показало, что для формирования и развития всех ее составляющих недостаточно возможностей цикла специальных дисциплин;
- ❖ необходим интегративный спецкурс, систематизирующий и обобщающий теоретические и методические социально-технологические знания и умения студентов, позволяющий сформировать и реализовать технологически важные качества будущего учителя и понять необходимость социально-технологической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГЕРШУНСКИЙ, Б.С. Философия образования для XI века. Интердиалект. Москва, 1997, с. 75-87.
2. ГЕТЕ, И.В. Сочинения. Москва, 1979, т. 8, 250 с.
3. ДЕЗАМИ, Т. Кодекс общности. Москва, 1956, 229.с.

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

---

4. ЧЕЧЕТ, Т.В. Личностно-ориентированное обучение как основа развития межкультурной компетенции. В *Педагогіка і психологія формування творчої особистості: проблеми і пошуки*. Київ-Запоріжжя, 2003, вып. 27, с.46.
5. КОДЖАСПИРОВА, Г.М.; КОДЖАСПИРОВ, А.Ю. Педагогический словарь. Москва : Академия, 2000, с. 68.
6. МАКАРЕНКО, А.С. Собранные Сочинения. Москва, 1978, т.5, с. 473.
7. СИМОНЕНКО, В.Д., Технологизация и инновационность образования как стратегический фактор промышленного подъема в рыночных условиях.. Москва: изд. Рос. экон. акад., 2001, с. 190.
8. СТАНИСЛАВСКИЙ, К.С. Статьи. Речи. Беседы. Письма. Москва: Искусство, 1953, с. 638.
9. FRIEL, J. 7 Geriausi (sauniu) raaugliu ipročiai..Vilnius: Tyto alba, 2003, p. 206.
10. КЕМЕЖЫС, V. Lietuva 1918-1938. Kaunas: Šviesa, 1990, p. 292.

Egidijus Mažintas

Vilniaus pedagoginis universitetas, Lietuva

SOCIALINĖS-TECHOLOGINĖS KULTŪROS REALIZACIJA MOKYTOJO PEDAGOGINIAME DARBE

Santrauka

Socialinė-technologinė kultūra yra svarbus mokytojo profesionalios-pedagoginės veiklos komponentas, padedantis pedagogui kūrybiškai įsiliesti į savirealizacijos ir kryptingo asmeninio tobulėjimo veiklos kelią. Būsimasis pedagogas tokiu būdu siekdamas kokybiškesnių studijų ir išsilavinimo bei kokybiškų kvalifikacijų tampa atviresnis inovacijoms ir novatoriškiems pedagoginiams siekiams. Aktyvaus gėrio kultas gali tapti svarbiu šiuolaikinio pedagogo moralinio skatinimo veiksmu.

Socialinis-technologinis vystymasis gali labai sėkmingai įtakoti nestabilią šalies ekonominę situaciją ir padėti Lietuvai sustiprinti savo reitingus industriškai ir autonomiškai išsivysčiusių Europos sąjungos valstybių tarpe. Visa išanalizuota straipsnyje medžiaga leidžia teigti, kad studentų socialinės-technologinės kultūros lygis gerokai atsilieka nuo šių dienų pasaulio bendruomenės keliamų reikalavimų. Šalies pedagogai nesupranta socialinės-technologinės kultūros strategijos ypatumų ir reikšmės nuolat kintančiame ekonominiame šalių vystymosi kelyje. Tyrimas parodė, kad būtina formuoti naujas specialias disciplinas, kurios gali palengvinti ir susisteminti teorines ir metodines socialinės-technologijos žinias ir padėti formuoti naujas būtinas jaunojo pedagogo savybės.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: kryptingas asmeninis tobulėjimas, kultūra, pedagogo savybės.

Egidijus Mazhintas

Vilnius Pedagogical University, Lithuania

E-mail: emazintas@yahoo.com

SOCIAL PEDAGOGICAL SEMANTIC SPECTRA OF LATIN TEXTS OF LITHUANIAN SCHOOL THEATER

The majority of works including the best productions by the educated Italians as well as the most valuable humanistic writings by great West European writers (Bokacco et al) were produced in Latin under the influence of the cult of antiquity, promulgated in the most intellectual social strata. The play texts of that time were characterized by the occurrence of synthesis of the high comic, panegyric, realistic, and tragic style. Theoretical basis of social school drama texts used to be Aristotle. Besides, he appeared as a model for M. K. Sarbievijus who treated the life of the saint as a doubtful source for tragedy. It is extremely significant and surprising that the Lithuanians managed to benefit from powerful influence of foreign languages and cultures including Russian, Polish, Latin, German and even Tatar, and to use it for the development of Lithuanian national self-consciousness. It aroused and extended spiritual life in Lithuanian society.

KEY WORDS: the Latin play texts, ethnographical and folk forms, stage productions, the Renaissance theater, the Lithuanian school theater, the European monarchic theatre.

In the context of developing social pedagogy of that time both new way of thinking and new humanistic concept of man, pedagogue, and improving nation are observed. Already at that time the school theater made attempts to perceive pedagogical values with the aid of scholastic formulas and schemes. For instance, the assessment of dramas written by Knapijus, Juškevičius, and Garšvila was based on the criteria of Tomas Akviniētis' and Dante's works. The majority of works including the best productions by the educated Italians as well as the most valuable humanistic writings by great West European writers (Bokacco et al) were produced in Latin under the influence of the cult of antiquity, promulgated in the most intellectual social strata (7, 98). Difficulties that the Lithuanians faced in getting the translations of the Latin play texts they were presented with made the situation rather complicated. One of the greatest monuments of the Renaissance, namely the Lithuanian school theater considered as complex and controversial periodic phenomenon, was closely related to the medieval aesthetical thought as well as to the social theatrical, literary, and musical traditions. What is more, produced and staged works appeared of considerable significance for the theatrical-poetic tradition developed by social pedagogy, though a number of Lithuanian experts of theater have different opinions. The social Lithuanian school theater of the 17th century not only continued a great deal of traditions concerning the contact between the medieval literature and imitative arts but also transformed Christian ethnographical and folk forms of Lithuanian rituals by enriching the social works with both mythological images and elements of folk songs and poetry (9, 136). Almost all stage productions of that time were full of social pedagogical motives praising mental and spiritual experience. Certain word choice variations served to convey the semantic spectrum even more extensively if only it was possible to preserve terminological nature of the text. School performances of that time used to praise science and education as well as humanistic, civic, and social values including justice, gratitude, unselfishness, respect for parents and teachers, whereas violence and egoism, hard drinking and debauch, laziness and conceit received much criticism. In this way school performances developed social culture, prepared for even greater variety of amateur theater forms and professional plays. Consequently, social school theater performances characterized by allegoric interpretations and continuation of medieval traditions (the use of mythological and historical plots) undertook some new pedagogical elements referring to co-European classical educational models and problems of that time. Serious faults of social life such as lie and hypocrisy, moral dissoluteness and jealousy, meanness and excessive ambition,

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

---

etc. were exposed. For the first time social performances took into consideration the lower strata of society, though servants, villagers, and craftsmen were still mostly caricatured. Moreover, a large number of negative characters such as pirates, robbers, and gamblers tended to appear also as a subject matter of social plays. Approximately 80% of dramatis personae constituted members of aristocracy and bourgeoisie, whereas the remaining 20% were gardeners and other common people. The majority of play texts were written on the basis of ancient Lithuanian legends and referred to the stories of famous people, heroic struggles, motives of devotion and love for the native land (10, 3). Most play texts seemed to be characterized by sad beginnings as well as by happy ends such as return to the normal life of the characters and triumph of moral human values. The speech of characters is loaded with numerous proverbs, puns, and moralizing sentences, which together with sense of humour serve to disguise indecent erotic scenes. *Mise-en-scene* accompanied by instrumental music is devoid of colloquial words and phrases, dialecticisms and professionalisms, although the majority of plays are performed particularly in Latin (5, 14). Despite the principle of that time, which considered knowledge of Latin as indispensable in every respect, the conditions for understanding Latin texts were still poor. "Therefore, translation is necessary not only for the explanation of the text but also for the absorption in the linguistic form of the philosophical text" (3, 425). The play texts of that time were characterized by the occurrence of synthesis of the high comic, panegyric, realistic, and tragic style. Theoretical basis of social school drama texts used to be Aristotle. Besides, he appeared as a model for M. K. Sarbievijus who treated the life of the saint as a doubtful source for tragedy. No performance could be imagined without music, dance, and pantomime which were referred to as indispensable elements of it. Musical part of the plays was usually performed by indigent school learners, college and university students, military orchestras, and seldom by royal choruses.

The ancient Baltic mythical play texts were geographically orientated (the West were linked with underground, while the East were related to heaven), whereas the conceptions of time and place were reconciled (the East were related to spring, new moon, morning, childhood, while the west represented autumn, or winter, wane, evening, old age, or death). To our great disappointment, this correlation as well as the whole Baltic mythological sense of time still remains only poorly investigated (8, 278).

The play texts appearing on the stage were concerned not only with the social political problems but also with the public thought and culture, which seemed to exceed didactic and moral tasks. In the acquirement of historical librettos and their truths in the form of a performance a significant role was played by philosophical reflection. In the epoch of the Renaissance the theater became one of the forms of upbringing and teaching. A great deal of various schools commenced to found their own theaters, where pupils prepared and directed by teachers used to perform the antique Roman and Neo-Latin plays. It can be said, that in the 15th-17th centuries literary and theatrical work used to be much more intense than it may appear today. The subject matter of the social school dramas was rarely the result of the authors' imagination since the topics were mostly borrowed from the New Testament, especially for Christmas dialogues-pastorals and Easter siftings. However, the governing body of the school organizations was constantly encouraging to replace liturgical performances by ceremonial declamations. "Lithuanian humanistic culture enormously influenced its neighbouring countries /.../ Latin school, similarly to universal and international Jesuitical schools in other countries became partially an obstacle to the colonisation of the Lithuanians,"-believes the academic A. Gaizutis (1, 166). Ž. Liaukšminas, the professor of Vilnius University, was a theorist of music, an organizer of choruses, and a conductor. He is supposed to have been composing music for the Lithuanian Jesuitical school theatre performances (2, 37). In addition to the religious and moral tendency of this theatre, it also performed a significant enlightening function. The theatre was closely related to the process of teaching. Public stage performances served to develop memory and enrich imagination, helped to memorize a great deal of Latin expressions, texts, and sententious utterances, inspired to appreciate people and events, taught good stance,

gesticulation, and mimic. In a nutshell, to prepare a pupil for public life in a country such as *Žečpospolita* seemed to be of extraordinary importance. Cultural and educational tendencies of the Lithuanian school theatre can be best illustrated by the Polish historian Jerzy Ochmanskis' words: "It is extremely significant and surprising that the Lithuanians managed to benefit from powerful influence of foreign languages and cultures including Russian, Polish, Latin, German and even Tatar, and to use it for the development of Lithuanian national self-consciousness. It aroused and extended spiritual life in Lithuanian society" (4, 93).

The librettos of even eight operas refer to the name of Puccitelis, the secretary of the Grand Duke of Lithuania, who is assumed to have staged these operas himself. The author of the musical play "The Games of Woods" composed for the theatre of king Vladislovas IV was the poet M. K. Sarbievijus (5, 14). Links with other European countries helped Lithuania to get acquainted with the latest literary, musical, and theatrical works which were soon adapted to local conditions and became part of local social culture (6, 32). The enlightening function of the school and royal theatre was established according the best general and representative examples of the European monarchic theatre. Therefore, national consciousness thoroughly fostered in the estate of the grand duke greatly affected cultural, artistic, and educational development of the country, which also acquired some distinctive Lithuanian features. The Grand Duchy of Lithuania was resided by pedagogues, scholars, and artists of various nationalities, whose enlightening cultural activity contributed to the formation of distinctive Lithuanian culture. Spiritual return to the very beginning of theatrical culture of school performances is vividly expressed by Česlovas Milošas in his speech during the award of Nobel prize in the Royal Academy in Sweden: "A great blessing is to obtain such city of school and university studies as Vilnius is – a fantastic city of architecture in Italian baroque, that was moved to northern woods preserving history in every stone". For the first time spiritual flights and experiences of a man appear as the subject matter of Latin texts of school dramas. Although local cultural traditions were rather faint, the remarkable change in the concept of a man as a performer managed to establish plastic speech of new style very soon. Most likely, this change was impelled by the prevalence of the 'imported' baroque in the art of theatre.

LITERATŪRA

1. GAIŽUTIS, A. Estetika tarp tobulumo ir mirties. Vilnius.2004.
2. GENZELIS, B. Žygimanto Liauksmo aplinka ir jos ištakos. Kn.Žygimantas Liauksmas. Rinktiniai raštai. Vilnius. 2004.
3. JASPERAS,K. Von der Wahrheit, Munchen, 1947.
4. JURKŠTAS, V.P. Muzika Vilniaus Žemutinėje pilyje. In *Kultūros barai*. Nr.7-8, 1990.
5. MAKOWSKI, M. Logika.Dzieje filozofii sredniowiecznej w Polsce.Wroclaw, Warszawa. T.1,1975.
6. PIECHNIK, L. Dzieje Akademii Wilenskiej. *Poczatki Akademii Wilenskiej*. Rzym. T.I 1934.
7. SCHONBERGER, R. Pabaigos žodis. In *AKVINIETIS, T. Teologijos suma I-II 18-21 klausimai*.
8. ŠALKAUSKIS, St. Raštai, VI tomas, Vilnius, 1998.
9. ZABORSKAITĖ, V. Prie Lietuvos teatro ištakų. Vilnius. 1981.
10. КУЗНЕЦОВ, Н.И. Мысль и слово в творчестве оперного актера. Москва. 2004.

Egidijus Mažintas

Vilniaus pedagoginis universitetas, Lietuva

SOCIALINIAI PEDAGOGINIAI LIETUVOS MOKYKLINIŲ TEATRŲ LOTYNIŠKŲ TEKSTŲ PRASMIŲ SPEKTRAI

Santrauka

Dauguma LDK mokyklinių, kolegijų, bei universiteto spektaklių lotyniški tekstai rėmėsi senovės lietuvių padavimais. Mokyklinių spektaklių tekstuose atsispindėjo žymių žmonių istorijos, karžygių kovos, taip pat atsidavimo ir meilės gimtajam kraštui motyvai. Daugumos spektaklių tekstai- prasideda liūdnavais, baigiasi linksmomis-grįžtama į normalų herojų gyvenimą, triumfuoja doros, žmoniškosios vertybės. Spektaklių herojų frazėse

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

---

nemažai priežodžių, patarlių, kalambūrų, moralizavimo sakinių. Kuriamose mizanscenose nuspalvinamose instrumentine muzika nevengiama kasdienės šnekamosios kalbos žodžių, frazių, profesionalizmų, tarmybių, nors dauguma spektaklių vyksta būtent lotyniškai. Lotyniškoji mokykla tapo iš dalies lietuvių lenkinimo kliūtimi. Tada galiojusi taisyklė, kad antrosios kalbos lotynų mokėjimas, daugeliu atžvilgiu nors ir buvo būtinas nesukūrė pakankamų sąlygų spektaklių tekstams tinkamai suprasti. Tad vertimas padeda ne tik aiškinti tekstą, bet ir įsiskverbti į filosofinio teksto kalbinę formą. To meto vaidinimų tekstuose pasitaikydavo komiškojo, panegiriškojo, realistinio, tragiško, aukštojo stiliaus sintezės. Socialinės mokyklinės dramos tekstų teorinė atrama buvo Aristotelis.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: pjesės lotynų kalba, etnografinės ir liaudiškos formos, mokykliniai teatrai, renesanso teatras, didikų teatrai, barokiniai spektaklių pastatymai, mizanscenos;

Юрий Машонин

Академия полиции Латвии

Эл. почта: jurima@inbox.lv

ИНТЕРАКТИВНЫЙ МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Основная цель статьи – показать использование интерактивного метода преподавания в криминалистике. В этой связи прежде всего рассмотрены задачи и особенности составных частей учебного курса криминалистики: техники, тактики и методики, каждая из которых проанализирована с точки зрения организации учебного процесса.

По мнению автора традиционные формы обучения не справляются с задачами, стоящими перед высшей школой – вооружение выпускников навыками творческого мышления, интерактивного общения и стремлением постоянно пополнять и обновлять свои знания.

Автором статьи предлагаются различные варианты применения интерактивного преподавания, которые могут быть задействованы при творческом подходе не только в учебном курсе криминалистики, но и при изучении других дисциплин.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: криминалистика, преподавание, обучение, интерактивный метод, дидактика, учащийся, презентация, тактика, расследование преступлений.

Общие положения

Современное общество, характеризующееся все ускоряющимся процессом развития всех своих сторон и сфер, как никогда требует от выпускников учебных заведений всех уровней не просто способностей к быстрому реагированию на изменения в условиях обстановки (в жизни, в производстве, в науке), а уже наличия определенных, достаточно сформировавшихся навыков к такому реагированию. Традиционная объяснительно-иллюстративная форма обучения с этим требованием окружающей действительности уже не справляется. Недостаточно и организации учебного процесса с элементами проблемности, поскольку коэффициент полезного действия при этом также невысок из-за большой траты учебного времени на развитие чисто репродуктивной формы мышления у студентов. Последняя же порождает в студенческой среде настроения иждивенчества и конформизма, что никак не способствует прогрессу в какой бы то ни было области общественной жизни.

Автор, совместно с доктором социологии В. Волковым, провел пилот-исследование в нескольких высших учебных заведениях Латвии с целью выяснить, как студенты гуманитарных факультетов оценивают эффективность различных форм освоения знаний. В исследовании приняло участие 100 студентов. Респондентам было предложено оценить эффективность различных форм освоения знаний по шкале с делениями от 1 до 6 по мере убывания степени эффективности. («1» - наиболее важная форма освоения знаний, «6» - наименее важная форма.)

На основании материалов исследования можно сделать вывод, что, по мнению студентов наиболее эффективной формой освоения знания выступают лекции преподавателей (см. таблицу 1), далее следуют практические занятия, затем – самостоятельная работа студентов, подготовка ими курсовых работ, далее – подготовка рефератов, наименее эффективным методом, с точки зрения студентов, является участие в научных конференциях. Что касается самостоятельной работы, то выше всего студенты оценивают ее роль в освоении информатики, а также в освоении иностранных языков, ниже – в освоении дисциплин, связанных со специализацией, а также общетеоретических и общеобразовательных дисциплин.

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

Таблица 1

Эффективность различных форм освоения знаний по мнению студентов
(Данные таблицы приведены в процентах)

Дисциплины, связанные со специализацией	Оценка значимости формы обуч	Самост работа	Лекции	Практ. зан.	Подготовка реферата	Курс работа	Участие в научных конферен
	1	32	70	37	29	33	23
	2	25	10	29	16	15	12
	3	16	6	17	18	14	17
	4	12	3	7	19	13	9
	5	7	5	5	12	15	10
	6	7	4	4	4	7	24
	Не знаю	1	2	1	2	3	5
Обще теоретические и обще образовательные дисциплины	1	17	59	22	19	18	15
	2	30	21	29	19	24	12
	3	20	3	19	20	13	20
	4	15	4	14	14	12	19
	5	8	4	8	13	14	8
	6	5	7	4	9	14	20
	Не знаю	5	2	4	6	5	6
Информатика	1	24	48	49	8	16	10
	2	22	21	16	16	15	19
	3	23	8	9	13	14	15
	4	5	7	5	24	8	13
	5	6	4	6	12	19	9
	6	14	7	9	20	21	25
	Не знаю	6	5	6	7	7	9
Иностранные языки	1	35	63	50	15	18	18
	2	31	10	20	17	17	17
	3	13	7	14	11	11	13
	4	5	3	3	25	14	16
	5	4	4	5	13	15	7
	6	6	7	5	12	16	20
	Не знаю	6	6	3	7	9	9

Несмотря на то, что по степени важности самостоятельная работа оценивается респондентами ниже, чем роль лекций преподавателей и роль практических занятий, но все же именно самостоятельная работа нравится 49% опрошенным. Кстати, 43% таковой считают работу в группе студентов, а 8% - как в группе, так и самостоятельно.

Вопрос о необходимости ухода от тривиальных форм обучения (лекция, семинар, практическое занятие) и разработке принципиально новых методик организации учебы и преподавания, к полному переходу к активным формам учебного процесса стоит весьма и весьма остро. Безусловно, это очень не просто даже с позиций психологии, поскольку, как правильно отмечает Милдред Коллинз, определенный стресс при подготовке к учебным занятиям, проводимым в активной форме испытывают и преподаватели и студенты (1, 80). Однако, обеспечение максимальной активности учащихся на занятиях, это ни что иное как актуальное и настоятельное требование, продиктованное временем и обществом. Если не лукавить и сказать открыто, то всем достаточно очевидно, что большую часть материала, преподносимого преподавателями на лекциях, студенты с наименьшей пользой для себя могут прочитать самостоятельно, вне аудитории, правильно используя рекомендованные преподавателем различные источники информации. Тем более, что, как правило, выдаваемый на лекциях материал страдает недостатком аналитики в угоду информативности.

Криминалистика как учебная дисциплина

Не является исключением, в этой связи, и криминалистика. Будучи учебной дисциплиной, преподаваемой на юридических факультетах высших учебных заведений, она требует к себе постоянного, пристального педагогического внимания, поскольку находится на переднем крае борьбы с преступностью, этим злом, которое словно язва, разъедает современное общество изнутри, посягает на общечеловеческие и социальные ценности. Однако, в отличие от остальных юридических наук криминального цикла (уголовного и административного права и процесса, криминологии и других), криминалистика является наукой комплексной, поскольку сочетает в себе не только различные юридические знания, но и целый ряд знаний, являющихся предметом изучения естественных и специальных наук (психологии, математики, физики, химии и других). При этом в юридической литературе абсолютно правильно подчеркивается, что любые самые надежные и суперсовременные средства не принесут должного результата, если они окажутся в руках профессионально неподготовленного человека (2, 36-37). Именно сегодня, когда проблема с техническим оснащением достаточно полно решена, на первое место в деле обеспечения эффективности работы правоохранительных органов, в том числе в раскрытии и расследовании преступлений, выходит повышение профессионализма их кадрового состава. Это основное звено системы, противостоящей объединенному преступному миру, который для современной цивилизации представляет не меньшую опасность, чем в свое время средневековая чума или «испанка» двадцатых годов прошлого столетия.

Профессионализм работника следствия (дознания), криминальной полиции и представителей других структур складывается не только из производственного (следственного или оперативного) и жизненного опыта, когда методом проб и ошибок молодые сотрудники постигают нелегкую «науку побеждать», но крайне важен и начальный этап профессионального становления, которым является учеба в юридическом вузе. В ходе нее постигаются азы будущей специальности и накапливается первый профессиональный опыт. Криминалистика является одной из обязательных дисциплин в системе подготовки юристов широкого профиля и одной из важных профилирующих дисциплин в системе профессиональной подготовки кадров для правоохранительных органов. Это вполне закономерно, поскольку, как указывает Н. П. Яблоков (3, 61), она дает выпускникам юридических вузов весьма разнообразные знания об арсенале научно-технических средств и методов борьбы с преступностью, тактике проведения следственных действий и методике ведения следствия по уголовным делам.

В связи с этим встает вопрос о том, кто и каким именно образом должен решать задачу преподавания криминалистики (4, 176). Что касается данного учебного предмета, то в литературе высказываются соображения, что решением дидактических проблем обучения в криминалистике должна заниматься не она сама, а педагогика как наука о воспитании и обучении (5, 23). Это проявляется, в частности, и в том, что при попытке исследования юристами вопросов криминалистической дидактики, отдельные «спецы» от криминалистики заявляют, что данная проблематика является прерогативой педагогической науки. Так было, например, в Киеве в одном из вузов системы МВД при утверждении темы диссертационного исследования «Оптимизация криминалистической подготовки следователей».

Анализируя процесс преподавания криминалистики, применяемые при этом частные методы и методики, необходимо прежде всего отметить, что криминалистика, и как наука, и как учебная дисциплина традиционно делится на четыре основные части: общие положения, криминалистическая техника, криминалистическая тактика и методика расследования отдельных видов преступлений. Наряду с приведенной системой криминалистики, признанной большинством ученых – криминалистов, регулярно появляются попытки взглянуть на нее по-иному: разделить ее по примеру уголовного права и процесса на общую часть и особенную, разделить криминалистику на семь и

более частей и т.д. Этот процесс вполне закономерен и оправдан, однако в целом он не затрагивает основ преподавания криминалистики как учебной дисциплины.

Автор данной статьи, придерживаясь, в основном, традиционной системы криминалистики, хотел бы выделить следующие особенности ее составных частей, напрямую определяющие ее специфику как учебного курса.

1. Общие положения криминалистики, которые объединяют в себе вопросы ее исторического развития и превращения из набора эмпирических знаний в целостную науку, становления криминалистики как, хоть и прикладной, но все же юридической, науки. В данном разделе изучаются также и основные криминалистические теории, методы и определения (тождество, идентификация, диагностика, криминалистическое наблюдение и др.).

2. Криминалистическая техника объединяет в себе не только технические и научно-технические средства, предназначенные для раскрытия и расследования преступлений, но и применяемые при этом многочисленные технические приемы и методы.

3. Криминалистическая тактика – раздел криминалистики, предметом изучения которого являются закономерности, определяющие порядок подготовки и проведения следственных действий, экспертиз, тактических операций и комбинаций.

4. Методика расследования отдельных видов преступлений (криминалистическая методика) занимается вопросами изучения процесса раскрытия и расследования отдельных групп и видов преступлений (насильственных, корыстных, экономических) и выработкой соответствующих рекомендаций по повышению эффективности деятельности правоохранительных органов.

На мой взгляд, необходимо выделить и пятую, не менее важную, составную часть в системе криминалистики – криминалистическую превенцию, обеспечивающую решение вопросов, связанных с предупреждением, профилактикой и пресечением преступлений с использованием криминалистических средств и методов. Данный раздел опирается на положения и рекомендации, разработанные первыми четыремя составными частями криминалистики и требует отдельного рассмотрения.

Как видно из приведенной системы разделов, криминалистика представляет из себя чрезвычайно разнообразную, многопрофильную науку, требующую для правильной организации учебного процесса целого арсенала методов и методик в зависимости от преподаваемого раздела и темы, не говоря уже о чисто педагогических аспектах проблемы, например таких, что технология преподавания зависит от конкретной ситуации и особенностей учебной группы. Прав К.Фопель, говоря о том, что не существует метода или техники обучения, которые целиком принимают во внимание все многообразие человеческого интеллекта (6, 19). Речь, разумеется, должна идти о системе методов преподавания, однако сам автор реферата из всего их многообразия предпочитает главным образом те, которые позволяют студенту максимально выразить свои личностные качества и именно через это прийти к глубокому пониманию изучаемого предмета (7, 246). Безусловно, от преподавателя требуется «много чего» и, в первую очередь, не умение выдать максимум информации за минимум предоставленного учебного времени, а наличие мастерства заинтересовывания студента, воспитания в нем готовности к активной целенаправленной работе. Не зря коллеги по цеху – педагоги, участники XXXI конференции членов Латвийского общества интеллигенции указывали на то, что учение возможно лишь при участии (8, 29). Тем самым подчеркивается, что коэффициент полезного действия от **присутствия** на занятии, например, при прослушивании лекции, неизмеримо ниже, чем при **участии** в творческом процессе, более того – в **сопричастности** к процессу преподавания. В этой связи хочется еще раз привести широко известную фразу о том, что если хочешь чему-то научиться – учи этому других. С ней трудно не согласиться. Таким образом, вытекающую из этого задачу можно

сформулировать довольно просто – надо предоставить такую возможность нашим студентам, соответствующим образом организовав учебные занятия.

Изложение первого раздела криминалистики (общих положений) несет на себе достаточно мощную смысловую и организационную нагрузку. В частности, цель вводной лекции курса не только и не столько ознакомить студентов с предстоящим учебным курсом, а сколько показать и объяснить предполагаемые методы изучения специфики и взаимосвязи отдельных разделов криминалистики. При этом, показывая методологическую базу криминалистики, преподаватель уже с самого первого занятия постоянно «вытаскивает» слушателей на дискуссию о тех или иных элементах определений, взаимосвязей, терминов. С этой целью имеет смысл, в частности, показывать криминалистические дефиниции и теории, ошибочность которых для студентов сначала более, а затем и менее очевидна. И, отставив до определенного момента их «истинность», преподаватель тем самым бросает студентам как своим более молодым коллегам – также субъектам учебного процесса вызов – неужели ни один из них не сможет эту явную ошибочность опровергнуть или хотя бы подвергнуть сомнению? При завязывании дискуссии необходимо добиваться максимальной степени индивидуализации, чтобы ни одна точка зрения, высказанная со стороны слушателей, не осталась без реакции преподавателя. На первом занятии обозначаются также основные блоки учебного курса, называются темы и подтемы, являющиеся в разделах узловыми, и те, которые вызывают наибольшие трудности, и требующие, поэтому, более пристального исследования. При рекомендации списка обязательной и дополнительной литературы по курсу обращается внимание не только на необходимость ее изучения, но и на важность работы по самостоятельному расширению перечня предлагаемых источников информации, а также на возможные виды таких источников: учебная литература, научно-популярная и научная литература, (в том числе в обязательном порядке периодика) и интернетовские адреса и поисковики. Специфика криминалистики в данном случае заключается в том, что она позволяет использовать информацию, почерпнутую как из чисто теоретических источников, так и из материалов оперативно-следственной практики: уголовные дела, отказные материалы, протоколы отдельных следственных действий, ориентировки, обзоры и т.д.

Преподавание криминалистической техники

С точки зрения организации учебного процесса криминалистическая техника как отрасль криминалистики и учебной дисциплины представляет в основе своей систему практических занятий, на которых студенты сначала в тесном взаимодействии с преподавателем, а затем самостоятельно овладевают знаниями, умениями и навыками по применению технико-криминалистических средств и методов. В данном разделе учебного курса вводная лекция позволяет концептуально обозначить основные составные элементы системы криминалистической техники (такие как габитология, трасология, судебная баллистика, уголовная регистрация и др.), а также основные направления использования и развития технических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений.

Большинство занятий по криминалистической технике, связаны с овладениями практическими навыками в работе с техническими и научно-техническими средствами, будь то обнаружение и изъятие материально-фиксированных следов, описание анатомических и функциональных признаков человека или же исследование холодного и огнестрельного оружия. Они строятся с задействованием реальных объектов, например, взломанных дверей или оставленных на учебных местах происшествий, но реальных следов рук, ног, зубов, транспортных средств. Их изучение представляет собой процесс поиска ответов на вопросы идентификационного и диагностического характера. Однако, если на начальных этапах обучения вопросы формулируются непосредственно

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

преподавателем и им же объясняется методика выполнения заданий, то на последующих занятиях постановка максимального количества необходимых вопросов и их формулировка требуются уже от студентов. Параллельно они непосредственно изучают практические приемы и операции.

Специфика раздела «криминалистическая техника» такова, что его невозможно выучить «за одну ночь», поскольку навыки, как известно, теоретически не приобретаешь. Они нарабатываются в процессе повторяющихся тренировок. И в этом контексте трудно переоценить значение самостоятельной работы студентов, ее содержания и организации. По структуре она представляет собой комплекс практических заданий, охватывающих весь указанный раздел криминалистики: осуществление различных видов криминалистической фотосъемки, описание анатомических и функциональных признаков человека (составление его словесного портрета), подготовка розыскной таблицы по рукописному тексту, определение места расположения стрелявшего лица и многое другое. По форме же самостоятельная работа по изучению криминалистической техники организована таким образом, что по результатам ее выполнения студенты представляют так называемый криминалистический практикум, в который «все включено», т.е. показаны результаты всех самостоятельно подготовленных заданий. Преподаватель, получив в установленные учебным планом сроки оформленный студентом практикум, осуществляет его проверку, составляет рецензию и определяет – годен ли практикум к защите. При положительном ответе на данный вопрос студент получает право на устную защиту представленного практикума. При отрицательном – ему необходимо проделать дополнительную работу по подготовке невыполненных или выполненных неправильно заданий. При наличии затруднений методического плана студент может воспользоваться консультационной помощью преподавателя.

Максимальный интерактивный момент, наряду с обязательным выполнением отдельных, наиболее сложных практических заданий непосредственно на занятиях, включает в себе процесс защиты практикума. Студент в форме собеседования рассказывает о ходе выполнения того или иного задания, о примененных им методах, способах, технических средствах и о полученных в результате этого данных. Вопросы преподавателя, заранее ознакомившегося с содержанием представленного практикума, носят уточняющий и контрольный характер. Они задаются после окончания свободного рассказа защищающегося и дают возможность дополнительного определения степени владения студентом учебным материалом, наличие плагиата в практикуме и иных элементов несамостоятельности. Весьма важны в этой связи вопросы проблемного характера, требующие от учащегося использования сравнительного и аналитического подходов. Студент, объясняя примененные методы и полученные результаты, имеет возможность высказать и отстаивать свою точку зрения, аргументируя ее, в частности, сделанными им записями об отдельных этапах и всем ходе реализации конкретных заданий, содержащихся в практикуме.

Таким образом, чисто техническая сторона криминалистики, представленная разделом «криминалистическая техника», может быть успешно изучена лишь при максимальной интерактивности преподавания, выражающейся со стороны студентов - в выполнении целого ряда практических заданий по поиску, фиксации, изъятию и изучению материально-фиксированных следов преступления, а со стороны преподавателя – в детальном контроле хода выполнения студентами операций во время практических занятий, обеспечения учащихся интересными проблемными заданиями для самостоятельной работы и в организации творческого процесса защиты выполненного студентами практикума.

Преподавание криминалистической тактики

Еще больший простор для маневра интерактивными методами преподавания предоставляет криминалистическая тактика. Ее основным содержанием является

изучение вопросов, связанных с подготовкой и проведением различных следственных действий: осмотров (места происшествия, предметов, тела человека и т.д.), допросов, обысков, проверок показаний на месте и других.

Каждое следственное действие, наряду с общими теоретическими положениями представляет собой образ действий в конкретной следственной ситуации и, тем самым, открывает двери для широкого использования ситуативного интерактивного преподавания. Данный вид организации учебного процесса, подкрепленный криминалистической теорией, положениями уголовного процесса (являющегося юридической основой криминалистики), индуктивными, дедуктивными и другими исследовательскими методами, обеспечивает непосредственную связь учебных занятий с реальной жизнью, с практикой работы правоохранительных и правоприменительных органов. Каждое практическое занятие, сопряженное с исследованием вопросов тактики подготовки и проведения того или иного следственного действия, представляет собой, с одной стороны, фрагмент детективного сюжета, с другой – поле для ролевых игр, ситуативных заданий, реальной демонстрации достигнутых результатов. Индивидуально-групповой подход позволяет добиваться развития у учащихся навыков профессионального общения. Педагогу в этой связи следует обязательно помнить, что интерактивное преподавание – это не только общение между ним и студентами, но и **между самими студентами**, которые по очереди берут на себя функции обучающего и обучаемого.

Простой пример: проведение практических занятий по теме «Тактика задержания». Преподаватель по окончании теоретического семинара ставит задачу для самостоятельной работы: разделиться на микрогруппы по два - три человека, каждой микрогруппе продумать две ситуации (осуществление задержания с возможностью предварительной подготовки и задержание без такой возможности), составить письменный план задержания, в котором отразить все необходимые элементы, и нарисовать схему места проведения задержания с указанием расположения участвующих сил и задействованных средств. На следующем занятии каждая микрогруппа осуществляет презентацию выполненного задания: на доске рисуется схема, до коллег – остальных студентов учебной группы доводится содержание придуманной во время самостоятельной работы ситуации, требующей проведения задержания, и план его осуществления. После представления выполненного задания проводится его защита. Каждый из присутствующих в аудитории студентов обязан задать минимум один вопрос презентующим, либо высказать свое мнение по существу проведенного задержания, при этом упор делается на доброжелательные, но критические замечания. Данная тема находится примерно по середине курса, поэтому студенты, уже не раз участвовавшие в организованных таким образом занятиях, готовы к тому, что от них требуется, не ждут напоминаний со стороны преподавателя и практически сразу начинают высказывать свое мнение, отстаивать свою позицию, попутно зарабатывая плюсы и баллы, которые ко времени этой темы уже перестают быть для многих из них самоцелью. Излишне говорить, что процесс защиты превращается в жаркую дискуссию, поскольку: а) тема занятия очень интересная (особенно для молодежи); б) вопросы осуществления задержания являются реальными, так как напрямую связаны с работой будущих полицейских. Этот фактор является, несомненно, важнейшим, обеспечивающим их активное участие и облегчающим работу преподавателя, (хотя, при большом желании и достаточном педагогическом мастерстве, можно с неменьшим успехом организовать в подготовленной к такого рода занятиям полицейской аудитории и дискуссию на тему «из жизни бабочек»); в) важность темы определяется наличием риска для жизни и здоровья задерживающих полицейских и окружающих посторонних лиц в случае вооруженного сопротивления задерживаемого (задерживаемых); г) проблемность темы и самого занятия заложена в возможности «миллиона» различных ситуаций, в которых необходимо осуществить данное следственное действие и в многообразии применяемых приемов и

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

средств задержания. Разумеется, оценивается не только сама защита, но и участие в дискуссии остальных членов учебной группы.

Не менее благодатными являются и остальные темы данного раздела криминалистики, например, темы «тактика обыска», «тактика следственного эксперимента», в которых задействуются имеющиеся криминалистические полигоны «квартира» и «кафе». При практическом освоении первой из названных тем студенты, разделившись на три - четыре подгруппы по 4 – 5 человек, по очереди подготавливают легенду и место для проведения обыска, выступая в роли обыскиваемого (обыскиваемых) и членов его семьи, друзей или соучастников. Роль преподавателя в данном случае корректно подсказать студентам – обыскиваемым возможные формы поведения при обыске, в том числе как лучше спровоцировать обыскивающих на неправильные действия, сводящие на нет доказательственное значение проведенного обыска, как лучше спрятать набор подлежащих отысканию предметов, как отвлечь внимание обыскивающих от тайников. Остальные студенты, разделившись на подгруппы, услышав от «подозреваемых» подготовленную фабулу, продумывают вопрос о наличии правового основания проведения обыска, составляют план, в котором указываются: а) порядок подготовки к обыску, этапы и стадии его проведения, начиная с описания вариантов возможного проникновения на обыскиваемый объект; б) участвующие лица с определением их задач и функций (в том числе учитывается и половая принадлежность обыскиваемых), в) меры по обеспечению безопасности участвующих и присутствующих при обыске лиц, а также способы нейтрализации возможных провокаций со стороны подозреваемых; г) необходимое материально-техническое обеспечение для обнаружения возможных тайников, фиксации и изъятия отыскиваемых объектов, обеспечения их сохранности при транспортировке. После завершения подготовки осуществляется практический обыск, в процессе которого одна группа студентов играет роль преступников, а другая – роль участников оперативно-следственной группы. Здесь хотелось бы отметить, что преступников играют, как правило, с явным удовольствием (даже с некоторым наслаждением). Очевидно потому, что в каждом человеке с самого рождения имеются «в зародыше» не только положительные, но и отрицательные стороны. Все мы, выражаясь образно, не полностью «белые и пушистые». Не говоря уже о том, что большинство людей в душе артисты. В процессе проведения обыска осуществляется видеозапись и фотографирование. Подгруппа (подгруппы) студентов непосредственно не задействованные в данный момент в осуществлении обыска выполняют функции наблюдателей. В их обязанности входит тщательная фиксация всех сильных, а главное – всех слабых сторон проведения наблюдаемого следственного действия. По окончании обыска и соблюдения всех процессуальных формальностей преподаватель организует дискуссию – анализ проведенного обыска и просмотр сделанной видеозаписи. Свои мнения высказывают по очереди: участники оперативно-следственной группы, наблюдатели, обыскиваемые, преподаватель. Мнение студентов, игравших роль обыскиваемых, обычно выслушивается с очень большим вниманием, поскольку они видели проводимый в отношении их обыск как бы изнутри, можно сказать чувствовали его, так как находились «в шкуре подозреваемых» и поэтому им были нагляднее промахи студентов - работников полиции. Задача же преподавателя состоит не в навязывании своего мнения и своего способа действий при проведении обыска, а в корректной, поначалу даже мягкой критике допущенных будущими работниками полиции ошибок с обязательным аргументированием своей позиции. Эта форма поведения педагога приводит к тому, что после проведения повторного и третьего обыска другими подгруппами студентов, участники дискуссии – учащиеся также начинают вести себя подобным образом, оттачивая варианты межличностного общения и навыки аргументации своей точки зрения.

Темы «Тактика следственного эксперимента», «Тактика проверки показаний на месте» и иные темы криминалистической тактики проводятся по аналогичным,

оправдавшим себя схемам, сочетающим в себе такие формы итерактивного преподавания как ролевая игра и дискуссия.

Преподавание криминалистической методики

Заключительная, но, пожалуй, основная часть криминалистики – методика расследования отдельных видов преступлений (криминалистическая методика). Она является объединяющей, т.к. именно в ней находят свое отражение результаты изучения студентами криминалистической техники и тактики. Суть данного раздела криминалистики в том, что в реальности не существует расследования преступления «вообще», так же как в жизни в реальном саду растут реальные груши, яблони и т.п., а не абстрактные деревья. Правоохранительным органам приходится расследовать совершенные кражи, убийства, изнасилования, мошенничества, факты контрабанды и т.д. Объяснив во вводной лекции задачи изучения криминалистической методики, ее основные термины и определения, преподаватель нацеливает студентов на решение конкретных задач – фабул как в аудитории, так и, большей частью, во время самостоятельной работы. Успешной такая форма организации работы студентов, когда основное внимание уделяется их самостоятельной подготовке, будет лишь при обеспечении ее максимальной проблемности, поисковой направленности и системности. Ведь с точки зрения философии образования, самостоятельная работа – это, ни что иное, как «процесс использования человеком своего разума для организации собственного опыта в определенную систему, которая помогала бы ему упорядочить свои отношения с реальностью и в то же время сделать эти отношения глубоко индивидуальными» (9, 156). Иными словами, разум человека начинает работать лишь при появлении какой-либо проблемы (вот почему, в частности, просмотр телевизионных передач приносит человеку больше вреда, чем пользы, даже при всей их информативности). В нашем случае такой проблемой служит наличие совершенного, пусть и виртуально, преступления, которое необходимо раскрыть, т.е. установить подозреваемого, и расследовать, т.е. определить все элементы состава преступления. При изучении криминалистической методики эффект достигается путем создания преподавателем неоднозначных (сложных, конфликтных) следственных ситуаций, которые предполагают альтернативные подходы и находят свое выражение в построении розыскных и следственных версий, а также в поиске алгоритмов расследования преступлений.

Предлагаемые слушателям для самостоятельной работы как в аудитории, так и вне ее, ситуации - задания, требуют нахождения единственного правильного ответа или осуществления выбора преимущественного решения из реально существующих или теоретически возможных. Они обуславливают необходимость построения для этого общих и частных версий, различных по своему содержанию и направленности. Эти факторы, а также наличие различных вариантов проведения следственных действий, их последовательности и комбинации приводят студентов, выполняющих данные задания в состоянии затруднения, преодолеваемого с помощью целенаправленной поисковой деятельности. При этом, наряду с решением вопросов, непосредственно связанных с изучением криминалистической методики и криминалистики в целом, студенты одновременно развивают в себе способности самостоятельного творческого (продуктивного) мышления. К этому их просто принуждает так называемый «задачный метод», не позволяющий обходиться чисто репродуктивными навыками. Приобретаемые таким образом учащимися знания, умения и навыки имеют прочный, креативный характер, так как опираются на необходимость применять их к конкретным следственным ситуациям. А, как известно, необходимость – лучший учитель.

Интерактивность при рассмотрении положений криминалистической методики достигается двумя основными путями: 1) поскольку основной формой организации преподавания данного раздела является постановка ситуативных задач, то пассивное

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

поведение отрицается изначально, так как обучаемому (в отличие от учащегося) решить задачи по расследованию различных реальных преступлений невозможно – простое зазубривание материала и иные формы репродуктивного мышления здесь не проходят; 2) полученные студентами результаты, в зависимости от вида заданий, проверяются в аудитории в форме представлений, групповых и индивидуальных презентаций и выступлений.

С подготовленным вариантом самостоятельно выполненного (решенного) задания заслушиваются не менее трех - четырех студентов. Процессу обсуждения предложенных вариантов должен быть присущ коллективный характер, в котором, по возможности, принимают участие большинство из присутствующих на занятии студентов. Преподаватель, координируя ход дискуссии, добивается от слушателей обязательного изложения своих доводов, в том числе с использованием ссылок на конкретные правовые нормы, например статьи уголовно-процессуального закона и иные проверенные (проверяемые) источники информации. Обязательность юридического обоснования заставляет студентов занимать активную позицию и, тем самым, у них постепенно, можно сказать помимо их воли, нарабатывается навык аргументирования, умение и, что особенно важно, желание, а в идеале - и потребность отстаивать свою точку зрения. Иждивенческие настроения поначалу нейтрализуются, уменьшаются, а затем и ликвидируются вовсе. Процесс обсуждения результатов самостоятельного «расследования» предложенного преподавателем совершенного преступления представляет собой индивидуально-коллективное исследование, в котором, при непосредственном, но ненавязчивом руководстве преподавателя, соблюдаются требования и принципы объективности, всесторонности, полноты, а главное – активности и целеустремленности. Оно логично дополняет работу, проделанную студентами самостоятельно при домашней подготовке к занятию. При появлении у учащихся стойких затруднений в нахождении правильного варианта решения задачи (алгоритма расследования), им следует несколько помочь: подсказать как сформулировать проблему иным образом, разделить вопрос, вызвавший затруднение, на подвопросы и, тем самым, найти верный, поэтапный или поэтапный, метод решения поставленной задачи, прийти к единственно правильному ответу либо к альтернативным вариантам решения данной задачи или иного по типу и направленности задания. Студентам предлагается указывать все возможные, на их взгляд, пути исследования проблемы, заключенной в вопросе или в условиях задачи по раскрытию и расследованию преступления, а также различные варианты обоснования принимаемых технических и тактических решений на первоначальном, последующем и заключительном этапах расследования.

В ходе коллективного обсуждения, которое, как говорят, «по определению» не может не быть интерактивным, преподаватель обращает внимание студентов на степень правильности ответов на предложенные задачи, на примененные способы и методы их решения, а также на взаимодействие членов подгрупп между собой, т.е. на отработку ими навыков интерактивного общения. При этом необходимо постоянно ориентировать студентов на практические последствия, практическое значение соответствующего метода или непосредственно самого решения предлагаемой задачи. Это осуществляется посредством обращения к фактическим обстоятельствам и условиям, в которых был применен тот или иной метод, способ или операция, и на достигнутые благодаря этому позитивные результаты.

Дискуссия по каждой следственной задаче, так же как это было и при рассмотрении вопросов предыдущего раздела криминалистики (криминалистической тактики), должна заканчиваться конкретным заключением – обобщением, в котором преподаватель делает анализ и дает оценку полученных результатов, примененных студентами методов, их научной и методической обоснованности. Обращается внимание на подготовленность, а особенно на элементы неподготовленности аудитории и отдельных слушателей к решению поставленных задач, на активность (неактивность)

подгрупп, степень владения студентами учебным материалом, использование общеюридической и специальной криминалистической терминологии и иные моменты. Если преступления расследовались не индивидуально, а в составе микрогрупп по 2 – 3 человека, то дается оценка деятельности каждой из заслушанных групп. Преподаватель нацеливает слушателей на более глубокую проработку вопросов, вызвавших наибольшие затруднения, подсказывает при необходимости более рациональные методы работы в составе микрогрупп и индивидуально, а также ориентирует на дополнительные источники информации, которые по какой-либо причине остались без внимания студентов при выполнении предыдущих заданий во время самостоятельной работы. Это могут быть, в частности, новые статьи, заметки и иная информация в периодической печати, появившиеся недавно или просто ненайденные слушателями интернетовские адреса и т.п.

Непосредственному решению задач по расследованию преступлений предшествует этап подготовительной работы со стороны преподавателя и студентов. Так, чтобы процесс решения проходил более рационально, желательно с самого начала приучить студентов тщательно подходить к анализу предлагаемой задачи. Как и в математике, так и в решении правовых, криминалистических задач присутствует алгоритм, который имеет методологическое значение, затрагивая глубинные основы процесса познания. Причем процесс его нахождения сам по себе чрезвычайно интересен и полезен и требует от студентов решения не одного десятка задач одного и различных типов. Следует обратить внимание на выработку умения выделять в следственной задаче самое существенное – ее структуру, содержание и вопросы. Преподаватель перед началом непосредственного решения задач по расследованию преступлений или выполнения иных заданий убеждается в достаточной подготовленности к этому студентов. С этой целью одному - двум из них предлагается кратко проанализировать условие (содержание) конкретной задачи, вытекающие из него требования, используемую в задаче терминологию и наличие связи с ранее изученным материалом как по криминалистике, так и по иным учебным дисциплинам, в первую очередь, по уголовному праву и уголовному процессу.

Слушателям объясняется, что в ходе расследования следует определить юридическое значение каждого факта, упомянутого в задаче, сформулировать более детальные вопросы, в частности о правах и обязанностях участников уголовно-правовых отношений, об обоснованности (необоснованности) их требований, например права на неприкосновенность жилища, транспортного средства или иной частной собственности при решении вопроса о проведении осмотра, обыска или выемки интересующих следствие объектов (предметов, документов), о допустимых тактических приемах допроса свидетеля, подозреваемого и т.д. Весьма полезно предложить студентам попробовать себя в роли выразителя интересов одной, а затем другой стороны в юридических правоотношениях, в частности при разрешении конкретной конфликтной ситуации при осмотре места происшествия, обыске помещения или освидетельствовании живого лица.

Одним из основных источников развития для слушателей, впрочем как и для всех остальных дееспособных членов общества, является осмысленный повседневный опыт, в том числе по осуществлению интерактивного общения. При этом материал конкретных следственных ситуаций всегда имеет значение, поскольку необходимо связан с собственными ценностями и целями самих студентов. Роль преподавателя в данном случае состоит в том, чтобы, как более опытному, информированному и подготовленному коллеге, научить студентов видеть в отдельно взятых практических ситуациях общее, закономерно повторяющееся, уметь и желать выразить свое отношение, свою позицию по тем или иным правовым и чисто криминалистическим вопросам. Вовлекая студента в интерактивную учебную деятельность проблемного характера, преподаватель способствует созданию наиболее благоприятных условий для формирования у будущего специалиста таких необходимых и разнообразных личностных качеств и умений, как творческая любознательность и активность, целеустремленность, самостоятельность,

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

умение быстро думать, находить необходимую информацию и принимать обоснованные решения, дискутировать, отстаивать свою точку зрения и, в то же время, способность прислушиваться к мнению коллег и делать правильные выводы, относящиеся к сути явлений и отношений. Разумеется, в данном случае речь идет не только о криминалистике.

Интерактивное преподавание способно преодолеть многие проблемы, которые не в состоянии была решить традиционная система организации учебного процесса и, в первую очередь, возбудить в студентах любознательность, поставить перед необходимостью совершать активные когнитивные и практические действия для разрешения возникших затруднений, самостоятельного добывания недостающих знаний и отработки умений и навыков.

ЛИТЕРАТУРА

1. COLLINS, Mildred. Students into Teachers. Experiences of Probationers in Schools. London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1969, 8 p.
2. СТАТКУС, В. Некоторые проблемы подготовки специалистов по раскрытию и расследованию преступлений. *Вестник криминалистики*. Вып.1. Москва, 2000.
3. ЯБЛОКОВ, Н. Проблемы подготовки криминалистов. *Криминалистика социалистических стран*. Под ред. КОЛДИНА, В. Москва: Юрид. лит., 1986, 512 с.
4. БАХИН, В.; МАШОШИН, Ю. Дидактика в криминалистике. *Raksti. XI*. Rīga: LPA, 2004.
5. ВОЛЧЕЦКАЯ, Т. Ситуационный подход в обучении криминалистике. *Вестник криминалистики*. Москва. Вып.1, 2000.
6. ФОПЕЛЬ, К. Эффективный воркшоп. *Динамическое обучение*. Пер. с нем. Москва, Генезис, 2003, 362 с. .
7. МАШОШИН, Ю. Студент юридического вуза как субъект учебного процесса. *Raksti. X*, Rīga, LPA, 2003.
8. Izglītība un zinātne. *Latvijas nacionālā bagātība*. Latvijas inteliģences XXXI konferences Latvijas Zinātņu akadēmijā materiāli. Rīga: Latvijas inteliģences apvienība, 2000, 124 lpp.
9. ГУСИНСКИЙ, Э.; ТУРЧАНИНОВА, Ю. Введение в философию образования. Москва: Логос. 2003, 248 с.

Jurij Mashoshin

The Police Academy of Latvia

THE INTERACTIVE TRAINING METHOD OF CRIMINAL SCIENCE

Summary

The main objective of this article is to show the usage of the interactive training method in criminal science. First of all, the tasks and characteristics of the main criminal science components such as technique, tactic and methodology is described from the training process perspective.

In authors opinion, the traditional training methods does not satisfy the main goal of high school which are to train students a creative thinking, interactive communication and ongoing desire to enhance and develop the knowledge in the area.

The author of the article is suggesting various options of interactive training, which could be used in the creative training process not only criminal science, but other disciplines as well.

KEY WORDS criminal science, teaching, training, interactive method, deduction, students, presentation, tactics, investigation of crime.

Ingēra Tomme

The Police Academy of Latvia

E-mail: tomme@navigators.lv

SAC LEARNER PROFILE AS A MEANS FOR DEVELOPING STUDENTS' STUDY SKILLS IN CONSTRUCTIVIST LEARNING ENVIRONMENT

This article reviews tenets underlying constructivist view on learning and its adoption to foreign language learning for professional purposes. A Learner Profile for purposeful, conscious and active learning construction for effective further language and study skills acquisition has been proposed. The article includes criteria for the evaluation of students' self-regulated (conducted) study skills.

KEY WORDS: *constructivism, Learner Profile, self-regulated (conducted) study skills.*

Introduction

Research in the field of foreign language acquisition continues highlighting the active nature of learning a language and stresses the importance of learning to learn. Self-regulated (conducted) learning has become a major theme in educational research, especially in the field of adult education for professional usage.

While teaching English at the Police Academy of Latvia, it has become apparent that most of students are unaware of their learning processes and target-oriented selection of effective language learning strategies.

The aim of this research is to address the issue of development of students' study skills within the most current psychology of learning – constructivism. Through the application of Learner Profile, the author attempts to show how constructivist views on learning can contribute to the growth and development of learning: how learners can acquire their ability to develop, reflect upon, and refine their own language learning.

The methods of the research:

- Theoretical analysis of methodological, psychological and pedagogical literature.
- Observation of students' study.

The subject of the research: students' study skills.

The research was carried out at the Police Academy of Latvia in the period of March-April, 2005 during the 2nd semester.

Learning how to learn and the Common European Framework

According to the Common European Framework (7, 11), the general competences of an individual comprise:

knowledge – declarative knowledge resulting from experience and from more formal learning;

skills and know-how – which depend more on procedures than on declarative knowledge;

existential competence – "the sum of the individual characteristic, personality traits and attitudes which concern, for example, self-image and one's view of others and willingness to engage with other people in social interaction";

ability to learn – which "mobilises existential competence, declarative knowledge and skills, and draws on various types of competence".

Savoir-apprendre is the ability to observe and participate in new experiences and to incorporate new knowledge into existing knowledge, modifying the latter where necessary. Language learning abilities are developed in the course of the experience of learning. They enable the learner to deal more effectively and independently with new language learning

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

---

challenges, to see which options exist and to make better use of opportunities. Ability to learn has several components, such as language and communication awareness; general phonetic skills; study skills; and heuristic skills (7, 106).

The European Framework notes five ways in which "learners may be expected to develop their study skills and their acceptance of responsibility for their own learning:

simply as a 'spin-off' from language learning and teaching, without any special planning or provision;

by progressively transferring responsibility for learning from the teacher to the pupils/students and encouraging them to reflect on their learning and to share this experience with other learners;

by systematically raising the learners' awareness of the learning/teaching processes in which they are participating;

by engaging learners as participants in experimentation with different methodological options;

by getting learners to recognise their own cognitive style and to develop their own learning strategies accordingly (7, 149).

Learning as active construction of meaning in Constructivist Learning Environment

The most current psychology of learning constructivism stems from two major trends:

- 1) cognitive view that students actively construct their ways of knowing by restoring coherence to the worlds of their personal experience (cognitive theorists Piaget, Bruner, Dewey) (12; 6; 8);
- 2) the socially and culturally situated nature of activity (the sociohistorical work of Vygotsky, activity theorist Leontiev) (16;17).

Constructivists view learning as an action in which the learner is an active subject of this process, constructor of his/her knowledge. Knowledge cannot be taught but only learned (i.e., constructed) through the learner's activity. Learning is seen as the result of his or her own self-initiated (or initiated by a teacher) interaction with the objects: the learner's understanding grows during a constant interplay between something outside him/herself – the general environment, and something inside him/herself, his or her concept-forming, his mind. It is constructing process which involves actively seeking meaning from events. Personal knowledge of the world is organised into associational networks or schemata – built up and modified on the basis of experience. Prior knowledge plays a significant role in this process of construction, in problem solving and in learning.

In the theory and practice of constructivism learning means reorganization and restructuring of experience rather than the gradual internalisation or discovery of predetermined knowledge. Similarly, language learning does not simply consist in the internalisation of a given set of structures and forms. Each learner constructs his or her own version of the target language and the process of learning is the one in which the required language itself is potentially reconstructed. Learners are responsible for their own learning.

Designers of constructivist learning environments stress the following pedagogical goals (4; 14):

1. Provide experience with the knowledge construction process. Students take primary responsibility for determining the topics or subtopics in a domain they pursue, the methods of how to learn, and the strategies or methods for solving problems. The role of the teacher is to facilitate this process.
2. Encourage ownership and voice in the learning process. This illustrates the student-centeredness of constructivist learning. Rather than the teacher determining what students will learn, students play a strong role in identifying their issues and directions, as well as their goals and objectives. In this framework, the teacher acts as a consultant who helps students frame their learning objectives.

3. Embed learning in social experience. Intellectual development is significantly influenced through social interactions. Thus, learning should reflect collaboration between both teachers and students, and students and students.

4. Encourage self-awareness of the knowledge construction process. A key outcome of constructivist learning is knowing how we know. It is the students' ability to explain why or how they solved a problem in a certain way; to analyze their construction of knowledge and processes. Brent et al. [4] call this "reflexivity", and extension of metacognitive and reflective activities.

This article discusses the ways to achieve these goals by examining constructivist learning environment in self-access centre making use of Learner Profile as a means for students' study skills development. The author of the article first describes the aims and application of SAC Learner Profile, then proposes criteria for evaluation of students' study skills in the light of the pedagogical goals noted above.

The author brings forward a hypothesis that students acquire study skills better in a self-access centre and out of it if they purposefully construct their learning by making use of the Learner Profile and the criteria for self-regulated (conducted) learning.

SAC Learner Profile

Learner Profile for self-access centre (SAC) can be defined as a collection of information relating to an individual learner. Here the learner can write what he or she is able to do well and what they need to improve. They must remember to keep this profile up to date.

From a pedagogical point of view, the Learner Profile is a tool designed to stimulate learners to think about their learning by making it visible, and on this basis to make it easier for them to take their own initiatives.

The aims of creating the Learner Profile are primarily to ensure learners use the SAC in a way that is of most benefit to their learning. Learning refers to the acquisition of English primarily for professional study and related work purposes. In the context of the SAC the learning process is independent of direct teacher input though a teacher will have a role to play as an adviser and counsellor to learners.

There are two major goals in creating profile of self-access learners. The first is to establish the needs and wants of the learners and the second is to monitor progress. These goals are relevant for self-access learners and teachers.

The Learner Profile is to be used by a teacher as a tool to facilitate the guiding and advising process and to therefore ensure that the SAC can be exploited by the learner in a manner that is of maximum benefit to the learner.

- A Learner Profile must be user friendly, the property of the learners.
- It must provide opportunity for and support reflection on both the content learned and the learning process.

Before students can work independently of the teacher, they have to learn how to learn. Learning how to learn is a matter firstly of developing knowledge about learning processes and about oneself as a learner, secondly of planning learning, and thirdly of discovering and then using appropriate and preferred strategies to achieve the objectives. The student have to acquire the knowledge about language learning, know about their own language learning styles and preferences and be encouraged to diversify those preferences. It is helpful for students to know what their sense preferences are, so they can take advantage of their natural learning style and possibly to learn how to activate the senses they do not use so readily. The more senses they use when taking in information, the easier it is to learn and remember that information (15).

This knowledge is not to fit students into limited boxes but to help them to learn more effectively. If students do not know about their learning styles, it is the teacher's task to introduce them to different ways how to use their preferred learning styles in the SAC.

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

The author suggests to include a questionnaire and activities on Multiple Intelligence in Learner Profile to enable the students to recognize their learning styles and their best way of learning.

Independent learning is not learning by accident but through awareness and conscious decision-making. Worthwhile learning involves the building of new personal meanings and understanding. A meaningful activity encourages the process of making sense and fitting the new onto the old to create a new understanding. Students should be involved in an active process of making sense of creating their own understanding of the skill to learn a foreign language.

The individualization offered by self-access learning encourages learners to develop strategies they find useful. When it is allowed to learn in their favorite way, unpressured by learning environment or other factors, students often use strategies that directly reflect their preferred learning (9; 11). Different language learning strategies must be included in Learner Profile for students to try out and choose the best for them. It is essential that students are aware of a change in their experience, what is new in their knowledge and skills concerning how to learn a language.

It is more important for the students to learn how to learn independently than to remember a certain amount of terminology. If they can work successfully in the SAC they will be able to improve their language even after the compulsory course of English.

SAC Learner Profile at the Police Academy of Latvia was created to reflect the Council of Europe's concern with the development of the language learner capacity for independent language learning. It serves as a tool to promote the learner autonomy and has a pedagogic function to guide and support the learner in the process of language learning. It allows for self-assessment, facilitates the learner's involvement in planning, reflecting upon and assessing his or her learning process and progress (7).

It consists of several sections.

In ***Needs – and – wants analysis*** section students can identify what they need and want to learn as well as consider their abilities through Common European Reference Levels: global scale and self- assessment grid.

In ***Setting goals*** section students can state the goals (which reflect their needs and wants) and level of proficiency they will aim at during a specific period of time.

In ***Study plans*** section they keep the detailed plans to achieve their goals. Consider their learning objectives, activities, materials (resources), the time available, as well as achievements and evidence of accomplishment of objectives.

In ***Learning achievement*** section they record progress concerning their goals. They can use self – assessments, peer – assessments, tests, their views of their progress, their class teacher's views.

In ***Reflection*** section they write their thoughts about the learning methods, materials; reflect on the reasons for the outcome (performance) and on actual behaviour in terms of effort expended or time spent on task(s). The Consider their language ability, progress in language learning, goal setting (necessity to redefine goals to make them relevant to their needs and wants), attitude and motivation concerning their past and future.

An important goal of Learner Profile is to help students to develop skills of self regulation – to become independent. Teachers should model reflective learning throughout the learning process and support the learners in reflecting on the strategies for learning as well as what was learned (3; 10).

Students' reflection on their learning – learning, especially the process and not only its results, sequence of particular steps should become an object of reflection and analysis (2). For this reason the author suggests that criteria for self-assessment/assessment of students' self-regulated (conducted) study skills should be included in Learner Profile. If students know the criteria of evaluation of their learning, they can more easily perform successful learning.

The evaluation of learning should focus on the process of knowledge construction and the building of the awareness of such process. Therefore the emphasis is not on comparing

oneself with others, but instead of comparing one's present level of performance with previous achievements. The students should be aware of their own progress. The function of evaluation should be a self-analysis and metacognition. Thus, the student should ask and answer questions like: How well did I do? Did my particular learning skill produce more or less than I had expected? What could I have done differently? How might I apply this learning strategy to other language learning tasks? (1)

If students learn to take control of their learning, it is important that they develop an awareness of change. As students learn and develop, they change in various ways emotionally, socially and cognitively. This may take the form of an affective change, or a developing ability to accomplish something that was previously not possible. Monitoring and evaluating such changes play an important part in all learning (3; 13).

For students to evaluate their study skills the author of the article suggests to create self-assessment/assessment grid for SAC Learner Profile with following criteria:

1. Independence in planning skills

(ability to set goals and sub-goals, activate perception and knowledge of the task and the self in relationship to the task).

Students must be able to

- ✓ identify their needs and wants to learn through self-questioning activities or "Needs and – wants analysis";
- ✓ set realistic goals concerning level of proficiency;
- ✓ search memory for prior content knowledge through self-questioning activities;
- ✓ activate knowledge about various procedures and strategies for cognition (cognitive strategies);
- ✓ make schedules for studying and allocate time for different activities;
- ✓ make decisions about appropriate resources and materials necessary for completing the task;
- ✓ state personal purposes for doing the task;
- ✓ state beliefs about the importance, utility and relevance of the task;
- ✓ state personal liking and interest in the task.

2. Independence in monitoring and regulation skills

(ability to check, verify, or correct one's comprehension or performance in the course of learning; control and regulate different aspects of the self and the task).

Students must be able to

- ✓ make judgements of own learning and comprehension by asking oneself questions;
- ✓ track how well a plan is working;
- ✓ track use of how well a strategy is working;
- ✓ select and adapt other cognitive strategies for successful completion of the task;
- ✓ track how well efforts and time are used;
- ✓ track how well resources are used; the need for help;
- ✓ select and adapt strategies for managing behaviour;
- ✓ be aware of own motivation, self-doubts and then change to make them more realistic and adaptive.

3. Independence in evaluation and reflection skills

(ability to evaluate and reflect on the self and the task).

Students must be able to

- ✓ self evaluate in terms of the goals set for the task;
- ✓ make attributions to low effort or poor strategy use;
- ✓ reflect on the reasons for the outcome (performance);

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

- ✓ change attributions to have more adaptive cognitive, motivational, affective and behaviour reactions;
- ✓ make judgements about behaviours: reflections on actual behaviour in terms of effort expended and time spent on task.

The skill to learn will undergo a definite change compared to the initial level if students are able to transfer it to other situations. "Transfer" means the application of newly acquired knowledge and skills in new and different situations. The change must be durable, profound and stable, with long term effects (5). To achieve that, a consciously constructed learning process based on one's individual experience is needed.

Conclusions

SAC Learners Profile should reflect the Council of Europe's concern with:

- The development of the language learner;
- The development of the capacity for independent language learning.

SAC Learner Profile should be the property of the learner.

SAC Learner Profile should have both a pedagogic function to guide and support the learner in the process of language learning and a reporting function to record proficiency in languages.

SAC Learner Profile should be based on the Common European Framework of Reference with explicit reference to the common levels of competence.

SAC Learner Profile should encourage the learner self –assessment (which is usually combined with teacher assessment).

SAC Learner Profile should facilitate the learner's involvement in planning.

SAC Learner Profile should facilitate reflection upon the learning process.

SAC Learner Profile should facilitate reflection upon and assessment of progress.

SAC Learner Profile should include a questionnaire on Learning Styles and activities on Multiple Intelligence.

SAC Learner Profile should include different language learning strategies.

SAC Learner Profile should include a self-assessment/assessment grid with the criteria of self-regulated (conducted) study skills.

Learners need help to develop autonomy, awareness of their learning and to assess their language skills.

The teacher should ensure that the aims and the purpose of the SAC Learner Profile are understood by the learners and that they can understand the content.

REFERENCES

1. GEIDŽS, N.L.; BERLINERS, D.C. (Pedagoģiskā psiholoģija. Rīga: Zvaigzne ABC, 1998.
2. ŽOGLA, I. Didaktikas teorētiskie pamati. Rīga: RaKa, 2001.
3. BOEKARTS, M.; PINTRICH, P. Handbook of Self-Regulation. Academic Press, 2000.
4. BRENT, G. Wilson. Constructivist Learning Environments. Inc., Englewood Cliffs, New Jersey: Educational Technology Publications, 1996.
5. BRINDLEY, G. (Assessing Achievement in a Learner-Centred Curriculum. *Language Testing in the 1990s*. U.K.: Modern English Publications and the British Council, 1991.
6. BRUNER, J.S.; ANGLIN, J.M. Beyond the Information given: studies in the Psychology of Knowing. New York: Norton, 1973.
7. Council of Europe Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. Cambridge University Press. 2001.
8. DEWEY, J. Experience and Education. New York: Macmillan Publishing Company. 1938.
9. HARRIS, V. Teaching Learners How to Learn. Strategy Training in the ML Classroom. London: CILT, 1997.
10. NUNAN, D. The Learner-Centred Curriculum. Cambridge: Cambridge University, 1992.
11. OXFORD, R. Language Learning Strategies: What Every Teacher Should Know. Henley and Henley Publishers, 1990.
12. PIAGET, J.) Science of Education and the Psychology of the child. New York: Orion, 1970.
13. TUDOR, I. Learner-centredness as Language Education. Cambridge University Press, 2001.
14. TWOMEY, C. Constructivism: Theory, Perspectives, and Practice. Teachers College Columbia University: New York and London, 1996.
15. WENDEN, A. Learner Strategies for Learner Autonomy. U.K.: Prentice Hall International, 1991.
16. ВЬГОТСКИЙ, Л.С. Развитие высших психических функций. Москва, 1960.
17. ЛЕОНТЬЕВ, А.Н. Деятельность, сознание, личность. Москва, 1977.

Ингера Томме

Латвийская Полицейская Академия

**«ДНЕВНИК СТУДЕНТА» КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ УМЕНИЙ УЧИТЬСЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ТЕОРИИ КОНСТРУКТИВИЗМА**

Резюме

В данной статье рассматриваются основные положения истории конструктивизма на развитие умений студентов изучать иностранный язык в рамках профессиональной программы. Автор предлагает "дневник студента" как эффективное средство для развития умений студентов учиться, в частности, изучать иностранный язык в вузе. Автор разработал критерии, по которым студенты смогут оценивать свои достижения в развитии умений учиться.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: конструктивизм, умение учиться (самообучение), «дневник студента» – метод.

Янина Зинченко

Белорусский государственный университет

Эл. почта: yanina_zinchenko@mail333.com

ОБУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ В РАМКАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В КЛАССИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В статье представлено описание подходов к обучению политической коммуникации на иностранном языке в рамках курса иностранного языка (немецкого) для студентов-международников. Автор называет этапы обучения, определяет учебные цели, задачи, раскрывает значение текстов СМИ в качестве учебного материала, обосновывает выбор методологии. В статье приводятся примеры, взятые из опыта работы со студентами-международниками БГУ. Автор рассматривает статью в качестве повода для дальнейшей дискуссии о преподавании политической коммуникации на иностранном языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая коммуникация, коммуникативные стратегии, стратегии обучения, жанр, тексты СМИ, моделирование, дискурс, диалог, полилог.*

«Прогресс в изучении языка определяется способностью учащегося участвовать в реальной коммуникативной деятельности и пользоваться коммуникативными стратегиями» (1,59). Обучение политической коммуникации на иностранном языке в узких специальных целях, например, для студентов-международников, имеет свои особенности. В данной статье представлено видение автором процесса обучения политической коммуникации на иностранном языке. В статье мы приводим результаты двухгодичного опыта работы с немецкими текстами средств массовой информации (газеты, журналы, Интернет-порталы), а также описываем свои идеи и подходы к преподаванию курса «Политической коммуникации на немецком языке», которые лягут в основу учебной программы обучения современному немецкому языку на факультете международных отношений.

В первую очередь необходимо назвать те цели преподавания, которые мы ставим перед собой: научить студентов распознавать коммуникативные стратегии; разработать систему обучения навыкам эффективного порождения текстов в процессе коммуникации с опорой на умение моделировать коммуникативные стратегии. Конечным результатом обучения мы видим развитие навыка ведения любого диалога, используемого в политической коммуникации, будь то дискуссия либо дебаты, а также навык произнесения речей и написания текстов для СМИ. Нашим учебным материалом являются тексты печатных и электронных СМИ общественно-политической направленности, а также речи политических и общественных деятелей (письменные и устные): интервью, беседы и ток-шоу, новости, отчеты, комментарии, репортажи, речи. Письменные жанры, которым мы обучаем, также имеют диалогическую (полилогическую) направленность – диалектическое или линейное эссе. Особое внимание мы хотели бы обратить на тот факт, что мы проводим обучение политической коммуникации через обучение работе с текстами СМИ. Такой подход к обучению политической коммуникации мы объясняем тем, что, во-первых, СМИ играют важнейшую роль в политической коммуникации. Во-вторых, широкое использование текстов печатных и электронных СМИ в обучении политической коммуникации на иностранном языке для студентов неязыковых и нежурналистских специальностей имеет огромное значение и причин тому несколько: актуальность и доступность источников, повышение языковой компетенции (живой язык),

общеобразовательной компетенции (развитие аналитических навыков и навыков самообучения) (9;140).

Основные положения (рамочные условия). Обучение политической коммуникации, с точки зрения постановки дидактических целей, циклический характер (позаэтапное или модульное обучение) и подразделяется на подготовительный этап, когда целью является развитие аналитических навыков, продвинутый этап – этап осознанной имитации (моделирование текстов по заданным схемам), и, этап творческий – самостоятельное порождение текстов. Обучение навыкам эффективной коммуникации на иностранном языке разделяется на обучение чтению, письму, говорению (монологическая, диалогическая речь) и аудированию. На каждом из этапов разрешаются специфические задачи, усложняются виды устной и письменной речевой деятельности.

На подготовительном этапе, в процессе обучения, в первую очередь, студентов обучают методикам работы с **содержанием, структурой и языком текстов**. Анализ содержания для нас – анализ предметно-ориентированной, субъектно-ориентированной, а также короткой информации. Структурный анализ – это анализ жанровых конструкций и композиционных, а языковой анализ – анализ стилистических, грамматических, синтаксических и лексических средств передачи оценки, аргументации и т.п., в том числе, анализ коммуникативного воздействия текста в целом. Умение анализировать позволяет снять первичные трудности **системного** освоения печатных и электронных (телености) текстов. Под системным освоением мы подразумеваем анализ текста как единства структуры, содержания, языка. Данный этап важен для нас еще и потому, что основным видом деятельности здесь является устное и письменное реферирование, о чем мы пишем более подробно в разделе «Дидактическое значение текстов СМИ на занятиях по иностранному языку».

Продвинутый этап - обучение созданию текстов по строго заданным схемам, когда предъявляются определенные требования и критерии оценки (контроля) к структуре порождаемого текста, содержанию и языку. Студенты должны уметь создавать тексты стиля прессы и публицистики информационного и аналитического жанра, а также освоить ораторский подстиль официально-делового стиля. (Мы пользуемся терминологией, принятой в русскоязычной традиции. Прим. автора).

Творческий этап - умение самостоятельно моделировать индивидуальный стиль общения на иностранном языке: студент способен участвовать в реальной иноязычной коммуникативной деятельности и умеет пользоваться коммуникативными стратегиями в своих коммуникативных целях.

Дидактическое значение текстов СМИ на занятиях по иностранному языку

В процессе работы с текстами средств массовой информации мы выделяем следующие аспекты: (1) обучение написанию эссе на общественно-политическую тематику (развитие письменной речи); (2) аналитическое реферирование и комментирование газетно-журнальных статей общественно-политического содержания (развитие монологической речи); (3) ведение дискуссий и диспутов на общественно-политическую тематику (развитие навыков ведения диалога и полилога); (4) работа с телевизионными информационно-аналитическими программами (развитие навыка восприятия иноязычной речи).

Работа с текстами СМИ рассматривается нами как основной этап обучения политической коммуникации на иностранном языке. Его целью является **формирования навыков понимания иноязычного (немецкого) неадаптированного текста информационно-аналитических жанров, анализа содержащейся в них информации, а также профессионального двустороннего комментирования, аннотирования и реферирования на иностранном языке**. В практическом смысле - это изучение структуры, содержания и языка. А именно, изучение текстов прессы и телевидения (возможно радио) информационно-аналитического жанра с применением

комплексного подхода: структура – содержание – язык. Здесь основным учебным материалом являются тексты печатных и электронных СМИ: краткие информационные сообщения (Meldung) и новость (Nachricht), документальное сообщение (Feature) и репортаж (Reportage), комментарий (Kommentar), интервью (Interview). Причина тому – доступность газет, журналов, в том числе их Интернет-версий. Наряду с печатными источниками мы активно используем электронные: телевизионные новости, например, канал Евроньюс (EuroNews), а также телевизионные ток-шоу.

Для начала, мы хотели бы описать те **требования**, которые мы предъявляем к студентам в рамках учебной программы обучения современному иностранному языку, (Программа находится в стадии разработки. Примечание автора). Данные требования охватывают аспект обучения политической коммуникации: студент должен распознавать на слух блоки аргументов¹ подтверждающих точку зрения и опровергающих ее; студент должен уметь определять и вычленять основную и дополнительную информацию, содержащуюся в текстах; студент должен понимать логику изложенного в тексте авторского мнения; студент должен уметь свободно и грамотно выражать свою точку зрения по заданной проблематике; студент должен уметь давать оценку событиям и фактам (комментировать); студент должен уметь формулировать вопросы, а также отвечать на поставленные вопросы – вести интервью и быть в роли интервьюируемого; студент должен уметь свободно вести беседу (с одним и более участниками) на любую тему, касающуюся тем мировой политики и жизни общества; студент должен уметь эффективно участвовать в дискуссиях, дебатах, полемике, прениях и других разговорных жанрах, используемых в общественно-политической коммуникации; студент должен уметь определять коммуникативные цели автора и целевые группы (получателей); студент должен уметь декодировать коммуникативные стратегии оппонента и, как следствие, строить свою речь и поведение согласно выбранной стратегии; студент должен уметь произносить публичные речи студент должен уметь подробно, логично и последовательно выражать свои мысли в сочинении - эссе (диалектическом и убеждающем); студент должен уметь освещать в докладах сложные проблемы; студент должен знать и уметь использовать функциональный стиль, соответствующий адресату или группам адресатов. Исходя из вышеназванных требований, мы объединили их в учебные цели, которые разбили на стратегические группы обучения: обучение студентов **критическому восприятию, объективному анализу и аргументации**. Кроме обучения речевому поведению, мы рассматриваем нижеследующие цели обучения более широко. Для нас – это не только речевое поведение, но и стратегии обучения политической коммуникации на иностранном языке.

Критическое восприятие – умение противостоять манипулятивному воздействию любого текста средств массовой информации. В этой связи, мы различаем следующие задачи: **развитие навыков распознавания скрытых и явных коммуникативных целей автора, развитие навыков определения стратегий речевого поведения путем применения дискурсных методик; развитие навыков критического чтения, прослушивания и просмотра информационно-аналитических текстов**. Важным фактором в данном случае является знание о существовании множества точек зрения и многообразии интерпретаций информации, плюрализма мнений, на формирование которых влияют журналисты, телеканалы, газеты, журналы и информационные агентства. Руководствуясь принципом уважения чужого мнения, студенты в процессе обучения приобретают навыки критического восприятия чужого слова, навык распознавания коммуникативных целей автора.

---

¹ Данное разделение является условным и основано автором на общепринятом разделении аргументов на «Pro» и «Contra». (Примечание автора)

Например, новости (Nachrichten) только на первый взгляд кажутся нейтральными текстами. Однако, анализ содержания дополнительной информации, которая подается в последнюю очередь, может служить показателем позиции, которую представляет канал, либо газет и т.п. к событиям, что позволяет говорить об опосредованном коммуникативном воздействии на читателя (зрителя) посредством новостей. Критический подход при прочтении, просмотре или прослушивании прямой путь к формированию своей позиции в отношении описываемых событий, либо того, как они описаны.

Работа с другими текстовыми жанрами более интересна, так как репортажи, интервью, документальные сообщения, эссе это авторские тексты. Персонафицированное авторство (как правило, в газетах и журналах перед, либо после статьи редакция помещает портрет и краткие сведения об авторах), что позволяет читателю получить основную информацию об авторе. Практическое значение для занятий это имеет при формировании субъективного мнения о представленной в статье позиции автора. Вывод – оценка, либо критика мнения автора имеет значение в том случае, когда студент реферировать статьи разной жанровой направленности, с учетом закодированной в них информацией не только о событиях в чистом виде, но и о взаимоотношениях субъекта, предмета и кортежа.

Для того, чтобы составить объективное представление о тексте. На наш взгляд, ключевым моментом обучения становится **обучение анализу**. Обучение анализу включает следующие задачи: развитие навыков декодирования языка текста любого жанра в соотношении с его структурой и содержанием; развитие навыков выявления значимого содержания путем применения различного типа дискурс-методик, например, идентификативно-интерпретативного (номинативного) анализа, системного (анализа кода), линейного (нарративного), и т.д.; развитие навыков устного реферирования и комментирования текстов различных жанров с учетом их структурных, языковых и содержательных особенностей.

В качестве иллюстрации приведем пример с новостями. Например, говоря о структуре текста необходимо указывать на отличительные признаки: размер текста, композицию, оформление, каким образом подается информация. Текст новостей (Nachricht), как правило, состоит из 10-30 строк, имеет заголовок и подзаголовок, основная информация подается в начале, в первом абзаце, второстепенная или дополнительная в последующих. Знание данных фактов позволяет студентам при работе над статьей правильно определять, какая информация имеет первоочередное значение и, где ее необходимо искать, сокращать информационные сообщения, не нанося ущерб содержанию. Языковые признаки: нейтрально окрашенная лексика, наличие отглагольных существительных, наличие сложных грамматических форм и структур, например: сложные предложения, распространенное определение (das erweiterte Attribut) вместо придаточных определительных, пассив, широкое применение косвенной речи, соответственно конъюнктива, наличие конструкций с инфинитивом. Основные признаки, присущие содержанию новостей: названия организаций и официальных лиц, обязательное указание источников информации, различные данные, описание событий и фактов. При реферировании информационного сообщения знание структуры снимает трудности при формулировании темы сообщения (Что? Кто? Где? Когда? Зачем?), определяет структуру пересказа статьи. Цикл упражнений выстроен таким образом, чтобы научить студентов выявлять лингвистические особенности текстов СМИ на грамматическом, семантическом и стилистическом уровнях; изучить тексты СМИ в их функционально-коммуникативном, прагматическом и когнитивном аспектах; составлять план реферирования.

Обучение приемам аргументации эффективной коммуникации – обучение формулам ведения дискуссий, бесед и т.п., представление субъективного мнения с целью достижения определенного коммуникативного эффекта, развитие навыков

письменного создания информационных сообщений, комментариев, в том числе написание эссе (линейного и диалектического). Стратегически, обучение аргументации имеет ключевое значение для работы с текстами СМИ. Во-первых, аргументация – основа диалогических и монологических жанров, где сила убеждения ценится выше всего, например, в дискуссиях, дебатах, научных диспутах, переговорах. Во-вторых, подбор аргументов и построение аргументационных цепочек (утверждение – обоснование – пример – вывод) являются частью обучения написанию эссе. В-третьих, развитие навыка постановки цели для достижения коммуникативного эффекта (которое должно стать умением на творческом этапе) является основной задачей в процессе обучения созданию текстов общественно-политической направленности. Обучение аргументации и эффективной коммуникации является составной частью обучения восприятию иностранной речи, чтению, говорению и письму.

Дидактическое значение текстов публичных выступлений на занятиях по иностранному языку. Студент, освоивший язык средств массовой информации, как это было описано выше, владеет достаточным багажом знаний и навыков для работы с публичными речами и ток-шоу, которые мы выделяем как учебный материал на творческом этапе. Наряду с уже определенными стратегическими целями обучения на этом этапе, нам бы хотелось выделить **две дополнительные цели** обучения в работе с политическими речами и ток-шоу на занятиях по немецкому языку: осознание условий политической речевой деятельности и освоение языка политики. В отличие от работы с текстами средств массовой информации, где порождение текстов носит точечный характер – например, порождение текста с целью убедить, – мы рассматриваем данный этап как процесс обучения целостному построению стратегии речевого поведения. **Под целостным построением стратегии мы имеем в виду выбор коммуникативной стратегии в тех или иных учебных условиях, выбор средств ее достижения и подчинение своего речевого и невербального поведения выбранной стратегии.** В работе с публичными речами и ток-шоу сохраняется принцип цикличности, а результатом является умение выстраивать индивидуальную стратегию поведения на иностранном языке.

Обоснование выбора методологии. Публикации в прессе, телевизионные новости, общественно-политические ток-шоу и политические речи как единицы речи, тексты, представляют собой картины мира в языковом выражении. Изучение этих текстов предполагает пошаговое знакомство с понятием политического дискурса, освоение методик дискурс-анализа, развивается умение работать с дискурс-категориями. Таким образом, студент приобретает необходимые знания и умения, которые помогут ему осознанно использовать коммуникативные стратегии. Механизм функционирования которых включает, во-первых, сопричастные элементы содержания: (1) внелингвистические: (а) психологические (инициальные, речеповеденческие, иерархические); (б) логические (гносеологические, структурные); (в) тематические (семиологические, референтные); и (2) собственно лингвистические: (а) языковые (системные), (б) речевые (линейные) и (в) речедетельностные (риторические). Во-вторых, знание о том, как эти элементы соотносятся между собой в речетворчестве (текстопорождении и текстовосприятии), а также, возможно, и знание контекста их функционирования (вербального и невербального) с учетом национальной, профессиональной, возрастной, гендерной и прочей социально-ориентированной специфики и, соответственно, знание субъектной и объектной ситуации общения. В процессе разрешения частных учебных задач для построения системы упражнений работы с текстами мы используем сопоставительный метод, так как в работе используются и русскоязычные источники, и каузально-генетическую теорию, которая рассматривает текст как взаимодействие картин мира и речевого поведения с учетом вербализации каждой из них (2; 39-51).

Использование сопоставительного анализа, так как он описан у Esser и Pfetsch (12) позволяет сравнить две различные политические культуры коммуникации на материале двух языков (немецкого и русского), что имеет значение на любом этапе обучения. В первую очередь, потому, что мы обучаем политической коммуникации на немецком как иностранном языке, что подразумевает такой вид речевой посреднической деятельности, как перевод. Данная тема, однако, достойна отдельного изучения и, поэтому не является целью нашей статьи, и, мы хотели бы лишь упомянуть об этом.

Использование дискурс – методик (4; 69-70) позволяют эффективно обучать двуязычному реферированию и комментированию с учетом языковых, содержательных и жанровых особенностей текста. Расширение поля обучения работы с аутентичными текстами прессы и телевидения до использования дискурс-методик позволяет научить студента пользоваться информацией, понимать ее, уметь интерпретировать (читать между строк), а также понимать оппонента и уметь противостоять в дискуссиях.

Основные выводы. В заключение хотелось бы отметить, что владение несколькими иностранными языками считается сегодня не только признаком хорошего тона, но и жизненной необходимостью. В условиях глобализации и все возрастающей роли международных организаций в мировой политике данное условие приобретает особое значение для будущих дипломатов, политиков и общественных деятелей. К сожалению, хорошее знание иностранного языка - это не обязательно умение эффективно общаться на иностранном языке. Мы не исключаем грамотность, так как это одна из составляющих успешной коммуникации, но мы хотим сместить акцент в обучении на развитие умений правильно распоряжаться этой грамотностью. В этой связи, мы видим необходимость отметить, что преподавание языка политической коммуникации на иностранном языке должно выходить за рамки изучения только языка, либо обучение приемам аргументации. Преподавание политической коммуникации на иностранном языке – междисциплинарный аспект, так как находится на стыке лингвистики, социологии и политической коммуникации. Здесь мы видим ряд преимуществ, о которых упоминали выше – развитие навыков критического анализа, освоение приемов аргументации и ведения любого общественного диалога, знание коммуникативных стратегий, приобретение дополнительных навыков самообучения и т.д. Выделяя обучение политической коммуникации на иностранном языке в качестве отдельного аспекта, позволяет разработать более эффективную систему изучения и обучения коммуникативного поведения на иностранном языке. Это также позволит скорректировать цели обучения, более четко определить задачи обучения и требования, разработать систему контроля и упражнений, позволит по-новому взглянуть на занятие по иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. Московский государственный лингвистический университет (русская версия), 2003. Совет Европы (французская и английская версии), 2001.
2. Методология исследования политического дискурса. *Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов*. Выпуск 1/под общей редакцией УХВАНОВОЙ-ШМЫГОВОЙ, И. Минск, 1998, 283 с.
3. Методология исследования политического дискурса. *Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов*. Выпуск 3/Под общей редакцией УХВАНОВОЙ-ШМЫГОВОЙ, И. Минск, 2002, 360 с.
4. УХВАНОВА-ШМЫГОВА, И. Дискурсные методики в социологическом исследовании. *Учебно-методический комплекс для студентов факультета философии и социальных наук БГУ*. Минск: БГУ, 2003, 191 с.

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS

---

5. УХВАНОВА-ШМЫГОВА, И. *План содержания текста газеты: стратегия выбора*. Учебное пособие для студентов факультета журналистики по спецкурсу «Газета как единое целое: новые подходы в выработке содержательной концепции газеты». Минск, Белгосуниверситет, 1994, 53 с.
6. МАКАРОВ, А.; ТРОФИМОВА, З.; ВЯЗОВСКИЙ, В.; ГАФАРОВА, Ю. Учебно-методический комплекс: модульная технология разработки. *Учебно-методическое пособие*. Минск: РИВШ БГУ, 2001, 118 с.
7. REDEN IST SILBER. Schweigen ist Schrott: Handbuch zur Öffentlichkeitsarbeit. Münster: Votum Verlag, 1996.
8. PLAKE, KLAUS. Talkshows: die Industrialisierung der Kommunikation. Darmstadt: Primus. Verlag, 1999.
9. ESSER, F.; BARBARA, P. Politische Kommunikation im internationalen Vergleich. Westdeutscher Verlag, 2003.
10. ЗИНЧЕНКО, Я. Роль и значение текстов печатных и электронных СМИ в обучении политической коммуникации на иностранном языке. Журналистика. 2004. *Материалы 6-й международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию факультета журналистики*. Вып.6. Минск., 2004, 389 с.

Yanina Zinchenka

Belarusian State University

BASIC APPROACHES TO TEACHING POLITICAL COMMUNICATION IN FOREIGN LANGUAGE IN FRAME OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES FOR SPECIAL PURPOSES AT THE CLASSIC UNIVERSITY

Summary

The article represents the description of teaching approaches to Political Communication in Foreign Language in frame of the Program of Foreign Languages (German) for students studying International Relations at the Belarusian State University (Minsk). The author describes general frames, defines phases of the learning process, and puts aims and objectives as well as the importance of the Mass Media texts as learning materials, gives methodological base. There are working examples related to the practice. The author thinks that this article could be a good reason to open further debates about teaching political communication in foreign languages.

KEYWORDS: political communication, communicative strategies, learning strategies, genre, dialog, polilog, texts of the Mass Media, modeling, discourse.

III. DIDAKTIKOS BENDROS PROBLEMOS
